И. С. Продан.

РУБРИКА XI
Отдѣлъ
№ 559

ПОЗНАНІЕ

И ЕГО ОБЪЕКТЪ.

(ОПРАВДАНІЕ ЗДРАВАГО СМЫСЛА).

Часть I-я.

БИБЛІОТЕКА

ИНВЕНТАРЬ
Лит.
№

ХАРЬКОВЪ.
1913.

2007044463

Всесоюзная
БИБЛИОТЕКА
имени
В. И. ЛЕНИНА

23650-41

Типографія „МИРНЫЙ ТРУДЪ", Харьковъ, Дѣвичья улица, д. № 14-й.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Длиненъ и извилистъ путь къ истинному міропониманію. По немъ уже много тысячелѣтій идетъ человѣчество, по немъ смѣло шагаютъ милліоны обыкновенныхъ смертныхъ, не задумываясь о немъ; между тѣмъ иные философы новѣйшаго времени *ищутъ* его на противоположныхъ концахъ горизонта въ чащѣ лѣса, ими же посѣяннаго и выращеннаго. Блуждая въ этой чащѣ, эти философы перекликаются другъ съ другомъ новыми словами, полугреческаго, полулатинскаго происхожденія, непонятными остальнымъ разумнымъ обитателямъ земли. Человѣчество съ незапамятныхъ временъ пользуется множествомъ знаній о природѣ и о самомъ человѣкѣ; выдающіеся умы постоянно открываютъ *новыя* истины, улучшающія тѣлесное и духовное благополучіе человѣка: а философы убѣжденно спорятъ и по сей день о томъ, *что такое истина, гдѣ ее надо искать, какой путь ведетъ къ ней.* Многіе философы въ своихъ разсужденіяхъ сомнѣваются, а иные даже отрицаютъ возможность добраться до безусловной и конечной истины. Особенно настойчиво отрицается возможность разрѣшить тѣ вопросы, которыми болѣе всего волнуются чуткія сердца и пытливые умы. Это—тѣ вѣчные вопросы, которые всегда остаются новыми: откуда получилъ начало нашъ міръ съ его *разумными* обитателями; каково назначеніе человѣка, и существуетъ ли оно вообще; въ чемъ состоитъ истинное

счастье, и осуществимо ли оно на землѣ; что ожидаетъ насъ послѣ смерти? Эти вопросы, по увѣренію нѣкоторыхъ философовъ, *неразрѣшимы* человѣческимъ умомъ, по крайней мѣрѣ—научно; отвѣты на нихъ—самообманъ. Такъ думаютъ среди прочихъ и приверженцы Кантовой „Критики чистаго разума".

Другіе философы не отрицаютъ возможности добраться до разрѣшенія и этихъ вопросовъ, иные изъ нихъ даже даютъ отвѣты на эти вопросы: но эти отвѣты опираются на такіе аргументы и на такія теоріи знанія, которыя идутъ наперекоръ здравому смыслу; ихъ теоріи затуманиваютъ и самую истину, и даже путь, ведущій къ ней. Тѣмъ не менѣе такія теоріи и по сей день съ жаромъ проповѣдуются съ университетскихъ каѳедръ, и—не какъ гипотезы, а какъ несомнѣнныя истины. Учащіеся, разумѣется, не постигаютъ этихъ „истинъ", нѣкоторые легковѣрные именно потому такую философію считаютъ глубокомысленной; но большинство не вѣритъ такой философіи, считая все непонятое однимъ вздоромъ. Между тѣмъ не все то вздорно, чего мы не понимаемъ: иногда плохой защитникъ истины можетъ ее провалить передъ слушателями.

Эти вѣчные вопросы, дѣйствительно, не разрѣшимы *научно,* пока философы еще спорятъ о томъ, что такое истина, и какой путь ведетъ къ ней, а равно—объ источникахъ, о предѣлахъ и о самомъ предметѣ знанія. Несомнѣнно, что до южнаго полюса нельзя было добраться съ преодолѣніемъ всѣхъ трудностей, не зная или не вѣря, что онъ *существуетъ.* Затѣмъ нужно было знать, что къ нему *возможно* добраться человѣку. Такъ и въ философіи. Прежде, чѣмъ разрѣшать послѣдніе и труднѣйшіе вопросы метафизики, нужно быть увѣреннымъ, что они *разрѣшимы,* и что

путь къ этому разрѣшенію *доступенъ* человѣческому разуму. Но этого мало. Нужно еще отыскать и самые *пути,* которые могутъ повести къ удовлетворительному разрѣшенію этихъ вопросовъ. Если же философъ или любитель мудрости, согласно съ Кантомъ или инымъ скептикомъ, заранѣе увѣренъ, что попытки разрѣшать эти вопросы *напрасны,* что даваемые на нихъ отвѣты—одинъ *самообманъ;* то разумѣется, онъ не сдѣлаетъ даже подобной попытки, онъ останется на точкѣ зрѣнія *скептицизма.*

Этимъ фактомъ и объясняется безразличіе къ этимъ вопросамъ даже у философовъ послѣдняго времени, а равно и та „Обломовщина" въ практической жизни, которая не такъ давно овладѣвала благороднѣйшими натурами нашего отечества. Безъ вѣры въ цѣлесообразность жизни, безъ вѣры въ совершенствованіе человѣчества и въ его идеалы, вся жизнь можетъ показаться „пустой и глупой шуткой" (Лермонтовъ). Тогда становится понятной и пошлая мораль „эпикуреизма", и восточный пессимистическій фатализмъ. Послѣдній наглядно изображенъ въ извѣстной арабской притчѣ. Отъ взбѣсившагося въ пустынѣ верблюда скрылся путникъ въ колодезь, ухватившись за кустикъ ежевики, который тамъ выросъ. Оглядѣвшись кругомъ себя, онъ замѣчаетъ на днѣ колодезя страшнаго дракона съ раскрытой пастью, а внизу куста, у его корней двѣ мыши—бѣлая и черная — старательно хлопочутъ, подгрызая корни. Видя себя окруженнымъ со всѣхъ сторонъ опасностями, угрожающими его жизни, путникъ сталъ услаждаться ягодками ежевики, которыя срывалъ съ куста по одной. Такова мораль восточнаго фатализма! Съ ней вполнѣ сходится и современный пошлый „эпикуреизмъ". Оправданіемъ этого мнимаго эпику-

реизма (мало похожаго на ученіе Эпикура) можетъ служить та же притча. Драконъ съ раскрытой пастью—неизбѣжная смерть; двѣ мыши—черная и бѣлая—день и ночь, приближающія насъ къ смерти. Взбѣшенный верблюдъ—это болѣзни и опасности жизни. Поэтому будто остается только одно: срывать ягодки и наслаждаться ими, пока не наступитъ роковая развязка. При такой морали, ни признающей ни разумныхъ цѣлей въ жизни, ни серіозныхъ *обязанностей* къ семьѣ, обществу и человѣчеству, неизбѣжно въ концѣ концовъ *полное разочарованіе* и крайній *пессимизмъ;* а таковой часто ведетъ къ самому противоестественному и самому печальному явленію въ жизни—къ самоубійству! Все это уже неоднократно подтверждалось исторіей [1]).

Подобная же болѣзнь разочарованія и пессимизма, какъ послѣдствіе погони за наслажденіями, овладѣла и нашей современной молодежью. Причинъ тому есть

[1]) Еще въ глубокой древности это доказано Киренской школой, основанной жизнерадостнымъ, но не глубокимъ философомъ Аристиппомъ. Этотъ ловкій эллинъ умѣлъ приноравливаться ко всякимъ обстоятельствамъ, умѣлъ „носить и порфиру, и рубище“; онъ-то и провозгласилъ удовольствіе (преимущественно тѣлесное) руководящимъ началомъ человѣческой жизни. Однако уже черезъ нѣсколько поколѣній руководитель той же Киренской школы—*Игисій* (Гегезій) дошелъ до крайняго пессимизма: „счастіе, по его ученію, вообще невозможно; тѣло исполнено множества страданій, душа страдаетъ вмѣстѣ съ тѣломъ и потрясается этимъ; а судьба не осуществляетъ множества ожидаемыхъ благъ: поэтому счастье въ дѣйствительности не существуетъ... Неразумному жизнь полезна, а разумному безразлична. Мудрецъ все дѣлаетъ ради себя самого... Онъ не столько будетъ гнаться за благами, сколько будетъ избѣгать золъ“. (См. *Diogenes Laërtios,* De vitis philos, lib. II, cap. 18).

Пессимистическія лекціи Игисія доводили его слушателей до отчаянія и самоубійства, вслѣдствіе чего онъ получилъ прозвище πεισιθάνατος, т. е. проповѣдника смерти. Узнавъ объ этомъ, египетскій царь Птолемей запретилъ ему читать свои лекціи. (*Cicero,* Tuscul. disput. lib. I. cap. XXXIV. § 83 et 84). Таковы послѣдствія гедонизма выставляющаго удовольствіе цѣлью жизни.

много въ нашей современной жизни; но главная причина кроется *въ неправильномъ пониманіи жизни:* почти всѣ, принадлежащіе къ такъ называемому „интеллигентному“ обществу, думаютъ, будто цѣлью жизни есть удовольствіе. На самомъ дѣлѣ, удовольствіе есть одна приманка къ жизни и къ исполненію высшихъ обязанностей, высшаго назначенія человѣчества. Самое удовольствіе мимолетно, а путь къ нему длиненъ и не всегда безопасенъ. Жизнь не можетъ состоять изъ однихъ удовольствій: страданія неизбѣжны. Еще Гереклитъ за 24 вѣка до насъ сказалъ: „Болѣзнію дѣлается здоровье пріятнымъ и полезнымъ, голодомъ—сытость, трудомъ—отдыхъ[1]). Погоня за наслажденіями, если она успѣшна, вызываетъ пресыщеніе и неизбѣжное разочарованіе. Послѣдняго не чужды были и наши геніальные поэты Пушкинъ и Лермонтовъ.

„Мы пьемъ изъ чаши бытія
Съ закрытыми очами,
Златые омочивъ края
Своими же слезами.

Когда же передъ смертью съ глазъ
Завязка упадаетъ,
И все, что обольщало насъ,
Съ завязкой исчезаетъ:

Тогда мы видимъ, что пуста
Была златая чаша,
Что въ ней напитокъ былъ—мечта,
И что она не наша“.

(Лермонтовъ).

То же, но еще рѣзче высказываетъ Пушкинъ:

„Даръ случайный, даръ напрасный,
Жизнь, зачѣмъ ты намъ дана?“

[1]) *Fragmenta philos. graec.* ed. Mullach, Heraclitus, 47.

Вѣрящій въ высшее назначеніе человѣчества никогда не дойдетъ до подобнаго разочарованія и не удовлетворится пошлой гедонической моралью: сущность человѣка состоитъ не въ томъ, что у него есть общаго съ животными и звѣрями, а въ томъ, чѣмъ онъ отъ нихъ *отличается*. При гедонической морали человѣчество скоро озвѣрѣло бы, и человѣческія сообщества, гарантирующія даже личную безопасность и благополучіе гедоника и эпикурейца, быстро распались бы; о высшихъ духовныхъ наслажденіяхъ и благахъ тогда и думать не пришлось бы [1])!

Къ счастью, прирожденный здравый смыслъ человѣка беретъ верхъ надъ заблужденіями и уродствами, надъ крайностями слишкомъ одностороннихъ философовъ. Поэтому полезно раскрыть и оправдать этотъ *инстинктивный* и *безсознательный* здравый смыслъ, который, очевидно, созданъ вмѣстѣ съ человѣческимъ умомъ, слѣдовательно—до появленія перваго человѣка: до законовъ этого здраваго смысла и теперь еще добираются не всѣ проницательные мыслители. Теоретическое оправданіе здраваго смысла можетъ благотворно отразиться и на практической дѣятельности просвѣщенныхъ людей. Если они будутъ увѣрены, что наша жизнь въ общемъ *разумно* устроена, что она имѣетъ *разумную цѣль*, которой мы можемъ и не знать: то они будутъ дорожить своей жизнію не только ради ея мимолетныхъ наслажденій, но и ради общаго благополучія и счастья, ради исполненія своего *долга* и *призванія!* Въ исполненіи своего долга и призванія они обрѣтутъ неизсякаемый источникъ истиннаго блаженства: тогда

[1]) И ученіе стоиковъ перваго *періода* ихъ школы доводило до пессимизма и самоубійства: „если нельзя достичь совершенства въ добродѣтели и въ жизни, то не стóитъ и жить". Нѣкоторые изъ стоиковъ на старости лѣтъ лишали себя жизни.

они будутъ чувствовать потребность направлять свои стремленія и дѣйствія къ возвышеннымъ идеаламъ!

Мое изслѣдованіе изобличаетъ несостоятельность новѣйшаго *скептицизма* всѣхъ наименованій, а въ особенности Канта, который въ своей Критикѣ чистаго разума идетъ дальше древнихъ скептиковъ. Скептическія ученія и у насъ пустили *глубокіе корни*, въ особенности среди образованныхъ слоевъ общества. Кантова Критика чистаго разума за послѣднее время удостоилась нѣсколькихъ переводовъ и изданій. Раньше Канта русское просвѣщенное общество увлекалось позитивизмомъ Огюста Конта и Джона Ст. Милля, а также агностицизмомъ Герберта Спенсера. Всѣ эти ученія въ большей или меньшей степени исповѣдуютъ философскій скептицизмъ, который такъ мѣтко охарактеризовалъ еще Гёте устами своего Мефистофеля:

„Ученаго въ вашихъ словахъ узнаю господина!
Чего вы не схватите, призракъ то иль чертовщина;
Чего вы ощупать не можете, то не дѣйствительно;
Чего не сочтете, по вашему, не убѣдительно;
Чего вы не взвѣсите, вѣса у васъ не имѣетъ;
Чего не чеканите, цѣнностью вамъ не довлѣетъ“ [1]).

Такъ какъ у насъ и среди широкихъ круговъ уже давно пробужденъ интересъ къ философіи, то я рѣшился предназначить свое изслѣдованіе о познаніи не только для десятка спеціалистовъ и для неподвижнаго лежанія на полкѣ библіотечнаго шкафа, но и для *чтенія* образованной публики.

[1]) *Goethe*, Faust, II Th. 2 Scene, Mephistopheles:
„Daran erkenn'ich den gelehrten Herrn!
Was ihr nicht tastet, steht euch meilenfern;
Was ihr nicht fasst, das fehlt euch ganz und gar;
Was ihr nicht rechnet, glaubt ihr, sei nicht wahr;
Was ihr nicht wägt, hat für euch kein Gewicht;
Was ihr nicht münzt, das, meint ihr, gelte nicht“.

Моя книга опоздала своимъ появленіемъ. Она обѣщана мною уже давно: матеріалъ къ ней у меня уже давно былъ заготовленъ; но потеря значительной части его и другія неблагопріятныя обстоятельства затормозили появленіе моей книги до нынѣшняго года. Эти обстоятельства, связанныя съ моей преподавательской дѣятельностью въ университетѣ и на высшихъ женскихъ курсахъ, неблагопріятно отразились даже на редакціи моего изслѣдованія. Послѣднія главы, самыя трудныя, вышли не такими, какими я желалъ ихъ видѣть: мнѣ пришлось многое пропустить, а самая редакція ихъ не вылежалась достаточное время. Однако я все же надѣюсь, что спеціалисты, не зараженные предвзятыми мнѣніями и ученіями, въ общемъ отнесутся справедливо къ моему изслѣдованію: надѣюсь, что они обратятъ вниманіе на фактическую сторону и въ особенности на *методъ* изслѣдованія, который до сихъ поръ только у англичанъ и шотландцевъ примѣнялся съ успѣхомъ. Надѣюсь, что недочеты и пробѣлы моей работы не заслонятъ ея положительныхъ сторонъ. Относительно моихъ новшествъ я не могу расчитывать, что они сразу будутъ приняты спеціалистами; но они, во всякомъ случаѣ, могутъ „пробудить отъ догматическаго сна".

Зато не пощадятъ меня тѣ спеціалисты, ученія которыхъ я *разбиваю*, и въ особенности кантіанцы: „qui certis quibusdam destinatisque sententiis additi et consecrati sunt... etiam quae non probare solent, ea coguntur constantiae causa defendere"[1]). И развѣ можно требовать отъ человѣка, хотя бы онъ былъ даже философомъ, чтобы онъ по прочтеніи одной книги

[1]) *Cicero*, Tuscul. disput. lib II, cap. 5, § 5. „Тѣ, которые какъ бы отдались въ рабство и посвятились нѣкоторымъ опредѣленнымъ предвзятымъ мнѣніямъ, бываютъ принуждены ради послѣдовательности защищать то, чего обыкновенно не доказываютъ".

оставилъ свои вѣрованія и ученія, которыя онъ съ жаромъ проповѣдывалъ съ каѳедры четверть вѣка, выдавая ихъ за истину или высшее откровеніе! [1]).

Болѣе благосклоннаго пріема я ожидаю отъ *любителей* философіи: я надѣюсь, что большинство изъ нихъ прочтетъ мою книгу до конца, за исключеніемъ, быть можетъ, V-ой, II-ой и IV-ой главъ: эти главы интереснѣе для филологовъ и психологовъ, чѣмъ для любителей философіи, т. е. метафизики. Зато преподаватели русскаго языка, а равно и иностранныхъ, заинтересуются V-ой главой больше, чѣмъ остальными: въ ней они найдутъ новую *классификацію* словъ и новыя *опредѣленія „частей рѣчи"*; и то, и другое добыто мною на основаніи моихъ изслѣдованій природы сужденія и критическаго разбора взглядовъ самыхъ выдающихся лингвистовъ, нашихъ и нѣмецкихъ.

Но и между любителями философіи найдутся такіе, которымъ не понравится моя книга. Инымъ она можетъ показаться недостаточно глубокомысленной: въ ней отсутствуетъ тотъ особенный туманъ, свойственный нѣмецкимъ философамъ, и та мудреная латинская терминологія, которая удерживаетъ отъ философіи „profanum vulgus". (Horatii carm. III. 1). Неглубокой найдутъ мою философію въ особенности тѣ любители, которые приходятъ въ священный трепетъ отъ изложенія Кантовой „Критики чистаго разума", отъ „Критики чистаго опыта" Авенаріуса и вообще отъ разныхъ „жупеловъ" и „страшныхъ словесъ", изготовляемыхъ по старымъ рецептамъ латинской схоластической кухни [2]). Таковымъ моя книга не

[1]) „L'homme n'est ni Ange, ni bête; et le malheur veut que qui veut faire l'Ange, fait la bête". (*Pascal*, Pensées).

[2]) Таковыхъ любителей я встрѣчалъ между молодыми „богоискателями" и между столичными курсистками, спеціально интересующимися философіей.

придется по вкусу: она написана обычнымъ общечеловѣческимъ языкомъ, въ ней вещи называются своими именами; сомнительное и неизвѣстное не выдается за несомнѣнную истину. Въ ней читатель не найдетъ ничего необыкновеннаго или прикрытаго дымкой ученой таинственности. Все изслѣдованіе опирается на несомнѣнные и *общеизвѣстные* факты, на „принципы здраваго смысла", признаваемые *всѣми,* не исключая и крайнихъ скептиковъ. Въ моемъ изслѣдованіи анализируются *обычные* познавательные процессы; на основаніи общеизвѣстныхъ фактовъ и ихъ анализовъ дѣлаются обобщенія, которыя провѣряются противоположными данными и мнѣніями. Этотъ путь длиненъ, извилистъ и даже тернистъ; но инымъ путемъ обыкновеннымъ смертнымъ невозможно добраться до метафизическихъ истинъ, обоснованныхъ *положительнымъ* знаніемъ. Кто желаетъ увидѣть истину обнаженной однимъ взмахомъ, тотъ не философъ и даже не любитель мудрости, ищущій положительнаго знанія. Тотъ пусть довольствуется *вѣрой въ авторитеты,* ему не за чѣмъ философствовать.

Еще больше сомнѣній относ. цѣнности моей книги вызоветъ мой подзаголовокъ *„оправданіе здраваго смысла"*. Неужели здравый смыслъ нуждается въ своемъ оправданіи? Неужели для этого нужно писать толстую книгу? Такъ подумаютъ либители философіи; а спеціалисты въ недоумѣніи воскликнутъ: „это—возвратъ къ „дешёвой" философіи Рида!" Быть можетъ, и возвратъ; однако этотъ „возвратъ" очень своевременный. Томасъ Ридъ, знаменитый основатель шотландской школы „здраваго смысла", почувствовалъ необходимость оправдать этотъ „здравый смыслъ" еще полтора вѣка тому назадъ; тогда еще не существовала „Критика чистаго разума" Канта, тогда еще не на-

родилось того множества философскихъ ученій и книгъ, которое теперь украшаетъ шкафы библіотекъ. Ридъ выпустилъ въ свѣтъ свое знаменитое „Изслѣдованіе относит. человѣческаго духа на началахъ *общечеловѣческаго смысла*“ еще за 17 лѣтъ до перваго появленія нѣмецкаго „критицизма“, т. е. Критики чистаго разума Канта [1]). Въ настоящее время оправданіе здраваго смысла несравненно болѣе необходимо. Критицизмъ Канта все еще властвуетъ на незаконномъ престолѣ, хотя послѣ него народилось множество его наслѣдниковъ—ученій и теорій познанія, которыя тоже идутъ въ разрѣзъ со „здравымъ смысломъ“. Таково напр., ученіе нѣмецкаго идеализма (въ гносеологіи); таковъ „имманентизмъ“, или „имманентная философія“ (сюда же относится и „мистическій эмпиризмъ“ Н. Лосскаго, переименованный имъ во второмъ изданіи въ „интуитивизмъ“); таковъ отчасти и французскій „позитивизмъ“, и англійскій „агностицизмъ“, и американскій „прагматизмъ“. Таковы всѣ новѣйшіе „измы“, родственные съ древнимъ скептицизмомъ. Всѣ эти ученія въ большей или меньшей степени противорѣчатъ другъ другу; а въ общемъ—здравому смыслу. По истинѣ и въ наше время не утеряло еще своего значенія извѣстное изреченіе Цицерона: „Nihil tam absurde dici potest, quod non dicatur ab aliquo philosophorum“ [2]).

Многія разногласія философовъ только кажущіяся,—вслѣдствіе различія терминологіи и неточной формулировки положеній; но разнорѣчія, во всякомъ случаѣ,—значительныя. Философы ожесточенно спорятъ, часто не понимая другъ друга. Это—настоящее

[1]) *Th. Reid,* Inquiry into the human mind on the principles of Common Sense, London, 1764.

[2]) *Cicero,* De Divinatione, II. 58. „Нельзя сказать ничего столь нелѣпаго, что не было бы сказано кѣмъ-нибудь изъ философовъ“.

философское столпотвореніе! Дѣло дошло до того, что и для спеціалистовъ оказались нужными философскіе словари, разъясняющіе значеніе терминовъ у разныхъ философовъ.

„Создатель терминовъ [illegible]
Онъ позволяетъ [illegible]
Но дать и мудрецамъ [illegible],
Чтобъ истину [illegible]“ [1]).

Продолжительное господство заблужденій не сразу и не легко искореняется; но настойчивыя усилія ведутъ наконецъ къ побѣдѣ истины и правды. Будемъ надѣяться, что и настоящій трудъ не пропадетъ даромъ.

* * *

Всякое новое сообщеніе или новое изслѣдованіе предполагаетъ у читателя и слушателя огромное множество общеизвѣстныхъ и общепризнанныхъ старыхъ знаній, по крайней мѣрѣ, знаніе языка и того, что имъ обозначается. Такія предполагаемыя знанія называются *предпосылками*; онѣ обыкновенно подразумѣваются, но безъ нихъ не возможно *никакого сообщенія*, разсужденія или даже собесѣдованія. Философы обыкновенно исходятъ изъ своихъ особыхъ предпосылокъ, выставляемыхъ ими, ихъ философско системой и не признаваемыхъ другими философами. Такихъ предпосылокъ не должно допускать въ *научномъ* изслѣдованіи, такъ какъ при таковыхъ невозможенъ обмѣнъ мыслей только съ приверженцами данной филос. школы. И мы должны исходить отъ предп

[1]) *F. Bodenstedt*, Die Lieder des Mirza-Schaffy. [illegible] Aufl. S. 30.
„Schafft Kraft [illegible]
Lässt Thorheit [illegible]
Doch giebt [illegible]
Der Weisheit [illegible]“

сылокъ, но наши предпосылки будутъ принадлежать къ такъ называемому „здравому смыслу“ Томаса Рида, основателя шотландской школы [1]). Эти предпосылки молчаливо признаются всѣми: ихъ не можетъ серіозно оспаривать ни одинъ скептикъ, если онъ ищетъ истины и не закрываетъ глазъ передъ фактами. Если же онъ ради „оригинальности“ вздумалъ бы ихъ отвергать, то этимъ самымъ онъ подписалъ бы и себѣ свой собственный смертный приговоръ. Въ такомъ случаѣ онъ отрицалъ бы всякое знаніе, въ томъ числѣ и свое утвержденіе или отрицаніе, и даже фактъ своего собственнаго существованія, какъ личности. Эти предпосылки представляютъ собою истины *самоочевидныя (self evident truths) и необходимыя условія всякаго знанія;* это будетъ доказано въ моей книгѣ. Итакъ точка отправленія въ моемъ изслѣдованіи совпадаетъ съ Ридомъ.

По содержанію мое изслѣдованіе расходится съ Ридомъ. Послѣдній ограничился въ своемъ знаменитомъ Изслѣдованіи анализами *чувственныхъ* воспріятій, въ которыхъ еще недостаточно рѣзко провелъ черту между ощущеніями и воспріятіями. Отмѣтивъ *попутно* нѣкоторые изъ „принциповъ общечеловѣческаго смысла“, Ридъ даже и не пытался проанализировать каждый изъ нихъ и *доказать,* что безъ

1) *Th. Reid,* Inquiry into the human mind on the principles of Common Sens, London 1764. Терминъ „Common Sens“ нѣмцы по почину Канта не точно перевели черезъ „gesunder Menschenverstand.“; это выраженіе затѣмъ перешло и къ намъ въ видѣ „здраваго смысла“. Кантъ въ своей Критикѣ чистаго разума иронизируетъ этотъ „здравый смыслъ“. На самомъ дѣлѣ, онъ принялъ въ свою Критику такіе же принципы общеобязательнаго знанія только прикрылъ ихъ новыми названіями: „a priori“, „категорій“, „идей разума“, „трансцендентальной апперцепціи“ и другими. Эти апріорныя формы не вѣрно поняты и примѣнены Кантомъ. (См. VII гл. наст. изслѣд.).

философское столпотвореніе! Дѣло дошло до того, что и для спеціалистовъ оказались нужными философскіе словари, разъясняющіе значеніе терминовъ у разныхъ философовъ.

„Создатель терпитъ раздвоенье—
Онъ позволяетъ лжи царить;
Но далъ и мудрости стремленье,
Чтобъ истину возстановить“ [1]),

Продолжительное господство заблужденій не сразу и не легко искореняется; но повторныя усилія ведутъ наконецъ къ побѣдѣ истины и правды. Будемъ надѣяться, что и настоящій трудъ не пропадетъ даромъ.

* * *

Всякое новое сообщеніе или новое изслѣдованіе предполагаетъ у читателя и слушателя огромное множество общеизвѣстныхъ и общепризнанныхъ старыхъ знаній, по крайней мѣрѣ—знаніе языка и того, что имъ обозначается. Такія предполагаемыя знанія называются *предпосылками;* онѣ обыкновенно подразумѣваются, но безъ нихъ *не бываетъ никакого сообщенія,* разсужденія или даже собесѣдованія. Философы обыкновенно исходятъ еще отъ особыхъ предпосылокъ, выставляемыхъ лишь ихъ философской системой и не признаваемыхъ другими философами. Такихъ предпосылокъ нельзя допускать въ *научномъ* изслѣдованіи, такъ какъ при таковыхъ возможенъ обмѣнъ мыслей только съ приверженцами данной филос. школы. И мы должны исходить отъ предпо-

[1]) *F. Bodenstedt,* Die Lieder des Mirza-Schaffy 160 Aufl. S. 30.
„Schafft Kräfte der Entzweiung,
Lässt Thorheit herschen lang,—
Doch giebt auch zur Befreiung
Der Weisheit Kraft und Drang“.

сылокъ, но наши предпосылки будутъ принадлежать къ такъ называемому „здравому смыслу“ Томаса Рида, основателя шотландской школы [1]). Эти предпосылки молчаливо признаются всѣми: ихъ не можетъ серіозно оспаривать ни одинъ скептикъ, если онъ ищетъ истины и не закрываетъ глазъ передъ фактами. Если же онъ ради „оригинальности“ вздумалъ бы ихъ отвергать, то этимъ самымъ онъ подписалъ бы и себѣ свой собственный смертный приговоръ. Въ такомъ случаѣ онъ отрицалъ бы всякое знаніе, въ томъ числѣ и свое утвержденіе или отрицаніе, и даже фактъ своего собственнаго существованія, какъ личности. Эти предпосылки представляютъ собою истины *самоочевидныя (self evident truths) и необходимыя условія всякаго знанія;* это будетъ доказано въ моей книгѣ. Итакъ точка отправленія въ моемъ изслѣдованіи совпадаетъ съ Ридомъ.

По содержанію мое изслѣдованіе расходится съ Ридомъ. Послѣдній ограничился въ своемъ знаменитомъ Изслѣдованіи анализами *чувственныхъ* воспріятій, въ которыхъ еще недостаточно рѣзко провелъ черту между ощущеніями и воспріятіями. Отмѣтивъ *попутно* нѣкоторые изъ „принциповъ общечеловѣческаго смысла“, Ридъ даже и не пытался проанализировать каждый изъ нихъ и *доказать,* что безъ

1) *Th. Reid,* Inquiry into the human mind on the principles of Common Sens, London 1764. Терминъ „Common Sens“ нѣмцы по почину Канта не точно перевели черезъ „gesunder Menschenverstand.“; это выраженіе затѣмъ перешло и къ намъ въ видѣ „здраваго смысла“. Кантъ въ своей Критикѣ чистаго разума иронизируетъ этотъ „здравый смыслъ“. На самомъ дѣлѣ, онъ принялъ въ свою Критику такіе же принципы общеобязательнаго знанія только прикрылъ ихъ новыми названіями: „a priori“, „категорій“, „идей разума“, „трансцендентальной апперцепціи“ и другими. Эти апріорныя формы не вѣрно поняты и примѣнены Кантомъ. (См. VII гл. наст. изслѣд.).

нихъ *не можетъ обойтись никакое знанiе*[1]). У Рида еще не имѣется теорiи *сужденiя,* не выяснено значенiе метафизическихъ законовъ *тожества* и *причинности;* у него даже не затронутъ вопросъ о психической *наслѣдственности* и о значенiи ея для знанiя. (Этотъ вопросъ, впрочемъ, и до сихъ поръ остался еще открытымъ). Во время Рида и психологiя, и гносеологiя еще не имѣли многихъ фактовъ, которыми мы можемъ воспользоваться въ настоящее время. Слѣдовательно отъ Рида нельзя требовать того, что возможно въ наше время.

Методъ изслѣдованiя мною примѣненъ индуктивно-аналитическiй, который примѣнялся еще Локкомъ, Беркли, Юмомъ и Ридомъ. Такъ какъ я имѣю въ виду *научно* рѣшить спорные вопросы, то и я исхожу отъ фактовъ наблюденiя, которые беру изъ разнородныхъ областей знанiя: изъ психологiи, лингвистики, филологiи, бiологiи, зоологiи и даже физики; психологическiе и гносеологическiе анализы познавательныхъ процессовъ опираются на самонаблюденiя и наблюденiя надъ психической жизнiю дитяти; каждое мое положенiе иллюстрируется конкретными примѣрами; ни одно обобщенiе не дано внѣ связи его съ фактами. Все достовѣрное мною отдѣляется отъ вѣроятнаго и возможнаго. Таковы, по крайней мѣрѣ, были мои

[1]) Заслуга Рида состоитъ въ его открытiи нѣкоторыхъ изъ этихъ принциповъ, которыми обусловлено *всякое* знанiе, включая и философiю. Самая мысль о необходимости *установленiя такихъ первыхъ принциповъ познанiя* принадлежитъ не Риду, а монаху *Бюфье,* который въ своемъ трактатѣ по логикѣ помѣстилъ весьма дѣльныя разсужденiя о первыхъ принципахъ. Объ этомъ упоминаетъ самъ Ридъ. (См.: *Th. Reid,* Analyse de la Logique d'Aristote, Oeuvres complètes, trad. par Jouffroy, tome I, pag. 210 fin). Ридъ не такъ поступалъ, какъ Кантъ: послѣднiй выставлялъ себя новымъ Коперникомъ относ. теорiи познанiя. (См. *Kant,* Prolegomena, Einl. Ausg. Reclam S. 36. Kritik d. rein. Vern. 2 Aufl. Vorrede S. 16—17). На самомъ дѣлѣ, Кантъ былъ продолжателемъ англичанъ и шотландцевъ.

искреннія *стремленія* въ отысканіи истины, которую въ наукѣ я считаю *единственной* цѣлью.

Въ своихъ изслѣдованіяхъ я не руководился никакой готовой философской теоріей или ученіемъ, а имѣлъ въ виду *дойти* до истинной теоріи; таковую нужно еще отыскать, при существующихъ разногласіяхъ даже по *основнымъ* вопросамъ гносеологіи, т. е. теоріи познанія. Такъ какъ *научное* разрѣшеніе и этой задачи не легко; то я, разумѣется, задавался цѣлью исчерпать не всю теорію познанія. Таковая обширная задача въ настоящее время не подъ силу *одному* человѣку, даже въ теченіе всей его жизни. Если до сихъ поръ специалисты спорятъ о самыхъ *основныхъ* условіяхъ познанія и даже о самомъ *предметѣ;* то развѣ мыслимо пускаться въ научное разрѣшеніе второстепенныхъ вопросовъ или же послѣднихъ вопросовъ метафизики!

„Мудрецъ въ лазури неба не витаетъ,
Чтобъ близкое тамъ отыскать;
И къ звѣздамъ руку онъ не простираетъ,
Чтобъ свой огарокъ зажигать“ [1]).

Впрочемъ, и при отсутствіи „научнаго“ разрѣшенія послѣднихъ вопросовъ метафизики, можно быть счастливымъ: достаточно быть увѣреннымъ, что они *разрѣшимы;* а пока нужно довольствоваться тѣми отвѣтами, которые на нихъ даются боговдохновенными мужами. Врожденныя человѣку познавательныя способности, его „здравый смыслъ“ въ подавляющемъ большинствѣ случаевъ не сбиваетъ его съ толку. Науки и искусства, а равно и вся соціальная жизнь попрежнему будутъ совершенствоваться,—хотя бы и съ временными задержками и отступленіями въ сторону. Между тѣмъ философы медленно и съ большимъ трудомъ будутъ открывать то одинъ, то другой—изъ

[1]) *Ф. Боденштедтъ.* Пѣсни Мирзы-Шаффи. Юрьевъ 1903, стр. 13.

законовъ человѣческаго духа, которые уже много тысячелѣтій *безсознательно* ведутъ человѣчество къ истинѣ, правдѣ и блаженству [1]).

Такъ какъ моя книга предназначена не только для спеціалистовъ по философіи, то ея планъ приноровленъ къ ея назначенію. Въ распредѣленіи фактическаго матеріала я не стѣснялся формально-логическими рамками: я имѣлъ въ виду *постепенно* вводить читателя въ лабиринтъ запутанныхъ „проблемъ“ и въ обширный фактическій матеріалъ; сложные вопросы я не сразу исчерпываю, но постепенно ввожу осложненія, памятуя правила Декарта о методѣ [2]). Такимъ образомъ читателю дана возможность разобраться и въ самыхъ фактахъ, и въ ихъ анализахъ. Поэтому мои выводы не должны показаться чѣмъ-то неожиданнымъ и *навязаннымъ* читателю на вѣру. И если въ большинствѣ случаевъ мои выводы окажутся очевидными или даже извѣстными; то моя задача достигнута, т. е. здравый смыслъ оправданъ мною. Планъ моей книги въ общемъ таковъ: 1) во введеніи установливаются необходимыя *предпосылки* здраваго смысла, признаваемыя всѣми, а ровно и *методъ* изслѣдованій [I гл.]. 2) Разсматриваются *орудія* мышленія и познанія съ критеріями истины [II—V гл.]. 3) Раскрываются *источники* познанія, при чемъ вносятся поправки и въ ученіе Локка, и въ ученія Канта и Милля [VI—VIII гл.]. 4) Разсматриваются самые *объекты* познанія — сперва чувственные, а затѣмъ сверхчувственные [IX—XI гл.]. Такой порядокъ из-

1) *Безсознательное творчество* человѣческаго духа создало на земной поверхности тысячу живыхъ языковъ человѣческихъ, которые совершеннѣе и жизнеспособнѣе, чѣмъ Esperanto, Volapuk и имъ подобные *искусственные* языки!

2) *Descartes*, Oeuvres ed. J. Simon. P. 1857, Discours de la méthode pour bien conduire sa raison, II partie, pag 12 et 13.

ложенія мнѣ кажется естественнымъ, хотя его еще не имѣли мои предшественники.

Въ виду моего плана и метода, было бы безполезно критически разбирать въ моей книгѣ разныя ученія въ ихъ совокупности, въ особенности послѣдняго истекшаго вѣка, изобилующаго школами и направленіями. *Историко-критическое* изслѣдованіе теоріи познанія не можетъ рѣшить спорныхъ вопросовъ: оно только тогда можетъ имѣть цѣну, когда авторъ и читатель стали на *одну* и ту же точку зрѣнія, когда читатель уже знакомъ съ соотвѣтственными фактами познанія по *первымъ* источникамъ [1]). Отдѣльныя заблужденія все же разбираются мною попутно. Это я считалъ обязательнымъ по отношенію къ Критикѣ чистаго разума Канта, къ логикамъ Зигварта и Милля и относ. психологіи Спенсера. Эти авторы, кромѣ Зигварта, у насъ слишкомъ распространены, чтобы съ ними можно не считаться: ихъ взгляды и термины вошли даже въ учебники средней школы. Что же касается Зигварта, то онъ, по моему мнѣнію, занимаетъ первое мѣсто въ современной логикѣ. Отдѣльныя заблужденія я старался не только раскрыть, но и исправить.

Самая критика чужихъ сужденій, если она имѣетъ въ виду истину, возможна только при хорошемъ знакомствѣ съ фактами; тогда она можетъ убѣдить и тѣхъ, которые думаютъ иначе. Въ противномъ случаѣ, она не можетъ имѣть научнаго значенія. Поэтому я старался прежде всего добыть факты, почерпнутые *изъ первыхъ источниковъ*—изъ самонаблю-

[1]) Подобную фактическую критику болѣе выдающихся ученій я предполагаю дать во II-й части моего изслѣдованія, а именно: 1) опроверженіе древнихъ скептиковъ-пирроновцевъ и новѣйшихъ, начиная съ Юма; затѣмъ, опроверженіе матеріализма 19-го вѣка и пантеизма Спинозы.

денія, изъ наблюденія надъ жизнію дитяти и изъ подобныхъ же наблюденій другихъ. Только изучая факты, можно понять заблужденія другихъ. Только изученіемъ фактовъ можно приблизиться къ истинѣ, избѣгая чужихъ заблужденій.

Въ такомъ случаѣ истина въ концѣ концовъ восторжествуетъ. „Здравый смыслъ", т. е. священный огонь, зажженый предвѣчнымъ Создателемъ въ умѣ человѣка, не можетъ быть потушенъ злобнымъ шипѣніемъ гадюки, притаившейся средь сорныхъ травъ, которыя изводитъ мудрецъ. Священный огонь не могутъ затмить и блуждающіе огоньки лжемудрецовъ, случайно мелькнувшіе среди тьмы надъ трясиной умственной лѣни и пороковъ! Блуждающіе огоньки исчезнутъ безслѣдно; а свѣтъ истины будетъ свѣтить во вѣки!

Въ заключеніе считаю своимъ пріятнѣйшимъ долгомъ поблагодарить историко-филологическій факультетъ Имп. Харьковскаго университета за предоставленіе мнѣ средствъ для напечатанія настоящаго труда. Равнымъ образомъ выражаю свою благодарность и тѣмъ профессорамъ-лингвистамъ названнаго факультета, которые указали мнѣ ученыя сочиненія по затронутому мною въ V-ой главѣ вопросу и тѣмъ сократили мнѣ мой трудъ въ отысканіи историческихъ данныхъ.

И. С. Проданъ.

Харьковъ 23 марта 1913 г.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стран.

Предисловіе. III—XX

Оглавленіе. XXI—XXVI

I. гл. Введеніе. 3—32

§ 1. Разные предметы и направленія философіи. 3

§ 2. Возникновеніе гносеологіи. 6

§ 3. Заслуга Рида 8

§ 4. Гносеологія послѣ Рида 10

§ 5. Успѣхи здраваго смысла не зависятъ отъ философіи и гносеологіи 11

§ 6. Философія и здравый смыслъ 12

§ 7. Знаніе существуетъ 13

§ 8. Существуютъ ли безусловно истинныя знанія? 15

§ 9. Основное возраженіе скептикамъ. 16

§ 10. Истина существуетъ и достижима для человѣка. 18

§ 11. Цѣль познанія 19

§ 12. Возможна ли положительная наука о знаніи, т. е. гносеологія? 20

§ 13. Методъ научной гносеологіи. 21

§ 14. Познанія не бываетъ безъ познающаго субъекта и познаваемаго объекта 23

§ 15. Значеніе рѣчи для человѣч. знанія 24

§ 16. Главное условіе развитія человѣч. знанія . 26

§ 17. Всякое знаніе, не исключая гносеологіи, возникаетъ въ сознанія мыслящаго человѣка . 28

§ 18. Провѣрка фактовъ настоящаго изслѣдованія. 30

§ 19. Единообразіе въ познаніи 31

II гл. Элементы знанія—сужденія 33—62

§ 1. Элементы познанія и мышленія. 33

§ 2. Предложеніе и сужденіе 34

§ 3. Отличіе анализа синтактическаго отъ логическаго 38

§ 4. Термины сужденія 39

Стран.
§ 5. Связка 43
§ 6. Безличныя предложенія; критика ихъ объясненія, даннаго Зигвартомъ 46
§ 7. Продолженіе 49
§ 8. Психологич. анализы простѣйшихъ безличныхъ сужденій 52
§ 9. Сущность безличныхъ предложеній 55
§ 10. Безличнымъ предложеніемъ выражается сужденіе 57
§ 11. Опредѣленіе сужденія 59
§ 12. Сужденія творческія и воспроизведенныя . . 61

III гл. Возникновеніе сужденій и ихъ оцѣнка . . . 63—102

§ 1. Психологич. анализъ простѣйшаго сужденія. 63
§ 2. Двоякій способъ образованія сужденій . . 65
§ 3. Матерія первичныхъ сужденій 68
§ 4. Осложненіе предложеній 71
§ 5. Модальность сужденій 73
§ 6. Истины необходимыя и фактическія 75
§ 7. Отрицательныя сужденія въ логикѣ Загварта 77
§ 8. Значеніе отрицанія. Гносическія сужденія . 80
§ 9. Первоначальные критеріи истины 83
§ 10. Провѣренныя свидѣтельства, какъ критерій истины 86
§ 11. Логическое основаніе, какъ критерій истины. 88
§ 12. Логическая послѣдовательность и очевидность 91
§ 13. Польза знанія, какъ критерій истины . . . 94
§ 14. Цѣнность различныхъ критеріевъ истины. . 96
§ 15. Что такое истина? 99

IV гл. Понятія 103—137

§ 1. Значеніе понятій для познанія 103
§ 2. Понятія логическія и психологическія. . . 106
§ 3. Двоякій способъ возникновенія понятій . . 108
§ 4. Совмѣстное дѣйствіе синтеза и аналица . . 111
§ 5. Познавательная цѣнность общихъ понятій . 113
§ 6. Индивидуальныя понятія 115
§ 7. Заблужденіе Зигварта относ. объема понятій. 118
§ 8. Сравнительная цѣнность формальныхъ понятій 122
§ 9. Категорія Аристотеля 124

Стран.

§ 10. Субстанція у Аристотеля 128
§ 11. Недостатки понятія субстанціи у Аристотеля . 132
§ 12. Историческое значеніе категорій Аристотеля. 134

V гл. Грамматическія категоріи 138—184

§ 1. Части рѣчи послѣ александрійскихъ грамматиковъ 138
§ 2. Объемъ и методъ настоящаго изслѣдованія . 141
§ 3. Современныя толкованія имени существительнаго 143
§ 4. Новѣйшія опредѣленія имени существительнаго 146
§ 5. Обозначеніе качествъ 149
§ 6. Отношенія, дѣйствія, состоянія 152
§ 7. Опредѣленія глагола, имени прил., нарѣчія и предлога 156
§ 8. Союзы 159
§ 9. Союзы. (Продолженіе) 162
§ 10. Опредѣленіе имени существительнаго . . . 166
§ 11. Продолженіе 170
§ 12. Мѣстоименіе и междометіе 174
§ 13. Грамматическая классификація словъ . . . 178
§ 14. Новая классификація словъ 182

VI гл. Прирожденныя способности познанія. . . . 185—226

§ 1. Планъ нашего изслѣдованія 185
§ 2. Наблюденія надъ зарождающимся познаніемъ дитяти требуютъ особой осмотрительности . 186
§ 3. Первые познавательные акты новорожденнаго дитяти 188
§ 4. Прирожденныя способности человѣка . . . 192
§ 5. Объясненіе прирожденныхъ движеній . . . 194
§ 6. Врожденность инстинктовъ 198
§ 7. Прирожденность подражанія и чувствъ . . 200
§ 8. Прирожденность способности рѣчи 203
§ 9. Прирожденныя ассоціации въ области познанія 206
§ 10. Сверхчувственные элементы познанія; понятіе величины 208
§ 11. Тожество 211
§ 12. Видоизмѣненія тожества 213
§ 13. Законосообразность и причинность 215

Стран.
§ 14. Элементы понятія „причина" 218
§ 15. Пространство и время 220
§ 16. „Чистый опытъ" и сенсуализмъ 221

VII гл. Апріорность Канта и психическая наслѣдственность 227—275

§ 1. Одни чувственныя впечатлѣнія не могутъ дать знанія 227
§ 2. „Чистый опытъ" и a priori Канта 229
§ 3. Апріорны ли пространство и время? 233
§ 4. Заблужденія Канта относ. его категорій . . 235
§ 5. Гносеологическое значеніе „тожества" . . . 239
§ 6. Гносеологическое значеніе категорій Канта . 242
§ 7. Безплодность категоріи „причинность" у Канта 245
§ 8. Возникновеніе понятія „причинность" . . . 248
§ 9. Категоріи „единства" и „модальности" . . . 251
§ 10. „Синтетическія основоположенія чистаго ума" 253
§ 11. Источники критицизма Канта 257
§ 12. Апріорность Канта и врожденность 260
§ 13. Біологическое объясненіе апріорности . . . 262
§ 14. Продолженіе 264
§ 15. Біологическія объясненія психической наслѣдственности 265
§ 16. Возраженія неовитализма. 267
§ 17. Гипотеза о психическихъ субстратахъ. . . 269
§ 18, Количественное различіе унаслѣдованныхъ способностей 273

VIII гл. Причинность. 276—317

§ 1. Существуютъ ли матеріальныя вещи? . . . 276
§ 2. Основное условіе познанія природы и матеріальныхъ вещей 278
§ 3. „Вещи въ себѣ" Канта. 280
§ 4. Анализъ конкретнаго примѣра. Выводы . . 283
§ 5. 125-ти-лѣтняя полемика съ Кантомъ . . . 286
§ 6. Причинность и логическая обусловленность. 288
§ 7. Толкованія причинности у Милля 291
§ 8. Примѣры Милля 293
§ 9. Отрицательное условіе. 296

Стран.
§ 10. Причина и условіе 300
§ 11. Причина болѣе извѣстна, чѣмъ условія . . 302
§ 12. Опредѣленія дѣйствующей причины и условія 305
§ 13. Два вида реальной причинности 306
§ 14. Познаніе причинъ и субстанцій невозможно a priori, безъ изученія фактовъ 309
§ 15. Причины обыкновенно познаются на основаніи ихъ дѣйствій 311
§ 16. Единообразіе въ природѣ и основанныя на немъ гносическія понятія 314

IX гл. Познаніе физическихъ предметовъ. 318—377

§ 1. Познаемъ ли мы вещи или только свои переживанія сознанія 318
§ 2. Воспріятія и образы воображенія и памяти. 320
§ 3. Вещи не познаются одними чувствами. . . 322
§ 4. Что такое вещь? 324
§ 5. Почему мы такъ легко и безошибочно воспринимаемъ дѣйствительность? 327
§ 6. Различная достовѣрность чувственныхъ воспріятій 329
§ 7. Скепсисъ Декарта относ. свидѣтельства чувствъ 331
§ 8. Возраженія Декарту. 333
§ 9. Отличіе сновидѣній отъ воспріятій дѣйствительности 335
§ 10. Отличіе грезъ отъ сновидѣній и воспріятій . 339
§ 11. Отличіе воспоминаній отъ грезъ; гипотеза идеализма 341
§ 12. Возраженіе Берклееву идеализму 344
§ 13. Возраженіе имманентной философіи. . . . 347
§ 14. Доказательство Локка относ. реальности внѣшнихъ вещей . , ... 350
§ 15. Примѣты реальности воспріятій у Спенсера. 353
§ 16. Выводы Спенсера 357
§ 17. Возраженія на выводы Спенсера 359
§ 18. „Полная дифференціація субъекта и объекта". 362
§ 19. Различеніе своего тѣла отъ остальнаго міра . 366
§ 20. Неосновательное возраженіе „интуитивизма" . 370
§ 21. Выводы 375

Стран.

X гл. Познаніе сверхчувственнаго 378—425
§ 1. Познаніе матеріи. 378
§ 2. Познаніе силъ природы 380
§ 3. Познаніе законовъ природы. 383
§ 4. Матеріализмъ 385
§ 5. Теорія Ч. Дарвина 389
§ 6. Приспособляемость организмовъ 392
§ 7. Измѣнчивость видовъ не объяснима одними внѣшними условіями 396
§ 8. Уродства не объяснимы дарвиновой теоріей 399
§ 9. Мутаціи Дэ-Фриза доказываютъ творческую силу зародышей 401
§ 10. Равномѣрная послѣдовательн. жизн. формъ. 403
§ 11. Борьбы за существованіе у растеній не имѣется 407
§ 12. Борьба за существованіе не должна вести къ вымиранію видовъ 409
§ 13. Борьба у животныхъ и человѣка. 412
§ 14. Ограниченія эволюціонной теоріи Дарвина . 414
§ 15. Цѣлесообразность органической жизни . . 416
§ 16. Метаморфозы, ростъ, размноженіе. 419
§ 17. Выводы 423
XI гл. Предметы метафизики. 426—463
§ 1. Значеніе матафизики 426
§ 2. Различное пониманіе субстанціи 427
§ 3. Субстанція, вещь и вещество 430
§ 4. Возникновеніе понятій „вещество“ и „матерія“ 432
§ 5. Уничтоженіе матеріи 435
§ 6. Электрическая теорія матеріи 438
§ 7. Энергія и энергизмъ 440
§ 8. Психофизическій параллелизмъ 443
§ 9. Необоснованность феноменизма въ психологіи 444
§ 10. Тожество нашего *Я* 446
§ 11. Различныя представленія о своемъ *Я* . . . 448
§ 12. Необоснованныя возраженія Юма 450
§ 13. Реальный носитель *Я* и представленія о немъ. 453
§ 14. Самосознаніе, сознаніе и душа. 455
§ 15. Познаніе себя и другихъ людей 458
§ 16. Разумъ ограниченный и абсолютный . . . 460
§ 17. Научная метафизика возможна и необходима . 462
Алфавитный указатель 465
Опечатки 474

ПОЗНАНІЕ и ЕГО ОБЪЕКТЪ.

(ОПРАВДАНІЕ ЗДРАВАГО СМЫСЛА).

I часть.

I. ВВЕДЕНІЕ.

§ 1. Разные предметы и направленія философіи.

Каждый мыслящій человѣкъ хоть изрѣдка безкорыстно направляетъ свои стопы въ храмъ мудрости, т. е. обращается къ философіи. Но прежде чѣмъ войти въ этотъ храмъ, нужно перешагнуть черезъ порогъ сомнѣнія. Многіе не рѣшаются перешагнуть черезъ него и остаются равнодушными къ высшимъ вопросамъ о человѣческомъ духѣ. Эти люди, разыгрывающіе роль скептиковъ, на самомъ дѣлѣ всецѣло поглощены или личными, или семейными интересами, или же практическою дѣятельностью на пользу общества. Другіе, сильнѣе волнуемые высшими духовными запросами, переступаютъ черезъ порогъ сомнѣнія и входятъ въ притворъ храма, т. е. занимаются эмпирической психологіей. Въ этомъ притворѣ вывѣшены на стѣнахъ прекрасные портреты и изваянія человѣческихъ лицъ, а въ нишахъ помѣщены разные бюсты и головки. Все это кажется вошедшему зрителю давно знакомымъ. Оно напоминаетъ ему его собственное лицо, неоднократно видѣнное имъ въ зеркалѣ. Всему этому можно уподобить образцовыя сочиненія по психологіи, образцовыя автобіографіи и художественныя произведенія романистовъ и драматурговъ, которыя читатель понимаетъ благодаря своему самонаблюденію.

Пройдя притворъ, входишь въ среднюю часть, т. е. въ наосъ храма. Тутъ посреди пестрой толпы, въ которой преобладаютъ сѣдобородые, возвышается огромная бронзовая

статуя богини Аѳины; передъ нею стоитъ высокій треножникъ, изъ котораго клубится голубой дымъ куренія. Вдоль стѣнъ по нишамъ размѣщены разные священные предметы, покрытые густой тканью; на этихъ тканяхъ прикрѣплены ярлыки съ таинственными іероглифами, говорящими о скрытомъ предметѣ: стоитъ умѣлою рукой отдернуть покрывало, и взорамъ философовъ представляются разные новые предметы, тоже кажущіеся имъ давно знакомыми. Это—истины по логикѣ, этикѣ и эстетикѣ.

Въ томъ же наосѣ, вдоль стѣнъ, на мраморномъ полу размѣщены желѣзные сундуки со множествомъ потайныхъ ящиковъ и замковъ. Въ сундукахъ хранятся самыя цѣнныя сокровища, которыя весьма рѣдко представляются пытливымъ взорамъ любителей мудрости, такъ какъ добраться до этихъ сокровищъ весьма нелегко. Прежде всего нужно изъ множества связокъ ключей, висящихъ на колышкахъ, отыскать подходящій ключъ, чтобы имъ отпереть сундукъ; затѣмъ нужно угадать и секретъ замка. Эти сокровища представляютъ собою истины относительно жизни и духа, т. е. истины по біологіи, раціональной психологіи, гносеологіи, или теоріи познанія.

Отъ наоса храма массивная золотая дверь съ вырѣзанными украшеніями ведетъ въ „Святая Святыхъ“ храма. Это помѣщеніе храма недоступно не только обыкновеннымъ смертнымъ, но даже многимъ изъ философовъ. Это—придѣлъ метафизики, или „первой философіи“ Аристотеля. Дверь къ нему заперта семью потайными замками. Подобрать къ нимъ ключи и узнать секретъ каждаго замка чрезвычайно трудно. Большинству философовъ, проникшихъ до этихъ замковъ, не удается отпереть всѣ замки двери: таковые довольствуются тѣмъ, что увидѣли сквозь вырѣзы двери, т. е. внѣшнимъ видомъ сундуковъ съ таинственными іероглифами на лицевой сторонѣ.

Многіе философы, послѣ тщетныхъ попытокъ проникнуть въ Святая Святыхъ, остаются въ огромномъ наосѣ храма и трудятся надъ его сундуками съ сокрытыми въ нихъ драгоцѣнностями. Если кому-нибудь изъ нихъ удалось достать изъ сундука долго скрывавшуюся драгоцѣнность, то другіе подбѣгаютъ къ этому счастливцу и любуются его от-

крытіемъ, прославляя его и принося обильныя куренія богинѣ мудрости. Отъ дыма и копоти куренія иногда ничего не видно въ храмѣ; воскуривающіе ѳиміамъ и сами ничего не видятъ и другимъ мѣшаютъ заниматься открытіемъ новыхъ драгоцѣнностей: посѣтители храма жалуются на дымъ и тьму, ими же созданную, и въ концѣ концовъ объявляютъ, что счастливцу помогъ случай, что замки сундуковъ испорчены, а въ Святая Святыхъ проникнуть вовсе невозможно. Поэтому-де отъ этихъ попытокъ нужно отказаться. Впрочемъ, говорятъ они, тамъ ничего цѣннаго и не можетъ быть.

Такъ поступаютъ новѣйшіе полускептики всѣхъ наименованій, отрицающіе метафизику и утверждающіе, что сущность вещей мы не въ состояніи понять, что мы можемъ познать только явленія. Ихъ философія проста,—они говорятъ: „Довольствуйтесь тѣмъ, что вы видите вокругъ себя на поверхности вещей, что вы слышите и можете осязать; дальше этого вамъ никогда не добраться. Поэтому нечего мучиться сомнѣніями или подвергаться постояннымъ разочарованіямъ: взамѣнъ этого ѣшьте, пейте и веселитесь! Слушайтесь голоса своей совѣсти, и не признавайте никакихъ боговъ!“

Эта мудрость—неглубокая и заманчивая для неглубокихъ натуръ, желающихъ казаться глубокими и осторожными. Къ этимъ полускептикамъ слѣдуетъ отнести и кантіанцевъ, и позитивистовъ, и приверженцевъ эмпиріокритицизма, и наивнаго реализма, и вновь народившагося прагматизма. Таковы философы, не вошедшіе въ Святая Святыхъ.

Но изъ вошедшихъ туда, которымъ удалось тамъ добыть изъ одного сундука одно сокровище, иные увлекаются успѣхомъ своего разума и распространяютъ свои сужденія и на то, чего они не видѣли: они утверждаютъ, что въ остальныхъ сундукахъ, которыхъ они не открывали, находится то же, или же, что въ нихъ не имѣется ничего. Такъ поступаютъ поспѣшные метафизики: матеріалисты, пантеисты, мистики и идеалисты всѣхъ наименованій. Каждая изъ этихъ философскихъ школъ отмѣтила крупицу истины, иныя даже нѣсколько; но в с е й истины не знаетъ ни одна. Это предоставлено отдаленному будущему.

§ 2. Возникновеніе гносеологіи.

Прежде чѣмъ метафизика превратится въ точную и безспорную науку, философамъ и ученымъ предстоитъ очень сложная, кропотливая и трудная работа. Добытыя до сихъ поръ крупицы истины прежде всего нужно выдѣлить изъ вороховъ половы, въ которыхъ онѣ скрываются; но и эта предварительная работа неудобоисполнима, пока не разрѣшены спорные вопросы о познаніи и истинѣ. Къ нимъ относятся слѣдующіе: что такое истина; каковы ея примѣты (или критеріи), какимъ путемъ мы можемъ добраться до истины? Это было понято еще Локкомъ, положившимъ начало научному изслѣдованію человѣческаго познанія, т. е. гносеологіи [1]). Локкъ въ своемъ знаменитомъ „Опытѣ о человѣческомъ умѣ", повелъ свое изслѣдованіе на достаточно широкихъ основаніяхъ: онъ принялъ во вниманіе всевозможныя данныя о человѣческомъ духѣ, подвергая ихъ глубокой и основательной критикѣ. Однако и его „Опытъ" не могъ быть свободнымъ отъ увлеченій и пробѣловъ. Такъ напр., Локкъ недостаточно разграничилъ „идеи" (т. е. познавательные элементы сознанія) отъ реальныхъ вещей, возбуждающихъ эти „идеи" въ сознаніи человѣка; далѣе, онъ не исчерпалъ ни теоріи сужденія, ни критеріевъ истины; онъ недостаточно раскрылъ значеніе наслѣдственности и прирожденныхъ способностей. Наконецъ, онъ упустилъ изъ вида самопроизвольную дѣятельность человѣческой души, обусловливая памятью даже тожество личности. Ошибки Локка еще рѣзче были выражены его преемниками по изслѣдованію человѣческаго познанія. Беркли дошелъ до отрицанія матеріальныхъ вещей, отождествляя ихъ съ идеями, внушаемыми Божествомъ. Юмъ (а вслѣдъ за нимъ и Кантъ) отрицаетъ объ-

[1]) Двѣнадцатью годами раньше Локка опубликовалъ свое крупное „Изслѣдованіе объ истинѣ" *Мальбраншъ*, примыкающій въ своей философіи къ раціонализму Декарта; но гносеологія Мальбранша, несмотря на многія ея достоинства, въ научности уступаетъ знаменитому „Опыту..." Локка. До Мальбранша философы, не исключая и Бэкона Веруламскаго, разсматривали вопросы гносеологическіе въ связи съ метафизикой или логикой.

ективную реальность причинъ и субстанцій; реальныя вещи, и Юмъ отождествляетъ съ впечатлѣніями; а особаго носителя самосознанія онъ совсѣмъ не признаетъ.

Главнѣйшія изъ этихъ заблужденій открылъ шотландскій философъ Томасъ Ридъ, который старался превратить философію въ положительную „науку о человѣческомъ духѣ" и заложилъ для этого прочное и незыблемое основаніе. Чуждаясь гипотезъ и метафизическихъ предпосылокъ, онъ основываетъ эту науку на несомнѣнныхъ и общепризнанныхъ фактахъ. Таковыми оказываются прежде всего тѣ первоначальныя положенія относительно человѣческаго знанія, которыя молчаливо признаются всѣми. Ридъ называетъ ихъ „принципами общечеловѣческаго смысла" (Principles of Common Sens). Это—самоочевидныя истины (self evident truths), которыя не нуждаются въ доказательствахъ, такъ какъ онѣ очевиднѣе всякихъ доказательствъ[1]). Таковыя истины предполагаются всякой наукой и лежатъ въ основаніи всякаго научнаго изслѣдованія. Такъ напримѣръ, всѣ естественныя науки признаютъ за истину единообразіе въ явленіяхъ природы, т. е. что будущее будетъ походить на прошлое; далѣе,—что всякое явленіе имѣетъ свою причину, что та же причина при тѣхъ же обстоятельствахъ производитъ то же дѣйствіе. Такія же самоочевидныя истины существуютъ и относительно человѣческаго духа. Ридъ установилъ нѣкоторыя изъ нихъ, не пытаясь ихъ ни систематизировать, ни объяснять. Къ нимъ принадлежатъ, напр., слѣдующія.

1) Состоянія сознанія суть первичные и несомнѣнные факты, не подлежащіе ни сомнѣнію, ни доказательствамъ.

2) Наши мысли и ощущенія должны имѣть своего субъекта, котораго мы называемъ своимъ „Я". Это Я нельзя отождествлять съ состояніями сознанія, которыя постоянно мѣняются[2]).

[1]) Высшіе принципы, недоступные доказательствамъ и не нуждающіеся въ таковыхъ, приписывалъ разуму (νοῦς) еще Аристотель; но онъ ихъ не перечисляетъ и считаетъ ихъ плодомъ индукціи. См. *Aristoteles*, Analytica post. lib. II. cap. XIX.

[2]) Этотъ фактъ упускался изъ вида предшественниками Рида, а Юмъ его прямо отрицалъ. Ридъ весьма основательно возражаетъ Юму. (См. *Th. Reid*, Inpuiry... chap. II. sect. VI and VII.

3) Мыслящій субъектъ сознаетъ себя тѣмъ же въ теченіе всей жизни, несмотря на мѣняющіяся состоянія сознанія.

4) Сознаніе этой тождественности (своего Я) каждому дается непосредственно, раньше всякаго разсужденія и опыта.

5) Впечатлѣнія внѣшнихъ органовъ чувствъ непосредственно вызываютъ въ насъ вѣру въ существованіе соотвѣтственныхъ вещей внѣшняго міра. Впечатлѣніе служитъ помѣткой или вѣхой реальной вещи.

6) Между внѣшними предметами есть такія же живыя существа, какъ и я самъ.

Подобныя самоочевидныя истины служатъ руководящими началами человѣческаго познанія и человѣческой дѣятельности. Наличность ихъ у всѣхъ людей Ридъ называетъ „Common Sens“ [1]).

§ 3. Заслуга Рида.

Въ раскрытіи и отстаиваніи въ философіи началъ общечеловѣческаго смысла состоитъ важная заслуга Рида. „Наши современники, пишетъ Ридъ, рѣшились объявить открытую войну здравому смыслу и при помощи философскихъ ухищреній надѣются на его полное покореніе. Эта попытка не менѣе смѣла и напрасна, чѣмъ попытка титановъ свергнуть всемогущаго Юпитера съ его престола“... „Смѣла та философія, продолжаетъ Ридъ, которая безъ церемоній отвергаетъ принципы, неизмѣнно управляющіе вѣрованіями и поведеніемъ всего человѣчества въ его житейскихъ дѣлахъ. Этимъ принципамъ и самъ философъ, по необходимости, покоряется, хотя бы и воображалъ, что онъ ихъ опрокинулъ. Такіе принципы древнѣе и авторитетнѣе философіи: они служатъ основаніемъ философіи, а не она имъ. Если бы она могла ихъ низвергнуть, то и сама она, по необходимо-

[1]) Это выраженіе не совсѣмъ точно передается по нѣмецки черезъ „gesunder Menschevenrstand“, а по русски въ дословномъ переводѣ нѣмецкаго выраженія—черезъ—„здравый смыслъ“; правильнѣе было бы его перевесть по-русски выраженіемъ „Общечеловѣческій смыслъ“.

сти, была бы погребена подъ ихъ развалинами" [1]... „Этихъ принциповъ нельзя ни отвергать, ни доказать: такіе принципы не входятъ въ область разсужденій, а—здраваго смысла" [2].

„Нѣкоторые философы, говоритъ Ридъ, пытались доказать эти очевидныя первичныя истины; но такъ какъ это невозможно, то они впали въ безпредѣльный скептицизмъ—на смѣхъ здравому смыслу".

„Какъ и когда мы дошли до этихъ первыхъ принциповъ, на которыхъ мы должны основывать всѣ наши разсужденія, я не знаю, говоритъ Ридъ, такъ какъ мы ихъ имѣли раньше тѣхъ переживаній, которыя въ состояніи припомнить. Но я увѣренъ, что они свойственны нашей природѣ, и что мы ихъ не можемъ отрицать... Если мы обмануты въ этомъ, то мы обмануты Тѣмъ, Кто насъ создалъ, и противъ этого нѣтъ никакого средства" [3]. Такъ разсуждаетъ Ридъ.

Установленіемъ подобныхъ принциповъ „Здраваго смысла" далеко не исчерпывается заслуга Рида въ философіи. Его сочиненія содержатъ множество глубокомысленныхъ замѣчаній и наблюденій, множество глубокихъ и тонко проведенныхъ психологическихъ анализовъ, какихъ не давали его предшественники. Если его анализъ не можетъ проникнуть глубже, то онъ останавливается во-время, не прибѣгая къ гипотезамъ или къ ошибочнымъ объясненіямъ. Въ такихъ случаяхъ онъ ограничивается установкой факта и заявленіемъ, что не знаетъ его причины [4]. Въ его сочиненіяхъ не встрѣчается ни одного мѣста, въ которомъ онъ маскировалъ бы свое незнаніе пустыми отвлеченными словами, какъ это нерѣдко дѣлаютъ нѣмецкіе философы. Такъ поступалъ Ридъ, поставившій себѣ задачу превратить философію человѣческаго духа въ строгую и методическую науку.

[1] Тамъ же, chap. I. sect. V.

[2] Тамъ же, chap. II. sect III.

[3] Тамъ же, chap. V, sect. VII.

[4] Въ настоящее время психологическіе анализы могутъ быть проведены глубже, чѣмъ ихъ сдѣлалъ Ридъ; но онъ предпочиталъ во-время остановиться, чѣмъ вдаваться въ гипотезы и метафизическія гаданія.

§ 4. Гносеологія послѣ Т. Рида.

Заслуги Рида, къ сожалѣнію, никто изъ нѣмецкихъ философовъ не отмѣчаетъ, и это явленіе не случайное. Между русскими философами ихъ впервые отмѣтилъ М. Троицкій [1]). Онъ указалъ на Рида, какъ на прототипъ философіи Канта; но и Троицкій недостаточно оцѣнилъ Рида, въ особенности значенія его общихъ принциповъ.

О дальнѣйшей судьбѣ гносеологіи у нѣмецкихъ философовъ я упомяну въ исторической части: гносеологія Канта дала предметъ для безконечныхъ споровъ и для огромной литературы, которая главнымъ образомъ занята распутываніемъ противорѣчій и разъясненіемъ сокровеннаго смысла Кантовой „Критики чистаго разума“ [2]). Къ сожалѣнію, и это еще не достигнуто кантіанцами. Болѣе глубокомысленные и оригинальные нѣмецкіе философы отвергали то одно, то другое положеніе Кантовой Критики чистаго разума и строили свои теоріи познанія. При этомъ они скрыто или открыто исходили отъ сомнительныхъ и, во всякомъ случаѣ, недоказанныхъ метафизическихъ положеній. Почти каждый философъ рѣшалъ вопросы гносеологіи по своему; каждый философъ говоритъ своимъ языкомъ, сочиняя новыя мудреныя слова, которыми нерѣдко маскируется незнаніе автора: поэтому получились самыя противорѣчивыя мнѣнія относительно познанія, даже въ основныхъ его элементахъ. Такъ напр., философы до сихъ поръ спорятъ вполнѣ серьезно и притомъ съ рвеніемъ, достойнымъ лучшаго примѣненія, о томъ, существуютъ ли матеріальныя вещи въ реальной дѣйствительности, или же онѣ составляютъ иллюзію человѣка; представляютъ ли онѣ собою плодъ дѣятельности человѣческаго духа, или же это внушенія невѣдомыхъ силъ. Такъ же спорятъ и о томъ, все ли знаніе добывается чувствами или не все; можно ли познать что-нибудь, что недоступно чувствамъ человѣка, или нельзя; можно ли познать дѣйстви-

[1]) *М. Троицкій,* Нѣмецкая психологія, М. 1867, стр. 394.

[2]) См. *И. С. Продамъ,* „Психологія внутренняго опыта...“ Юрьевъ 1904 г. Гл. IV, стран. 57—72.

тельность, какой она есть сама по себѣ, или нѣтъ; что такое истина, и каковы ея критеріи; существуетъ ли безусловно истинное знаніе, общеобязательное для всѣхъ, или нѣтъ. Объ этихъ вопросахъ философы спорятъ по сей день, и не предвидится даже конца этихъ споровъ. Разрѣшеніе этихъ споровъ, насколько это въ моихъ силахъ, будетъ главной задачей настоящаго изслѣдованія.

§ 5. Успѣхи здраваго смысла не зависятъ отъ философіи и гносеологіи.

Люди практики не задаютъ себѣ вопросовъ относительно знанія: что такое истина и, какъ она достигается. Дѣйствуя по врожденному познавательному инстинкту, они ошибаются въ своей дѣятельности рѣже, чѣмъ иные философы въ своихъ сочиненіяхъ. Мало того, людьми науки и практики, чуждыми философіи познанія, дѣлаются важныя научныя открытія; примѣненіемъ этихъ открытій порой измѣняется весь соціальный строй жизни: слѣдовательно эти открытія не—заблужденія. Ими несомнѣнно подтверждается правильность познанія и мышленія у людей, сдѣлавшихъ эти открытія. Особенно блестящіе успѣхи сдѣланы человѣческимъ умомъ въ истекшемъ столѣтіи въ области естественныхъ наукъ и техники. Благодаря этимъ успѣхамъ современный человѣкъ пользуется похищеннымъ съ неба огнемъ не только для удовлетворенія первыхъ нуждъ, но и для превращенія воды въ паръ; а силу пара онъ употребляетъ для различныхъ своихъ услугъ. Съ быстротой царя птицъ паръ перевозитъ ему товары съ одного конца земли на другой. Быстрѣе всѣхъ рыбъ паръ передвигаетъ по океанамъ огромныя желѣзныя чудища, нагруженныя горами товаровъ и тысячами работниковъ. Грозную молнію, повергающую дикаря въ оцѣпененіе, современный человѣкъ свелъ съ неба на землю и сдѣлалъ ее своей покорной рабыней. Ея силой онъ замѣнилъ гонцовъ съ письмами, передавая мгновенно свои извѣстія и письменные приказы во всѣ концы земли. Ея силой, грозной для невѣжды, современный человѣкъ пользуется, чтобы вести дружескіе разговоры на разстояніи ты-

сячи верстъ, или, чтобы съ быстротою почтоваго голубя мчаться поѣздомъ изъ города въ городъ. Наконецъ, въ наши дни человѣкъ покорилъ себѣ и воздухъ, въ которомъ по своему произволу перелетаетъ черезъ горы и моря. Ко всему этому мы ужъ настолько привыкли, что даже не удивляемся силѣ человѣческаго разума!

§ 6. Философія и здравый смыслъ.

Въ противоположность этимъ быстрымъ успѣхамъ естественныхъ наукъ и техники, философы истекшаго вѣка нерѣдко шли наперекоръ здравому смыслу и спорили о томъ, что вызываетъ улыбку у людей, чуждыхъ философской премудрости. Кто правъ, философы или люди здраваго смысла? Не отвѣчая на этотъ вопросъ, мы повторимъ и докажемъ мысль Рида, что философія значительно позже появилась на свѣтъ, чѣмъ здравый смыслъ человѣчества: люди въ общемъ разсуждали правильно и до появленія философіи. Такъ напр., человѣчество тысячелѣтія мыслило въ общемъ логично, прежде чемъ геніальному Аристотелю удалось написать первую логику. И теперь еще сотни милліоновъ людей разсуждаютъ логично, не зная даже слова „логика“ и ничего не подозрѣвая о существованіи этой науки. Слѣдовательно, въ умѣ этихъ людей безъ ихъ вѣдома дѣйствуетъ врожденная имъ логика. Такъ же точно тысяча племенъ правильно говоритъ на своихъ языкахъ, не зная правилъ грамматики; однако эти правила, безъ вѣдома говорящаго, соблюдаются имъ. И теперь еще существуютъ сотни языковъ, грамматики которыхъ еще не написаны. Тысячелѣтія уже существуютъ разныя искусства, хотя до сихъ поръ еще никому изъ философовъ не удалось создать удовлетворительную теорію искусствъ, хотя философы до сихъ поръ спорятъ даже о самомъ понятіи „искусство“. То же самое можно сказать и о гносеологіи, или теоріи познанія. Хотя философы еще не пришли къ согласію даже относительно основныхъ вопросовъ этой теоріи, но самое познаніе, несомнѣнно, существуетъ и развивается въ общемъ правильно. Удивительнымъ можетъ показаться такое

несоотвѣтствіе между практикой и теоріей познанія! Ужели можно дѣйствовать человѣку по правиламъ, не зная этихъ правилъ? Ужели можно открывать новыя истины, не зная, въ чемъ состоитъ истина, въ чемъ состоитъ знаніе? Очевидно, это возможно, если оно бываетъ въ дѣйствительности. Такъ же точно можно пользоваться паровозомъ, пароходомъ, автомобилемъ, телеграфомъ, телефономъ, электрическимъ фонаремъ, не зная ни точнаго устройства этихъ машинъ, ни даже самой движущей причины. Такъ же пользуются люди своей познавательной дѣятельностью, не зная ея механизма и устройства.

Человѣческое познаніе совершается по опредѣленнымъ законамъ, которые еще неизвѣстны философамъ; однако, эти законы соблюдаются мыслящими и познающими съ тѣхъ поръ, какъ существуетъ человѣчество, и никакія усилія лжемудрецовъ не въ силахъ ихъ отмѣнить или измѣнить. Сколько бы ни писали туманныхъ и ложныхъ философскихъ разсужденій, а свѣтъ истины все же пробьется наружу: здравый смыслъ, искра Божья, сильнѣе дыма плохой философіи. Свѣжая струйка воздуха уноситъ дымъ,—искра Божья вновь разгорается и даетъ пламя правды и свѣтъ истины. Искрой Божіей созданы всѣ великія творенія человѣческаго духа, въ томъ числѣ и философія. Къ сожалѣнію, и въ наши дни существуютъ еще философы, которые не замѣчаютъ этой искры Божіей; но это отнюдь не доказываетъ, что ея нѣтъ. Не философія призвана опрокинуть здравый смыслъ, а наоборотъ, здравый смыслъ долженъ опрокинуть плохую философію, повторю я мысль Рида.

Итакъ, если мы хотимъ правильно рѣшать вопросы относительно познанія, мы не должны исходить отъ спорныхъ и недоказанныхъ философскихъ положеній, а должны исходить отъ фактовъ, признанныхъ всѣми, не исключая и заблуждающихся философовъ.

§ 7. Знаніе существуетъ.

Изъ числа такихъ общепризнанныхъ, несомнѣнныхъ принциповъ знанія, прежде всего должно отмѣтить ту истину,

что познаніе и знаніе существуетъ у всѣхъ людей, не исключая идіотовъ и психопатовъ. Доказывать эту очевидную истину представляется совершенно излишнимъ. Кто вздумалъ бы отрицать ее, тотъ этимъ самымъ призналъ бы наше утвержденіе ложнымъ, т. е., онъ все же считалъ бы его познаніемъ, но только не истиннымъ; а взамѣнъ этого онъ допускалъ бы истинность своего знанія. Даже самыя крайнія воззрѣнія философовъ не отрицали наличности познанія у людей. Древніе софисты, какъ извѣстно, объявили наше познаніе чисто субъективнымъ, относительнымъ; но самаго существованія познанія и они не могли отрицать: иначе, они не могли бы выступать въ качествѣ учителей реторики, политики и другихъ искусствъ. Древніе скептики-пирроновцы не только не отвергали существованія знанія, но въ извѣстныхъ предѣлахъ практической дѣятельности признавали его достовѣрность. Такъ, они не отвергали достовѣрности познанія чувственнаго, познанія явленій, т. е. чувственнаго опыта. Новѣйшіе скептики и полускептики отвергаютъ лишь возможность познанія „вещей въ себѣ“, познанія „сущностей“ и субстанцій; познанія явленій никто изъ нихъ тоже не отвергаетъ. Слѣдовательно, существованіе познанія и знанія—по крайней мѣрѣ въ извѣстныхъ предѣлахъ, никто не отрицалъ. Это—фактъ общепризнанный и философами, и здравымъ смысломъ человѣчества [1]).

[1]) „Познаніе“ и „знаніе“ иногда употребляются какъ синонимы; но различіе ихъ уже достаточно намѣчено и въ обиходномъ языкѣ. Слово „познаніе“ всегда предполагаетъ познающаго субъекта, который иногда лишь подразумѣвается; въ словѣ „знаніе“ мы намѣренно исключаемъ мыслящаго субъекта и разумѣемъ только содержаніе опредѣленной мысли, которая уже подверглась логической провѣркѣ и вошла въ общій человѣческій оборотъ. Это различіе видно на слѣдующемъ примѣрѣ: „знанія по психологіи весьма полезны и на практикѣ, однако, познанія твоего сына въ этой области весьма скудны“. Слово „познаніе“ въ русскомъ языкѣ употребляется въ двухъ значеніяхъ: 1) для обозначенія психическаго процесса или процессовъ мыслящаго, которые должны привести къ истинѣ, т. е. въ смыслѣ нѣмецкаго „das Erkennen“. Такъ напр., „врачъ позналъ причину моей болѣзни“, или „познаніе этой истины не легко дается“. 2) Слово „познаніе“ означаетъ результатъ познавательныхъ процессовъ, наблюденій, опыта и т. п., которые привели къ истинѣ,

§ 8. Существуютъ ли безусловно истинныя знанія?

Таковой безусловной и общеобязательной истины софисты, какъ извѣстно, не признавали за человѣческими знаніями. Однако этимъ рѣшительнымъ отрицаніемъ безусловной истины они уничтожали и свое же собственное основное положеніе. Дѣло въ томъ, что если не существуетъ безусловной истины, то и это положеніе не можетъ считаться безусловно истиннымъ: слѣдовательно, оно можетъ быть и ложнымъ, т. е., могутъ быть и безусловныя истины. Еще больше опровергается воззрѣніе софистовъ всей ихъ практической дѣятельностью. Выступая въ качествѣ учителей реторики, политики и мудрости вообще, они пользовались огромнымъ успѣхомъ. Этого не могло бы быть, если бы ихъ познанія оказались сплошь ложными. Тогда никто не платилъ бы имъ за ихъ преподаваніе тѣхъ огромныхъ суммъ денегъ, которыми они обогащались. Софисты особенно хорошо понимали и знали психологію толпы, и изъ этихъ своихъ знаній они умѣли извлекать практическую выгоду. Очевидно, что они были убѣждены въ правильности своихъ пріемовъ и въ истинности тѣхъ знаній, изъ которыхъ вытекала ихъ дѣятельность и ихъ успѣхъ. Первые по времени софисты,—Протагоръ, Продикъ и Горгій пользовались огромнымъ успѣхомъ даже въ высшемъ обществѣ. Слѣдовательно, практической дѣятельностью софистовъ обнаруживались и ихъ истинныя знанія, и на дѣлѣ они не могли сомнѣваться въ истинности всѣхъ своихъ знаній и въ истинѣ вообще: нѣкоторые изъ нихъ, напр., Гиппій былъ очень самоувѣренъ; слѣдовательно на дѣлѣ, онъ не сомнѣвался въ своихъ знаніяхъ.

Гораздо послѣдовательнѣе и осторожнѣе были скептики-пирроновцы. Это были люди ученые и болѣе глубокомысленные, чѣмъ софисты: они вглубились въ вопросы о познаніи больше всѣхъ своихъ современниковъ—академиковъ, эпику-

напр., въ предложеніи „познанія моего врача очень основательны". „Познаніе" въ этомъ смыслѣ приближается къ слову „знаніе", и иногда смѣшивается съ нимъ.

рейцевъ и стоиковъ. Поэтому они не остановились на одномъ отрицаніи безусловной истины. Чтобы избѣгнуть заблужденій, они воздерживались отъ всякихъ рѣшительныхъ сужденій (ἐποχή)—какъ отрицанія, такъ и утвержденія,—но только относительно предметовъ, не очевидныхъ (ἄδηλα), т. е. относительно тѣхъ, которые непосредственно недоступны чувственному познанію. Чувственныхъ впечатлѣній, а равно и вытекающаго изъ нихъ практическаго руководительства они не подвергали сомнѣнію: они сообразовались съ обычаями и законами страны, съ требованіями искусствъ [1]); самъ Секстъ Эмпирикъ, главный историкъ древняго скептицизма, по профессіи былъ врачемъ. Слѣдовательно, въ области практической дѣятельности скептики не могли отвергать истины, не могли они ее считать недостижимой для человѣка.

§ 9. Основное возраженіе скептикамъ.

Не трудно убѣдиться, что скептики древняго, а равно и нашего времени ошибались въ томъ, будто ихъ дѣятельность и достовѣрныя знанія ограничиваются познаніями, состоящими изъ однихъ „вынужденныхъ" впечатлѣній, т. е. воспріятій. Дѣло вотъ въ чемъ. Подобныхъ впечатлѣній недостаточно даже для обиходной дѣятельности простолюдина. Такъ напр., безъ знанія счета и ариѳметики невозможна ни торговля, ни даже покупка товаровъ; безъ нѣкотораго знанія геометріи невозможно ни измѣреніе земли, ни архитектура, ни даже ремесло столяра; безъ психологическихъ знаній немыслимо никакое общеніе съ людьми. А знанія по ариѳметикѣ, геометріи и психологіи никоимъ образомъ не могутъ быть сведены къ однимъ „вынужденнымъ" впечатлѣніямъ. Въ ариѳметикѣ и геометріи чувственнымъ впечатлѣніемъ только подтверждается и провѣряется отвлеченное разсужденіе; а предметъ психологіи уже совершенно недоступенъ нашимъ органамъ чувствъ. Психологическія знанія обусловлены не только самонаблюденіемъ, но и обобщеніемъ его на всѣхъ людей; а таковое обусловлено предположе-

[1]) См. *Sextus Empiricus*, Pyrrhon. hypotypos. I, 8—11.

ніемъ единообразнаго устройства человѣческихъ душъ, а равно и внѣшней природы. Послѣднее же предположеніе можетъ быть или врожденнымъ (слѣдовательно не есть простое впечатлѣніе) или же оно добыто индуктивнымъ путемъ на основаніи частыхъ наблюденій этого единообразія; но самая индукція оказывается очень сложной умственной операціей, а отнюдь не простымъ ощущеніемъ или „вынужденнымъ впечатлѣніемъ". Дѣло въ томъ, что чужихъ актовъ сознанія никто непосредственно не наблюдаетъ, а о нихъ умозаключаетъ на основаніи своего внутренняго опыта и на основаніи видимыхъ у другихъ людей выраженій чувствъ и мыслей (мускульныхъ сокращеній, звуковъ голосового аппарата и другихъ физіологическихъ процессовъ). Все это—весьма сложные познавательные процессы, въ которыхъ впечатлѣнія играютъ роль только строительнаго матеріала, изъ котораго человѣческій умъ строитъ всѣ свои познанія. Между тѣмъ ни одинъ скептикъ не обходится и не можетъ обойтись безъ психологическихъ познаній. Въ этихъ познаніяхъ онъ порою не меньше увѣренъ, чѣмъ въ иныхъ „впечатлѣніяхъ", которыя иногда все же обманываютъ и самаго разумнаго человѣка, какъ напр., при иллюзіяхъ и сновидѣніяхъ. Въ доказательство того, что и скептикъ бываетъ вполнѣ увѣренъ въ своихъ психологическихъ знаніяхъ, я могу привести примѣръ изъ обыденной жизни. Я могу спросить любого скептика, пріѣхавшаго въ чужой городъ, у кого онъ брился сегодня? Почему онъ подставилъ свою шею подъ бритву человѣка, котораго онъ впервые видѣлъ? Вѣдь, этотъ человѣкъ могъ однимъ взмахомъ бритвы перерѣзать ему глотку и лишить его жизни. Очевидно, въ данномъ случаѣ увѣренность скептика въ правильности своего поведенія, т. е. въ невозможности или невѣроятности несчастнаго исхода, была такъ велика, что онъ не побоялся довѣрить свою жизнь незнакомому брадобрею. И современные скептики, несомнѣнно, постоянно ввѣряютъ свою жизнь совершенно неизвѣстному имъ человѣку, напр., машинисту, когда ѣдутъ по желѣзной дорогѣ,—капитану парохода, когда ѣдутъ по водѣ; будучи больными, они постоянно ввѣряютъ свою жизнь врачамъ и аптекарямъ, и то не только при хирургическихъ операціяхъ, но и при обыкновенномъ терапевтическомъ леченіи. Матери постоянно довѣряютъ

жизнь своихъ любимыхъ дѣтей нянькамъ и боннамъ. Все это основано не столько на легкомысліи и оптимизмѣ, сколько на увѣренности въ истинности своего жизненнаго опыта, т. е. психологическихъ познаній. Эта увѣренность, очевидно, не меньше увѣренности въ истинности геометрическихъ теоремъ или даже чувственныхъ впечатлѣній. Слѣдовательно, и скептики всей своею жизнью и дѣятельностью опровергаютъ свою теорію знанія. Кромѣ того, въ своихъ теоретическихъ разсужденіяхъ противъ безусловной достовѣрности знанія, они опираются на основные законы логики. Правда, въ этихъ разсужденіяхъ есть множество ошибокъ и даже софизмовъ,—это будетъ доказано въ исторической части; но самыхъ законовъ мышленія и они не отвергали [1]).

§ 10. Истина существуетъ и достижима для человѣка.

Въ предыдущемъ мы убѣдились, что и самые крайніе скептики признаютъ существованіе истинныхъ знаній,—не только въ практической жизни, но и въ разныхъ наукахъ. И современные полускептики всѣхъ наименованій,—напр., приверженцы позитивизма, эмпиріокритицизма, прагматизма (или „гуманизма")—не въ состояніи отвергнуть факта существованія въ человѣческомъ знаніи безусловныхъ, несомнѣнныхъ и общеобязательныхъ истинъ. Каждый здравомыслящій человѣкъ въ большей или меньшей мѣрѣ стремится къ истиннымъ познаніямъ и, по мѣрѣ своихъ силъ и разумѣнія, можетъ отличать истину отъ лжи: объективная истина достижима для каждаго, въ опредѣленныхъ предѣлахъ. Безъ этого предположенія, безъ вѣры въ достижимость истины, не имѣютъ смысла никакія разсужденія, никакія обдуманныя дѣйствія, никакіе споры. Это—третья очевидная истина, третье основное условіе всякаго знанія и познанія. Эта истина молча предполагается не только каждымъ ученымъ, но и каждымъ здравомыслящимъ простолюдиномъ.

[1]) *Sextus Empiricus*, Pyrrhon. hypotyp. I lib. cap. 1, 4, 7, 8, 9, 11, 12, 13, 14; lib. III, cap. 32 и въ разныхъ другихъ мѣстахъ.

Стремленіе къ истинному познанію прирождено каждому человѣку, въ большей или меньшей мѣрѣ. Эту истину отмѣтилъ еще Аристотель [1]). Неудовлетвореніе этого инстинкта причиняетъ человѣку страданія. Первыя познанія доставляются намъ органами чувствъ и ихъ дѣятельностью; если она не переходитъ за извѣстные предѣлы, то она доставляетъ намъ удовольствіе; наоборотъ, задержкой этой дѣятельности причиняются намъ страданія [2]). Достаточно вспомнить, какъ мучительно для дѣтей неудовлетвореніе ихъ любопытства и любознательности.

§ 11. Цѣль познанія.

Первоначальное познаніе, напр., у дикаря, почти исключительно имѣетъ практическую цѣль. Дикарь въ своей жизни всецѣло зависитъ отъ окружающей его природы. Стремленіе къ самосохраненію прирождено и ему, какъ оно прирожденно и всѣмъ животнымъ и даже растеніямъ. Поэтому первобытный человѣкъ, чтобы сохранить свою жизнь, долженъ знать, гдѣ онъ можетъ найти пищу, какіе плоды и ягоды пригодны для него въ пищу, а какіе вредны; далѣе, онъ долженъ знать, какіе звѣри ему опасны, а какія животныя ему могутъ быть полезными; охотясь на таковыхъ, онъ прежде изучалъ ихъ образъ жизни и нравъ. Уже первобытный человѣкъ, удалившійся изъ жаркаго пояса, долженъ былъ заботиться о своемъ пропитаніи зимою и о предохраненіи себя отъ холода. Слѣдовательно, онъ долженъ изучать окружающую его природу, онъ долженъ ее познавать и знать въ извѣстныхъ предѣлахъ. Поэтому и для него важно, чтобы онъ не былъ обманутъ своимъ познаніемъ, т. е. чтобы оно было истинно.

Такъ же точно и младенецъ культурнаго человѣка знаетъ, откуда онъ получаетъ пищу и какъ ее добыть; но таковой имѣетъ и чисто теоретическую потребность знанія: его интересуетъ все окружающее его и независимо отъ пользы:

[1]) *Aristoteles,* De anima, lib. III, cap. 4 et. 5.

[2]) Cp. *Aristoteles,* Metaphysica, A, 980.

онъ разспрашиваетъ обо всемъ свою мать или няню; онъ уже на второмъ году отъ роду спрашиваетъ: „почему?“ и „кто сдѣлалъ?“. Когда ему впослѣдствіи разсказываютъ сказку, то онъ спрашиваетъ: „это было?“. Стало-быть онъ отличаетъ быль отъ сказки: онъ не желаетъ смѣшивать истину съ вымысломъ.

§ 12. Возможна ли положительная наука о знаніи, т. е. гносеологія?

Если истинное знаніе вообще достижимо,—по мѣрѣ познавательныхъ способностей человѣка, если истинное знаніе всегда существовало у людей, не исключая и тѣхъ философовъ, которые его отрицали въ теоріи,—напр., софисты и скептики всѣхъ наименованій: то становится вѣроятнымъ, что возможно истинное знаніе и относительно самаго знанія, т. е. что возможна и научная гносеологія.

Правда, и въ наше время существуетъ множество различныхъ и частью противорѣчивыхъ теорій знанія и познанія: поэтому скептикъ можетъ намъ возразить, что вопросы о знаніи или вообще неразрѣшимы, или, по крайней мѣрѣ— въ настоящее время. Теоріи-де можно строить, но онѣ не могутъ имѣть притязанія на объективную истину, на научность. Повидимому, въ настоящее время дѣло такъ и обстоитъ: каждый философъ вѣритъ въ свою теорію познанія, и всѣ остальныя считаетъ ошибочными,—по меньшей мѣрѣ, въ подробностяхъ. Но уже тотъ фактъ, что всѣ философы, не исключая и крайнихъ скептиковъ, занимаются вопросами о познаніи и знаніи, доказываетъ, что философы свои разсужденія по этимъ вопросамъ не считаютъ пустой болтовней. Повидимому, они считаютъ эти вопросы или уже разрѣшенными, или, по крайней мѣрѣ, разрѣшимыми въ будущемъ.

Любовь къ истинѣ намъ врождена, а равно и вѣра въ ея достижимость. Кто желаетъ идти наперекоръ врожденному всѣмъ познавательному инстинкту, кто желаетъ поправлять премудраго Творца человѣческаго разума, для того не писана настоящая книга; она предназначена для тѣхъ,

которые ищутъ истины и вѣрятъ въ возможность ея достиженія. Эта вѣра будетъ оправдана всѣмъ настоящимъ изслѣдованіемъ и относительно гносеологіи; въ самомъ же началѣ она можетъ быть выставлена только въ видѣ необходимаго постулата, т. е. условія всего изслѣдованія.

§ 13. Методъ научной гносеологіи.

Приступая къ настоящему изслѣдованію, мы вѣримъ въ возможность научной гносеологіи, несмотря на скептическое возраженіе противъ таковой, сдѣланное Гегелемъ [1]). Таковое возраженіе еще недавно было повторено Л. Нельсономъ, ошибочно утверждающимъ, будто бы теорія познанія вообще невозможна [2]). На самомъ дѣлѣ возраженіе Гегеля и Нельсона относится только къ тѣмъ теоріямъ познанія, которыя открыто или скрыто основаны на предпосылкахъ гносеологическихъ или метафизическихъ. Если таковыя не доказаны и не составляютъ истинъ безспорныхъ и очевидныхъ, то опирающіяся на нихъ теоріи, дѣйствительно, вращаются въ ложномъ логическомъ кругу: опираясь на свои же недоказанныя предпосылки относительно знанія и истины, онѣ пытаются доказать истинность и своей теоріи и самыхъ предпосылокъ. Но изъ этого факта отнюдь не слѣдуетъ, что истинная гносеологія должна повторять ту же логическую ошибку petitio principii. Истинная теорія познанія можетъ быть только одна, а именно та, которая опирается на несомнѣнные факты и истины очевидныя.

1) *G. W. F. Hegel*, Enzyklopädie d. philos. Wiss. im Grundr. herausgegeben von K. Rosenkranz, 1870, § 10. „Изслѣдованіе познанія не можетъ производиться иначе, чѣмъ посредствомъ познанія („erkennend"); относительно этого такъ называемаго орудія изслѣдованіе его есть не что иное, какъ его познаніе; но намѣреніе имѣть познаніе прежде, чѣмъ познаешь („Erkennen wollen, ehe man erkenne") такъ же нелѣпо, какъ и мудрая предосторожность извѣстнаго схоластика,—научиться плавать прежде, чѣмъ онъ рѣшится окунуться въ воду".

2) *L. Nelson*, Über das sogenannte Erkentnissproblem, 1908, S. 32-34 (444—446).

Безъ всякихъ предпосылокъ не можетъ обойтись никакое знаніе, никакое разсужденіе. Всякое знаніе предполагаетъ другое знаніе, на которое оно опирается; а доказательства этихъ знаній не могутъ идти до безконечности. Въ концѣ концовъ наши знанія коренятся въ нашихъ воспріятіяхъ и въ первыхъ принципахъ разума, которые убѣдительнѣе всякихъ доказательствъ. Эту истину отмѣтилъ еще Аристотель; но къ сожалѣнію, ее забываютъ скептики и нашего времени. Попытка доказывать очевидное была бы столь же нелѣпой, какъ и попытка усилить яркій полуденный свѣтъ солнца, зажженнымъ сальнымъ огаркомъ скептика.

Что истинная теорія познанія должна быть свободной отъ гносеологическихъ предпосылокъ, было понятно и высказываемо и до Нельсона. Между прочимъ и Н. Лосскій въ своемъ недавно опубликованномъ сочиненіи „Обоснованіе интуитивизма" высказываетъ то же; притомъ онъ доказываетъ наличность недоказанныхъ предпосылокъ у всѣхъ философовъ, кромѣ приверженцевъ имманентныхъ теорій знанія, въ томъ числѣ и „интуитивизма". На самомъ дѣлѣ мы убѣдимся, что и эти теоріи не обходятся безъ предпосылокъ гносеологическихъ, и притомъ ложныхъ, противорѣчащихъ здравому смыслу: такъ напр., подъ названіемъ содержанія знанія—онѣ подразумѣваютъ реальныя вещи, реальный внѣшній міръ, который отождествляютъ съ нашими *познавательными процессами*, направленными на этотъ міръ.

Въ самомъ началѣ нашего изслѣдованія я считаю безполезнымъ для читателя разбирать заблужденія разныхъ теорій. Дѣло въ томъ, что подобный разборъ и критика чужихъ воззрѣній на теорію познанія не могутъ быть убѣдительны для читателя, пока между нимъ, съ одной стороны, и критикующимъ авторомъ съ другой не будетъ установлена *общая точка зрѣнія* на познаніе и истину; а это возможно только въ концѣ настоящаго изслѣдованія. Поэтому мы откладываемъ подробную критику ошибочныхъ взглядовъ до конца; а начнемъ наше изслѣдованіе съ анализа познавательныхъ процессовъ и описанія ихъ элементовъ и отношеній, существующихъ между ними. Эти познавательные процессы мы будемъ разсматривать такими, какими они извѣстны *каждому*, кто заглядываетъ въ свою душу и за-

нимается самонаблюденіями; такими же они даны каждому здравомыслящему человѣку.

§ 14. Познанія не бываетъ безъ познающаго субъекта и познаваемаго объекта.

При изслѣдованіи познанія мы прежде всего не должны забывать, что познаніе есть одно изъ психическихъ проявленій; оно принадлежитъ познающему живому существу— животному, человѣку или высшему духу. Насъ интересуетъ только человѣческое познаніе, хотя попутно мы будемъ касаться и познанія животныхъ. Познанія безтѣлесныхъ духовъ мы совсѣмъ не будемъ касаться [1]). Человѣческое познаніе, очевидно, принадлежитъ человѣку, и безъ познающаго человѣка оно не существуетъ въ дѣйствительности. И эта очевидная истина упускается изъ вида нѣкоторыми философами. Познающаго субъекта иные философы, по примѣру Д. Юма, совершенно оставляютъ безъ вниманія; иные даже отрицаютъ существованіе личности и ея субстрата, признавая только одни явленія сознанія или какую-то „психику"; а самосознаніе и наше „Я", по примѣру Юма, считаютъ нѣкоторымъ комплексомъ ощущеній и представленій.

Далѣе, всякое познаніе предполагаетъ, кромѣ познающаго субъекта, и познаваемый объектъ. Сказать фразу „я познаю", или „я знаю" не имѣетъ смысла. Всякій спроситъ: „что ты познаешь?", „что ты знаешь?" Слѣдовательно, всякое познаніе, всякій познавательный актъ есть дѣятельность познающаго, направленная на познаваемое. Послѣднее, т. е. объектъ познанія, больше интересуетъ философовъ, и не было такихъ философовъ, которые бы оспаривали его существованіе. Многіе изъ нихъ ограничиваются только этимъ вопросомъ въ своей гносеологіи.

[1]) Если до сихъ поръ еще не достигнуто единство относительно человѣческаго познанія, если еще спорятъ относительно предѣловъ познанія; то пока, мнѣ кажется, преждевременнымъ возбужденіе вопроса о познаніи высшихъ духовъ.

Объекты познанія чрезвычайно разнообразны и многочисленны. Все, что насъ окружаетъ, и все, что составляетъ переживанія нашей души, можетъ сдѣлаться объектомъ познанія. Нѣкоторые изъ этихъ объектовъ интересуютъ и первобытнаго человѣка, и даже животныхъ. Познаніе объектовъ внѣшняго міра дается намъ легко, и если дѣло не касается скрытыхъ силъ и качествъ предметовъ, то знаніе пріобрѣтается инстинктивно и рѣдко насъ обманываетъ. Но и первобытный человѣкъ не ограничивается одними познаніями чувственныхъ предметовъ. Такъ напр., дикарь познаетъ характеръ другихъ людей,—проявленія гнѣва и любви и вытекающія изъ нихъ дѣйствія. Это значитъ, что уже дикарь имѣетъ нѣкоторыя познанія психологическія. Въ ограниченныхъ предѣлахъ дикарь знаетъ и „свой характеръ", т. е. немного знаетъ и себя; но себя онъ знаетъ хуже, чѣмъ другихъ, съ которыми имѣетъ дѣло [1]).

Выраженіе „объектъ познанія" я пока употребляю въ общепринятомъ смыслѣ, не разсматривая вопроса, находится ли объектъ познанія въ душѣ, въ сознаніи или же внѣ ихъ. Я не разсматриваю пока и вопроса, служитъ ли объектомъ познанія непосредственное психическое переживаніе или нѣчто иное.

§ 15. Значеніе рѣчи для человѣческаго знанія.

Первичныя знанія пріобрѣтаетъ ребенокъ непосредственно, при помощи своихъ органовъ чувствъ, памяти и разсудка; но съ пріобрѣтеніемъ способности говорить онъ пополняетъ свои знанія знаніями, заимствованными у другихъ. То же дѣлаютъ и взрослые. Значительно большую часть познаній каждый человѣкъ, не исключая и самыхъ талантливыхъ и самыхъ ученыхъ людей, пріобрѣтаетъ отъ другихъ при помощи словесной или писанной рѣчи. Если бы человѣкъ ограничивался только своимъ личнымъ опы-

[1]) Почему человѣкъ знаетъ себя хуже, чѣмъ другихъ, на это даетъ отвѣтъ психологія. См. *И. С. Проданъ*. Практическое руководство по психологіи, II. стр. 8—10.

томъ и не заимствовалъ знаній у другихъ; то запасъ человѣческихъ знаній, быть можетъ, и совсѣмъ не пополнялся бы въ ряду поколѣній: каждому послѣдующему поколѣнію приходилось бы ихъ снова пріобрѣтать, какъ это происходитъ у безсловесныхъ животныхъ. Тогда человѣчество врядъ ли могло бы совершенствоваться: мимика глухонѣмыхъ—весьма несовершенное орудіе мысли и ограничивается узкими интересами личности. Нѣкоторыхъ знаній, напр. историческихъ, тогда и вовсе не могло бы быть. Слѣдовательно человѣческое знаніе обязано своимъ широкимъ объемомъ исключительно дару рѣчи и способности человѣка мыслить при помощи словъ. Какъ извѣстно, человѣческая рѣчь состоитъ изъ словъ, т. е. разныхъ сочетаній звуковъ, которые человѣкъ способенъ производить своимъ голосовымъ аппаратомъ. Съ опредѣленнымъ сочетаніемъ звуковъ, т. е. словомъ, ассоціировано у людей, говорящихъ на томъ же языкѣ, опредѣленное представленіе или понятіе, входящее въ составъ мысли: въ этомъ и заключается смыслъ звуковъ, которые такимъ образомъ, становятся словомъ. Мыслящій человѣкъ, желающій передать свою мысль другому, производитъ своимъ голосовымъ аппаратомъ опредѣленныя сочетанія звуковъ, съ которыми ассоціированы— и у него, и у слушающаго—элементы его мысли. Слышавшій эти сочетанія звуковъ, т. е. слова, воспроизводитъ соотвѣтственные элементы мысли, а затѣмъ и всю мысль. Такимъ образомъ осуществляется „обмѣнъ мыслей", т. е. пониманіе другъ друга.

Наше мышленіе идетъ объ руку съ нашей рѣчью: безъ нея самое мышленіе не могло бы развиваться въ надлежащей степени. Безъ рѣчи мы не обходимся и тогда, когда мыслимъ про себя, не желая передавать своихъ мыслей другимъ: тогда мы представляемъ себѣ тѣ сочетанія звуковъ, которыя входятъ въ слова. „Наше мышленіе есть рѣчь про себя, наша рѣчь есть мышленіе вслухъ", говоритъ извѣстный языковѣдъ Максъ Мюллеръ. Слѣдовательно, болѣе сложное и болѣе важное знаніе человѣка обнаруживается въ его рѣчи. Такое знаніе можетъ передаваться другимъ и становиться въ концѣ концовъ достояніемъ всего человѣчества.

§ 16. Главное условіе развитія человѣческаго знанія.

Объективное знаніе человѣка, какъ мы видѣли, достигло своего объема и совершенства только благодаря словесной рѣчи. Таковая даетъ возможность не только передачи познаній другимъ, но она и усовершенствовала человѣческое мышленіе: при помощи общихъ понятій, обозначаемыхъ словами, человѣческая мысль можетъ обхватывать одновременно огромное множество предметовъ и фактовъ познанія. Возьмемъ напр. сужденія: „человѣкъ—существо разумное"; „изъ жолудя можетъ вырасти дубъ". Эти сужденія общія, т. е. о всѣхъ людяхъ и о всѣхъ жолудяхъ, *которые были*, есть и будутъ. Благодаря словесной символизаціи понятій, наше мышленіе можетъ осложняться, несмотря на фактъ узости нашего сознанія. Такъ напр., прочитавъ объемистую книгу, я могу о ней сдѣлать свое сужденіе, сказавъ: „эта книга полезна". Подъ временнымъ символомъ „эта книга" подразумѣвается все ея содержаніе. Затѣмъ я могу дальше разсуждать: „эта полезная книга должна быть распространена"; „ее слѣдуетъ перевесть на русскій языкъ". Такъ я буду разсуждать про себя. Если же я хочу, чтобы мои мысли понимали другіе люди, то я замѣняю временные символы моего личнаго мышленія „эта „книга" и „ее"—объективными и постоянными символами: вмѣсто нихъ я подставляю самое названіе книги: „Изслѣдованіе о человѣческомъ духѣ Томаса Рида" или—сокращенно „Изслѣдованіе Рида". Подъ этимъ символомъ каждый подразумѣваетъ то же, что и я, т. е. все содержаніе этой книги. Однако никто не представляетъ себѣ всего, что эта книга содержитъ. Даже я, послѣ того какъ вполнѣ ознакомился съ этой книгой, не въ состояніи сдѣлать этого,—въ силу узости человѣческаго сознанія и ограниченности человѣческой памяти. Въ разные моменты моего мышленія я представляю то одно, то другое ея качество,—то одно, то другое разсужденіе Рида [1]). Тѣмъ не менѣе я

[1]) На фактъ узости сознанія психологи обращаютъ слишкомъ мало вниманія; его рѣдко упоминаютъ при объясненіи познавательныхъ процессовъ. Объ этомъ свойствѣ сознанія я подробнѣе разсуждаю въ своей психологіи. См. *И. С. Продань.* „Практическое руководство по психологіи" гл. V, стран. 32—34 и гл. XII, (70—72).

могу оперировать въ своихъ мысленныхъ процессахъ понятіемъ „эта книга"; то же возможно со всѣми понятіями,—у всѣхъ людей, способныхъ мыслить. Мышленіе и познаніе возможно и относительно такихъ понятій, содержаніе которыхъ несравненно сложнѣе приведеннаго выше. Такъ напр., названіе опредѣленной науки обозначаетъ всѣ знанія этой науки; слово „человѣчество" обозначаетъ совокупность всѣхъ людей, со всѣми ихъ качествами и дѣйствіями; а слово „вселенная"— совокупность всего реально существующаго. Итакъ очевидно, что только словесная символизація даетъ намъ возможность обобщать и осложнять наши познавательные процессы.

Для иллюстраціи, какъ происходитъ осложненіе нашего мышленія, мы возьмемъ вышеприведенное сужденіе о книгѣ Рида и будемъ продолжать свое разсужденіе (т. е. рядъ сужденій, логически связанныхъ между собою). При этомъ мы будемъ присоединять къ извѣстному новые факты, получая такимъ образомъ новыя сужденія, а именно: „Переводъ [на русскій языкъ этой полезной] книги Рида *вскорѣ выйдетъ изъ печати*". „Далѣе,—этотъ переводъ... *можетъ имѣть успѣхъ*". (Эти новые факты мы отмѣчаемъ курсивомъ; заключенное въ угольныхъ скобкахъ не мыслится сознательно, а только подразумѣвается). Затѣмъ мое разсужденіе можетъ принять такой видъ: „Успѣхъ перевода... будетъ зависѣть *отъ критики и отъ издателя*" и т. д. Если бы я не сокращалъ самую символизацію мысли, (уже извѣстной и установленной), то въ силу узости сознанія было бы невозможно или по крайней мѣрѣ весьма затруднительно дальнѣйшее развитіе моихъ мыслей. Подобное сокращеніе символизаціи всегда дѣлается нами, даже невольно, и то—не только при мышленіи про себя, но и при обычныхъ разговорахъ: пропускаются не только части предложеній и терминовъ, но и цѣлыя предложенія, которыя подразумѣваются [1]). Сверхъ всего, мы для краткости замѣняемъ постоянные и объективные символы мысли (названія, предназначенныя для постояннаго и всеобщаго употребленія) временными символами, состоящими въ ука-

[1]) Отъ этого естественнаго стремленія къ сокращенію символизаціи иногда уклоняется юридическій языкъ актовъ, договоровъ и т. п.—во избѣжаніе умышленныхъ недоразумѣній и споровъ со стороны противника.

зательныхъ и личныхъ мѣстоименіяхъ, а равно и въ другихъ словахъ и выраженіяхъ, какъ это мы видѣли на вышеприведенномъ примѣрѣ, въ которомъ выраженія „эта книга“ и „ее“ замѣнили названіе книги. Если такое понятіе употребляется нами очень часто въ какомъ-нибудь сочиненіи, то придумываются еще особые временные символы, въ видѣ отдѣльной буквы или другого условнаго знака. Таковые мы имѣемъ въ филологическихъ сочиненіяхъ для обозначенія опредѣленной рукописи или кодекса; въ математикѣ условные знаки употребляются и для обозначенія общихъ понятій, напр.: $>$, $<$, $=$, $\triangle$, $\measuredangle$.

§ 17. Всякое знаніе, не исключая гносеологіи, возникаетъ въ сознаніи мыслящаго человѣка.

Это символизованное словами общечеловѣческое знаніе настолько важно для человѣчества, что многіе философы забываютъ, что и оно все же—знаніе, т. е. плодъ мышленія отдѣльной личности: прежде чѣмъ получить объективную форму, прежде чѣмъ сообщиться другимъ мыслящимъ, оно должно было родиться въ умѣ отдѣльной личности, т. е. оно было сознательнымъ переживаніемъ умственной дѣятельности. Даже пониманіе чужой мысли, чужого знанія, а равно и его заимствованіе, обусловлены опредѣленнымъ психическимъ переживаніемъ.

Такъ же точно и любое воспроизведеніе народной поэзіи и всякаго народнаго творчества въ области искусствъ, прежде чѣмъ сдѣлалось общимъ достояніемъ всего народа, зародилось въ умѣ отдѣльной личности. Если такое произведеніе встрѣтило одобреніе у другихъ, то оно перенималось и распространялось. Если же оно не встрѣчало одобренія, то оно забывалось. То же происходитъ и со всякимъ знаніемъ. Истинное и полезное знаніе, рожденное въ умѣ одного, передается другимъ и развивается дальше. Если его считаютъ истиннымъ и полезнымъ, то оно распространяется и наконецъ дѣлается общимъ достояніемъ всего народа или даже всего человѣчества, въ видѣ научной истины, т. е. истины, провѣренной учеными спеціалистами. Иного „коллективнаго“ творчества, кромѣ описаннаго, быть не можетъ.

Совершенно невѣрно утвержденіе нѣкоторыхъ философовъ, будто гносеологія, имѣя дѣло съ объективной и общеобязательной истиной, не можетъ исходить отъ субъективныхъ переживаній мыслящаго субъекта, которыя будто всегда имѣютъ чисто эмпирическое, единичное и случайное значеніе. Всякое знаніе, прежде чѣмъ превратилось въ объективную, т. е. общеобязательную истину, было сперва познаніемъ только одного человѣка. И теорія Канта, прежде чѣмъ распространилась, зародилась въ умѣ Канта. Все то, что мы называемъ объективной истиной, наукой, т. е. систематизированнымъ сводомъ провѣренныхъ знаній, есть не что иное, какъ собраніе въ опредѣленныхъ комбинаціяхъ символовъ человѣческой рѣчи, т. е. буквъ и обозначаемыхъ ими звуковъ человѣческаго голосового аппарата. Сочетанія этихъ символовъ только для того имѣютъ смыслъ, кто раньше усвоилъ себѣ не одни символы человѣческой мысли, но и самые элементы человѣческаго мышленія и знанія въ видѣ представленій, понятій и сужденій. Стало-быть и науку о знаніи, или гносеологію, нельзя понимать безъ предварительнаго пріобрѣтенія элементовъ мысли и ассоціированныхъ съ ними символовъ, слѣдовательно—безъ самонаблюденія, безъ нѣкоторыхъ знаній психологическихъ; а создать и провѣрить гносеологію безъ этихъ условій и подавно невозможно.

Какимъ образомъ знаніе одной личности, т. е. субъективное, дѣлается согласнымъ съ дѣйствительностью и съ соотвѣтственнымъ знаніемъ у всѣхъ, или другими словами, какъ субъективное знаніе превращается въ объективное, т. е. общеобязательное и истинное, это—другой вопросъ, который будетъ разсмотрѣнъ подробнѣе въ нашемъ изслѣдованіи. Пока же мы отмѣтимъ тотъ фактъ, что гносеологія не можетъ совпасть съ чистой логикой и ея точкой отправленія. Задача гносеологіи гораздо шире: послѣдняя потеряла бы всякій смыслъ, если бы она пренебрегла мыслящимъ субъектомъ и его мышленіемъ, какимъ оно переживается въ сознаніи. Безъ мыслящихъ существъ не бываетъ ни мысли, ни познанія; безъ сознанія не бываетъ ни знанія, ни истины.

Провѣрка познаній, т. е. установленіе ихъ объективной истинности, можетъ обойтись и большею частью и обходится

безъ психологіи; она производится по правиламъ формальной логики, или по правиламъ матеріальной индукціи. Если же провѣрка дѣлается относительно самыхъ фактовъ, то примѣняются опыты, эксперименты и усовершенствованныя орудія познанія, напр.: микроскопы, телескопы, микрофоны и другіе приборы, обнаруживающіе то, что недоступно нашимъ органамъ чувствъ при обыкновенныхъ условіяхъ.

§ 18. Провѣрка фактовъ настоящаго изслѣдованія.

Наше изслѣдованіе мы начнемъ сызнова, какъ будто по этому предмету еще ничего не сдѣлано. Но все-таки мы не будемъ повторять тѣхъ частностей, относительно которыхъ не существуетъ разногласій—таковыхъ, впрочемъ, довольно мало. Сообщаемые факты прежде всего будутъ относиться къ познавательнымъ процессамъ, какъ они переживаются каждымъ познающимъ, т. е. мыслящимъ человѣкомъ. Такъ какъ познавательные процессы относятся къ душевной дѣятельности, то и они могутъ быть изучаемы только тѣмъ способомъ, какимъ изучаются и всѣ душевные процессы, т. е. при помощи самонаблюденія и провѣрки ихъ своимъ собственнымъ внутреннимъ опытомъ. Прочитавъ сообщаемый фактъ, читатель припомнитъ аналогичный фактъ изъ своего прошлаго и, сравнивая его съ сообщеннымъ фактомъ, можетъ провѣрять, вѣрно ли передано сообщенное авторомъ. Факты своего собственнаго непосредственнаго опыта имѣютъ непосредственную очевидность, и не нуждаются ни въ какихъ доказательствахъ. Кто сталъ бы требовать доказательствъ тому, что онъ печаленъ или веселъ при такихъ-то обстоятельствахъ; что онъ въ данный моментъ думаетъ то-то; что онъ, обративши голову вверхъ, видитъ голубое небо; а обративши ее внизъ видитъ бѣлый снѣгъ; что при прикосновеніи языка съ медомъ онъ испытываетъ сладость; а при прикосновеніи языка съ хининомъ—горечь? Каждый непосредственно переживаетъ только свои собственные познавательные процессы; однако каждый вмѣстѣ съ тѣмъ увѣренъ, и вполнѣ основательно, что такіе же процессы при тѣхъ же обстоятельствахъ переживаютъ и всѣ остальные

люди. (Различія относятся, главнымъ образомъ, къ интенсивности, быстротѣ и точности познавательныхъ процессовъ).

Итакъ безъ самонаблюденія и сравненія излагаемыхъ здѣсь фактовъ съ соотвѣтственными собственными переживаніями, т. е. мыслительными процессами, читатель не можетъ провѣрять настоящаго изслѣдованія, не можетъ получить увѣренности въ его истинности или ложности.

Изученіе своихъ душевныхъ переживаній, въ томъ числѣ и познавательныхъ процессовъ, правда, дается труднѣе, чѣмъ непосредственное инстинктивное познаніе внѣшняго міра; но все же при доброй волѣ и при надлежащемъ вниманіи можно прослѣдить свои познавательные процессы, какъ они возникаютъ и совершенствуются. Это изученіе очень облегчается тѣмъ, что элементы знанія у людей имѣютъ довольно точную символизацію посредствомъ сочетанія звуковъ (словъ) и посредствомъ видимыхъ знаковъ (буквъ). Я съ своей стороны постараюсь облегчить трудъ читателю, выбирая, по возможности, простые и типичные примѣры, на которыхъ легче можетъ обнаружиться суть познанія и истины, а равно и способы ея провѣрки.

Если читатель исполнитъ все требуемое отъ него и придетъ къ убѣжденію въ истинности излагаемыхъ фактовъ, а равно и сдѣланныхъ изъ нихъ выводовъ; то этимъ самымъ онъ будетъ избавленъ отъ надобности перечитывать и провѣрять все то, что противорѣчитъ истинѣ. Все это въ его глазахъ можетъ имѣть чисто историческій интересъ: оно покажетъ тотъ длинный и извилистый путь среди дебрей и трясинъ, по которому пробивалась истина на свѣтъ божій. Впрочемъ, заблужденія предшественниковъ могутъ быть поучительны и въ другомъ отношеніи; они насъ предостерегаютъ не повторять старыхъ ошибокъ и не пускаться въ лабиринты туманной философіи безъ путеводной нити Аріадны, которую намъ даетъ нашъ внутренній опытъ.

§ 19. Единообразіе въ познаніи.

Что душевная дѣятельность вообще и въ частности познаніе совершается одинаково у всѣхъ нормальныхъ людей,—въ этомъ увѣрены всѣ въ большей или меньшей

мѣрѣ. Эта истина тоже принадлежитъ къ основнымъ истинамъ здраваго смысла: она не можетъ быть доказана относительно всѣхъ людей. Дѣло въ томъ что ни одно общее сужденіе, въ которомъ подлежащее есть понятіе адіористическое, т. е. съ неограниченнымъ объемомъ, не можетъ быть провѣрено или доказано относительно всѣхъ предметовъ, входящихъ въ объемъ субъекта [1]). Кто станетъ доказывать, что всѣ люди смертны, что всѣ лошади—однокопытныя, что каждый воронъ—черенъ. Вѣдь никто, ни даже все человѣчество не видѣло всѣхъ людей, всѣхъ лошадей, всѣхъ вороновъ. Многіе еще народятся, и сколько ихъ будетъ, неизвѣстно никому, ни даже самому глубокомысленному философу.

Во всѣхъ подобныхъ случаяхъ мы умозаключаемъ по неполной индукціи отъ нѣсколькихъ или многихъ случаевъ ко всѣмъ. Тѣмъ не менѣе мы увѣрены въ истинности своихъ обобщеній, въ истинности соотвѣтственныхъ общихъ сужденій. При такой неполной индукціи мы руководимся своей вѣрой въ единообразіе всей природы, въ единообразіе и человѣческаго мышленія и познанія [2]). Эта вѣра намъ прирождена, но она постоянно подкрѣпляется и нашимъ личнымъ опытомъ, и опытомъ всего человѣчества. Если бы не существовало этого единообразія въ природѣ и въ нашемъ мышленіи, если бы люди мыслили и познавали всегда совершенно различно; то они не могли бы не только понимать другъ друга, но они не могли бы и жить совмѣстно, обществами. Тогда не существовало бы объективнаго знанія, признаваемаго всѣми и подтверждаемаго ежедневно, каждый разъ безъ исключенія. На самомъ дѣлѣ, люди въ огромномъ большинствѣ случаевъ понимаютъ другъ друга; слѣдовательно они познаютъ вещи въ общемъ одинаково. Правда, въ вопросахъ сложныхъ и трудныхъ, люди нерѣдко ошибаются и расходятся другъ съ другомъ; но, къ счастью, эти сложные вопросы имѣютъ мало значенія для обыденной будничной жизни.

[1]) См. *И. С. Проданъ*, учебникъ логики, 2 изд. 1911 г. § 10 (стран. 24).

[2]) Тамъ же, § 49 (стран. 140—141).

II Глава. ЭЛЕМЕНТЫ ЗНАНІЯ—СУЖДЕНІЯ.

§ 1. Элементы познанія и мышленія.

Въ предыдущей главѣ мы отмѣтили основныя истины, обусловливающія всякое знаніе,—истины очевидныя, молчаливо признаваемыя всѣми здравомыслящими людьми, не исключая и скептиковъ. Послѣ этого мы можемъ приступить къ анализамъ познанія и знанія и къ раскрытію тѣхъ путей, которыми получается истина и обнаруживается возможное заблужденіе.

Объективное знаніе, провѣренное и общеобязательное, составляетъ науку. Подъ таковой разумѣютъ всю совокупность знаній относительно опредѣленной области природы или духа, т. е. всѣ сочиненія, въ которыхъ изложены эти знанія. Въ каждой книгѣ, относящейся къ опредѣленной наукѣ, излагается только часть матеріала, составляющаго данную науку; но и эта часть излагается не—какъ попало, а въ опредѣленномъ порядкѣ, по опредѣленному плану. Книга дѣлится на части, отдѣлы, главы, параграфы, абзацы; но и въ каждомъ мельчайшемъ дѣленіи излагаются въ опредѣленной связи отдѣльныя положенія и мысли. Каждая законченная мысль выражается грамматическимъ предложеніемъ и отдѣляется отъ другой мысли точкой или другимъ знакомъ препинанія. Каждое предложеніе, въ свою очередь, состоитъ изъ словъ; но каждое слово, взятое отдѣльно, не даетъ еще законченной мысли. Исключеніе составляютъ безличныя предложенія, которыя могутъ состоять изъ одного слова, но съ соотвѣтственной флексіей. Каждымъ словомъ

предложенія, взятымъ порознь, вызывается въ нашемъ сознаніи только отдѣльное представленіе или понятіе, входящее въ составъ всей мысли; но имъ не дается законченной мысли. Таковая имѣется лишь въ предложеніи. Слѣдовательно **предложеніе есть выраженіе законченной мысли; оно есть элементъ мышленія и знанія.**

Такъ какъ наше познаніе тѣсно связано съ нашимъ мышленіемъ и его символизаціей, т. е. съ рѣчью и письмомъ, то изслѣдованіе познанія не можетъ игнорировать и самую символизацію познанія: безъ таковой не существовало бы ни объективнаго познанія, ни самой науки объ этомъ познаніи, т. е. гносеологіи. Значеніе человѣческой рѣчи для знанія понималъ еще Локкъ, который удѣлилъ достаточно вниманія и анализамъ человѣческаго языка [1]). И мы не можемъ пренебречь этимъ.

Нѣкоторые философы видѣли элементы знанія въ понятіяхъ, предполагая ошибочно, будто понятія образуются раньше сужденій. Мы убѣдимся впослѣдствіи, что это мнѣніе не совсѣмъ вѣрно, что сужденія образуются уже въ первые дни жизни, а понятія не прекращаютъ формироваться и измѣняться до тѣхъ поръ, пока человѣкъ вообще прогрессируетъ въ своихъ познаніяхъ. Въ сужденіи, какъ мы увидимъ, только предикатъ всегда представляетъ собою познавательный элементъ, почерпнутый изъ **прошлаго** опыта мыслящаго и судящаго человѣка.

§ 2. Предложеніе и сужденіе.

Всѣ наши объективныя познанія выражаются отдѣльными мыслями. Каждая законченная мысль выражается грамматическимъ предложеніемъ. Таковое по примѣру Аристотеля опредѣляютъ, какъ мысль, выраженную словами (или письмомъ), въ которой что-нибудь утверждается или

[1]) См. *I. Locke,* Essay conc. hum. underst. b. III. Въ этомъ знаменитомъ произведеніи, состоящемъ изъ четырехъ книгъ, третья исключительно посвящена человѣческой рѣчи.

отрицается (относительно опредѣленнаго предмета или предметовъ). Въ грамматическомъ предложеніи, какъ извѣстно, отличаютъ двѣ главныхъ части—подлежащее и сказуемое; а иногда—еще и связку. Въ традиціонной логикѣ обыкновенно такъ же опредѣляется *сужденіе*, только съ тѣмъ ограниченіемъ, что въ сужденіяхъ (логики) глаголъ долженъ быть въ изъявительномъ наклоненіи. Грамматическое предложеніе есть выраженіе сознательнаго мыслительнаго процесса, который въ психологіи и логикѣ называется сужденіемъ. Логика занимается исключительно только содержаніемъ сужденій и совершенно отвлекается отъ судящаго субъекта и отъ самаго познавательнаго процесса, какимъ онъ переживается и сознается въ опредѣленный моментъ духовной жизни. Психологія, напротивъ, разсматриваетъ это самое переживаніе. Гносеологія должна обращать вниманіе на то и другое [1]).

Свои анализы я начну съ сужденія, при чемъ стану сперва на точку зрѣнія психологіи, а потомъ я разсмотрю его и съ логической точки зрѣнія. Прежде всего спрашивается, что такое сужденіе. Отвѣтъ въ видѣ логическаго опредѣленія не можетъ быть данъ въ началѣ нашего изслѣдованія. Дѣло въ томъ, что философы до сихъ поръ еще спорятъ относительно сущности сужденія: ими даются весьма различныя и отчасти даже противорѣчивыя опредѣленія. Не вдаваясь въ разборъ этихъ противорѣчій и въ критику невѣрныхъ опредѣленій, я пока отмѣчу только невѣрность опредѣленій сужденія, какъ „синтеза" понятій, если подъ таковымъ разумѣть только одновременное появленіе ихъ въ сознаніи. Если же подъ этимъ „синтезомъ" разумѣть то особое сочетаніе понятій, которымъ создается сужденіе, то это слово равносильно понятію „сужденіе", и представляетъ собою только замѣну всѣмъ извѣстнаго слова новымъ, неизвѣстнымъ; такимъ образомъ, греческимъ словомъ „синтезъ" только маскируется незнаніе, въ чемъ состоитъ сужденіе. Еще болѣе невѣрно опредѣленіе сужденія, какъ частнаго

1) Подробнѣе будетъ отмежевана логика отъ психологіи и очерчена задача гносеологіи въ другомъ мѣстѣ. Этого вопроса мы уже касались во введеніи, въ §§ 16 и 17.

вида ассоціаціи идей [1]). Что эти опредѣленія невѣрны, легко убѣдиться изъ разсмотрѣнія нѣсколькихъ примѣровъ. На нихъ выяснится и сущность сужденія. Впрочемъ, въ началѣ нашего изслѣдованія достаточно сказать, что сужденіемъ мы называемъ цѣльный познавательный процессъ, выражаемый большей частью простымъ грамматическимъ предложеніемъ. Кто хоть немного наблюдалъ свое мышленіе, тотъ пойметъ, что́ такое сужденіе, и безъ его логическаго опредѣленія. Точно такъ же дѣти понимаютъ, что такое „стулъ", хотя и не слышали его логическаго опредѣленія; такъ же всѣ понимаютъ, что такое „гнѣвъ" или „печаль", хотя никогда не слышали логическихъ опредѣленій этихъ понятій.

Невѣрность вышеприведенныхъ опредѣленій прежде всего видна на отрицательныхъ сужденіяхъ. Если я сужу, что „китъ не—рыба", а „нетопырь не—птица", то этими сужденіями я отвергаю случайныя ассоціаціи по сходству или „синтезы" понятій „китъ" и „рыба", „нетопырь" и „птица", которые возникли въ моемъ сознаніи безъ достаточнаго логическаго основанія.

Но и утвердительныя сужденія опровергаютъ вышеприведенныя опредѣленія сужденія. Предположимъ, я вижу у моего пріятеля новую картину и говорю: „эта картина—*прекрасна*" [2]). Въ этомъ случаѣ я судилъ о картинѣ, оцѣнивая ее съ эстетической стороны: здѣсь, безъ сомнѣнія, мы имѣемъ сужденіе, которое зародилось у меня и которое я передаю словами пріятелю. Выраженіе сужденія грамматика называетъ предложеніемъ. Въ данномъ случаѣ логическое и психологическое сужденіе вполнѣ покрываются своими терминами съ грамматическимъ предложеніемъ. Но если бы я сказалъ, „эта прекрасная картина", то пріятель не понялъ бы меня: въ этихъ словахъ не было бы законченной мысли, не было бы ни психологическаго, ни логическаго сужденія, хотя мною употреблены тѣ же три слова, хотя имѣется скрытое утвержденіе о картинѣ, что она прекрасна. Въ этихъ

[1]) Мое опредѣленіе сужденія будетъ дано ниже—послѣ разсмотрѣнія достаточнаго числа примѣровъ и послѣ ихъ подробнаго анализа.

[2]) Черта во всѣхъ дальнѣйшихъ примѣрахъ указываетъ на логич. связку, а курсивъ обозначаетъ предикатъ (сказуемое) сужденія.

трехъ словахъ тоже имѣется предметъ „эта картина", имѣется и его качество „прекрасная"; однако это качество присоединено, какъ нѣчто уже знакомое и установленное, о чемъ не сомнѣваются и не судятъ въ данный моментъ. Въ этихъ трехъ словахъ тоже имѣется „синтезъ" тѣхъ же понятій; однако ими не высказано сужденія. Итакъ *не всякій синтезъ даетъ сужденіе!* Подобный синтезъ можетъ оказаться результатомъ цѣлаго ряда сужденій, самъ не будучи сужденіемъ. Предположимъ, что я вглядываюсь въ картину и узнаю ее, какъ знакомую, высказывая новое сужденіе: „эта прекрасная картина—*мнѣ знакома*". Потомъ я припоминаю автора картины и высказываю третье сужденіе; „эта [прекрасная [1]] картина—*В. Маковскаго*". Во второмъ и третьемъ сужденіяхъ повторяются въ видѣ логич. подлежащаго (субъета) тѣ же три слова, которыя образовали первое сужденіе. Во второмъ сужденіи логическому субъекту приписано логич. сказуемое (предикатъ) „мнѣ знакома", а въ третьемъ „В. Маковскаго".

Я могу еще дальше осложнять свою мысль и процессъ сужденія, сдѣлавъ третье сужденіе субъектомъ новаго сужденія. Предположимъ, что я припомню новое обстоятельство, связанное съ картиной, и скажу: „эта [прекрасная] картина [В. Маковскаго]—*названа словомъ „Помѣшали"*. Въ этомъ четвертомъ сужденіи его субъектомъ служатъ всѣ слова третьяго сужденія, а логич. предикатомъ вмѣстѣ со связкой—слова „названа словомъ „Помѣшали"; однако и тутъ мы имѣемъ только одно сужденіе, хотя оно можетъ быть выражено сложнымъ предложеніемъ. Наконецъ, я припоминаю еще одно обстоятельство и образую пятое сужденіе „эта [прекрасная] картина [В. Маковскаго, названная словомъ „Помѣшали"]—была *въ музеѣ Императора Александра III*". Въ этомъ пятомъ примѣрѣ мы опять имѣемъ одно только сужденіе; въ немъ предикатъ сужденія, отмѣченный курсивомъ, обозначаетъ нѣчто новое; а все то, что раньше мнѣ уже было извѣстно, составляетъ субъектъ пятаго сужденія. Этотъ субъектъ сужденія заключаетъ въ себѣ грамматическое подлежащее и нѣсколько грамматическихъ опредѣленій, указывающихъ на нѣчто уже извѣстное, о чемъ мысля-

[1]) Слова, заключенныя въ угольныхъ скобкахъ, не высказаны вслухъ, а только подразумѣваются.

щій въ данный моментъ не судитъ, а только воспроизводитъ его, какъ извѣстное. Въ этомъ сужденіи одно изъ опредѣленій грамматическаго подлежащаго „картина“ выражено цѣлымъ опредѣлительнымъ предложеніемъ. (Такихъ придаточныхъ предложеній, обозначающихъ качества и разныя другія обстоятельства подлежащаго, можетъ быть иногда много). Здѣсь таковое вмѣстѣ съ грамматическимъ подлежащимъ образуетъ одинъ предметъ сужденія, т. е.—логическій субъектъ, въ которомъ имѣется *синтезъ* четырехъ прежде образованныхъ сужденій. На этомъ пятомъ сужденіи видно, что его логическіе термины—субъектъ и предикатъ не совпадаютъ съ подлежащимъ и сказуемымъ предложенія [1]).

Изъ приведенныхъ примѣровъ отнюдь не слѣдуетъ, что *всѣ* сужденія получаются на основаніи синтеза понятій [2]).

§ 3. Отличіе анализа синтактическаго отъ логическаго.

Что логическіе термины сужденія--субъетъ и предикатъ—не совпадаютъ съ грамматическимъ подлежащимъ и сказуемымъ, лучше всего видно на предложеніяхъ, въ которыхъ отвѣтъ выраженъ логич. удареніемъ голоса. Такъ напр., на вопросительное предложеніе: „ты вчера гулялъ въ саду съ моей сестрой?“ съ перенесеніемъ логическаго ударенія на другое слово получится другой отвѣтъ. 1) На вопросъ съ удареніемъ на „ты“ можетъ быть полученъ отвѣтъ „я“ или „не я“. 2) На вопросъ съ удареніемъ на „вчера“ опять можетъ быть данъ отвѣтъ „вчера“ или „не вчера“. 3) На вопросъ съ удареніемъ „гулялъ“ можетъ быть данъ отвѣтъ „гулялъ“ или „нѣтъ, не гулялъ“. Подобные же два противорѣчащіе отвѣта возможны и при удареніи на словахъ „въ саду“, „моей“ и „сестрой“. Во всѣхъ этихъ шести случаяхъ отвѣтъ можетъ быть данъ и полнымъ предложеніемъ съ тѣми же словами и съ тѣмъ же удареніемъ, что и

[1]) Во избѣжаніе недоразумѣній мы будемъ обозначать логическіе термины сужденія латинскими названіями—„субъектъ“ и „предикатъ“, а подъ русскими названіями „подлежащее“ и „сказуемое“ будемъ разумѣть главныя части *предложенія* по грамматич. анализу.

[2]) См. гл. III, § 2 настоящаго изслѣдованія.

въ вопросѣ. 1) Въ сужденіи „*я* вчера гулялъ въ саду съ твоей сестрой“ „я“ будетъ однимъ терминомъ сужденія, а всей остальной частью предложенія представленъ другой терминъ. Это сужденіе устанавливаетъ фактъ относительно того, въ чемъ сомнѣвался спрашивающій, т. е. что гуляющимъ... былъ именно *я*. 2) Въ сужденіи „я *вчера* гулялъ... „устанавливается фактъ, что гулянье мое... происходило именно в ч е р а, а не въ другой день. 3) Въ сужденіи „я вчера *гулялъ* съ твоей сестрой“ устанавливается фактъ, что гулянье с о с т о я л о с ь: подразумѣвается, что я не ежедневно гуляю съ твоей сестрой. 4) Въ сужденіи „я вчера гулялъ *въ саду* съ твоей сестрой“, устанавливается фактъ, что гулянье происходило в ъ с а д у, а не въ другомъ мѣстѣ. 5) Въ пятомъ сужденіи отмѣчается фактъ, что „я вчера гулялъ... *съ твоей* сестрой, а не съ сестрой Ивана Ивановича. 6) Въ сужденіи „я вчера гулялъ... съ твоей *сестрой*“ устанавливается фактъ, что гулянье происходило съ с е с т р о й, а не съ кѣмъ-нибудь другимъ. Такимъ образомъ однимъ и тѣмъ же грамматическимъ предложеніемъ, съ перемѣной ударенія, каждый разъ высказывается и н о е сужденіе, съ другими логич. терминами. И хотя каждое слово предложенія выражаетъ особое обстоятельство; но только относительно о д н о г о подымается сомнѣніе и дѣлается опредѣленное сужденіе: остальныя предполагаются несомнѣнными и извѣстными. Грамматика этихъ различій сужденія не отмѣчаетъ: она „во всѣхъ шести случаяхъ видитъ то же подлежащее „я“ и то же сказуемое „гулялъ“. Психологія и гносеологія съ этимъ не могутъ согласиться.

§ 4. Термины сужденія.

Разсмотримъ теперь, выдерживаетъ ли логика свою точку зрѣнія въ анализахъ сужденія. Традиціонная логика имѣетъ дѣло съ сужденіями, не только расчлененными и точно выраженными словами, но и провѣренными опытомъ. Въ таковыхъ уже заключается знаніе объективное, въ большей или меньшей степени общепризнанное. Отъ завѣдомо ложнаго знанія никто не станетъ исходить въ своихъ умо-

заключеніяхъ, кто ищетъ истины; а традиціонная логика, кромѣ методологіи, главнымъ образомъ, занимается умозаключеніями—дедуктивными и индуктивными. Поэтому традиціонная логика чаще всего повторяетъ опредѣленіе сужденія, данное еще Аристотелемъ, а именно, что сужденіе есть „изреченіе или мысль, въ которой что-нибудь утверждается или отрицается относительно другого“ [1]). Этимъ опредѣленіемъ сужденія уже предполагаются три существенныхъ части сужденія: а) то, что утверждается или отрицается, т. е. предикатъ сужденія; б) то понятіе, о которомъ что-нибудь утверждается или отрицается, т. е. субъетъ сужденія; в) выраженіе самого утвержденія или отрицанія, называемое связкой (copula).

Эти опредѣленія сужденія и его терминовъ, данныя Аристотелемъ, вѣрнѣе многихъ новѣйшихъ опредѣленій; однако мы увидимъ, что и они во многихъ случаяхъ сбивчивы и непримѣнимы къ нашимъ сужденіямъ, какъ они естественно высказываются или мыслятся. Такъ, въ первомъ примѣрѣ предыдущаго параграфа „*я* вчера гулялъ въ саду съ твоей сестрой“ отвѣтъ заключается въ словѣ „*я*“. Только относительно лица, „гулявшаго...“ поднимается вопросъ: только относительно его существовало сомнѣніе и въ отвѣтъ дано приведенное сужденіе. Все же остальное предполагается несомнѣннымъ. Тотъ же отвѣтъ мы могли бы выразить и въ иной формѣ, напр.: „гуляющимъ вчера съ твоей сестрой былъ именно *я*“ или „вчерашнее гулянье съ твоей сестрой было совершено *мною*“. Отъ этого измѣненія формы содержаніе логическаго сужденія нисколько не измѣнилось; однако уже въ послѣднемъ предложеніи грамматическимъ подлежащимъ оказывается слово „гулянiе“, а сказуемымъ съ его пояснительными словами—„было совершено *мною*“. Слѣдовательно во мнѣ, или вѣрнѣе въ томъ, что *я*—то лицо, которое совершило гулянье, заключается утвержденіе сужденія. Слѣдовательно „я“ представляетъ собою логическій предикатъ перваго сужденія; а слова „вчера гулялъ въ

[1]) Опредѣленіе Аристотеля повторяла не только схоластика, но и въ новое время: *Л. Вивесъ, Декартъ*, логика *Поръ-Рояля*; а въ новѣйшее—англичане: *Селли* (Sully); въ нѣсколько измѣненной формѣ, *Дж. Ст. Милль, А. Бэнъ*, а также нѣмцы: *Либманъ, Э. Гартманъ Г. Риккертъ*.

саду съ твоей сестрой" представляютъ собою „субъектъ" сужденія. Логика, какъ о томъ свидѣтельствуетъ самое ея названіе, должна разсматривать не форму, не выраженіе мысли, а ея смыслъ (λόγος), ея содержаніе.

На отличіе терминовъ сужденія отъ частей предложенія до сихъ поръ не обращено должное вниманіе представителями логики. Такъ напримѣръ, традиціонная логика сужденіе „не всѣ люди грѣшны" (=нѣкоторые люди не грѣшны) разсматриваетъ такъ же, какъ и грамматика, считая слово „люди" субъектомъ, а „грѣшны" предикатомъ сужденія. На самомъ дѣлѣ, въ этомъ сужденіи мы судимъ только относительно объема понятія „люди" (или „человѣкъ"); фактъ грѣховности людей принимается за нѣчто данное, не подвергаемое сомнѣнію; а отрицаніемъ „не" оспаривается все количество людей, т. е. объемъ этого понятія. Слѣдовательно въ данномъ примѣрѣ одинъ изъ терминовъ сужденія представленъ словами „люди грѣшны", а другой вмѣстѣ со связкой—словами „*не всѣ*" [1]). Для лучшаго уясненія сказаннаго мы можемъ придать этому сужденію иную словесную форму, говоря: „грѣховность людей присуща *не всѣмъ*". Тутъ и подлежащимъ предложенія и субъектомъ соотвѣтственнаго логическаго сужденія есть „грѣховность людей".

Еще лучше видно это отличіе терминовъ сужденія отъ частей предложенія въ тѣхъ предложеніяхъ, въ которыхъ высказывается взаимное отношеніе между двумя предметами—пространственное, временное, причинное, отношенія сходства, равенства, различія. Такъ напр., въ сужденіи „современникомъ Лейбница былъ *Петръ Великій*". Если это сужденіе служитъ отвѣтомъ на вопросъ: „кто изъ русскихъ императоровъ былъ современникомъ Лейбница?" То отвѣтъ „Петръ Великій" представляетъ собою предикатъ сужденія; между тѣмъ это слово есть подлежащее предложенія. То же самое мы имѣемъ и въ сужденіи „напротивъ дома Иванова находится домъ *Степанова*". Если оно служитъ отвѣтомъ на вопросъ: „чей домъ

[1]) Ср. *И. С. Проданъ*. Учебникъ логики, 2-е изданіе § 24. Въ учебникѣ, предназначенномъ для средней школы, я ограничился указаніемъ на различіе въ смыслѣ подобныхъ сужденій, не отмѣчая ошибочности традиціонныхъ толкованій сужденія и его терминовъ.

находится напротивъ дома Иванова?", тогда домъ Иванова оказывается даннымъ, отъ котораго исходитъ судящій, т. е. субъектомъ сужденія, а „домъ Степанова"—отвѣтомъ, т. е. предикатомъ сужденія. Иное получится, если я отвѣчу на вопросъ: „гдѣ находится домъ Степанова?" и скажу. „Домъ Степанова—напротивъ *дома Иванова*". Въ этомъ сужденіи судящій исходитъ отъ „дома Степанова" и устанавливаетъ пространственное его положеніе указаніемъ на домъ Иванова. Слѣдовательно въ этомъ указаніи дома Иванова заключается отвѣтъ и предикатъ даннаго сужденія. Въ обоихъ случаяхъ установлено взаимное положеніе двухъ сосѣднихъ домовъ Иванова и Степанова посредствомъ слова „напротивъ" и глагола „находится" или подразумѣваемаго „есть": въ этихъ словахъ и выражена связка обоихъ терминовъ сужденія. Послѣдніе же мѣняются въ зависимости отъ точки отправленія судящаго [1]).

Если пренебречь точкой отправленія судящаго, что дѣлается грамматикой и отчасти традиціонной логикой,—тогда теряется всякое различіе между обоими терминами. Это, повидимому, неясно чувствовали прежніе логики, установившіе правила обращенія (conversio). Они видѣли, что оба термина сужденія могутъ быть переставлены—иногда съ измѣненіемъ количества,—а смыслъ сужденія остается тотъ же. Къ сожалѣнію, они брали для своихъ примѣровъ только одинъ весьма ограниченный классъ сужденій,—сужденія аналитическія, въ томъ числѣ и сужденія включенія низшаго класса въ высшій (такъ называемые Subsumtionsurteile). Если же вникать во весь смыслъ сужденія,—не только въ смыслъ словъ, но и въ точку зрѣнія судящаго, выражаемую логическимъ удареніемъ и расположеніемъ словъ,—то оба термина должны быть отличаемы другъ отъ друга. Тогда въ каждомъ су-

[1]) Подобныя сужденія вѣрно объясняетъ и Зигвартъ; однако и онъ не сумѣлъ отдѣлаться отъ непослѣдовательности традиціонной логики въ пониманіи терминовъ сужденія: и Зигвартъ не отличаетъ зависимости терминовъ сужденія отъ точки отправленія судящаго, хотя и отмѣчаетъ различіе въ смыслѣ сужденія „Сократъ—здѣсь" въ зависимости отъ вопросовъ: „кто здѣсь?" и „гдѣ Сократъ?". См. *Sigwart*, Logik, 3 Auflage. 1904, § 12, s. 89 и 90. Ср. его же примѣчаніе на стран. 77 и 78.

жденіи, какъ оно переживается мыслящимъ, должно отличать ту его часть, отъ которой исходитъ судящій; эта часть иногда соотвѣтствуетъ тому, что традиціонная логика называетъ субъектомъ сужденія. Другая же часть сужденія привносится къ первой памятью и разсудкомъ; эта часть обыкновенно соотвѣтствуетъ предикату традиціонной логики. Но сверхъ того, должно отличать въ сужденіи, какъ оно выражается человѣческою рѣчью, еще тотъ составной элементъ сужденія, которымъ устанавливается самая связь или отношеніе между терминами сужденія. Это —такъ называемая связка сужденія (copula).

§ 5. Связка.

Что связка должна быть выдѣлена отъ предиката сужденія, лучше всего видно на тѣхъ сужденіяхъ, которыми обозначаются взаимныя отношенія между двумя фактами или предметами дѣйствительности. Возьмемъ, напр., отношенія равенства. Если я скажу: „треугольникъ *A* равенъ треугольнику *B*“, то это сужденіе служитъ отвѣтомъ на вопросъ, „чему равенъ треугольникъ *A*?“ Слѣдовательно, треугольникъ *B* составляетъ предикатъ сужденія; а слово „равенъ“ обозначаетъ самое отношеніе равенства, устанавливаемое между субъектомъ *A* и предикатомъ *B*. Синтактическій разборъ этого предложенія совершенно не логиченъ. Слово „равенъ“ можно считать сказуемымъ предложенія; но никоимъ образомъ его нельзя считать ни предикатомъ сужденія, ни его частью. Дѣло въ томъ, что предложеніе „треугольникъ *A* равенъ“ само по себѣ представляетъ безсмыслицу. О равенствѣ можетъ быть рѣчь лишь тогда, когда даны по меньшей мѣрѣ два сравниваемыхъ предмета.

Поэтому невѣрно утвержденіе Зигварта, будто въ сужденіяхъ „*A* равно *B*“ и „*B* равно *A*“ предикатъ сужденія составленъ изъ понятій „равно *B*“ и „равно *A*“ [1]). Понятіе равенства съ психологической точки зрѣнія можно отнести къ субъекту, а именно,—когда спрашиваютъ „чему равно

[1]) *Sigwart,* Logik, 3 Aufl. 1. Bd § 12. S. 90.

A?“ Тогда дано судящему не только *A*, но и требованіе отыскать равный ему предметъ или объектъ; но къ предикату его никоимъ образомъ нельзя отнести. Съ логической точки зрѣнія вѣрнѣе будетъ и въ этомъ случаѣ „равенство“ считать выраженіемъ отношенія между *A* и *B*, т. е. связкой.

Сужденіе „*A* равно *B*“ можетъ быть выражено и другимъ способомъ, а именно: „*A* и *B* равны другъ другу“; но отъ этого нисколько не измѣняется смыслъ, слѣдовательно и послѣднее предложеніе выражаетъ одно сужденіе равенства двухъ величинъ. Зигвартъ, не отрѣшившійся вполнѣ отъ грамматическаго анализа, усматриваетъ въ этомъ слитномъ предложеніи два сужденія, а именно: „*A* равно *B*“ и „*B* равно *A*“ [1]). Въ такомъ случаѣ каждое сужденіе можно считать выраженіемъ двухъ сужденій, такъ какъ въ каждомъ сужденіи можно переставить оба термина по правиламъ обращенія (conversio).

Итакъ, въ приведенныхъ примѣрахъ слово „равно“ обозначаетъ качество отношенія между обоими терминами: въ немъ именно заключается связка.

Подобной же связкой могутъ быть и понятія „больше, меньше; спереди, сзади; сверху, снизу; слѣва, справа; вмѣстѣ, врозь; близко, далеко; раньше, позже; причина и дѣйствіе, дѣйствіе и претерпѣваніе...

Всѣ эти понятія указываютъ на взаимныя отношенія между двумя фактами, предметами, точками. Связку должно выдѣлять не только въ тѣхъ случаяхъ, въ которыхъ устанавливается взаимоотношеніе между терминами сужденія. Она большей частью имѣетъ особое выраженіе и въ остальныхъ сужденіяхъ. Такъ напр., въ сужденіяхъ, выражающихъ качество или дѣятельность субъекта, связка выражается или вспомогательнымъ глаголомъ „есть“, который въ русской рѣчи обыкновенно опускается и замѣняется передышкой, или же флексіей—имени прилагательнаго или глагола. Сверхъ того, связка обозначается и особыми словами съ соотвѣтственными флексіями. Такъ, въ сужденіяхъ „снѣгъ бѣлъ“, „хининъ горекъ“ усѣченная форма имени прилагательнаго съ соотвѣтственной флексіей указы-

1) Тамъ же.

ваетъ на то, что это имя прилагательное служитъ сказуемымъ предложенія и предикатомъ соотвѣтственнаго сужденія.

Въ сужденіяхъ, включающихъ субъектъ въ классъ предиката, (въ такъ называемыхъ Subsumtionsurteile), связкой бываетъ вспомогательный глаголъ „есть" или другая форма этого глагола. Связка „есть" и „суть" въ русскомъ языкѣ обыкновенно опускаются. Этотъ пропускъ въ письмѣ обозначается чертой. Такъ напр., „полынь—трава", „лиственница—дерево". Подобныя сужденія указываютъ, что ихъ субъекты „полынь", „лиственница" составляютъ часть класса, обозначаемаго предикатомъ: полынь есть одинъ изъ видовъ травъ, а лиственница—одинъ изъ видовъ класса деревьевъ.

То же бываетъ и въ такъ называемыхъ аналитическихъ сужденіяхъ, въ которыхъ предикатъ повторяетъ одинъ изъ существенныхъ признаковъ субъекта, напр.: „тѣла —протяженны", „прямоугольникъ есть параллелограмъ".

Та же связка „есть" подразумѣвается и во всѣхъ сужденіяхъ, въ которыхъ на основаніи узнаванія существенныхъ признаковъ устанавливается тожество между воспринимаемымъ и припоминаемымъ объектомъ. Такъ, напр., въ сужденіяхъ: „это—снѣгъ, это—кровь, это—Сократъ" [1]).

Въ сужденіяхъ „пламя жжетъ", „вѣтеръ сушитъ бѣлье" флексія глагола „т" указываетъ, что дѣйствіе выраженное глаголомъ, приписывается подлежащему предложенія или субъекту сужденія. При этомъ флексія настоящаго времени весьма часто обозначаетъ и такое дѣйствіе, которое совершается обыкновенно или всегда, а не только въ моментъ рѣчи или процесса сужденія.

То же бываетъ и въ тѣхъ сужденіяхъ, въ которыхъ глаголъ обозначаетъ состояніе или положеніе предмета, напр.: „Ваня спитъ", „Егоръ лежитъ". Въ послѣднемъ примѣрѣ подразумѣвается тотъ предметъ, на которомъ Егоръ обычно лежитъ, т. е. диванъ или кровать. Если бы подразумѣвалось нѣчто иное, то тогда это было бы обозначено особо, напр.: „Егоръ лежитъ *въ гамакѣ*" или „Егоръ лежитъ *на полу*". Въ этихъ случаяхъ слово „лежитъ" ука-

[1]) Эти три примѣра взяты изъ логики Зигварта, который ихъ ошибочно считаетъ сужденіями наименованія (Benennungsurteile). См. *Sigwart*, Logik, 3 Aufl. I. Bd. § 9, s. 66—70. Объ этомъ будетъ подробно сказано ниже.

зываетъ на положеніе тѣла Егора по сравненію съ основаніемъ, поддерживающимъ тѣло Егора. Если эти сужденія отвѣчаютъ на вопросъ „гдѣ лежитъ Егоръ?“ то очевидно, что отвѣты „въ гамакѣ“ и „на полу“ представляютъ собою предикатъ; тогда въ словѣ „лежитъ“ нужно видѣть связку сужденія.

Изъ всего параграфа видно, что логическая связка довольно рѣдко совпадаетъ съ грамматической. Первая можетъ быть выражена не только глаголомъ „быть“ и ему подобными, какъ „являться, оказываться, представляться, состоять, казаться, становиться, дѣлаться, называться, имѣть свойство“ и т. д. Логическая связка можетъ быть выражена и личнымъ окончаніемъ глагола или флексіей глагола, или имени прилагательнаго, а равно и другими способами выраженія. Соединять ее съ предикатомъ во едино, какъ то дѣлаетъ иногда Зигвартъ и всегда Вундтъ, отличающій въ сужденіи только двѣ части, представляется не соотвѣтствующимъ дѣйствительности: это согласно только съ невѣрнымъ опредѣленіемъ сужденія, даннымъ Вундтомъ [1]).

§ 6. Безличныя предложенія; критика ихъ объясненія, даннаго Зигвартомъ.

На эти предложенія обратили свое вниманіе въ истекшемъ вѣкѣ и филологи и логики [2]). Насъ они интересуютъ только съ логической и гносеологической стороны: представляютъ ли они собою сужденія, со всѣми тремя ихъ составными частями, или же они—только часть сужденія, не

[1]) Объ этомъ будетъ рѣчь ниже.

[2]) См.: a) *Herbart* Lehrb. zur Einleitung in die Philosophie, 3 Aufl. § 63.
b) *Miklosich*, Subjectlose Sätze, 2 Aufl. Wien 1883.
c) *W. Schuppe*, Art. in Zeitschr. f. Völkerpsych. и Sprachwiss 1886, Bd. XVI.
d) *Sigwart*, Die Impersonalien, Freiburg 1888.
e) *M. Iovanovich*, Die Impersonalien, Belgrad 1896.
f) *Jerusalem*, Die Urteilsfunction, 1895. S. 125.

представляющая собою объективнаго знанія. Прежде чѣмъ приступить къ разрѣшенію этого вопроса, я изложу то, что до сихъ поръ сдѣлано въ лучшей изъ нѣмецкихъ логикъ, а именно въ послѣднемъ изданіи логики Зигварта [1]). Въ ней удѣленъ этимъ предложеніямъ особый параграфъ въ 9 страницъ, въ которомъ дается такое объясненіе: „Въ собственномъ и строгомъ смыслѣ безличныя предложенія—это только такія, въ которыхъ (качество или дѣйствіе воспринимается само по себѣ...), а отношеніе его къ предмету подлежащаго (Dingsubject) исключено" [2]). Четырьмя страницами ниже Зигвартъ ихъ поясняетъ такъ: „Настоящія безличныя предложенія (echte Impersonalien) это—такія, у которыхъ мысль о вещи (Ding), которой могло бы быть приписано сказуемое, совсѣмъ отпадаетъ, и вопросъ о таковой не имѣетъ никакого смысла; имъ должно противополагать тѣ обороты рѣчи, въ которыхъ хотя и не поименованъ предметъ подлежащаго (Dingsubject), но по крайней мѣрѣ подразумѣвается; таковой представляется неопредѣленно и обозначается только мѣстоимѣніемъ средн. рода или окончаніемъ флексіи. Выраженія" „mich hungert" (=я голоденъ, мнѣ хочется ѣсть) „mich dürstet" (=я чувствую жажду) совсѣмъ не допускаютъ вопроса „was mich hungert oder dürstet" (чтó вызываетъ голодъ или жажду?); такъ же и [латинскія безличныя предложенія] „pudet" или „poenitet" не могутъ быть дополнены именемъ существительнымъ въ качествѣ подлежащаго. Но если я скажу [продолжаетъ Зигвартъ] „начинается" или „кончилось", то я всегда подразумѣваю нѣчто опредѣленное—рядъ событій, который ожидался или происходилъ: зрѣлище, музыкальное исполненіе, борьбу или т. под. Въ этихъ случаяхъ предполагается со стороны слушающаго, что его вниманіе обращено на тотъ же рядъ событій, слѣдовательно, что болѣе точное его обозначеніе не нужно... излишне или же слишкомъ затруднительно" [3]). Послѣднія выраженія Зигвартъ называетъ „кажущимися безличными предложеніями" (scheinbare Impersonalien [4]).

[1]) *Sigwart*, Logik, 3 Aufl. § 11. S. 76—84.
[2]) Тамъ же стран. 76.
[3]) Въ цитир. соч. стран. 80.
[4]) Тамъ же.

На это я прежде всего долженъ замѣтить, что въ этомъ разъяненіи Зигвартъ по данному вопросу не вышелъ за предѣлы грамматики. Далѣе, его дѣленіе „безличныхъ“ на „настоящія“ и „кажущіяся безличными“ съ логической точки зрѣнія не осуществимо: „настоящія“ безличныя или выражаютъ опредѣленную законченную мысль, слѣдовательно они—сужденія; или же они таковой не выражаютъ, и они не—сужденія. Самъ Зигвартъ въ концѣ цитированнаго § 11 считаетъ безличныя предложенія выраженіемъ сужденія: по его словамъ „они не составляютъ исключенія отъ общаго свойства предложенія, выражающаго сужденіе“. Съ этимъ мнѣніемъ Зигварта, мнѣ кажется, согласится каждый вдумчивый психологъ и логикъ: и безличныя предложенія выражаютъ опредѣленную, законченную мысль, т. е. сужденіе. А если это такъ, то и въ нихъ логикъ долженъ отыскать три составныхъ части сужденія. Если Зигвартъ ихъ не отыскалъ, то это не доказываетъ еще, что ихъ нѣтъ. Зигвартъ въ томъ же параграфѣ даетъ нѣсколько толкованій относительно субъекта сужденія, но не разграничиваетъ грамматическаго анализа отъ логическаго. Такъ напр., въ самомъ началѣ § 11 онъ въ примѣчаніи, полемизируя съ Іовановичемъ, восклицаетъ: „какъ можетъ въ выраженіи „den friert's“ [„его донимаетъ холодъ“ или „онъ зябнетъ“], винительный падежъ быть субъектомъ?“ Очевидно, здѣсь Зигвартъ имѣетъ въ виду грамматическое подлежащее. Впрочемъ, и таковое бываетъ въ винительномъ падежѣ,—въ оборотѣ accus. c. infin., и притомъ не только въ латинскомъ и греческомъ языкахъ, но и въ нѣмецкомъ, напр., въ предложеніи: „ich höre ihn lesen“ (=я слышу, какъ онъ читаетъ=я слышу его читающимъ). Черезъ три страницы въ 3-мъ подраздѣлѣ Зигвартъ представляетъ „ключъ для вѣрнаго рѣшенія труднаго и много обсуждавшагося вопроса о логическомъ характерѣ такъ называемыхъ безличныхъ предложеній (Impersonalien)“. Однако и здѣсь Зигвартъ не отрѣшается отъ грамматической точки зрѣнія. Въ безличныхъ выраженіяхъ „mich hungert“ (=я голоденъ) „mich dürstet“ (=я испытываю жажду), а равно въ лат. pudet, poenitet, по мнѣнію Зигварта, въ качествѣ субъекта къ названнымъ глаголамъ нельзя (sic!) дополнить имени существительнаго [1]). Еще рѣшитель-

[1]) Тамъ же, стр. 80.

нѣе повторяется то же утвержденіе тремя страницами дальше. Тутъ Зигвартъ говоритъ: „Выраженія mich hungert (=я голоденъ), dürstet (=я имѣю жажду), mir ist heiss (=мнѣ жарко), mir schwindelt (=мнѣ дурно), eckelt (=мнѣ тошно), graut (=мнѣ жутко) вовсе не допускаютъ отнесенія этихъ глаголовъ къ опредѣленному субъекту [подразумѣвается—логическаго сужденія], дѣятельностью котораго они были бы; что въ нихъ дано, состоитъ въ самомъ чувствѣ даннаго момента, которое въ себѣ не заключаетъ указанія на вещь, возбуждающую его“ [1]).

Если бы Зигвартъ перевелъ эти глаголы на любой иностранный языкъ, то онъ убѣдился бы, что эти глаголы выражаютъ ощущеніе, приписываемое живому человѣку; слѣдовательно предметомъ (логич. субъеткомъ) этихъ ощущеній, несомнѣнно, есть опредѣленный человѣкъ. По-русски два первыхъ предложенія могутъ быть выражены только лично, т. е. съ опредѣленнымъ грамматическимъ подлежащимъ „я голоденъ“, „я испытываю жажду“; а лат. безличныя „pudet“ и „poenitet“ безъ дополненія въ винительномъ падежѣ, въ которомъ ставится чувствующее лицо, или соотвѣтственное мѣстоименіе, никогда не употребляются. Слѣдовательно и эти „настоящія безличныя предложенія“ Зигварта такъ же указываютъ на предметъ, т. е. лицо, испытывающее эти ощущенія и чувства, и по толкованію Зигварта „не настоящія“ Impersonalia. На самомъ дѣлѣ, для *нѣмецкой грамматики* они—Impersonalia, но не для логики, которая одна для *всѣхъ* языковъ и людей.

§ 7. Продолженіе.

Зигвартъ замѣчаетъ, что обозначаемое чувство, напримѣръ, „мнѣ жутко“ не заключаетъ указанія на вещь (Ding), его возбуждающую. Это вѣрно. Но Зигвартъ упустилъ изъ виду, что логическимъ субъектомъ вовсе не должна быть „вещь“, производящая опредѣленное дѣйствіе, выраженное предикатомъ. 1) Предикатъ можетъ выражать и качество, и

[1]) Тамъ же, стр. 83. Конецъ абзаца.

положеніе въ пространствѣ, и другія отношенія. Далѣе, субъектомъ можетъ быть не только вещь, но и лицо. Если въ предложеніи „я испытываю страхъ“ слово „я“ обозначаетъ логическій субъектъ, то и въ предложеніи „мнѣ жутко“ логическимъ субъектомъ должно считать слово „мнѣ“. Русскій языкъ во многихъ подобныхъ случаяхъ допускаетъ двоякій способъ выраженія для того же сужденія, но съ нѣкоторымъ особымъ оттѣнкомъ. Такъ, говорятъ: „мнѣ хочется“ и „я хочу“; „мнѣ не спится“, и „я не могу спать“; „мнѣ помнится“, и „я помню“. Въ подобныхъ примѣрахъ личная форма указываетъ на сознательность и наличность соображенія (рефлексіи). Однако во всѣхъ подобныхъ сужденіяхъ есть на лицо и психологическій, и логическій субъектъ упомянутыхъ чувствъ, ощущеній и душевныхъ состояній.

Относительно другихъ безличныхъ выраженій Зигвартъ въ томъ же мѣстѣ находитъ предметъ, подразумѣваемый въ нихъ, хотя этотъ предметъ далеко не такъ очевиденъ, какъ въ его „настоящихъ“ Impersonalia. Такъ, относительно выраженій „es ist draussen glatt, staubig, nass“ (=на дворѣ скользко, пыльно, мокро) Зигвартъ утверждаетъ, что въ этихъ безличныхъ выраженіяхъ подразумѣвается die Wege (=доро́ги), какъ будто не можетъ быть скользко, пыльно мокро и въ другихъ мѣстахъ, напр.: во дворѣ, въ саду, на площади. А въ безличномъ „es taut“ (на дворѣ оттепель, таетъ), по мнѣнію Зигварта, подразумѣвается „только снѣгъ и ледъ“ [1]); глаголъ „taut“ не существуетъ въ русскомъ языкѣ; но выраженіе „таетъ“ можетъ быть употреблено въ русскомъ и тогда, когда расплавляютъ воскъ или свинецъ, чтобы вылить какую-нибудь фигурку.

Въ числѣ „настоящихъ безличныхъ предложеній“ Зигвартъ разбираетъ и слѣдующія: „es donnert“ (=гремитъ) и „es wetterleuchtet“ (=сверкаетъ зарница) и приходитъ къ слѣдующему выводу: „если на дѣлѣ невозможно назвать предметъ, на который указываетъ глаголъ, то субъектомъ утвержденія (Aussage) остается самое впечатлѣніе, и окончаніе (глагола) можетъ указывать только на это единичное впечатлѣніе... Безличное предложеніе распространяется не дальше, какъ

[1]) Въ цитир. §, стр. 81.

только для наименованія даннаго единичнаго (gegenwärtige) явленія“ [1]). Въ этомъ выводѣ Зигварта, какъ и въ другихъ мѣстахъ, разсматривающихъ его „Benennungsurteile“ (=сужденія наименованія) невѣрно его мнѣніе, будто дѣло идетъ о наименованіи явленія, когда говорятъ „гремитъ“ или „сверкаетъ зарница“. О наименованіи идетъ рѣчь только въ тѣхъ рѣдкихъ случаяхъ, когда мы имѣемъ дѣло съ мало знакомымъ предметомъ или явленіемъ, названіе котораго нами еще недостаточно усвоено. Такъ напримѣръ, когда мы припоминаемъ фамилію господина, съ которымъ мы наканунѣ только познакомились. Во всѣхъ остальныхъ случаяхъ, какъ и въ примѣрахъ Зигварта, приведенныхъ выше, при произношеніи вслухъ (или про себя) предложеній въ родѣ „гремитъ“, мы имѣемъ въ виду отмѣтить фактъ или явленіе, которое наступило въ данный моментъ, а не названіе этого явленія.

Во-вторыхъ, въ выводѣ Зигварта невѣрно, будто само явленіе, обозначаемое словами „гремитъ“ или „сверкаетъ зарница“, составляетъ *субъектъ* сужденія, а его предикатомъ будто есть наименованіе этого явленія. Подобныя сужденія возможны, но они были бы выражены иначе. Подобное сужденіе имѣло бы смыслъ по отношенію къ ребенку, который впервые воспринимаетъ это явленіе и не знаетъ его названія. Тогда мы такое сужденіе высказали бы слѣдующими словами: „это—зарница“; а желающій быть слишкомъ точнымъ, сказалъ бы: „это называется зарницей“. Если же я вслухъ говорю „зарница!“ (=es wetterleuchtet), то я не думаю о названіи этого явленія: я его давнымъ-давно знаю и предполагаю его извѣстнымъ и у всѣхъ слушающихъ меня. Своимъ сужденіемъ „зарница!“ я хочу сообщить другимъ о случившемся явленіи, которое возбудило мое вниманіе, т. е. хочу „подѣлиться своимъ впечатлѣніемъ“ или же я хочу отмѣтить его и обратить на него вниманіе слушающихъ меня.

То же невѣрное объясненіе Зигвартъ повторяетъ и въ концѣ 11 параграфа, будто явленіе даннаго момента составляетъ субъектъ сужденія, на который будто указываетъ

[1]) Такъ же стр. 82. Маркировка—моя.

личное окончаніе глагола (Personalendung) [1]. О связкѣ Зигвартъ тутъ ничего не говоритъ; о ней говорится въ § 17 сорока страницами дальше; но связку Зигвартъ склоненъ считать только выраженіемъ рѣчи, (sprachliche Aussage), а не частью сужденія [2].

Итакъ Зигвартъ не разъяснилъ логической стороны безличныхъ предложеній. Съ одной стороны онъ желалъ поправить Миклосича; но этотъ знаменитый лингвистъ имѣлъ въ виду только грамматическій анализъ этихъ предложеній и совершенно вѣрно считаетъ ихъ предложеніями безъ подлежащаго (subjectlose Sätze). Съ другой стороны Зигвартъ не правъ и въ своихъ возраженіяхъ Іовановичу, который распространилъ мнѣніе Миклосича и на безличныя сужденія (Urteile). Іовановичъ эти сужденія считаетъ неопредѣленными (unbestimmte Urteile), выражающими дѣйствія неопредѣленнаго субъекта (eines unbestimmten Subjectes) [3]. Правда, Іовановичъ не уловилъ сути безличныхъ сужденій, но все же онъ стоитъ ближе къ истинѣ, какъ мы увидимъ, чѣмъ Зигвартъ: заблужденія послѣдняго мы уже видѣли; онъ ошибочно считаетъ субъектомъ такихъ сужденій нѣчто извѣстное—самое явленіе, которое судящій будто называетъ его именемъ.

§ 8. Психологическіе анализы простѣйшихъ безличныхъ сужденій.

Изъ всѣхъ споровъ относительно безличныхъ предложеній, можно принять только одно несомнѣнное положеніе, а именно: и безличныя предложенія представляютъ собою выраженіе законченныхъ сужденій, но болѣе примитивной формаціи.

Самыми элементарными сужденіями, несомнѣнно, будутъ слѣдующія: разсвѣло, смеркается, темно; тихо, стучитъ, шумно; тепло, холодно. Этихъ сужденій Зигвартъ не разсматриваетъ. Вѣроятно, онъ и ихъ подвелъ

[1] Тамъ же стр. 83 внизу.
[2] Тамъ же § 17, стр. 121—124.
[3] Тамъ же. Примѣчаніе на стр. 76 и 77.

бы подъ свои сужденія наименованія (Benennungsurteile); но это было бы такъ же ошибочно, какъ и въ разобранныхъ его примѣрахъ.

Чтобы не утомлять читателя, я разберу три изъ приведенныхъ элементарныхъ сужденій, на которыхъ постараюсь раскрыть ихъ логическую природу.

Разсмотримъ сперва сужденіе „разсвѣло". Что оно означаетъ? Оно равносильно сужденію „теперь уже не темно". Это значитъ, что немного раньше я замѣчалъ темноту, которой теперь я не замѣчаю, о которой я только вспоминаю, но которой въ настоящій моментъ уже нѣтъ въ дѣйствительности: всѣ окружающіе меня предметы я вижу освѣщенными. То же видятъ и другіе. Стало-быть я этимъ обозначаю не свое субъективное состояніе, но реальный фактъ освѣщенія всего окружающаго меня. Итакъ относительно этого сужденія никакъ нельзя утверждать, что въ немъ подразумѣвается мое „я", что будто разсвѣло „для меня" или же, что я восприняль свѣтъ, подобно тому, какъ въ безличныхъ предложеніяхъ, въ которыхъ выражается чувство, напр.: „мнѣ грустно, мнѣ весело, мнѣ жутко", въ которыхъ чувства относятся къ живому субъекту, ихъ испытывающему.

Возьмемъ другой примѣръ. Предположимъ, я въ теплый лѣтній вечеръ мечтаю у открытаго окна, выходящаго въ садъ, и вдругъ произношу вслухъ: „какъ тихо!" Въ словѣ „тихо" мы имѣемъ сужденіе; а слово „какъ" обозначаетъ мое удивленіе относительно этой тишины. Разсмотримъ сужденіе „тихо". Что оно обозначаетъ? Слуховое впечатлѣніе? Ничуть! „Тишину", т. е. отсутствіе звуковъ, не можетъ воспринимать ухо: оно воспринимаетъ только звуки; а отсутствіе ихъ замѣчаетъ умъ на основаніи воспоминанія прежнихъ звуковъ, которые были раньше (днемъ или весною) при той же обстановкѣ (въ томъ же мѣстѣ), но которыхъ въ данный моментъ не имѣется. Данное сужденіе „тихо" выражаетъ отрицаніе обычнаго или ожидаемаго факта дѣйствительности; но оно добыто на основаніи сравненія даннаго акта сознанія съ однороднымъ прежнимъ [1]).

[1]) Этотъ примѣръ взятъ изъ моего Учебника логики, Харьковъ 1910 г. 2-е изд. § 14, стр. 34.

То же самое вѣрно и относительно предложенія „тепло". Если я изъ холоднаго коридора войду въ теплую комнату и скажу „какъ тепло!" то этимъ я вовсе не высказываю только свое личное ощущеніе, что *я* испытываю тепло. Напротивъ, я отмѣчаю объективный фактъ, что здѣсь, т. е. въ этой комнатѣ, тепло, т. е. тепло для всѣхъ здоровыхъ и нормальныхъ людей, которые въ ней находятся. Если бы я высказалъ только свое личное ощущеніе тепла, то я сказалъ бы: „мнѣ у васъ жарко или тепло". Сужденіе „тепло" не равносильно и сужденію „эта комната тепла", такъ какъ я въ первый разъ вошелъ въ эту комнату и вовсе не зналъ, какова эта комната: въ ней можетъ и не быть печи. Эта фраза не равносильна сужденію „воздухъ этой комнаты теплый", такъ какъ таковую фразу высказываютъ, т. е. дѣлаютъ подобное сужденіе, и такіе люди, которые не имѣютъ никакого понятія о томъ, что въ комнатахъ находится воздухъ, напр., дѣти. (Впрочемъ, понятіе „воздухъ" не во всѣхъ языкахъ имѣется). Сужденіе „тепло" не имѣетъ грамматическаго подлежащаго, которому приписывалась бы теплота, какъ качество. Это сужденіе не имѣетъ и логическаго субъекта въ смыслѣ Аристотеля; тѣмъ не менѣе оно выражаетъ опредѣленный объективный фактъ, опредѣленную законченную мысль: оно—логическое сужденіе.

Правда, физикъ-спеціалистъ, произнося сужденіе „тепло", можетъ себѣ представлять при этомъ и носителя физической теплоты, т. е. физическую матерію, свойствомъ которой считается теплота физиковъ: онъ можетъ себѣ представлять въ нашемъ примѣрѣ воздухъ, имѣющій ту температуру, которая на нормальнаго человѣка производитъ впечатлѣніе тепла; онъ можетъ себѣ представить и поверхность стѣнъ и остальныхъ предметовъ комнаты, которые въ ней имѣютъ приблизительно ту же температуру, что и воздухъ комнаты. Но обыкновенные люди, не занимающіеся физикой, въ томъ числѣ и образованные и даже ученые, о всемъ томъ не думаютъ при произношеніи ими сужденія „тепло". У обыкновенныхъ людей это сужденіе означаетъ, что ихъ воспріятіе тепла вызвано внѣшней причиной, т. е. теплотой физической, которой не было въ коридорѣ или на дворѣ [1]). При

[1]) Этотъ примѣръ взятъ изъ моего „Практическаго руководства по психологіи". Харьковъ, 1908, XIII, стр. 81 и 82.

этомъ ощущаемая теплота обыкновенно приписывается исключительно внѣшнимъ тѣламъ, которые считаются теплыми. (Это—воззрѣніе наивнаго реализма). Иногда же считаютъ субъективное ощущеніе тепла дѣйствіемъ внѣшней причины, совершенно несходной съ самымъ ощущеніемъ. Напр.,—дѣйствіемъ колеблющихся молекулъ (это—воззрѣніе раціональнаго реализма). И въ томъ, и въ другомъ случаѣ сознаютъ, что мы имѣемъ дѣло съ познаніемъ реальной дѣйствительности.

§ 9. Сущность безличныхъ сужденій.

Что самое ощущеніе тепла и вызванное имъ сужденіе „тепло" возникли вслѣдствіе различія температуры въ коридорѣ и въ комнатѣ и вслѣдствіе безсознательнаго сравненія этихъ различныхъ по степени ощущеній, въ томъ не трудно убѣдиться. Когда я посижу подольше въ комнатѣ, въ которой я въ началѣ испыталъ тепло, то я замѣчаю, что мнѣ становится холодно, а именно потому, что въ комнатѣ градусникъ показываетъ всего $+13^0$ R, т. е. такую температуру, къ которой я не привыкъ. Въ началѣ же та же температура вызвала во мнѣ ощущеніе тепла: это произошло вслѣдствіе быстраго перехода въ комнату изъ „холоднаго" коридора, въ которомъ было всего $+5^0$ R.

Такое же различное впечатлѣніе произведетъ на меня и температура коридора, смотря по предшествовавшему моему ощущенію тепла. Такъ, если на дворѣ будетъ -20^0 R, то вошедши со двора въ коридоръ, я испытаю ощущеніе тепла [1]). При часто повторявшемся опытѣ, я впослѣдствіи убѣждаюсь, что мои ощущенія не всегда идутъ въ параллель со степенями внѣшней температуры, измѣряемой градусникомъ. Мои ощущенія тепла зависятъ не только отъ внѣшней температуры, но и отъ привычки, и отъ сравненія одного ощущенія тепла съ непосредственно предшествовавшимъ ему тепловымъ ощущеніемъ. Въ случаяхъ болѣзни— и отъ другихъ органическихъ причинъ. Напримѣръ,—отъ лихорадки.

[1]) Объясненіе этому дается въ моемъ учебникѣ логики 2-е изд. § 12; стран. 30.

Подобное же безсознательное сравненіе мы найдемъ и въ сужденіяхъ: „темно, смеркается; холодно, шумно“... И въ нихъ выражается объективный фактъ познанія, вслѣдствіе сравненія ощущенія или воспріятія даннаго момента со сходнымъ по содержанію представленіемъ прошлаго опыта. Итакъ во всѣхъ приведенныхъ и имъ подобныхъ элементарныхъ сужденіяхъ отмѣчается объективный фактъ дѣйствительности, познанный на основаніи сравненія двухъ однородныхъ душевныхъ переживаній. Одно изъ нихъ (воспріятіе) считается дѣйствіемъ въ данный моментъ внѣшнихъ предметовъ или причинъ (теплоты, свѣта, звуковъ или же отсутствіемъ ихъ); отъ него-то исходитъ судящій. Другое же (представленіе) воспроизводится, но съ сознаніемъ, что оно тоже отражало объективный фактъ, а именно фактъ прошлаго опыта (раньше испытанный холодъ, раньше воспринятые звуки, тьму...) Слѣдовательно эти сужденія представляютъ собою настоящіе познавательные процессы относительно внѣшняго міра: 1) въ нихъ вслѣдствіе сравненія устанавливается отношеніе различія между двумя душевными переживаніями; 2) въ нихъ содержится сужденіе, что эти переживанія вызваны вещами или причинами внѣшняго міра; эти сужденія представляютъ собою инстинктивное умозаключеніе отъ дѣйствія къ причинѣ его, т. е. къ реальному предмету, или его качеству, или же къ опредѣленной силѣ, вызвавшей впечатлѣніе [1]).

Безличныя предложенія нерѣдко выражаются одними существительными, къ которымъ нужно подразумѣвать глаголы, выражающіе бытіе. Такъ напримѣръ, въ сужденіяхъ: „Зарница!“ „Громъ!“ Русскимъ читателямъ достаточно извѣстно знаменитое лирическое стихотвореніе Фета, въ которомъ есть одни имена, и нѣтъ ни одного глагола, а именно: „Шопотъ, робкое дыханье, трели соловья, серебро и колы-

[1]) Этого факта не знаютъ или не признаютъ иные философы; но здравый смыслъ даже у дѣтей отличаетъ свое впечатлѣніе отъ реальной вещи или причины, вызвавшей впечатлѣніе. Этотъ вопросъ обсуждается мною и въ моемъ критическомъ изслѣдованіи, озаглавленномъ „*Новая Логика*“. Харьковъ, 1911 г., гл. V, ст. 80—96 и гл. VIII, стр. 150—169. Подробный анализъ сужденій о реальности и причинности будетъ данъ ниже.

ханье соннаго ручья...“ И подобныя эллиптическія предложенія по формѣ можно отнести къ безличнымъ, хотя въ нихъ пропущены сказуемыя предложеній, легко подразумѣваемыя. Съ логической и психологической точки зрѣнія они не отличаются отъ „настоящихъ безличныхъ“ предложеній Зигварта.

§ 10. Безличнымъ предложеніемъ выражается сужденіе.

Въ предыдущихъ параграфахъ мы раскрыли логическую сторону простѣйшихъ сужденій, которыми дается намъ познаніе дѣйствительности. Эти сужденія представляютъ собою простѣйшіе познавательные процессы, обусловленные непосредственнымъ воспріятіемъ дѣйствительности [1]). На нихъ лучше всего видна настоящая природа сужденія. Однако о ней философы до сихъ поръ еще несогласны между собою: въ зависимости отъ своего пониманія, они даютъ различныя опредѣленія сужденія; при этомъ ни одинъ болѣе выдающійся философъ не повторяетъ въ точности прежде даннаго опредѣленія, а даетъ новое, хотя бы въ подробностяхъ формулировки.

Уже этотъ одинъ фактъ доказываетъ, что этотъ вопросъ еще далекъ отъ своего разрѣшенія и даже не выясненъ надлежащимъ образомъ. Не вдаваясь въ критику чужихъ опредѣленій, мы постараемся добыть таковое на основаніи вышеприведенныхъ анализовъ. Для примѣра возьмемъ сужденіе „тихо“. Уже грамматика отмѣтила въ немъ отсутствіе подлежащаго. То же нужно сказать объ этомъ сужденіи и съ логической точки зрѣнія,—по опредѣленіямъ сужденія, согласнымъ съ Аристотелемъ. Въ этомъ сужденіи нѣтъ на лицо предмета, о которомъ высказывается тишина, какъ его качество. Слѣдовательно по данному опредѣле-

[1]) Самыя воспріятія, какъ мы увидимъ, представляютъ собою гораздо болѣе сложные познавательные процессы, чѣмъ разобранные нами сужденія. Въ воспріятіяхъ, кромѣ чисто чувственныхъ элементовъ, содержится по нѣскольку сужденій, о которыхъ мы рѣдко думаемъ; но психологическій анализъ обнаруживаетъ ихъ наличность съ явной очевидностью.

нію, предложеніе „тихо" нельзя признать за логическое сужденіе. Тѣмъ не менѣе и это безличное предложеніе, и подобныя ему выражають опредѣленную законченную мысль, которая лежитъ въ основаніи другихъ, болѣе сложныхъ познаній. Если бы не было въ нашемъ опытѣ этого сужденія и соотвѣтственнаго ему воспріятія, то мы не могли бы имѣть и другихъ знаній, болѣе сложныхъ и болѣе интересныхъ. Такъ напр., если меня удивляетъ тишина лѣтняго вечера, то это удивленіе заставляетъ меня задуматься о его причинѣ: „Почему это такъ тихо? задаю я себѣ вопросъ. Видно, птички спятъ, и всѣ животныя спятъ, кромѣ совъ, летучихъ мышей... Однако, почему же не поютъ соловьи? Весною они пѣли ночью". Подобное разсужденіе затрогиваетъ цѣлый рядъ біологическихъ вопросовъ, разрѣшеніе которыхъ не такъ просто и легко. Отъ подобныхъ сужденій, сопровождающихъ наши воспріятія, начинаются познанія каждаго человѣка [1]). Слѣдовательно теорія познанія, или гносеологія, ихъ никакъ не должна игнорировать. Если же въ нихъ заключается знаніе, если въ нихъ можетъ быть на лицо истина или ложь, то и по толкованію Аристотеля, данному имъ въ разныхъ мѣстахъ его метафизики, подобныя предложенія нужно считать сужденіями. Но въ такомъ случаѣ ни они, ни ихъ составныя части не подойдутъ подъ вышеприведенныя опредѣленія Аристотеля; еще менѣе они подойдутъ подъ другія опредѣленія нѣмецкихъ философовъ. Такъ напр., Вундтъ считаетъ сужденіе „расчлененіемъ мысли на ея составныя части" (Gliederung eines Gedankens in seine Bestandteile) [2]). По мнѣнію Вундта „первичная форма процесса сужденія (des Urteilens), безъ сомнѣнія,— та, что дѣйствительное предметное понятіе (ein wirklicher Gegenstandsbegriff), которому иногда еще приписывается какъ аттрибутъ опредѣленное качество, выступаетъ какъ субъектъ, а предикатомъ описывается (schildert) какое-нибудь дѣйствіе

[1]) Что наши знанія начинаются съ опыта, т. е. съ впечатлѣній и внутреннихъ переживаній, это признается почти всѣми философами; однако не только традиціонная логика, но и гносеологическія изслѣдованія современныхъ философовъ ограничиваются разсмотрѣніемъ сужденій, которыя уже предполагаютъ очень обширный опытъ, предшествовавшій образованію этихъ сужденій.

[2]) *Wundt*, Grundriss der Psychologie, 5 Aufl. S. 321.

(ein Geschehen) или же преходяшее состоянiе (vorübergehender Zustand)". Очевидно, что вышеприведенныя безличныя предложенiя съ точки зрѣнiя Вундта, не должны считаться сужденiями, такъ какъ въ нихъ не имѣется на лицо „предметнаго понятiя" въ видѣ субъекта.

На самомъ дѣлѣ, эти предложенiя должно признать выраженiемъ сужденiй, если мы не хотимъ отвергнуть опытъ, какъ первичный источникъ познанiя. И въ безличныхъ сужденiяхъ имѣются три составныхъ части, хотя онѣ не сознаются отчетливо, хотя ихъ до сихъ поръ не удалось раскрыть философамъ.

§ 11. Опредѣленiе сужденiя.

Во всѣхъ приведенныхъ выше примѣрахъ сужденiй, а также и во всѣхъ другихъ, подобныхъ имъ, имѣется на лицо два сравниваемыхъ однородныхъ по содержанiю переживанiя познавательныхъ актовъ; а результатомъ сравненiя является самое сужденiе. Къ этому толкованiю сужденiя ближе всего подходятъ французскiе философы, которые въ сужденiи видятъ установленiе (или воспрiятiе) отношенiя, находимаго между двумя вещами или идеями[1]). Въ этомъ опредѣленiи вѣрно схваченъ существенный и характерный признакъ сужденiя, который состоитъ въ устанавливанiи или воспрiятiи отношенiя[2]), но недостатачно

[1]) Подобное воззрѣнiе на сужденiе, насколько это мнѣ извѣстно, впервые высказали *Черберп и Мальбраншъ;* его повторяли съ незначительными варiацiями французы: *Боннэ, Робинэ, Кондильякъ, Ларомигьеръ, Дэстю-дэ-Траси,* а изъ новѣйшихъ—*Рабье, Ренувье, Поланъ, Клапарэдъ, Бергсонъ,* (Evolution creatrice, pag. 385). Такiе же взгляды съ незначительными измѣненiями высказывались и нѣмцами: *Тетенсомъ, Платнеромъ, Кизеветтеромъ, Шопенгауэромъ, Р. Циммерманомъ;* а въ новѣйшее время: *Дюрингомъ, Лотце, Ф. Краузе, М. Кауфманомъ, Шубертъ-Зольдерномъ* и *Виндельбандомъ.* Почти то же признаютъ и англичане: Джонъ *Аберкромби,* Сэръ *В. Гамильтонъ, Ст. Джевонсъ. Ср. Eisler,* Wörterb. d. philos. Begriffe, Berlin 1810, S. 1610—1620.

[2]) Понятiе „отношенiе" здѣсь взято въ самомъ широкомъ смыслѣ: въ немъ подразумѣваются отношенiя: времени, пространства; причинности, сходства и т. д.

точно обозначены части сужденія, между которыми устанавливается или воспринимается мыслящимъ самое отношеніе: къ нашимъ безличнымъ сужденіямъ означенное опредѣленіе не примѣнимо. Въ сужденіи „тихо“ у насъ не имѣется на лицо ни двухъ сравниваемыхъ в е щ е й, ни двухъ и д е й. Въ *этомъ сужденіи сравниваются* д в а *переживанія* познавательныхъ процессовъ, но въ нихъ участвуютъ многіе различные элементы и способности ума, какъ это будетъ показано въ слѣдующей главѣ въ параграфѣ первомъ.

Принимая *во вниманіе приведенные* анализы и исправляя указанные выше неточности, мы можемъ дать слѣдующее опредѣленіе сужденія. С у ж д е н і е е с т ь ц ѣ л ь н ы й и з а к о н ч е н н ы й п о з н а в а т е л ь н ы й а к т ъ, в ъ к о т о р о м ъ с о з н а т е л ь н о [1] у с т а н а в л и в а е т с я и л и в о с п р и н и м а е т с я о п р е д ѣ л е н н о е о т н о ш е н і е м е ж д у д в у м я п е р е ж и в а н і я м и—однимъ, даннымъ въ началѣ процесса, отъ котораго исходитъ судящій, и другимъ, привносимымъ изъ прошлаго опыта судящаго [2].

Въ понятіи „законченный познавательный актъ“ уже заключаются признаки познанія, а именно—наличность „познающаго“ и познаваемаго“. Подъ „познающимъ въ нашемъ изслѣдованіи подразумѣвается „сознательно мыслящій человѣкъ“; подъ „познаваемымъ“—предметъ, или его признакъ—дѣйствіе, качество, состояніе. Въ свою очередь, п р е д м е т ъ познанія можетъ принадлежать или в н ѣ ш н е й природѣ, или же—области духа. Познанія д у х а, какъ мы увидимъ, добываются, главнымъ образомъ, черезъ самонаблюденіе, отъ котораго исходитъ в н у т р е н н і й опытъ.

Къ сравниваемымъ двумъ переживаніямъ, входящимъ въ сужденіе, совершенно не подходятъ традиціонные термины „субъектъ“ и „предикатъ“, какъ мы это видѣли на безличныхъ сужденіяхъ. По моему, вмѣсто „субъектъ“ лучше

[1]) Слово „сознательно“ здѣсь употреблено въ узкомъ значеніи. См. § 14.

[2]) Многіе логики считаютъ однимъ изъ существенныхъ признаковъ сужденія и сознаніе его объективной истинности (objektive Gültigkeit). Какъ мы увидимъ (въ III гл. §§ 5—8), это мнѣніе не основательно: иначе, сужденія проблематическія и отрицательныя пришлось бы не считать сужденіями.

употреблять названіе „**данный терминъ**“, а вмѣсто „предикатъ“—„**привходящій** терминъ“; подъ послѣднимъ нужно разумѣть представленіе или понятіе, съ которымъ дѣлается сравненіе и устанавливается отношеніе; воспріятіе и ощущеніе не можетъ быть „привходящимъ“ (предикатомъ). Самое отношеніе между терминами обозначается связкой. Эти три части сужденія должно отличать при логическомъ анализѣ сужденія.

§ 12. Сужденія творческія и воспроизведенныя.

Въ предыдущемъ параграфѣ мы опредѣлили сужденіе, какъ „познавательный актъ, въ которомъ сознательно **устанавливается** или **воспринимается** опредѣленное отношеніе между двумя переживаніями...“ Отмѣченными двумя глаголами указывается на **двоякій** способъ возникновенія сужденія: выдвигаемое сознаніемъ на первый планъ отношеніе можетъ быть установлено мыслящимъ *впервые*; тогда этотъ актъ познанія оказывается **творческимъ** актомъ мыслящаго. Такъ, предположимъ, я впервые вижу новую картину на выставкѣ „передвижниковъ“ и оцѣниваю ее съ эстетической стороны, высказывая свое сужденіе „прекрасно!“. Сперва я оцѣниваю только исполненіе; потомъ я вникаю въ замыселъ, въ содержаніе картины, въ ея композицію и высказываю обо *всемъ* свое сужденіе, говоря: „эта картина—*прекрасна*“—подразумѣвается „во всѣхъ отношеніяхъ“. Это сужденіе, очевидно, родилось во мнѣ подъ вліяніемъ впечатлѣнія отъ новой картины и представляетъ собой живой, творческій актъ сужденія, который впервые возникъ въ моей душѣ въ данный моментъ. Не то будетъ, если я потомъ, обращаясь къ своему сыну, который затрудняется въ оцѣнкѣ этой картины, скажу: „это—*прекрасная картина*“ (или „эта картина—прекрасна“). Тутъ я **воспроизвелъ** сужденіе, сдѣланное мною раньше. Съ психологической точки зрѣнія эти два сужденія сильно отличаются другъ отъ друга. Послѣднее мы назовемъ „**воспроизведеннымъ**“, а первое—„**творческимъ**“.

Творческое сужденіе можетъ быть плодомъ весьма сложнаго и продолжительнаго процесса: оно можетъ подгото-

вляться годами и десятками лѣтъ, какъ напримѣръ, сужденіе Коперника „земля вращается“. Воспроизведенное сужденіе есть дѣло момента: въ немъ мыслится только содержаніе сужденія и не сознается то, чѣмъ это сужденіе было обусловлено и вызвано.

Въ объективномъ познаніи и въ логикѣ мы имѣемъ дѣло исключительно съ воспроизведенными сужденіями: дѣло въ томъ, что даже совершенно новая мысль, которая впервые сообщается ученымъ спеціалистомъ, передается имъ уже послѣ ея повѣрки и послѣ неоднократнаго ея обдумыванія и повторенія. И читатель, впервые воспринимающій эту новую истину, не творитъ самъ того сужденія, которымъ передается эта новая истина: не онъ устанавливаетъ то новое отношеніе между двумя терминами сужденія, которое передается авторомъ; читатель только воспринимаетъ то отношеніе, которое было найдено и установлено другимъ, т. е. авторомъ. По содержанію мыслительный процессъ читателя не отличается существенно отъ мыслительнаго процесса автора, если послѣдній ясно и точно формулировалъ свою мысль. Воспринятая чужая мысль, хотя она и можетъ быть новой, т. е. впервые возникшей въ сознаніи слушателя или читателя, во всякомъ случаѣ, относится къ сужденіямъ воспроизведеннымъ, а не творческимъ. Для психолога это различіе важно; въ логикѣ оно можетъ имѣть нѣкоторое значеніе только для опредѣленія терминовъ сужденія.

Такъ, въ моемъ сужденіи, переданномъ сыну „это—прекрасная картина“ слово „это“, обозначающее воспріятіе реальнаго предмета, есть данный терминъ (субъектъ) сужденія; а „прекрасная картина“ есть привходящій терминъ (предикатъ). Въ умѣ сына внушенная ему мысль о прекрасной картинѣ можетъ быть даннымъ терминомъ: такъ напримѣръ, въ томъ случаѣ—когда онъ будетъ такъ разсуждать: „прекрасная картина имѣетъ такія то достоинства; эти достоинства имѣются и въ этой картинѣ: слѣдовательно прекрасна и *эта картина*“. Въ послѣднемъ сужденіи слово „прекрасна“ есть данный терминъ, отъ котораго исходилъ мыслящій, а слова „эта картина“—привходящій. Сынъ подъ понятіе „прекрасной картины“ подвелъ и послѣднюю картину, на которую я обратилъ его вниманіе.

III Глава. ВОЗНИКНОВЕНІЕ СУЖДЕНІЙ И ИХЪ ОЦѢНКА.

§ 1. Психологическій анализъ простѣйшаго сужденія.

Разобранное выше съ логической точки зрѣнія сужденіе „тихо“ мы подвергнемъ психологическому анализу. Какъ мы увидимъ, это сужденіе далеко не такъ просто, какимъ оно кажется. Въ этомъ познавательномъ процессѣ участвуютъ многія способности и элементы ума. 1) Возникновеніе этого сужденія обусловлено наличностью памяти, а именно: если бы я совершенно забылъ о дневныхъ звукахъ, то я не могъ бы замѣтить отсутствія тѣхъ же звуковъ вечеромъ, я не имѣлъ бы „впечатлѣнія“ вечерней тишины. 2) Самое это „впечатлѣніе“ оказывается обусловленнымъ множествомъ элементовъ моего познанія: оно получилось не вслѣдствіе внѣшней причины (звуковыхъ волнъ), а вслѣдствіе сложной совмѣстной дѣятельности памяти и разсудка. а) Днемъ мои зрительныя впечатлѣнія *ABC* (т. е. окружающая меня обстановка) постоянно сопровождались звуковыми впечатлѣніями *КЛМ* [1]). б) Вечеромъ я испытываю подобныя же зрительныя впечатлѣнія $A_1B_1C_1$, которыя невольно узнаются и отождествляются (апперципируются) съ соотвѣтственными воспроизводимыми представленіями *abc*. 3) На основаніи закона смежности вечерними зрительными впечатлѣ-

[1]) Реальныя впечатлѣнія я обозначаю прописными, а представленія — строчными буквами; при этомъ та же буква указываетъ на тожество содержанія. Эта схематизація будетъ удержана мною во всемъ изслѣдованіи.

ніями $A_1 B_1 C_1$ воспроизводятся не только сходныя съ ними представленія *abc*, но и ассоціированныя съ ними звуковыя представленія *клм*. 4) Я отличаю эти представленія отъ реальныхъ впечатлѣній *КЛМ*: я сознаю, что днемъ я воспринималъ реальные звуки, а вечеромъ всплываютъ только воспоминанія о нихъ. (Этотъ сознательный актъ различенія мы обозначимъ греч. буквою δ). 5) Я заключаю, что вечеромъ отсутствуетъ реальная причина, которой днемъ вызывались эти звуки: я не считаю себя оглохшимъ къ вечеру, и отсутствіе звуковъ *КЛМ* я не объясняю возможной глухотой. Слѣдовательно тишина есть фактъ внѣшняго міра, а не одно субъективное состояніе: 6) При всѣхъ этихъ процессахъ я сознаю и свое *я*, хотя бы и смутно: иначе, не могла бы во мнѣ возникнуть мысль и о „не—я“, т. е. о внѣшнемъ реальномъ мірѣ и о принадлежности къ нему факта моего познанія. 7) Свое познаніе этого факта я могу сознавать истиннымъ, и въ случаѣ возраженія я признаю, что оно соотвѣтствуетъ дѣйствительности, и что его могутъ признать таковымъ и всѣ нормальные люди.

Такимъ образомъ, простѣйшее съ виду сужденіе оказалось результатомъ довольно многихъ познавательныхъ процессовъ: тутъ участвовали и воспріятія, и память (какъ сохраненіе), и воспоминаніе, и апперцепція (какъ отождествленіе), и сознаніе различія—δ, и сужденіе о реальности „впечатлѣнія“ [1]). Сверхъ всего, тутъ участвовало и мое самосознаніе, и наконецъ,—моя увѣренность въ истинности моего сужденія (ее мы будемъ обозначать греческой буквой α [2]).

[1]) На самомъ дѣлѣ здѣсь имѣется познавательный актъ, а не впечатлѣніе: тишина сознается, какъ фактъ реальнаго внѣшняго міра; такія сужденія о внѣшней реальности познаваемаго мы будемъ обозначать греческой буквой ε.

[2]) Указанные символы будутъ удержаны въ дальнѣйшемъ изслѣдованіи. Для облегченія ихъ запоминанія я укажу на ихъ происхожденіе: δ взято отъ греческаго διαφορά=differentia; ε—отъ греческ. ἔξω=extra; α—отъ греческаго ἀλήθεια (= истина). Въ дальнѣйшемъ встрѣтятся еще символы: ι отъ лат. intra (для обозначенія факта внутренняго опыта; φ (отъ греч. ψεῦδος=ложь) для обозначенія сознанія ложности даннаго сужденія; оно же будетъ и признакомъ отрицательныхъ сужденій: въ таковыхъ, какъ мы увидимъ, отмѣчается ложь утвержденія.

Всѣ эти процесы и составные элементы, вызвавшіе мое сужденіе „тихо", обыкновенно не сознаются; и самый наблюдательный психологъ ихъ не сознаетъ, если не занятъ спеціальнымъ анализомъ и не руководится своимъ намѣреніемъ открыть все то, что входитъ въ описанный выше процессъ. Даже при наличности этого намѣренія мнѣ не сразу удалось открыть всѣ перечисленные составные элементы, участвующіе въ образованіи сужденія „тихо". Но вдумчивый читатель можетъ убѣдиться, что отсутствіе даже одного изъ перечисленныхъ элементовъ остановитъ возникновеніе всего того познавательнаго процесса, который обозначается нами сужденіемъ „тихо".

§ 2. Двоякій способъ образованія сужденій.

Въ предыдущемъ параграфѣ я представилъ читателю подробный психологическій анализъ довольно простого познавательнаго процесса. Не многимъ проще будетъ анализъ любого изъ приведенныхъ въ предыдущей главѣ (§§ 8 и 9) простѣйшихъ сужденій: „тепло", „смеркается", „разсвѣло" и т. д. Подобныя безличныя сужденія можетъ понимать и образовать въ своемъ мышленіи и трехлѣтнее дитя; но этотъ фактъ отнюдь не доказываетъ, что дитя сознательно продѣлываетъ всѣ описанные выше элементарные процессы, порождающіе данное сужденіе. Всего этого не продѣлываетъ сознательно и умъ взрослаго и весьма наблюдательнаго человѣка: все это происходитъ безсознательно, какъ и всѣ проявленія инстинктовъ и первичной жизни вообще. Какъ изъ почки выростаетъ постепенно цѣлая вѣтка съ листьями, цвѣтами и плодами, такъ и изъ души человѣка выростаютъ его плоды познанія, т. е. всѣ его знанія. И всѣ эти знанія предшествуютъ со-знанію этихъ знаній, т. е. мы значительно позже бываемъ въ состояніи дать себѣ отчетъ, какъ мы дошли до своихъ знаній [1]). Лучшимъ доказательствомъ тому служитъ то, что до сихъ поръ не имѣется еще одной

[1]) Самая этимологія слова „со-знаніе" доказываетъ, что понятіе „знаніе" было раньше, чѣмъ понятіе „со-знаніе".

безспорной и общепризнанной гносеологіи, хотя уже тысячелѣтія прошли съ тѣхъ поръ, какъ человѣчество пріобрѣтаетъ несомнѣнныя и истинныя знанія.

Еще менѣе основательно мнѣніе нѣкоторыхъ философовъ и языковѣдовъ, будто всѣ первичныя сужденія человѣка представляютъ собою анализъ сложнаго воспріятія, будто въ таковомъ выдѣляется отдѣльный признакъ, поразившій наблюдателя, который приписывается въ видѣ предиката всему воспріятію или всей воспринятой вещи. Такія сужденія, безспорно, бываютъ довольно часто не только у первобытнаго человѣка, но и у культурныхъ людей; но эти сужденія уже предполагаютъ длинный рядъ развитія. Самыя воспріятія въ настоящемъ ихъ смыслѣ появляются въ жизни человѣка позже, чѣмъ сужденія. Дитя судитъ уже съ первыхъ дней жизни, напр., когда оно узнаетъ тожественное повторенное впечатлѣніе, когда оно узнаетъ грудь кормящей его матери; но воспріятія матери или того, что нѣмцы называютъ „Anschaunng" (=совокупности чувственныхъ признаковъ предмета), дитя не имѣетъ даже на четвертомъ мѣсяцѣ. Стóитъ матери надѣть платье необычнаго цвѣта и стоять подальше отъ младенца, не обнаруживая своего голоса, и онъ уже не узнаетъ матери. Дѣло въ томъ, что зрительныя воспріятія обусловлены множествомъ сужденій; а способность судить, очевидно, должна развиться раньше. Поэтому ошибочно мнѣніе, будто первичныя сужденія состоятъ въ анализѣ воспріятій. Самыя первыя сужденія—это сужденія тожества при узнаваніи [1]).

Ложное мнѣніе относ. первичныхъ сужденій порождено у языковѣдовъ, по всему вѣроятію, тѣмъ фактомъ, что вещи довольно часто называются тѣми признаками, которые болѣе поражаютъ наблюдателя. Таковыя слова, напр.: *бѣлокъ*, *бѣлье* (польское bielizna), *старикъ*, *старуха*, *старка*, *ветошка*, *рыжикъ*, *опенокъ*, *боровикъ*, *подъосинникъ*, *подснѣжникъ*, *коноплянка*, *малиновка*, *кукушка*, *пѣтухъ*, *качка* (малорус.).

Но этотъ фактъ наименованія вещи по одному ея признаку отнюдь не исключаетъ того факта, что эти вещи были извѣстны человѣку и раньше, чѣмъ онъ ихъ назвалъ. На самомъ дѣлѣ о нихъ человѣкъ судилъ и имѣлъ познанія

[1]) Объ этомъ подробнѣе будетъ сказано въ VI главѣ.

раньше, чѣмъ онъ ихъ назвалъ. Для того, чтобы назвать опредѣленный грибъ „боровикомъ“, нужно было знать и этотъ грибъ и то, что онъ водится въ бору; для того, чтобы назвать другой грибъ „подъосинникомъ“, нужно было его отличать отъ боровика и знать, что онъ водится вблизи осинъ.

Что первыя предложенія у дѣтей имѣютъ характеръ синтеза, отмѣтилъ еще Штейнталь, наблюдавшій на дѣтяхъ развитіе ихъ языка [1]). Но это собщеніе нисколько не разувѣрило языковѣдовъ въ ошибочности закоренѣлаго ихъ мнѣнія, будто первыя сужденія, появляющіяся у человѣка, представляютъ собою анализъ воспріятія. Такъ, Германъ Пауль, ссылаясь на упомянутое сообщеніе Штейнталя и признавая его вѣрнымъ, все же придерживается стараго взгляда: онъ объявляетъ эти первыя предложенія дѣтей за особыя, которыя называетъ „копулятивными“ и утверждаетъ, что они еще не выражаютъ сужденій. Онъ даже цитируетъ одно такое „копулятивное предложеніе“, а именно: „Papa—hut“ (т. е. „папа надѣлъ шляпу“) и все же считаетъ его только предложеніемъ, а не сужденіемъ [2]). Признаться, для меня непонятно такое предложеніе, которое не выражало бы сужденія. Смыслъ предложенія именно въ томъ и состоитъ, что оно выражаетъ опредѣленную, законченную мысль, т. е. сужденіе, а послѣднее выражаетъ опредѣленное отношеніе между двумя переживаніями [3]). Впрочемъ, и самъ Пауль страницей раньше приблизительно такъ же опредѣляетъ предложеніе: „Сущность предложенія состоитъ въ томъ, что нѣсколько комплексовъ представленій ставятся въ соотношеніе (Beziehung) другъ къ другу посредствомъ расположенія другъ подлѣ друга (nebeneinanderstellung) словъ, къ которымъ они примкнули (an die sie sich angeschlossen haben) [4]). Въ цитированномъ Паулемъ примѣрѣ Штейнталя, несомнѣнно, имѣется „соотношеніе“ между двумя „комплексами представленій“, между отцомъ и шляпой на его головѣ. Слѣдовательно въ приведенномъ примѣрѣ мы имѣемъ не только предложеніе, но и сужденіе, какъ мы

[1]) *Steinthal* Einleitung in die Psychologie u. Sprachwissenschaft, § 534, 5. Мои наблюденія подтверждаютъ сообщеніе Штейнталя.

[2]) *Hermann Paul*, Principien d. Sprachgeschichte, Halle, 1880, S. 198.

[3]) См. II гл. § 11 настоящаго изслѣдованія.

[4]) Тамъ же, стр. 197.

его опредѣлили выше. Такимъ образомъ мы должны признать фактъ, что первичныя сужденія возникаютъ на основаніи синтеза. На основаніи анализа сужденія появляются позже.

Вышеизложенную ошибку языковѣдовъ Вундтъ усугубляетъ, утверждая, будто бы „всякое сужденіе представляетъ собою аналитическую функцію". Въ предыдущей главѣ мы разобрали цѣлый рядъ сужденій, которыя опровергаютъ мнѣніе Вундта [1]).

§ 3. Матерія первичныхъ сужденій.

Какъ мы видѣли въ предыдущей главѣ, сужденіе состоитъ въ устанавливаніи опредѣленнаго отношенія между двумя переживаніями. Слѣдовательно безъ этихъ переживаній невозможно и самое сужденіе. Эти переживанія называются матеріей сужденія. Спрашивается, какова эта матерія у первичныхъ сужденій? Самое примитивное сужденіе состоитъ въ установленіи тожества между повтореннымъ ощущеніемъ и соотвѣтственнымъ воспроизведеннымъ представленіемъ. Слѣдовательно ощущеніе оказывается необходимымъ условіемъ и самаго представленія и возможности возникновенія сужденія. Дальше ощущенія ни одинъ психологъ не въ состояніи проникнуть. Впрочемъ, и относительно его возникновенія изслѣдованіе становится весьма затруднительнымъ. Дѣло въ томъ, что изъ самонаблюденія мы не можемъ познать ощущеній въ ихъ чистомъ видѣ: никто не помнитъ своихъ первыхъ ощущеній въ области слуха и зрѣнія, такъ какъ первыя реакціи на слуховыя и зрительныя раздраженія относятся къ первымъ днямъ жизни; никто не помнитъ и своихъ первыхъ воспріятій этихъ органовъ, такъ какъ они относятся ко второму и третьему мѣсяцу жизни [2]).

Можно припомнить только особенно выдающіяся первыя ощущенія изъ позднѣйшей жизни, принадлежащія къ

[1]) Ср. II гл. § 2 и 5 наст. изслѣдованія.

[2]) См.: *Preyer*, Die Seele des Kindes, 7 Aufl. 1908, I. S. 4—6; II S. 41—51 u. S. 381—383.

области органическихъ ощущеній. Взрослый человѣкъ подъ дѣйствіемъ раздраженій на внѣшніе органы чувствъ испытываетъ не ощущенія, а тѣ сложные процессы, которые мы разобрали выше, т. е. **воспріятія**; а таковыя сопровождаются воспоминаніями и цѣлымъ рядомъ сужденій. Поэтому относительно ощущенія для насъ нѣтъ иного исхода, какъ путь анализа сложныхъ процессовъ воспріятія, изъ котораго мы выдѣляемъ элементъ ощущенія.

Въ подобномъ анализѣ намъ могутъ помочь и наши самонаблюденія относительно тѣхъ рѣдкихъ случаевъ, когда и у взрослаго новое органическое ощущеніе еще не апперципировано и еще не превратилось въ воспріятіе. Таковыми бываютъ первыя ощущенія и чувства, связанныя съ сексуальнымъ инстинктомъ; таковы ощущенія боли, впервые испытываемой, напр., зубной боли или боли ревматизма. Внутреннія органическія ощущенія при первомъ ихъ появленіи даже не локализуются точно; и этому человѣкъ постепенно научается изъ своего опыта. Такъ напр., когда я впервые испыталъ сильную зубную боль на 14-мъ году жизни, то я не сразу догадался о причинѣ ея, и даже послѣ этого я не могъ найти больной зубъ; и зубной врачъ не сразу могъ опредѣлить, какой зубъ болитъ: въ больномъ зубѣ иногда бываетъ еле замѣтное поврежденіе. Слѣдовательно даже локализація боли не сразу устанавливается точно. Въ новомъ болевомъ ощущеніи взрослаго дано только его содержаніе и сознаніе своего *я*: всякій сознаетъ „**мнѣ** больно". Такъ бываетъ у взрослаго. Но какъ происходитъ первое ощущеніе у ребенка, этого мы не знаемъ [1]). Но такъ какъ ребенокъ уже въ первый часъ реагируетъ крикомъ на температурныя, осязательныя, болевыя и другія раздраженія и воздѣйствія извнѣ: то по всему вѣроятію, онъ имѣетъ ощущенія уже въ первый часъ жизни. Но чтобы уже тогда у него было самосознаніе, весьма мало вѣроятно; по крайней мѣрѣ, оно ничѣмъ не

[1]) Предположеніе, будто самосознаніе появляется у него лишь съ употребленіемъ слова „я" совершенно невѣрно. Каждый ребенокъ, прежде чѣмъ употреблять это мѣстоименіе, отлично сознаетъ свою личность: онъ имѣетъ опредѣленные сознательные волевые акты; онъ протестуетъ противъ нарушенія своихъ интересовъ, хотя, мѣсто „я" употребляетъ свое домашнее имя. Такъ напр., онъ сердито кричитъ: „Шурка не буу-детъ; Шурка не хочетъ".

обнаруживается. Такимъ образомъ намъ приходится предполагать у ребенка первыя ощущенія безъ сознанія своего *я*, своей индивидуальности. А разъ этого самосознанія нѣтъ, то первое новое ощущеніе еще не апперципированное, представляетъ собою только пассивное впечатлѣніе, разрозненное, лишенное связи; оно еще не знаніе и даже не познавательный актъ. Таковымъ оно можетъ сдѣлаться, когда оно повторяется. Тогда уже можетъ происходить узнаваніе того же ощущенія, тогда можетъ быть на лицо и апперцепція: такое ощущеніе можетъ превратиться въ воспріятіе. Когда у меня болѣлъ другой зубъ, тогда я уже зналъ, что боль моя относится къ зубу, я сразу узналъ причину боли: тогда ощущеніе и локализировалось, и апперципировалось. Такъ какъ оно уже сопровождалось сужденіями и самосознаніемъ, то оно давало мнѣ объективное познаніе о болевомъ процессѣ, происходящемъ въ зубѣ. Итакъ, *чистое ощущеніе еще не представляетъ собою объективнаго познанія,* пока оно не апперципировано, т. е. пока къ нему не присоединятся сужденія узнаванія, отождествленія, сужденія относительно мѣста, причины и т. п. Только послѣ этого ощущеніе превращается въ воспріятіе, которое представляетъ собою познаніе [1]).

Различныя ощущенія (въ ихъ чистомъ видѣ) не могутъ быть сведены къ отношеніямъ, устанавливаемымъ разсудкомъ. Двѣсти цвѣтовъ, отличаемыхъ глазомъ, психологическій анализъ не можетъ свести къ отношеніямъ количественнымъ, хотя бы физикъ причину этихъ ощущеній видѣлъ въ количествѣ колебаній эѳира. То же еще болѣе справедливо относительно звуковъ. Относительная высота тоновъ уже пиѳагорейцами сводилась къ числамъ и ихъ отношеніямъ; но эти отношенія примѣнительны только къ объективной причинѣ ощущеній тона, т. е. къ длинѣ звучащей струны или къ числу правильныхъ колебаній воздуха.

[1]) Таковое называютъ „непосредственнымъ" познаніемъ; на самомъ дѣлѣ мы видѣли, что и оно переплетено множествомъ сужденій; слѣдовательно оно сопровождается представленіями, привносимыми или a priori, или изъ прежняго опыта: безъ этого не могли бы возникнуть и самыя сужденія. Подробные анализы воспріятій даны мною въ моей психологіи. См. *И. С. Проданъ,* Практич. руководство по псих. Харьковъ 1908. гл. XV и XX, стр. 88—92 и 119—124.

Относительно шумовъ (т. е. неправильныхъ звуковъ) такихъ числовыхъ отношеній не найдено: въ шумахъ имѣется и множество тоновъ. Относительно ощущеній вкуса, обонянія и другихъ ни физика, ни физіологія не дошли еще до ихъ настоящихъ причинъ и, разумѣется, не сводятъ ихъ различіе къ различнымъ количественнымъ отношеніямъ разныхъ физическихъ силъ или движеній.

Поэтому вполнѣ правильно считать ощущенія сырымъ матеріаломъ познанія, который намъ данъ непосредственно, но который только при участіи разсудка превращается въ объективное познаніе. Но считать этотъ сырой матеріалъ единственнымъ источникомъ знанія, какъ это дѣлаютъ сенсуалисты, есть большое заблужденіе [1]).

§ 4. Осложненіе предложеній.

Въ своемъ опредѣленіи сужденія (II гл., § 11) мы отмѣтили, что отношеніе между двумя переживаніями устанавливается или воспринимается „сознательно". Отмѣченное слово „сознательно" употреблено въ узкомъ значеніи, въ смыслѣ особеннаго вниманія и наличности соображенія (рефлексіи). Дѣло въ томъ, что въ одномъ предложеніи можетъ быть дано множество различныхъ отношеній; но эти отношенія мыслящимъ воспринимаются механически, полусознательно, какъ нѣчто данное и не подвергаемое сомнѣнію и сужденію. Такъ напр., вышеприведенное предложеніе (II гл. § 3) „я вчера гулялъ въ саду съ твоей сестрой" можетъ выражать шесть различныхъ сужденій, смотря по тому, на которое изъ отношеній мы обращаемъ свое вниманіе. Это мы и обозначаемъ логическимъ удареніемъ; остальныя же отношенія („обстоятельства") воспринимаются, какъ нѣчто данное, какъ цѣльный комплексъ, частей котораго мы не выдѣляемъ въ особыя сужденія. Каждое изъ этихъ отношеній представляетъ собою какъ бы кристаллизацію прошлыхъ

[1]) Даже то, что обыкновенно называютъ ощущеніемъ, есть сложный синтезъ элементовъ ощущенія, какъ это показываютъ наши анализы.

сознательныхъ сужденій; но въ новомъ осложненномъ сужденіи каждое становится подсознательнымъ, и мыслится лишь, какъ установившійся фактъ или какъ понятіе.

Первобытное мышленіе было гораздо проще; это мы видимъ и на дѣтскомъ языкѣ. Когда дѣти начинаютъ говорить, то ихъ предложенія состоятъ изъ одного или двухъ словъ. Только постепенно усложняется ихъ рѣчь, слѣдовательно и ихъ мышленіе. Впослѣдствіи соединяется и нѣсколько предложеній въ одно сужденіе[1]). Правописаніе отдѣляетъ придаточныя предложенія отъ главнаго запятыми и другими знаками препинанія; а точкой отдѣляется одно предложеніе отъ другого. Но въ книжномъ языкѣ соединяется иногда и нѣсколько сужденій въ одно предложеніе. Это бываетъ 1) въ слитныхъ предложеніяхъ, въ которыхъ равносильныя сочиненныя части предложенія отдѣляются запятыми или союзами; 2) въ сложныхъ по способу сочиненія; 3) въ періодахъ. Сверхъ того, въ русскомъ языкѣ отдѣляются запятыми и вводныя слова, которыя представляютъ собою особыя сужденія о самомъ предметѣ изложенія.

На нѣкоторыя изъ этихъ сужденій логика уже давно обратила свое вниманіе, а именно на такъ называемую „модальность“ сужденій. Эта модальность состоитъ въ томъ, что говорящій и мыслящій высказываетъ не только опредѣленное по содержанію сужденіе, но и свое мнѣніе о немъ, насколько говорящій увѣренъ въ истинности высказаннаго сужденія. Еще Аристотель отличалъ три вида сужденій по дальности[2]); Кантъ за ними упрочилъ особыя названія: 1) сужденія аподиктическія, 2) сужденія ассерториче-

[1]) Возникновеніе самой рѣчи и формированіе языка не входитъ въ мою задачу. Интересующихся этимъ вопросомъ я могу отослать къ извѣстной книгѣ *А. Потебни* „Мысль и языкъ“ (2 изд. Харьковъ 1892, гл. VI—VIII стр. 78—138). Правда, въ ней обращено вниманіе только на одинъ источникъ человѣч. рѣчи—на рефлексы чувствъ въ звукахъ; но въ этомъ отношеніи и современная психологія еще не обратила надлежащее вниманіе на другіе источники—на самопроизвольную дѣятельность и на подражаніе. Максъ Мюллеръ даже высмѣялъ теорію звукоподражанія. Объ этомъ будетъ рѣчь впереди.

[2]) *Aristoteles*, Analytica pr. I, cap II. „Всякое предложеніе высказываетъ или бытіе (ὑπάρχειν), или необходимое бытіе, или возможное бытіе“.

скія, 3) сужденія проблематическія[1]). Эти три вида модальности удержаны логиками до сихъ поръ. Между тѣмъ въ любомъ языкѣ имѣется несравненно больше степеней обозначаемой увѣренности въ истинности высказаннаго сужденія. Такъ, въ русскомъ языкѣ эта увѣреноость выражается слѣдующими вводными словами: „*безъ сомнѣнія*, (=*несомнѣнно*), *по необходимости, конечно, очевидно, разумѣется; дѣйствительно, въ самомъ дѣлѣ; весьма вѣроятно, вѣроятно, кажется, возможно* (=*быть можетъ, пожалуй*), *чего добраго* (=*мало вѣроятно*)". Предложенія съ подобными вводными словами съ психологической точки зрѣнія представляютъ одно сужденіе, въ которомъ вводныя слова служатъ приносимымъ терминомъ (предикатомъ), а все остальное предложеніе—даннымъ терминомъ (субъектомъ). Для логики важнѣе содержаніе, чѣмъ мнѣніе о немъ говорящаго: поэтому она, согласно съ грамматикой, считаетъ терминами сужденія составныя части главнаго предложенія; а сужденіе о его достовѣрности считаетъ особымъ признакомъ сужденія, который Кантомъ и названъ „модальностью".

§ 5. Модальность сужденій.

Дѣленіе сужденій на три вида модальности, сдѣланное Кантомъ, не имѣетъ значенія для логики, какъ это Зигвартъ вполнѣ убѣдительно доказываетъ[2]). Во-первыхъ, „сужденіе проблематическое, по словамъ Зигварта, не можетъ считаться сужденіемъ, поскольку ему недостаетъ сознанія объективной истинности (Gültigkeit)... Оно есть сужденіе только въ томъ смыслѣ, что говорящій находится въ нерѣшительности относительно вопроса, есть ли „*A*—*B*" [3]). Слѣдовательно оно можетъ считаться только субъективнымъ сужденіемъ, и то только относительно душевнаго состоянія говорящаго, т. е. относительно его нерѣшительности, истинно ли сужденіе „*A* есть

1) *Kant*. Kritik d. rein. Vernunft. § 9.
Kant, Logik 1800, S. 169.

2) *Sigwart*, Logik, 3 Aufl. I, Bd. § 31.

3) Тамъ же, стр. 235 и 236.

B“; но его отнюдь нельзя считать объективнымъ знаніемъ относительно самаго сужденія „*A*—*B*“, такъ какъ оно допускаетъ и его противоположность“ [1]).

Далѣе, Зигвартъ утверждаетъ, что „такъ называемое ассерторическое сужденіе (простое утвержденіе, что „*A* есть *B*“) не отличается существенно отъ аподиктическаго (необходимо утверждать, что *A* есть *B*). Дѣло въ томъ, поясняетъ Зигвартъ, что въ каждомъ сужденіи, высказываемомъ съ полнымъ сознаніемъ, вмѣстѣ съ нимъ утверждается и необходимость [sic!] его высказывать. Правда, сужденія отличаются относительно того пути, которымъ достигается достовѣрность (Gewissheit), т. е. непосредственно ли или опосредствовано; но если бы мы захотѣли на этомъ основывать отличіе ассерторическихъ отъ аподиктическихъ сужденій, то послѣднему досталось бы низшее мѣсто (увѣренности), такъ какъ его достовѣрность только производная, т. е. заимствованная отъ другихъ данныхъ, напр.,—отъ доказательствъ и посылокъ“ [2]). „А всякая опосредствованная достовѣрность, поясняетъ Зигвартъ, должна въ концѣ концовъ опираться на непосредственную достовѣрность; каждое доказательство должно опираться на посылки, которыя сами не нуждаются ни въ какомъ доказательствѣ... Предполагая даже самое строгое доказательство, все же доказанное никогда не можетъ претендовать на высшую степень достовѣрности, чѣмъ тѣ основанія, которыми оно доказано“. Такъ возражаетъ Зигвартъ и Канту, и его послѣдователямъ. Я вполнѣ согласенъ съ нимъ въ этомъ, такъ какъ Кантъ, дѣйствительно, не вполнѣ ясно разграничилъ сужденія ассерторическія отъ аподиктическихъ [3]). Но я не согласенъ съ Зигвартомъ въ его возраженіяхъ Лейбницу, который далъ точное разграни-

[1]) Тамъ же, стр. 239 и 240. Изъ этого Зигвартъ дѣлаетъ слѣдующій выводъ. „Ученіе, что такъ называемое проблематическое сужденіе есть видъ сужденія, должно быть брошено, если принимать въ понятіе сужденія утвержденіе истины высказаннаго и учить, что сужденіе должно быть или истиннымъ, или ложнымъ“ (стр. 241 и 242). Такъ думаетъ Зигвартъ, принимающій въ опредѣленіе сужденія признакъ истинности; но въ нашемъ опредѣленіи этотъ признакъ исключенъ.

[2]) Тамъ же, стр. 236. Маркировки—Зигварта.

[3]) См. *Sigwart*, Logik, 3 Aufl. въ цитир. § 31, стр. 242.

ченіе необходимыхъ истинъ, т. е. аподиктическихъ сужденій, отъ „истинъ фактическихъ", т. е. ассерторическихъ сужденій. Первыя Лейбницъ понимаетъ какъ „истины необходимыя по требованіямъ разума", т. е. такія, противоположность которыхъ невозможна, такъ какъ она ведетъ къ противорѣчію" [1]).

§ 6. Истины необходимыя и фактическія.

По поводу этого разграниченія истинъ, сдѣланнаго Лейбницомъ, Зигвартъ возражаетъ напрасно. Вся его полемика сводится къ недоразумѣнію: Зигвартъ слово „необходимыя" истины употребляетъ въ широкомъ значеніи „объективныхъ, общеобязательныхъ истинъ"; между тѣмъ Лейбницъ подъ этимъ выраженіемъ разумѣетъ только выводныя, или „формальныя" истины въ противоположность „фактическимъ"; въ послѣднихъ не дана или не сознается ихъ „необходимость", т. е. ихъ разумное основаніе [2]). Для дедуктивной логики совершенно безразлично, чѣмъ опредѣляется или обоснована истинность посылокъ. Поэтому разграниченіе Лейбница, хотя и вѣрно, но оно не имѣетъ зна-

[1]) Зигвартъ думаетъ, что они тожественны съ Кантовыми аналитическими сужденіями; на самомъ дѣлѣ, и изъ цитированныхъ имъ мѣстъ изъ сочиненій *Лейбница* (princ. philos. § 33 и Nouv. Ess. IV, § 1) видно, что Лейбницъ подъ своими „verités de raisonnement" разумѣлъ не то, что Кантъ подъ „аналитическими сужденіями". Самъ Зигвартъ цитируетъ слѣдующія слова Лейбница: „Когда истина необходима, въ ней можно найти разумное основаніе посредствомъ анализа, разлагая ее на идеи и на истины болѣе простыя, пока не доберешься до первоначальныхъ"... Это мѣсто, цитированное Зигвартомъ, доказываетъ, что Лейбницъ подъ своими „необходимыми" истинами разумѣлъ истины выводныя, которыя могутъ быть доказаны другими, болѣе простыми, и наконецъ—первоначальными, т. е. непосредственно очевидными истинами. Въ таковомъ случаѣ противорѣчіе противоположнаго сужденія можетъ оказаться въ „болѣе простыхъ" или даже въ „первоначальныхъ" истинахъ, а не въ доказываемомъ положеніи. Между тѣмъ противорѣчіе въ аналитическомъ сужденіи видно сейчасъ же: для этого достаточно разсмотрѣть, не противорѣчитъ ли признакъ предиката (привносимаго) одному изъ признаковъ субъекта (даннаго).

[2]) Тамъ же, стр. 245—250.

ченія для дедукціи: его „необходимость“ есть не что иное, какъ доказанность даннаго сужденія, а логическое доказательство есть лишь одинъ изъ критеріевъ истины, и отнюдь не самый убѣдительный: вѣдь, доказательство получаетъ свою убѣдительность отъ истинности посылокъ, какъ это отмѣтилъ и Зигвартъ; но сверхъ того,—и отъ правильности процесса умозаключенія. Самое доказательство не можетъ быть болѣе достовѣрно, чѣмъ посылки, изъ которыхъ оно получилось; а въ концѣ концовъ наша увѣренность въ истинности сужденій коренится въ непосредственно очевидныхъ истинахъ, какъ это вѣрно отмѣчаетъ и Зигвартъ [1]). Эти истины убѣдительнѣе всякихъ доказательствъ и обосновываютъ все наше знаніе, хотя онѣ не—выводныя; онѣ необходимы въ смыслѣ Зигварта, т. е. общеобязательны: иначе, не могло бы возникнуть никакого знанія. Такой же убѣдительностью отличаются и наши истинныя воспріятія, хотя они выражаются сужденіями „ассерторическими“, т. е. безъ всякихъ модальныхъ частицъ. Если же въ какомъ-нибудь сужденіи употребляются выраженія „несомнѣнно“ или „необходимо“, то это доказываетъ, что раньше кто-нибудь въ нихъ сомнѣвался—или самъ говорящій, или кто-нибудь другой. Такъ, если кто-нибудь скажетъ: „сегодня непремѣнно наступитъ солнечное затменіе“, то это значитъ, что кто-нибудь въ этомъ сомнѣвался. Если же я не вѣрю въ предсказанное астрономами солнечное затменіе, то самое наступленіе этого факта въ дѣйствительности, который я узнаю изъ своего непосредственнаго воспріятія, меня убѣдитъ несравненно сильнѣе, чѣмъ всѣ вычисленія, таблицы и доказательства астрономовъ: астрономы—все же люди, и могутъ ошибаться; а мое непосредственное воспріятіе при нормальныхъ условіяхъ меня никогда не обманываетъ, въ особенности, если оно подтверждается и наблюденіями другихъ людей.

Если принять во вниманіе все сказанное, то по моему, въ логикѣ слѣдуетъ отличать двѣ категоріи модальности: а) сужденія, въ объективной истинности которыхъ увѣренъ

[1]) Тамъ же, стр. 244, 247—249. Эту истину отмѣчалъ еще *Аристотель*, а въ новѣйшее время ее выдвинулъ *Томасъ Ридъ*, установившій нѣкоторые изъ принциповъ „здраваго смысла“.

говорящій; въ этотъ разрядъ входятъ и необходимыя, и фактическія истины (ассерторическія), и б)—сужденія, въ которыхъ отсутствуетъ эта увѣренность. Первыя можно назвать „достовѣрными“, а послѣднія „недостовѣрными“ [1]).

Относительно проблематическихъ сужденій, которыя входятъ въ разрядъ недостовѣрныхъ, Зигвартъ утверждаетъ, что ихъ должно исключить изъ логики. Въ этомъ я съ нимъ несогласенъ: подобныя сужденія имѣютъ мѣсто въ индуктивной логикѣ; они могутъ служить указкой для матеріальной индукціи; ихъ истинность можно провѣрить и другими способами, между прочимъ—и наблюденіемъ и экспериментами. Безъ возникновенія предположеній, догадокъ и гипотезъ наше эмпирическое знаніе не подвигалось бы впередъ.

Что же касается опредѣленія сужденія, въ которое включено Зигвартомъ и другими также утвержденіе истинности, то этотъ признакъ—несущественный, и долженъ быть исключенъ изъ опредѣленія сужденія, такъ какъ онъ присущъ не всѣмъ сужденіямъ. Въ противномъ же случаѣ, было бы неизвѣстно, куда отнести проблематическія и завѣдомо ложныя сужденія; таковыя все же существуютъ, и не только въ дѣйствительной жизни, но даже и въ учебникахъ логики; безъ нихъ не могла бы имѣть начала матеріальная индукція. Дѣло въ томъ, что прежде чѣмъ начать экспериментировать, я долженъ уже заранѣе имѣть планъ, въ какомъ направленіи вести эти эксперименты; а безъ предварительной гипотезы или предположенія это невозможно [2]).

§ 7. Отрицательныя сужденія въ логикѣ Зигварта.

Къ тому же разряду сужденій относительно достовѣрности познаннаго относятся и отрицательныя сужденія. Этимъ предложеніямъ придается въ логикѣ преувеличенное

[1]) Само собою разумѣется, что „достовѣрность“ сужденія не исключаетъ возможности ошибки судящаго. Достовѣрность сужденія можетъ относиться и къ отрицательнымъ сужденіямъ, о которыхъ мы сейчасъ будемъ говорить.

[2]) Объ объективной возможности и необходимости въ самой природѣ будетъ рѣчь въ другомъ мѣстѣ.

значеніе. Какъ извѣстно, еще Аристотель ихъ ставилъ рядомъ съ утвердительными во всѣхъ случаяхъ и даже включилъ въ опредѣленіе сужденія возможность отрицанія предиката по отношенію къ субъекту. Для нихъ Аристотель установилъ даже особыя правила силлогизма. На самомъ дѣлѣ, какъ мы увидимъ, ихъ цѣнность только въ рѣдкихъ случаяхъ равносильна цѣнности утвердительныхъ. Между тѣмъ въ логикахъ, чтобы оправдать мнимую ихъ равноцѣнность, нерѣдко приводятся такіе примѣры отрицанія, которые въ дѣйствительности никогда не возникаютъ у познающаго человѣка, если таковой не играетъ словами и софистическими уловками. Такъ напримѣръ, въ логикахъ приводятся не только двойныя отрицанія (въ превращеніяхъ—obversio), но даже и тройныя [1]).

Посмотримъ, какова сущность этихъ сужденій. Въ этотъ вопросъ Бенеке и Зигвартъ вникли глубже всѣхъ со стороны психологической, хотя этотъ вопросъ занималъ еще и схоластиковъ, и Локка, и многихъ изъ новѣйшихъ философовъ [2]).

Зигвартъ въ послѣднемъ изданіи своей логики говоритъ слѣдующее: „Отрицаніе всегда направлено противъ попытки синтеза и слѣдовательно предполагаетъ возможную склонность (Zumutung),.. соединять субъектъ и предикатъ. Предметомъ отрицанія есть всегда сужденіе или совершившееся, или же возникавшее (versuchtes Urteil), и отрицательное сужденіе поэтому не можетъ быть разсматриваемо, какъ особый видъ сужденія, который—равноцѣнный и равно первоначальный, какъ и положительное сужденіе“... „Готовыя сужденія, конечно, можно исчерпывающимъ образомъ раздѣлить на утвердительныя и отрицательныя“; но это не значитъ, что оба вида—„одинаково первоначальныя и совершенно независимыя другъ отъ друга формы процесса сужденія (Des Urteilens). Подобное мнѣніе было бы ложнымъ“[3]). „Дѣло въ томъ, что отрицательное сужденіе, поясняетъ Зигвартъ, предполагаетъ для своего возникновенія попытку

1) См. *Sigwart,* Logik, 3 Aufl. I Bd. § 22.

2) См. *Dr. R. Eisler,* Wörterb. d. philos. Begr. II Bd. S. 861—864 Artikel „Negation“.

3) *Sigwart,* Logik, 3. Aufl. I Bd. § 20 S. 155.

или по крайней мѣрѣ мысль утвержденія, т. е. положительнаго приписыванія предиката, и имѣетъ смыслъ только въ томъ случаѣ, когда оно противорѣчитъ таковому или его отмѣняетъ (aufhebt). Первоначальное сужденіе скорѣе не должно быть даже названо утвердительнымъ, а обозначается правильнѣе какъ положительное... Къ условіямъ сужденія вовсе не относится мысль о возможномъ отрицаніи или задаваемый вопросъ, на который должно отвѣчать „да" или „нѣтъ". „Отрицаніе не имѣетъ иного смысла, продолжаетъ Зигвартъ, какъ направить субъективное и индивидуально-случайное движеніе мышленія, которое въ своихъ капризныхъ вспышкахъ (Einfällen), вопросахъ, догадкахъ, ошибочныхъ утвержденіяхъ перехватываетъ за предѣлы объективной истины (das objectiv Gültige)—направить въ предѣлы, предназначенные ему природой данныхъ представленій" [1]). Это поясненіе Зигварта имѣетъ тотъ простой смыслъ, что въ отрицательномъ сужденіи сознается мыслящимъ ошибочность раньше всплывшаго у него поспѣшнаго сужденія. Поэтому никогда не возникаютъ отрицанія такихъ качествъ и отождествленій одного предмета познанія съ другимъ, относительно которыхъ невозможно смѣшеніе и ошибка. Такъ напримѣръ, никто не выскажетъ подобныхъ сужденій: „этотъ камень не читаетъ, не пишетъ, не поетъ". Отрицаній относительно одного субъекта возможно необозримое множество; но ихъ никто не сдѣлаетъ, если онъ серьезно думаетъ [2]). „Что означаетъ слово „*не*", и какой смыслъ заключается въ отрицаніи, говоритъ Зигвартъ, не можетъ быть ни опредѣлено, ни описано: о томъ можно только вспомнить, чтó каждый въ такомъ случаѣ себѣ представляетъ" [3]). Далѣе, Зигвартъ совершенно основательно отвергаетъ преобладающее ошибочное мнѣніе, будто отрицаніе относится къ предикату: „отрицаніе не заключается въ терминахъ сужденія, а относится къ связкѣ; но она не есть носитель отрицанія, а объектъ его: не существуетъ отрицающей связки, а только отрицаемая. Связка имѣетъ вполнѣ тотъ же смыслъ какъ въ отрицательномъ, такъ и въ утвердительномъ сужденіи" [4]). Вотъ основные взгляды

[1]) Тамъ же, стр. 156.
[2]) Тамъ же, стр. 156 и 157 примѣч.
[3]) Тамъ же, стр. 157.
[4]) Тамъ же, стр. 158 и 159.

Зигварта на отрицаніе, которые долженъ признать правильными каждый, кто вникалъ въ свои отрицательныя сужденія, возникавшія у него впервые [1]).

§ 8. Значеніе отрицанія. Гносическія сужденія.

Отмѣтивъ вѣрно возникновеніе и смыслъ отрицательныхъ сужденій, Зигвартъ все же не могъ отрѣшиться отъ Аристотелевскаго взгляда на сужденіе. Этотъ взглядъ имѣетъ свое основаніе въ грамматикѣ, и то за исключеніемъ безличныхъ предложеній; но онъ не примѣнимъ въ логикѣ и психологіи. Объ отрицаніи, какъ части сужденія, Зигвартъ говоритъ слѣдующее: „Въ отрицательномъ сужденіи находятся тѣ же три элемента (подразумѣвается—субъектъ, предикатъ и связка) и въ томъ же смыслѣ (какъ и въ положительномъ сужденіи); но въ качествѣ четвертаго [Маркировка Зигварта] присоединяется [sic!] отрицаніе, которое противодѣйствуетъ (wehrt) попыткѣ осуществить тотъ синтезъ, какъ объективно истинный (gültig),—которое противопоставляетъ (entgegenhält) свое „нѣтъ“ цѣлому предложенію [sic!] „А есть В“. Такимъ образомъ, по Зигварту, въ отрицательномъ сужденіи вмѣсто обычныхъ трехъ оказываются четыре „элемента“, т. е. части сужденія. Такой взглядъ не мирится ни съ опредѣленіемъ сужденія, даннымъ Зигвартомъ, ни съ другими опредѣленіями, отвергаемыми имъ же, ни съ нашимъ опредѣленіемъ. На самомъ дѣлѣ, въ сужденіи не можетъ быть ни больше, ни меньше, чѣмъ перечисленныя выше три части, т. е. два термина и связка. Если вмѣстѣ съ Зигвартомъ признать въ опредѣленіи сужденія три части, то тогда неизвѣстно, куда отнести самое отрицаніе „не“. Аристотель и его послѣдователи избавились отъ этого затрудненія, включивъ возможность отрицанія въ самое опредѣленіе сужденія; но Зигвартъ этого не сдѣлалъ, и мы тоже. Если же допустить въ су-

[1]) Къ тѣмъ же взглядамъ на отрицаніе я пришелъ и независимо отъ Зигварта. Ср.: мое Практическое руководство по Психологіи. XIV, стр. 83 и 84.

жденіи четыре части, то тогда всѣ утвердительныя сужденія съ тремя составными частями не подойдутъ подъ понятіе сужденія.

Чтобы уяснить себѣ дѣло, возьмемъ нѣсколько конкретныхъ примѣровъ возникновенія отрицательнаго сужденія, каковыхъ Зигвартъ не проанализировалъ. 1). Предположимъ, я встрѣчаю на улицѣ мою знакомую даму Б. Увидѣвъ ея фигуру, лицо, шляпку, я призналъ это впечатлѣніе дамы за мою знакомую Б., т. е. я судилъ „это—Б.". Потомъ, поровнявшись съ ней, я ей поклонился; но она посмотрѣла на меня съ удивленіемъ и не отвѣтила на поклонъ. Это обстоятельство меня поразило: я задумываюсь. „Что это значитъ? Неужели она меня не узнала? Или, можетъ быть, сердится на меня? Но за что? А можетъ быть, какой-нибудь изъ моихъ пріятелей посѣялъ обо мнѣ какую-нибудь сплетню?"... Я еще долго терялся бы въ догадкахъ, но случай помогъ. Дама Б. заговорила со встрѣчнымъ господиномъ, и я услышалъ ея голосъ. „Ба! Вѣдь это, не Б.". По голосу я узналъ, что я ошибся, принявъ встрѣченную даму за мою знакомую Б. Итакъ отрицательнымъ сужденіемъ „*это не Б.*" я призналъ, что мое прежнее поспѣшное сужденіе „это—Б." ошибочно. Слѣдовательно съ логической точки зрѣнія сужденіе „Это—Б." составляетъ данный терминъ (субъетъ), а „*ошибочно*" представляетъ собою привносимый терминъ (предикатъ). 2). Кто изъ насъ, видя впервые летучую мышь, не принималъ ее за птицу? Но намъ тутъ же сообщали: „*это не птица*". Впослѣдствіи, когда намъ приходилось видѣть живую летучую мышь или ея изображеніе, мы сами убѣждались, что „она не—птица", т. е. мы признавали ошибочность своего прежняго сужденія „это—птица". Послѣднее поспѣшное сужденіе, очевидно, есть данный терминъ, а подразумѣваемое „ошибочно" или „невѣрно" есть привносимый терминъ. 3). То же мы найдемъ и въ сужденіяхъ: „Китъ не—рыба, паукъ не—насѣкомое, угорь не—змѣя, ужъ не—ядовитая змѣя; шелкъ не—проводитъ теплоту, это стекло не хрупко, небо не плотно, земля не плоска" и т. п. Во всѣхъ приведенныхъ примѣрахъ соотвѣтственное положительное сужденіе составляетъ данный терминъ, а отрицаніе, т. е. признаніе ошибочности положительнаго сужденія, составляетъ привносимый терминъ отрицательнаго сужденія. Связка „есть" подразумѣвается.

Такимъ образомъ и отрицательныя сужденія такъ же, какъ и сужденія модальности, представляютъ собою сужденія объ истинности познанія. По моему, ихъ слѣдуетъ соединить въ одинъ классъ сужденій „гносическихъ“, т. е. относительно познанія. Тогда мы въ этомъ классѣ будемъ отличать три вида: а) достовѣрныя, б) недостовѣрныя (сомнительныя), в) отрицательныя, т. е. признающія, ошибочность утвержденія.

Этотъ послѣдній видъ сужденій не получилъ ни въ одной грамматикѣ особаго обозначенія: отрицаніе не только не отдѣляется запятыми, но наоборотъ, оно пишется слитно со многими словами: такимъ образомъ получились отрицательныя имена, нарѣчія и даже глаголы. Таковые отрицательные глаголы напр: „бездѣйствуетъ, нейдетъ, недостаетъ, ненавидитъ, недолюбливаетъ, недобралъ, недоѣлъ, недоросъ“ и т. д.[1]). Это явленіе объясняется 1) тѣмъ, что первобытный человѣкъ судитъ поспѣшно и часто ошибается; но зато онъ скоро и узнаетъ свою ошибку, и выражаетъ ее отрицательнымъ сужденіемъ.

2). Это явленіе объясняется и тѣмъ, что человѣкъ легко вѣритъ въ осуществленіе желательнаго и часто разочаровывается, не находя желаемаго и ожидаемаго. Въ такихъ случаяхъ отрицаніе обозначаетъ отсутствіе ожидаемаго. Это—privatio схоластической логики.

3). Въ логикѣ отрицаніе какого-нибудь несущественнаго для родового понятія признака можетъ служить основаніемъ дихотоміи, т. е. дѣленія рода на два вида. Въ такихъ случаяхъ и отрицательное понятіе даетъ положительный смыслъ, такъ какъ въ немъ отрицается лишь **одинъ** признакъ, а всѣ остальные ему присущи такъ же, какъ и соотвѣтственному положительному. Такъ напр., дѣленіе животныхъ на имѣющихъ и не имѣющихъ скелетъ (=мягкотѣлыхъ) даетъ два понятія, которыя отличаются только въ **одномъ** признакѣ —наличности скелета. Такъ же и дѣленіе параллелограммовъ на прямоугольные и косоугольные (=непрямоугольные) даетъ два положительныхъ понятія: въ послѣднемъ

[1]) Послѣдніе четыре глагола, по моему, слѣдовало бы писать отдѣльно отъ отрицанія „не“; а писать всѣ глаголы слитно съ отрицаніемъ, какъ это дѣлаетъ Потебня, я считаю ничѣмъ не мотивированнымъ.

видѣ отсутствуетъ лишь одинъ признакъ,—наличность прямого угла; всѣ же остальные признаки общи обоимъ видовымъ понятіямъ, напр., двѣ пары параллельныхъ сторонъ и проч. [1]). Таково значеніе отрицательныхъ предложеній.

§ 9. Первоначальные критеріи истины.

Первоначальное познаніе состоитъ въ положительныхъ сужденіяхъ, какъ это вѣрно отмѣтилъ Зигвартъ. Только тогда, когда человѣкъ начинаетъ замѣчать свои ошибки, онъ начинаетъ и оцѣнивать свое познаніе съ точки зрѣнія его истинности: тогда появляются гносическія сужденія Ложнаго познанія человѣкъ сознательно избѣгаетъ, такъ какъ таковое можетъ доставить ему много непріятностей и страданій: слѣдовательно сама выгода практической жизни заставляетъ человѣка дорожить истиной. Даже лгунъ и обманщикъ не желаетъ самъ быть обманутымъ и ошибаться: слѣдовательно и лгунъ для себя дорожитъ истиной. Впрочемъ, стремленіе къ познанію, т. е. къ *истинному* познанію, врождено человѣку. Ребенокъ инстинктивно и безсознательно стремится къ познанію, не думая ничего о его примѣненіи на практикѣ, о его пользѣ.

Но какъ можетъ человѣкъ стремиться къ истинѣ, если даже философы еще не вполнѣ согласны между собой, что такое истина. Спрашивается, какъ узнаетъ человѣкъ истину? Каковы ея примѣты, или критеріи? Каждый простолюдинъ, въ предѣлахъ доступнаго ему знанія, отличаетъ истину отъ лжи, хотя и не задаетъ себѣ вопроса Пилата: „Что такое истина?“. Не вдаваясь въ критику разногласій и ошибокъ философовъ, мы обратимся за справками къ первоисточнику, т. е. къ фактамъ психическаго опыта.

Уже давно былъ отмѣченъ философами тотъ фактъ, что младенецъ въ первые годы своей жизни пріобрѣтаетъ огромное количество познаній, быть можетъ больше, чѣмъ за всю остальную жизнь. Какъ же онъ ихъ пріобрѣтаетъ?

[1]) См. *И. С. Продань*, „Новая логика“, 1911 года, IX §§ 14—16; *Струве* и другіе логики въ этомъ случаѣ невѣрно опредѣляютъ значеніе отрицанія.

Окружающій его міръ дѣйствуетъ на всѣ его органы чувствъ, которыми дается огромное количество ощущеній. Эти ощущенія подъ дѣйствіемъ разсудка, памяти и самосознанія перерабатываются въ воспріятія, и въ свою очередь, сохраняются памятью. На первой ступени познанія ребенокъ еще не руководится сознательно какими-нибудь критеріями истины: ребенокъ непосредственно отдается своимъ впечатлѣніямъ и воспріятіямъ и въ общемъ получаетъ истинныя познанія; тутъ дѣйствуетъ непосредственная очевидность, которой ребенокъ поддается безъ всякой критики: грудь вкусна, а соска менѣе вкусна. (Поэтому послѣднюю онъ беретъ неохотно и только при сильномъ голодѣ). Это бѣлое (сахаръ) сладко. (Поэтому видя сахаръ, онъ его беретъ въ ротъ). Потомъ онъ беретъ въ ротъ и другіе бѣлые предметы, которые оказываются или безъ всякаго вкуса, или съ противнымъ вкусомъ. Вотъ примѣры первыхъ истинъ, которыя ребенокъ узнаетъ, и которыми онъ руководится въ своихъ дѣйствіяхъ[1]).

Только впослѣдствіи, когда непосредственныя впечатлѣнія или поспѣшныя обобщенія обманываютъ ребенка, онъ начинаетъ относиться критически къ своимъ непосредственнымъ познаніямъ. Такъ напр., увидѣвъ бѣлую соль, принятую за песочный сахаръ, и лизнувъ ее языкомъ, ребенокъ выплевываетъ соль. Онъ убѣждается, что „это не сахаръ", т. е. что онъ ошибся. Впослѣдствіи, видя соль въ той же солонкѣ, онъ уже не протягиваетъ къ ней своей ручки. Подобный же опытъ исправляетъ и всѣ непосредственныя впечатлѣнія, которыя не соотвѣтствуютъ дѣйствительности. Такъ напр., когда ребенокъ видитъ вдали домъ, который ему кажется очень малымъ, то онъ и считаетъ его таковымъ до тѣхъ поръ, пока онъ его не увидитъ вблизи. То же происходитъ и со всѣми видимыми предметами. Впослѣдствіи онъ

[1]) Эта „непосредственная очевидность" не заслуживаетъ названія критерія истины: въ этихъ случаяхъ ребенокъ не только не разсуждаетъ, не спрашиваетъ, почему это истина; но у него нѣтъ и самаго понятія „истины"; таковое у него появляется послѣ неоднократныхъ ошибокъ. И Декартовская „ясность и отчетливость" представленій и понятій не можетъ быть названа критеріемъ истины; таковая возможна и при ошибочномъ познаніи. Ясность можетъ быть непосредственнымъ чувствомъ истины, но безъ всякаго соображенія о ея причинѣ.

научается по зрительнымъ впечатлѣніямъ оцѣнивать и разстояніе и настоящую величину предметовъ. Такъ какъ порядокъ внѣшней природы однообразенъ, то познанія ея даются сравнительно легко: повтореніе того же сосуществованія, той же комбинаціи впечатлѣній легко усваивается памятью. Слѣдовательно на первой ступени развитія познанія примѣтой истины служитъ сама дѣйствительность. Соотвѣтствіе съ ней есть истина, а несоотвѣтствіе—иллюзія, обманъ чувства, ошибка, заблужденіе.

Когда же ребенокъ научился говорить, то во всѣхъ случаяхъ недоумѣнія и сомнѣнія онъ обращается съ вопросами къ матери или къ своимъ приближеннымъ. Они ему даютъ отвѣты, которымъ онъ вначалѣ вполнѣ довѣряетъ. Если бы у него уже въ этотъ періодъ закрадывались сомнѣнія относительно правдивости получаемыхъ сообщеній, то онъ, не будучи въ состояніи разобраться въ нихъ, былъ бы лишенъ второго главнаго источника своихъ познаній. Но къ счастью, этого не бываетъ, и ребенокъ черпаетъ изъ опыта матери тоже большое количество знаній. Душа человѣка устроена весьма разумно: инстинкты и способности проявляются у него въ опредѣленной послѣдовательности и постепенности. Любящая мать удовлетворяетъ любознательность ребенка и въ общемъ не обманываетъ его.

Но со временемъ ему приходится наблюдать, что прислуга или кто-нибудь изъ домашнихъ говорятъ то, что не согласно съ дѣйствительностью; а ей и ребенокъ, какъ и взрослый, вѣритъ безусловно. Это на первыхъ порахъ его удивляетъ, и онъ задумывается о причинѣ сказанной лжи [1]). Когда подобные примѣры лжи чаще повторяются, то ребенокъ приходитъ къ заключенію, что не всѣ люди и не всегда говорятъ то, что бываетъ на дѣлѣ, хотя и знаютъ истину. Тогда у него появляется понятіе о лжи и новая примѣта истины—благонадежность лица, передающаго извѣстія, т. е. достовѣрность свидѣтельства. Прислугѣ ребенокъ не всегда будетъ довѣрять, а мама для него будетъ авторитетомъ. Если ему не повѣритъ кто-нибудь, то онъ скажетъ:

[1]) Причинность дѣти инстинктивно понимаютъ прежде, чѣмъ научаются понимать отношенія времени и пространства. Въ этомъ отношеніи наблюденія Прейера въ его „Душѣ дитяти“ недостаточно точны.

„мама сказала". Такъ же пиѳагорейцы ссылались на своего учителя: αὐτὸς ἔφα (Самъ сказалъ).

Эти два критерія истины оказываются самыми первоначальными и самыми главными у всего человѣчества. Этими двумя критеріями удовлетворяется не только значительное большинство грамотныхъ и образованныхъ людей, но даже большинство ученыхъ: по исторіи, географіи, геологіи, естественной исторіи, по этнографіи, психологіи, анатоміи и другимъ наукамъ описательнымъ.

§ 10. Провѣренныя свидѣтельства, какъ критерій истины.

Къ свидѣтельству другихъ лицъ прибѣгаетъ человѣкъ и для провѣрки своихъ иллюзій и обмановъ чувства (галлюцинацій). Такъ напримѣръ, если я съ нетерпѣніемъ ожидаю прихода какого-нибудь лица, то я могу принять за звукъ звонка совсѣмъ другой звукъ,—напр. стукъ объ стаканъ ложечки, раздавшійся въ столовой. Я выбѣгаю въ переднюю и никого не вижу; спрашиваю прислугу, потомъ кого-нибудь изъ домашнихъ, не слышали ли они звонка. Когда же отъ всѣхъ получу отвѣтъ „нѣтъ", тогда я убѣждаюсь, что меня обманулъ „мой слухъ". На самомъ дѣлѣ меня обманула апперцепція: я неправильно истолковалъ и локализировалъ дѣйствительный звукъ, который я услышалъ. Заявленіе прислуги меня еще не убѣждало въ моей ошибкѣ: я знаю, что прислуга могла солгать, чтобы оправдать свое упущеніе,— что не вышла отперетъ дверь. Но когда заявленіе прислуги подтвердили другіе, то я имъ вѣрю и убѣждаюсь въ своей ошибкѣ. Такимъ же образомъ провѣряется и достовѣрность всякаго свидѣтельства. У историка и этнографа эта провѣрка должна быть очень основательной. Таковымъ ученымъ нужно убѣдиться, 1) могъ ли авторъ сообщить то, что онъ сообщаетъ, т. е. былъ ли онъ самъ очевидцемъ передаваемаго или же передаетъ, что узналъ отъ другихъ; 2) желалъ ли онъ передать одну правду безъ искаженій, т. е. не было ли у него предвзятой мысли или пристрастія въ изложеніи видѣннаго и слышаннаго. 3). Если не оказывается у

автора требуемыхъ качествъ, то тогда является надобность провѣрить его показанія другими свидѣтельствами, исходящими отъ другого лица, не заинтересованнаго или же заинтересованнаго въ противоположномъ смыслѣ. Такъ напр., греческій историкъ, описывающій походъ Ксеркса противъ Эллады, заинтересованъ въ томъ смыслѣ, чтобы какъ можно больше выдвинуть доблесть грековъ при защитѣ своего отечества. Поэтому греческій историкъ будетъ склоненъ умалять достоинства противника,—искусство, храбрость; напротивъ, онъ будетъ преувеличивать число его войскъ и кораблей, чтобы побѣда грековъ вышла болѣе блестящей. Въ свою очередь, недостатки грековъ онъ по возможности будетъ смягчать. Поэтому показанія греческаго историка слѣдуетъ провѣрять показаніями персидскихъ источниковъ, которымъ тоже нельзя безусловно вѣрить. Однако изъ сличенія тѣхъ и другихъ источниковъ можно добыть относительную истину, которая будетъ посрединѣ между сообщеніями обѣихъ сторонъ. Чѣмъ больше источниковъ историкъ привлекаетъ къ своему изслѣдованію, тѣмъ больше довѣрія онъ получаетъ у читателя. 4). Относительно общечеловѣческихъ свойствъ и общечеловѣческихъ фактическихъ знаній требуется еще бо́льшее число свидѣтельствъ изъ различныхъ странъ, народовъ и временъ: тогда общій выводъ пріобрѣтаетъ убѣдительную силу. Тогда consensus omnium gentium становится критеріемъ истины [1]). Такъ напр., всѣ народы вѣрятъ въ боговъ или въ единаго Бога; всѣ люди стремятся къ счастью и къ совершенствованію; всѣ народы признаютъ обязательность нравственныхъ нормъ и отвѣтственность человѣка за свои поступки, требуя за нихъ возмездія; всѣ народы вѣрятъ въ существованіе души, какъ особаго дѣятельнаго разумнаго начала, различнаго отъ инертной матеріи. Подобныя истины, насколько онѣ признаны всѣми народами, доказываютъ, что эти вѣрованія и воззрѣнія коренятся въ самой человѣческой природѣ, и наконецъ—въ Творцѣ Вселенной и человѣка: слѣдовательно эти явленія и факты не случайны; они необходимы для человѣка, для него они—истины общеобязательныя: ихъ признавали всѣ выдающіеся философы.

[1]) См. *Cicero*, Tuscul. disput. I. 30

То обстоятельство, что появлялись лжемудрецы, оспаривавшіе то одну, то другую изъ приведенныхъ истинъ, отнюдь не ослабляетъ ихъ силы и общеобязательности. Такъ же точно наличность нѣсколькихъ слѣпцовъ не доказываетъ отсутствія видимаго, а равно и зрѣнія у остальныхъ.

Такъ же точно не можетъ служить опроверженіемъ общечеловѣческаго смысла то обстоятельство, что и онъ иногда ошибается: въ этихъ случаяхъ ошибки или не имѣютъ практическаго значенія, или же онѣ относятся къ частностямъ, относительно которыхъ не всѣ согласны. Такъ напр., общечеловѣческій смыслъ, а равно и всѣ астрономы отъ Птоломея до Коперника, вѣря своимъ непосредственнымъ зрительнымъ впечатлѣніямъ, считали землю неподвижной. Но эта ошибка 1) не имѣетъ никакого практическаго значенія. 2) Даже въ теоріи всякое движеніе относительно, и замѣчается оно только по сравненію съ неподвижнымъ. Если же движется все, какъ напр. вся земля, то все находящееся на ней намъ кажется неподвижнымъ. Только по сравненію съ небесными свѣтилами мы замѣчаемъ измѣненія въ положеніи земли къ этимъ свѣтиламъ; но изъ этихъ измѣненій отнюдь еще не видно, движется ли земля, или все небо. Птоломеева система логически отнюдь не опровергнута: она не заключаетъ въ себѣ логическихъ противорѣчій; она только весьма сложна и поэтому неудобна; а открытія Кеплера и Ньютона еще болѣе упростили объясненіе движенія небесныхъ тѣлъ. 3) И до Птоломея, и до Коперника позднѣйшіе пиѳагорейцы вѣрили въ движеніе земли.

§ 11. Логическое основаніе, какъ критерій истины.

По мѣрѣ накопленія знаній въ опытѣ отдѣльнаго человѣка увеличивается и связность между однородными фактами. То же дѣлается и въ наукѣ. Таковая стремится не только къ увеличиванію объема знаній въ своей области, но она старается по мѣрѣ возможности открывать и зависимость добытыхъ фактовъ другъ отъ друга или отъ одного общаго имъ начала. Стремленіе установить связь между разрозненными фактами мы имѣемъ уже въ первоначаль-

ныхъ процессахъ сужденія. Это стремленіе врождено человѣку, и вначалѣ у каждаго устанавливаются различныя связи между отдѣльными фактами даже невольно, по тѣмъ же категоріямъ, что и ассоціаціи идей. То, что въ психологіи называется „ассоціаціями идей", есть результатъ предшествовавшихъ воспріятій и сужденій, есть уже установившійся элементъ познанія,—такъ-же, какъ и понятіе; только послѣднее имѣетъ еще большую стойкость, чѣмъ первыя. Первоначальными связующими категоріями бываютъ: тожество (сходство) и причинность; затѣмъ сосуществованіе пространственное и наконецъ—отношенія времени. Причинность ребенокъ понимаетъ инстинктивно уже на второмъ мѣсяцѣ: если онъ выпускаетъ изо рта грудь, когда онъ сытъ или когда въ ней нѣтъ молока, или же—невкусную соску, то и подобное дѣйствіе необъяснимо одними рефлексами мозга [1]). Если же онъ на пятомъ мѣсяцѣ протягиваетъ ручку къ желанному предмету, который подноситъ ко рту [2]), то въ этихъ произвольныхъ дѣйствіяхъ, несомнѣнно, имѣется уже сознательное пониманіе причинной зависимости. Таковая его интересуетъ постоянно; когда онъ уже говоритъ, то онъ постоянно спрашиваетъ „кто сдѣлалъ?", „почему?". При этихъ вопросахъ имѣется въ виду реальная причина—или внѣшняя, или душевная. Довольно поздно вопросъ „почему?" имѣетъ въ виду цѣль, а еще позже—логическое основаніе какого-нибудь сужденія. Послѣднее бываетъ уже въ періодъ обученія. Напр.: „Почему десять пишется двумя цифрами, а девять одной?". „Почему при умноженіи на десять прибавляется одинъ ноль?" „Почему въ високосномъ году 366 дней?" [3]).

Итакъ слово „почему" употребляется въ двоякомъ смыслѣ: а) для указанія причины, б)—логическаго основанія. Эти два значенія нужно различать: логическое основаніе вовсе не служитъ причиной даннаго сужденія. Мы часто узнаемъ новыя истины, вовсе не зная ихъ основаній; да и тотъ, кто впервые открылъ какое-нибудь новое отношеніе,

1) Ср. Preyer, op. cit. pag. 91.

2) Тамъ же, стр. 146.

3) Мой сынъ эти вопросы задавалъ только на шестомъ году; а у него развитіе шло необыкновенно быстрымъ ходомъ.

далеко не всегда знаетъ его логическое основаніе. Такъ напримѣръ, Кеплеръ эмпирическимъ путемъ открылъ законы движенія планетъ, не зная ихъ логическаго основанія; только послѣ него Ньютонъ нашелъ это основаніе въ законѣ тяготѣнія. Многія теоремы геометріи столярамъ, бондарямъ и каменотесамъ были извѣстны значительно раньше, чѣмъ ихъ доказывали ученые геометры, т. е. чѣмъ сдѣлалось извѣстнымъ ихъ логическое основаніе. Знанія, не исключая и математическихъ, прежде добываются эмпирическимъ путемъ; а потомъ только удается, и то не всегда, находить ихъ логическое основаніе. И теперь еще такимъ же путемъ добываются новыя теоремы и новые отдѣлы математики [1]).

Въ физикѣ, какъ мы знаемъ, и въ настоящее время еще не всѣ отдѣлы разработаны настолько, чтобы эмпирически добытыя знанія можно было дедуцировать изъ общихъ несомнѣнныхъ положеній. Таковъ напр., отдѣлъ о магнетизмѣ. Въ химіи только недавно, благодаря теоріи Менделеева, сдѣлалось возможнымъ a priori предсказывать открытіе новыхъ химическихъ элементовъ и соединеній.

Изъ этихъ фактовъ мы должны убѣдиться, что логическая обоснованность знанія является довольно поздно,—и у отдѣльной личности, и у всего человѣчества. Слѣдовательно этотъ критерій истины не есть первоначальный, а производный: фактическія истины добываются гораздо раньше, чѣмъ устанавливается ихъ зависимость отъ болѣе общихъ законовъ природы или отъ болѣе общихъ теоретическихъ соображеній. Притомъ доказываемое посредствомъ дедукціи положеніе черпаетъ свою убѣдительность изъ своихъ же посылокъ и изъ логической правильности умозаключеній. Если же самыя посылки не отличаются достовѣрностью, то даже логически правильный выводъ, сдѣланный изъ нихъ, не можетъ быть убѣдительнымъ.

Доказательства геометріи въ концѣ концовъ опираются на опредѣленія и аксіомы; но самыя опредѣленія, за нѣсколькими исключеніями, не—пустыя фикціи; они для насъ имѣютъ значеніе дѣйствительности, потому что опредѣляемыя понятія (прямыя линіи, углы, фигуры и т. п.) обозначаютъ или

[1]) Меня въ этомъ увѣрялъ одинъ мой знакомый, выдающійся математикъ: свои новыя открытія онъ не сразу сумѣлъ дедуцировать изъ общихъ положеній.

нѣчто дѣйствительно существующее, или по крайней мѣрѣ, нѣчто осуществимое. А въ этомъ насъ убѣждаютъ наши непосредственныя воспріятія. Мы видимъ параллельныя и наклонныя линіи, мы видимъ острые, прямые и тупые углы, мы видимъ треугольники и четыреугольники, мы видимъ и отличаемъ правильныя фигуры отъ неправильныхъ, мы видимъ и отличаемъ кругъ отъ правильнаго многоугольника и элипсиса: поэтому геометрическія опредѣленія для зрячаго человѣка имѣютъ силу непосредственной очевидности [1]). Что же касается геометрическихъ аксіомъ, то ихъ очевидность тоже коренится и въ нашихъ зрительныхъ воспріятіяхъ. Такимъ образомъ и всѣ доказательства геометріи въ концѣ концовъ основаны на непосредственной очевидности. Таковую нельзя считать критеріемъ истины въ собственномъ смыслѣ этого слова: это—чисто субъективная увѣренность каждаго человѣка, которая зависитъ отъ его душевной организаціи; она составляетъ необходимое условіе всякаго знанія, и поэтому не подлежитъ ни сомнѣніямъ, ни доказательствамъ. Это и есть тотъ „lumen naturale“ Декарта, который заложенъ Творцомъ Вселенной въ душу человѣка [2]).

§ 12. Логическая послѣдовательность и очевидность.

Вмѣсто перечисленныхъ критеріевъ истины, въ новѣйшей философіи выдвинуты новые, которые, какъ ми уви-

[1]) Исключеніе составляютъ только опредѣленія математической точки и линіи, которыя представляютъ собою фикціи, введенныя для удобства въ разсужденіяхъ. Еще древніе скептики отмѣтили вполнѣ основательно нереальность этихъ опредѣленій, т. е. ихъ несоотвѣтствіе дѣйствительности. (См. Sextus Empiricus, Adversus Geometr. III. 22 seq. Для слѣпорожденнаго и другія опредѣленія геометріи не отличаются полной очевидностью, такъ какъ слѣпой можетъ получить только приблизительное и неясное понятіе о замкнутой фигурѣ или объ углѣ: таковыя понятія у слѣпорожденнаго могутъ составляться лишь на основаніи преемственныхъ впечатлѣній—осязательныхъ и мускульно-моторныхъ, которыя сильно отличаются отъ одновременнаго и цѣльнаго пространственнаго воспріятія фигуры у зрячаго. Притомъ у слѣпца его впечатлѣнія отъ геометрической фигуры весьма ограничены по пространственнымъ размѣрамъ: они не выходятъ за предѣлы его руки.

[2]) *Descartes*, Princ. philos. I, 30.

димъ, или не имѣютъ мѣста въ гносеологіи, или же не оказываются критеріями истины. Такъ, Кантъ признаетъ только одинъ критерій истины, формально-логическій, т. е.—согласіе познанія съ общими и формальными законами разсудка и разума [1]). Въ своей логикѣ онъ формулируетъ этотъ критерій болѣе кратко, а именно какъ „согласіе познанія съ самимъ собою" [2]). То же съ незначительными варіаціями повторяли: *Якобъ*, *Кругъ*, *Фихте* (старшій) [3]), а изъ новѣйшихъ: *Лотце* [4]), *Б. Эрдманъ* [5]), *Шубертъ-Зольдернъ*, [6]) *Зигвартъ* [7]), *Виндельбандъ* [8]); послѣдніе четыре присоединяютъ къ Кантовой формулѣ выраженія „необходимость мышленія" (Denknotwendigkeit) или же „общеобязательность" (Allgemeingültigkeit). *Кассиреръ*, по примѣру *Брэдлея*, формулируетъ этотъ критерій, какъ „внутреннюю связность и отсутствіе противорѣчій" (innerer Zusammenhang und Widerspruchslosigkeit [9]). Всѣ эти формулы указываютъ на одно изъ условій полученія истины или провѣрки истиннаго познанія. Это условіе состоитъ въ соблюденіи основныхъ законовъ мышленія и вообще правилъ формальной логики. Но каждому извѣстно, что формальная правильность мышленія и умозаключеній, (т. е. соблюденіе всѣхъ правилъ логики) отнюдь еще не доказываетъ истинности заключенія, т. е. вывода. Таковой можетъ быть и ложнымъ, если разсуждающій исходилъ отъ ложныхъ посылокъ или аргументовъ. И наоборотъ, отъ истинности заключенія нельзя сдѣлать вывода относительно истинности посылокъ: истинный выводъ иногда можетъ быть полученъ и изъ ложныхъ посылокъ [10]). Формальная логика не входитъ въ провѣрку истинности сужденій и

[1]) *Kant*, Kritik d. rein. Vern. herausg. v. Kehrbach, 2 Aufl. S. 82. Тутъ же онъ старается доказать, что „невозможно указать на достаточный и общій критерій истины"... „по отношенію къ содержанію познаній", и что „даже самъ вопросъ о таковомъ представляетъ собою противорѣчіе".

[2]) *Kant*, Logik 1800, S. 72.

[3]) *I. G. Fichte*, Sämtl. Werke 1846, VI. Bd. S. 19.

[4]) *Lotze*, Mikrok. 2 Aufl. II. S. 299.

[5]) *B. Erdmann*, Logik 1892, I. S. 275.

[6]) *Schubert-Soldern*, Grundl. zu e. Erkentnisstheorie 1884, S. 182 и 160.

[7]) *Sigwart*, Logik 3 Aufl. I § 1, S. 5 и 8, и § 2 S. 11.

[8]) *Windelband*, Praeludien 1907, 3 Aufl. S. 153.

[9]) *Cassirer*, Das Erkentnissproblem, 1906, I. S. 4.

[10]) См. *И. С. Проданъ*, Учебникъ Логики, 2-е изд. § 27, стр. 69.

посылокъ; это она предоставляетъ наблюденіямъ, экспериментамъ и методамъ матеріальной индукціи. Поэтому формальная логика имѣетъ дѣло лишь съ правильностью умозаключеній, которая оказывается только однимъ изъ *условій* достиженія истины. Поэтому эта логическая правильность или послѣдовательность не можетъ считаться критеріемъ истины, и то тѣмъ болѣе, что она обнаруживается лишь на выводныхъ или формальныхъ истинахъ. Для фактическихъ истинъ имѣютъ значеніе лишь основные законы мышленія, которые въ несложныхъ случаяхъ соблюдаются и совершенно невольно и безсознательно.

Еще менѣе основаній считаться объективнымъ критеріемъ истины имѣетъ „очевидность" (Evidenz). 1) Таковая есть не что иное, какъ то чувство, которымъ сопровождаются какъ отдѣльныя истины, такъ въ особенности ихъ доказательства, когда послѣднія просты и опираются на несомнѣнные аргументы. 2) Это субъективное чувство не поддается сравненію съ подобными чувствами у другихъ людей; поэтому оно не можетъ быть объективнымъ мѣриломъ истины; 3) оно есть плодъ истины, а не ея условіе или примѣта (критерій); оно бываетъ обманчивымъ подъ вліяніемъ желаній, ожиданій, предразсудковъ, привычекъ. Оно весьма надежно относительно воспріятій и вполнѣ надежно относительно своихъ собственныхъ ощущеній, чувствъ и состояній души, затѣмъ,—относительно аксіомъ и первоначальныхъ „самоочевидныхъ истинъ" Рида. Въ остальныхъ случаяхъ оно ненадежно; относительно такъ называемой метафизической достовѣрности это чувство можетъ быть показателемъ одной лишь вѣроятности [1].

[1]) Тѣмъ не менѣе его признавали за критерій истины—въ древности *Θеофрастъ* (Sextus Empiricus, Adv. Mathematicos, VII, 218); затѣмъ *стоики* (Ibid. 273); въ новое время—*Декартъ* (Princ. philosophiae I. 30). *Мальбраншъ* (Rech. de la verité P. 1853, 1. 2); *Дж. Ст. Милль* (Examination... 1865, pag. 348); *Вундтъ* (Logik 1. 74); *Риккертъ* (*Rickert*, Gegenst. d. Erkentniss, 2 Aufl. 1904, S. 112). Изъ русскихъ философовъ *М. Троицкій* считалъ критеріемъ истины „очевидность"; но эта, по его утвержденію,—есть „произведеніе открытой двойной повѣрки умозаключеній—индуктивныхъ и дедуктивныхъ" (См. *М. Троицкій*, Учебникъ логики, 2-е изд. М. 1886 кн. 1, стр. 46). Въ такомъ же смыслѣ шестью годами раньше высказывался *Rabier* (Logique, P. 1880, pag. 378) и пятью годами раньше перваго изданія учеб. логики проф. М. Троицкаго, вышедшаго въ 1885 г.

§ 13. Польза знанія, какъ критерій истины.

За послѣднія три десятилѣтія выдвинутъ философами новый критерій истины, который состоитъ въ пользѣ, какъ біологической,—для поддержанія индивидуальной жизни, такъ и гуманитарной,—для содѣйствія человѣческимъ интересамъ, цѣлямъ, стремленіямъ. Въ первомъ смыслѣ высказывался *Ницше*. По его мнѣнію, истинно то, что служитъ цѣлямъ жизни; истина—это біологическая полезность познанія [1]). „То, отъ чего я гибну, говоритъ Ницше, то для меня не истинно, т. е. оно составляетъ ложное отношеніе (Relation) моего существа къ другимъ вещамъ: дѣло въ томъ, что существуютъ только индивидуальныя истины,—абсолютное отношеніе есть нелѣпость“ [2]). Только цѣнность познанія гарантируетъ его истинность [3]).

Въ болѣе умѣренномъ видѣ признаетъ полезность,—впрочемъ наряду съ другими критеріями истины, философское ученіе американцевъ, извѣстное подъ названіемъ *прагматизма* [4]). Не вдаваясь пока въ критику этихъ полускептическихъ воззрѣній, я остановлюсь лишь на новомъ критеріи пользы, который особенно выдвинутъ Шиллеромъ и Пирсомъ; въ преувеличеніи его значенія только и состоитъ кажущаяся оригинальность ихъ ученія. Болѣе извѣстный его популяризаторъ, знаменитый американскій психологъ *В. Джемсъ* говоритъ слѣдующее: „Всякая идея, помогающая намъ оперировать теоретически или практически съ извѣстной реальностью (sic!) или съ тѣмъ, что къ ней относится, идея, не вводящая насъ въ заблужденіе (sic!) при нашемъ движеніи впередъ, но фактически содѣйствующая намъ въ приспособленіи нашей жизни ко всей обстановкѣ дѣйствительности—подобная идея въ достаточной мѣрѣ соотвѣтствуетъ дѣйствительности. Ее можно разсматривать,

1) *Nietzsche*, Werke, 1895, VII Bd. 1, 3 и 1, 4.

2) Его же соч. XI, 6, 208.

3) Тамъ же, X, 2, 1 и XV, 2, 2.

4) *Шиллеръ* это ученіе назвалъ „гуманизмомъ“. См. *F. C. S. Schiller*, Humanism, 1903 pag. 18—56.

какъ истинную по отношенію къ этой дѣйствительности"[1]). Подобный же взглядъ высказываетъ и Гефдингъ[2]). Этой одной выдержки изъ сочиненій Джемса достаточно, чтобы понять этотъ новый критерій и чтобы его отвергнуть, какъ несостоятельный. 1). Самъ Джемсъ признаетъ, кромѣ пользы, необходимыми и другіе критеріи истины для провѣрки „истинной идеи", а именно: а) „не введеніе въ заблужденіе". Это—то же, что у другихъ называется „отсутствіемъ противорѣчій"; б) необходимость, чтобы идея соотвѣтствовала дѣйствительности. Слѣдовательно одна польза еще недостаточна для провѣрки истинности какой-нибудь „идеи". 2) Если выгода и польза на первой стадіи познанія служатъ мотивами для добыванія истинныхъ знаній; то это не значитъ, что только такія полезныя или выгодныя знанія истинны: есть истины, которыя ничуть не выгодны. Такъ, дикарю, да и культурнымъ народамъ было бы очень выгодно не переносить лишеній и страданій, связанныхъ съ зимою; однако, всѣ люди увѣрены въ той истинѣ, что зима наступитъ послѣ лѣта и осени. И никому не приходитъ въ голову направить свои усилія на изысканіе способовъ отмѣнить зиму, хотя это было бы весьма полезно для всего человѣчества. Знаніе этой непріятной и невыгодной истины полезно только въ томъ смыслѣ, что мы, ожидая неизбѣжной зимы съ ея лишеніями, дѣлаемъ запасы пищи и топлива; но въ этой истинѣ мы увѣрены раньше, чѣмъ дѣлаемъ запасы. Слѣдовательно эта истина признана нами за таковую не вслѣдствіе ея оправданія дѣйствительностью, т. е. уже наступившей зимою, съ ея холодомъ и отсутствіемъ свѣжихъ ягодъ и фруктовъ,—а по другимъ причинамъ. И ребенокъ богатыхъ родителей, живущихъ въ столицѣ, увѣренъ, что наступитъ зима, хотя его пища и образъ жизни зимою почти ничѣмъ не отличаются отъ осени, хотя онъ никакихъ лишеній и непріятностей не испытывалъ отъ зимы. 3). Провѣрка не только выгодой и пользой, оправдавшейся на

[1]) *В. Джемсъ*, Прагматизмъ, перев. П. Юшкевича СПБ. 1910 г., стран. 131.

[2]) *Höffding*, Philos. Probleme, 1903, S. 45. „Wahrheit (der Principien) besteht in ihrer Gültigkeit, und ihre Gültigkeit in ihrem Arbeitswerte. Dass ein Princip wahr ist, bedeutet, dass man mit demselben arbeiten kann..."

дѣлѣ, т. е. самой дѣйствительностью, неосуществима въ большинствѣ нашихъ знаній и наукъ. Относительно историческихъ наукъ и самъ Джемсъ признаетъ это [1]). Но сверхъ того, критерій прагматизма, т. е. выгода познанія не примѣнима къ подавляющему большинству истинныхъ знаній, даже такихъ, которыя можно провѣрить дѣйствительностью. Многія науки всецѣло лишены практической выгоды. Таковы напр.: палеонтологія, этнографія, сравнительное языковѣдѣніе, астрономія и даже многіе отдѣлы чистой математики. Во всякомъ случаѣ, большинство истинныхъ знаній было пріобрѣтено гораздо раньше, чѣмъ ихъ удалось использовать на практикѣ. Дѣло въ томъ, что культурный человѣкъ находитъ огромное удовлетвореніе въ истинныхъ познаніяхъ, и независимо отъ ихъ пользы: человѣку прирожденъ инстинктъ любознательности; а любопытство дѣтей есть частный случай этого инстинкта.

Итакъ полезность знанія есть только одинъ изъ мотивовъ, толкающихъ человѣка на изслѣдованіе истины, но отнюдь не критерій истины.

§ 14. Цѣнность различныхъ критеріевъ истины.

Мы разобрали нѣсколько критеріевъ истины, которые выставлялись разными философами. 1) Изъ нихъ мы отвергли безусловно критерій прагматизма. 2) Непосредственную достовѣрность „самоочевидныхъ истинъ" (каковы напр. аксіомы и основные принципы знанія, изложенные нами въ I-й главѣ) мы не признали за критерій въ собственномъ смыслѣ: эта „очевидность" есть субъективное чувство увѣренности, сопровождающее познаніе этихъ первичныхъ истинъ. Это чувство не поддается объективному сравненію и оцѣнкѣ у разныхъ людей [2]). Впрочемъ, при частомъ повтореніи въ нашемъ опытѣ подобныхъ истинъ самое чувство пропадаетъ, и остается только теоретическое сознаніе

[1]) Въ цитир. соч. стран. 131, 5 строка снизу.

[2]) Это было отмѣчено еще Дельбёфомъ. См. *Delboeuf*, Essai de Logique scientifique. Liége 1865, I, § 3, pag. 56 „L'evidence est un caractère tout subjectif qui peut tromper dans un sens comme dans l'autre

истинности. Подобныя самоочевидныя истины, а также и наши воспріятія представляютъ собою первичныя непосредственныя интуиціи, которыя не нуждаются ни въ какомъ критеріи или доказательствѣ. 3). Опросредствованная очевидность логическаго основанія и доказательства можетъ быть надежнымъ критеріемъ истины, если истинны посылки и аргументы, и если правильны умозаключенія: слѣдовательно этотъ критерій не самостоятельный, а производный. 4). Что же касается отсутствія противорѣчій (Widerspruchslosigkeit), выставленнаго нѣкоторыми нѣмецкими философами, то это лишь одно изъ множества условій логической послѣдовательности, но оно отнюдь не можетъ считаться надежнымъ критеріемъ истины. Дѣло въ томъ, что отсутствіе противорѣчій со всѣми знаніями чрезвычайно трудно доказать. А если бы это и удалось, то познаніе, не противорѣчащее другимъ, сдѣлалось бы лишь допустимымъ, мыслимымъ, возможнымъ; но это еще не значило бы, что оно и истинно. Такъ напримѣръ, допустимо иногда множество разныхъ гипотезъ относительно объясненія одного и того же класса явленій; однако только одна изъ нихъ можетъ быть истинной. 5) Критерій достовѣрности свидѣтельства со стороны другого лица, очевидно, опосредствованный: мы признаемъ что-нибудь за истину только потому, что лицо, сообщившее намъ это, пользуется нашимъ довѣріемъ. Однако самое довѣріе къ автору нуждается въ оправданіи. И въ этомъ отношеніи ошибки случаются весьма часто. Тѣмъ не менѣе невозможно въ этомъ отношеніи доводить скептицизмъ до такой степени, чтобы никому не вѣрить. Въ такомъ случаѣ пришлось бы отказаться по меньшей мѣрѣ отъ девяти десятыхъ долей всего пріобрѣтаемаго нами знанія. Для оправданія своего довѣрія къ свидѣтельству автора достаточно имѣть убѣжденіе, что у автора не было никакихъ основаній насъ обмануть. Затѣмъ уже принимаются во вниманіе остальныя соображенія исторической критики, которыя были изложены выше въ § 10 настоящей главы. Съ увеличеніемъ числа одинаковыхъ свидѣтельствъ со стороны разныхъ лицъ, ceteris paribus, увеличивается наша увѣренность въ достовѣрности передаваемаго факта. 6). Нѣкоторые философы видѣли въ единообразномъ свидѣтельствѣ всѣхъ народовъ „consensus gentium“ и людей (Common sens=общечеловѣче-

скій смыслъ) критерій истины [1]). Этотъ критерій обладаетъ большой убѣдительностью, однако не относительно всего. Такъ напр., извѣстно, что всѣ народы вѣрили и вѣрятъ въ дурныя примѣты, въ колдовство, въ гаданіе о будущемъ и т. п. Этотъ consensus gentium, очевидно, нуждается еще и въ другихъ критеріяхъ. Онъ убѣдителенъ только относительно общечеловѣческихъ качествъ, свойствъ, дѣйствій и непосредственныхъ знаній, о которыхъ каждому говоритъ его непосредственная очевидность. Относительно другихъ, болѣе сложныхъ знаній, въ особенности относительно не очевиднаго, относительно скрытыхъ причинъ, силъ, субстанцій, духовъ можетъ ошибаться и „общечеловѣческій смыслъ", или consensus gentium. 7). Остается единственнымъ, безусловно надежнымъ и первоначальнымъ критеріемъ истины— согласіе познанія съ дѣйствительностью. Этотъ критерій въ различныхъ формулировкахъ признаетъ подавляющее большинство философовъ [2]).

Не признаютъ этого критерія скептики, кантіанцы и приверженцы субъективнаго идеализма во всѣхъ его разновидностяхъ и наименованіяхъ. Объясняется это тѣмъ, что самая дѣйствительность, или реальное бытіе, ими или не признается за нѣчто самостоятельное, не зависящее отъ познающаго духа, или же, что самыя вещи-то („вещи въ себѣ" Канта) въ этой дѣйствительности считаются непознаваемыми. Тогда, разумѣется, не можетъ быть рѣчи и о соотвѣтствіи или о согласіи нашего познанія съ вещами и

[1]) Таковы: *Энесидэмъ* (Sextus Empiricus, Adv. Mathem. II. 8), *Цицеронъ* (*Cicero*, Tusculanae disputat. I. 30; De natura deorum, 1. 44); въ новое время Гербертъ *Черберы, Т. Ридъ* (Inquiry I, 8; VII, 5).

[2]) Главнѣйшіе изъ нихъ: *Аристотель* (Metaphys. IV. 6, 1011 и V. 29, 1024). *Эпикуръ, Бл. Августинъ* (Soliloquium II. 5). *Ѳома Аквинатъ*. (De veritate 1. 2), *Спиноза* (Ethica, l. propos. XXX), *Гассенди* (Syntagma philos. Ep. I. 1), *Локкъ* (Essae IV. ch. 5 § 2), *Лейбницъ* (Nouv. Ess. IV, chap. 5, § 12), *Шеллингъ* (Sämtl. Werke, 1856, I, 6, S. 497), *Шлейермахеръ, Тренделенбургъ, Шопенгауэръ* (Welt als Wille u. Vorstellung, II cap. 9). Между англичанами: *Гамильтонъ* (Lect. IV, XXVII) *А. Бэнъ* (Logic, l. 22), *Селли* (Осн. психол. 3 изд. Спб. 1902. стр. 210). Между современными нѣмецкими философами: *И. Бергманъ* (Grundprobl. d. Logik, 2 Aufl. 1895. S. 96), *Корнеліусъ* (Einl. in die Philos. 1903, S. 282), *Ерузалемъ* (*W. Jerusalem*, Einl, in die Philos... 3 Aufl. S. 95), *Гуссерлъ* (*Husserl*, Log. Untersuch. 1900—01, II. S. 594)

отношеніями этой дѣйствительности. Чтобы избѣгнуть этого противорѣчія, нѣкоторые философы, находящіеся подъ вліяніемъ кантизма, но не желающіе окончательно порвать связь со здравымъ смысломъ и изслѣдованіями эмпирическихъ наукъ, прибѣгаютъ къ разнымъ описательнымъ оборотамъ и оговоркамъ, лишь бы примирить этотъ критерій съ ученіемъ Канта о непознаваемости „вещей въ себѣ". Такъ, Гуссерлъ опредѣляетъ истину, какъ „полное согласіе между высказаннымъ мнѣніемъ и даннымъ переживаніемъ, какъ таковымъ" [1]). Въ другомъ мѣстѣ онъ ту же мысль формулируетъ такъ: „переживаніе согласія между мнѣніемъ и даннымъ (фактомъ), переживаемымъ, о которомъ высказывается мнѣніе,—между переживаемымъ смысломъ изреченія и переживаемымъ положеніемъ вещей (Sachverhalt) есть очевидность, а идея этого согласія есть истина" [2]). Въ этихъ цитатахъ заключается истина только въ томъ случаѣ, если подъ „даннымъ переживаніемъ" и „переживаемымъ положеніемъ вещей" разумѣть познаваемую дѣйствительность, или точнѣе,—фактъ этой дѣйствительности,—все равно, относится ли таковой ко внѣшнему или ко внутреннему опыту, т. е. къ фактамъ душевной жизни.

8). *Сократомъ* и его школой было выставлено, какъ особый критерій истины—общее понятіе (и соотвѣтствіе его опредѣленію). Этотъ критерій наряду съ предыдущимъ признается и *Гуссерломъ*. Несостоятельность этого критерія мы докажемъ въ слѣдующей главѣ, о понятіяхъ (§ 5).

§ 15. Что такое истина?

Разсматривая сравнительную цѣнность критеріевъ истины, мы убѣдились, что только соотвѣтствіе дѣй-

[1]) *Husserl*, Log. Unters. II. S. 594. „Die Wahrheit ist... die volle Übereinstimmung zwischen Gemeintem und Gegebenen als solchem".

[2]) Тамъ же, стран. 190 „Das Erlebniss der Zusammenstimmung zwischen der Meinung und dem Gegenwärtigen, Erlebten, das sie meint, zwischen dem erlebten Sinn der Aussage und dem erlebten Sachverhalt ist die Evidenz, und die Idee dieser Zusammenstimmung die Wahrheit".

ствительности есть непосредственный и сомостоятельный ея критерій. Всѣ же остальные въ концѣ концовъ опираются на этотъ критерій или же на „непосредственную очевидность“, которою сопровождаются первичныя истины и матеріальные элементы познанія, т. е. ощущенія [1]).

Такимъ образомъ оказывается, что соотвѣтствіе дѣйствительности имѣется на лицо во всѣхъ истинахъ, относящихся къ познаваемой дѣйствительности. А познаніе чего-то недѣйствительнаго, несуществующаго представляетъ собою противорѣчіе, *contradictio in adjecto*. Познаніе, правда, можетъ относиться и къ мечтамъ, и къ вымысламъ человѣческаго духа; но тогда эти вымыслы существуютъ, по крайней мѣрѣ, въ воображеніи самого мечтателя и творца вымысловъ. Что познаніе можетъ относиться и къ духу, въ этомъ врядъ-ли можно сомнѣваться.

Критерія соотвѣтствія дѣйствительности, какъ мы видѣли, по недоразумѣнію не признаютъ лишь немногіе философы, а именно тѣ, которые или не признаютъ такой дѣйствительности, не зависящей отъ познающаго духа, т. е. идеалисты всѣхъ наименованій, или же кантіанцы, которые не признаютъ познанія „вещей въ себѣ“, а дѣйствительность обычныхъ людей объявляютъ призрачной, почти цѣликомъ созданной самимъ познающимъ духомъ [2]).

[1]) Впрочемъ, и истинность аксіомъ подтверждается дѣйствительностью, напр., аксіомы, что „часть меньше цѣлаго“ и что „двѣ величины, порознь равныя третьей, равны и между собою“. Ихъ истинность подтверждается не только логической послѣдовательностью,—раскрытіемъ соотвѣтственныхъ понятій и законовъ мышленія, но и самой дѣйствительностью, т. е. непосредственными воспріятіями. Относит. сведенія послѣдней аксіомы къ закону тожества можно справиться въ моемъ учебникѣ логики, 2-е изд. § 20, стр. 50.

[2]) Какъ извѣстно, *Кантъ* въ своей Критикѣ чистаго разума не признаетъ въ дѣйствительности ничего, кромѣ какихъ-то загадочныхъ „вещей въ себѣ“, или „ноуменовъ“, которые навсегда остаются непознаваемыми. Пространство, время, причинность, субстанціальность, множественность, единство и т. д. будто не существуютъ въ дѣйствительности: все это—апріорныя формы духа, которыя духомъ вкладываются въ сырой матеріалъ ощущеній, возбуждаемыхъ „вещами въ себѣ“. Но такъ какъ и по Канту эти вещи лишь „аффицируютъ“ наши органы чувствъ: то и „матерія познанія“ носитъ чисто субъективную окраску. Такимъ образомъ, и по Канту, все наше познаніе оказывается призрачнымъ: мы навсегда осуждены вращаться

Изъ вышесказаннаго явствуетъ, что познаніе только и стремится къ соотвѣтствію съ дѣйствительностью: иначе, это будетъ не познаніе, а фантазированіе. Впрочемъ, и въ фантазированіи есть своя правда, и элементы самыхъ фантастическихъ сказокъ все же соотвѣтствуютъ дѣйствительности: иначе, такія произведенія никому не были бы интересными. Вѣдь, многія чудеса нашихъ и даже арабскихъ сказокъ уже осуществлены нашей техникой. Итакъ мы приходимъ къ заключенію, что истина въ концѣ концовъ состоитъ въ соотвѣтствіи нашего знанія съ дѣйствительностью. А если это такъ, то имѣется столько истинъ, сколько истинныхъ сужденій, т. е. соотвѣтствующихъ дѣйствительности.

Теперь остается открытымъ вопросъ, что такое „дѣйствительность"? Чтобы избѣгнуть противорѣчій, въ которыя запутываются кантіанцы, подъ дѣйствительностью нужно разумѣть то, что разумѣютъ люди положительной науки и всѣ люди со здравымъ смысломъ, т. е. все то, что одинаково всѣми нормальными людьми непосредственно воспринимается, т. е. предметы, качества, отношенія—какъ внѣшняго, такъ и внутренняго опыта. Въ одинаковости воспріятій и вообще познаній у разныхъ людей мы убѣждаемся на основаніи обмѣна мыслей; но самое единообразіе познанія у всего человѣчества предполагается изначально, a priori.

Слово „истина" употребляется еще въ собирательномъ смыслѣ, какъ совокупность всѣхъ истинныхъ познаній. Иногда же говорятъ: „истина одна, а заблужденій много". Въ послѣднемъ случаѣ подъ „одной истиной" разумѣютъ, что только одно сужденіе съ тѣми же терминами можетъ быть истинно. Однако эти выраженія „единая истина" иными философами принимаются въ буквальномъ, смыслѣ. Такъ напр., изъ современныхъ философовъ *Уфуэсъ* говоритъ: „нѣтъ единичныхъ истинъ, отдѣльно для себя существующихъ; всѣ истины связаны другъ съ другомъ тѣснѣйшимъ

въ заколдованномъ кругу „явленій", которыя не похожи на вещи реальнаго міра; а связь между явленіями оказывается исключительнымъ плодомъ духа, которому даже соотвѣтствія нѣтъ въ реальномъ мірѣ. Если это такъ, то откуда появилось у людей стремленіе къ истинѣ, ничѣмъ не удержимое? Почему же люди часто и заблуждаются?

образомъ и образуютъ, такъ сказать, только одну истину"... „всѣ истины имѣютъ свое значенiе (haben Geltung=истинны), даже если онѣ еще не познаны никакимъ сознанiемъ, подчиненнымъ времени [1]).

Такъ же понимаетъ истину и *Гуссерлъ*, говоря: „истина вѣчна или лучше, она—идея, и какъ таковая сверхвременна" [2]). „Истинность присуща" не преходящему явленiю познанiя, но тожественному его содержанiю идеальной или общей сущности" [3]). „Она—единица цѣнной истины (Geltungseinheit) въ безвременномъ царствѣ идей" [4]). Отожествленiе истины съ идеей, въ какомъ бы то ни было смыслѣ, не оправдывается основнымъ понятiемъ человѣческаго „познанiя": познанiе возможно только въ познающемъ при наличности познаваемаго [5]).

[1]) *Uphues*. Zur Krisis in der Logik, 1903. S. 84

[2]) *Husserl*, Log. Unters. I. S. 128.

[3]) Тамъ же, стран. 150.

[4]) Тамъ же, стран. 130.

[5]) Съ точки зрѣнiя метафизики цитированныхъ авторовъ не можетъ быть сомнѣнiя, что всѣ истины, познаваемыя человѣкомъ, раньше были извѣстны вѣчному разуму Творца вселенной. Но и въ Его разумѣ онѣ не составляли одной истины „въ царствѣ идей". Впрочемъ, этотъ вопросъ не входитъ въ задачу нашего изслѣдованiя.

IV Глава. ПОНЯТІЯ.

§ 1. Значеніе понятій для познанія.

Въ предыдущихъ двухъ главахъ мы разсмотрѣли, какъ возникаютъ простѣйшія сужденія, и въ чемъ они состоятъ; затѣмъ,—какъ они осложняются нашей оцѣнкой познаннаго въ отношеніи его достовѣрности. Мы видѣли и различные способы этой оцѣнки. Теперь мы разсмотримъ тѣ продукты нашего мышленія и познанія, которые получаютъ болѣе устойчивую форму, чѣмъ сужденія; вслѣдствіе этого ими удобно можетъ оперировать наше мышленіе при болѣе сложныхъ познавательныхъ процессахъ. Въ этомъ отношеніи наше мышленіе можно уподобить Государственному Банку, который выпускаетъ кредитные билеты и самъ оперируетъ и ими, и другими цѣнными бумагами. Таковые не деньги, а только денежные знаки; но ихъ всегда можно превратить въ деньги, т. е. ихъ можно размѣнять на золото. Такъ точно и наше мышленіе оперируетъ понятіями: понятіе не есть живое знаніе, не есть живое переживаемое сужденіе, оно не есть и реальная вещь или реальное отношеніе дѣйствительности, хотя и можетъ быть ея отраженіемъ или вѣрнѣе—ея знакомъ. Понятіе 1) обозначаетъ собою одинъ или нѣсколько признаковъ, общихъ многимъ предметамъ; 2) понятіе обозначаетъ и весь родъ или классъ этихъ сходныхъ предметовъ или сходныхъ явленій и отношеній. Поэтому большинство понятій можно перевести на множество сужденій, которыя въ немъ скрыты; такимъ образомъ изъ понятія извлекается то познаніе, которое до его формированія постоянно добывалось опытомъ познающаго. Это можетъ про-

исходитъ такимъ образомъ. Такъ какъ въ понятіи подразумѣваются признаки, присущіе всему классу, то ихъ можно утверждать и о каждомъ предметѣ, входящемъ въ этотъ классъ. Такъ напр., если я въ понятіи „рогатаго четвероногаго“ подразумѣваю признаки жвачнаго и травояднаго, то эти же признаки я припишу и сернѣ и оленю, и козерогу, которыхъ увижу впервые. Вслѣдствіе этого я ихъ не сочту за хищныхъ звѣрей и не испугаюсь ихъ встрѣчи. Съ другой стороны, рогатому четвероногому могутъ быть приписаны въ видѣ предиката всѣ существенные признаки, входящіе въ это понятіе: такимъ образомъ, мы можемъ получить столько сужденій, сколько имѣется признаковъ въ данномъ понятіи. Возьмемъ для примѣра геометрическое понятіе о квадратѣ. Таковой 1) обнимаетъ собою всѣ возможные квадраты, которые были, есть и будутъ гдѣ-либо въ дѣйствительности. То, что мнѣ извѣстно о квадратѣ вообще, я съ полной увѣренностью могу приложить и къ квадрату *Б*, который мнѣ представляютъ на бумагѣ. Съ другой стороны, я могу обратить вниманіе и на содержаніе квадрата. Въ немъ я найду слѣдующіе признаки: четыреугольной фигуры, съ двумя парами параллельныхъ сторонъ, съ четырьмя прямыми углами, съ четырьмя равными сторонами. Слѣдовательно, если мнѣ представятъ фигуру *Б* и скажутъ, что это квадратъ, то я, вполнѣ довѣряя своему глазомѣру или сказаннымъ словамъ, могу быть увѣреннымъ, что въ этой фигурѣ имѣются всѣ перечисленныя качества. Возьмемъ другой примѣръ, изъ зоологіи. Если мнѣ отецъ сообщилъ, что китъ—млекопитающее, то принявъ это сужденіе за истину, я киту съ полной увѣренностью могу приписать всѣ тѣ качества, которыя присущи всѣмъ млекопитающимъ, а именно: что китъ рожаетъ живыхъ дѣтенышей, что онъ ихъ питаетъ молокомъ, что онъ дышитъ легкими, а не жабрами, что у него кровь теплѣе, чѣмъ у рыбъ и т. д. Однако всѣ мои знанія добытыя изъ даннаго мнѣ понятія, только тогда будутъ истинными, въ смыслѣ фактическихъ истинъ, если данное понятіе соотвѣтствуетъ дѣйствительности. Таковыя мы будемъ называть **реальными** или **фактическими** понятіями.

Не таковы будутъ сужденія, добытыя изъ понятій, произвольно образованныхъ для какой-нибудь практической

цѣли. Выводы, вытекающіе изъ такихъ понятій, которыя не соотвѣтствуютъ дѣйствительности, будутъ иногда невѣрными, не истинными, въ смыслѣ соотвѣтствія дѣйствительности. Такъ напр., изъ понятія „математической точки“, не имѣющей никакого протяженія и величины, мы можемъ получить ложное заключеніе. Предположимъ, я стану разсуждать такъ: прямая линія *AB* состоитъ изъ множества точекъ (подразумѣвая „математическихъ“); такъ какъ точка не имѣетъ никакого протяженія, то ея величина равна нулю. А такъ какъ нуль, взятый безконечное множество разъ слагаемымъ или умножаемымъ, даетъ нуль, то и прямая *AB* равна нулю, т. е. не имѣетъ никакого протяженія. Выводъ, очевидно, ложный, такъ какъ понятіе математической точки представляетъ собою фикцію, не соотвѣтствующую дѣйствительности [1]). Слѣдовательно понятіе математической точки не есть фактическое (или реальное) понятіе. Въ отличіе отъ таковаго мы назовемъ его понятіемъ идеальнымъ. Къ таковымъ идеальнымъ (фиктивнымъ) понятіямъ относятся: математическая линія (безъ ширины), экваторъ и меридіаны земного шара, математическое пространство *n* измѣреній; далѣе,—рычагъ безъ тяжести; маятникъ и всякая машина безъ тренія, понятіе объ инерціи, законъ сохраненія энергіи, міровой эфиръ [2]).

[1]) Этого не получилось бы въ томъ же разсужденіи, если бы мы точку понимали, какъ очень малую величину, очень малый кругъ. Изъ такихъ точекъ, дѣйствительно, получится линія *AB*, но съ очень малой шириной, которой въ виду ея длины можно пренебречь. Такое разсужденіе соотвѣтствовало бы дѣйствительности.

[2]) Нѣкоторые философы дѣлятъ понятія на истинныя и ложныя; но такое дѣленіе нельзя провести строго, такъ какъ наука постоянно движется впередъ, и многія понятія съ усовершенствованіемъ нашихъ знаній измѣняются. Притомъ наши „идеальныя понятія“ неудобно называть безусловно „ложными“: въ нихъ не соотвѣтствуетъ дѣйствительности большей частью только одинъ признакъ: въ нихъ или исключается признакъ соотвѣтственнаго фактическаго понятія, напримѣръ: ширина линіи, тяжесть рычага, треніе у машинъ; или же создается новый признакъ вопреки дѣйствительности, напримѣръ, инерція при движеніи, которая никогда не наблюдалась въ реальной дѣйствительности на землѣ. Притомъ эти понятія намъ помогаютъ работать и добывать истину. Наше дѣленіе подходитъ и къ дѣленію истинъ, сдѣланному Лейбницомъ,—на фактическія и формальныя.

Всѣ эти идеальныя понятія имѣютъ свое значеніе для теоріи: они упрощаютъ наши разсужденія и позволяютъ намъ разобраться въ сложныхъ явленіяхъ. Такимъ образомъ мы постигаемъ нѣкоторую законосообразность въ природѣ, до которой врядъ ли дошли бы ученые безъ указанныхъ упрощеній. Подобный же смыслъ имѣютъ и многія гипотезы, которыя объясняютъ множество явленій природы, а иногда даютъ возможность a priori сдѣлать новое открытіе, какъ напримѣръ, это было сдѣлано съ открытіемъ планеты Нептуна [1]).

Итакъ въ научныхъ понятіяхъ скрывается огромный запасъ знаній, которымъ удобно пользоваться при добываніи новыхъ истинъ и формированіи новыхъ понятій. Но не всѣ понятія таковы, какъ мы это увидимъ.

§ 2. Понятія логическія и психологическія.

Процессъ формированія понятій начинается у дитяти, по всему вѣроятію, еще до усвоенія ими рѣчи. На первой ступени развитія слова́, имъ употребляемыя, обозначаютъ тѣ понятія, которыя онъ мыслитъ при данномъ сочетаніи звуковъ человѣческаго голоса. Нѣкоторые видные философы думаютъ, что вообще у каждаго человѣка его понятія соотвѣтствуютъ употребляемымъ имъ словамъ. Такъ напримѣръ, *Шуппе* называетъ понятіемъ „все то, что мыслится при словѣ, какъ его значеніе, при чемъ признаки, познанные за существенные, мыслятся какъ единство (Einheit)“ [2]). Подобно смотритъ на понятіе и *Т. Липпсъ*; онъ считаетъ понятіемъ „сферу значенія опредѣленнаго слова или словеснаго выраженія, или же сферу возможныхъ объектовъ сознанія, поскольку таковые въ словесномъ выраженіи нашли свой соединяющій ихъ центръ (zusammenfassenden Mittelpunkt) и вмѣстѣ съ тѣмъ свою отмежеванность (Abgrenzung)“ [3]). Между тѣмъ нетрудно убѣдиться, что подобными понятіями не всегда могла бы оперировать логика

[1]) См. *И. С. Проданъ.* Учебникъ Логики, 2-е изд. § 54. стр. 156—158.
[2]) *W. Schuppe*, Erkentnisstheoretische Logik, 1878, S. 88.
[3]) *Th. Lipps*, Grundzüge der Logik, 1893, S.124.

или какая-нибудь другая наука. Дѣло вотъ въ чемъ. 1) Многія слова употребляются въ различныхъ значеніяхъ, при чемъ это различіе не всегда сознается говорящимъ [1]). 2) Понятія не только дитяти, но и взрослаго бываютъ ложными или несогласными съ общимъ употребленіемъ: такія не годятся ни для науки, ни для обыденной жизни. Такъ напримѣръ, ребенокъ, видѣвшій только бѣлый кусковой сахаръ, будетъ подразумѣвать подъ этимъ словомъ только представленіе бѣлаго куска сахару; если же ему попадется кристаллизованный леденецъ желтоватаго цвѣта, то онъ затруднится назвать его сахаромъ, пока не лизнетъ его. Такъ же точно и взрослый человѣкъ, видѣвшій столы только съ четырьмя, тремя и одной ножкой, затруднится назвать столомъ впервые имъ видѣнный письменный столъ, покоящійся на двухъ тумбахъ. Изъ этихъ примѣровъ видно, что не всѣ понятія равноцѣнны для познанія и для обихода. Логика и всякая наука требуетъ, чтобы при одномъ словѣ всегда и всѣми мыслилось одно и то же. Это—идеалъ; но дѣйствительность представляетъ намъ иное. Поэтому нужно отличать понятія логическія (и научныя) отъ понятій психологическихъ, каковыя мыслятся большею частью на дѣлѣ. Логика требуетъ, чтобы въ понятіи мыслились только существенные признаки; на самомъ дѣлѣ это не всегда возможно, такъ какъ и наука часто не можетъ намъ сказать, какіе признаки существенны, а какіе не существенны. Такъ напр., относительно понятія „человѣкъ" принято считать существеннымъ признакомъ его „разумность". А идіотъ или помѣшанный не человѣкъ? Или, можетъ быть, такимъ признакомъ должно считать его способность произносить слова осмысленныя? Но въ настоящее время это дѣлаютъ и граммофоны. Или, быть можетъ, существенный признакъ человѣка—его внѣшняя форма... съ двумя ногами и руками? Но такую же форму имѣютъ и нѣкоторыя обезьяны; таковую же можетъ имѣть и художественно исполненная кукла или восковая фигура. А потерявшій обѣ ноги уже не будетъ человѣкомъ? Очевидно, въ данномъ случаѣ ни одинъ изъ перечисленныхъ признаковъ, взятый въ отдѣльности,

[1]) См. *И. С. Проданъ,* Учебникъ Логики, § 5, стр. 11 и 12, § 6, стр. 13 и 14 и § 20, стр. 49—50.

не составляетъ сущности человѣка; а таковая состоитъ въ совокупности многихъ признаковъ, которые никогда и никѣмъ не мыслятся одновременно [1]).

Впрочемъ, не всѣ понятія отличаются такимъ богатствомъ признаковъ. Есть понятія, которыя состоятъ всего изъ одного признака или даже въ отсутствіи признака. Таковы напримѣръ: бѣлизна, темнота, тишина; сладость, горечь, благоуханіе, твердость, мягкость, упругость, теплота, холодъ, тяжесть и т. п.

Поэтому возникновеніе и способъ формированія понятій не можетъ быть одинаковымъ для всѣхъ понятій, какъ онъ не одинаковъ и для сужденій, которыми обусловливается возникновеніе понятій.

§ 3. Двоякій способъ возникновенія понятій.

Какъ сущность сужденій, такъ и сущность понятій до сихъ поръ понимается различно различными философами. О значеніи понятій въ средніе вѣка ожесточенно спорили между собою *номиналисты* и *реалисты*. Однако этотъ споръ и до сихъ поръ не привелъ философовъ къ согласію, и не только въ метафизикѣ, но даже и въ логикѣ, и въ психологіи. Одно только добыто психологами послѣднихъ десятилѣтій, что отмѣченъ фактъ зависимости возникновенія понятій отъ цѣлаго ряда предшествовавшихъ имъ сужденій; но и этотъ фактъ извѣстенъ еще не всѣмъ спеціалистамъ. Чтобы уяснить себѣ сущность и значеніе понятій для познанія, мы опять обратимся къ первоисточнику, т. е. къ психологическимъ анализамъ. Мы сперва разсмотримъ, какъ возникаютъ понятія. Возьмемъ сперва примѣръ понятія, бѣднаго по содержанію, которое каждый можетъ провѣрить на своемъ опытѣ. Вспомнимъ, какъ у насъ составлялось понятіе о „вещи". Сперва окружающіе насъ называли „вещами" одежду, игрушки, каждую штуку домашней утвари; затѣмъ, —сундуки и чемоданы, сдаваемые по желѣзной дорогѣ; потомъ,—книги, тетради, карандаши и прочее. До сихъ поръ

[1]) Впослѣдствіи мы убѣдимся, что одни признаки, даже взятые вмѣстѣ, еще не составляютъ человѣка.

наше понятіе о вещи должно было обозначать то общее, которое присуще всѣмъ видѣннымъ нами вещамъ. Этого общаго довольно мало, и въ дѣтствѣ мы врядъ ли могли себѣ представлять его наглядно: во всякомъ случаѣ, если при этомъ словѣ всплывало какое-нибудь наглядное представленіе, напримѣръ, чемодана или части одежды, то мы не считали это представленіе исключительнымъ и единственнымъ предметомъ, обозначаемымъ названіемъ „вещь". При другихъ обстоятельствахъ мы вспоминали или свои игрушки, или книги, или нѣчто другое. Такое всплывшее при опредѣленныхъ обстоятельствахъ конкретное представленіе было временнымъ носителемъ понятія „вещь", но отнюдь не его логическимъ содержаніемъ. Объ этомъ логическомъ содержаніи мы и въ зрѣлые годы не сразу даемъ себѣ ясный отчетъ и затрудняемся дать логическое опредѣленіе „вещи"; однако каждый мыслитъ нѣчто при этомъ словѣ, когда его слышитъ или говоритъ. Но это „нѣчто" могло получиться не иначе, какъ посредствомъ выдѣленія признаковъ, общихъ всѣмъ вещамъ. Такой процессъ извѣстенъ въ логикѣ подъ названіемъ отвлеченія.

Но отвлеченіе возможно только при наличности сравненія и разъединенія тѣхъ признаковъ, которые раньше воспринимались нами вмѣстѣ, въ каждой отдѣльной вещи. Это значитъ, что отвлеченію общаго признака предшествовалъ анализъ. И этотъ анализъ, и самое отвлеченіе обыкновенно происходятъ невольно и даже безсознательно. Если въ десяти вещахъ съ различными признаками повторялся одинъ, общій имъ признакъ, въ связи со словомъ „вещь": то на основаніи закона о памяти этотъ одинъ общій признакъ, повторявшійся ceteris paribus десять разъ, усвоится памятью, по крайней мѣрѣ въ десять разъ крѣпче, чѣмъ остальные, воспринятые по одному разу. Слѣдовательно при словѣ „вещь", ceteris paribus, скорѣе воспроизведется общій признакъ, чѣмъ случайные. Но сверхъ того, въ зависимости отъ разныхъ ассоціацій даннаго момента, всплыветъ и соотвѣтсвенное представленіе, которое присоединится, какъ носитель понятія, къ общему признаку „вещи" [1]). Таковъ процессъ формированія общихъ понятій.

[1]) Подробная схема подобнаго процесса дана мною въ моемъ „Практическомъ Руков. по психологіи", Глава XVI, стр. 97 и 98. Подъ

Совсѣмъ другимъ процессомъ пріобрѣтаются нами единичныя понятія. Такъ напр., если насъ впервые познакомили въ обществѣ съ господиномъ *К*, котораго мы увидѣли впервые, то мы сперва обращаемъ свое вниманіе на его физіономію; если же его ростъ и фигура выдѣляются изъ обычнаго, то мы замѣчаемъ и его ростъ. Потомъ уже мы усваиваемъ то однѣ, то другія особенности этого господина. Мы замѣчаемъ, пріятна ли или непріятна его физіономія, благородны ли его черты лица, манеры и прочее; блондинъ ли онъ или брюнетъ, какого возраста и т. д. Слѣдовательно въ данномъ случаѣ постепенно присоединяются новые признаки къ замѣченнымъ раньше. Такимъ образомъ получается очень сложная ассоціація впечатлѣній зрительныхъ, а также слуховыхъ (отъ голоса, тембра и манеры говорить), въ которую наконецъ входятъ и наши чувства эстетическія и этическія. Всѣ эти признаки ассоціируются съ названіемъ „*К*". Здѣсь мы имѣемъ на лицо синтезъ множества представленій воедино. Но когда я въ отсутствіи этого новаго знакомаго вспоминаю о немъ или же буду о немъ съ кѣмъ-нибудь говорить, то я отнюдь не все припомню, что видѣлъ и слышалъ отъ него. Ограниченность памяти и узость сознанія мѣшаютъ этому. При названіи фамиліи „*К*" я вспомню только то, что мнѣ сильнѣе запечатлѣлось, или же то, что данными обстоятельствами (слышанными въ данное время словами и другими ассоціаціями) пробуждено. При очень сложныхъ понятіяхъ никогда не мыслятся всѣ ихъ признаки; но всегда подразумѣваются и прочіе признаки, которые не были нами воспроизведены. И чѣмъ чаще повторяется опредѣленное слово или названіе, тѣмъ меньше представленій и чувствъ оно воспроизводитъ. Слишкомъ часто употребляемыя слова въ концѣ концовъ теряютъ свою образность и употребляются, какъ простые знаки мысли. Вотъ, почему поэты прибѣгаютъ къ замѣнѣ обычныхъ словъ и выраженій необычными, которые вызываютъ новые образы. Но отъ частаго употребленія изнашиваются и поэтическіе

„*вещью*" (въ описанный періодъ) мыслится физическое тѣло, опредѣленной и постоянной формы, искусственно созданное для опредѣленной цѣли, чтобы мы или другой могъ распоряжаться ею по своему усмотрѣнію. Подъ это понятіе не подойдутъ: воздухъ, вода, земля, небо, небесныя свѣтила; а также—рѣки, моря, горы, озера.

образы: они становятся банальными, избитыми, не вызывающими впечатлѣнія. Таковъ ужъ ходъ нашего механизируемаго мышленія!

§ 4. Совмѣстное дѣйствіе синтеза и анализа.

Приведенные два способа возникновенія понятій могутъ быть примѣнены и къ образованію одного понятія. Въ значительномъ большинствѣ случаевъ анализъ и синтезъ идутъ параллельно въ формированіи понятія; таковое не перестаетъ измѣняться въ смыслѣ его совершенствованія, пока увеличивается запасъ нашихъ знаній относительно предметовъ и фактовъ, обнимаемыхъ даннымъ понятіемъ и его символомъ,—словомъ. Возьмемъ примѣръ, сперва—родового понятія, обозначаемаго именемъ нарицательнымъ. Если ребенокъ, начинающій говорить, сперва видитъ только куски колотаго сахару неправильной формы, которые обозначаются звуками „сахаръ", и если онъ неоднократно испытывалъ вкусъ этого сахара, то у него этотъ вкусъ сладости (*с*) ассоціируется съ бѣлизной (*б*), твердостью кусковъ (*т*) и ихъ шероховатостью (*ш*). Такимъ образомъ, у него сочетаются со звуками „сахаръ" вмѣстѣ и представленія *с*, *б*, *т*, *ш*; тутъ мы имѣемъ процессъ синтеза. Но одновременно съ нимъ идетъ и анализъ. Дѣло въ томъ, что каждый видѣнный кусокъ сахару отличался отъ другого и по формѣ, и по величинѣ: ребенокъ неоднократно видѣлъ, какъ большой кусокъ сахару щипцами раздробляли; онъ видѣлъ, какъ ему давали часть куска, которую тоже называли сахаромъ. Слѣдовательно у него въ понятіи „сахаръ" представленія формы, полученныя имъ отъ разныхъ кусковъ сахару, исключались; такъ же точно—и величина кусковъ сахара: таковыя качества были различны въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ; поэтому уже въ силу законовъ памяти они должны были хуже запоминаться, чѣмъ общія всѣмъ кускамъ качества сахара. Интереснѣе всѣхъ его качествъ—сладость, и эта должна была вызывать особое вниманіе, и уже поэтому должна была запоминаться лучше всѣхъ. Такимъ образомъ сладость сахара

составляла главное его качество въ глазахъ ребенка [1]). Остальныя же только подразумѣвались, а именно—бѣлизна, твердость, шероховатость. Но вдругъ тому же ребенку попадается на глаза песочный сахаръ. На первыхъ порахъ онъ затруднится его признать за сахаръ и спроситъ: „это—что“? Когда ему скажутъ „сахаръ“, то онъ его непремѣнно постарается отвѣдать своимъ языкомъ. Тогда онъ успокоится, убѣдившись, что и сахарному песку присуща та же сладость, что и кусковому сахару. Называя и песокъ „сахаромъ“, ребенокъ, очевидно, уже не считаетъ форму и твердость (плотность) кусковъ существенными признаками сахара. Онъ ихъ исключилъ. Этотъ процессъ отвлеченія будетъ продолжаться, когда ребенокъ увидитъ желтоватый леденцовый сахаръ, жженную красноватую карамель, растворъ сахара, сиропъ. Тогда изъ его первоначальнаго понятія „сахара“ исключатся и признаки бѣлизны, твердости, шероховатости; останется только признакъ сладости, съ сознаніемъ, что и эта сладость можетъ быть различной—у кускового сахара, у леденцоваго, у карамели, у сиропа. Но такъ какъ ребенокъ чаще всего видѣлъ бѣлый сахаръ, то представленіе „бѣлизны“ обыкновенно будетъ воспроизводиться при звуковомъ сочетаніи „сахаръ“. Это представленіе будетъ временнымъ замѣстителемъ понятія, а не его признакомъ. Такъ образуются понятія, обозначаемыя нарицательными именами. Единичныя понятія, обозначаемыя именемъ собственнымъ или нарицательнымъ съ присоединеніемъ указательнаго мѣстоименія, тоже не обходятся безъ анализа, если предметъ понятія подверженъ перемѣнамъ. Такъ напр., „этотъ дядя“ или „дядя Саша“ бываетъ то въ сѣромъ пиджакѣ, то въ черномъ сюртукѣ, то съ чернымъ, то съ краснымъ галстухомъ. Это дерево бываетъ то въ листвѣ, то безъ оной. Очевидно, что и въ единичныхъ понятіяхъ со временемъ исключаются измѣнчивыя качества, а мыслятся или подразумѣваются только неизмѣнные признаки таковаго понятія [2]).

[1]) Впрочемъ, то же можно сказать и о взрослыхъ: и они цѣнятъ сахаръ преимущественно изъ-за его вкуса; о его питательности рѣдко кто и думаетъ.

[2]) Ср. *И. С. Проданъ*, Учебникъ Логики; 2-е изд. § 8, стр. 17—19. Тамъ показано на конкретномъ примѣрѣ различіе между психологическимъ и логическимъ понятіями о томъ же предметѣ.

§ 5. Познавательная цѣнность общихъ понятій.

И относительно цѣнности понятій не имѣется до сихъ поръ полнаго согласія между философами. Еще Сократъ видѣлъ въ общихъ понятіяхъ выраженіе истинной сущности вещей, которая въ противоположность чувственному познанію неизмѣнна и всѣми одинаково представляется и мыслится. Поэтому онъ въ общихъ понятіяхъ видѣлъ критерій истины. Изъ общихъ понятій, добываемыхъ посредствомъ индуктивныхъ анализовъ, онъ затѣмъ дедуцировалъ частныя сужденія. Такъ поступалъ и Платонъ. Аристотель же, обладавшій обширнѣйшими знаніями во всѣхъ наукахъ, больше останавливался на конкретныхъ фактахъ, которые обобщалъ въ общія положенія и понятія. Въ своей Аналитикѣ онъ обосновываетъ и индукцію, и признаетъ тотъ фактъ, что посылки силлогизма получаются индуктивнымъ способомъ. Тѣмъ не менѣе онъ все-таки отдаетъ дань своему учителю, въ школѣ котораго пробылъ 20 лѣтъ: научнымъ знаніемъ онъ считаетъ только общее [1]).

Этотъ взглядъ на общія понятія господствовалъ и въ средніе вѣка; его придерживается и *Кантъ* [2]). Даже въ настоящее время онъ находитъ себѣ нѣкоторыхъ приверженцевъ. Таковъ, напр., *Гуссерль*, какъ мы это видѣли выше [3]). Такъ же приблизительно понимаетъ общее какъ синонимъ истины и *Палагьи* [4]). На самомъ дѣлѣ, какъ общія сужденія, такъ и общія понятія могутъ быть ложными, т. е. несоотвѣтствующими дѣйствительности, и выводы изъ нихъ тоже могутъ быть ложными. Общее понятіе кажется болѣе истиннымъ только потому, что оно обнимаетъ большее число фак-

[1]) *Aristoteles*, Analyt. post. I. 1, „Мы знаемъ постольку, поскольку мы знаемъ общее". *Aristoteles*, Metaphys. III. 4, 999, 6—26 „всѣ науки относятся къ общему". „Безъ общаго невозможна наука". (Тамъ же 10, 1086, 6, 33).

[2]) *Kant*, Kritik d. rein. Vern. Transc. Aest. § 2, 4. „Man muss einen j e d e n Begriff als eine Vorstellung denken, die in einer unendlichen Menge von verschiedenen möglichen Vorstellungen (als ihr gemeinschaftliches Merkmal) enthalten ist, mithin diese unter sich enthält". Слѣдовательно единичныя понятія не должно признавать за понятія.

[3]) *Husserl*, Log. Unters. I. S. 150.

[4]) *Palagyi*, Logik auf dem Scheidewege, 1903, S. 167.

товъ; слѣдовательно оно чаще находитъ примѣненіе на практикѣ мышленія и дѣятельности. А то, съ чѣмъ мы часто обращаемся, то становится привычнымъ, такъ что въ концѣ концовъ оно намъ кажется „принудительнымъ“. Эту психологическую принудительность по ошибкѣ принимаютъ за логическую обязательность или необходимость, и ей вѣрятъ, какъ критерію истины. То же бывало во всѣ времена не только съ обыкновенными смертными, но и съ учеными спеціалистами. Какая-нибудь новая теорія, проповѣдуемая ея авторомъ съ каѳедры, въ концѣ концовъ въ его глазахъ пріобрѣтаетъ значеніе истины, и эта вѣра передается ученикамъ. А если такая теорія продержится въ школѣ или въ наукѣ цѣлый вѣкъ, то всѣ въ нее вѣрятъ, какъ въ несомнѣнную истину. Для примѣра достаточно вспомнить изъ области физики атомистическую теорію строенія тѣлъ, которая пошатнулась только за послѣднія два десятилѣтія, съ открытіемъ радіактивности разныхъ тѣлъ и самопроизвольнаго измѣненія нѣкоторыхъ химическихъ элементовъ [1]).

Такъ же точно понятіе грековъ „δικαιος“ (честный и справедливый) соотвѣтствовало только воззрѣніямъ эллиновъ, и то—только лучшей части этого народа. Это понятіе справедливости даже у Сократа и Платона мирилось съ признаніемъ рабства „справедливымъ“ общественнымъ положеніемъ. И *Аристотель* не могъ отрѣшиться отъ этого: онъ находитъ, что нѣкоторыя натуры отъ рожденія какъ бы предназначены для рабства, и что такимъ душамъ рабство даже выгоднѣе свободы [2]). Эллинское понятіе о честности мирится съ требованіемъ таковой только по отношенію къ своимъ; а по отношенію къ врагамъ честность считается излишнею: врагамъ, по понятію эллиновъ, будто слѣдуетъ причинять вредъ [3]). Между тѣмъ у насъ, даже въ военное время, этотъ вредъ ограниченъ: онъ примѣняется только къ воюющимъ, и то только до тѣхъ поръ, пока они сопротивляются.

Наконецъ, я приведу еще одинъ примѣръ изъ современной психологіи. Въ ученомъ мірѣ до сихъ поръ еще господствуетъ англійская ассоціаціонная теорія, утверждающая,

[1]) Какъ извѣстно, радій постепенно превращается въ гелій безъ всякихъ внѣшнихъ химическихъ воздѣйствій и реакцій.

[2]) *Aristoteles,* Politica, I. 3—5.

[3]) *Xenophon,* Memorabilia, lib. IV, II, et IV.

будто всякое воспроизведеніе или даже всякій производный душевный процессъ совершается исключительно по законамъ ассоціаціи идей. Вѣра въ ея безусловную истинность основана только на полуторавѣковой ея давности и на авторитетахъ, каковы: Юмъ, Гертли, Джемсъ Милль, Джонъ Ст. Милль, А. Бэнъ, Герб. Спенсеръ. Между тѣмъ я въ своемъ изслѣдованіи „О памяти“ доказалъ, что даже память не всегда дѣйствуетъ по законамъ ассоціаціи идей, что существуетъ самопроизвольное воспроизведеніе, не зависящее ни отъ какихъ ассоціацій [1]). Тѣмъ не менѣе эта теорія, вслѣдствіе давности уже затвердѣла въ понятіе „ассоціаціонизмъ“ [2]). Это понятіе, по моему, нуждается не столько въ его изученіи (оно достаточно уже изучено), сколько въ его коренномъ исправленіи и сдачѣ его въ историческій архивъ. Невѣрная теорія можетъ сбивать съ толку даже экспериментаторовъ, какъ я это доказалъ въ своемъ трудѣ.

Такимъ образомъ общность понятія, даже научнаго, отнюдь не можетъ служить критеріемъ истины: и общія, и даже самыя общія понятія метафизики бываютъ ложными, такъ какъ таковыя понятія одного философа противорѣчатъ понятіямъ другого.

Что наука и даже обычный здравый смыслъ стремится къ обобщеніямъ, это—фактъ, не подлежащій сомнѣнію. Общія понятія весьма удобны для памяти и для разсудка; они сокращаютъ мыслительную работу и вмѣстѣ съ тѣмъ содѣйствуютъ быстрому усвоенію и распространенію нашихъ знаній. Но общность понятій или добытаго изъ него сужденія не можетъ быть критеріемъ истины.

§ 6. Индивидуальныя понятія.

Подъ индивидуальнымъ, или единичнымъ понятіемъ мы разумѣемъ такое, которое относится только къ одному познаваемому реальному предмету, т. е., объемъ котораго

[1]) См. *И. С. Проданъ* „О памяти“ ч. I, стр. 167—207, гл. XIV—XV, ч. II, гл. XII, стр. 325—375.

Ср. Проф. *И. А. Сикорскій*, „Всеобщая психологія“, 2-е изд. К. 1912, стр. 272 и 273.

[2]) См. *Вл. Н. Ивановскій*, Ассоціаціонизмъ, Казань 1909 VIII гл.

равняется единицѣ. Этимъ пониманіемъ оправдывается и самое его названіе. Между тѣмъ *Зигвартъ* счелъ нужнымъ, безъ достаточнаго основанія, измѣнить въ логикѣ смыслъ этого термина, вопреки традиціи и *даже общечеловѣческому* смыслу, который придаетъ особыя названія единичнымъ предметамъ [1]). Таковы, напр., имена собственныя. Ребенокъ, прежде чѣмъ усвоилъ себѣ какое-нибудь названіе, замѣняетъ его указательными мѣстоименіями „это", „то". Слѣдовательно уже языки разныхъ народовъ, а равно и языкъ дитяти, доказываютъ неустранимую потребность иногда особо обозначать отдѣльный предметъ изъ числа сходныхъ [2]).

Взглядъ Зигварта на единичное понятіе соотвѣтствуетъ его взгляду на объемъ логическаго понятія. Таковымъ онъ считаетъ не совокупность реальныхъ предметовъ, обозначаемыхъ однимъ названіемъ, а „всѣ тѣ понятія, которыя получаются черезъ дальнѣйшую спеціализацію (Determination) его признаковъ" [3]). „Поэтому-де понятіе объема никогда (sic!) не *можетъ быть измѣряемо дѣйствительнымъ* (empirisch) числомъ одинаковыхъ вещей, входящихъ въ одно понятіе, какъ только признана возможность, что для нашего познанія существуютъ объекты, которые отличаются уже не своими качествами, а только различнымъ мѣстомъ или различнымъ временемъ. Напротивъ, продолжаетъ Зигвартъ, должно помнить, что понятіе, которое *не* поддается дальнѣйшей спеціализаціи (determinieren) не имѣетъ никакого объема (маркировка Зигварта)"... если бы соотвѣтствующее этому понятію въ дѣйствительности суще-

1) *Sigwart,* Logik, 3 Aufl I. § 42, S. 359—361.

2) Между тѣмъ Зигвартъ говоритъ: „Индивидуальнымъ понятіемъ никогда (sic!) не можетъ называться понятіе только потому, что случайно въ эмпирической дѣйствительности существуетъ только одна вещь, соотвѣтствующая ему; такъ же мало касается логической природы понятія и то обстоятельство, если бы не было въ дѣйствительности дано никакого соотвѣтствующаго понятію объекта... А вопросъ, всѣ *ли* индивиды, которые фактически входятъ въ *одно данное* понятіе, отличаются еще чѣмъ инымъ, кромѣ мѣста въ пространствѣ и времени, и вопросъ, можетъ *ли* одно понятіе съ минимальнымъ объемомъ обнимать собою *одну или* нѣсколько единичныхъ вещей, совсѣмъ не касается логическаго разсмотрѣнія, но относится къ реальной наукѣ". (Тамъ *же,* стр. 359, конецъ абзаца).

3) Тамъ *же* стр. 360.

ствовало даже въ милліонахъ экземпляровъ. Чугунный шаръ, съ діаметромъ въ десять сантиметровъ есть таковое понятіе, если (sic!) предположено, что весь чугунъ одинаковъ". (Стр. 359, конецъ абзаца).

Все это разсужденіе Зигварта, съ такой увѣренностью подносимое читателю, какъ мы увидимъ, не выдерживаетъ критики. И формальная логика, какъ наука нормативная, должна устанавливать правила, соблюденіе которыхъ легчайшимъ способомъ ведетъ къ истинѣ и къ примѣненію ея на практикѣ. Какое же значеніе можетъ имѣть въ этомъ смыслѣ „объемъ понятія", устанавливаемый Зигвартомъ, если онъ равняется нулю при наличности милліоновъ дѣйствительныхъ экземпляровъ одинаковыхъ вещей? Съ другой стороны, какой смыслъ имѣетъ исключеніе изъ логики обычнаго индивидуальнаго (или единичнаго) понятія, когда таковое играетъ огромную роль во многихъ наукахъ и во всѣхъ искусствахъ? Я приведу только нѣсколько примѣровъ.

Во что обратилась бы исторія народовъ и государствъ, если бы изъ нея исключили имена собственныя, т. е. понятія индивидуальныя? Наша человѣческая исторія несравненно больше „дѣлается" отдѣльными личностями, чѣмъ массами. Не только монархическій строй государствъ доказываетъ это, но и республиканскій. Развѣ Римская республика могла бы такъ возрасти, если бы въ ней не было Цинцината, Сципіона старшаго, Катона-Цензорія, Помпея, Цезаря? А при демократіи въ Аѳинахъ не значилъ-ли Периклъ больше, чѣмъ все народное собраніе?

Возьмемъ еще нѣсколько примѣровъ, напр., географію. Развѣ она мыслима безъ именъ собственныхъ? А въ искусствахъ? Развѣ художникъ и практическій дѣятель не обращается съ опредѣленными единичными предметами? И если онъ о нихъ не будетъ имѣть правильныхъ понятій, то развѣ онъ будетъ въ состояніи дѣйствовать правильно? Развѣ врачъ лечитъ человѣка вообще, а не Петра, Сидора, Кить Китыча, Клеопатру Аполлоновну? Развѣ живописецъ-художникъ пишетъ картину-вообще, а не опредѣленную картину, опредѣленный пейзажъ, жанръ, или историческую картину? А историкъ искусствъ развѣ можетъ пренебречь этими опредѣленными произведеніями? А архитекторъ, развѣ онъ строитъ

домъ-вообще, а не опредѣленный домъ, на опредѣленномъ мѣстѣ, съ опредѣленнымъ числомъ этажей, комнатъ, оконъ, дверей?

Въ дѣйствительности мы имѣемъ дѣло съ опредѣленными индивидуальными вещами. Ихъ индивидуальность въ особенности важна по отношенію къ людямъ. Не зная этой стороны человѣка, ни педагогъ, ни врачъ, ни ораторъ, ни политикъ, ни дѣлецъ не можетъ имѣть успѣха. А таковое знаніе сосредоточено въ индивидуальныхъ понятіяхъ, —въ ихъ обычномъ смыслѣ, а не въ смыслѣ Зигварта. Слѣдовательно не только для науки, но и для логики важно удержать это обычное понятіе и обратить на него должное вниманіе. Аристотель въ теоріи знанія тоже недостаточно оцѣнилъ его, считая только общее дѣломъ науки.

Индивидуальныя понятія для каждаго человѣка важны еще и тѣмъ, что отъ нихъ начинается познаніе и образованіе болѣе общихъ понятій. Ребенокъ прежде, чѣмъ получаетъ общее понятіе дома, узналъ родительскій домъ; прежде, чѣмъ получилъ общее понятіе о селеніи или городѣ, узналъ свое родное селеніе или свой городъ; прежде, чѣмъ пріобрѣлъ общія понятія о деревѣ, садѣ,... пріобрѣлъ индивидуальныя понятія о первомъ видѣнномъ имъ деревѣ, садѣ и т. д. Съ индивидуальныхъ понятій о вещи начинается наше познаніе.

§ 7. Заблужденіе Зигварта относительно объема понятій.

Что Зигвартъ ошибается относительно объема понятій вообще и единичныхъ въ особенности, въ томъ не трудно убѣдиться. Даже его единственнымъ примѣромъ съ чугунными шарами опровергается его новшество.

1) Самъ авторъ приводитъ свой примѣръ съ ограниченіемъ „если предположить, что весь чугунъ одинаковъ“. На самомъ дѣлѣ, этого не бываетъ въ дѣйствительности. Слѣдовательно онъ самъ чувствовалъ возможность возраженія на его единственный примѣръ; но даже помимо сдѣланнаго ограниченія „если предположить...“, его примѣромъ опровергается его же утвержденіе. Зигвартъ полагаетъ, будто его

индивидуальное понятіе не поддается дальнѣйшей спеціализаціи (Determination). На самомъ дѣлѣ это не такъ: таковая возможна; но она не всегда имѣетъ практическое значеніе. Если бы Зигвартъ былъ въ Одессѣ, то онъ увидѣлъ бы въ пьедесталѣ памятника Дюка-Ришилье придѣланный чугунный шаръ, (приблизительно той же величины, что и въ его примѣрѣ), а именно, тотъ самый, который при бомбардировкѣ Одессы попалъ въ этотъ пьедесталъ. Слѣдовательно этотъ шаръ удостоился одесситами быть особо выдѣленнымъ изъ милліона возможныхъ такихъ же, чтобы быть сохраненнымъ потомству. Объ этомъ шарѣ имѣютъ особое понятіе и одесситы, и каждый, кто его видѣлъ. Какъ же назвалъ бы Зигвартъ это понятіе по сравненію со своимъ „индивидуальнымъ понятіемъ“, которое можетъ обнимать милліоны дѣйствительныхъ чугунныхъ шаровъ? По всему вѣроятію, понятіе объ одесскомъ ядрѣ было бы „индивидуальнѣйшимъ“ изъ индивидуальныхъ понятій. Несообразность довольно явная!

Правда, одесскій шаръ „детерминированъ“ не по качеству чугуна, а по времени, мѣсту и принадлежности его бывшему нашему непріятелю. Правда, Зигвартъ не признаетъ детерминаціи по времени и пространству; но собственности и принадлежности вещи лицу онъ не отвергаетъ. Слѣдовательно сдѣланная одесситами детерминація историческаго ядра (чугуннаго шара) и по Зигварту остается въ силѣ.

2) Впрочемъ, Зигвартъ не обязанъ быть въ Одессѣ; но онъ могъ вспомнить давно избитое выраженіе, которое Лейбницъ, въ своемъ знаменитомъ сочиненіи приводитъ, какъ уже извѣстное, а именно: что „во всемъ лѣсу нѣтъ двухъ вполнѣ равныхъ листьевъ“ [1]). Что до меня касается, то я могу ту же мысль выразить еще болѣе строго,—и на перекоръ извѣстной русской поговоркѣ о двухъ капляхъ воды, я утверждаю, что „въ дѣйствительности нѣтъ даже двухъ капель воды, вполнѣ равныхъ“, хотя онѣ кажутся таковыми. Дѣло вотъ въ чемъ, 1) онѣ могутъ до безконечности уклоняться отъ формы шара, въ зависимости отъ множества условій; 2) ихъ объемъ тоже можетъ быть различнымъ до извѣстныхъ предѣловъ; 3) ихъ случай-

[1]) *Leibniz,* Nouveaux essais. Это сочиненіе Зигвартъ неоднократно цитируетъ, слѣдовательно онъ читалъ его.

ныя качества тоже могутъ быть различными: минеральныя примѣси, температура, упругость, освѣщеніе, наличность электроновъ, бактерій и т. д.; 4) комбинацій всѣхъ перечисленныхъ случайныхъ качествъ можетъ быть безконечное множество. Впрочемъ, допустимъ, что всего этого не существуетъ въ дѣйствительности, и допустимъ, что капли воды вполнѣ равны; однако для меня все же не безразлично, о какихъ капляхъ я вспоминаю или говорю: о тѣхъ ли, которыя на меня падаютъ въ данный моментъ въ видѣ дождя, или же о той каплѣ, которая вчера изъ стакана упала на скатерть стола. Слѣдовательно и детерминація по мѣсту и времени иногда можетъ быть не безразличной. Послѣдняя капля, падающая въ наполненную до верху рюмку, производитъ иное дѣйствіе, чѣмъ предпослѣдняя или одна изъ предыдущихъ: и эта „послѣдняя капля“ (и въ буквальномъ, и въ переносномъ смыслѣ) отмѣчается нами особо: слѣдовательно, она, какъ понятіе реальное, есть индивидуальное понятіе въ нашемъ смыслѣ; а не въ смыслѣ Зигварта. Эта „послѣдняя капля“ можетъ иногда произвести и весьма ощутительный эффектъ: она можетъ соединить электрическіе провода и произвести взрывъ цѣлаго порохового погреба и части крѣпости; а милліоны капель въ озерѣ могутъ въ то же время остаться безразличными и для всего человѣчества, и для жителей, селеніе которыхъ находится на берегу этого озера.

3) Въ иномъ понятіи мы мыслимъ только его „эмпирическій“ объемъ, т. е. реальныя вещи, обозначаемыя соотвѣтственнымъ именемъ; а содержаніе остается смутнымъ или даже не сознается вовсе. Таково понятіе „вещи“, разобранное выше. Но это понятіе у взрослаго, который включаетъ въ его объемъ и юридическое понятіе вещи, и метафизическое—о чемъ-то реальномъ, становится еще болѣе отвлеченнымъ: въ немъ еще менѣе сознается его содержаніе. Возьмемъ другой примѣръ. Понятіе звука или цвѣта не имѣетъ общаго чувственнаго признака: цвѣтъ и звукъ, въ общемъ нарицательномъ значеніи, не существуетъ въ дѣйствительности, а только въ нашемъ мышленіи; въ дѣйствительности существуютъ отдѣльные цвѣта и отдѣльные звуки. При понятіяхъ „цвѣтъ“ и „звукъ“ мыслится только ихъ объемъ, хотя таковой можетъ сопровождаться представленіемъ

одного опредѣленнаго цвѣта или звука. Но при этомъ мы сознаемъ, что это представленіе только з а м ѣ с т и т е л ь всего класса, и что мы могли бы взять на его мѣсто любой другой цвѣтъ или звукъ.

4) Для наглядности рѣчи поэтами и ораторами постоянно употребляются конкретныя выраженія или единичныя понятія, вмѣсто общихъ; но при этомъ слушающій отлично понимаетъ, что единичное въ данномъ случаѣ служитъ представителемъ всего класса. Ту же роль иногда играетъ и опредѣленный членъ въ греческомъ, французскомъ и нѣмецкомъ языкахъ. И въ геометріи доказательство о суммѣ угловъ треугольника дается на о д н о м ъ опредѣленномъ треугольникѣ, который служитъ представителемъ всего класса. Треугольникъ, какъ общее понятіе, не можетъ быть ни начерченъ, ни представленъ; онъ только мыслится.

5) Относительно понятій, не поддающихся детерминаціи, Зигвартъ могъ взять примѣръ болѣе удачный, чѣмъ съ чугунными шарами. Онъ могъ, напр., взять понятіе „голубого цвѣта“: таковое, *дѣйствительно, не поддается детерминаціи* по содержанію, такъ какъ все его содержаніе состоитъ изъ *одного* простого качества. Поэтому оно и не доступно логическому опредѣленію, хотя имѣетъ очень опредѣленное содержаніе и милліоны представителей въ дѣйствительности,— милліоны предметовъ такого цвѣта. Но тутъ бѣда въ томъ, что это понятіе не—вещь и никѣмъ не считается „индивидуальнымъ понятіемъ“. Слѣдовательно Зигвартъ все же чувствовалъ потребность держаться примѣненія понятій къ дѣйствительности. Во второй части своей логики онъ самъ разсматриваетъ „понятіе *(единичной) вещи*, имѣющей въ опредѣленномъ мѣстѣ пространства „отграниченную и постоянную *форму* (Gestalt)“. (§ 72, S. 117) [1]).

[1]) Его затрудненіе создано имъ самимъ. Чтобы изъ него выпутаться, онъ придумалъ ненужную дистинцію (подраздѣленіе) объема понятій на „логическій и эмпирическій“: подъ послѣднимъ онъ разумѣетъ то, что всѣ, т. е. сумму реальныхъ вещей и фактовъ, а не понятій, обозначаемыхъ однимъ именемъ. (Цит. соч. I, § 42, стр. 360 и 361). А то, что онъ называетъ „логическимъ объемомъ индивидуальнаго понятія“, подходитъ подъ ἔσχατον εἶδος стоиковъ и infima species, (низшій видъ) средневѣковыхъ номиналистовъ. Это понятіе имѣетъ

§ 8. Сравнительная цѣнность формальныхъ понятій.

Въ началѣ настоящей главы мы отмѣтили значеніе для познанія и понятій фактическихъ, и формальныхъ: первыя представляютъ собою знаки цѣлой группы познавательныхъ актовъ или объективпыхъ знаній; послѣднія—рабочія орудія. Затѣмъ мы разсмотрѣли процессы формированія понятій и отмѣтили фактъ измѣненія и совершенствованія психологическихъ понятій въ соотвѣтствіи съ идеальными требованіями логики. Этотъ процессъ достигаетъ своей кульминаціонной точки въ объективной наукѣ, которая еще больше приближается къ идеалу логики. Но и въ наукѣ не всѣ понятія, которыми она оперируетъ, имѣютъ одинаковую познавательную цѣнность. Такъ какъ наука стремится къ познанію не только отдѣльныхъ фактовъ, но и къ познанію общихъ законовъ и причинъ явленій, то нѣкоторые философы отрицали научное значеніе единичныхъ понятій. Какъ мы видѣли, это мнѣніе не основательно по отношенію къ описательнымъ наукамъ и ко всѣмъ искусствамъ, а равно—и къ практической дѣятельности. Всѣми признанъ фактъ, что познаніе начинается съ единичныхъ предметовъ и фактовъ; но это не значитъ, что всякое познаніе состоитъ изъ однихъ чувственныхъ элементовъ [1]).

Мы уже отмѣтили тотъ фактъ, что ни одинъ психологическій анализъ не можетъ дальше проникнуть въ познавательные процессы, чѣмъ въ элементы ощущеній [2]). Изъ этихъ элементовъ состоятъ тѣ переживанія, которыя обычно назы-

свое примѣненіе при дѣленіи общаго понятія и при классификаціи; но въ такомъ случаѣ не зачѣмъ вводить новый, и притомъ сбивчивый терминъ.

[1]) Однако этой истины и въ настоящее время не признаютъ нѣкоторые философы и философствующіе ученые. Таковы напр., *Авенаріусъ* („Philosophie als Denken d. Welt", 1874, S. 27 и „Kritik d. reinen Erfahrung", I. S. 4—13). Таковы и *Махъ*, *Вилли*, *Корнеліусъ*, *Гомперцъ* (H. Gomperz) и другіе.

[2]) Въ этомъ отношеніи мною сдѣлана поправка обычнаго пониманія чувственнаго элемента. См. мое изслѣдованіе „О памяти", ч. I, гл. VI, стран. 61—63. Для зрительныхъ ощущеній таковымъ нужно считать минимальную цвѣтную точку, для звуковыхъ—кратчайшій тонъ и т. д.

ваются ощущеніями. Слѣдовательно и въ таковыхъ дѣйствуетъ особое нечувственное начало познающаго, которое соединяетъ эти элементы воедино. Поэтому только элементы ощущеній мы должны признать за сырой строительный матеріалъ нашего познанія; а сочетанія элементовъ уже являются произведеніемъ синтеза, принимаемымъ за нѣчто единое. Между этими сложными единицами при помощи разсудка и памяти устанавливаются разныя отношенія въ сужденіяхъ, которыя всѣми признаны за элементарныя познанія. Слѣдовательно и въ этихъ элементарныхъ актахъ познанія есть и матеріальные, т. е. чувственные элементы, и формальные, привносимые познающимъ духомъ. Чувственные комплексы, а тѣмъ болѣе ихъ элементы, сами по себѣ не представляютъ собою знанія; но они служатъ необходимымъ условіемъ и составной частью всякаго познавательнаго акта, въ который вошли формальные элементы. Таковые всегда входятъ въ составъ нашего мышленія, и безъ нихъ не можетъ обойтись ни одна наука. Слѣдовательно и соотвѣтственныя имъ понятія должны быть на лицо не только въ обиходной рѣчи, но и въ каждой наукѣ. Къ такимъ понятіямъ относятся: *то же, другое; раньше, позже; вверху, внизу; справа, слѣва; спереди, сзади; длиннѣе, короче; больше, меньше, болѣе, менѣе; продолжительнѣе* (дольше), *короче* (по времени); *сдѣлавшій, сдѣланный (причина* и *дѣйствіе), дѣйствительный, воображаемый; одинъ, два, много.* Только на основаніи множества подобныхъ отношеній и понятій впослѣдствіи образуются соотвѣтственныя отвлеченныя категоріи, выражаемыя именами сущ. Таковыя: тожество и различіе, сходство и несходство; время, пространство, причинность, вещь, идея, цѣль, число.

На основаніи всѣхъ этихъ категорій образуются самыя высшія метафизическія категоріи, напр.: *отношеніе, бытіе, абсолютная идея, всеединство*[1]). Эти высшія категоріи больше всего занимали философовъ; однако онѣ, какъ и всѣ формальныя понятія и формальные элементы познанія вообще, сами по себѣ, безъ сопоставленія ихъ съ матеріальными эле-

[1]) Поэтому въ дѣтскомъ языкѣ отсутствуютъ отвлеченныя понятія категорій, хотя дѣти уже съ первыхъ мѣсяцевъ, еще до пріобрѣтенія ими способности говорить, отличаютъ перечисленныя выше отношенія.

ментами, еще не даютъ знанія. Поэтому представляются большимъ заблужденіемъ попытки дедуцировать изъ подобныхъ категорій все разнообразіе и всю полноту содержанія въ реальномъ мірѣ. Такъ именно поступали древніе элейцы, а въ новѣйшее время—нѣмецкіе идеалисты, въ особенности Гегель.

Такъ какъ всѣ эти высшія по отвлеченности и объему понятія добываются на основаніи множества предшествующихъ имъ сужденій и другихъ мыслительныхъ процессовъ, то мы разсмотримъ ихъ послѣ,—въ связи съ соотвѣтственными сужденіями. При этомъ мы разсмотримъ и метафизическія понятія о вещи и субстанціи. Пока же мы ограничимся разборомъ древнѣйшей классификаціи, сдѣланной Аристотелемъ, которой придерживались философы восемнадцать вѣковъ.

Кромѣ этихъ чисто формальныхъ понятій, въ каждомъ языкѣ имѣются и такія, которыя заключаютъ въ себѣ формальный элементъ (извѣстное отношеніе къ другому) на ряду съ матеріальными элементами. Таковы напр.: начальникъ и подчиненный, родители и дѣти, учитель и ученикъ, судья и подсудимый, перпендикуляръ и основаніе, радіусъ и кругъ. Такія понятія, въ отличіе отъ предыдущихъ, лучше было бы называть „фактически-относительными“, если обозначаемые ими предметы и отношенія принадлежатъ реальному міру.

§ 9. Категоріи Аристотеля.

Всякая наука стремится къ познанію общаго, къ познанію причинъ и общихъ законовъ; а философія, сверхъ этого, стремится познать первыя причины всего міра и первыя основанія всякаго познанія. Поэтому неудивительно, что философы больше всего занимались высшими понятіями, получившими отъ Аристотеля названіе категорій. Самое значеніе и число категорій у разныхъ философовъ различно. Ихъ значеніе различно опредѣляется въ зависимости отъ метафизической теоріи философа. Такъ напримѣръ, реализмъ, признающій существованіе особаго міра, самостоятельнаго

и независимаго отъ познающаго субъекта, разсматриваетъ категоріи въ ихъ отношеніи къ реальному міру. Кто же не признаетъ реальности особаго міра, помимо духа, каковы идеалисты всѣхъ наименованій, для того категоріи имѣютъ смыслъ однихъ формальныхъ принциповъ, управляющихъ мышленіемъ. Наконецъ есть и такіе философы, какъ Кантъ, которые признаютъ и нѣчто реально существующее, помимо духа (такъ называемые „ноумены„ или „вещи въ себѣ“); но эти ноумены, по ихъ мнѣнію, сами по себѣ, не познаваемы; правда, исходящія отъ нихъ возбужденія нашихъ органовъ чувствъ, даютъ намъ сырой матеріалъ познанія; но самое познаніе осуществляется будто благодаря категоріямъ, которыя присущи познающему, какъ руководящіе принципы мышленія и познанія. Въ реальной дѣйствительности, по мнѣнію Канта, нѣтъ ничего имъ соотвѣтствующаго [1]).

Первая попыта распредѣлить всѣ понятія по высшимъ родамъ принадлежитъ Аристотелю. Эту попытку онъ сдѣлалъ въ своемъ небольшомъ сочиненіи, озаглавленномъ „Категоріи“, которое издавалось въ самомъ началѣ логическихъ сочиненій Аристотеля, носившихъ общее названіе „Органонъ“. Сочиненіе Категоріи не только кратко, но и отрывисто и неполно: вѣроятно, оно и не вполнѣ закончено авторомъ. Самое раздѣленіе понятій не мотивировано и даже недостаточно разъяснено. Тѣмъ не менѣе этимъ категоріямъ было суждено сыграть важную роль и въ философіи, и въ грамматикѣ за все время отъ Аристотеля до Бекона Веруламскаго.

Такъ какъ Ар. признаетъ существованіе реальныхъ вещей, а также ихъ познаваемость, то его категоріи относятся къ реально с у щ е с т в у ю щ е м у, а не только къ дѣятельности познающаго [2]).

[1]) Канта и кантіанцевъ правильнѣе называть не „полуидеалистами“, а скептиками: древніе скептики гораздо меньше знаній отвергали, чѣмъ Кантъ. См.: *Sextus Empiricus*, Pyrrhon. hypotyp.

[2]) Это недвусмысленно утверждаетъ и самъ Аристотель, называя ихъ въ своей метафизикѣ „категоріями бытія“ (κατηγορίαι τοῦ ὄντος) (См. Metaph. IV, 28. 1024, 6, 13; IX, 1. 1045, 6, 28; XIV, 6, 1093, 6, 19) а также и въ физикѣ (Phys. III, 1. 200, b, 28). Въ другихъ сочиненіяхъ Ар. называетъ ихъ также, согласно съ Платономъ, τὰ γένη (подразумѣвается τοῦ ὄντος. См. De Anima, I, 1. 402, a, 22). Встрѣчаются также названія τὰ κοινὰ πρῶτα (Analyt. post. II, 13. 96. 6, 20) и

Самое раздѣленіе понятій на категоріи, Ар. безъ предварительной мотивировки излагаетъ слѣдующими словами: „Все, что высказывается внѣ связной рѣчи (κατὰ μηδεμίαν συμπλοκήν), обозначаетъ или субстанцію (οὐσίαν), или количество (ποσόν), или качество (ποιόν), или отношеніе (πρός τι), или мѣсто (ποῦ), или время (ποτέ), или положеніе (κεῖσθαι), или обладаніе (ἔχειν), или дѣйствіе (ποιεῖν), или претерпѣваніе (πάσχειν). Говоря въ общемъ, субстанція есть напр.: человѣкъ, лошадь; количество—напр.: двухлоктевое, трехлоктевое (δίπηχυ, τρίπηχυ); качество напр. бѣлый, образованный (γραμματικός); отношеніе—напр.: двойное, половина, бо̀льшее; мѣсто—напр. въ Ликеѣ, на рынкѣ; время—напр.: вчера, въ прошломъ году (πέρυσιν); положеніе—напр.: лежитъ, сидитъ; обладаніе—напр.: обутъ, вооруженъ; дѣйствіе—напр.: рѣжетъ, жжетъ; претерпѣваніе—напр. разрѣзывается, жжется (καίεται)“. [1]).

Эти десять категорій часто упоминаются Аристотелемъ и въ другихъ его сочиненіяхъ, такъ что не можетъ быть никакого сомнѣнія въ подлинности трактата о категоріяхъ. Но въ другихъ сочиненіяхъ довольно часто упоминается на второмъ мѣстѣ категорія качества, а на третьемъ—категорія количества [2]). Кромѣ того, Аристотелемъ нѣсколько разъ опускаются 7 и 8 категоріи, т. е. „положеніе“ и „обладаніе“, а именно въ такихъ мѣстахъ, гдѣ имѣется въ виду полное перечисленіе всѣхъ категорій [3]).

другія. Нѣкоторые философы, напр. Штрюмпель, Шуппе и Брентано толкуютъ терминъ „категоріи“ (κατηγορίαι) въ его первоначальномъ значеніи „предиката“ (=praedicamenta); но это въ данномъ случаѣ неправильно, такъ какъ предикатомъ можетъ быть понятіе только въ сужденіи и предложеніи, а Ар. свои категоріи употребляетъ какъ самостоятельныя понятія (κατὰ μηδεμίαν συμπλοκὴν λεγόμενα). См. *Aristoteles*, Categ. II, 1 et. IV. 1.

1) *Aristoteles* Categ. IV, 1.

2) Въ одномъ мѣстѣ физики катег. „количества“ поставлена послѣ „отношенія“, а это—послѣ „времени“ (*Aristoteles*, Phys, V, 1 Конецъ). Я думаю, что это перемѣщеніе по ошибкѣ сдѣлано переписчиками первыхъ изданій.

3) *Aristoteles*, Anal. post. I. 22. 83 a, 21.
„ Phys. V, 1 конецъ.
„ Metaph. V. 8, 1017, a, 24.

Итакъ даже самое число категорій кажется немотивированнымъ: можетъ быть, и Аристотель въ этомъ случаѣ отдалъ дань пиѳагореизму, имѣвшему пристрастіе къ числу „десять".

Нельзя сказать, чтобы это число категорій было полнымъ. Прежде всего читателю бросается въ глаза отсутствіе категоріи причины, или причинности. Этотъ вопросъ Аристотель подробно изслѣдуетъ и исторически, и въ связи со своими метафизическими воззрѣніями въ разныхъ своихъ сочиненіяхъ, преимущественно въ физикѣ и въ метафизикѣ. Это отсутствіе категоріи причинности тѣмъ болѣе нуждается въ оправданіи, что Аристотель признавалъ и матеріальныя причины, лежащія въ самой матеріи (ὕλη), которая не подходитъ ни подъ одну категорію. Его нематеріальная причина εἶδος (=форма, формирующая сущность), представляетъ собою и цѣлевую причину — τὸ οὗ ἕνεκα καὶ τἀγαθόν (=ради чего и благо): слѣдовательно и она есть реальная сущность, дѣйствующая самостоятельно и независимо отъ познающаго духа. Но сама по себѣ, безъ матеріи она не даетъ Аристотелевой οὐσία, которая состоитъ изъ обоихъ этихъ началъ [1]).

Отсутствуютъ также категоріи „единаго и сущаго", которыя тоже относятся и къ реальному міру; но оправданіе тому Аристотель даетъ въ своей метафизикѣ, объясняя, что „эти категоріи одинаково (ἰσαχῶς) сопутствуютъ категоріямъ и ни въ одной не заключаются" [2]). Подобное же объясненіе встрѣчается и относительно „блага", которое Аристотель тоже не включилъ въ число категорій; въ своей Никомаховой этикѣ онъ говоритъ, что „благо заключается и въ сущности" (ἐν τῷ τί ἐστιν) и въ „качествѣ", и въ „отношеніи" [3]).

Такъ же отсутствуетъ и понятіе „перемѣны" (κίνησις), которое по разъясненіямъ Аристотеля въ его физикѣ, относится къ различнымъ категоріямъ: и къ субстанціи, и къ

[1]) И Аристотель, какъ и его учитель Платонъ, былъ относ. познанія реалистъ: онъ признавалъ реальность и самостоятельность предметовъ познанія. Совершенно невѣрно Платона считаютъ вообще „иделистомъ" между тѣмъ онъ былъ таковымъ только въ своей этикѣ.

[2]) *Aristoteles*, Metaph, X, 2 p. 1054, a, 13.

[3]) *Aristoteles*, a) Ethica Nicomach. I. 4 p. 1096, a, 19. То же и въ Metaph. VII, 11, 1037 a, 1.

качеству, и къ количеству, и къ мѣсту, напр. пространственное движеніе *κίνησις κατὰ τὸν τόπον* [1]).

Аристотель не отнесъ къ своимъ категоріямъ и чисто логическихъ понятій, каковы: истина, ложь, родъ и видъ, свойство (*ἴδιον*) и случайный признакъ (*συμβεβηκός*). Но это вполнѣ согласно съ его реализмомъ и съ его заявленіемъ въ метафизикѣ, что его категоріямъ соотвѣтствуетъ столько же классовъ бытія [2]). Однако этого намѣренія—дать категоріи бытія (*τοῦ ὄντος*) Аристотель тоже не осуществилъ; его категорія „отношенія", какъ мы увидимъ на его примѣрахъ, иногда относится къ чисто субъективнымъ процессамъ, и переживаніямъ, которымъ нѣтъ соотвѣтствія въ реальномъ мірѣ.

§ 10. Субстанція у Аристотеля.

Изъ перечисленныхъ десяти категорій только первыя четыре поясняются Аристотелемъ; остальныя шесть остаются неразъясненными, будто потому, что онѣ сами по себѣ понятны. Первая категорія—т. е. субстанція, Аристотелемъ считается „самой важной, первой по времени и болѣе всего употребительной". „Она не высказывается ни о какомъ субъектѣ и не находится ни въ какомъ субъектѣ (вѣрнѣе—субстратѣ), какъ напр.: какой-нибудь опредѣленленный человѣкъ или какая-нибудь опредѣленная лошадь" [3]). Субстанція—это единственная категорія логическаго субъекта, всѣ же остальныя представляютъ собою возможные предикаты, признаки субстанцій [4]).

Понятіе субстанціи до сихъ поръ еще различно толкуется метафизиками, а нѣкоторыми изъ нихъ прямо отверга-

[1]) *Aristoteles,* a) Phys. V. 1, Конецъ и начало 2 гл. b) Metaph. XII, 2, 1069, b, 9.

[2]) *Aristoteles,* Metaphys. V, 7, 1017. ὁσαχῶς γὰρ λέγεται, τοσαυταχῶς, τὸ εἶναι σημαίνει (τὰ σχήματα τῆς κατηγορίας).

[3]) *Aristoteles,* Categ. V, p. 2, a, 11. Οὐσία δέ ἐστιν ἡ κυριώτατά τε καὶ πρώτως καὶ μάλιστα λεγομένη, ἡ μήτε καθ' ὑποκειμένου τινὸς λέγεται μήτ' ἐν ὑμοκειμένῳ τινί ἐστιν, οἷον ὁ τὶς ἄνθρωπος ἢ ὁ τὶς ἵππος.

[4]) *Ibid.* V, p. 2, 6, 15. ἔτι αἱ πρῶται οὐσίαι διὰ τὸ τοῖς ἄλλοις ἅπασιν ὑποκεῖσθαι καὶ πάντα τὰ ἄλλα κατὰ τούτων κατηγορεῖσθαι ἢ ἐν αὐταῖς εἶναι διὰ τοῦτο μάλιστα οὐσίαι λέγονται.

ется. Поэтому неудивительно, что Аристотель, впервые его формулировавшій, неоднократно попадаетъ въ затрудненія.

Что вышеприведенный признакъ субстанціи не совсѣмъ надеженъ, чувствовалъ и самъ Аристотель. Въ Аналитикѣ и онъ приводитъ примѣры сужденій, въ которыхъ качество можетъ быть субъектомъ, а субстанція предикатомъ, напр.: „То большое—дерево"; „то бѣлое шагаетъ". Къ этимъ примѣрамъ можно прибавить сужденія, въ которыхъ предикатомъ оказывается даже единичное понятіе, напр.; „То идущее есть Каллій". Такія сужденія Аристотель называетъ не настоящими сужденіями, а „сужденіями по совпаденію", (κατὰ συμβεβηκός) [1]); коментаторъ Аристотеля Александръ изъ Афродизіи считаетъ ихъ „сужденіями противоестественными" (παρὰ φύσιν προτάσεις) [2]). Еще болѣе очевидна неосновательность мнѣнія Аристотеля относительно субстанціи на понятіяхъ родовыхъ, которыя весьма часто бываютъ предикатомъ; такъ напр.: „Сократъ—человѣкъ", „смоковница—дерево". Въ этихъ случаяхъ Аристотель прибѣгъ къ такому же пріему, какъ и выше: онъ понятія видовыя и родовыя называетъ „вторыми субстанціями", т. е. тоже не настоящими субстанціями.

Смущаетъ Аристотеля и то обстоятельство, что иногда бываетъ предикатомъ и такое понятіе, которое обозначаетъ признакъ субъекта, но все же можетъ быть разсматриваемо, какъ настоящая субстанція, такъ какъ оно иногда имѣетъ форму имени существительнаго. Тутъ Аристотель опять прибѣгаетъ къ немотивированной дистинкціи, а именно: когда такое понятіе высказывается о субъектѣ, то онъ его считаетъ только „именемъ" (ὄνομα), а не понятіемъ. Вотъ какъ по этому поводу говоритъ самъ Аристотель: „Изъ того, что заключается въ субъектѣ (или субстратѣ) [3]) въ большинствѣ случаевъ не высказывается о субъектѣ ни имя, ни понятіе (λόγος). Но въ нѣкоторыхъ случаяхъ ничто не мѣшаетъ, чтобы иногда имя (ὄνομα) высказывалось о субъектѣ; но по-

[1]) *Aristoteles*, Analyt, post. I, 22, p. 83, a, 1.

[2]) *Alexander Aphrod.*, Schol. 700, 6, 20 (цитир. по *A. Trendelenburg*, Gesch. d. Kategorienl. Berlin 1846, S. 16).

[3]) Терминъ ὑποκείμενον употребляется Аристотелемъ въ двухъ значеніяхъ, (иногда даже въ одномъ предложеніи), которыхъ онъ не отличаетъ, а именно: а) какъ субъектъ *сужденія*, т. е. въ логич. смыслѣ, б) какъ *субстратъ*, въ метафизич. значеніи.

нятіе[1]) невозможно (высказывать). Такъ напр., „бѣлое", (τὸ λευκόν) заключается въ тѣлѣ, какъ въ субстратѣ, и высказывается о субъектѣ (такъ какъ тѣло опредѣляется, какъ бѣлое); но понятіе бѣлаго никогда не будетъ высказываться о тѣлѣ" [2]).

Этимъ утвержденіемъ Аристотель, по всему вѣроятію, хотѣлъ сказать, что отвлеченное понятіе „бѣлизна" (τὸ λευκόν) не бываетъ предикатомъ сужденія или предложенія, а только конкретное понятіе „бѣлый". Такъ какъ ни Аристотель, ни стоики, ни даже Александрійскіе грамматики не отличали имени прилаг. отъ имени существительнаго; то неудивительно, что Аристотель затруднялся найти отличіе между τὸ λευκόν (бѣлизна) и λευκός (=бѣлый). Послѣднее онъ считаетъ лишь какъ ὄνομα, а первое за „понятіе" (λόγος); но это отличіе сдѣлано невѣрно. Дѣло въ томъ, что и λευκός есть понятіе (λόγος), но только болѣе конкретное: оно обозначаетъ опредѣленный оттѣнокъ „бѣлаго", приписываемый опредѣленному предмету. Между тѣмъ τὸ λευκόν (=бѣлизна) обозначаетъ отвлеченное качество, которое обнимаетъ собою всѣ оттѣнки бѣлаго и можетъ обозначать любой изъ нихъ.

Такъ же точно Аристотель исключаетъ изъ числа предикатовъ единичной субстанціи, т. е. индивидуума (ἄτομον) части таковаго [3]). Но видовыя отличія (αἱ διαφοραί) могутъ быть высказываемы и о видахъ (κατὰ τῶν εἰδῶν), и объ индивидахъ (κατὰ τῶν ἀτόμων) [4]).

Кромѣ упомянутаго, чисто формальнаго и притомъ сомнительнаго, признака субстанціи (οὐσία), т. е. что она не можетъ быть предикатомъ и не заключается въ субъектѣ (или субстратѣ) Аристотель приводитъ другіе, которые гораздо

[1]) Слово λόγος латинскій переводъ изданія Didot въ категоріяхъ неправильно передаетъ черезъ definitio (=опредѣленіе). Между тѣмъ Аристотель для этого понятія обычно употребляетъ ὅρος или ὁρισμός.

[2]) *Aristoteles*, Categ. III (V) 4 et 12. Τῶν δ' ἐν ὑποκειμένῳ ὄντων τὸ μὲν ὄνομα οὐδὲν κωλύει κατηγορεῖσθαί ποτε τοῦ ὑποκειμένου, τὸν δὲ λόγον ἀδύνατον, οἷον τὸ λευκὸν ἐν ὑποκειμένῳ (λευκὸν γὰρ σῶμα λέγεται) ὁ δὲ λόγος ὁ τοῦ λευκοῦ οὐδέποτε κατὰ σώματος κατηγορηθήσεται.

[3]) *Arist.* Categ. III (V), 14; сравнить также II, 2,

[4]) Ibidem, III (V), 15.

болѣе существенны, а именно: 1) Относительно первой субстанціи онъ отмѣчаетъ, что „таковая обозначаетъ опредѣленный предметъ (τόδε τι), потому что она недѣлимое (ἄτομον) и по числу одна [1]). Относительно вторыхъ субстанцій Аристотель находитъ, что таковыя скорѣе обозначаютъ качество (μᾶλλον ποιόν τι σημαίνει); субъектъ таковой не одинъ, какъ у первой субстанціи; напротивъ, она высказывается о многихъ, какъ напр.: человѣкъ и животное" [2]). „Но качество она обозначаетъ не просто (ἁπλῶς), какъ „бѣлое", которое ничего иного не обозначаетъ, кромѣ качества бѣлизны. Видъ же и родъ относительно сущности (περὶ οὐσίαν) отмежевываетъ (ἀφορίζει) ея качество, обозначая нѣкоторую качественную сущность" [3]).

2) „Каждая субстанція, поскольку она существуетъ какъ таковая", (ἑκάστη οὐσία τοῦθ' ὅπερ ἐστίν) „не принимаетъ въ себя ни бóльшаго, ни меньшаго... Такъ напр., если субстанціей будетъ человѣкъ, то таковой не будетъ ни больше, ни меньше человѣкомъ, ни по отношенію къ себѣ, ни по отношенію къ другому. Дѣло въ томъ, что одинъ не въ большей мѣрѣ человѣкъ, чѣмъ другой, какъ напр. одно бѣлое (τὸ λευκόν) болѣе или менѣе бѣло, чѣмъ другое, и одно красивое (τὸ καλόν) болѣе или менѣе красиво, чѣмъ другое" [4]).

3) „Главное свойство субстанціи (μάλιστα ἴδιον τῆς οὐσίας), повидимому—то, что она, будучи чѣмъ-то тожественнымъ и единымъ (ἕν) по числу, способна принимать въ себя противоположности (τῶν ἐναντίων δεκτικόν)... Такъ напр., опредѣленный человѣкъ, будучи однимъ по числу и тѣмъ же самымъ, иногда становится бѣлымъ, иногда темнымъ, и теплымъ и холоднымъ, и вялымъ и дѣятельнымъ" [5]). „Субстанція принимаетъ и болѣзнь и здоровье, и бѣлизну и черноту" [6]).

1) Тамъ же III (V), 16.

2) Тамъ же, п. 16.

3) Тамъ же п. 17.

4) Тамъ же, п. 20. Понятія „бѣлый" и „красивый" означаютъ одно „качество", т. е. имѣютъ всего одинъ признакъ, тогда какъ понятіе „человѣкъ" (и другія видовыя и родовыя понятія) заключаютъ въ себѣ множество признаковъ; поэтому таковыя не допускаютъ измѣненія по степенямъ. См. *И. С. Проданъ*, Учебникъ логики, 2-е изд. § 12.

5) Тамъ же п. 21.

6) Тамъ же п. 22 въ концѣ.

„Напротивъ, понятіе и мнѣніе (δόξα) остаются неизмѣнными во всемъ и во всѣхъ отношеніяхъ. Только тогда, когда измѣняется фактъ дѣйствительности (πράγματος κινουμένου), они получаютъ противное значеніе“ (τὸ ἐναντίον περὶ αὐτῶν γίνεται [1]). „Такъ, если бы кто высказывалъ истинное мнѣніе (εἰ γάρ τις ἀληθῶς δοξάζοι), что такой-то сидитъ; то послѣ того, какъ сидѣвшій всталъ, то же мнѣніе о томъ же предметѣ окажется ложнымъ“ [2]). „Но относительно субстанціи дѣло обстоитъ иначе: ихъ качества сами измѣняются, принимая противоположное“ [3]).

Вотъ какъ Аристотель пытался уловить суть субстанціи. Конечно, въ этой первой попыткѣ дѣло не могло обойтись безъ недочетовъ, хотя Аристотель больше всего вниманія удѣлилъ этой первой и самой важной категоріи.

§ 11. Недостатки понятія субстанціи у Аристотеля.

1) Прежде всего оказывается неудачной попытка Аристотеля получить понятіе субстанціи, (обозначающей нѣчто реальное и существующее) изъ логическаго (и грамматическаго) „отношенія субъекта къ предикату сужденія“. Всякое отношеніе есть нѣчто производное, зависящее отъ двухъ вещей. Впрочемъ, оказывается, что и субстанція можетъ быть предикатомъ, и не только вторая (видъ и родъ), но и первая. Такъ напр.: въ сужденіи: „это—Сократъ“.

2) Невѣрно, что всѣ остальныя категоріи играютъ роль только предиката. И въ нѣкоторыхъ примѣрахъ самого Аристотеля субъектомъ оказывается качество или другая категорія предикативная, напр.: „это бѣлое—тѣло“, „это лежащее—человѣкъ“.

3) Ар. иногда смѣшиваетъ два значенія своего термина ὑποκείμενον; его онъ употребляетъ и въ значеніи логическаго

[1]) Понятія κίνησις и κινεῖσθαί у „Аристотеля употребляются въ болѣе широкомъ смыслѣ, чѣмъ русское „движеніе“: они обозначаютъ вообще перемѣну (кромѣ возникновенія и уничтоженія, которыя относятся къ понятіямъ μεταβολή и ἀλλοίωσις). Пространственное движеніе называется у Аристотеля κίνησις κατὰ τὸν τόπον.

[2]) Тамъ же п. 22 въ серединѣ.

[3]) Тамъ же.

субъекта, и въ значеніи метафизическаго субстрата, или носителя качествъ [1]).

4) Ар. иногда не отличаетъ двоякаго значенія его ἐστὶν ἐν... (заключается въ...). То оно обозначаетъ наличность признака въ содержаніи понятія или въ субстратѣ [2]), то—принадлежность индивида къ цѣлому виду или роду, т. е. включеніе индивида въ объемъ понятія [3]).

5) Въ самомъ главномъ свойствѣ субстанціи Аристотель все же отдаетъ преимущество „способности ея принимать противоположныя качества" передъ ея устойчивостью (ταὐτόν) и единствомъ [4]). На самомъ дѣлѣ, измѣнчивость вовсе не составляетъ сути этого понятія: измѣнчивость признается и въ вѣчномъ потокѣ Гераклита и вообще философами-феноменистами, не признающими никакихъ „субстанцій".

6) Что касается единства субстанціи, то Аристотель не разъяснилъ этого понятія въ своихъ категоріяхъ. По приводимымъ имъ примѣрамъ можно предполагать, что онъ первой субстанціей считалъ только живыя существа—животныя и растенія, имѣющія опредѣленную организацію, служащую одной цѣли, и что эта одна цѣлесообразная ихъ дѣятельность и составляетъ единство, связывающее какъ части, такъ и всѣ перемѣны и дѣйствія этой субстанціи.

7) Если Ар. такъ понималъ первую субстанцію, то подъ это понятіе не подойдутъ ни его матерія (ὕλη), ни его формирующія сущности (εἴδη), соотвѣтствующія платоновскимъ идеямъ: таковыя оказываются частями его первой субстанціи. Каждый индивидъ, по Аристотелю, состоитъ изъ матеріи и формирующей сущности (εἶδος). Не подходитъ подъ понятіе первой субстанціи ни его Богъ, ни разумъ, какъ дѣятельность безъ матеріи.

8) Что представляютъ собою вторыя субстанціи Аристотеля, остается совершенно загадочнымъ: представляютъ ли онѣ собою одни логическія понятія — Аристотель иногда называетъ ихъ „нѣкотораго рода качественными субстанціями", или же это—реальныя формирующія силы

1) Categ. II, 2; III, 4.
2) Categ. V, 11, et 12.
3) Categ. II, 2; III, 4; V, 10—17.
4) Categ. V, 12.

(на подобіе идей Платона). Не даромъ философы объ этомъ спорили почти тысячу лѣтъ.

9) Въ категоріяхъ Аристотеля вообще еще не разграничены разныя точки зрѣнія на значеніе категорій: у него смѣшаны точки зрѣнія: метафизическая, логическая и даже грамматическая. Его категорія „отношенія" заключаетъ въ себѣ и чисто-субъективныя отношенія, напр.: αἴσθησις (=чувственное воспріятіе), ἐπιστήμη (наука). Таковыя примѣнимы только по отношенію къ познающимъ [1]). Между тѣмъ Аристотель въ своихъ категоріяхъ имѣлъ въ виду представить τὰ γένη τοῦ ὄντος, т. е. реально существующее внѣ познающаго.

10) Такъ какъ категоріи Аристотеля, кромѣ первой, представляютъ собою самыя общія понятія, то Аристотель не могъ и не пытается дать ихъ логическое опредѣленіе per genus et differentiam specificam: но его „первая субстанція" допускаетъ такое опредѣленіе, и Аристотель дѣлаетъ подобныя попытки, которыя, какъ мы видѣли, не вполнѣ удачны.

§ 12. Историческое значеніе категорій Аристотеля.

Несмотря на всѣ перечисленные выше недостатки Аристотелевой классификаціи высшихъ понятій, т. е. категорій, его дѣло представляетъ собою великій подвигъ въ области мысли. Должно помнить, что до Аристотеля еще не существовало ни логики, ни грамматики, ни даже психологіи; и то, что теперь извѣстно нашимъ гимназистамъ, не было извѣстно Платону и Аристотелю. Аристотель впервые формулируетъ, что́ такое сужденіе, и какія его существенныя части. Отъ этого онъ исходитъ и въ своемъ разграниченіи между первой и остальными категоріями. Но раздѣленіе послѣднихъ девяти категорій отнюдь не было получено отъ разсмотрѣнія зависимости въ предложеніи словъ другъ отъ друга [2]). Самъ Аристотель недвусмысленно говоритъ въ на-

[1]) *Aristoteles.* Categ. (V), VII.

[2]) Тренделенбургъ считаетъ „вѣроятнымъ" такое предположеніе. (*Trendelenburg*, Gesch. d. kategorienlehre, Berlin 1846, S. 180. Ср.: также стр. 13—58 и другія мѣста §§ 10—19). Но его мнѣніе ошибочно, такъ

чалѣ своего трактата, что онъ беретъ слова внѣ ихъ связи въ предложеніи (κατὰ μηδεμίαν συμπλοκήν). По всему вѣроятію, онъ поступалъ при этомъ разграниченіи различныхъ категорій чисто эмпирически, раздѣляя различное и обобщая сходное.

Своими категоріями Аристотель пользуется во многихъ изъ своихъ сочиненій, больше всего въ своей физикѣ и метафизикѣ. Этимъ категоріямъ было суждено сыграть важную роль не только въ логикѣ, но и въ грамматикѣ: въ теченіе восемнадцати вѣковъ не могли философы ничего лучшаго поставить на мѣсто Аристотелевыхъ категорій.

Въ грамматикѣ относительно частей рѣчи и по сей день еще витаетъ духъ Аристотелевыхъ категорій, неправильно примѣненныхъ къ европейскимъ языкамъ. Дѣло въ томъ, что Аристотель имѣлъ въ виду установить высшіе классы (γένη) понятій по ихъ примѣненію къ дѣйствительности (τῶν ὄντων); а Александрійскіе грамматики ихъ примѣнили къ разрядамъ словъ греческаго языка, какими они оказываются въ связной рѣчи, т. е. въ предложеніи. Самъ Аристотель отличалъ только три части рѣчи: ὄνομα (подлежащее), ῥῆμα (сказуемое) и ἄρθρον или σύνδεσμος (частицы или связки).

Только Александрійскіе грамматики провели болѣе подробное раздѣленіе частей рѣчи, близкое къ современному. Уже Аристархъ отличалъ слѣдующія восемь частей рѣчи: 1) ὄνομα (=имя, подъ которымъ подразумѣвалось имя сущ. и имя прилаг. съ числит.); 2) ῥῆμα (=глаголъ съ личными окончаніями, и неопр. накл.); 3) μετοχή (=причастіе, которое причастно и къ имени, и къ глаголу); 4) ἀντωνυμία (=мѣстоименіе, къ которому причислялись личныя и указательныя мѣстоименія; неопредѣл. и вопросительныя относились къ „имени"); 5) ἄρθρον (=членъ, къ которому причислялось и относительное мѣстоименіе); 6) ἐπίρρημα (=нарѣчіе, къ которому причислялись и междометія, выдѣленныя въ особую часть только римлянами); 7) πρόθεσις (=предлогъ); 8) σύνδεσμος (=союзъ).

какъ и Аристотель, и послѣ него александрійскіе грамматики не отличали именъ прилаг. и числит. отъ именъ сущ. См.: *Steinthal*, Ges. kl. Schriften, Berlin 1880, S. 368.

Если этотъ перечень частей рѣчи сравнить съ категоріями Аристотеля, то нетрудно замѣтить большое сходство между ними, а именно: 1) ὄνομα (имя) соотвѣтствуетъ категоріямъ: οὐσία, ποιόν и ποσόν. Впослѣдствіи имена были подраздѣлены соотвѣтственно этимъ тремъ категоріямъ: а) на имена с у щ. (какъ названія п р е д м е т о в ъ), б) имена п р и л а г. (какъ названія к а ч е с т в ъ), в) имена ч и с л., указывающія число и к о л и ч е с т в о (именованными числами)[1]. 2) Глаголъ и 3) причастіе соотвѣтствуютъ четыремъ послѣднимъ категоріямъ (ποιεῖν и πάσχειν, ἔχειν и κεῖσθαι).

Изъ нихъ три категоріи обозначаются залогами и видами греч. глагола, а четвертая не зависитъ отъ флексіи, а отъ самаго значенія темы. 6-я, 7-я, 8-я части рѣчи соотвѣтствуютъ категоріямъ 5-й, (ποῦ), 6-й (ποτέ) и отчасти 4-й (πρός τι). Только 4-я и 5-я части рѣчи (мѣстоименіе и членъ) не имѣютъ полнаго соотвѣтствія категоріямъ. Не трудно убѣдиться, что личныя (а равно и притяжательныя) мѣстоименія опосредствованно обозначаютъ живыя существа, т. е. первыя субстанціи; указательныя же мѣстоименія сами по себѣ не имѣютъ опредѣленнаго значенія, а служатъ для указанія на субстанцію, слѣдовательно обозначаютъ нѣкоторое о т н о ш е н і е къ ней. То же можно сказать и о членѣ, который есть частный случай мѣстоименія.

Такимъ образомъ только членъ, а также указательныя и относительныя мѣстоименія не обнимаютъ опредѣленной цѣлой категоріи Аристотеля, хотя могутъ быть включены въ 4-ю категорію,—„отношенія“.

Такое близкое соотвѣтствіе частей рѣчи у александрійскихъ грамматиковъ—категоріямъ Аристотеля дѣлаетъ вѣроятнымъ предположеніе, что Аристотель былъ принятъ грамматиками за руководителя. Это предположеніе становится еще вѣроятнѣе, если мы примемъ во вниманіе, что

[1]) Соединеніе этихъ трехъ категорій въ одну тоже находитъ свою мотивировку у Аристотеля. Въ его Топикѣ при перечисленіи категорій, вмѣсто первой οὐσία приводится болѣе общее названіе τί ἐστιν, которое можетъ обнимать и категорію οὐσία, и категоріи количества и качества; это бываетъ тогда, когда субъектъ и предикатъ принадлежатъ къ тому же роду. (*Arist.* Topica, I, 9, p. 103, 6, 20).

въ александрійской библіотекѣ имѣлись почти всѣ сочиненія Аристотеля [1]).

Если классификація Аристотеля имѣетъ свои недостатки, то значительно больше имѣется таковыхъ въ грамматическихъ категоріяхъ, называемыхъ частями рѣчи. Этому вопросу я посвящаю слѣдующую главу.

[1]) Къ тому же извѣстный александрійскій ученый *Гермиппъ*, жившій въ третьемъ вѣкѣ до Р. Хр., принадлежалъ къ перипатетической школѣ. На его біографію Аристотеля, а равно на его списокъ книгъ Θеофраста, ученика и преемника Аристотеля, ссылается *Діогенъ* изъ *Лаэрты*. Невозможно допустить, чтобы александрійскій перипатетикъ и біографъ Аристотеля не содѣйствовалъ распространенію его ученія. Ср.: *Zeller*, Philos. d. Griechen, 3 Aufl. II. Th. II Abt ·S. 53. Поэтому невѣроятно, чтобы александрійскіе грамматики не были знакомы хоть съ однимъ изъ сочиненій Аристотеля, въ которыхъ неоднократно приводится перечень категорій; а таковой имѣется не только въ трактатѣ о категоріяхъ, но и въ Топикѣ, и въ метафизикѣ, и въ физикѣ Аристотеля.

V гл. ГРАММАТИЧЕСКІЯ КАТЕГОРІИ.

§ 1. Части рѣчи послѣ александрійскихъ грамматиковъ.

Въ предыдущей главѣ мы разсмотрѣли способъ возникновенія понятій и ихъ познавательную цѣнность. При этомъ мы сдѣлали разграниченіе между понятіями фактическими и идеальными. Первыя, какъ мы видѣли, представляютъ собою запасы объективнаго знанія; послѣднія—по преимуществу орудія мысли. Затѣмъ мы разсмотрѣли познавательную цѣнность общихъ и индивидуальныхъ понятій. Послѣднія мы, вопреки Зигварту, признали необходимыми не только для многихъ описательныхъ наукъ, для искусствъ и практической дѣятельности, но и для индуктивной логики. Наконецъ, мы разсмотрѣли сравнительную цѣнность формальныхъ понятій, включая въ нихъ и высшія понятія, названныя Аристотелемъ категоріями. При этомъ мы отмѣтили историческое значеніе Аристотелевыхъ категорій и перенесеніе ихъ александрійскими грамматиками въ область грамматики, подъ названіемъ „частей рѣчи".

Дѣленіе всѣхъ словъ на восемь частей рѣчи, сдѣланное еще *Аристархомъ*, съ незначительными измѣненіями сохранилось по сей день [1]). Къ этимъ восьми частямъ рѣчи римлянами была прибавлена еще одна, а именно междометія, которыя были выдѣлены изъ нарѣчій въ особую часть рѣчи. Затѣмъ „имена" были раздѣлены: на имена су-

[1]) *Аристархъ Самоѳракійскій*—первый по времени и по своей критико-литературной дѣятельности между александрійскими грамматиками; онъ жилъ въ первой половинѣ второго вѣка до Р. Хр. въ Александріи, какъ учитель царскаго принципа и настоятель александрійской библіотеки.

committed щеcтв., прилаг. и числительныя; изъ категоріи ἄρθρον членъ, какъ не существующій въ латинскомъ, былъ опущенъ, а относительное мѣстоименіе было отнесено къ категоріи мѣстоименій. Категорія μετοχή (причастіе) теперь отнесена къ глаголу (ῥῆμα), какъ особая его форма [1]). Такимъ образомъ получилась современная таблица частей рѣчи, которая принята и въ русскомъ языкѣ. Противъ правильности дѣленія и опредѣленія этихъ частей рѣчи выдающіеся языковѣды возражали еще въ срединѣ прошлаго вѣка. Еще *Штейнталь* указалъ на необходимость разграниченія между грамматикой, логикой и психологіей [2]). По нашему вопросу онъ еще въ первомъ своемъ сочиненіи сказалъ, полемизируя съ Беккеромъ: „Невозможно найти всѣ части рѣчи посредствомъ чисто логическаго расчлененія сужденія, и Аристотель этого не сдѣлалъ. И если хоть одна часть рѣчи остается неопредѣлимой со стороны логики, то это уже доказываетъ, что ни одна изъ нихъ не должна и не можетъ быть опредѣлена съ логической точки зрѣнія“ [3]). Еще раньше *К. В. Л. Гейзе* сдѣлалъ цѣнныя указанія относительно значенія частей рѣчи (глагола и имени прилаг.) и необходимости выводить части рѣчи „изъ природы и сущности предложенія“ [4]). Въ томъ же духѣ и *Герм. Пауль* разбираетъ значеніе частей рѣчи, приводя множество противорѣчій обычнымъ ихъ опредѣленіямъ. Но онъ ограничивается лишь конкретными указаніями противорѣчій и измѣнчивости частей рѣчи, въ зависимости отъ положенія слова въ предложеніи и отъ текучести живого языка; новыхъ опредѣленій частей рѣчи у него не имѣется [5]). Наши русскіе языковѣды Востоковъ, Буслаевъ и даже А. Потебня въ нашемъ вопросѣ не пошли дальше нѣмецкихъ. Востоковъ сдѣлалъ одно усовершенствованіе, что упразднилъ имя числительное, какъ особую часть

[1]) *Steinthal,* Ges. kl. Schriften, Berlin 1880, L. 363—382.

[2]) *Steinthal,* Gram Logik и Psychol... Berlin, 1855. §§ 39—46.

[3]) Тамъ же, § 80, стр. 214 и 215.

[4]) *K. W. L. Heyse,* System d. Sprachwiss. herausgegeben von Steinthal, Berlin, 1856, § 185, S. 390.

[5]) *Hermann Paul,* Principien d. Sprachgeschichte, Halle 1880, S. 200—229. „Ich fühle sehr wol, dass ich in diesem Capitel nur dürftige Andeutungen geben konnte; dennoch werden sie genügen um die Unzulänglichkeit и Relativität der gewöhnlich angenommenen Unterscheidungen klar hervortreten zu lassen“ (op. cit. 229).

рѣчи: онъ причисляетъ имена числительныя къ имени прилагательному; но мы увидимъ, что это причисленіе примѣнимо не ко всѣмъ именамъ числительнымъ. Опредѣленія же частей рѣчи у Востокова менѣе удовлетворительны, чѣмъ у К. В. Л. Гейзе, котораго онъ пережилъ на десять лѣтъ. *А. Потебня* пополнилъ воззрѣнія нѣмецкихъ языковѣдовъ новыми фактами изъ русскаго и славянскихъ нарѣчій, усвоилъ себѣ взгляды Штейнталя и Пауля; но въ вопросѣ объ опредѣленіи и раздѣленіи частей рѣчи ничего новаго не даетъ. И у *Ф. Фортунатова* я нашелъ только рѣшительныя заявленія о „крупныхъ ошибкахъ въ школьныхъ учебникахъ грамматики, и о необходимости реформировать ее". Относительно частей рѣчи Фортунатовъ говоритъ слѣдующее: „Школьная грамматика настоящаго времени получила въ наслѣдство отъ старыхъ временъ, когда еще не существовало научное языковѣдѣніе, постоянное смѣшеніе грамматическихъ классовъ словъ съ классами того, что обозначается или выражается словами. На такомъ смѣшеніи основаны тѣ опредѣленія, какія даются въ школьной грамматикѣ отдѣльнымъ частямъ рѣчи" [1]). Соглашаясь вполнѣ съ почтеннымъ академикомъ, я долженъ замѣтить, что упомянутымъ недостаткомъ относительно опредѣленія частей рѣчи страдаютъ не только школьные учебники, но и спеціальныя ученыя сочиненія нашихъ современныхъ языковѣдовъ" [2]).

Этотъ фактъ, повидимому, указываетъ на необходимость притти на помощь языковѣдамъ со стороны философіи, которой никогда не чуждались видные языковѣды. Правда, ихъ иногда сбивала съ толку ложная философская теорія, противорѣчащая фактамъ. Но во избѣжаніе подобныхъ заблужденій, мы будемъ исходить отъ конкретныхъ фактовъ самого языка. Эти факты, какъ мы увидимъ, подтверждаютъ добытые нами результаты нашей гносеологіи относительно су-

[1]) *Труды перваго съѣзда преподавателей* русскаго языка въ военно-учебныхъ заведеніяхъ, Спб. 1904 г., Лекція академика Ф. Ф. *Фортунатова,* стр. 338. (Маркировка—моя).

[2]) Такія же невѣрныя опредѣленія встрѣчаются въ ученныхъ сочиненіяхъ *Поржезинскаго, Овсянико-Куликовскаго* и даже *А. И. Томсона,* вышедшія за послѣднія пять лѣтъ. На нихъ мы неоднократно будемъ ссылаться въ настоящей главѣ.

жденія, его терминовъ и осложненія познавательныхъ процессовъ. Слѣдовательно и въ языкѣ мы найдемъ новую обширную область человѣческаго духа, которая *подтверждаетъ единство законовъ познанія и мышленія* у людей разныхъ народовъ, странъ и временъ. Различія существуютъ лишь въ грамматикахъ и лексиконахъ.

§ 2. Объемъ и методъ настоящаго изслѣдованія.

Я не имѣю въ виду разработать всѣ грамматическія категоріи, а ограничусь только вопросомъ о частяхъ рѣчи въ русскомъ языкѣ. При этомъ я ограничусь раздѣленіемъ словъ на части рѣчи и опредѣленіемъ послѣднихъ. Въ своемъ изслѣдованіи я не намѣренъ касаться исторіи языка и прослѣдить, какъ эти части рѣчи постепенно возникали. Правда, подобная задача отчасти исполнима въ отношеніи языка, имѣющаго многовѣковую письменную литературу. Но каковъ былъ этотъ языкъ до появленія первыхъ письменныхъ памятниковъ, о томъ могутъ быть только гаданія. Поэтому генезисъ диференціаціи словъ въ языкѣ не можетъ быть прослѣженъ до первой стадіи языка. Что же касается языка дѣтей, то точныхъ данныхъ въ этомъ отношеніи пока мы не имѣемъ въ *достаточнымъ* количествѣ. Впрочемъ, языкъ дитяти представляется намъ наполовину, если не больше, копіей языка взрослыхъ, притомъ довольно несовершенной. А эта копія и ея несовершенство зависитъ отъ многихъ случайныхъ обстоятельствъ, которыя недостаточно принимаются во вниманіе наблюдателями, записывавшими свои наблюденія. Эти недостатки со временемъ будутъ устранены, и изученіе дѣтскаго языка прольетъ много свѣта на нѣкоторыя, до сихъ поръ темныя, стороны развитія языка,—этого первѣйшаго и характернаго творчества человѣческаго духа.

Я буду разсматривать только современный живой русскій языкъ, какимъ онъ представляется въ словесной рѣчи и въ литературныхъ памятникахъ послѣдняго времени. Тѣмъ не менѣе все добытое нами будетъ примѣнимо ко всѣмъ европейскимъ языкамъ въ томъ, въ чемъ русскій языкъ съ ними сходенъ. Относительно частей рѣчи русскій языкъ

имѣетъ мало отличій отъ остальныхъ. Таковыми можно считать: 1) отсутствіе члена, 2) наличность нѣсколькихъ глагольныхъ корней, не имѣющихъ спряженія, но употребляемыхъ, какъ глаголы, 3) наличность дѣепричастія, 4) двоякая роль количественныхъ именъ числительныхъ.

Методъ изслѣдованія будетъ обычный,—сравнительно аналитическій. Сравнивая сходныя и несходныя явленія, мы послѣднія будемъ отбрасывать, какъ несущественныя; а сходныя будемъ обобщать. Но сверхъ того, мы воспользуемся и добытыми раньше данными относительно природы сужденія (и предложенія) и относительно способа осложненія нашего мышленія въ предложеніяхъ.

Измѣнить взглядъ грамматическаго предложенія въ смыслѣ логическаго сужденія я считаю и неудобоисполнимымъ, и не всегда соотвѣтствующимъ цѣли грамматики [1]. Таковая должна быть въ общемъ формальной: она должна разсматривать готовую форму мысли, безъ ея отношенія къ психическимъ процессамъ, предшествовавшимъ самому выраженію мысли. Поэтому грамматика должна заниматься особенностями даннаго языка или родственныхъ языковъ, т. е. ихъ индивидуальной стороной, а не психологическими законами [2].

Въ разговорной рѣчи грамматическая точка зрѣнія, правда, не всегда примѣнима. Живая рѣчь носитъ на себѣ печать непосредственнаго рожденія мыслей и часто вполнѣ обнаруживаетъ психическій генезисъ мысли,—со всѣми сокращеніями и недомолвками, которыя представляютъ собой характерную сторону нашего мышленія и его символизаціи (См. выше гл. I, §§ 15 и 16; II гл. §§ 2—11). Возьмемъ примѣръ

[1]) Ср. *Фортунатовъ*, о преподаваніи грамматики русскаго языка въ средней школѣ, въ цитируемомъ сочиненіи „Труды перваго съѣзда" СПБ. 1904, стр. 390—400.

[2]) Я даже думаю, что слишкомъ большое обобщеніе грамматики на большую группу языковъ, удаляетъ ее отъ ея прямой задачи, сближая ее съ психологіей. Мнѣ кажется даже, что общее языковѣдѣніе въ концѣ концовъ будетъ окончательно поглощено психологіей, въ которой факты сравнительнаго языковѣдѣнія будутъ служить только подтвержденіемъ общихъ законовъ психической дѣятельности, а именно въ направленіи формированія мысли и выраженія ея словами и грамматическими формами.

— Откуда?
„Изъ Москвы.
— Куда?
„Въ Кіевъ.
— Давно изъ дому?
„Больше недѣли.
— А что Митрычъ?
„Ничего! Говѣетъ.
— А я—домой. До свиданія! Уже второй звонокъ.
„До свиданія! На шестой вернусь.

Попробуйте подобный разговоръ втиснуть въ существующія правила и опредѣленія грамматики!

§ 3. Современныя толкованія имени существительнаго.

Какъ мы видѣли, языковѣды уже больше полувѣка сознаютъ неудовлетворительность раздѣленія словъ на части рѣчи и ихъ опредѣленій, даваемыхъ традиціонной грамматикой. Всѣ сознаютъ необходимость для грамматики стать на формальную точку зрѣнія и опредѣлять части рѣчи не по содержанію каждаго отдѣльнаго слова (вѣрнѣе, его корня или темы), а по той роли, какую слово играетъ въ предложеніи. Тѣмъ не менѣе и въ послѣднихъ ученыхъ трудахъ по языковѣдѣнію не имѣется удовлетворительныхъ опредѣленій и разграниченія частей рѣчи. Въ чемъ, напр., состоитъ отличіе имени сущ. отъ остальныхъ именъ и глагола, мы все еще не знаемъ. Въ этомъ мы не подвинулись замѣтно впередъ, даже по сравненію съ *Востоковымъ*, который опредѣляетъ имя существительное, какъ „названіе всякаго предмета видимаго, или въ умѣ представляемаго". Послѣдніе предметы имъ дѣлятся на два разряда: „а) духовные, напр. Богъ, Ангелъ, Духъ; б) отвлечённые. Такъ называются, поясняетъ *Востоковъ*, качества и дѣйствія предметовъ видимыхъ и духовныхъ, представленныя какъ бы отдѣльно отъ сихъ предметовъ существующими, напр.: движеніе, молчаніе, сила, слабость, добро, зло[1]).

[1]) *Востоковъ*, Русская грамматика, издан. 12. СПБ. 1874, § 17, стран. 6 и 7.

Θ. Буслаевъ въ своихъ грамматикахъ не даетъ настоя щихъ опредѣленій частей рѣчи [1]). Только во II ч. своей Историч. грамматики онъ поясняетъ „значеніе частей рѣчи"; но въ этихъ поясненіяхъ перекрещиваются двѣ точки зрѣ нія,—1) старая точка зрѣнія Аристотелевскихъ категорій и 2) формально-грамматическая; а это часто ведетъ къ проти ворѣчіямъ. Такъ напр., „*Существительное* не только выра жаетъ **предметъ**, самъ по себѣ, но и ставитъ его въ из вѣстное **отношеніе** къ глаголу, означая падежомъ, или подлежащее, или дополненіе, или обстоятельство, или опре дѣленіе. *Прилагательное* означаетъ **свойство** не отвле ченно, а въ отношеніи къ предмету, опредѣляя его и со гласуясь съ его названіемъ въ родѣ, числѣ и падежѣ.. Относительно согласованія **именуются** (sic!) *прилагатель ными*" „большая часть мѣстоименій, числительныя поряд ковыя, а изъ количественныхъ—*одинъ, два, оба* и причастія" „*Глаголъ* означаетъ **дѣйствіе** не отвлеченно, а въ извѣ стное время... Названія отвлеченныхъ свойствъ и дѣйстві суть существительныя, а не прилагательныя и не глаголь каковы напр. *бѣлизна, доброта, любовь, хожденіе* и проч. Сюд же принадлежитъ и неокончательное наклоненіе, какъ су ществительное отглагольное, напр.: *любить, ходить* и проч." Такъ объясняетъ Буслаевъ значеніе „знаменательныхъ" ча стей рѣчи [2]).

Не лучше даются опредѣленія имени сущ. и тепер черезъ полъ вѣка послѣ Востокова и Буслаева. Такъ напр *А. И. Томсонъ*, въ послѣднемъ своемъ ученомъ трудѣ гово ритъ: „Слова, обозначающія вещи (предметы) называютс существительными" [3])—„Отвлеченные предметы" Востоков Томсономъ объясняются нѣсколько иначе, а именно сл дующими словами: „И названія дѣйствія или состоянія (гл голы) или качества (прилагательныя) въ свою очередь **встав въ предложеніи на мѣсто названія предмет** (существительнаго) въ роли подлежащаго, дополненія и п выработались и по формѣ въ **производныя** такъ наз

[1]) См. *Θ. Буслаевъ*, Учебникъ русск. грам., изд. 5, М. 1878 г.

[2]) См. *Буслаевъ*. Истор. грам. русск. яз. [изд. 2, ч. II, М. 1863 § 158, стр. 79.

[3]) *А. И. Томсонъ*, Общее языковѣдѣніе, 2 изд. Одесса, 1910 стран. 320.

ваемыя отвлеченныя существительныя, обозначающія дѣйствіе и качество, какъ нѣчто предметное, при чемъ глаголъ долженъ былъ потерять признаки сказуемости (время, наклоненіе, лицо): *ношеніе, преданіе, сбереженіе, добро, доброта, ширина, красота, бѣлизна*[1]). Въ формулировкѣ Томсона 1) включены въ число отвлеченныхъ именъ сущ. еще и „названія состоянія", 2) отмѣчено не совсѣмъ вѣрно, что они — „производныя слова", между тѣмъ въ ихъ числѣ есть и непроизводныя; 3) дано объясненіе, что эти „отвлеченныя сущ. встали въ предложеніи на мѣсто названія предмета"; (значеніе его неясно). 4) Также неясно объясненіе, что они „обозначаютъ дѣйствіе и качество, какъ нѣчто предметное".

Подобное же объясненіе было дано раньше *В. А. Богородицкимъ*, но оно формулировано лучше, а именно: „Такія существительныя (подраз. „ходьба, чтеніе") обозначаютъ лишь представленіе дѣйствія, благодаря имъ мы мыслимъ дѣйствіе, какъ нѣчто самостоятельное, какъ бытіе; благодаря имъ дѣйствіе какъ бы опредмечивается"[2]). Но и это объясненіе нельзя признать вполнѣ удовлетворительнымъ. 1) Допустимъ даже, что признакъ „самостоятельности" отглагольнаго сущ. существенный; но спрашивается, въ чемъ состоитъ эта „самостоятельность" и „опредмечиваніе". На это не имѣется никакихъ указаній ни у Богородицкаго, ни у другихъ языковѣдовъ. Я думаю, что этотъ признакъ вовсе не зависитъ отъ содержанія слова, т. е. отъ того, обозначается ли отвлеченнымъ существительнымъ дѣйствіе, состояніе или нѣчто иное. Тотъ же признакъ „самостоятельности" можетъ быть отмѣченъ и въ именахъ существительныхъ, образованныхъ отъ именъ прилагательныхъ и числительныхъ, напр.: краснота, доброта, твердость, множество, пятокъ, десятокъ, дюжина, сотня. Въ чемъ тутъ проявляется „самостоятельность" понятія или мышленія, когда мы употребляемъ эти отвлеченныя имена сущ.? Въ чемъ состоитъ ихъ „опредмечиваніе"?

[1]) Тамъ же стран. 324 (курсивъ мой). Примѣръ „добро" врядъ ли подходитъ подъ „производныя"; равнымъ образомъ примѣры Востокова „сила" и „зло".

[2]) *В. А. Богородицкій*, Очерки по языковѣд. и рус. яз. Казань. 1909 г., стран. 295 и 296. (Маркировки мои).

Поржезинскій избѣгаетъ традиціонныхъ опредѣленій, но не даетъ и новыхъ. Мимоходомъ онъ предлагаетъ новое дѣленіе словъ на неграмматическое и грамматическое, которое не доводитъ до конца и котораго самъ не придерживается. Впрочемъ, это дѣленіе, какъ мы увидимъ, по логичности уступаетъ даже Аристотелевскому [1]).

§ 4. Новѣйшія опредѣленія имени существительнаго.

Подробнѣе занимается нашимъ вопросомъ *Овсянико-Куликовскій* въ своемъ синтаксисѣ русскаго языка, въ которомъ даетъ такое опредѣленіе: „Имя сущ. есть часть рѣчи или форма мысли, служащая для обозначенія предмета (вещи, существа), какъ совокупности признаковъ, при чемъ эти признаки могутъ быть или разнородные, или однородные, могутъ въ дѣйствительности составлять особые предметы или не составлять ихъ, а быть только принадлежностью другихъ предметовъ, наконецъ могутъ совсѣмъ не существовать въ дѣйствительности, ни какъ вещи, или существа, ни какъ признаки (напр. вѣдьма, русалка, домовой)". (Конецъ абзаца. Все это опредѣленіе маркировано авторомъ) [2]). По этому опредѣленію отвлеченное имя сущ. обозначаетъ „предметъ", которому въ дѣйствительности можетъ соотвѣтствовать признакъ (другихъ предметовъ) или даже ничто не соотвѣтствуетъ. Слѣдовательно въ этомъ опредѣленіи признаки дѣйствительности, напр., бѣлизна твердость, доброта, движеніе, молчаніе и т. под. названы „предметомъ", т. е. все объясненіе сводится къ расширенію объема понятія „предметъ" и на качества, и на дѣйствія, и на состоянія.

Въ томъ же смыслѣ, но еще болѣе рѣшительно Овсянико-Куликовскій высказывается въ послѣднемъ изданіи своего синтаксиса, а именно: „Работа мысли, состоящая въ томъ, что представленія и понятія, каковы бы они ни были

1) См. *Поржезинскій,* Введеніе въ языковѣдѣніе, 2 изд. М. 1910 и стран. 123 и 124.

2) См. *Овсянико-Куликовскій,* Синт. русскаго языка СПБ. (годъ отсутствуетъ), стр. 42.

подводятся подъ категорію предмета, а вмѣстѣ—въ томъ, что это подведеніе выражается въ словѣ, есть то, что принято называть именемъ существительнымъ“ [1]). Вслѣдъ за этимъ опредѣленіемъ дается раздѣленіе именъ сущ. на слѣдующіе разряды: „1. Существительныя знаменательныя, обозначающія представленія опредѣленныхъ предметовъ. Они, въ свою очередь, подраздѣляются на: а) Подлинно-существительныя... б) Фиктивныя существительныя, это тѣ, въ которыхъ нѣтъ соотвѣтствія между категоріею предмета и природою выражаемыхъ ими представленій или понятій. Сюда относятся и тѣ, которыя называются отвлеченными“ [2]).

Я охотно вѣрю автору приведеннаго опредѣленія имени сущ., что онъ имена сущ. „подводитъ подъ категорію предмета“, иногда „фиктивнаго“: то же дѣлали и до него Востоковъ и другіе. Но всѣ языковѣды дѣлаютъ это „подведеніе“ только тогда, когда ихъ вниманіе обращено на грамматику. То же дѣлаютъ, вѣроятно, и всѣ изучавшіе школьную грамматику. Что до меня касается, то я имена сущ. „бѣлизна, твердость, хожденіе“ и т. п. никогда не представляю себѣ какъ „предметъ“, ни даже какъ „фиктивный предметъ“: То же вѣрно и о милліонахъ неграмотныхъ. Кто не изучалъ школьной грамматики, кто никогда не употребляетъ и даже не знаетъ словъ „фикція“ и „фиктивный“, кто не имѣетъ понятія „предметъ“: тотъ навѣрно не подво-

[1]) См.: Проф. *Д. Н. Овсянико-Куликовскій.* Руководство къ изученію синтаксиса рус. яз. изд. 3, М. 1912, стр. 14.

[2]) Его же Руковод. стран. 14 и 15. Приведенному выше опредѣленію Овсянико-Куликовскій предпосылаетъ философское разсужденіе: „Когда я говорю или думаю: домъ, дерево, человѣкъ... тогда я безсознательно и моментально подвожу представленіе или понятіе дома, дерева и т. д. подъ категорію предмета... Далѣе говоря: бѣлизна... высота... желаніе... хожденіе... *борьба... отъѣздъ... и т. д.* я хорошо знаю, что это не предметы, а нѣчто другое (качества, признаки, дѣйствія, состоянія), но, не смущаясь этимъ, подвожу ихъ все, подъ ту же категорію предмета, только, разумѣется, смотрю на эти „предметы“, какъ на ненастоящіе, какъ на фиктивные, т. е. какъ на нѣчто такое, что, *не будучи предметомъ,* однако представлено въ словѣ такъ, какъ будто бы оно предметъ“ (стр. 12). „Полезность фикцій оправдываетъ ихъ, и мы съ успѣхомъ пользуемся ими на каждомъ шагу въ практикѣ нашей рѣчи-мысли“. (Конецъ абзаца 13 стр.).

дитъ подъ эту категорію ни бѣлизну, ни хожденіе, ни отъѣздъ, хотя и употребляетъ ихъ въ своей рѣчи. А подобныхъ неграмотныхъ людей наберется въ Россіи до ста милліоновъ. Впрочемъ, и относ. философовъ я могу указать на несомнѣнный историческій примѣръ. Аристотель, какъ мы видѣли (въ § 12 гл. IV) не отличалъ именъ сущ отъ именъ прилаг. и другихъ именъ: слѣдовательно и не могъ подводить именъ сущ. подъ категорію „предмета", хотя ихъ употребляетъ, какъ и всѣ греки. Правда, нѣкоторые примѣры именъ онъ подводитъ подъ метафизическую категорію субстанціи (οὐσία), но и это онъ дѣлаетъ только въ нѣсколькихъ мѣстахъ нѣкоторыхъ изъ своихъ сочиненій (См. § 10 гл. IV).

Итакъ объясненіе Овсянико-Куликовскаго, будто имя сущ. состоитъ въ „подведеніи представленія и понятія подъ категорію предмета", не можетъ быть обобщено на всѣхъ, употребляющихъ въ рѣчи и мышленіи имена сущ.[1]),

Кирпичниковъ тоже даетъ формальное, и притомъ чисто грамматическое, опредѣленіе имени сущ., а именно: „Имя существительное есть часть рѣчи, измѣняемая въ окончаніяхъ по падежамъ и числамъ" [2]). Что это опредѣленіе не вѣрно, легко можно убѣдиться изъ слѣдующаго. По этому опредѣленію singularia и pluralia tantum окажутся не существительными, напр.: мѣдь, золото, храбрость; сани, ворота, щипцы. Зато окажутся существительными мѣстоименія личныя, которыя Кирпичниковымъ отнесены въ особую часть рѣчи, т. е. къ мѣстоименіямъ; существительными окажутся и числительныя количественныя отъ трехъ до ста включительно, которыя отнесены Кирпичниковымъ въ особую часть рѣчи, а именно—именъ числительныхъ. Наконецъ, если бы суть имени сущ. состояла въ его „склоняемости, по падежамъ и числамъ", то никто не могъ бы понять, что такое имя сущ., не имѣя понятія о грамматическихъ падежахъ и

[1]) Въ концѣ настоящей главы мы убѣдимся, что удовлетворительное опредѣленіе имени сущ. возможно и безъ привлеченія къ нему „фиктивныхъ предметовъ"; оно возможно даже въ очень краткой и опредѣленной формулировкѣ.

[2]) *А. Кирпичниковъ* и *Ѳ. Гиляровъ*, Этимологія рус. яз. 44 изд. М. 1911 г., § 9, стр. 11. Въ цитированномъ опредѣленіи имени сущ., вѣроятно, подразумѣвается слово „только" передъ словами „по падежамъ и числамъ".

числахъ. Однако, и по усвоеніи этихъ грамматич. понятій, суть имени сущ. не выяснится, такъ какъ падежи и числа существуютъ и у другихъ именъ: прилаг. числит. мѣстоим., причастій. Впрочемъ, въ лат. языкѣ есть и *несклоняемыя имена сущ.* каковы fas, nefas, instar. Наконецъ, имена сущ. употребляются правильно и неграмотными людьми, не слышавшими ничего о грамматическихъ падежахъ.

§ 5. Обозначеніе качествъ.

Въ предыдущихъ параграфахъ мы убѣдились, что до сихъ поръ еще не дано удовлетворительнаго опредѣленія имени сущ. И формальное грамматическое опредѣленіе Кирпичникова, какъ мы видѣли, не вѣрно. Признакъ склоняемости именъ сущ. „по падежамъ и числамъ" не существенный: склоненіе, т. е. измѣненіе флексій обусловлено различнымъ положеніемъ того же слова въ предложеніи. Флексіи склоненій указываютъ на различныя отношенія склоняемаго къ другимъ словамъ предложенія; во многихъ европейскихъ языкахъ онѣ могутъ быть замѣнены предлогами, и тѣмъ не менѣе въ нихъ отличаются имена сущ. отъ другихъ именъ. Слѣдовательно самое склоненіе есть явленіе производное, такъ какъ и оно зависитъ отъ различія отношеній даннаго слова къ другимъ словамъ того же простого предложенія. Уже это одно соображеніе должно насъ побудить искать отличія частей рѣчи, и въ частности именъ, въ ихъ роли, какую они играютъ въ предложеніи. Съ другой стороны не должно упускать изъ виду, что въ понятіе „слова" грамматиками вовсе не включаются падежныя флексіи. Такъ напр., слово „рабъ" считается однимъ словомъ, несмотря на то, что оно въ русскомъ языкѣ имѣетъ десять различныхъ падежныхъ флексій. Во французскомъ и англійскомъ эти флексіи, какъ извѣстно, совсѣмъ отсутствуютъ; а въ произношеніи даже обозначеніе множественнаго числа не отмѣчается. Тѣмъ не менѣе и эти языки отличаютъ имя сущ. отъ прилаг. и числительнаго, (Какъ мы увидимъ, это различіе можно установить даже въ китайскомъ, въ которомъ совсѣмъ отсутствуютъ не только флексіи, но даже соотвѣтственныя приставки).

Что отличіе частей рѣчи не заключается въ значеніи словъ (вѣрнѣе—темы или корня), явствуетъ изъ того факта, что отъ того же корня и отъ той же темы могутъ быть образованы различныя части рѣчи. Съ другой стороны, имя сущ. можетъ обозначать не только „предметъ, вещь существо", какъ то думаютъ нѣкоторые языковѣды; именемъ сущ. можетъ обозначаться: и качество, и дѣйствіе, и состояніе, и претерпѣваніе, и перемѣна, и разныя чувства, а сверхъ того, и разныя обстоятельства и отношенія, какъ внѣшняго міра, такъ и субъективныхъ переживаній. Между тѣмъ перечисленныя категоріи грамматиками и языковѣдами приписываются различнымъ частямъ рѣчи. На самомъ дѣлѣ, имя сущ. можетъ обозначать и все то, что обозначаютъ остальныя части рѣчи.

Такъ какъ этотъ фактъ еще недостаточно выясненъ въ школьныхъ грамматикахъ, то мы остановимся на немъ дольше и докажемъ справедливость нашего утвержденія на примѣрахъ. Прежде всего обратимся къ *качествамъ*, обозначаемымъ именами существительными. Таковыя напр.: бѣлизна, краснота, темнота; горечь, теплота, холодъ, тяжесть. Называть „бѣлизну, красноту, темноту, горечь..." предметомъ, хотя бы въ умѣ представляемымъ или „фиктивнымъ" такъ же неправильно, какъ если бы кто-нибудь называлъ предметами, то, что обозначается соотвѣтственными именами прилагательными: бѣлый, красный, темный, горькій. Но этого никто не дѣлаетъ изъ грамматиковъ: послѣднія слова всѣ считаютъ названіями качествъ. Чѣмъ же бѣлизна не качество? Оно такое же качество, какъ и обозначаемое словомъ „бѣлый", только оно выражено болѣе отвлеченно, чѣмъ въ словѣ „бѣлый". Такъ же точно имени прилагательному „красный" соотвѣтствуетъ имя существительное „краснота", которое тоже обозначаетъ качество; то же мы имѣемъ и въ именахъ существительныхъ: темнота, горечь, теплота, холодъ, тяжесть. Всѣ они обозначаютъ качества.

Но тѣ же качества обозначаются и соотвѣтственными глаголами съ тѣми же корнями, а именно: „бѣлѣетъ, краснѣетъ темнѣетъ, горькнетъ; потеплѣло, похолодѣло, отяжелѣлъ". Тѣ же качества мы имѣемъ и въ соотвѣтственныхъ нарѣчіяхъ: „бѣло, красно, темно; горько; тепло, холодно; тяжело". Слѣдовательно, различіе приведенныхъ четырехъ

частей рѣчи нужно искать не въ корняхъ и темахъ (основахъ) словъ, а въ ихъ суффиксахъ и флексіяхъ (окончаніяхъ), которыя имѣютъ свой грамматическій смыслъ [1]). Окончаніе имени прилагательнаго „бѣл*ый*, бѣл*ая*, бѣл*ое*", а равно и другія его флексіи указываютъ на то, что имя прилагательное относится къ опредѣленному существительному, съ которымъ оно согласовано въ родѣ, числѣ и падежѣ. Этимъ доказывается, что имя прилагательное обозначаетъ *конкретное качество* (или признакъ) *опредѣленнаго предмета.* Но подобное же качество можетъ обозначаться и соотвѣтственнымъ глаголомъ.

Окончаніе имени существительнаго „бѣл*изна*" имѣетъ только одинъ родъ и только единственное число; это имя не согласуется съ другимъ именемъ, а его падежъ зависитъ отъ его положенія въ предложеніи, напр., отъ глагола или другого слова, управляющаго этимъ именемъ существительнымъ. Слѣдовательно качество, обозначаемое именемъ существительнымъ „бѣлизна", берется независимо отъ опредѣленнаго предмета [2]). „Бѣлизна" обозначаетъ отвлеченіе отъ всѣхъ бѣлыхъ предметовъ: поэтому подобныя качественныя имена существительныя, какъ и имена вещественныя и многія отвлеченныя имена, не имѣютъ множественнаго числа.

Чѣмъ же отличаются приведенные выше качественные глаголы? Мы ихъ приведемъ въ цѣлыхъ предложеніяхъ, чтобы лучше уяснить себѣ различіе глагола отъ соотвѣтственнаго имени прилагательнаго. Возьмемъ примѣры: 1) бѣлѣ*етъ* парусъ; 2) покрасн*ѣла* щека; 3) пятно ляписа потемн*ѣло*; 4) масло горькн*етъ* отъ солнца; 5) на дворѣ потеплѣ*ло* 6) я отяжел*ѣлъ* въ этомъ году. Во всѣхъ этихъ примѣрахъ, кромѣ пятаго, глагольныя окончанія обозначаютъ

[1]) На это указывалъ еще *Штейнталь, Фр. Максъ Мюллеръ, Пауль, Буслаевъ, Потебня*; а въ послѣднее время: *Фортунатовъ и Богородицкій.* Яковъ *Гротъ* не коснулся этого вопроса даже въ своихъ „Филологич. разысканіяхъ", хотя Далю ставитъ въ укоръ его пренебрежительное отношеніе къ школьной грамматикѣ. (См. *Я. Гротъ.* Филолог. разысканія, 2 изд. СПБ. 1876, стр. 41—45).

[2]) Это сказано объ имени сущ., взятомъ отдѣльно, какъ одно слово. Въ сочетаніи съ другими словами качество „бѣлизна" можетъ быть приписано и опредѣленному предмету, напр.: „бѣлизна этой скатерти гораздо ярче, чѣмъ той".

пріобрѣтеніе *новаго* признака, временнаго, т. е. измѣнчиваго; а пятый примѣръ указываетъ на смѣну двухъ состояній[1]).

Что же касается приведенныхъ качественныхъ нарѣчій: „бѣло, красно, темно; горько, тепло, холодно, тяжело"; то они по формѣ не отличаются отъ именъ прилагательныхъ средняго рода въ именительномъ падежѣ. Они и по смыслу ничѣмъ не отличаются отъ соотвѣтственныхъ именъ прилагательныхъ. Все ихъ отличіе отъ именъ прилагательныхъ сводится къ тому, что послѣднія обозначаютъ качества имени сущ., а нарѣчія—преимущественно качество глагола; поэтому послѣднія и названы adverbia (verbum=глаголъ) соотвѣтственно греческому ἐπίρρημα (ῥῆμα=глаголъ). Однако они могутъ опредѣлять и имена прилагательныя.

Такимъ образомъ качества могутъ быть обозначены не только именами прилаг., но и существительными, глаголами и нарѣчіями.

§ 6. Отношенія, дѣйствія, состоянія.

Приведенными четырьмя частями рѣчи могутъ быть обозначаемы не только качества, но и отношенія, дѣйствія (вѣрнѣе—„дѣйствованіе") и состоянія. Возьмемъ сперва нѣсколько примѣровъ *отношеній*[2]).

Имя прилагат:	*Имя существ*:	*Глаголъ*:	*Нарѣчіе*:
1) Подобный,	подобіе,	уподобился,	подобно;
2) равный,	равенство,	сравнялся,	равно;
3) прошлый,	прошлое (прошедшее),	прошелъ,	въ прошломъ (=прежде);
4) будущій,	будущее,	сбудется,	въ будущемъ;
5) близкій,	близость,	приблизился,	близко;
6) дальній,	даль,	удалился,	далеко;
7) великій,	величіе,	увеличился,	величественно.

[1]) Впрочемъ, новое состояніе можно разсматривать за новое качество воздуха; тогда мы опять будумъ имѣть пріобрѣтеніе новаго качества или признака.

[2]) Слово „отношеніе" я въ этомъ параграфѣ употребляю не въ томъ широкомъ смыслѣ, въ которомъ его употребляютъ новѣйшіе философы *Д. Ст. Милль, А. Бэнъ, Г. Спенсеръ и М. Троицкій,* а въ болѣе узкомъ, примѣняясь къ грамматикамъ, а именно, въ смыслѣ отношеній: сходства, времени, пространства, количества; таковыя въ грамматикахъ называются „обстоятельствами",

Слѣдовательно всѣми четырьмя частями рѣчи съ тѣмъ же корнемъ могутъ быть обозначены и разныя отношенія: сходства, времени, пространства, количества.

То же мы увидимъ и относительно *дѣйствій*, которыя первоначально выражались лишь глаголами.

	Глаголъ:	*Причастіе:*	*Имя прилаг.:*	*Имя существ.:*	*Нарѣчіе* (или дѣепричаст.).
1)	Летаетъ,	летающій,	летучій,	летаніе,	летая;
2)	движетъ,	движущійся,	подвижный,	движеніе,	двигаясь;
3)	бѣжитъ,	бѣгущій,	бѣглый,	бѣгъ,	бѣгая;
4)	пишетъ,	пишущій,	пищущій [1]),	писаніе,	пишучи, (письменно);
5)	пляшетъ,	пляшущій,	плящущій [2]),	пляска,	пляшучи;
6)	кричи́тъ,	кричащій,	крикливый,	крикъ,	крича.

То же оказывается и относительно *состояній.*

	Глаголъ:	*Причастіе:*	*Имя прилаг.:*	*Имя существ.*	*Нарѣчіе* (или дѣепричаст.).
1)	лежитъ,	лежащій,	лежачій,	лежаніе,	лежа;
2)	спитъ,	спящій,	спячій,	спячка (сонъ)	сонно;
3)	виситъ,	висящій,	висячій,	вѣсъ, (висѣніе).	вися;
4)	стоитъ,	стоящій,	стоячій,	стояніе,	стоя.

Такимъ образомъ оказывается, что не только именемъ существительнымъ и именемъ прилагательнымъ, но и глаголомъ (съ его причастіемъ и дѣепричастіемъ), а также и нарѣчіемъ могутъ обозначаться всѣ четыре приведенныхъ категоріи: качество, отношеніе, дѣйствіе, состояніе.

Изъ этого явствуетъ, что не только вышеприведенное опредѣленіе имени существительнаго, какъ „названія всякаго предмета“ узко, но и опредѣленіе имени прилагательнаго, какъ „слова, обозначающаго качество или свойстьо“ [3]): послѣднее опредѣленіе не обнимаетъ „отношенія“ и „дѣйствія“ [4]).

[1]) и [2]) Эти глаголы не образуютъ особаго имени прилагательнаго въ отличіе отъ соотвѣтственнаго причастія; форма послѣдняго можетъ обозначать и временный признакъ глагола и постоянный признакъ имени прилаг., такъ напр., пишущая машина, пляшущая кукла.

[3]) См. *Преображенскій,* Краткая русская грам. изд. 5. М. 1891. § 6, стр. Эта грамматика одобрена ученымъ комитетомъ Мин. Нар. Пр., какъ руководство для средн. учебныхъ заведеній и очень распространена.

[4]) „Состояніе“ можно бы подвести съ нѣкоторой натяжкой подъ

И опредѣленіе глагола, данное Востоковымъ и повторяемое другими, тоже оказывается узкимъ. „Глаголъ по опредѣленію Востокова, есть разрядъ словъ, выражающій дѣйствіе или состояніе“: въ этомъ опредѣленіи пропущено „качество“ и „отношеніе“, но сверхъ того, пропущено и „претерпѣваніе“ Аристотеля и „измѣненіе состоянія“ [1]).

Наконецъ, въ опредѣленіи нарѣчія не включаются „дѣйствія и состоянія“. Этого не сдѣлалъ Востоковъ [2]); не дѣлаютъ этого и новѣйшіе авторы грамматикъ: Кирпичниковъ, Овсянико-Куликовскій, Преображенскій и другіе.

Такимъ образомъ въ существующихъ опредѣленіяхъ перечисленныхъ четырехъ частей рѣчи пропущены нѣкоторые разряды словъ; но съ другой стороны, въ нихъ не указаны отличительные признаки приведенныхъ частей рѣчи, которыхъ грамматики напрасно ищутъ въ содержаніи корней и темъ. Такъ напр., вещественныя имена прилагательныя: з о л о т о й, с е р е б р я н ы й, д е р е в я н н ы й, ж е л ѣ з н ы й и т. п. ничѣмъ, кромѣ окончаній, не отличаются по с о д е р ж а н і ю отъ соотвѣтств. именъ существ. съ предлогомъ „изъ“: „золотой крестикъ“ все равно, что „крестикъ изъ золота“; „серебряный ковшъ“ все равно, что „ковшъ изъ се-

„качество“; но грамматики эту категорію отличаютъ отъ „состоянія“: послѣднее обозначаетъ не постоянный признакъ, а временный, хотя и длительный.

1) А. *Востоковъ,* Русская грам. изд. 12, § 55 стр. 53. Между тѣмъ въ примѣрахъ „стаканъ разбитъ“, „ямщикъ замерзъ“, „вода испарилась“, глаголы не обозначаютъ ни дѣйствія, ни состоянія предметовъ: они не обозначаютъ ни качества, ни опредѣленнаго отношенія (въ грамматическомъ смыслѣ). Они обозначаютъ претерпѣваніе или вѣрнѣе— „п е р е м ѣ н у состоянія“: „стаканъ разбитъ“ означаетъ, что его уже нѣтъ, а есть только стекляные обломки стакана. „Ямщикъ замерзъ“ значитъ „нѣтъ уже ямщика“, а есть его трупъ; его же душа удалилась въ невѣдомую область. „Вода испарилась“ означаетъ, что съ водою произошла перемѣна—превращеніе ея въ паръ. Тутъ мы имѣемъ п р е т е р п ѣ в а н і е подлежащаго, равно какъ и въ большинствѣ случаевъ страдательнаго залога. Такъ напр.: чернь в о з м у т и л а с ь, городовой былъ о б е з о р у ж е н ъ, письмо было о т п р а в л е н о съ нарочнымъ и т. под.

2) Тамъ же §§ 88—89. Цитированіе мѣста я пропускаю, такъ какъ оно слишкомъ объемисто; притомъ дѣленія и подраздѣленія Востокова не имѣютъ существеннаго значенія.

ребра"; „деревянный замо́къ" = „замо́къ изъ дерева"; „желѣзный ножъ" = „ножъ изъ желѣза" [1]).

Изъ всего приведеннаго достаточно ясно, что отличія между названными частями рѣчи нужно искать не въ содержаніи понятій, обозначаемыхъ корнемъ или темой, а въ окончаніяхъ и въ той роли, какую разныя части рѣчи играютъ въ цѣломъ предложеніи [2]). Въ языкахъ, склоняемыхъ и не утерявшихъ флексій, каковы древніе европейскіе греческій и латинскій, а изъ новыхъ славянскіе, эта роль частей рѣчи обыкновенно достаточно обозначена окончаніемъ; въ языкахъ несклоняемыхъ, каковъ напр. китайскій книжный языкъ, эта роль видна только въ сочетаніяхъ корней и въ размѣщеніи словъ въ цѣломъ предложеніи. Въ китайскомъ отдѣльный корень или слово, имѣющее свое самостоятельное значеніе, не есть ни имя существительное, ни имя прилаг., ни глаголъ, ни нарѣчіе: оно можетъ сдѣлаться одной изъ этихъ частей рѣчи только въ предложеніи [3]).

[1]) Въ романскихъ языкахъ, какъ извѣстно, вмѣсто вещественныхъ прилагательныхъ употребляется соотвѣтственное имя существ. въ родит. падежѣ, но безъ члена, такъ какъ имя вещественное въ данныхъ случаяхъ обозначаетъ качество, общее всякому куску соотвѣтственнаго вещества. Такъ напр., въ французскомъ: золотой = = d'or; серебряный = d'argent; деревянный = de bois, желѣзный = de fer. То же существуетъ и въ другихъ романскихъ языкахъ, мнѣ извѣстныхъ. Изъ этихъ примѣровъ мы видимъ, что въ романскихъ языкахъ предлогъ „de", служащій для образованія родительнаго падежа, можетъ обозначать при вещественныхъ именахъ существ. то же, что русскія, нѣмецкія, латинскія и греческія имена прилаг. вещественныя. Слѣдовательно въ этихъ случаяхъ роль имени прилаг. совпадаетъ съ значеніемъ романскаго родительнаго падежа, обозначаемаго предлогомъ „de"; въ русскомъ и другихъ славянскихъ языкахъ къ родительному падежу вещественныхъ именъ существ. прибавляется еще предлогъ „изъ".

[2]) На это обстоятельство обратилъ вниманіе еще Гейзе (См. *K. W. L. Heyse* Syst. d. Sprachwiss. herausg. v. Steinthal, Berlin 1856, S. 391 ff.). Вслѣдъ за нимъ развиваютъ ту же мысль *Штейнталь, Макс. Мюллеръ, Пауль*; а у насъ—*Потебня, Овсянико-Куликовскій, Фортунатовъ* и другіе языковѣды. Однако удовлетворительныхъ опредѣленій частей рѣчи, какъ мы видѣли, не имѣется и до сихъ поръ.

[3]) См. *Fink*. Die Haupttypen des Sprachbaus, L. 1910 II. S. 12—18. И въ русскомъ языкѣ еще уцѣлѣло нѣсколько такихъ корней (словъ), которые еще не диференцировались въ опредѣленную часть рѣчи; ихъ по недоразумѣнію причисляютъ къ междометіямъ, напр.: хлопъ.

§ 7. Опредѣленія глагола, имени прилагательнаго, нарѣчія и предлога.

Изъ предыдущаго мы могли убѣдиться, что вполнѣ правы ученые, требующіе коренной реформы въ классификаціи и опредѣленіи частей рѣчи. Классификація отдѣльныхъ словъ по содержанію понятій, обозначаемыхъ корнями и темами, какъ мы видѣли, не выдерживаетъ критики: то же содержаніе можетъ повторяться въ разныхъ частяхъ рѣчи. Слѣдовательно мы должны обратить свое вниманіе на ту роль въ предложеніи, какую исполняютъ отдѣльныя части рѣчи. Какъ мы видѣли, имена прилаг. и глаголы занимаютъ въ предложеніи подчиненное положеніе по сравненію съ именами существительными: это явствуетъ уже изъ факта ихъ согласованія съ именемъ существительнымъ посредствомъ флексій. Къ тому же приводитъ и психологическій анализъ предложенія. Глаголъ и имя прилаг.—предикатнаго происхожденія, т. е. образовались изъ сказуемаго. Относ. глагола съ личн. окончаніемъ это очевидно. Что же касается имени прилаг., то таковое бываетъ не только сказуемымъ, но и опредѣленіемъ, и притомъ не только подлежащаго, но и дополненій и даже такого имени сущ., которое входитъ въ составъ „обстоятельствъ". Что имя прилаг., бывшее сказуемымъ, при осложненіи мысли переходитъ въ опредѣленіе, мы уже видѣли при анализѣ сужденій и ихъ осложненій. (II гл. § 2 стран. 37). Сужденіе „эта картина прекрасна" превращается при осложненіи мысли въ сужденіе: „эта прекрасная картина мнѣ знакома". Но ту же мысль я могъ бы выразить и такъ: *„я уже видѣлъ эту прекрасную картину"*. Здѣсь имя прилаг. „прекрасную" сдѣлалось опредѣленіемъ дополненія, такъ какъ самое имя сущ., бывшее подлежащимъ въ сужденіи „эта картина прекрасна", сдѣлалось дополненіемъ. То же случится съ именемъ прилаг., если имя сущ. сдѣлается частью обстоятельства. Такъ напр. „рядомъ съ этой прекрасной картиной висѣла картина такая то".

И нарѣчіе—предикатнаго происхожденія, хотя оно можетъ опредѣлять не только глаголъ, но и имя прилаг. Нарѣчіе обыкновенно не согласуется съ управляющимъ сло-

вомъ: оно относится къ частицамъ. Но въ русскомъ языкѣ еще сохранились явные слѣды согласованія [1]). Согласованіе нарѣчій съ глаголомъ и именемъ прилаг. оказалось излишнимъ, такъ какъ эти части рѣчи, будучи подчиненными словами въ предложеніи, не имѣютъ ни опредѣленнаго своего рода, ни падежа.

Итакъ всѣ эти три части рѣчи, будучи подчиненными словами въ предложеніи, опредѣляютъ собою подчиняющія ихъ слова, вѣрнѣе,—предметы и понятія, а именно: по *качеству, количеству, числу, степени, времени, мѣсту, по принадлежности, по матеріалу* и по другимъ „обстоятельствамъ". Въ этомъ заключается ихъ сходство.

Слѣдовательно ихъ характерныя особенности нужно искать въ томъ, чѣмъ каждая изъ этихъ частей рѣчи отличается отъ остальныхъ. Эти отличія состоятъ въ слѣдующемъ.

I. Глаголъ обозначаетъ *временный* или измѣнчивый *признакъ предмета* или понятія, обозначеннаго именемъ существительнымъ. Время обозначается глаголомъ по сравненію съ моментомъ рѣчи [2]).

II. Имя прилаг. выражаетъ *устойчивый признакъ предмета* или понятія, обозначеннаго именемъ сущ., безъ обозначенія времени [3]).

III. Нарѣчіе опредѣляетъ собою по разнымъ „*обстоятельствамъ*" глаголы и имена прилаг.

IV. Что касается именъ *числительныхъ*, то еще Востоковъ не призналъ ихъ за особую часть рѣчи: онъ ихъ причисляетъ къ имени прилаг. Это мнѣніе въ общемъ нужно признать вѣрнымъ; но въ русскомъ языкѣ имѣется достаточно исключеній, даже между количественными числительными, которыя по формѣ безусловно—имена существитель-

[1]) Въ рус. языкѣ нарѣчія, происшедшія отъ именъ прилагат., имѣютъ форму средняго рода единственнаго числа именительнаго падежа; это соотвѣтствуетъ той же формѣ имени прилагательнаго, когда оно служитъ сказуемымъ по отношенію къ подлежащему, выраженному глаголомъ. Такъ напр., „критиковать легко" и „онъ легко критикуетъ всѣхъ"; „говорить ему пріятно" и „онъ говоритъ пріятно".

[2]) Терминъ „признакъ" здѣсь употребленъ не въ логическомъ, а въ болѣе широкомъ смыслѣ грамматики, для обозначенія и дѣйствія, и состоянія, и качества, и претерпѣванія, и количества и т. д.

[3]) Эта „устойчивость", разумѣется, не всегда бываетъ вѣчной.

ныя. Таковы: сто, тысяча, милліонъ, сорокъ, а также дробныя: треть, четверть, половина. Остальныя, начиная съ пяти, въ имен. и винит. падежахъ употребляются, какъ имена сущ., а въ остальныхъ, какъ прилаг. Наконецъ, всѣми признаются за имена существ. тѣ понятія чиселъ, которыя получили окончаніе именъ существ. Таковы напр.: единица, двойка, тройка... десятокъ, сотня, множество, большинство, меньшинство, часть, доля и т. п. Такимъ образомъ значительная часть числовыхъ понятій должна быть отнесена къ именамъ сущ.; а остальныя—къ именамъ прилаг. и нарѣчіямъ. Слово „разъ“ можетъ быть именемъ сущ. и нарѣчіемъ. „Дважды, трижды“ и т. д.—нарѣчія.

V. Отъ нарѣчій по содержанію не отличаются *предлоги.* Правда, они опредѣляются Востоковымъ какъ слова „показывающія отношенія между предметами, если они отдѣльно поставлены, или—слитно съ глаголами—направленіе дѣйствій“ [1]). Но это опредѣленіе слишкомъ широко, что явствуетъ уже изъ предыдущихъ нашихъ разсужденій: вѣдь „отношенія предлоговъ“ и „направленіе дѣйствій“ суть тѣ же обстоятельства, которыя обозначаются нарѣчіями, а отчасти и именами прилагательными и даже существительными. Такъ напр., предлогъ „предъ“ можетъ обозначать то же, что и нарѣчія „прежде“ и „впереди“,—то же, что имена прилаг. „передній“ и „прежній“ и имена сущ. „перёдъ“ и „прошлое“. То же мы можемъ прослѣдить и на другихъ предлогахъ, хотя при этомъ различныя части рѣчи не вполнѣ покрываются по смыслу.

	Предлогъ:	*Нарѣчіе:*	*Имя прилаг.*	*Имя сущ.*
1)	послѣ (по),	послѣ (=потомъ),	послѣдній,	послѣднее,
2)	внутри,	внутри	внутренній,	внутреннее; „нутро“;
3)	позади (за),	позади,	задній,	задъ (=тылъ);
4)	сверхъ,	сверху,	верхній,	верхъ.

Чтобы лучше уяснить себѣ различіе между предлогомъ и соотвѣтственнымъ нарѣчіемъ одинаковаго корня или значенія, мы разсмотримъ ихъ въ цѣлыхъ предложеніяхъ.

[1]) *А. Востоковъ*, Рус. грам. 12 изд. СПБ. 1874 г., § 94, стр. 112.

1-й примѣръ относ. „*впереди*“:

а) нарѣчіе: Царь сидѣлъ впереди;
б) предлогъ. Впереди бояръ сидѣлъ царь.

2-й примѣръ относ. „*послѣ*“:

а) нарѣчіе: Цезарь сказалъ рѣчь послѣ (= потомъ).
б) предлогъ: Послѣ жертвы Цезарь сказалъ рѣчь.

3-й примѣръ „*внутри*“:

а) Нарѣчіе: Шатеръ былъ открытъ; внутри сидѣлъ самъ Гирей.
б) Предлогъ: Внутри шатра (въ шатрѣ) сидѣлъ самъ Гирей.

4-й примѣръ на „*позади*“;

а) Нарѣчіе: Позади стоялъ казакъ.
б) Предлогъ: Позади него стоялъ казакъ.

Изъ сравненія этихъ четырехъ примѣровъ видно, что различіе заключается не въ смыслѣ (не въ содержаніи) сравниваемыхъ словъ, которыя могутъ быть и нарѣчіями и предлогами: въ обоихъ случаяхъ они обозначаютъ обстоятельства—мѣста и времени. Но предлоги, сверхъ того, управляютъ именемъ сущ. (или замѣняющимъ его мѣстоимѣніемъ). Слѣдовательно предлоги можно включить въ классъ нарѣчій, но съ той особенностью, что они управляютъ именами сущ. (и мѣстоименіями) и только вмѣстѣ съ ними точно опредѣляютъ глаголъ и имя прилаг. по разнымъ „обстоятельствамъ“ [1]).

§ 8. Союзы.

VI. Весьма неопредѣленны опредѣленія союза. По Востокову, союзъ „показываетъ связь или противположеніе ме-

[1]) Что многіе предлоги произошли отъ нарѣчій, уже давно отмѣчено филологами; но и другіе предлоги тоже обозначаютъ „обстоятельства“. При нарѣчіяхъ иногда тоже подразумѣвается имя сущ., которое указываетъ точнѣе извѣстное обстоятельство, напримѣръ: „царь сидѣлъ впереди“ (подразумѣвается изъ связи рѣчи, впереди *чего*).

жду понятіями“ [1]). Другіе весьма основательно прибавляютъ еще и „связь между предложеніями“, но пропускаютъ „противоположеніе“ [2]); вѣроятно, они таковое считаютъ частнымъ видомъ „связи“, которая обозначена самымъ названіемъ „союзъ“ (conjunctio). Это названіе уже имѣетъ за собою двадцати-вѣковую давность; однако оно совершенно не соотвѣтствуетъ своему объему, т. е. словамъ, считаемымъ „союзами“.

Правда, понятіе „связи“ весьма отвлеченно и широко; оно шире логическаго и гносеологическаго понятія „отношеніе“, такъ какъ послѣднее касается или реальной или логической связи, не касаясь чисто грамматической. Поэтому въ это широкое понятіе грамматической связи могутъ быть включены и нѣкоторыя отношенія, обозначаемыя всѣми разсмотрѣнными выше частями рѣчи.

Таковы прежде всего всѣ глаголы, которые могутъ быть связкой сужденія или предложенія, напр.: *есть, является, оказывается, представляется* и прочіе. Далѣе,—имена сущ., обозначающія разныя отношенія, тоже могутъ „показывать связь“ между понятіями, напр., „*равенство* между *A* и *B* доказано“. Таковыя имена сущ.: *сходство, родство, подобіе, пропорціональность,* и др. Затѣмъ, всѣ слова, обозначающія разныя грамматическія „обстоятельства“, тоже могутъ „показывать связь“. Наконецъ, и двоеточіе указываетъ на связь между предложеніями, а именно—винословную.

Съ другой стороны, въ объемъ союза всѣми включаются и такія слова, которыя выражаютъ нѣчто иное, чѣмъ „связь между понятіями и предложеніями“.

1) „Вопросительные“ *ли, или* [3]). Дѣло въ томъ, что если мы о чемъ-нибудь спрашиваемъ, то мы обыкновенно не знаемъ того, о чемъ спрашиваемъ и желаемъ узнать это отъ спрашиваемаго [4]). Слѣдовательно вопросъ обозначаетъ субъективное состояніе спрашивающаго —обыкновенно желаніе узнать нѣчто отъ другого. Все это никоимъ образомъ не можетъ быть истолковано какъ „связь

1) *Востоковъ,* цитир. соч. § 96, стр. 113.

2) *А. Преображенскій,* Краткая русская грамматика, изд. 5. М. 1891, § 6.

3) *Востоковъ,* цит. соч. § 110, стр. 119.

4) Довольно рѣдки тѣ случаи, когда мы своимъ вопросомъ хотимъ провѣрить знаніе или обнаружить незнаніе спрошеннаго.

между понятіями". Предположимъ я спрашиваю встрѣчнаго: „эта ли дорога ведетъ къ усадьбѣ помѣщика?" Развѣ я въ этомъ вопросѣ, обозначенномъ словомъ „ли", установилъ иную связь понятій, кромѣ той, какая существуетъ и въ соотвѣтственномъ утвердительномъ предложеніи безъ слова „ли"? Слово „ли" въ нашемъ примѣрѣ показываетъ, что я желаю получить отвѣтъ отъ спрошеннаго относительно того, въ чемъ я не увѣренъ.

То же было бы и при двойномъ вопросѣ, при прибавкѣ другого вопросительнаго слова „или".

2) Причинные (винословные) и условные союзы показываютъ связь не только между „понятіями", но и между реальными предметами, явленіями и силами. Такъ напр., въ предложеніи: „если подуетъ западный вѣтеръ, то будетъ дождь". Союзы „если" и „то" вовсе не показываютъ связи между понятіями „западный вѣтеръ" и „дождь". Во Владивостокѣ это утвержденіе будетъ невѣрно: тамъ западные вѣтры не приносятъ дождя. Въ нашемъ примѣрѣ эти союзы показываютъ реальную причинную зависимость между западнымъ вѣтромъ и дождемъ, но только для опредѣленныхъ мѣстъ земного шара. Понятіе „западнаго вѣтра" одно и то же для всѣхъ странъ, народовъ и временъ, но реальныя явленія, входящія въ объемъ этого понятія, не вездѣ производятъ одинаковое дѣйствіе [1]).

3) То же относится и къ заключительнымъ союзамъ; они показываютъ, что послѣднее предложеніе съ подобнымъ союзомъ есть выводъ изъ предыдущихъ. Однако такой выводъ можетъ получиться не только посредствомъ формальной дедукціи, т. е. изъ анализа понятій, но и посредствомъ индукціи надъ эмпирически данными фактами. Напр.; „метеорологическія наблюденія двадцати лѣтъ показали, что западные вѣтры намъ приносили дождь: слѣдовательно то же будетъ и въ настоящемъ году". Союзъ „слѣдовательно" въ нашемъ примѣрѣ опять указываетъ на

[1]) Такую же реальную причинную зависимость показываетъ и союзъ „вѣдь"; ее же могутъ обозначать и „изъяснительные союзы относительно къ мѣрѣ": *„по мѣрѣ того какъ, поскольку"*, и двойной союзъ: *„поскольку, постольку"*. Такъ напр.: по мѣрѣ того, какъ увеличивается нагрѣваніе, увеличивается и высота ртутнаго столбика.

связь не понятій, а реальныхъ явленій—дождя и западнаго вѣтра.

4) Еще болѣе очевидна реальность „связи“, показываемой союзами цѣли. Возьмемъ примѣръ: „эта ложная телеграмма была дана для того, чтобы произвести панику на биржѣ“. Связь между телеграммой и паникой вовсе не формально логическая, а реальная: въ понятіи „телеграмма“ заключается лишь одинъ признакъ,—передачи знаковъ по телеграфу; содержаніе, характеръ и цѣль извѣстій вовсе не входитъ въ понятіе телеграммы.

5) На реальную причинность могутъ указывать и уступительные союзы: *хотя, правда, пожалуй, пусть, пускай, сколь ни, какъ ни, что ни.* Возьмемъ примѣръ: „какъ онъ ни богатъ, однако онъ несчастенъ“. Уступительный союзъ показываетъ, что фактъ соотвѣтственнаго уступительнаго предложенія дѣлаетъ невѣроятнымъ и неожиданнымъ фактъ главнаго предложенія, такъ какъ обыкновенно бываетъ противоположное. Богатство всѣ считаютъ или главнымъ или даже единственнымъ реальнымъ условіемъ счастья: а тутъ это не оправдалось. Слѣдовательно и уступительные союзы указываютъ на причинную зависимость, чаще всего—реальную.

6) „Предположительные и желательные союзы: „*бы, да, дабы, чтобъ, ежелибъ, еслибъ*“, тоже не соотвѣтствуютъ опредѣленію „союза“: они не устанавливаютъ никакой особой связи между понятіями или предложеніями, а показываютъ, что высказанное желательно или предполагается говорящимъ, какъ возможное.

§ 9. Союзы. Продолженіе.

Въ предыдущемъ параграфѣ мы доказали, что большинство союзовъ не соотвѣтствуетъ опредѣленію союза: изъ одиннадцати группъ „союзовъ“, отмѣчаемыхъ Востоковымъ, только 5 остались неразсмотрѣнными нами, а именно: I, *Соединительные,* II, *Раздѣлительные,* IV, *Изъяснительные,* V, *Сравнительные* и IX, *Противительные* союзы. Изъ этихъ пяти группъ IV-я, т. е. „изъяснительныхъ союзовъ“, въ

значительно большей части тоже подлежитъ исключенію изъ объема „союзовъ“. Эта группа подраздѣляется Востоковымъ на семь видовъ: а) относ. къ бытію“; тутъ приведены союзы: „*что*, *будто*, *якобы*“. Послѣдніе два, очевидно, показываютъ и мнѣніе говорящаго: онъ считаетъ передаваемое сомнительнымъ. Слѣдовательно, здѣсь кромѣ связи между предложеніями имѣется еще нѣчто иное [1]).

Второй видъ „б) относ. къ предмету и обстоятельствамъ дѣйствія“ содержитъ въ себѣ три союза: „*то*, *это*, *вѣдь*“. Послѣдній союзъ „вѣдь“ уже выше былъ исключенъ, какъ показывающій причинную связь. Что же касается словъ „то“ и „это“, „приставляемыхъ къ существительнымъ, мѣстоименіямъ и нарѣчіямъ позади ихъ“, то эти слова не союзы, а мѣстоименія, утерявшія свою указательную силу; впрочемъ, для слова „это“ Востоковъ не приводитъ ни одного примѣра.

Третій видъ „в) относ. къ исчисленію предметовъ или дѣйствій“ содержитъ тоже три союза: „*то-есть*, *а именно*, *какъ-то*“. Этого вида я не оспариваю; только считаю неудачнымъ его названіе: вошедшіе въ него союзы не всегда показываютъ „исчисленіе“; иногда они изъясняютъ болѣе точно и ясно то, что сказано выше.

Четвертый видъ „г) относ. къ мѣрѣ“, былъ нами исключенъ уже въ предыдущемъ параграфѣ, такъ какъ причисленные сюда союзы могутъ обозначать и причинность.

Пятый видъ „д) относ. къ порядку или послѣдованію“ обнимаетъ союзы: „*сперва*, *во-первыхъ*, *потомъ*, *далѣе*, *напослѣдокъ*, *наконецъ*, *въ заключеніе*“. Эти союзы устанавливаютъ счетъ или порядокъ перечисляемыхъ частныхъ фактовъ. Въ словесной рѣчи этотъ порядокъ будетъ означать слѣдованіе во времени; а въ письменной онъ указываетъ и на пространственное отношеніе—„выше—ниже“. Съ точки зрѣнія гносеологіи и такія отношенія бываютъ предметомъ познанія, когда они относятся къ реальной дѣйствительности; но въ данномъ случаѣ порядокъ перечисленія частныхъ фактовъ совершенно зависитъ отъ перечисляющаго

[1]) Такъ же и сравнительный союзъ „будто бы“ выражаетъ не только сравненіе, но и признаніе сравненнаго или невѣрнымъ, или не особенно подходящимъ, напр.: „нищій корчился, будто-бы испытывалъ сильнѣйшія физическія страданія“.

ихъ субъекта; этотъ порядокъ далеко не всегда зависитъ отъ логическаго содержанія перечисленнаго: логическая связь тутъ можетъ и совершенно отсутствовать, какъ напр., при описаніяхъ.

Слѣдовательно роль этихъ союзовъ н е о т л и ч а е т с я о т ъ р о л и и м е н ъ ч и с л и т е л ь н ы х ъ п о р я д к о в ы х ъ и л и с о о т в ѣ т с т в е н н ы х ъ н а р ѣ ч і й. Такимъ образомъ и этотъ подраздѣлъ подлежитъ исключенію изъ числа союзовъ.

Шестой видъ „е) относ. ко в р е м е н и и м ѣ с т у" съ союзами: „*иногда, гдѣ; тогда—когда, тамъ—гдѣ, оттолѣ—отколѣ*" показываетъ связь р е а л ь н у ю между вещами или событіями а не между понятіями, напр.: „радуга бываетъ тогда, когда идетъ дождь" или „бѣлые грибы водятся тамъ, гдѣ водится сосна". Эта связь по смыслу ничѣмъ не отличается отъ обстоятельствъ времени и мѣста, обозначаемыхъ нарѣчіями. Вмѣсто приведенныхъ сложныхъ предложеній можно тѣ же мысли передать съ помощью простыхъ „обстоятельствъ", а именно:

1) „радуга бываетъ п р и д о ж д ѣ" (или „во время дождя");
2) „бѣлые грибы водятся м е ж д у с о с е н ъ".

Седьмой и послѣдній видъ обнимаетъ изъяснительные союзы для обозначенія ч у ж о й р ѣ ч и: *молъ, де, дескать*; они указываютъ на то, что говорящій или не признаетъ истинности сказаннаго, или же не желаетъ сказанное приписать себѣ. Слѣдовательно и тутъ не устанавливается новая, особая связь понятій и предложеній, а отмѣчается гносическое о т н о ш е н і е г о в о р я щ а г о к ъ п е р е д а в а е м о м у.

Такимъ образомъ изъ всей группы изъяснительныхъ союзовъ безспорными оказались только слѣдующіе четыре: *что, то-есть, а именно, какъ-то.*

Относительно второй группы, т. е. союзовъ р а з д ѣ л и т е л ь н ы х ъ (или, либо, ни—ни) прежде всего бросается въ глаза всякому, кто вникаетъ въ смыслъ словъ, противорѣчіе въ самомъ понятіи (contradictio in adjecto). Какъ можетъ одно и то же слово одновременно и с о е д и н я т ь (связывать) два понятія (или предложенія) и вмѣстѣ съ тѣмъ р а з д ѣ л я т ь ихъ? Это невозможно безъ особыхъ ограниченій и разъясненій. Но ихъ-то не имѣется ни въ самомъ названіи, ни даже въ грамматикахъ. Признаться, это противорѣчіе никогда не укладывалось въ мою голову, пока я не сталъ пре-

подавать логику, а именно, отдѣлъ о дисъюнктивныхъ сужденіяхъ. Союзъ „*ни*" равняется „и не" (neque): онъ вовсе не раздѣляетъ, а соединяетъ, но только отрицательные признаки. Союзы „*или*" и „*либо*" тоже соединяютъ, но—разные признаки или понятія, которыя исключаютъ другъ друга, и несовмѣстимы въ одномъ. Если я скажу: „роза бываетъ или бѣлой, или желтой, или алой, или красной"; то это значитъ, что одна опредѣленная роза не можетъ имѣть двухъ или нѣсколько цвѣтовъ въ одинъ и тотъ же моментъ, въ одномъ и томъ же мѣстѣ. Наличность одного цвѣта исключаетъ всѣ остальные [1]).

Относительно пятой группы, т. е. сравнительныхъ союзовъ, нужно сказать, что они устанавливаютъ нѣкоторое сходство; но то же иногда дѣлаютъ и нарѣчія образа, и обстоятельственныя слова.

Наоборотъ, союзы „противительные" *да, но, однако, впрочемъ, только* (IX-я группа) отмѣчаютъ несходство, т. е. различіе признаковъ или же ограниченіе упомянутаго раньше признака. Союзы: *а* и *же*, дѣйствительно, отмѣчаютъ противоположеніе и заслуживаютъ названіе „противительныхъ".

Остается нетронутой въ ея цѣлости: только первая группа союзовъ,—соединительныхъ. Изъ остальныхъ группъ, какъ мы видѣли, вышли невредимыми въ III группѣ союзы: „*что*", „*то-есть*", „*а именно*", „*какъ-то*"; а въ IX-й союзы „*а*" и „*же*". Признаться, число ихъ весьма ничтожно.

Итакъ, чтобы удержать названіе „союза" за остальными словами, которыя въ европейскихъ языкахъ уже въ теченіе многихъ вѣковъ носятъ это названіе, нужно измѣнить самое опредѣленіе союза. Въ противномъ случаѣ, нужно ихъ отнести къ другой части рѣчи, а именно, къ нарѣчіямъ. Чтó лучше, предоставляю на судъ грамматиковъ. По моему, правильнѣе будетъ такое опредѣленіе союза: Союзами называются такія слова, которыя отмѣчаютъ разныя отношенія между предложеніями, а иногда —и между сочиненными частями предложеній; эти отношенія могутъ быть или чисто грамматич., или логич., или реальными, касающимися внѣшняго или внутренняго міра.

[1]) Мы принимаемъ тутъ цвѣтъ за нѣчто простое, неразложимое, хотя на дѣлѣ цвѣта бываютъ смѣшанными и состоятъ изъ множества точекъ, образующихъ поверхность.

Сочиненныя части слитнаго предложенія принадлежали нѣсколькимъ сужденіямъ, въ которыхъ было различіе только въ одномъ терминѣ или въ одной части предложенія: поэтому въ слитныхъ предложеніяхъ тожественныя части сужденій не повторяются, а члены предложенія, составляющія различіе, связываются соединительными союзами: „*и, также, да, притомъ, сверхъ того, къ тому же, даже*". Такъ напр., вмѣсто двухъ сужденій: „дельфинъ—млекопитающее" и „китъ—млекопитающее" мы образуемъ одно слитное предложеніе „дельфинъ и китъ—млекопитающія". Слитное „платина—металлъ, и притомъ весьма цѣнный" образовано изъ двухъ сужденій: 1) платина—металлъ; 2) платина весьма цѣнна.

Такъ какъ союзы чаще всего устанавливаютъ реальныя и логическія отношенія между двумя сужденіями, то они оказываются выраженіемъ новаго сужденія высшаго порядка, въ которомъ два сравниваемыхъ сужденія играютъ роль терминовъ этого высшаго сужденія, а союзъ оказывается его связкой. Соединительные союзы не выражаютъ такого особаго сужденія высшаго порядка: они имѣютъ только грамматическое значеніе, какъ формы слитнаго предложенія.

Вопросительные, предположительные, желательные, а равно изъяснительные: „*будто, якобы, молъ—де, дескать*" должны быть выдѣлены въ особую группу вмѣстѣ со всѣми модальными выраженіями (гл. V § 14) и гносическими сужденіями: нѣтъ, не, да, ничуть и т. п. [1]).

§ 10. Опредѣленіе имени существительнаго.

Больше всего затрудненій представляетъ опредѣленіе имени сущ. Какъ мы видѣли (въ §§ 5—7 настоящей главы), имя существительное можетъ означать не только предметы, но и качество, и число, и дѣйствіе, и состояніе, и претерпѣваніе, и разныя обстоятельства и отношенія. Оно отличается отъ остальныхъ частей рѣчи только тѣмъ, что оно

[1]) Относительно словъ „да" и „нѣтъ" еще Пауль отмѣтилъ, что ихъ слѣдуетъ изъять изъ числа союзовъ. См. Herm. Paul, Principien d. Sprachgesch. Halle. 1880, S. 223.

одно (о мѣстоименіяхъ будетъ рѣчь впереди) можетъ обозначать вещи и живыя существа. На это и было обращено исключительное вниманіе грамматиковъ, почему его и назвали nomen substantivum. Это названіе, какъ мы видѣли, находится въ связи съ понятіемъ substantia, а послѣднее представляетъ собою латинскую передачу аристотелевской категоріи οὐσία [1]).

Между тѣмъ грамматич. смыслъ имени сущ. опредѣляется его положеніемъ въ предложеніи и той ролью, которую оно въ немъ играетъ [2]). Однако въ этомъ отношеніи имя сущ. представляетъ особыя трудности для изслѣдователя. Дѣло въ томъ, что оно можетъ быть и подлежащимъ и сказуемымъ, и опредѣленіемъ, и дополненіемъ, а въ связи съ предлогами—и обстоятельствомъ. При столь разнообразномъ употребленіи имени сущ. невольно опускаются руки у изслѣдователя его сущности. Съ этимъ вопросомъ не справились такіе видные языковѣды, какъ Гейзе, Пауль, Потебня, Габеленцъ (G. von der Gabelentz), Фортунатовъ, Овсянико-Куликовскій, Богородицкій, А. И. Томсонъ. Поэтому я не безъ робости принимаюсь за это дѣло.

Изъ новѣйшихъ попытокъ объяснить имя сущ. мы прежде всего разсмотримъ объясненіе имени сущ., какъ „не-

[1]) Какъ было показано выше (IV гл, §§ 10 и 11) греческое οὐσία у Аристотеля имѣетъ нѣсколько значеній: 1) „единичнаго предмета“ (ἄτομον=individuum) напр. Сократъ, Платонъ, это дерево, этотъ конь; 2) оно означаетъ „видъ“ и „родъ“, напр.: человѣкъ, дерево, лошадь; въ этомъ значеніи Аристотель употребляетъ свой терминъ δεύτεραι οὐσίαι; 3) оно употребляется иногда и въ значеніи „сущность“; хотя для этого Аристотелемъ употребляются и другіе термины: τί ἐστιν, εἶδος, τὸ τί ἦν εἶναι. Первыя два значенія категоріи οὐσία могли дать поводъ грамматикамъ отличать имена собственныя отъ именъ нарицательныхъ, а послѣднее—чтобы выдѣлить въ особую группу предметы мыслимые и отвлеченные.

[2]) Ср. *А. Потебня.* Изъ зап. по русской грамматикѣ, 1-е изд. 76 81. „Если предложеніе не можетъ быть опредѣлено, какъ содержаніе, то и свойство составныхъ его членовъ вообще и въ частности различіе имени отъ глагола должно быть только формальное, т. е. должно состоять не въ содержаніи, а въ способѣ его представлять“ (Стран. 81). То же повторяютъ и новѣйшіе языковѣды, напр., Овсянико-Куликовскій; но въ своихъ опредѣленіяхъ частей рѣчи все же не уловили сути имени сущ.

зависимаго представленія, какъ чего-то самостоятельнаго“ [1]). Это объясненіе врядъ ли можно признать удовлетворительнымъ. Дѣло въ томъ, что въ косвенныхъ падежахъ и имя сущ. бываетъ управляемо, слѣдовательно и оно зависитъ отъ другого слова: глагола, предлога или же другого имени существительнаго. Въ извѣстныхъ случаяхъ имя сущ. даже согласуется въ числѣ и падежѣ съ другимъ существительнымъ. Это бываетъ тогда, когда оно служитъ приложеніемъ. Такъ напр.: Цезарь, знаменитый полководецъ. Кто не слышалъ о Цезарѣ, знаменитомъ полководцѣ? Наконецъ есть имена сущ. (subst. mobilia), которыя измѣняются и въ родѣ и согласуются въ родѣ, числѣ и падежѣ, съ управляющимъ именемъ сущ., на подобіе именъ прилаг. Это бываетъ даже въ тѣхъ случахъ, когда не имѣется въ виду полъ (sexus), т. е. такъ назыв. естественный родъ. Такъ напр.: опытъ есть лучшій настав*никъ* человѣка; жизнь—лучшая настав*ница*; голодъ—лучшій поваръ; нужда—первая изобрѣтатель*ница* орудій; гнѣвъ—плохой совѣт*никъ* человѣка; жалость—плохая совѣтч*ица* судьи.

Итакъ не подлежитъ сомнѣнію, что „самостоятельность“ имени сущ.—сомнительна: и имя сущ. можетъ быть управляемо и даже согласовано въ родѣ, числѣ и падежѣ.

Такъ же неудовлетворительны попытки Богородицкаго и вслѣдъ за нимъ Томсона объяснять отвлеченныя имена существительныя какъ „опредмечиваніе“ дѣйствія, качества или состоянія. Дѣло въ томъ, что подобныя производныя имена сущ. представляютъ собою б о л ѣ е о т в л е ч е н н ы я понятія, чѣмъ соотвѣтствующія имъ имена прилаг. и глаголы. Отглагольныя имена сущ. теряютъ свою „сказуемость“, т. е. лишаются признаковъ времени, лица, числа (иногда и вида). Это отмѣчаютъ и названные ученые; это было уже давно отмѣчено и другими языковѣдами, напр. Буслаевымъ. А отвлеченіе есть какъ разъ тотъ умственный процессъ, который противоположенъ детерминаціи и опредмечиванію. Если поэты и художники опредмечиваютъ отвлеченныя качества, напр., мудрость, справедливость, добродѣтель, то они

[1]) „См. *Богородицкій*, Очерки языковѣд., цитир. изд., стран. 295. Имя сущ. есть названіе отдѣльнаго независимаго представленія“.

Свехъ того, см. цитату § 3 наст. главы.

облекаютъ эти понятія въ наглядную форму, въ видѣ женщины съ соотвѣтствующими аттрибутами.

Такъ же невѣрны, какъ мы видѣли (въ §§ 4 5 наст. главы) и опредѣленія Кирпичникова и Овсянико-Куликовскаго.

Сущность имени существительнаго, по моему, лучше всего можетъ выясниться изъ сравненія глагола въ соотв. отглагольными именами существительными.

При этомъ сравненіи прежде всего бросается въ глаза внѣшній видъ глагола, какъ спрягаемой части рѣчи. Это спряженіе, сверхъ обозначенія вида, времени и залога, состоитъ въ томъ, что личныя окончанія согласуются съ именемъ сущ. или мѣстоименіемъ, къ которому относится данный глаголъ въ предложеніи [1]). Это согласованіе доказываетъ, что и глаголъ, какъ и имя прилаг., есть предикатная часть рѣчи. Глаголомъ обозначается признакъ опредѣленнаго предмета, или предметовъ; а измѣненіе глагола по видамъ и временамъ доказываетъ, что этотъ признакъ не постоянный, а временный. Въ послѣднемъ качествѣ и состоитъ отличіе глагола отъ имени прилаг. Однако, признакъ можетъ быть обозначенъ и именемъ сущ. Чѣмъ же отличается послѣднее отъ глагола?

Каждый глаголъ въ европейскихъ языкахъ, за исключеніемъ ново-греческаго, болгарскаго и кельтскихъ языковъ, образуетъ особую форму Infinitivus, которая не имѣетъ личныхъ окончаній, а въ русскомъ суффикса времени [2]). Это неопредѣленное наклоненіе употребляется почти такъ же, какъ настоящее имя сущ., но только въ именит. и родит. падежахъ. Напр.: „летать (имен. пад.) не легко человѣку“; „искусство летать (родительный падежъ) дается не легко“ [3]).

[1]) Передъ этими окончаніями обыкновенно находятся суффиксы показывающіе видъ, залогъ и время глагола, которые насъ не интересуютъ въ данномъ случаѣ.

[2]) Такъ называемый Infinitivus perfecti въ греч., лат. и въ нѣкоторыхъ новыхъ языкахъ, обозначаетъ не время, а видъ глагола или же предшествованіе, которое можетъ относиться и къ будущему; то же справедливо и относительно Infinitivus aoristi въ греч. языкѣ.

[3]) Разница между Infinitiovus и соотвѣтств. именемъ сущ. состоитъ въ грам. управленіи: Infinitivus всегда управляетъ падежомъ глагола и опредѣляется нарѣчіями. Напр.: „Искусство выразительно и красиво спѣть пѣсню дается не легко“. При Infinitivus въ качествѣ дополненія часто подразумѣвается и лицо управляющаго имъ verbi

Въ этихъ примѣрахъ неопредѣленное наклоненіе можно замѣнить соотвѣтственнымъ отглагольнымъ именемъ сущ. безъ всякаго измѣненія смысла, а именно: „летаніе не легко; искусство летанія дается не легко“.

Если уже неопр. наклоненіе не имѣетъ ни личнаго окончанія, ни времени, то это еще болѣе относится къ отглагольнымъ именамъ сущ., напр.: пѣніе, бросаніе; стояніе, лежаніе; паденіе, претерпѣваніе, терпѣніе. Такимъ образомъ тема имени сущ. можетъ обозначать то же, что и соотвѣтственный глаголъ; отличіе имени сущ. отъ глагола состоитъ въ томъ, что признакъ, обозначаемый именемъ сущ., берется отвлеченно,—внѣ времени и принадлежности его опредѣленному предмету [1]). Однако это не главное его отличіе.

§ 11. Продолженіе.

Главное отличіе отглагольнаго имени сущ. отъ глагола состоитъ въ ихъ различныхъ роляхъ въ предложеніи. Чтобы найти это различіе, мы прослѣдимъ самый процессъ возникновенія и образованія отглагольныхъ именъ сущ. Для этого удобнѣе всего взять примѣръ неологизма. Таковой мы имѣемъ въ глаголѣ „опредмечивается“, которымъ Богородицкій обозначаетъ переходъ глагола въ имя сущ.; онъ говоритъ, что благодаря имени существительному „дѣйствіе какъ бы опредмечивается“. По поводу этого объясненія мнѣ представилась надобность судить объ этомъ новомъ глаголѣ, и я выражаю свое сужденіе о немъ слѣдующими предложеніями: „это опредмечиваніе меня не удовлетворяетъ“. „Это опредмечиваніе не объясняетъ сути“. Въ этихъ предложеніяхъ прежній предикативный признакъ „опредмечивается“, сдѣлался подлежащимъ, при чемъ смыслъ слова не измѣнился; измѣнилась только грамматическая форма, которая замѣнена формой имени существительнаго. Слѣдова-

finiti (глагола съ личнымъ окончан.). Напр.: „я люблю пѣть; жена любитъ рисовать“. Имена сущ. „пѣніе“ и „рисованіе“ не обозначаютъ лица.

[1]) Самое имя сущ. не указываетъ на такую принадлежность и зависимость; но она, разумѣется, можетъ быть обозначена другими словами.

тельно необходимость судить о признакѣ, который раньше былъ сказуемымъ, заставила меня превратить его въ имя сущ., которое могло бы быть подлежащимъ новаго предложенія.

То же можно замѣтить на каждомъ глаголѣ, отъ котораго можетъ образоваться имя сущ. Это можно замѣтить даже и на такихъ глаголахъ, которые не обозначаютъ ни дѣйствія, ни состоянія, ни претерпѣванія, ни качества. Это можно прослѣдить и на такихъ глаголахъ, которые обозначаютъ обстоятельство, напр. времени. Предположимъ, я подъѣзжаю къ узловой станціи, на которой долженъ пересѣсть на другой поѣздъ, и глядя на часы, замѣчаю: „мой поѣздъ опоздалъ". Если я начну судить объ этомъ обстоятельствѣ, то я могу произнести нѣсколько предложеній, въ которыхъ глаголъ „опоздалъ" превратится въ соотвѣтственное имя сущ.: 1) это опозданіе мнѣ непріятно; 2) это опозданіе доставитъ много хлопотъ; 3) это опозданіе для меня неожиданно! Разъ глаголъ „опоздалъ" превратился въ имя сущ., то последнее можетъ быть сопоставлено и съ другими глаголами, управляющими разными падежами. Поэтому отглагольное имя существительное получитъ различныя падежныя окончанія, т. е. появится его склоненіе. Такъ, я могу сказать: 1) этого опозданія я не ожидалъ; 2) этому опозданію не обрадуется моя жена; 3) она проклянетъ это опозданіе; 4) этимъ опозданіемъ я возмущенъ; 5) объ этомъ опозданіи я запишу жалобу и т. д. (Въ данномъ случаѣ это склоненіе можетъ быть и во множественномъ числѣ). Но для того, чтобы появились косвенные падежи, долженъ былъ раньше формироваться именительный падежъ. Безъ именительнаго падежа не бываетъ именъ существительныхъ [1]).

Итакъ главное отличіе отглагольнаго имени существительнаго отъ соотвѣтственнаго глагола состоитъ въ томъ, что признакъ, обозначаемый глаголомъ, вмѣстѣ съ тѣмъ мыслится какъ сказуемое. Между тѣмъ тотъ же признакъ у имени существительнаго представляется

[1]) Исключеніе составляютъ тѣ рѣдкіе случаи, когда имена сущ. вышли изъ употребленія, оставшись въ видѣ нарѣчій съ формой бывшаго падежа, напр.: кромѣ, долой.

какъ возможное подлежащее самостоятельнаго предложенія. У глаголовъ съ личнымъ окончаніемъ этого никогда не бываетъ. Таковой не можетъ быть ни подлежащимъ, ни дополненіемъ въ какомъ бы то ни было падежѣ [1]).

По той же причинѣ образуются отвлеченныя имена сущн. отъ именъ прилагат. и причастій даже безъ особаго суффикса, напр.: *добро, зло, будущее, былое.* Имена прилаг., причастія и глаголы, несомнѣнно, предикатнаго происхожденія. Но когда представляется надобность судить о качествѣ или вообще о признакѣ, обозначенномъ именемъ прилаг., то таковое, становясь подлежащимъ, переходитъ въ соотвѣтственное имя сущ. Такъ напр.: „бѣлизна ослѣпительна; краснота поблекла; темнота непріятна; доброта цѣнится; подлость презирается". Эти имена сущ. не только отличаются большей отвлеченностью по сравненію съ соотвѣтственными именами прилаг., но они представляются, какъ возможное подлежащее самостоятельнаго предложенія; въ этомъ только и состоитъ ихъ мнимая „предметность" и „опредмечиваніе". Это видно лучше всего въ греч. языкѣ, въ которомъ не только глаголъ и имя прилаг. превращаются въ имя сущ. черезъ приставку члена средняго рода τό, но и любое слово и даже цѣлое предложеніе [2]).

Итакъ мы можемъ обобщить наши наблюденія и дать такое опредѣленіе: *имя существительное есть такое слово, которое было или можетъ быть подлежащимъ* предложе-

[1]) При логическомъ разборѣ и такіе глаголы могутъ быть даннымъ (субъектомъ) сужденія. Вотъ примѣры подобныхъ сужденій „поетъ—хорошо"; „пѣли—только что"; „окончатъ—завтра"; „катались вчера". Въ этихъ сужденіяхъ подразумѣваются опредѣленные предметы, т. е. лица съ которыми согласованы глаголы; таковыя были даннымъ въ сужденіи низшей сложности; при дальнѣйшемъ осложненіи мысли сужденіе дается не о нихъ, а объ ихъ дѣятельности.

Исключеніе составляютъ безличныя предложенія и то не всѣ. Все это касается логическаго разбора, который не совпадаетъ съ грамматическимъ. Грамматика имѣетъ свою точку зрѣнія, чисто формальную, и то по отношенію къ опредѣленному языку или языкамъ; а логика—одна для всѣхъ людей, для всѣхъ языковъ.

[2]) Такимъ образомъ, произошли между прочимъ и термины Аристотеля: τὸ ὅτι (фактъ), τὸ τί ἐστιν (= сущность), τὸ διότι (причина), τὸ συμβεβηκός (случайное), τὸ κατηγορούμενον (предикатъ) и наконецъ сложный терминъ τὸ τί ἦν εἶναι (= бытіе сущности, какой она была, т. е. неизмѣнная реальная сущность).

нія. Къ именамъ сущ. принадлежатъ и всѣ названія предметовъ (живыхъ существъ и неодушевленныхъ вещей) дѣйствительности или же воображенія и мышленія [1]).

Такъ какъ о каждомъ словѣ можно высказать сужденіе, то и *каждое слово можетъ сдѣлаться подлежащимъ* предложенія; въ такомъ случаѣ оно сдѣлается именемъ существительнымъ. Такъ напримѣръ: „и" есть союзъ; „и!" есть междометіе; „до"—предлогъ; „ахъ" бываетъ междометіемъ и именемъ сущ.; твои „ахи" вышли некстати. Во всѣхъ этихъ примѣрахъ подлежащія „и", „до", „ахъ", „ахи"—имена сущ.; но въ этомъ случаѣ они употреблены не въ своемъ настоящемъ и обычномъ грамматическомъ смыслѣ, а только какъ звукъ или сочетаніе звуковъ, которое въ данномъ случаѣ лишено своего *обычнаго* значенія: въ ихъ обычномъ значеніи они бываютъ другой частью рѣчи. Такъ напримѣръ: я *и* ты согласны съ этимъ. Въ этомъ слитномъ предложеніи

[1]) Къ моему опредѣленію близко подходилъ *Аристотель* въ своемъ опредѣленіи субстанціи οὐσία; но онъ признавалъ ея характерной особенностью то, что она не можетъ быть предикатомъ. Этотъ признакъ, какъ мы видѣли, не всегда совпадаетъ съ категоріей субстанціи; онъ не совпадаетъ и съ грамматич. категоріей имени существительнаго: таковое, какъ извѣстно, можетъ быть и сказуемымъ, напр.: это—Сократъ; Сократъ былъ философъ.

И у Буслаева имѣется объясненіе, которое близко подходитъ къ моему опредѣленію имени сущ.; но этотъ почтенный ученый все же не могъ отрѣшиться отъ традиціи, соединяя въ своей грамматикѣ двѣ различныхъ точки зрѣнія,—и старую классификацію по содержанію, и требованія новѣйшихъ языковѣдовъ классифицировать слова по ихъ роли въ предложеніи. Вотъ, что говоритъ Буслаевъ относительно роли подлежащаго и сказуемаго: „Въ языкѣ подлежащему соотвѣтствуетъ имя сущ. въ именительномъ падежѣ, а сказуемому глаголъ; напримѣръ „дерево растетъ", „птицы летаютъ". Иногда *подлежащее* и сказуемое выражаются *и другими* частями рѣчи; но во всякомъ случаѣ, слово, которымъ, означается подлежащее, *принимаетъ смыслъ* существительнаго... Напримѣръ, въ предложеніяхъ: „лѣнивый часто скучаетъ", „отчаиваться есть малодушіе". Подлежащія: имя прилаг. „лѣнивый" и глаголъ „отчаиваться" употреблены въ смыслѣ существительныхъ: лѣнивецъ и отчаяніе". (См. *Буслаевъ*, Историч. грам. рус. яз. 2-е изд., ч. II, Москва 1863 г., § 111, стран. 10. Маркировки мои). На самомъ дѣлѣ, въ этихъ случаяхъ смыслъ словъ „лѣнивый" и „отчаиваться" не измѣнился; измѣнилась же роль слова въ предложеніи: обычное предикативное „лѣнивый" сдѣлалось подлежащимъ, и превратилось въ имя сущ., въ которомъ подразумѣвается какой-нибудь „человѣкъ".

„*и*", несомнѣнно, соединяетъ однородныя части слитнаго предложенія,—слѣдовательно „и" есть союзъ. А въ вышеприведенномъ примѣрѣ „*и* есть союзъ" таковаго обычнаго значенія „и" не имѣетъ: слѣдовательно оно не союзъ, а имя сущ. Поэтому неправильно объясненіе Буслаева, будто „иногда подлежащее (и сказ.) выражается и другими частями рѣчи". Подлежащимъ можетъ быть только имя сущ. (Таковыми оказываются и всѣ „мѣстоименія", его замѣняющія). При этомъ нисколько не важно, какую роль слово, сдѣлавшееся подлежащимъ и именемъ сущ., играетъ въ другихъ предложеніяхъ [1]).

§ 12. Мѣстоименіе и междометіе.

Мѣстоименіе опредѣляется Востоковымъ, какъ „разрядъ словъ, замѣняющій и дополняющій имена, какъ существительное, такъ и прилагательное" [2]). То же повторяется и новѣйшими грамматиками, только съ пропускомъ слова „дополняющій". Это опредѣленіе довольно правильно, но все же и оно можетъ оказаться неправильнымъ во многихъ слу-

[1]) Въ языкахъ, богатыхъ суффиксами, нѣкоторые изъ суффиксовъ носятъ отпечатокъ постоянныхъ именъ сущ.; другіе—именъ прилаг. и глаголовъ; но прибавленные къ нимъ новые суффиксы придаютъ имъ новое и грамматическое (не только лексическое) значеніе. Таковъ напримѣръ: русскій суффиксъ „тель", который превращаетъ тему въ имя сущ., напримѣръ: благодѣтель, писатель; но съ прибавкой къ этимъ именамъ новыхъ суффиксовъ „*н*" или „ск" эти имена сущ. переходятъ въ имена прилаг. „благодѣтель*ный*", „писатель*скій*". Отъ прибавки къ именамъ сущ. на „тель" суффикса „ство" опять получаются имена сущ.: „благодѣтель*ство*, писатель*ство*". Отъ имени сущ. „благодѣтельство" образованъ глаголъ „благодѣтельствовать"; а отъ послѣдняго, въ свою очередь, можетъ быть образовано имя сущ.: „благодѣтельствова*ніе*".

[2]) Востоковъ, цитир. соч. § 46, стран. 48. Потебня, ссылаясь на древнее происхожденіе мѣстоименій, видитъ въ нихъ больше, чѣмъ простое замѣщеніе именъ сущ., однако его мнѣніе ошибочно. Предшествованіе въ языкѣ мѣстоименія, и теперь еще бываетъ по отношенію къ новымъ предметамъ. Тогда не только дѣти, но и взрослые говорятъ вмѣсто неизвѣстнаго имени „это". Однако самъ предметъ, обозначаемый мѣстоименіемъ, уже извѣстенъ говорящему въ видѣ воспріятія.

чаяхъ. Во-первыхъ, отвлеченныя имена сущ., обозначающія качество, отношеніе, дѣйствіе, могутъ быть замѣнены и другими выраженіями, въ которыхъ не имѣется мѣстоименій [1]).

Сверхъ того, правильныя опредѣленія именъ сущ. и прилаг. заключаютъ въ себѣ и самыя мѣстоименія: часть изъ нихъ оказывается именами сущ., а другая часть именами прилаг., что и въ скрытомъ видѣ признано многими языковѣдами [2]). Къ именамъ прилаг. относятся мѣстоименія: мой, твой, свой, нашъ; вашъ, этотъ, тотъ, который, таковъ, нѣкоторый... Къ именамъ сущ. относятся: кто? что? никто? ничто? кое-что... Но къ нимъ слѣдуетъ отнести и всѣ личныя мѣстоименія, а равно и возвратное „себя". „Все" можетъ быть и именемъ сущ., и прилаг. и нарѣчіемъ: 1) „Все—мое", сказало злато; 2) все имущество растрачено; 3) онъ все еще сердится.

Итакъ оказывается, что выдѣленіе мѣстоименій въ особую группу или „часть рѣчи" не обусловлено грамматическими категоріями, т. е. ихъ положеніемъ въ предложеніи. Оправдываютъ его тѣмъ обстоятельствомъ, что склоненіе личныхъ мѣстоименій рѣзко отличается отъ склоненій именъ сущ.; но это чисто внѣшній и случайный признакъ. Что же касается другого признака,—ихъ замѣстительнаго характера, т. е. что они употребляются взамѣнъ настоящихъ названій съ опредѣленнымъ значеніемъ: то этотъ признакъ относится скорѣе къ гносеологіи или къ логикѣ. Впрочемъ, этотъ признакъ замѣстительства присущъ не только мѣстоименіямъ, но и нарѣчіямъ и союзамъ, произведеннымъ отъ мѣ-

[1]) а) „Равенство А и В доказывается такъ-то". Вмѣсто имени сущ. „равенство" я могу сказать: „что А и В равны, доказывается такъ-то". б) „Лѣность Сергѣя очевидна"=что Сергѣй лѣнивъ, очевидно. в) „Опозданіе курьерскаго поѣзда—произошло вслѣдствіе снѣжнаго заноса=курьерскій поѣздъ опоздалъ вслѣдствіе того, что дорогу занесло снѣгомъ". г) „Терпѣніе Сидорова всѣмъ извѣстно=Сидоровъ терпѣливъ, и это всѣмъ извѣстно". Въ данныхъ примѣрахъ имена сущ. тоже замѣнены словами, но составляющими цѣлое придаточное или главное предложеніе, которое никѣмъ не считается мѣстоименіемъ.

[2]) а) Богородицкій, Очерки по яз. Казань, 1909 г., стр. 296; б) Буслаевъ, Историч. грам. 2 изд., часть I, § 158, стр. 79. „Всѣ эти части рѣчи (большая часть мѣстоименій и числ.) относ. согласованія именуются прилагательными.

стоименій: и они не имѣютъ постояннаго и одинаковаго всегда логическаго содержанія. Таковы нарѣчія: *когда? тогда; гдѣ? тамъ, здѣсь, тутъ; куда? туда, сюда; откуда? оттуда, отсюда; такъ, сякъ, иначе; каково? таково; сколько; поскольку, постольку; сколь* (великій), *столь* (великій); *нисколько* и т. п. Таковы, напримѣръ, *союзы: какъ, что, чтобы, такъ-же, какъ, когда, притомъ, къ тому же, то-есть, какъ-то, такъ какъ, потому что, затѣмъ что* и т. д.

Слѣдовательно ни одинъ изъ обоихъ приведенныхъ признаковъ не есть существенный для мѣстоименій. И то обстоятельство, что мѣстоименія очень древняго происхожденія—древнѣе большинства именъ сущ.—не даетъ намъ достаточнаго основанія для выдѣленія ихъ въ современной грамматикѣ въ особую часть рѣчи. Поэтому не только у изучающихъ грамматику, но и у составителей грамматикъ, нерѣдко обнаруживаются разногласія и путаница въ отнесеніи тѣхъ же словъ къ опредѣленной части рѣчи. Такъ напримѣръ, Востоковъ причисляетъ къ мѣстоименіямъ имена прилагательныя качественныя: *каковъ, таковъ, одинаковъ, разный;* затѣмъ, количественныя: *всѣ, много, мало, нѣсколько, сколько, столько; одинъ, другой, весь* [1]).

Въ виду всего сказаннаго мѣстоименіе, какъ особую часть рѣчи, слѣдуетъ упразднить; одни изъ нихъ слѣдуетъ отнести къ именамъ сущ., другія къ именамъ прилаг., нарѣчіямъ и союзамъ.

Такому же упраздненію подлежатъ и междометія. Въ эту часть рѣчи русскіе языковѣды включили два разряда словъ, совершенно различныхъ. Еще Востоковъ раздѣляетъ ихъ на „восклицательныя и на звукоподражательныя", хотя своимъ общимъ для обоихъ опредѣленіемъ характеризуетъ только первыя, а именно: „Междометіе есть рязрядъ словъ, служащій въ пополненіе и въ замѣну другимъ словамъ, для кратчайшаго выраженія чувствованій" [2]). Къ послѣднему слову нужно прибавить слово „говорящаго": иначе, пришлось бы включить въ число междометій и *всѣ* имена сущ., прилаг. и глаголы, которыми

[1]) См. *Востоковъ*, Русская грамматика 12 изданіе. С.-Петербургъ, 1874, § 49, стран. 49.

[2]) Тамъ же, §§ 98 и 99, стран. 114,

обозначаются чувства, напр.: радость, радостный, радоваться; гнѣвъ, гнѣвный, гнѣваться; бояться, боязнь, боязливый.

Междометія „восклицательныя“ въ современномъ языкѣ —не простые рефлексы чувствъ, какъ это думаютъ нѣкоторые языковѣды, между ними и Потебня. Междометія чувствъ „восклицательныя“ у Востокова—это слова, понятныя каждому слушающему, какъ и слова: „радость, горе, грусть, страхъ, гнѣвъ“. Отъ этихъ словъ междометія отличаются тѣмъ, что они служатъ непосредственнымъ выраженіемъ чувства въ первобытной, кратчайшей формѣ, которое испытывается говорящимъ въ моментъ рѣчи Но и въ этомъ видѣ эти выраженія чувствъ представляютъ собою оцѣнку излагаемаго или мыслимаго факта въ отношеніи интересовъ говорящаго или мыслящаго—большей частью личныхъ, а иногда и этическихъ. Поэтому ихъ слѣдуетъ отнести къ разряду вводно-оцѣночныхъ частицъ, каковы: *да*, *нѣтъ*, *конечно*, *очевидно*, *къ сожалѣнію*, *къ счастью* и т. п. Что междометія не представляютъ особой грамматической категоріи, видно изъ того, что нѣкоторыя изъ нихъ уже превратились въ глаголы и имена сущ., при чемъ спрягаются и склоняются. Такъ, „ахъ!“ употребляется какъ глаголъ и какъ имя сущ., напр.: „онъ ахнулъ при видѣ этого; и долго еще ахалъ“. Или: „твои ахи и охи мнѣ надоѣли“; „къ твоимъ ахамъ и охамъ я уже привыкъ“; „отъ твоихъ аховъ ничего не выйдетъ“. Таковыя пишутся безъ кавычекъ, такъ какъ они склоняются и спрягаются.

Что же касается „междометій *звукоподражательныхъ*“, то они вовсе не выражаютъ чувствъ; они выражаютъ дѣйствія и играютъ роль глаголовъ, хотя бы и не получили еще флексій. Такъ напр.: пришелъ хозяинъ, а Митька *бухъ* ему въ ноги; дворникъ схватилъ воришку и *хлопъ* его по уху; хозяйка *шасть* въ дѣвичью, а Степка *шмыгъ* въ калитку [1]).

Впрочемъ, нѣкоторыя изъ нихъ употребляются и съ глагольными окончаніями; напр.: на эти затѣи онъ ухлопалъ всѣ деньги; онъ убухалъ все состояніе на свою коллекцію древностей. Другія употребляются, какъ имена сущ. съ па-

[1]) Богородицкій слова „бацъ!“ „трахъ“ считаетъ глагольными частицами, что гораздо ближе къ истинѣ. См. *В. А. Богородицкій*. Очерки по языковѣд. цитир. изд. стран. 301.

дежными окончаніями, напр. „хлопъ“ и „топъ“. Такъ, у Пушкина: „Лай, хохотъ, пѣнье, свистъ и хлопъ; людская молвь и конскій топъ“. У Жуковскаго: „отъ топа конскаго дрожали“ [1]).

Причисленіе къ междометіямъ подобныхъ звукоподражательныхъ корней не оправдывается ничѣмъ. По смыслу они относятся или къ глаголамъ или къ именамъ сущ. Самая же звукоподражательность не составляетъ ихъ исключительнаго свойства. Звукоподражательные корни имѣются и у глаголовъ, и у причастій и дѣепричастіи, и у именъ сущ. Такъ напр.:

Гремитъ	гремящій,	гремя,	громъ;
шипитъ,	шипящій,	шипя,	шипѣніе;
журчитъ,	журчащій	журча.	мурчаніе;
мяукаетъ,	мяукающій,	мяукая,	мауканье.

Слѣдовательно звукоподраженіе указываетъ только на одинъ изъ источниковъ происхожденія человѣческой рѣчи; но этотъ источникъ отнюдь не можетъ служить примѣтой для опредѣленія части рѣчи.

§ 13. Грамматическая классификація словъ.

Какъ мы видѣли выше (въ гл. III §§ 1—4), сужденіями обусловлены всѣ наши чувственныя воспріятія: послѣднія невозможны безъ первыхъ. А такъ какъ воспріятія имѣются уже у дитяти, не умѣющаго еще говорить, а равно и у глухонѣмыхъ и у безсловесныхъ животныхъ: то очевидно, что человѣческая рѣчь возникаетъ послѣ способности судить и послѣ сужденій. Поэтому логическіе элементы сужденія—субъектъ, предикатъ и связка—представляютъ собою болѣе примитивную форму нашего познанія и мышленія, нежели части предложенія и части рѣчи. Отдѣльныя слова иногда еще не получаютъ въ живомъ языкѣ опредѣленной формы и смотря по мѣсту, занимаемому ими въ предложеніи, могутъ играть роль различныхъ частей рѣчи. Такъ напр.,

[1]) См.: *Буслаевъ*, Историч. грам. рус. яз. 2 изд. М. 1863, 1 ч. § 59, стр. 121.

слово „все“ можетъ быть и именнемъ прилагат., и существ., и нарѣчіемъ. Изъ этого и подобныхъ фактовъ видно, что различныя части рѣчи диференцировались изъ частей предложенія и сужденія: слѣдовательно онѣ могутъ быть подведены и классифицированы по частямъ предложенія.

Относительно имени сущ. мы убѣдились, что оно возникаетъ тогда, когда представляется надобность судить о какомъ-нибудь предметѣ или понятіи. Это можетъ имѣть мѣсто и относ. качествъ, дѣйствій, состояній, перемѣнъ, которыя раньше служили сказуемымъ предложенія. И таковыя понятія, какъ мы видѣли, могутъ быть субъектомъ сужденія, и тогда соотвѣтственное слово превращается въ имя существ. Такъ напр.: „поѣздъ опоздалъ“ и „опозданіе поѣзда непріятно“; „аистъ ходитъ“ и „ходьба аиста медленна“; „снѣгъ бѣлъ“ и „бѣлизна снѣга ослѣпительна“. Слѣдовательно имя существ. субъектнаго происхожденія.

Когда же имя сущ. уже сформировалось, то при дальнѣйшемъ осложненіи мысли оно можетъ сдѣлаться и дополненіемъ, и сказуемымъ, и даже частью обстоятельства [1]). Тогда возникаютъ различные падежи, т. е. появляется его склоненіе.

Имена прилаг. (съ числительными-прилаг.), которыя чаще всего бываютъ опредѣленіемъ, первоначально были сказуемымъ. Такъ напр. „эта картина прекрасна“ и „эта прекрасная картина мнѣ знакома“ [2]).

То же мы видимъ и на глаголахъ. Первоначально они бываютъ сказуемымъ, и только при осложненіи мысли они становятся опредѣленіемъ подлежащаго или сказуемаго, превращаясь въ причастія, отглагольныя прилагательныя и дѣепричастія. Такъ напр.; „Ваня лежитъ“ и „Ваня ѣстъ“ даетъ болѣе сложную мысль „Ваня ѣстъ лежа“ или „лежащій Ваня ѣстъ“. Слѣдовательно глаголы и имена прилаг. предикатнаго происхожденія:

Мѣстоименія, какъ мы видѣли (гл. V, § 12), по своей роли въ предложеніи могутъ быть или именемъ сущ. или именемъ прилаг.

Междометія, какъ мы видѣли (въ гл. V § 12) должны быть отнесены частью къ именамъ сущ., частью къ глаголамъ, частью же къ нарѣчіямъ (гносическимъ).

[1]) См. гл. V, § 11, стран. 171.

[2]) См. гл. II, § 2.

Нарѣчія, предлоги и союзы произошли частью отъ сказуемаго, частью же отъ связки. Такъ напр., нарѣчіе „впереди“ первоначально могло служить сказуемымъ, напр.: „Остапъ былъ впереди“. При болѣе точномъ обозначеніи мѣста слово „впереди“ становится предлогомъ, напр.: „Остапъ былъ впереди всѣхъ“. Предлогъ „передъ“ можетъ обозначать и мѣсто время; а глаголъ „опередить“ съ тѣмъ же корнемъ обозначаетъ направленіе движенія по сравненію съ другими движущимися предметами, напр.: „Остапъ опередилъ всѣхъ“. Тотъ же корень переходитъ въ союзъ времени „прежде чѣмъ“, напр.: „онъ перекрестился, прежде чѣмъ вступилъ въ бой“.

Что эти части рѣчи могутъ возникать также изъ связки (copula) видно, напр., на нарѣчіяхъ „равно“ или „такъ же, какъ“. Такъ напр., „онъ р а в н о изящно пишетъ и читаетъ“ или „онъ пишетъ такъ же изящно, какъ и читаетъ“. Эти предложенія произошли отъ сравненія двухъ сужденій: 1) „онъ пишетъ изящно“, 2) „онъ читаетъ изящно“. Результатъ этого сравненія заключается въ сужденіи: „изящество его писанія равно изяществу его чтенія“. „Равно“ здѣсь обознаетъ опредѣленное отношеніе (равенства) между изяществомъ писанія и изяществомъ чтенія. Два сравниваемыхъ предмета составляютъ термины сужденія, а слово „равно“ выражаетъ самое отношеніе: слѣдовательно оно, по нашему толкованію сужденія, служитъ его связкой (См. гл. II, §§ 5 и 11).

Такимъ образомъ оказывается, что нарѣчія, предлоги и союзы могутъ быть не только предикатнаго, но и связочнаго (копульнаго) происхожденія. Слѣдовательно при новой классификаціи этихъ частей рѣчи по. ихъ п р о и с х о ж д е н і ю пришлось бы каждое слово провѣрить и распредѣлить или въ одну или въ другую группу. Но въ виду двухтысячной традиціи, такое коренное перераспредѣленіе всѣхъ словъ врядъ ли встрѣтило бы сочувствіе у школьныхъ грамматиковъ и даже у лингвистовъ. Это распредѣленіе тѣмъ болѣе неудобоисполнимо, что и между философами и между грамматиками еще существуетъ разногласіе относ. связки, какъ о с о б о й части предложенія и сужденія: нѣкоторые ученые, какъ мы видѣли, хотятъ ее совсѣмъ упразднить[1]).

[1]) См.: гл. II § 5.

Въ виду всего изложеннаго, представляется болѣе удобнымъ принять иное основаніе при дѣленіи частей рѣчи. Старая классификація по категоріямъ Аристотеля, какъ мы видѣли, не выдерживаетъ критики и всѣми признана непригодной для грамматики. Неудовлетворительны и новѣйшія попытки возвратиться къ частямъ рѣчи Аристотеля, который отличалъ всего три класса словъ въ связной рѣчи, а именно: имя (т. е. склоняемыя слова), глаголъ (т. е. спрягаемыя) и частицы (т. е. не имѣющія флексій). Эта попытка недавно возобновлена и проф. Поржезинскимъ, правда, съ незначительнымъ видоизмѣненіемъ: онъ различаетъ имена склоняемыя въ одномъ родѣ, и—по всѣмъ тремъ родамъ. Такимъ образомъ у него получаются четыре класса, въ которыхъ не выдержано основаніе дѣленія [1]). Что измѣненіе имени по родамъ не служитъ характернымъ признакомъ для раздѣленія именъ сущ. отъ именъ прилагат., мы видѣли выше при опредѣленіи частей рѣчи у Кирпичникова [2]).

Неудовлетворительна и попытка новаго раздѣленія частей рѣчи, сдѣланная Ѳ. Буслаевымъ. Какъ извѣстно, онъ дѣлитъ всѣ части рѣчи на двѣ большія группы: а) на знаменательныя, б) на служебныя. Въ число знаменательныхъ частей рѣчи Буслаевымъ включены всѣ имена сущ. и прил. Между тѣмъ въ ихъ числѣ есть не мало и такихъ, которыя не отличаются по содержанію отъ признанныхъ имъ за служебныя. Таковы, напр., имена числительныя, причисленныя Буслаевымъ къ служебнымъ, тогда какъ нѣкоторыя имена числительныя по содержанію не отличаются отъ соотвѣтственныхъ именъ сущ.: единица, пятокъ, десятокъ, дюжина, сотня. „Весь“ считается Буслаевымъ за мѣстоименіе, и причислено къ служебнымъ. На самомъ дѣлѣ, оно можетъ быть и именемъ сущ., напр.: „все—мое“, сказало злато. Вспомогат. глаголы причислены Буслаевымъ къ служебнымъ, тогда какъ и отъ нихъ образованы формы, получившія значеніе именъ сущ. Таковы напр. бывшее, будущее, бытіе.

[1]) См. *Поржезинскій.* Введеніе въ языковѣдѣніе, 2 изд. М. 1910, стран. 124. „Наиболѣе общими классами словъ въ индоевроп. языкахъ являются: 1) слова склоняемыя, 2) слова склоняемыя съ формою согласованія въ родѣ, 3) слова спрягаемыя. Этимъ тремъ классамъ противополагается одинъ большой классъ словъ, характеризуемыхъ отсутствіемъ формъ словоизмѣненія“. „(Сюда относится и Infinitiv)“.

[2]) См. гл. V, §§ 4 и 5, стр. 148 и 149.

§ 14. Новая классификація словъ.

Въ виду всего изложеннаго представляется необходимымъ принять новыя основанія дѣленія при классификаціи словъ связной рѣчи. Таковымъ основаніемъ дихотоміи, прежде всего, можетъ служить постоянство значенія. Принимая его за основаніе дѣленія, всѣ слова русскаго, а равно и остальныхъ европейскихъ языковъ, можно раздѣлить на двѣ большія группы: I. На слова постоянныя, всегда имѣющія свое опредѣленное и полное значеніе, не зависимое отъ момента рѣчи и отъ другихъ обстоятельствъ. II. Замѣстители, т. е. слова, не имѣющія своего постояннаго опредѣленнаго значенія. Таковыя замѣщаютъ временно (иногда только въ одномъ предложеніи) одно или нѣсколько связанныхъ другъ съ другомъ постоянныхъ словъ [1]). Къ замѣстителямъ относятся не только мѣстоименія, но и нѣкоторыя нарѣчія и союзы, а также и членъ, который представляетъ собою особое мѣстоименіе.

Каждую изъ этихъ группъ можно раздѣлить на два класса, принимая за основаніе дѣленія положеніе слова въ предложеніи.

А. Первый классъ состоитъ изъ тѣхъ словъ, которыя могутъ быть подлежащимъ предложенія. (Таковыя, какъ мы видѣли, при дальнѣйшемъ осложненіи мысли могутъ быть и дополненіемъ во всѣхъ падежахъ, и сказуемымъ и даже частью обстоятельства). Это—классъ *именъ существительныхъ.*

Б. Второй классъ состоитъ изъ остальныхъ словъ, которыя не могутъ быть подлежащимъ (безъ измѣненія ихъ окончанія). Этотъ классъ можно назвать *словами несамостоятельными.*

[1]) Слова этого класса не имѣютъ постояннаго и опредѣленнаго логическаго содержанія. Въ каждомъ изъ нихъ имѣется только одинъ чисто формальный признакъ отношенія. Такъ напр., мѣстоименіе „нашъ" обозначаетъ принадлежность намъ; но послѣднее слово даже въ устахъ одного и того же человѣка въ разное время можетъ обозначать различныя лица. То же самое мы имѣемъ и въ мѣстоименіи „я". Это слово говорящій употребляетъ не только для обозначенія своей личности, но въ передачѣ чужихъ словъ оно обозначаетъ другое лицо.

А. Классъ *именъ сущ.* по ихъ логическому объему можно раздѣлить на два разряда: 1) на имена собственныя, обозначающія индивидуальныя понятія, и 2) на имена нарицательныя, обозначающія общія понятія. Послѣднія можно подраздѣлить на пять видовъ: а) на имена, обозначающія отдѣльные предметы (чувственные и сверхъестественные); б) имена собирательныя, которыя обозначаютъ опредѣленную совокупность однородныхъ предметовъ, имѣющихъ одно общее назначеніе и соотвѣтственное единство цѣли и организаціи; в) имена вещественныя, обозначающія одно только вещество, безъ обозначенія формы и назначенія предметовъ; г) имена сущ. предикатныя, т. е. тѣ, которыя возникли изъ предиката и обозначаютъ какой-нибудь признакъ предмета (вещи или живого существа), а именно: или качество, или отношеніе, или дѣйствіе, или претерпѣваніе, или состояніе, или перемѣну, или число; д) имена душевныхъ переживаній, обозначающія: или ощущеніе, или чувство, или познавательный, или волевой процессъ.

Б. Другой классъ, т. е. *несамостоятельныхъ* словъ, можно подраздѣлить на три разряда: 1) на глаголы, 2) на имена прилагательныя, 3) на частицы (съ русскимъ дѣепричастіемъ и междометіями гносическими).

Неопредѣленное наклоненіе, представляющее собою переходную ступень отъ глагола къ имени сущ., можетъ быть и тѣмъ и другимъ [1]).

1. Разрядъ, т. е. глаголы, удобнѣе раздѣлить по обозначаемому ими признаку подлежащаго, чѣмъ по ихъ окончаніямъ (суффиксамъ и флексіямъ). Ихъ можно раздѣлить на слѣдующіе роды: а) на глаголы дѣйствительные, т. е. выражающіе дѣятельность или дѣйствіе подлежащаго; это дѣйствіе разсматривается независимо отъ наличности

[1]) Именемъ сущ. слѣдуетъ его считать въ тѣхъ случаяхъ, когда оно бываетъ подлежащимъ и опредѣленіемъ, напр.: „писать такую картину весьма не легко“ или „искусство пѣть не всѣмъ дается“. Въ качествѣ дополненія оно имѣетъ признакъ глагола, напр.: я люблю танцовать, пѣть, рисовать. Въ этихъ случаяхъ при дѣйствіяхъ, обозначенныхъ неопредѣленнымъ наклоненіемъ, подразумѣвается опредѣленное лицо, а также время. Такъ напр. въ предложеніи: „братъ мой любилъ танцовать“ дѣйствіе относится къ брату и къ прошедшему времени.

предмета, на которомъ обнаруживается это дѣйствіе, или въ которомъ осуществляется результатъ этого дѣйствія, т, е. переходный ли данный глаголъ или непереходный. Такъ напр.: „онъ поетъ, кричитъ, пишетъ“ или „онъ поетъ арію Зибеля; онъ пишетъ письмо“.

б) Глаголы страдательные, выражающіе претерпѣваніе подлежащаго, независимо отъ того, обозначенъ ли дѣйствующій предметъ, отъ котораго исходитъ дѣйствіе. Такъ напр.: онъ испугался, обидѣлся, радуется, прославляется.

в) Глаголы средніе, выражающіе состояніе подлежащаго, напр.: братъ спитъ, лежитъ, стоитъ, скучаетъ.

г) Глаголы модальные, выражающіе перемѣну, происходящую съ подлежащимъ, независимо отъ наличности причины или дѣятеля этой перемѣны. Такъ напр.: онъ заболѣлъ, умеръ, поблѣднѣлъ; ящикъ замерзъ, стаканъ разбитъ, вода испарилась.

2. Разрядъ, т. е. именъ *прилаг.*, дѣлится на два рода: а) на качественныя, напр.: свѣтлый, звонкій, красивый; б) на относительныя въ широкомъ смыслѣ. Послѣднія подраздѣляются: α) на вещественныя, напр.: золотой, желѣзный, бумажный; β) на притяжательныя, или отыменныя, къ которымъ должно причислять и нѣкоторыя „относительныя“, напр.: городской, земельный, сосѣдинъ, дѣдовскій, гостинный, письменный; γ) отглагольныя прилагательныя, напр.: ходячій, стоячій, побѣдоносный, плавучій; δ) имена прилаг. числительныя, напр.: двѣ, четыре, второй, четвертый, многіе.

3. Разрядъ, т. е. *частицъ*, дѣлится: а) на нарѣчія, б) на предлоги, в) на союзы, г) на гносическія частицы, или слова вводно-оцѣночныя. Къ послѣднимъ относятся слова: да! нѣтъ! конечно, кажется, быть можетъ, несомнѣнно, врядъ ли, молъ, дескать, де; говорятъ, думаютъ, повидимому. Къ нимъ относятся также и „междометія“, выражающія личныя чувства говорящаго: таковыя тоже представляютъ собою оцѣнку факта по отношенію къ интересамъ самого говорящаго или упоминаемаго имъ лица или предмета).

Этой классификаціей исчерпываются всѣ слова европейскихъ языковъ.

VI гл. ПРИРОЖДЕННЫЯ СПОСОБНОСТИ ПОЗНАНІЯ.

§ 1. Планъ нашего изслѣдованія.

Свое изслѣдованіе мы начали съ установленія нѣкоторыхъ общихъ гносеологическихъ положеній, которыя неоспоримы со стороны здраваго смысла, которыя молчаливо признаются всѣми [1]). Наши положенія не отрицаются даже скептиками,—по крайней мѣрѣ на практикѣ [2]). Послѣ этого мы разсмотрѣли элементы познанія и мышленія. Таковыми оказались въ логикѣ сужденія, а въ рѣчи предложенія. При этомъ мы отмежевали логику отъ грамматики, оставивъ для послѣдней ф о р м у выраженія мысли при помощи словъ опредѣленнаго языка. Логикѣ же мы оставили самое с о д е р ж а н і е мысли, которое остается однимъ и тѣмъ же во всѣхъ языкахъ и символизаціяхъ мысли. Самое сужденіе мы опредѣлили на основаніи логическихъ и психологическихъ анализовъ простѣйшихъ предложеній, т. е. безличныхъ, какъ ц ѣ л ь н ы й и з а к о н ч е н н ы й п о з н а в а т е л ь н ы й а к т ъ, в ъ к о т о р о м ъ с о з н а т е л ь н о у с т а н а в л и в а е т с я и л и в о с п р и н и м а е т с я о п р е д ѣ л е н н о е о т н о ш е н і е м е ж д у д в у м я п е р е ж и в а н і я м и [3]). Затѣмъ, разсматривая способы осложненія предложеній, мы остановились на познавательной *оцѣнкѣ* сужденій и на *критеріяхъ истины*, каковая служитъ цѣлью логики и всякой науки [4]). Послѣ этого мы разсмотрѣли значеніе понятій для мышле-

1) См. II главу настоящаго изслѣдованія.

2) *Sextus Empiricus*, Pyrrhon. hypotyp. lib. I. 8—11.

3) См. II гл. наст. изсл.

4) См. III гл. наст. изсл.

нія и познанія, отмѣтивъ ихъ возникновеніе изъ ряда сужденій и познавательныхъ процессовъ, а равно познавательную цѣнность какъ общихъ, такъ и индивидуальныхъ понятій. Затѣмъ мы разсмотрѣли и первую попытку классификаціи самыхъ общихъ понятій, т. е. категорій, сдѣланную Аристотелемъ, указавъ на важное историческое значеніе этихъ категорій въ грамматикѣ [1]). Наконецъ, мы посвятили цѣлую главу грамматическимъ категоріямъ, въ которой разъяснили неправильность перенесенія въ грамматику логическихъ категорій Аристотеля. При этомъ мы доказали неправильность существующихъ дѣленій и опредѣленій частей рѣчи и взамѣнъ представили новыя ихъ опредѣленія и классификацію. Въ концѣ главы мы показали, какъ обособились (диференцировались) грамматическія категоріи словъ отъ частей сужденія; при этомъ оказалось, что языкъ и грамматика подтверждаютъ наше опредѣленіе сужденія [2]).

Теперь мы разсмотримъ возникновеніе познанія, выдѣливъ въ немъ элементы, которые не даны индивидуальнымъ опытомъ, а обусловлены прирожденной организаціей души. И только послѣ этого мы разсмотримъ главнѣйшіе разряды объектовъ познанія, которые и по сей день составляютъ спорные вопросы гносеологіи.

§ 2. Наблюденія надъ зарождающимся познаніемъ дитяти требуютъ особой осмотрительности.

Чтобы отыскать элементы познанія, мы обратились къ простѣйшимъ познавательнымъ процессамъ, доступнымъ самонаблюденію и анализамъ каждаго: въ простомъ процессѣ легче разобраться, чѣмъ въ сложномъ. Разсмотрѣніе зарождающагося познанія въ жизни дитяти откроетъ намъ первоисточники познанія и способы его возникновенія, чего не могутъ дать сложные процессы взрослаго человѣка. Обращаясь къ душевной жизни дитяти первыхъ дней и мѣсяцевъ, мы должны сознаться, что относительно ея мы не можемъ имѣть непосредственныхъ свѣдѣній изъ

1) См. IV гл. наст. изсл.
2) См. V гл.

самаго достовѣрнаго источника, т. е. изъ самонаблюденія. Дѣло въ томъ, что никто не помнитъ своихъ первыхъ впечатлѣній и познаній. Самыя раннія воспоминанія изъ своей жизни обыкновенно относятся къ тому возрасту, когда дѣти уже свободно владѣютъ рѣчью, т. е. къ третьему году и къ позднѣйшему времени [1]). Поэтому по необходимости приходится обратиться къ объективнымъ наблюденіямъ надъ жизнію дитяти, которыя мы должны истолковывать на основаніи самонаблюденій. Въ подобныхъ наблюденіяхъ, а еще больше въ ихъ истолкованіи, необходима большая осмотрительность и точность. Это истолкованіе дѣлается обыкновенно слишкомъ поспѣшно: наблюдаемыя движенія, крики и мимика дитяти обыкновенно объясняются по полной аналогіи со взрослымъ человѣкомъ, при чемъ не обращается вниманія на отсутствіе у дитяти того опыта, который бываетъ у взрослаго. Такъ напримѣръ, въ моихъ записанныхъ наблюденіяхъ надъ моимъ сыномъ Владиміромъ значится на 15-мъ днѣ его жизни слѣдующее. „Если онъ кричитъ въ люлькѣ, и къ нему приближаются и поправляютъ его подушку, то онъ дѣлается покойнѣе. Если же его возьмутъ на руки, то онъ вполнѣ успокаивается. Иногда же онъ снова начинаетъ кричать и успокаивается только сосаніемъ материнской груди (вѣроятно, когда онъ голоденъ). Въ другихъ случаяхъ при повторномъ крикѣ онъ снова успокаивается, когда его носятъ на рукахъ, или слегка качаютъ, или съ пѣніемъ убаюкиваютъ“. Обыкновенныя няни и матери могутъ внести въ истолкованіе подобныхъ наблюденій множество элементовъ изъ опыта взрослаго человѣка, который отсутствуетъ у 15-ти-дневнаго сосуна. Такъ напр., онѣ скажутъ, что онъ *узнаетъ* приближающееся лицо и *знаетъ* *цѣль* его приближенія, что онъ *любитъ* пѣніе, или лицо, качающее и убаюкивающее его. Между тѣмъ для подобныхъ истолкованій не имѣется достаточныхъ основаній. Прибли-

[1]) Изъ множества разспросовъ у моихъ бывшихъ учениковъ только одинъ мнѣ сообщилъ, что онъ помнитъ одно событіе изъ своей жизни, которое относится къ концу перваго года его жизни. Это былъ гимназистъ VII класса изъ дворянской образованной семьи, которому я вполнѣ довѣряю, такъ какъ ни одинъ его отвѣтъ на мои повѣрочные вопросы не возбуждалъ во мнѣ сомнѣній. Но точность возраста, къ которому относилось его воспоминаніе, я не имѣлъ возможности провѣрить.

женіе чего-то большого (няни или отца) и движеніе подушки всегда предшествовали поднятію младенца изъ люльки и перенесенію его къ груди матери, которую онъ сосалъ: слѣдовательно эти впечатлѣнія, начинавшія обычный рядъ переживаній послѣ сна, могли по смежности вызвать остальныя звенья ассоціаціи, включая и воображаемое удовольствіе сосанія, т. е. возбуждая пріятное ожиданіе. Когда же это ожиданіе не оправдывалось дѣйствительностью, то наступало непріятное разочарованіе, выражающееся у младенца до 5-ти недѣль, какъ и все непріятное, *крикомъ*. Послѣднее истолкованіе гораздо проще и не предполагаетъ иного опыта, кромѣ того, который уже имѣется у 15-ти-дневнаго сосуна. Непріятныя ощущенія, выражаемыя крикомъ, младенецъ обнаруживаетъ съ первой минуты послѣ рожденія.

Съ другой стороны было бы ошибочнымъ всѣ проявленія душевной жизни дитяти объяснять однимъ опытомъ и ассоціаціями. Такъ напр., первое появленіе *чувства* вовсе не зависитъ отъ опыта или отъ ассоціацій. Уже само понятіе „первый" исключаетъ всякій предшествовавшій въ этомъ отношеніи опытъ, хотя бы это первое чувство обнаружилось въ позднѣйшей жизни. Нѣкоторыя чувства, какъ извѣстно, обнаруживаются довольно поздно, напр.: сексуальныя и родительскія; однако и они не зависятъ отъ опыта. Даже чувства взрослаго не могутъ быть объяснены одними ассоціаціями: они большей частью обусловлены оцѣнкой впечатлѣнія съ точки зрѣнія пользы или вреда или же съ эстетической и этической точекъ зрѣнія; но такой оцѣнки безъ предварительнаго опыта не можетъ быть у младенца, совершенно не понимающаго ни жизни, ни окружающей его природы. Между тѣмъ чувство *страха* наблюдается у дѣтей уже послѣ трехъ мѣсяцевъ жизни. Слѣдовательно это чувство, безъ сомнѣнія, вполнѣ прирождено, какъ и всѣ чувства, проявляемыя въ первый разъ и не зависящія отъ опыта.

§ 3. Первые познавательные акты новорожденнаго дитяти.

Самыя элементарныя познанія—это воспріятія, въ которыхъ содержатся уже сужденія, входящія въ актъ такъ на-

зываемой апперцепціи. Въ этотъ актъ входятъ: 1) сужденія узнаванія тожественнаго съ прежнимъ познаніемъ, 2) сужденія о реальности впечатлѣнія, въ отличіе отъ представленія, 3) сужденія о пространственныхъ отношеніяхъ воспринятаго, т. е. все то, что нѣмецкіе психологи называютъ локализаціей и проекціей ощущеній въ пространство. Кромѣ этихъ сужденій, впослѣдствіи присоединяются къ нимъ и разныя другія сужденія, напр.: о величинѣ видимаго, о его плотности и формѣ, о разстояніи его отъ видящаго [1]). Объ этихъ элементарныхъ познавательныхъ актахъ мы можемъ узнать только изъ самонаблюденія на основаніи подробныхъ психологическихъ анализовъ. Но о жизни безсловеснаго младенца мы можемъ судить только на основаніи его движеній, криковъ и физіологическихъ измѣненій: поэтому мы не имѣемъ возможности утверждать съ увѣренностью, когда именно онъ имѣетъ первое свое воспріятіе. На основаніи наблюденій мы знаемъ, что дѣятельность его органовъ чувствъ совершенствуется, хотя она обнаруживается съ перваго дня. По всему вѣроятію, младенецъ уже съ момента рожденія имѣетъ ощущенія холода. Затѣмъ—ощущенія голода и насыщенія, осязательныя и вкусовыя ощущенія [2]). Что у новорожденнаго должны быть на лицо упомянутыя ощущенія, подтверждается наблюденіями. Уже въ первый день младенецъ довольно умѣло глотаетъ сладкую воду или разведенное коровье молоко и перестаетъ кричать. Очевидно, крикъ вызывается голодомъ, такъ какъ

[1]) См. *И. С. Проданъ,* Практическое руководство по психологіи. Харьковъ, 1908, главы XVIII и XX.

[2]) Ощущенія тепла, быть можетъ, и отсутствуютъ въ первый день: новорожденный привыкъ къ температурѣ тѣла матери, въ $+37^0$ по Цельсію; а выходя на воздухъ, который имѣетъ болѣе низкую температуру, онъ издаетъ крикъ, ощущая холодъ. (Впрочемъ, причины перваго крика, помимо холода, могутъ быть и другія: ощущенія боли и рефлексъ органа дыханія). Обычную температуру мы не ощущаемъ ни какъ холодъ, ни какъ тепло; а новорожденный реагируетъ крикомъ, когда его тѣло соприкасается съ воздухомъ, который ниже температуры тѣла. Слѣдовательно эту низшую температуру онъ долженъ ощущать какъ холодъ. Когда же онъ закутанъ, то онъ не испытываетъ холода и не кричитъ. Больше мы не знаемъ о его ощущеніяхъ. Въ данномъ случаѣ отсутствіе крика отнюдь не доказываетъ наличности ощущенія тепла; оно доказываетъ лишь отсутствіе холода.

послѣ принятія пищи онъ прекращается. Самое глотаніе жидкости невозможно безъ осязательныхъ и мускульно-моторныхъ ощущеній, которыя вызываютъ соотвѣтственные двигательные рефлексы въ глоткѣ. Наличность ощущеній уже въ первый день подтверждается и моими наблюденіями: мой сынъ „на второй день проснулся съ крикомъ; но когда его взяли на руки, то онъ успокоился. То же повторилось въ тотъ же день. Проснувшись съ крикомъ, онъ тотчасъ же успокоился, когда его взяли на руки". Очевидно, онъ ощущалъ свое поднятіе, и это его успокоивало: вѣроятно, онъ вспоминалъ, что послѣ этого слѣдуетъ глотаніе сладкаго, пріятнаго. „Когда его впервые поднесли къ груди матери, то онъ тотчасъ же началъ ее сосать; но черезъ минуту онъ пересталъ сосать и началъ кричать: въ груди еще не было молока". Очевидно, первый крикъ послѣ пробужденія былъ вызванъ ощущеніемъ голода, которое временно было вытѣснено изъ поля сознанія новыми ощущеніями; но затѣмъ оно возобновилось и снова вызвало обычный рефлексъ крика. Дальше мое наблюденіе записано такъ. „Тогда ему дали разбавленнаго коровьяго молока, которое онъ глоталъ умѣло (лучше, чѣмъ въ первый день), при чемъ раскрылъ глаза и былъ покоенъ". Фактомъ упражненія въ глотаніи подтверждается наличность памяти (какъ сохраненія) уже на второй день. Равнымъ образомъ и впечатлѣнія отъ поднятія на руки и послѣдовавшей за нимъ сладости (молока) должны были сохраниться: иначе, онъ не успокоился бы скорѣе, чѣмъ на канунѣ. Наличность памяти даетъ намъ право предполагать отожествленіе новаго впечатлѣнія (отъ поднятія на руки) съ сохраненнымъ прежнимъ. Слѣдовательно тутъ уже имѣется зародышъ апперцепціи, и повторенное впечатлѣніе второго дня можно уже считать за первичное воспріятіе, т. е. за познавательный актъ.

Изъ предметовъ внѣшняго міра новорожденный прежде всего знакомится съ грудью матери и со своимъ собственнымъ тѣломъ. „Во время бодрствованія мой сынъ В. на второй день игралъ пальцами своихъ ручекъ, которыя держалъ у своего личика. При этомъ онъ бралъ въ ротъ то свои пальчики, то верхнюю кожу кисти руки и сосалъ ихъ". Это были частью самопроизвольныя („импульсивныя") движенія, частью инстинктивныя. Дальше въ моихъ

наблюденіяхъ записано: „Уже въ этотъ день онъ поворачивалъ глазами, а также головой самопроизвольно, т. е. безъ всякаго повода извнѣ; головой онъ поворачивалъ справа на лѣво, а потомъ въ обратную сторону... То же повторилось и на третій день... Ручки онъ держалъ со сжатыми кулаками у личика; по временамъ же онъ самопроизвольно двигалъ пальчиками. При этомъ у него разъ отдѣлился указательный пальчикъ лѣвой руки и прикоснулся лѣвой ноздри. Это прикосновеніе, повидимому, было случайное". Такъ записаны мои наблюденія; они весьма поучительны. Прикосновеніе пальцемъ къ ноздрѣ должно было вызвать осязательныя ощущенія и въ пальцѣ, и въ ноздрѣ. Между тѣмъ прикосновеніе того же пальца къ одѣялу, къ пеленкамъ, или къ другому твердому предмету вызывало одно ощущеніе, лишь въ пальцѣ. При повторенныхъ опытахъ младенецъ могъ убѣждаться, что одѣяло, пеленки, люлька и другіе видимые имъ предметы не вызываютъ осязательныхъ ощущеній, когда къ нимъ касаются другіе предметы, а не пальцы младенца. Если же такой предметъ коснется его кожи, то тотчасъ же получается осязательное ощущеніе. Тѣ предметы, очевидно, иные, чѣмъ поверхность его рукъ, лица, ногъ, шеи и т. д. Въ послѣднихъ отъ прикосновенія другихъ предметовъ получаются осязательныя ощущенія, которыя иногда непріятны. Отъ прикосновенія же пальцевъ къ поверхности своего тѣла получаются во всѣхъ частяхъ тѣла двойныя осязат. ощущенія и въ пальцѣ и въ кожѣ тѣла. Слѣдовательно собственное тѣло постоянно отзывается на прикосновенія, а поверхность другихъ тѣлъ ничего подобнаго не вызываетъ [1]). Такимъ образомъ устанавливается рѣзкое отличіе между своимъ тѣломъ и другими тѣлами. Вотъ какимъ образомъ совершается первое выдѣленіе своего тѣла отъ другихъ (отличіе между „Я" и „не—я"). Этотъ процессъ можетъ начаться уже съ третьяго дня жизни; но онъ

[1]) Безсловесный младенецъ, разумѣется, не разсуждаетъ въ приведенныхъ нами словахъ и понятіяхъ: у него могутъ быть только представленія отъ полученныхъ впечатлѣній и сужденія тожества и различія, и тѣ—въ примитивной формѣ интеллектуальныхъ чувствъ. Впрочемъ, не исключена возможность, что видимые предметы ему и сразу представляются протяженными и внѣшними по отношенію къ своему тѣлу.

заканчивается довольно поздно,—когда младенецъ умѣетъ ходить и говорить, а можетъ быть, и позже.

Уже изъ приведенныхъ немногихъ наблюденій видно, что безъ самопроизвольныхъ движеній рукъ, глазъ, головы не развились бы и другія—болѣе сложныя; безъ нихъ не далось бы познаніе ни своего тѣла, ни внѣшнихъ предметовъ. Но и самопроизвольность и рефлексы *прирождены*: они имѣются еще во внутриутробной жизни.

§ 4. Прирожденныя способности человѣка.

Какъ матери и няни склонны преувеличивать сложность дѣтской душевной жизни, такъ ученые естествоиспытатели подъ вліяніемъ сенсуалистическаго ученія и физіологическихъ гипотезъ склонны слишкомъ упрощать душевную жизнь младенца, объясняя ее одними ассоціаціями идей и рефлексами нервной системы. Между тѣмъ развитіе душевной жизни въ большей степени зависитъ отъ врожденной организаціи, отъ множества дремлющихъ силъ, чѣмъ отъ внѣшнихъ условій и впечатлѣній. Попробуйте воспитывать по человѣчески дѣтеныша обезьяны, подвергая его тѣмъ же условіямъ и впечатлѣніямъ, что и младенца человѣка! Изъ обезьяны все же получится обезьяна, а не человѣкъ. Въ зоологическихъ садахъ уже почти 200 лѣтъ выращиваются и воспитываются орангутанги: однако надежды философовъ 18-го вѣка, въ родѣ Дэ-Ла-Метри [1]), возлагавшіяся ими на орангутанговъ, не оправдались: до сихъ поръ не удалось научить обезьяну ни говорить, ни мыслить по-человѣчески.

Самыя полныя и самыя точныя наблюденія надъ развитіемъ душевной жизни у дитяти имѣются въ послѣднемъ трудѣ Прейера, озаглавленномъ „Душа дитяти", переведенномъ уже и на русскій языкъ. Хотя Прейеръ—естествоиспытатель-физіологъ, однако онъ не закрываетъ глазъ передъ фактами дѣйствительности, противорѣчащими упомянутымъ теоріямъ и гипотезамъ. Прейеръ отмѣчаетъ и „импульсив-

[1]) *De-la-Mettrie*, L'homme machine, 1748.

ныя“ (самопроизвольныя) движенія у дѣтей, и врожденность подражательныхъ и инстинктивныхъ движеній, а равно и врожденность нѣкоторыхъ чувствъ [1]). Несомнѣнно и психическая жизнь имѣетъ свой ходъ развитія, которое начинается еще въ эмбріональной жизни. Эта жизнь эмбріона не поддается непосредственнымъ наблюденіямъ; но не можетъ быть сомнѣнія, что она начинается съ перваго дня зачатія. Иначе, какъ могли бы быть переданы способности, унаслѣдованныя отъ отца, котораго младенецъ никогда не видалъ? Такіе случаи очень обычны у незаконнорожденныхъ. Эти унаслѣдованныя способности иногда обнаруживаются довольно поздно, даже послѣ остановки роста тѣла; но и въ такихъ случаяхъ они не могутъ быть объяснены воспитаніемъ и подражаніемъ. Впрочемъ, самое подражаніе, какъ мы увидимъ, есть нѣчто прирожденное: не всѣ люди и животныя въ одинаковой степени способны къ подражанію. Обезьяна способнѣе въ этомъ отношеніи всѣхъ животныхъ, а человѣкъ въ значительной степени превосходитъ обезьяну. А безъ подражанія невозможно и самое воспитаніе.

Прирожденныхъ способностей не отрицалъ и Локкъ, котораго иногда по недоразумѣнію считаютъ родоначальникомъ сенсуализма. Локкъ отрицалъ „прирожденныя идеи“ въ смыслѣ готовыхъ сознательныхъ переживаній; но онъ не отрицалъ прирожденныхъ способностей. Наоборотъ, онъ прямо говоритъ, что въ сущности вся душа прирождена человѣку, слѣдовательно—и способность къ воспріятію впечатлѣній, и способность „рефлексіи“, обусловливающая „внутренній опытъ“. Что и въ эмбріональной жизни совершаются не только физіологическіе процессы, но даже и довольно сложныя движенія—это фактъ общеизвѣстный [2]). Такъ какъ движенія глотанія, совершае-

[1]) Preyer, Die Seele des Kindes, 7. Aufl.

[2]) Еще Эразмъ Дарвинъ отмѣтилъ разныя движенія у телятъ, не только оконечностей, но и глотательныя: у таковыхъ находили въ желудкѣ проглоченные волосы собственной шерсти. Слѣдовательно телята и въ утробной жизни могутъ себя лизать и проглатывать свою шерсть. Такъ же онъ отмѣчаетъ и движенія у цыплятъ, еще не вылупившихся изъ яйца. (Kussmaul, Unters. üb. d. Leben des neugeborenen Menschen L. 1859).

мыя эмбріонами, невозможны безъ соотвѣтственныхъ осязательныхъ и мускульно-моторныхъ ощущеній глотки, то очевидно, что и въ эмбріональной жизни должны существовать эти ощущенія. Кромѣ того, весьма вѣроятно, что и отъ самыхъ движеній, а равно и отъ другихъ физіологическихъ процессовъ, эмбріонъ получаетъ впечатлѣнія. Такимъ образомъ падаетъ та искусственная перегородка, которая отдѣляетъ эмбріональную психическую жизнь отъ жизни послѣутробной. У нѣкоторыхъ птицъ, бѣгающихъ съ перваго дня, напр. у цыплятъ, уже въ первый день жизни обнаруживаются такія сложныя движенія, обусловленныя зрительными воспріятіями, которымъ человѣкъ научается съ трудомъ черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ рожденія. Такъ напр., иной цыпленокъ уже въ первый день, послѣ того какъ вылупился изъ яйца, ловитъ муху. Очевидно, къ этому искусству онъ былъ подготовленъ еще въ яичной скорлупѣ, а самую способность унаслѣдовалъ отъ предковъ [1]).

§ 5. Объясненіе прирожденныхъ движеній.

И у новорожденнаго дитяти есть движенія, которыя не зависятъ отъ его личнаго опыта. Къ таковымъ относятся: рефлекторныя, инстинктивныя, поражательныя и импульсивныя движенія. Послѣднія не вызываются внѣшними раздраженіями, а обусловлены самодѣятельностью органовъ движенія [2]). Какъ мы видѣли въ § 3 настоящей главы, новорожденный младенецъ уже на второй день „играетъ" своими пальчиками, когда удовлетворенъ его голодъ. Эта „игра" пальцами состоитъ въ движеніяхъ, которыя не обусловлены никакими внѣшними причинами: они обнаруживаются преимущественно послѣ предшествовавшаго отдыха и послѣ сна.

[1]) Прирожденныхъ способностей относ. познанія не признавалъ Кондильякъ и его послѣдователи; въ теоріи ихъ отвергалъ и Гербартъ. Мы увидимъ, что они ошибались: и познаніе не дается человѣку разомъ.

[2]) Между психологами истекшаго вѣка впервые обратили должное вниманіе на это свойство душевной дѣятельности *А. Бэнъ* и *Прейеръ*; но оно все еще недостаточно изслѣдовано и оцѣнено.

То же бываетъ и у взрослыхъ. Иной отъ бездѣйствія и отъ скуки барабанитъ пальцами; иной мнетъ бумажный шарикъ или дергаетъ пуговицу. Засидѣвшись долго на одномъ мѣстѣ, мы встаемъ и ходимъ безъ цѣли, чтобы „размять свои члены". Пробудившись отъ достаточно продолжительнаго сна, здоровый человѣкъ не можетъ долго лежать неподвижно: онъ потягивается и наконецъ встаетъ изъ постели. Всѣ эти и подобныя имъ движенія являются результатомъ самоподвижности и самодѣятельности организма: каждый органъ послѣ отдыха „самъ собою" обнаруживаетъ свою дѣятельность, которую иногда не въ силахъ подавить и сознательная воля. Эта самодѣятельность не можетъ быть объяснена нервными токами и рефлексами[1]). Эта самодѣятельность составляетъ основное свойство животной жизни, и очевидно прирождена и человѣку. Ею обусловлено, напр. сердцебіеніе, дыханіе, которыя не останавливаются до смерти.

Рефлексы состоятъ въ невольныхъ мускульныхъ сокращеніяхъ и соотвѣтственныхъ движеніяхъ, которыя вызываются опредѣленнымъ ощущеніемъ и раздраженіемъ центростремительнаго (чувствительнаго) нерва. И таковые обнаруживаются у младенца уже въ первые дни послѣ рожденія. Къ нимъ относятся: крики отъ непріятныхъ ощущеній, закрываніе вѣкъ при внезапномъ приближеніи къ нимъ предметовъ, поворачиваніе глазами за движущимися внѣшними предметами, чиханіе, кашель. Всему этому никто не училъ младенца: съ этими способностями онъ уже родился.

Физіологи и біологи, по примѣру Спенсера, объясняютъ эти движенія тѣмъ, что отъ мозговой клѣтки, получающей раздраженіе отъ чувствительнаго нерва, исходитъ двигательный нервъ, кончающійся въ мускулѣ, которому и передается раздраженіе двигательнаго нерва. Но это объясненіе, хотя оно просто и опирается на факты анатоміи, все же неудовлетворительно.

Рефлекторныя движенія бываютъ и у взрослыхъ: поэтому мы имѣемъ возможность ихъ проанализировать и провѣрить на основаніи своихъ самонаблюденій. Прежде всего біологами приписываются той же мозговой клѣткѣ двѣ

[1]) Ср. *И. С. Проданъ*, Практич. руков. по психол. III ч. гл. XL стр. 272—275.

совершенно различныя функціи: 1) она получаетъ раздраженіе (ощущеніе) отъ чувствительнаго нерва; 2) она же даетъ приказъ по двигательному нерву сокращаться соотвѣтственному мускулу. Раздраженіе чувствительнаго нерва, которымъ будто бы порождается опредѣленное ощущеніе, не можетъ быть тождественнымъ съ раздраженіемъ двигательнаго нерва, вызывающимъ сокращеніе мускула. Это измѣненіе качества нервныхъ токовъ остается безъ объясненія. Затѣмъ, самое предположеніе, будто нервнымъ токомъ чувствительнаго нерва вызывается въ мозговой клѣткѣ „ощущеніе", т. е. психическій, а не физіологическій процессъ, опирается на гипотезу психофизическаго параллелизма, которая признается не всѣми психологами. Далѣе, извѣстно, что тотъ же рефлексъ, напримѣръ, закрываніе вѣкъ, получается при весьма различныхъ зрительныхъ впечатлѣніяхъ: вѣки закрываются и отъ приближенія къ нимъ мухи, комашки, пальца и любого предмета; эти предметы могутъ до безконечности отличаться другъ отъ друга и цвѣтомъ, и величиной, и формой. Неужели же всѣ эти безчисленные и разнообразные предметы „ощущаются" однимъ и тѣмъ же чувствительнымъ нервомъ, одной и той же мозговой клѣткой?

Физіологія все объясняетъ одними нервными токами, природа которыхъ до сихъ поръ неизвѣстна; одно только достовѣрно, что это—не электрическіе токи. Объясненіе огромнаго числа разнообразныхъ ощущеній одними и тѣми же нервными токами ровно ничего не объясняетъ; это—только маскировка нашего незнанія. Если же предположить для каждаго элемента ощущенія особую нервную нить или волоконце и особую мозговую клѣтку, то таковыхъ не хватитъ и на одну билліонную часть всѣхъ психическихъ элементовъ. Это было мною обстоятельно разъяснено и доказано въ моемъ изслѣдованіи „О памяти" [1]). Наконецъ, если бы рефлексы зависѣли отъ однихъ нервныхъ процессовъ: то осталось бы не разъясненнымъ, почему у взрослаго возможно задерживаніе и остановка рефлексовъ посредствомъ сознательной воли. Чтобы этотъ фактъ объяснить, физіологи опять прибѣгаютъ на помощь къ новой гипотезѣ,—о „задер-

[1]) См. *И. С. Продань*, О памяти, Юрьевъ 1904, I ч. гл. VI.

живающихъ центрахъ"; таковые будто бы находятся въ корковомъ веществѣ большого мозга и задерживаютъ рефлексъ. Какимъ образомъ происходитъ это задерживаніе, остается неизвѣстнымъ. Довольно того, что найдено новое слово, и это слово успокаиваетъ физіологовъ и широкую публику. Между тѣмъ эта вспомогательная гипотеза вызываетъ много недоумѣній: 1) задерживающій центръ, очевидно, долженъ получать свѣдѣнія о предстоящемъ рефлексѣ; затѣмъ, онъ долженъ бодрствовать и быть на сторожѣ: какъ только наступитъ раздраженіе чувствительнаго нерва, дающее ощущеніе, задерживающій центръ долженъ отдать приказъ,— не смѣть сокращать мускулъ. Наконецъ, 3) онъ долженъ вести еще контроль, исполненъ ли этотъ его приказъ. Такъ на самомъ дѣлѣ должны себѣ представлять физіологи отправленія этихъ центровъ. Но эти представленія—грубый антропоморфизмъ, противъ котораго такъ сильно возстаютъ нѣкоторые естествоиспытатели. Подобное объясненіе физіологическаго процесса, вѣрнѣе остановки таковаго, терминами и фактами психологическими—совершенно противорѣчитъ объективной точкѣ зрѣнія физіологіи: вѣдь она ничего не признаетъ за реально существующее, кромѣ видимаго и осязаемаго и вообще доступнаго нашимъ органамъ чувствъ. Между тѣмъ полученіе свѣдѣній и воля (приказаніе) суть явленія не физическія, не матеріальныя.

Рефлекторныя движенія становятся понятными, если имѣть въ виду ихъ **разумную цѣль**: закрываніе вѣкъ, очевидно, имѣетъ ту цѣль, чтобы предохранить глазъ отъ попаданія въ него летающихъ мелкихъ насѣкомыхъ и пыли и чтобы предохранить глазъ отъ порчи. Крикъ сосуна возбуждаетъ вниманіе матери, которая устраняетъ страданіе своего дитяти. Поворачиваніе глазъ имѣетъ въ виду дать ему лучшее положеніе для зрѣнія. Чиханіе имѣетъ въ виду удалить изъ ноздрей попавшую въ нихъ пыль или постороннее тѣло. Кашель выдѣляетъ изъ бронхъ мокроту, которая могла бы парализовать дѣятельность легкихъ.

Правда, этой разумной цѣли не сознаютъ ни младенцы, ни большинство взрослыхъ людей; но изъ этого отнюдь не слѣдуетъ, что ея нѣтъ. Изъ того факта, что я не видѣлъ Америки и Австраліи отнюдь не слѣдуетъ, что эти части свѣта не существуютъ. Изъ того, что самъ человѣкъ не

знаетъ разумныхъ цѣлей его органовъ, слѣдуетъ одно,—что не онъ ихъ установилъ. А откуда онѣ взялись, это другой вопросъ, о которомъ мы потолкуемъ въ другомъ мѣстѣ.

§ 6. Врожденность инстинктовъ.

Еще болѣе сложны и загадочны инстинкты человѣка и животныхъ. Понятіе инстинкта недостаточно выяснено даже у самыхъ выдающихся естествоиспытателей. У обыкновенныхъ людей это слово употребляется для обозначенія всего непонятнаго въ жизни животныхъ, чего не хотятъ объяснять разумомъ. Но понятіе инстинктивныхъ движеній довольно точно выяснено у Прейера. Подъ таковыми разумѣютъ цѣлый рядъ сложныхъ движеній, которыя ведутъ къ опредѣленной цѣли, но которыя не могутъ быть объяснены индивидуальнымъ опытомъ: они прирождены животнымъ и человѣку. Тѣмъ не менѣе весьма ошибочно обычное мнѣніе, будто инстинктивныя дѣйствія лишены руководительства разума и познанія. Даже у низшихъ животныхъ инстинкты осуществляются при содѣйствіи ума, памяти и сознательной воли. Инстинкты были бы совершенно непонятны, еслибы мы вздумали исключить изъ нихъ цѣль и волю.

Въ этомъ отношеніи весьма поучительны инстинкты, имѣющіе своей цѣлью размноженіе потомства. Таковые распадаются на чисто сексуальные и на родительскіе. Первые подготовляютъ появленіе потомства; послѣдніе имѣютъ въ виду вскормить и воспитать потомство. Первые имѣются у всѣхъ животныхъ, даже у самыхъ низшихъ двуполыхъ. Послѣдніе отсутствуютъ у многихъ членчатыхъ, напр., у насѣкомыхъ: у послѣднихъ потомство появляется большей частью уже послѣ смерти родителей. Зато ихъ потомство рождается способнымъ къ самостоятельной жизни, безъ помощи родителей. И у животныхъ инстинктивныя движенія совершаются при участіи ума и сознанія. Такъ напр., для того, чтобы защищать дѣтенышей отъ всевозможныхъ враговъ и опасностей, необходимо матери въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ приноравливаться къ обстоятельствамъ мѣста и времени, и къ опасности, и къ самому врагу.

Въ нашу задачу не входитъ изслѣдованіе біологическаго значенія инстинктовъ, а равно и ихъ описаніе. Интересующіеся этимъ вопросомъ могутъ почерпнуть цѣнныя свѣдѣнія, а также нѣкоторое пониманіе значенія инстинктовъ изъ спеціальнаго изслѣдованія Моргана, переведеннаго и на русскій языкъ [1]). Я ограничусь только указаніемъ на *разумную цѣль инстинктовъ* и на наличность во всѣхъ инстинктивныхъ движеніяхъ *элементовъ познанія*. Такъ напр., одинъ изъ сильнѣйшихъ инстинктовъ, присущій не только животнымъ, но и человѣку, это—сексуальный инстинктъ. Онъ обнаруживается тогда, когда тѣло уже почти завершило свой ростъ, и состоитъ во взаимномъ влеченіи двухъ половъ. Однако различія пола недостаточно для его обнаруженія. Между многочисленными особями обыкновенно отбирается инстинктивно одна, которое становится исключительнымъ предметомъ влеченія. Что заставляетъ человѣка остановиться на одной, въ этомъ онъ въ ранніе годы не даетъ себѣ отчета. Иногда противъ этого выбора говоритъ и разсудокъ, и опытъ любящихъ свое дѣтище родителей: однако человѣкъ не смотритъ ни на что, переноситъ огромныя жертвы и лишенія, и удовлетворяетъ свой врожденный инстинктъ. Почему эта одна увлекла его исключительно: затемнила его разсудокъ и парализовала его волю, это неизвѣстно въ точности ни одной, ни другой сторонѣ. Говорятъ: „понравились и полюбили другъ друга“. Однако психологъ можетъ отмѣтить нѣкоторыя общія черты, которыя за рѣдкими исключеніями нравятся брачущимся, независимо отъ выгоды брака. На самомъ дѣлѣ, бракъ рѣдко заключается по ожидаемой выгодѣ; большей частью онъ не выгоденъ для обѣихъ сторонъ. Только неопытная молодежь этого не понимаетъ. Если бы сексуальное влеченіе не было прирождено, то ни одинъ разумный человѣкъ не вступалъ бы въ бракъ. Но дѣйствительность показываетъ противное. Сексуальное влеченіе зависитъ не только отъ физіологическихъ причинъ, но и отъ психическихъ. Брачущимся нравятся опредѣленныя качества въ своей половинѣ. Мужчинѣ нравится женская красота“, которая состоитъ въ нормальномъ и пропорціональномъ тѣлосложеніи и въ здоровьи; а послѣднее обнаружи-

[1]) *Morgan*, C. L, Habit and Instinct, 1896.

вается въ румянцѣ щекъ, губъ, ушей, въ блескѣ глазъ, въ живости движеній и рѣчи, въ здоровой груди. Женщинѣ обыкновенно нравятся: сила физическая и нравственная, твердый характеръ, смѣлость и здоровье. (Интеллектуальныя качества культурнаго человѣка мы оставляемъ безъ разсмотрѣнія: они осложняютъ нашъ вопросъ). Перечисленныя качества „красоты" цѣнятся у всѣхъ, и заставляютъ брать на себя тяжелыя обязанности семейной жизни. Спрашивается, почему? Объ этомъ догадываются нѣкоторые философы, но не всѣ; въ этомъ ошибается и Вл. Соловьёвъ. Обыкновенные же люди знаютъ только фактъ влеченія къ „красотѣ", но не знаютъ его причины. И сексуальный отборъ основанъ на прирожденномъ инстинктѣ. Всѣ качества такъ называемой „красоты" вызываютъ сильнѣйшее сексуальное влеченіе, сулящее сильнѣйшее удовлетвореніе и наслажденіе. Этой приманкой Создатель заставляетъ насъ исполнять свой важнѣйшій долгъ. Если бы сексуальное влеченіе, обусловленное „красотой", не было прирождено, то родъ человѣческій давно бы вымеръ. Только недальновидные эпикурейцы нашего времени думаютъ, что наслажденіе само по себѣ составляетъ цѣль сексуальнаго инстинкта, цѣль жизни.

Чисто человѣческій инстинктъ—это его влеченіе къ познанію, называемое любознательностью и любопытствомъ; но ради этого меньшинство способно на жертвы и лишенія.

§ 7. Прирожденность подражанія и чувствъ.

Въ предыдущемъ мы отмѣтили участіе познавательныхъ процессовъ въ инстинктахъ. Гораздо больше значенія въ области познанія имѣютъ невольныя подражательныя движенія. Ихъ происхожденіе и значеніе для познанія еще недостаточно раскрыто современными психологами [1]). Что способность невольно подражать прирождена, въ этомъ не можетъ быть сомнѣнія; а произвольное подражаніе поя-

[1]) Тардъ отмѣтилъ лишь ихъ значеніе въ соціальной жизни. См. *G. Tarde*, Les lois de l'imitation, 1890.

вляется уже послѣ перваго, и безъ него не было бы возможно, какъ это отмѣтилъ и Прейеръ. Разсмотримъ конкретный примѣръ. Если младенецъ слышитъ звуки „мама“ и затѣмъ невольно самъ производитъ своимъ голосовымъ аппаратомъ тѣ же звуки; то очевидно, что звуковымъ впечатлѣніемъ вызваны соотвѣтственныя мускульныя сокращенія въ голосовомъ аппаратѣ. Въ этомъ подражаніи имѣется подобное же явленіе, какъ и въ рефлекторныхъ движеніяхъ, за исключеніемъ наличности разумной цѣли въ каждомъ отдѣльномъ подражаніи. (Въ общемъ способность подражать имѣетъ огромное значеніе для воспитанія и обученія). Слѣдовательно и способность невольно подражать звукамъ обусловлена прирожденной связью между опредѣленнымъ звуковымъ воспріятіемъ и голосовымъ аппаратомъ или скорѣе —прирожденной связью между субстратами (монадами), управляющими голосовымъ аппаратомъ и соотвѣтственными субстратами, производящими звуковыя ощущенія. У глухихъ возможно подражаніе звукамъ и на основаніи воспроизведенія тѣхъ же видѣнныхъ движеній губъ; но эта способность подражать развита вообще слабо и распространяется не на всѣ звуки, такъ какъ при производствѣ звуковъ участвуютъ и голосовыя связки, и органъ дыханія, и другіе мускулы, не видимые глухими. Слѣдовательно должна существовать прирожденная связь между субстратами видимыхъ движеній губъ и соотвѣтственными субстратами голосового аппарата.

Такъ какъ младенцы подражаютъ видимымъ движеніямъ оконечностей, шеи и туловища, то подобная же связь должна быть прирождена и между зрительными субстратами и субстратами, управляющими оконечностями, шеей и туловищемъ.

Но дѣти подражаютъ и мимикѣ, видимой ими у другихъ. Слѣдовательно должна существовать такая же прирожденная связь между зрительными субстратами и соотвѣтственными субстратами, управляющими мускулами лица. Такъ какъ мимика служитъ выраженіемъ опредѣленныхъ чувствъ, то должна существовать прирожденная связь между субстратами чувствъ и соотвѣтственными субстратами мускуловъ. Послѣдніе оказываются связанными и съ зрительными субстратами, и съ субстратами чувствъ. По-

этому становится понятнымъ и фактъ заразительности чувствъ и фактъ пониманія чувствъ другого [1]). Такъ напр., младенецъ, видя на лицѣ матери выраженіе страха, тотчасъ же заражается тѣмъ же чувствомъ: невольно подражая мимикѣ, онъ самъ испытываетъ соотвѣтственное чувство страха. Вслѣдъ за этимъ самое чувство вызываетъ обычный у сосуновъ рефлексъ крика. Безъ наличности этихъ прирожденныхъ связей было бы невозможно даже и пониманіе чувствъ другого, а таковое замѣчается у дѣтей, прожившихъ всего нѣсколько мѣсяцевъ.

Подражаніе видимымъ движеніямъ весьма развито даже у животныхъ позвоночныхъ—у млекопитающихъ и птицъ. Такъ напр., птенцы учатся летать у родителей; дѣтеныши хищныхъ млекопитающихъ, подражая матери, учатся разнымъ пріемамъ нападенія и преслѣдованія; дѣтеныши зайчихи учатся у нея пріемамъ прятаться.

Но не только заразительность чувствъ прирождена. Чувства появляются у младенца и независимо отъ подражанія: они появляются по причинамъ чисто психическимъ, необъяснимымъ нервами и рефлексами, ни даже опытомъ. Первое проявленіе чувства, какъ это было отмѣчено выше, (§ 2 наст. главы) исключаетъ всякій опытъ и воспроизведеніе по ассоціаціи. Никакому чувству нельзя научиться изъ опыта, помимо подражанія или самопроизвольнаго его проявленія вслѣдствіе прирожденной организаціи души. Первое проявленіе какого-нибудь чувства не у всѣхъ дѣтей одинаково, такъ какъ темпъ развитія можетъ быть то ускореннымъ, то замедленнымъ. Такъ напр., я сдѣлалъ наблюденіе на моемъ сынѣ на 37-омъ днѣ его жизни, которое безъ колебаній объясняю чувствомъ страха. Мое наблюденіе записано такъ: „Младенецъ В. лежалъ на рукахъ матери и внимательно ее разглядывалъ, медленно поворачивая глазами. (По временамъ онъ безсмысленно таращилъ глаза безъ обнаруженія вниманія). Когда я позади лица матери внезапно показался въ полѣ зрѣнія младенца, то онъ вскрикнулъ: я былъ одѣтъ въ темно-синюю куртку, между тѣмъ какъ мать всегда была одѣта въ свѣтлое цвѣтное платье. Повидимому, младенецъ испугался“. Въ данномъ случаѣ не

[1]) См: *И. С. Проданъ*, Практич. руков. по психол. II ч. XXIX, стран. 182—186.

было никакой другой причины для внезапнаго крика младенца, какъ внезапное появленіе движущейся фигуры, которая ему показалась чужой. Впрочемъ, и темный цвѣтъ самъ по себѣ пугаетъ дѣтей [1]).

И повтореніе того же чувства не можетъ быть объяснено однимъ воспроизведеніемъ по ассоціаціи,—даже и въ томъ случаѣ, когда предшествующія ему переживанія тожественны съ первымъ случаемъ его проявленія. Если въ первомъ случаѣ была въ душѣ своя причина этого чувства, при отсутствіи ассоціацій: то та же причина должна дѣйствовать и при повтореніи того же чувства [2]).

§ 8. Прирожденность способности рѣчи.

Одна изъ самыхъ характерныхъ особенностей человѣка, отличающей его отъ безсловесныхъ животныхъ, это—способность рѣчи. Эта способность не можетъ быть сведена на одни подражанія взрослымъ: еслибы она зависѣла только отъ подражанія, то она никогда не могла бы возникнуть и у нашихъ предковъ. Сведеніе человѣческой рѣчи на одни рефлексы чувствъ въ видѣ междометій тоже не выдерживаетъ критики, какъ мы это отмѣтили въ § 12 предыдущей главы. Настоящія междометія выражаютъ непосредственно переживаемыя чувства: въ этомъ отношеніи они сходны съ разными криками животныхъ, которыми они выражаютъ свои чувства;

1) Прейеръ утверждаетъ, что появленіе страха въ подобныхъ случаяхъ не бываетъ въ первые три мѣсяца жизни. (См.: Preyer, Die Seele des Kindes, 7 Aufl. L. 1908, S. 99 Ende). Но я считаю его обобщеніе неосновательнымъ: изъ того факта, что онъ раньше трехъ мѣсяцевъ жизни дитяти не наблюдалъ подобнаго страха, отнюдь не слѣдуетъ, что этого вообще не бываетъ. Впрочемъ, у моего сына былъ вообще ускоренный темпъ развитія: онъ уже на 64-й день самопроизвольно („импульсивно“) произнесъ сочетаніе звуковъ „туп“, а на 81-й день онъ по подражанію произнесъ слово „ампе“ (вмѣсто „Lampe“). Раннему развитію у него рѣчи, несомнѣнно, содѣйствовалъ и его феноменальный слухъ, обнаруженный впослѣдствіи.

2) Правда, воспроизведеніе чувствъ по смежности бываетъ; но таковое очень слабо, и даже для этого требуется частое его повтореніе или же особая сила впечатлѣнія.

однако ни одно животное, при наличности своихъ междометій, не дошло до словеснаго языка. Животныя поддаются дрессировкѣ и съ виду какъ бы исполняютъ приказанія дрессировщика. Обыкновенно думаютъ, будто дрессированное животное понимаетъ слова своего господина. На самомъ дѣлѣ все обученіе животныхъ сводится къ ассоціаціямъ по смежности и къ закону самосохраненія: ожиданіе награды—яства, лакомства, ласки—заставляетъ его продѣлывать то, послѣ чего слѣдуютъ эти награды. Съ другой стороны опасеніе наказанія (побоевъ, лишенія свободы) заставляетъ его воздерживаться отъ того, послѣ чего слѣдуетъ страданіе. И выдрессированныя животныя, въ томъ числѣ и самые умные попугаи, не понимаютъ человѣческой рѣчи по человѣчески, хотя въ иныхъ случаяхъ вслѣдствіе ассоціаціи звуковъ съ предметомъ, можетъ быть вызвано звукомъ ассоціированное съ нимъ представленіе.

До человѣческой рѣчи не дошелъ ни одинъ попугай, ни одна обезьяна. Человѣкъ способенъ создавать свою рѣчь и развивать ее по мѣрѣ своихъ духовныхъ потребностей вмѣстѣ со своимъ духовнымъ ростомъ и совершенствованіемъ. Въ этомъ отношеніи весьма интересны наблюденія надъ дѣтьми. Правда, дѣти перенимаютъ рѣчь у взрослыхъ и не сразу ей научаются; но одной переимчивости было бы недостаточно, если бы у нихъ не было прирожденныхъ способностей рѣчи и мысли. Рѣчь взрослыхъ для нихъ нужна, чтобы ихъ понимать и быть понятыми ими. Но и дѣти не ограничиваются одними междометіями, выражающими непосредственно испытываемое ими чувство.

Рядомъ съ общепринятой рѣчью взрослыхъ дѣти нерѣдко создаютъ и свой языкъ,—съ цѣлью, чтобы ихъ не понимали другіе. Это обнаруживается въ особенности тогда, когда родители и окружающіе дѣтей взрослые чуждаются дѣтей и отдаляютъ ихъ отъ себя. Если умному ребенку нужно выдѣлить изъ цѣлаго вида какой-нибудь предметъ, его интересующій, то онъ для него придумываетъ особое названіе, т. е. рядомъ съ общепринятымъ именемъ нарицательнымъ онъ создаетъ свое имя собственное. Какую нибудь дорожку, кустикъ, дерево онъ обозначаетъ особыми названіями. Подражая дѣйствительности, дѣти создаютъ свой воображаемый міръ и въ отличіе отъ дѣйствительнаго обозна-

чаютъ особыми названіями своихъ героевъ и дѣйствующія лица, а равно и воображаемыя страны, города, улицы и проч. Мой сынъ В. до одиннадцати лѣтъ съ любовью чертилъ карты съ желѣзными дорогами своего воображемаго государства, давая особыя названія своимъ городамъ и желѣзнодорожнымъ станціямъ. Въ ранніе годы у него существовали свои герои „куклинъ дядя" и „Цуцхенъ", которые обладали всевозможными желательными качествами, не бывающими у дѣйствительныхъ людей. На четвертомъ году мой сынъ интересовался цифрами стѣнного календаря, которыя ежедневно смѣнялись другими. Онъ сталъ распрашивать мать объ ихъ значеніи; но я не велѣлъ матери говорить ему объ этомъ, чтобы удержать его быстрое развитіе ума. Тогда онъ самъ придумалъ свои названія для каждой цифры и сталъ слѣдить за порядкомъ ихъ чередованія на стѣнномъ календарѣ. Впослѣдствіи онъ ихъ узнавалъ и въ газетахъ и книгахъ, называя ихъ своими именами: 0—хитрóнтъ, 1—хотя́нтъ, 2—забилибýбъ, 3—пейзикъ-пéйзикъ", 4—дѣдѣдýшекъ, 5—ревень-вóнюнючъ, (настой ревеня онъ часто принималъ), 6—лукчи-лýкчъ, 7—что съ бебáкомъ („бебакъ"=хвостатый чертикъ).

Наконецъ, фактъ довольно извѣстный, что дѣти, прежде чѣмъ начинають подражать чужой рѣчи, самопроизвольно произносятъ отдѣльные звуки, повторяя ихъ въ разныхъ варіаціяхъ и въ разномъ порядкѣ [1]). Эта болтовня не имѣетъ смысла и опредѣленной цѣли: она есть результатъ самопроизвольной дѣятельности органа рѣчи; но она подготовляетъ къ подражанію. Такъ какъ ребенокъ слышитъ свои звуки и ощущаетъ въ гортани, губахъ, въ языкѣ свои мускульно-моторныя движенія; то съ теченіемъ времени усиливается связь между звуковыми воспріятіями и мускульными ощущеніями и облечается переходъ отъ однихъ звеньевъ ассоціаціи къ другимъ.

Наконецъ, дѣти очень рано научаются правильно примѣнять грамматич. категоріи—части рѣчи, родъ, числа, падежи. Между тѣмъ ихъ сознательное пониманіе они усваиваютъ себѣ довольно поздно, въ школѣ, и не такъ легко.

[1]) Мой сынъ до произнесенія на 64-й день перваго сочетанія звуковъ „туп" произносилъ раньше звукъ „п" и нѣсколько разъ звукъ „б".

Если бы эти грамматическія и логическія способности имъ не были прирождены, то дѣти не могли бы такъ скоро научиться родной рѣчи, безъ знанія грамматики.

Итакъ не подлежитъ сомнѣнію, что способность рѣчи прирождена человѣку, какъ и способность подражать. Разумѣется, что и эти способности могутъ остаться безъ развитія и могутъ атрофироваться, если ребенокъ будетъ поставленъ въ неблагопріятныя условія. Но одни благопріятныя условія не могутъ создать рѣчи ни у попугая, ни у обезьяны, такъ какъ эти способности не прирождены имъ.

§ 9. Прирожденныя ассоціаціи въ области познанія.

Кромѣ приведенныхъ фактовъ прирожденной душевной организаціи, есть и множество другихъ, относящихся исключительно къ области познанія внѣшняго міра. Эти факты тоже несомнѣнно доказываютъ наличность прирожденной организаціи *души въ процессахъ познанія, а равно—и наличность* въ душѣ, еще до всякаго индивидуальнаго опыта, нѣкоторыхъ элементовъ познанія. Такъ напр., извѣстно, что дѣти (даже и на второмъ году обособленной жизни, т. е. послѣ рожденія) протягиваютъ руку къ видимой ими на небѣ лунѣ, чтобы схватить ее. Въ данномъ случаѣ мы имѣемъ на лицо не только ошибку относ. разстоянія луны, но и намѣреніе схватить ее. Это намѣреніе доказываетъ, что ребенокъ считаетъ видимый дискъ луны плотнымъ тѣломъ [1]). Это знаніе (или предположеніе) чрезвычайно поучительно. Во всякомъ случаѣ, ребенокъ не могъ его почерпнуть изъ опыта,—ни своего личнаго, ни даже изъ опыта предковъ, который былъ бы ему переданъ наслѣдственно.

Первыя попытки схватить незнакомый видимый предметъ относятся къ раннему возрасту дитяти, къ первому полугодію его внѣутробной жизни. У моего сына такая по-

[1]) Относ. знакомыхъ тѣлъ, къ которымъ ребенокъ неоднократно протягивалъ руку, это движеніе можетъ быть сдѣлано „автоматично", т. е. по привычной ассоціаціи. Но относ. предмета новаго и неизвѣстнаго такое предположеніе неосновательно.

пытка была замѣчена мною, когда ему исполнилось 17 недѣль. Это явленіе доказываетъ, что уже послѣ четырехъ мѣсяцевъ внѣутробной жизни дѣти считаютъ все видимое чѣмъ-то плотнымъ и находящимся внѣ ихъ тѣла, въ томъ числѣ дымъ и пламя, къ которымъ они тоже протягиваютъ свою руку. Въ данномъ случаѣ ихъ знаніе ошибочно; но оно еще убѣдительнѣе доказываетъ, что оно не есть плодъ личнаго опыта. Наоборотъ, опытъ научаетъ ребенка, что пламя нельзя схватить, и что прикосновеніе къ нему больно. Протягиваніе руки къ пламени (дыму или отражаемому въ зеркалѣ образу) можно объяснить двояко. 1) Можно предполагать, что дитя на основаніи своего небольшого опыта съ ощупанными имъ предметами (грудью матери, своимъ тѣломъ, одеждой, люлькой и т. под.) умозаключаетъ по неполной индукціи, будто и все, видимое имъ, имѣетъ плотность. 2) Можно предполагать, что видимое уже отъ рожденія истолковывается, какъ плотное и находящееся внѣ видящаго [1]).

Первое предположеніе мало вѣроятно, такъ какъ опытъ младенцевъ слишкомъ ограниченъ; а самая индукція отъ нѣсколькихъ извѣстныхъ имъ предметовъ на всѣ, сходные въ чемъ-либо, предполагаетъ умѣніе отличать сходное во многообразіи несходнаго, а также—вѣру въ единообразіе природы. У первобытныхъ людей и дѣтей, умѣющихъ говорить, индукція очень обычна, но только въ случаяхъ тожественнаго опыта; а индуктивное обобщеніе на новый несходный съ прежнимъ опытомъ предметъ мало вѣроятна даже у взрослаго. Пламя и луна между тѣмъ представляютъ разительное отличіе отъ тѣхъ предметовъ, которые младенецъ ощупываетъ. Очевидно, ему нравится блескъ пламени и луны, и потому онъ ихъ желаетъ схватить. Равнымъ образомъ нельзя предполагать у младенца и вѣры въ единообразіе природы: таковая отсутствуетъ даже у многихъ взрослыхъ людей культурныхъ народовъ.

[1]) Третье предположеніе, будто ребенокъ протягивая руку къ пламени, имѣетъ въ виду только ощупать его, а не схватить его, не подтверждается наблюденіями. Ребенокъ до прикосновенія къ пламени или лунѣ производитъ хватательныя движенія; желаніе ощупать неизвѣстный предметъ обнаруживается довольно поздно; но тогда пальцы руки не сдвигаются въ кулакъ.

Такимъ образомъ остается въ силѣ второе предположеніе, а именно, что зрительныя впечатлѣнія уже до рожденія связаны съ представленіемъ о плотности видимаго. Доказательствомъ тому служитъ тотъ фактъ, что всѣ первобытные народы и даже большинство людей у самыхъ культурныхъ народовъ считаетъ видимое небо плотнымъ, хотя его никто никогда не ощупывалъ.

Представленія о плотности имѣются у дикарей и дѣтей также при воспріятіхъ солнца, облаковъ, радуги. Несомнѣнно, что эти представленія не могли быть почерпнуты изъ опыта—ни единичнаго ни коллективнаго общечеловѣческаго, такъ какъ никто никогда не ощупывалъ этихъ предметовъ. Эта увѣренность не могла быть и плодомъ индукціи, такъ какъ облака, принимающія всевозможные цвѣта, не похожи на тѣ предметы, которые окружаютъ дикаря и первобытнаго человѣка; радуга и солнце тоже не имѣютъ никакого сходства съ предметами, извѣстными дикарю.

Эта вѣра можетъ быть объяснена прирожденными ассоціаціями, т. е. реальной связью душевныхъ субстратовъ (монадъ) зрительныхъ впечатлѣній съ субстратомъ представленія о плотности. Послѣдующій индивидуальный опытъ вноситъ свои поправки относ. исключеній, а именно: пламени, облаковъ, радуги и проч. Съ другой стороны опытъ подтверждаетъ врожденную вѣру и усиливаетъ ее; но она имѣлась въ зародышѣ еще до рожденія.

§ 10. Сверхчувственные элементы познанія; понятіе величины.

Что не всѣ элементы нашего познанія доставляются органами чувствъ, это понималъ и доказывалъ еще Платонъ. Онъ вѣрно отмѣтилъ, что понятія *равнаго, бо́льшаго, меньшаго, прекраснаго* и т. под. не даны намъ чувственнымъ впечатлѣніемъ, но что они привносятся познающимъ въ актъ познанія. По мнѣнію Платона, такія понятія усвоены душою еще въ ея доземномъ существованіи. Какъ извѣстно, Платонъ предполагалъ (во второй періодъ своего философскаго развитія), что каждому понятію соотвѣтствуетъ въ реаль-

номъ мірѣ своя „идея“ (ἰδέα, εἶδος), т. е. сверхчувственная, но реальная сущность, вѣчный и совершенный прообразъ чувственныхъ вещей, измѣняемыхъ и несовершенныхъ. Эти вѣчныя сущности душа непосредственно созерцала раньше, т. е. въ доземномъ ея существованіи: поэтому она можетъ ихъ припоминать и послѣ ея воплощенія на землѣ [1]). Но для этого требуются благопріятныя обстоятельства, чтобы пробудились дремлющія въ душѣ понятія и познанія. Способностью пробуждать ихъ обладалъ Сократъ. Въ Платоновомъ діалогѣ „Менонъ“ онъ выводится бесѣдующимъ о геометріи съ рабомъ Менона, и благодаря удачнымъ наводящимъ вопросамъ Сократа рабъ, никогда не изучавшій геометріи, доходитъ до познанія геометрическихъ истинъ. Къ таковымъ познаніямъ сверхчувственнаго относятся не однѣ геометрическія истины, основанныя на отношеніяхъ протяженныхъ величинъ. Сверхчувственные элементы имѣются въ познаніи и всего чувственнаго міра. Платонъ объясняетъ это тѣмъ, что чувственныя вещи „причастны“ къ „идеямъ“ сверхчувственнымъ, но точнаго опредѣленія этой „причастности“ Платонъ не даетъ. Въ діалогѣ „Фэдонъ“ онъ ею поясняетъ понятіе *величины*, а именно: Симмій (когда онъ стоитъ рядомъ съ Фэдономъ) меньше Фэдона; когда же онъ стоитъ рядомъ съ Сократомъ, то онъ больше Сократа. Въ первомъ случаѣ Симмій, по объясненію Платона, причастенъ къ идеѣ „меньшаго“; а въ послѣднемъ— къ идеѣ „большаго“ [2]). Что такое объясненіе неудовлетворительно, въ томъ не трудно убѣдиться и изъ примѣра самого Платона. „Причастность“ Симмія къ идеѣ „большаго“ зависѣла не отъ чего иного, какъ отъ сравненія его съ другимъ чувственнымъ предметомъ, т. е. Сократомъ, который меньше Симмія (т. е. причастенъ къ идеѣ „меньшаго“). Но тотъ же Сократъ въ то же время будетъ причастенъ и къ идеѣ „большаго“, если его сравнить съ какимъ-нибудь мальчикомъ. Такимъ же образомъ и Симмій дѣлается причастнымъ то къ одной, то къ противоположной идеѣ, смотря

1) *Plato*, a) Phaedon, 74—76; 92; 100—101. b) Menon, 81—86. c) Res publica, VI 507—509.

2) *Plato*, Phaedon, 102.

по тому, съ кѣмъ его сравниваетъ видящій. Въ этомъ случаѣ ни самъ Симмій не измѣнился, ни что-либо въ чувственномъ мірѣ; а „идеи“ Платона и подавно вѣчны и неизмѣнны: измѣняются лишь с у ж д е н і я о Симміи при сравненіи его съ ростомъ то Фэдона, то Сократа. Какъ же можетъ быть причастнымъ тотъ же Симмій къ двумъ противоположнымъ идеямъ одновременно? Если же Симмій измѣняется при сравненіяхъ, то что заставляетъ идею „меньшаго“ уступать дорогу идеѣ „большаго“ и наоборотъ? Очевидно, что разные предикаты величины, приписываемые Симмію, зависятъ отъ сравнивающаго *зрителя*, а не отъ той и противоположной ей идеи. Въ этомъ случѣ Платонъ, очевидно, смѣшиваетъ свои „идеи“ съ формальными понятіями ума, которыми обозначаются о т н о ш е н і я, устанавливаемыя судящимъ съ его же точки зрѣнія.

Возьмемъ другой прмѣръ. Домъ помѣщика крестьянскому мальчику, не бывшему въ губернскомъ городѣ, будетъ казаться б о л ь ш и м ъ зданіемъ, большимъ по сравненію съ крестьянскими; но послѣ возвращенія изъ города онъ не покажется большимъ—по сравненію съ городскими зданіями. Слѣдовательно *величина - понятіе относительное*, или *формальное*, которое не обозначаетъ чего-то самостоятельно существующаго въ реальномъ мірѣ. Въ немъ не существуетъ ни бóльшаго, ни меньшаго, ни величины, а есть только опредѣленные предметы: Симмій, Сократъ, Фэдонъ, такой-то домъ, такая-то изба. Самые эти предметы въ опредѣленный промежутокъ времени остаются тѣми же; но сужденія объ ихъ величинѣ могутъ измѣняться ежеминутно въ зависимости отъ судящаго, т. е. отъ прилагаемаго къ нимъ мѣрила [1]). Слѣдовательно понятіе о величинѣ есть результатъ с р а в н е н і я и установленія количественнаго о т н о ш е н і я между сравниваемыми предметами; а это отношеніе есть *творческій* актъ судящаго: онъ не данъ непосредственно самимъ чувственнымъ впечатлѣніемъ, напр., органомъ зрѣнія; онъ *привносится разсудкомъ познающаго.*

[1]) Аристотель, такъ часто и настойчиво критикующій ученіе Платона объ идеяхъ, оставилъ безъ возраженій это слабое мѣсто Платоновой гносеологіи.

§ 11. Тожество.

Подобныхъ чисто формальныхъ элементовъ познанія, привносимыхъ разсудкомъ въ наши чувственныя впечатлѣнія, имѣется довольно много. Къ нимъ относятся, сверхъ грамматическихъ и логическихъ категорій, и категоріи метафизическія, которыя впервые установилъ Аристотель. Въ ихъ числѣ, какъ мы видѣли, отсутствуютъ категоріи: причинности, единаго, сущаго, перемѣны [1]); а тожество онъ считаетъ свойствомъ субстанціи (οὐσία), и притомъ не самымъ существеннымъ [2]). Между тѣмъ тожество имѣетъ самое важное значеніе для познанія; это отмѣчено новѣйшей логикой въ ея основномъ *законѣ тожества* [3]). Метафизическое значеніе тожества и въ настоящее время не всѣми философами одинаково понимается. Для уясненія этого вопроса обратимся къ конкретному примѣру Платона. Предположимъ, что во время моихъ сужденій о Симміи измѣнился бы его ростъ или же весь Симмій: тогда въ первомъ случаѣ я не могъ бы ничего сказать о его ростѣ; въ послѣднемъ случаѣ не было бы самаго Симмія—на мѣсто его появилось бы нѣчто совершенно новое, что не подошло бы подъ понятіе о Симміи. То же самое было бы, если бы я, переводя глаза отъ Симмія на Фэдона, *забылъ* величину Симмія: я не могъ бы сказать, больше ли онъ Фэдона или меньше. Слѣдовательно самое первое и самое необходимое условіе познанія состоитъ въ томъ, чтобы 1) *познаваемые объекты оставались тѣми же* (по крайней мѣрѣ во время акта познанія); 2) чтобы и самъ познающій оставался тѣмъ же при познаніи, т. е. чтобы онъ *одинаково познавалъ тѣ же предметы*. Иначе, знаніе не можетъ даже возникнуть. Это основное условіе познанія требуется логикой для мыслящаго; но это тожество должно существовать не только въ познающемъ, но и въ познаваемомъ объектѣ. Послѣднее обыкновенно не отмѣчается въ логикѣ; но оно, оче-

[1]) См.: IV гл. § 9, стр. 127 и 128 наст. изслѣд.

[2]) См. IV гл. § 11, п. 5, стр. 135.

[3]) Аристотель упоминаетъ объ этомъ условіи мышленія только мимоходомъ въ своей метафизикѣ. См. *Aristoteles*, Metaph. IV, 3, 1065, b 23 et V, 9, 1018 a 18.

видно, подразумѣвается [2]). Тожество познаваемаго въ данный моментъ съ соотвѣтственнымъ прежнимъ познаніемъ познающаго субъекта есть основное условіе даже самыхъ примитивныхъ познаній, каковы воспріятія знакомыхъ предметовъ. Это отожествленіе впечатлѣнія даннаго момента съ соотвѣтственнымъ сохраненнымъ прежнимъ познаніемъ есть необходимое условіе всякой апперцепціи. Обыкновенно оно совершается невольно и легко; но при познаніи предметовъ неизвѣстныхъ, или забытыхъ, или же очень сложныхъ, процессъ апперцепціи затрудняется: тогда не сразу выдѣляются въ сознаніи тожественные элементы, въ особенности,—при наличности многихъ несхожихъ.

Такъ напр., очень знакомый намъ человѣкъ Б., если онъ не представляетъ никакихъ измѣненій, и если мы его недавно видѣли, узнается нами мгновенно, даже среди толпы, и тотчасъ же обозначается своимъ именемъ; мы тотчасъ же привѣтствуемъ его: „здравствуйте, Василій Николаевичъ!“ Когда же онъ одѣтъ въ незнакомый намъ плащъ, то даже при встрѣчѣ съ нимъ однимъ, мы не сразу узнаемъ его: тогда наступаетъ затрудненіе и колебаніе, тогда возбуждается наше вниманіе, и наконецъ процессъ узнаванія заканчивается сознательнымъ сужденіемъ тожества: „это —Б“. То же происходитъ и въ томъ случаѣ, когда мы долго не видѣли нашего знакомаго Б, и отчасти его забыли. При значительномъ забвеніи узнаваніе можетъ и не наступить, по одному зрительному впечатлѣнію. Послѣ продолжительной разлуки и при значительномъ измѣненіи наружности, легче узнаютъ человѣка по голосу. Въ этомъ случаѣ устанавливается тожество одного характернаго признака; а относ. остальныхъ оно предполагается.

[2]) Въ простыхъ процессахъ познанія законъ тожества соблюдается невольно и безсознательно: о немъ ничего не знаетъ большинство людей. Въ болѣе сложныхъ познавательныхъ процессахъ этотъ логическій законъ нерѣдко нарушается, даже при желаніи его соблюдать. Это бываетъ въ тѣхъ случаяхъ, когда тожественное выражается различными словами или же,—когда одно и то же слово употребляется въ различныхъ значеніяхъ. Поэтому первымъ и важнѣйшимъ условіемъ правильнаго логическаго мышленія оказывается требованіе ясно и точно понимать смыслъ словъ. А къ этому лучшей подготовкой служатъ грамматика, синонимика и переводы съ одного языка на другой. См. *И. С. Проданъ*. Учебникъ логики, 2-е изд. Введеніе.

§ 12. Видоизмѣненія тожества.

Полное тожество во всѣхъ признакахъ наблюдается весьма рѣдко; въ дѣйствительности оно, по всему вѣроятію, никогда не бываетъ даже у самыхъ твердыхъ минераловъ, которые въ ограниченный періодъ времени намъ кажутся неизмѣнными [1].

Мы обыкновенно довольствуемся тожествомъ одного или нѣсколькихъ существенныхъ признаковъ; а относ. остальныхъ существенныхъ признаковъ мы предполагаемъ такое же тожество. Если же мы замѣчаемъ тожество одного или нѣсколькихъ признаковъ, при различіи одного или нѣсколькихъ *существенныхъ* признаковъ: то такое совпаденіе признаковъ мы называемъ *сходствомъ*. Иногда мы на основаніи сходства дѣлаемъ поспѣшное заключеніе о тожествѣ всего предмета, принимая другого человѣка *В* за *Б*; тогда мы ошибаемся. Если же мы разглядимъ его вблизи и убѣдимся въ своей ошибкѣ, то мы судимъ: „это не *Б*". Въ такомъ случаѣ мы замѣтили *различіе* между *В* и *Б*, которое мы считаемъ существеннымъ. Но и въ подобномъ отрицательномъ сужденіи, въ которомъ мы отмѣчаемъ различіе, все же имѣются на лицо и тожественные элементы, которые составляютъ сходство: иначе, не произошла бы наша ошибка. Однако эти сходные элементы не составляютъ существа предметовъ *В* и *Б*.

Тожество въ одномъ признакѣ носитъ особыя названія, а именно: тожество величины, числа, объема называется *равенствомъ*. Такъ напр., трапеція бываетъ равной параллелограмму и треугольнику; кубъ по объему можетъ быть равнымъ пирамидѣ; длина осетра можетъ быть равной одной сажени или тремъ аршинамъ.

Тожество формы при различіи величины называется *подобіемъ*. Такъ напр., всѣ равносторонніе треугольники подобны другъ другу, какъ бы ни отличались длиной ихъ

[1] Вѣдь, и алмазъ подвергается дѣйствію разныхъ внѣшнихъ силъ: теплоты, электричества, свѣта, тяготѣнія, химическаго сродства и другихъ, которыя врядъ ли остаются безслѣдными въ самомъ алмазѣ.

стороны; всѣ квадраты, всѣ нормальные люди подобны другъ другу, несмотря на индивидуальныя различія.

Сходные предметы, несмотря на ихъ различія, включаются въ одинъ классъ и подвергаются *исчисленію*, когда имѣются въ виду одни общіе признаки, тожественные во всѣхъ отдѣльныхъ экземплярахъ. Такъ напр., три коровы, пара воловъ, одна лошадь и пять овецъ составляютъ одиннадцать штукъ (или головъ) скота. Два чемодана, одинъ узелъ, три коробки и одна корзина занимаютъ въ вагонѣ семь мѣстъ [1]).

Во всѣхъ приведенныхъ случаяхъ тожество, сходство, подобіе, равенство, а также и различіе, оказываются результатомъ сравненія, дѣлаемаго познающимъ субъектомъ на основаніи чувственныхъ данныхъ. Самое же сравненіе и установленіе соотвѣтственныхъ отношеній есть дѣятельность разсудка, а не простое чувственное впечатлѣніе. Эта дѣятельность обусловливаетъ всякій опытъ и знаніе: слѣдовательно она прирождена человѣку до всякаго опыта.

Изъ этого отнюдь не слѣдуетъ, что самое понятіе „тожество" имѣется уже готовымъ у новорожденнаго. Это общее понятіе возникаетъ довольно поздно у культурнаго человѣка: оно не существуетъ въ языкахъ дикарей. Зато мѣстоименіе „тотъ же самый" врядъ ли отсутствуетъ въ какомъ-нибудь языкѣ. Объясняется это тѣмъ, что и младенецъ, и дикарь „воспринимаютъ" въ отдѣльныхъ случаяхъ тожественность предметовъ; но не дошли еще до разсужденія о тожествѣ самомъ по себѣ. Такого тожества самого по себѣ не существуетъ въ реальномъ мірѣ; равнымъ образомъ въ немъ не существуетъ ни подобія, ни сходства, ни равенства, ни одиннадцати штукъ скота, ни семи „мѣстъ". Это —формальныя понятія человѣка, которыя образуются при помощи памяти и разсудка [2]).

[1]) Сходство иногда усматривается и въ одномъ признакѣ, который не тожественъ въ сравниваемыхъ вещахъ. Такъ напр., поэты усматриваютъ сходство между юностію и расцвѣтомъ цвѣтка, между пламенемъ и сильнымъ чувствомъ; таковое имѣется вообще въ метафорахъ. Въ этихъ случаяхъ въ „сходствѣ" психологическій анализъ можетъ выдѣлить тожественный элементъ или чувства, или отношенія.

[2]) Обыденный языкъ говоритъ: „онъ увидѣлъ свои одиннад-

§ 13. Законосообразность и причинность.

Какъ мы видѣли, безъ тожества въ познаваемомъ, знаніе было бы невозможно. Соотвѣтственное тожество необходимо и въ познающемъ. Это тожество состоитъ: 1) въ наличности памяти, 2) въ неизмѣнномъ способѣ восприниманія и познанія дѣйствительности. Дѣло вотъ въ чемъ. Такъ какъ при каждомъ актѣ познанія имѣется и познаваемый объектъ, и познающій субъектъ: то очевидно, что должна существовать нѣкоторая связь и зависимость между ними. Объектъ долженъ дѣйствовать опредѣленнымъ образомъ на субъектъ, а послѣдній каждый разъ опредѣленнымъ образомъ долженъ воспринимать тожественное воздѣйствіе объекта. Слѣдовательно наличность познанія доказываетъ, что существуетъ опредѣленный и неизмѣнный параллелизмъ между познаваемыми фактами и между познаніемъ ихъ. Безъ такого неизмѣннаго порядка, безъ опредѣленной связи познающаго субъекта съ познаваемой дѣйствительностью могли бы возникать только отдѣльныя впечатлѣнія, разрозненныя и безсвязныя, которыя не относились бы къ опредѣленному познаваемому объекту: тогда они не представляли бы собою познанія; тогда мы не имѣли бы и понятія о чемъ-то существующемъ внѣ познающаго [1]).

цать штукъ скота", какъ будто это познаніе дано зрѣніемъ, т. е. внѣшнимъ впечатлѣніемъ. На самомъ дѣлѣ, дѣти отлично видятъ уже въ концѣ второго года, а нѣкоторыя птицы уже на второй день жизни; между тѣмъ они не имѣютъ понятія о числѣ Понятія „одиннадцати штукъ скота" не могутъ имѣть даже хорошо видящія животныя. Даже орелъ и коршунъ, видящіе курицу съ высоты двухъ верстъ, не могутъ имѣть понятія „одиннадцати штукъ скота": для нихъ, во-первыхъ, не существуетъ понятіе „скотъ", такъ какъ они не отличаютъ дикаго звѣря отъ домашняго животнаго, пожирая и тѣхъ и другихъ. Для нихъ не существуетъ и числа 11, такъ какъ они не отличаютъ его отъ 10 и 13; этого не отличаютъ и домашнія куры. Если отвлечься отъ этихъ человѣческихъ понятій, то въ дѣйствительности останутся только опредѣленные предметы, именуемые нами коровами, волами, лошадью, овцами и т. д. Эти предметы остаются тожественными въ опредѣленныхъ предѣлахъ.

[1]) Такъ напр., если бы пирамида Хеопса каждый разъ воспринималась моимъ зрѣніемъ въ иномъ видѣ—то параллелопипеда,

Наши познанія не ограничиваются одними вещами и предметами, болѣе или менѣе устойчивыми. Одновременно съ ними мы познаемъ и измѣненія вещей, а равно и смѣну явленій, какъ во внѣшнемъ матеріальномъ мірѣ, такъ и въ нашемъ сознаніи. Если бы эти измѣненія и перемѣны явленій слѣдовали другъ за другомъ безъ всякаго порядка, если бы они представляли собою вѣчно новый потокъ, каждый разъ текущій въ другомъ направленіи: то мы могли бы имѣть одни только непосредственныя впечатлѣнія отъ каждой перемѣны; но каждое такое впечатлѣніе было бы чѣмъ-то совершенно новымъ, слѣдовательно было бы внѣ связи съ прошлымъ и послѣдующимъ. Въ такомъ хаосѣ впечатлѣній, въ которомъ не было бы ничего постояннаго, мы ничего не могли бы ни узнавать, ни сравнивать, и ни о чемъ не могли бы судить. Тогда не могло бы возникнуть знаніе, постоянное и обязательное для всѣхъ людей и всѣхъ временъ. На самомъ дѣлѣ, уже много вѣковъ существуютъ точныя науки о перемѣнахъ въ природѣ; существуютъ науки и о человѣкѣ, правда не столь точныя въ подробностяхъ, но въ общемъ признаваемыя всѣми.

Слѣдовательно не только въ измѣненіяхъ внѣшняго міра, но и въ измѣненіяхъ нашего сознанія долженъ существовать нѣкоторый порядокъ, нѣкоторая законосообразность, замѣчаемая познающими. Только благодаря этой законосообразности сдѣлалось возможнымъ общеобязательное объективное знаніе, и родилась общечеловѣческая наука.

Раньше всѣхъ законосообразностей младенецъ замѣ-

то цилиндра, то конуса, то шара: то у меня не могло бы возникнуть представленіе о томъ же объектѣ зрѣнія. При узнаваніи того же мѣста (что опять возможно только при тожественности окружающихъ пирамиду предметовъ) у меня могло бы возникнуть понятіе только о томъ, что осталось общимъ и неизмѣннымъ во всѣхъ моихъ зрительныхъ впечатлѣніяхъ, а именно: видимый предметъ, каждый разъ представляющійся мнѣ въ новомъ видѣ. Но если бы я не могъ узнать и мѣста, вслѣдствіе измѣнившейся окружающей меня обстановки; то тогда не возникло бы у меня и представленія объ опредѣленномъ предметѣ. У меня были бы лишь разрозненныя зрительныя впечатлѣнія, безъ всякой связи и отношенія ихъ къ дѣйствительности.

чаетъ причинную зависимость между явленіями внѣшняго міра. Дѣйствію внѣшнихъ впечатлѣній новорожденный подверженъ уже съ перваго дня. На эти впечатлѣнія онъ и реагируетъ; но было бы ошибочнымъ предполагать у него уже съ первыхъ дней понимание причинной связи. Правда, онъ можетъ помнить опредѣленный рядъ впечатлѣній, онъ можетъ его узнать, какъ знакомый рядъ; на основаніи предшествующихъ элементовъ ряда *A B C* онъ можетъ воспроизвесть послѣдующіе *D E:* но въ этомъ мы имѣемъ дѣйствіе одной памяти и воспроизведеніе по *смежности*; *тутъ еще не имѣется причинности*. Если бы въ опытѣ младенца часто повторялась преемственная ассоціація *A—B*, и если бы *младенецъ даже сознавалъ, что A было раньше*, а *B*—позже: то все же это не дало бы еще представленія о причинѣ и дѣйствіи. Въ причинной зависимости всѣ люди, вопреки мнѣнію Юма и нѣкоторыхъ послѣдователей его, представляютъ себѣ дѣятельную силу, которая причиняетъ нѣчто, т. е. производитъ дѣйствіе[1]). Поэтому сознательное пониманіе младенцемъ причинной связи нужно относить къ позднѣйшему періоду развитія, а именно къ тому времени, когда онъ уже по своей волѣ производитъ движенія оконечностей, а черезъ нихъ—желаемыя перемѣны во внѣшнемъ мірѣ. Тогда онъ уже сознаетъ свою силу, отличая свое тѣло отъ другихъ тѣлъ; тогда у него уже зарождается и самосознаніе. Тогда, несомнѣнно младенецъ сознаетъ, что его усиліе, или волевой импульсъ производитъ движенія оконечностей и желаемую имъ перемѣну. Таково первоначальное представленіе о „причиненіи", или произведеніи дѣйствія, т. е. посредствомъ волевого усилія. Подобная же связь между усиліемъ и производимымъ дѣйствіемъ предполагается и у другихъ живыхъ существъ, а потомъ—и у неодушевленныхъ предметовъ. Такимъ образомъ постепенно вырабатывается понятіе о причинѣ.

[1]) Основательность этого общечеловѣческаго пониманія причины мы разсмотримъ и докажемъ ее въ особой главѣ. Здѣсь же мы ограничимся указаніемъ на тотъ фактъ, что въ понятіи причинности заключаются сверхчувственные элементы, отсутствующіе въ простомъ чувственномъ впечатлѣніи.

§ 14. Элементы понятія „причина".

Произвольныя дѣйствія, производящія желаемыя перемѣны, Прейеръ отмѣчаетъ лишь на пятомъ мѣсяцѣ дитяти, а именно въ видѣ увлеченія разрывать бумагу на клочья [1]). Мои наблюденія надъ сыномъ В. тоже отмѣчаютъ въ началѣ пятаго мѣсяца произвольныя движенія: онъ схватывалъ цвѣты и подносилъ ихъ ко рту [2]). Въ концѣ шестого мѣсяца мой сынъ произвольно барабанилъ по клавишамъ фортепіано, но больше трехъ минутъ это его не занимало. Прейеръ отмѣчаетъ у своего дитяти такія движенія только по истеченіи года [3]). Подобныя произвольныя движенія, несомнѣнно, доказываютъ, что ребенокъ сознаетъ свою волю и силу за причину производимыхъ имъ движеній и перемѣнъ, напр., звуковъ.

Связь между причиной и дѣйствіемъ, замѣченную младенцемъ, Прейеръ отмѣчаетъ уже на 81-й день, а именно: услышавъ новые высокіе звуки, младенецъ поворачивалъ головой, пока не попалъ на то направленіе, откуда раздавались звуки [4]). Тутъ можно предполагать, будто дитя понимаетъ зависимость звука отъ звучащаго тѣла, которое отыскивается имъ глазами въ пространствѣ. На самомъ дѣлѣ, эта связь между видимой перемѣной въ звучащемъ тѣлѣ (ударомъ языка о край колокольчика) и одновременнымъ появленіемъ звука, можетъ быть простой ассоціаціей по смежности. Понятіе причинности гораздо сложнѣе простой ассоціаціи. Въ немъ заключается 1) представленіе силы или мускульнаго усилья, производящаго движеніе; 2) это представленіе связано съ представленіемъ своего „*Я*" или чужого тѣла, которое обладаетъ силой производить движенія; 3) въ понятіи причинности можетъ быть представлено предшествованіе дѣйствію усилія. (Всѣ эти представленія не даны органами чувствъ). Наконецъ 4) то же усиліе и то

[1]) *Preyer*, op., cit. pag. 350.

[2]) Къ концу перваго года и мой сынъ В. съ удовольствіемъ рвалъ писчью бумагу на клочья; на 15 мѣсяцѣ онъ разрывалъ на части также и листья и цвѣты.

[3]) *Preyer*, op. cit. pag. 50.

[4]) *Preyer*, op. cit. pag. 27.

же „я“ можетъ имѣть цѣлью и дѣйствіемъ различныя перемѣны, производимыя волей. Слѣдовательно представленіе „причиненія“ обобщается на множество возможныхъ случаевъ, а затѣмъ переносится и на другія живыя существа и даже на неодушевленные предметы. Такимъ образомъ, наконецъ, возникаетъ отвлеченное понятіе „причинности“. Въ его содержаніи даже представленіе усилія не дано внѣшнимъ впечатлѣніемъ: слѣдовательно и это представленіе не получено изъ внѣшняго опыта, а изъ самодѣятельности и самоподвижности субъекта. Слѣдовательно понятіе причины оказывается довольно сложнымъ, но не состоящимъ изъ элементовъ внѣшнихъ впечатлѣній.

Понятіе „причина“ развивается и совершенствуется въ жизни дитяти; ясно оно не представляется даже иными философами, но въ зародышѣ оно дано до всякаго опыта. Если бы оно зависѣло только отъ опыта субъекта, то при одинаковомъ опытѣ оно обнаруживалось бы послѣ того же времени. На самомъ дѣлѣ въ этомъ отношеніи животныя, даже позвоночныя, представляютъ большія различія. Жеребенокъ уже въ первый день жизни ходитъ, видитъ, узнаетъ мать и отыскиваетъ у нея соски. Все это не можетъ быть объяснено одними рефлексами и инстинктами. Каждый инстинктъ представляетъ собою только предрасположеніе, толкающее въ опредѣленномъ направленіи; но это предрасположеніе не можетъ осуществиться безъ сознательныхъ процессовъ познанія. Тотъ же инстинктъ осуществляется при весьма различныхъ условіяхъ мѣста, времени и при различныхъ обстоятельствахъ: со всѣмъ этимъ животное должно сообразоваться, такъ какъ всѣ случайныя стеченія обстоятельствъ, которыя до безконечности разнообразны и многочисленны, не могутъ быть даны до рожденія, въ самомъ инстинктѣ [1]).

Итакъ у новорожденнаго жеребенка уже на второй день его жизни должно быть на лицо нѣкоторое пониманіе и пространственныхъ, и причинныхъ отношеній; а у человѣка мы это замѣчаемъ не раньше пятаго мѣсяца его жизни.

[1]) Этимъ словомъ часто злоупотребляютъ, маскируя имъ незнаніе и непониманіе жизни животнаго. Инстинктъ вовсе не слѣпъ; только принудительная его сила намъ непонятна, и причина его намъ неизвѣстна.

Очевидно, тутъ *рѣшающее значеніе для пріобрѣтенія представленій о пространствѣ и причинности имѣетъ прирожденная душевная организація*, а не опытъ. Послѣднимъ дается только матеріалъ, который обработывается познающимъ при помощи памяти и разсудка.

§ 15. Пространство и время.

О происхожденіи и о самой сути этихъ понятій философы спорятъ по сей день. Между тѣмъ ученые физики, астрономы и техники весьма точно измѣряютъ и пространство, и время, примѣняя свои измѣренія и на практикѣ, и ничуть не ошибаются ни въ своихъ вычисленіяхъ ни въ техникѣ, хотя не знаютъ метафизики этихъ вопросовъ. Очевидно, здравый смыслъ судитъ вѣрнѣе иныхъ философовъ. Кантъ и его послѣдователи считаютъ пространство и время не понятіями и не реальными данными дѣйствительности, а „чистыми воззрѣніями“ (reine Anschauungen) въ противоположность ощущеніямъ и воспріятіямъ, добытымъ изъ опыта[1]). Пространство и время, по мнѣнію Канта,—не только „формы воззрѣнія“ эмпирическихъ данныхъ: они существуютъ въ душѣ и сами по себѣ, независимо отъ матеріи познанія (т. е. ощущеній); они существуютъ въ душѣ до всякаго опыта, и притомъ не только потенціально (въ скрытомъ видѣ, какъ способности или предрасположенія), но и какъ готовыя воззрѣнія, какъ „intuitus originarii“ [2]) Въ реальной дѣйствительности, по мнѣнію Канта, этимъ „воззрѣніямъ“ нѣтъ ничего соотвѣтствующаго: ихъ создаетъ духъ до всякаго опыта и независимо отъ опыта; черезъ нихъ только и становится возможнымъ самый опытъ. Что это ученіе Канта невѣрно, въ томъ не трудно убѣдиться тому, кто хоть немного наблюдалъ себя и жизнь дѣтей. Пространство и время—понятія, и притомъ весьма сложныя, отвлеченныя и позднія. Я не вдаюсь въ подробное разсмотрѣніе этого вопроса, такъ какъ это сдѣлано уже многими: и Либманомъ, и Файхингеромъ и другими изслѣдователями

[1]) *Kant*, Kritik der rein. Vern. Transcend. Aest. § 1.

[2]) Ibid. 1 Aufl. S. 675 (2 Aufl. 723).

Канта. У насъ по этому вопросу подвергли обстоятельному разсмотрѣнію и критикѣ взгляды Канта А. А. Козловъ [1]), Н. Я. Гротъ [2]), а недавно и Н. О. Лосскій [3]). Козловъ и Гротъ основательно и убѣдительно опровергли заблужденіе Канта по этому вопросу. Поэтому я ограничусь лишь немногими замѣчаніями съ своей стороны. 1) Ни понятія „пространство", ни соотвѣтственнаго слова не имѣется ни у дикарей, ни у простолюдиновъ, ни у дѣтей высшаго общества (до извѣстнаго возраста). Понятія „пространство" въ смыслѣ Канта (т. е. математическаго пространства трехъ измѣреній) не было даже у греческихъ философовъ: они знали только „пустоту", или „предѣлъ" видимаго міра, или „мѣсто" (τόπος). 2) Безъ наличности ощущеній, въ особенности—мускульно-моторныхъ въ глазномъ яблокѣ или въ органахъ осязанія, не бываетъ пространственныхъ воспріятій и представленій. Слѣдовательно нашимъ пространственнымъ воспріятіямъ („воззрѣніямъ") должно нѣчто соотвѣтствовать въ матеріальномъ мірѣ, что доступно зрѣнію и осязанію. Поскольку существуетъ матерія, постольку существуетъ въ реальномъ мірѣ и пространство, вѣрнѣе—его коррелатъ.

Что касается времени, то Кантъ правъ только въ томъ, что оно нечувственнаго происхожденія, хотя онъ и этого не доказалъ. Элементы этого понятія, дѣйствительно, добываются не органами чувствъ, а „внутреннимъ опытомъ",—при помощи памяти и разсудка. Самое понятіе и слово „время" довольно поздно имѣется въ распоряженіи дѣтей. Даже отдѣльныя временныя отношенія, выражаемыя грамматической категоріей глагольнаго времени или особыми нарѣчіями, отмѣчаются дитятью позже причинныхъ и пространственныхъ отношеній, а также чиселъ: одинъ, два и много. Въ этомъ я убѣдился своими наблюденіями; то же отмѣчаетъ и Прейеръ, утверждая рѣшительно, что онъ до конца третьяго года ни разу не слышалъ у своего дитяти вопроса „когда"?. Между тѣмъ оно сознательно употре-

1) *А. А Козловъ*, „Свое слово" филос. лит. сборникъ №№ 3 и 4, Кіевъ 1890 и Спб. 1892.

2) *Н. Я. Гротъ*, О времени. Вопр. филос. и психол. 1894, кн. 23.

3) *Н. Лосскій*, Обоснованіе интуитивизма, Спб. 1906, гл. IV.

бляло мѣстоименіе „я“ и часто спрашивало „гдѣ“ и „почему“? „Чувство времени“ (Zeitsinn), по замѣчанію Прейера, у дитяти менѣе развито, чѣмъ „чувство пространства“ (Raumsinn) [1]).

Пониманіе отношеній времени „раньше“ и „позже“ Прейеръ отмѣчаетъ уже на 29 мѣсяцѣ [2]). Въ моихъ наблюденіяхъ надъ моимъ сыномъ В. отмѣчено правильное употребленіе имъ прошедшаго времени при глаголахъ уже въ концѣ 18-го мѣсяца. Онъ вѣрно обозначалъ факты дѣйствительности: „муха опаля“ (т. е. „упала“), „муха этѣла“ (т. е. „улетѣла“). А на 19 мѣсяцѣ онъ правильно судилъ: „папиля пъйдётъ“ (т. е. папа прійдетъ“); „папиля усля“ (т. е. папа ушла, вмѣсто „ушелъ“). Но обозначеніе времени отдѣльнымъ словомъ я у своего сына замѣтилъ лишь на 23 мѣсяцѣ, а именно—въ предложеніяхъ: „Малй вѐцеломъ пъйдётъ“ (т. е. Мари вечеромъ прійдетъ“) и „сейцясъ ѣдетъ уманъ“ (т. е. „сейчасъ пріѣдетъ фурманъ“). Между тѣмъ онъ уже въ концѣ 19-го мѣсяца правильно обозначалъ пространственныя отношенія словами: „горѣ (=вверхъ) внизу, тутъ, гдѣ“; на 20 мѣсяцѣ—„тюдà“ (т. е. туда) и „тамъ“; на 22 мѣсяцѣ—„отсюда“, „на столѣ““. Слѣдовательно онъ раньше понималъ и обозначалъ различныя пространственныя отношенія, даже относительно движенія, чѣмъ обозначеніе времени „сейчасъ“.

Отношенія времени „раньше“ и „позже“ (=затѣмъ), несомнѣнно, предшествуютъ всѣмъ другимъ обозначеніямъ времени; но и они не могли бы возникнуть безъ наличности измѣнчивыхъ фактовъ, между которыми устанавливается такое отношеніе. Слѣдовательно они сами по себѣ, безъ данныхъ ощущеній и переживаній, не могли бы появиться въ сознаніи. И эти отношенія представляютъ собою дѣятельность разсудка, которая не можетъ быть отожествлена съ чувственными впечатлѣніями. Если отношенія времени называютъ „воспріятіемъ“ или „воззрѣніемъ“, то это обозначеніе не точно; а самое „время“, какъ нѣчто безконечное въ прошломъ и будущемъ есть формальное, или фиктивное

[1]) *Preyer*, op. cit. pag 320 et 321.

[2]) Ibid. pag 316.

понятіе, которому нѣтъ соотвѣтствія въ реальной дѣйствительности. Но изъ этого не слѣдуетъ, что и отношенія „раньше" и „позже" не имѣютъ соотвѣтствія въ дѣйствительности. Причинная связь, несомнѣнно, существуетъ и въ реальномъ мірѣ, и постольку въ немъ имѣется предшествованіе дѣйствію причины. Всѣ же остальныя отношенія времени имѣютъ случайное и чисто субъективное значеніе [1]).

Чтобы объективные факты дѣйствительности подчинить измѣренію временемъ, человѣчествомъ придуманы особые способы. А именно, измѣряемое время пріурочивается къ правильно повторяемымъ періодическимъ событіямъ внѣшняго міра: къ чередованію дня и ночи, къ фазамъ луны, къ дневному и годовому вращенію солнца, къ временамъ года. День стали дѣлить на части, совпадающія съ объективными перемѣнами, много разъ равномѣрно повторяемыми въ теченіе дня, напр. съ опоражниваніемъ сосуда съ водой или пескомъ. Эту службу исполняли водяные и песочные часы, которые впослѣдствіи были замѣнены механическими часами съ маятникомъ и со спиральной пружиной. Такимъ образомъ объективное время измѣряется правильными, періодически повторяемыми, движеніями небесныхъ тѣлъ или же нашихъ земныхъ механизмовъ, именуемыхъ часами. („Часъ" первоначально былъ синонимомъ времени). Такимъ образомъ объ объективномъ времени можетъ быть рѣчь постольку, поскольку мы одинъ рядъ впечатлѣній или состояній сравниваемъ съ одновременнымъ рядомъ періодическихъ движеній. А это время мы измѣряемъ пройденнымъ путемъ, т. е. пространствомъ: таковое для насъ имѣетъ болѣе объективное значеніе, такъ какъ мы измѣряемъ его видимыми и неизмѣнчивыми мѣрилами: своимъ ростомъ, шагомъ, локтемъ, пядью, ступней, шириной пальцевъ, и наконецъ—общепринятыми мѣрилами.

Однако самое измѣреніе времени и пространства предполагаетъ сравненіе и исчисленіе; а это опять есть плодъ дѣятельности разсудка и памяти, а не чутственное впечатлѣніе.

[1]) Это будетъ доказано въ другомъ мѣстѣ.

§ 16. „Чистый опытъ“ и сенсуализмъ.

Въ настоящей главѣ мы выдѣлили нѣсколько группъ познавательныхъ элементовъ, которые не даны намъ въ непосредственныхъ чувственныхъ впечатлѣніяхъ, а привносятся въ наше познаніе самимъ субъектомъ черезъ память и разсудокъ. Таковыми оказались отношенія *тожества* и всѣхъ его видоизмѣненій: *сходства, подобія, равенства, различія.* Таковыми оказались и отношенія *величины, числа, причинности, времени.* Въ пространственныхъ отношеніяхъ имѣется чувственный элементъ, состоящій въ мускульно-моторныхъ ощущеніяхъ глазного яблока или органовъ осязанія (въ широкомъ смыслѣ); но самое понятіе „пространство“ (въ смыслѣ математическаго пространства) есть весьма сложное понятіе, а не „чистое воззрѣніе“: поэтому не всѣ люди доходятъ до этого понятія. Во всякомъ случаѣ, и въ понятіи „пространство“ есть множество нечувственныхъ элементовъ: понятія и представленія трехъ безконечно длинныхъ математическихъ линій (осей), пересѣкающихся въ одной точкѣ (математической) подъ прямыми углами. „математическая линія“, числа „три“, и „одинъ“, „безконечная величина“ не—чувственныя представленія: они сами представляются плодомъ очень сложной дѣятельности разсудка, памяти и воображенія: слѣдовательно и *самаго понятія „пространство“ не было бы у насъ безъ участія творчества познающаго субъекта.*

Перечисленныя нами отношенія входятъ въ составъ и простѣйшихъ познавательныхъ процессовъ,—воспріятій дѣйствительности: слѣдовательно безъ нихъ было бы невозможно ни наблюденіе ни чувственный опытъ, что полагагается въ основаніе изслѣдованія природы. Наблюденіе предполагаетъ 1) вниманіе и волю наблюдающаго, 2) память и сравненіе; а это—дѣятельности познающаго субъекта, которыхъ не имѣется въ матеріи физиковъ. Самый же „опытъ“, т. е. познаніе черезъ индивидуальныя переживанія познающаго, невозможенъ безъ участія приведенныхъ выше сверхчувственныхъ элементовъ. Поэтому требованіе „чистаго опыта“, въ которомъ были бы исключены всѣ субъективные элементы, привносимые субъектомъ въ данныя объективнаго

міра, заключаетъ въ себѣ противорѣчіе. Такого „чистаго опыта" никогда не бываетъ: онъ невозможенъ. Слѣдовательно мечта Авенаріуса о „чистомъ опытѣ" и объ упраздненіи метафизическаго дуализма, хотя бы въ отдаленномъ будущемъ, представляется кореннымъ заблужденіемъ [1]). Не избѣгли этого заблужденія и послѣдователи Авенаріуса и его толкователи: Корнеліусъ, Гауптманъ, Петцольдъ. Приблизительно такъ же смотритъ на познаніе и Махъ; но онъ, по крайней мѣрѣ, *ясно и точно излагаетъ* свои разсужденія [2]). Сочувствуетъ обоимъ въ пониманіи предмета психологіи и О. Кюльпе.

Приведенныя выше отношенія, устанавливаемыя разсудкомъ, не могутъ быть сведены и къ „ассоціаціямъ идей": эти отношенія устанавливаются познающимъ субъектомъ и *впервые*, они суть результатъ самодѣятельности души. Впрочемъ, и ассоціація по сходству предполагаетъ такую же самодѣятельность, по крайней мѣрѣ безсознательную. А именно, если сходство есть причина воспроизведенія, то это сходство должно существовать въ душѣ *до* воспроизведенія сходной идеи, или же—что нибудь соотвѣтствующее этому сходству, чѣмъ обусловлено самое сходство. Физіологическаго носителя этого сходства еще и не пытались открыть физіологи и философы, вѣрующіе въ психо-физическій параллелизмъ между явленіями психическими и физическими.

Относительно времени такая попытка уже сдѣлана Н. Гротомъ, который даетъ такое опредѣленіе: „Время есть совокупность ощущеній усилій, дѣлаемыхъ сознаніемъ (или душевной энергіей) для того, чтобы помощью приспособленія центральныхъ аппаратовъ воспріятія удержать, т. е. продлить въ сознаніи данныя ощущенія или смѣнить ихъ другими" [3]). Если бы это опредѣленіе было вѣрно, то мы не могли бы имѣть представленія времени 1) безъ „совокупности усилій", 2) безъ намѣренія „приспособить центральные аппараты воспріятія" (т. е. части большого мозга). Такъ напр., въ ожиданіи смертной казни, которая должна наступить черезъ опредѣленный промежутокъ времени, каждый

[1]) *Avenarius*, Kritik der reinen Erfahrung, 1880—1890.

[2]) *Э. Махъ*, Анализъ ощущеній, перев. съ 5 изд. М. 1908.

[3]) *Н. Я. Гротъ*, *Филос.*.. сборникъ статей СПБ. 1904, „О времени", стран. 269.

преступникъ захотѣлъ бы остановить потокъ времени и сдѣлалъ бы это, если бы время зависило отъ его „усилій". Между тѣмъ это не во власти смертнаго: и отношенія времени имѣютъ нѣкоторый коррелатъ въ реальномъ мірѣ, который не отъ насъ зависитъ.

Относительно пространства, правда, найденъ одинъ чувственный элементъ въ видѣ мускульно-моторныхъ ощущеній; но его недостаточно для построенія всего понятія о пространствѣ, какъ это было показано выше. Впрочемъ, и мускульно-моторное ощущеніе принадлежитъ внутреннему опыту субъекта, указывая на перемѣны въ самомъ организмѣ, а не во внѣшнемъ мірѣ. Наконецъ, подобное элементарное мускульно-моторное ощущеніе вызывается движеніемъ въ одномъ направленіи, соотвѣтствуя прямой линіи; а прямая линія еще не даетъ пространства трехъ измѣреній.

Эти сверхчувственные элементы познанія, представляющіе собою плодъ самодѣятельности души, очевидно, обусловлены прирожденной организаціей души, особыми ея способностями, или предрасположеніями. Прирожденныя способности познанія мы отмѣтили у дитяти уже въ первые дни; таковыя имѣются и въ инстинктахъ, и въ чувствахъ (=эмоціяхъ), и въ подражаніи; наконецъ, мы такіе прирожденные элементы познанія отмѣтили и въ вѣрѣ человѣчества въ плотность и реальность видимаго. По всему вѣроятію, первыя зрительныя впечатлѣнія младенца уже заключаютъ въ себѣ представленія поверхности, хотя еще и безъ строго отграниченнаго контура. Свидѣтельства оперированныхъ взрослыхъ слѣпорожденныхъ подтверждаютъ это. Зрѣніе въ глубь, опредѣленіе разстоянія и величины дается человѣку только опытомъ, который продолжается и послѣ умѣнія ходить. У жеребенка и цыпленка зрѣніе въ глубь имѣется уже на второй день. Изъ этого видно, что споръ между нативистами и эмпиристами не имѣетъ существеннаго значенія. Во всякомъ случаѣ, значительная доля элементовъ познанія, въ видѣ предрасположеній, прирождена человѣку и животнымъ: ученіе сенсуализма представляетъ собою коренное заблужденіе.

Этимъ мы и заканчиваемъ настоящую главу.

Гл. VII. АПРІОРНОСТЬ КАНТА и ПСИХИЧЕСКАЯ НАСЛѢДСТВЕННОСТЬ.

§ 1. Одни чувственныя впечатлѣнія не могутъ дать знанія.

Въ предыдущей главѣ мы старались раскрыть главнѣйшія способности и элементы познанія, которые не могутъ быть сведены къ чувственнымъ впечатлѣніямъ. На основаніи наблюденій надъ психической жизнію дитяти, а равно и на основаніи психологическихъ анализовъ мы доказали необходимость самопроизвольной дѣятельности для пріобрѣтенія самыхъ элементарныхъ познаній о своемъ тѣлѣ и о внѣшнемъ мірѣ (§ 3 и 5). Въ наличности упражненія, памяти и узнаванія тожественнаго впечатлѣнія мы отмѣтили зарождающуюся апперцепцію и познаніе, которое обнаруживается уже со второго дня жизни (§ 3). Въ прирожденныхъ инстинктивныхъ дѣйствіяхъ (не только позднѣйшихъ, но и самыхъ раннихъ) мы отмѣтили наличность и сознательныхъ знаній, памяти и разсудка (§ 6). Относительно чувствъ мы доказали, что первое проявленіе любого чувства никоимъ образомъ не можетъ быть объяснено опытомъ и ассоціаціями идей (конецъ § 2 и § 7): чувства вообще прирождены человѣку, и безъ этой прирожденности никто никогда не научился бы реагировать чувствами на опредѣленныя внѣшнія впечатлѣнія или внутреннія переживанія (§ 7). Относительно заразительности чувствъ мы установили фактъ, что она обусловлена подражаніемъ; но самое подражаніе обусловлено прирожденной связью между подражательнымъ движеніемъ и соотвѣтственнымъ чувственнымъ впечатлѣніемъ (§). Однако эта связь должна существовать до полу-

ченія извнѣ нервнаго раздраженія: слѣдовательно прирожденная связь должна существовать между соотвѣтственными психическими субстратами (монадами). Въ фактѣ человѣческой рѣчи мы обнаружили не только наличность особаго чисто человѣческаго инстинкта, но и самодѣятельность человѣческаго духа, стремящагося не только къ познанію дѣйствительности и къ созиданію желаемыхъ идеаловъ, но и къ передачѣ своихъ мыслей, чувствъ и желаній другимъ (§ 8). Въ познаніи видимаго мы отмѣтили прирожденную склонность человѣка считать видимое не только чѣмъ-то реальнымъ, не зависящимъ отъ насъ и имѣющимъ свое самостоятельное бытіе въ пространствѣ, но и свою плотность или тѣлесность (§ 9). Наконецъ, посредствомъ гносеологическихъ анализовъ мы доказали, что нѣкоторыя общія понятія не могутъ считаться плодомъ одного опыта, т. е. однихъ только чувственныхъ впечатлѣній: въ таковыхъ понятіяхъ имѣются на лицо опредѣленныя отношенія, устанавливаемыя сознательной разсудочной дѣятельностью; а таковая обусловлена особыми прирожденными способностями (§§ 10—15). Къ таковымъ понятіямъ принадлежатъ: *величина*, *количество*, *тожество*, и его видоизмѣненія: *сходство*, *равенство*, *подобіе;* далѣе—*число; причинность*, *пространство*, *время*. Эти общія и отвлеченныя понятія довольно сложны, и пріобрѣтаются довольно поздно; нѣкоторыя изъ нихъ имѣются не у всѣхъ людей, но соотвѣтственныя элементарныя отношенія имѣются даже у дѣтей, не умѣющихъ еще правильно говорить. Таковыя обозначаются словами: *больше*, *меньше; тотъ же самый*, *другой; подобенъ*, *равенъ*; *одинъ*, *два*, *много; потому что*, *сдѣлалъ; сверху*, *внизу; близко*, *далеко; вмѣстѣ*, *врозь*; *раньше*, *позже* и т. под.

На основаніи всѣхъ приведенныхъ наблюденій и анализовъ мы приходимъ къ заключенію, что душа новорожденнаго дитяти вовсе не „tabula rasa“ и не „бѣлый листъ бумаги“, какъ выражался Локкъ: познаніе, даже опытное, обусловлено наличностью нечувственныхъ элементовъ, привносимыхъ разсудкомъ, памятью и воображеніемъ; а для нихъ должны быть прирождены особыя способности.

§ 2. „Чистый опытъ“ и apriori Канта.

Сверхчувственные элементы познанія имѣются уже въ самомъ раннемъ познаніи,—въ воспріятіяхъ: и въ таковыхъ заключаются разныя сужденія, которыя являются плодомъ памяти и творческой дѣятельности разсудка [1]). Въ виду всего изложеннаго и сенсуализмъ Кондильяка, и „чистый опытъ“ Авенаріуса оказывается кореннымъ заблужденіемъ. 1) Безъ сверхчувственныхъ субъективныхъ элементовъ невозможно познаніе другихъ живыхъ существъ: таковыя мы познаемъ лишь по аналогіи со своимъ внутреннимъ опытомъ, т. е. мы приписываемъ видимымъ тѣламъ, сходнымъ съ нашимъ собственнымъ, подобныя же чувства, мысли, волевые акты, какіе мы сами переживаемъ въ извѣстныхъ случаяхъ. Иного способа познать живыя существа, чѣмъ посредствомъ „интроекціи“ въ нихъ своихъ собственныхъ переживаній, у насъ не имѣется [2]).

2) И познаніе неодушевленной природы не совсѣмъ обходится безъ подобной же „интроекціи“ своихъ субъективныхъ переживаній: мы это видѣли на понятіяхъ „причина“ и „сила“, безъ которыхъ невозможно пониманіе и знаніе окружающей насъ природы.

3) Ни одно познаніе, даже самое элементарное, не есть чувственное впечатлѣніе или копія таковаго: каждое сужде-

[1]) Авенаріусъ и „интроекцію“ считаетъ „опытомъ“, потому-де, что другіе люди намъ сообщаютъ о своихъ внутреннихъ переживаніяхъ, о своемъ опытѣ. (См. цитир. соч.). Авенаріусъ упустилъ изъ виду, что самое „сообщеніе другимъ о своихъ переживаніяхъ“ основано на „интроекціи“: такія сообщенія мы дѣлаемъ однимъ только людямъ, и притомъ такимъ, которые насъ понимаютъ, т. е. говорятъ на нашемъ языкѣ. Но мы дѣлаемъ подобную же „интроекцію“ и относ. всѣхъ людей, жившихъ до насъ и живущихъ на всѣхъ концахъ земли; мы ее дѣлаемъ и относ. животныхъ; а эти ужъ навѣрно ничего намъ не сообщаютъ о своихъ переживаніяхъ. Поэтому называть вмѣстѣ съ Авенаріусомъ и „интроекцію“, и выводныя познанія „опытомъ“ не имѣетъ никакого основанія: тогда слово „опытъ“ значитъ то же, что и слово „познаніе“,—слѣдовательно теряетъ свой смыслъ.

[2]) См. II гл. наст. изсл. а также *И. С. Продан*ъ. Практ. рук. по психол., гл. XV, XVIII, XX.

ніе есть плодъ дѣятельности памяти и разсудка; а таковыхъ способностей и силъ не имѣется въ мертвой матеріи. Если же это вѣрно, то наше познаніе не можетъ быть плодомъ ни мертвой матеріи, ни одного ея воздѣйствія на душу посредствомъ внѣшнихъ возбужденій, т. е. одного внѣшняго опыта. Слѣдовательно мечта Авенаріуса объ упраздненіи дуализма есть плодъ недоразумѣнія.

4) И то познаніе, которое обыкновенно называютъ „опытнымъ", невозможно безъ участія сверхчувственныхъ элементовъ познанія, которые привносятся въ „опытъ" познающимъ субъектомъ. Эти элементы, очевидно, обусловлены особыми прирожденными способностями (монадами), помимо пассивнаго восприниманія внѣшнихъ раздраженій.

Древніе гилозоики, и даже матеріалисты съ Демокритомъ во главѣ, не впадали въ ошибку сенсуализма и „эмпиріокритицизма" Авенаріуса. Они понимали, что „глаза и уши плохіе свидѣтели безъ руководства разума".

Платонъ впервые подробно проанализировалъ познаніе и отмѣтилъ въ немъ сверхчувственныя понятія. На полноту ихъ перечисленія впервые претендовалъ Кантъ, критикуя несистематичность категорій Аристотеля [1]). Въ своей Критикѣ чистаго разума Кантъ выдѣлилъ въ особую группу понятія пространства и времени, считая ихъ апріорными „воззрѣніями"; а высшія формальныя понятія, извлеченныя имъ изъ существующихъ въ логикѣ видовъ сужденій, онъ по примѣру Аристотеля называетъ „категоріями". Эти категоріи, какъ извѣстно, раздѣлены на четыре класса; а каждый классъ—на три категоріи. Но эта схема не выдержана Кантомъ вполнѣ: въ четвертомъ классѣ къ каждой категоріи прибавлена и противоположная ей; а въ третьемъ классѣ всѣ категоріи представляютъ собою по два соотноси-

[1]) *Kant,* Kritik d. rein. Vern. § 10, 1 Aufl. S. 80—82. „Dies ist nun die Verzeichnung aller ursprünglichen reinen Begriffe der Synthesis, die der Verstand apriori in sich enthält". Важностью своей „Критики" и своихъ „открытій" Кантъ былъ глубоко проникнутъ, и неоднократно свидѣтельствуетъ объ этомъ въ своихъ печатныхъ произведеніяхъ. Свою „Критику" Кантъ считаетъ „совершенно новой и единственной въ своемъ родѣ наукой, о которой еще и не догадывались (до него), которой даже идея была неизвѣстна". *Kant,* Prolegomena, Einleitung, Ausg. Reclam. S. 36 unten). Насколько это вѣрно, мы убѣдимся изъ дальнѣйшаго изслѣдованія.

тельныхъ понятія, взаимно предполагающихъ другъ друга. Такимъ образомъ у него получается подъ 12-ью рубриками 18 понятій. Вотъ и подлинная „таблица категорій" Канта:

I. *количества*: единство (=Einheit), множество (Vielheit), всеединство (=Allheit);

II. *качества*: реальность, отрицаніе, ограниченіе;

III. *отношенія*: 1) ингеренція и субзистенція (substantia et accidens);
2) причинность и зависимость (причина и дѣйствіе);
3) общеніе (=Gemeinschaft), т. е. взаимодѣйствіе между дѣйствующимъ и претерпѣвающимъ;

IV. *модальности*: 1) возможность—невозможность,
2) бытіе (=Dasein)—небытіе,
3) необходимость—случайность.

Изъ этой таблицы видно, что значеніе категорій у Канта иное, чѣмъ у Аристотеля. Послѣдній подъ ними разумѣлъ высшіе роды сущаго или бытія τὰ γένη τοῦ ὄντος [1]) Кантъ же подъ своими категоріями разумѣлъ „чистыя понятія" (и чистыя познанія), которыя a priori содержатся въ умѣ (=Vestand) [2]). По мнѣнію Канта, „благодаря категоріямъ чистый умъ является формальнымъ и синтетическимъ принципомъ всего опыта" [3]). „Благодаря категоріямъ самый опытъ (и его предметъ) только и дѣлаются возможными" [4]). Сами по себѣ эти категоріи существуютъ только въ умѣ для того, чтобы создавать и „опытъ", и самые предметы опыта и вообще всѣ наши познанія. Однако эти категоріи, и по разъясненіямъ Канта, только въ соединеніи съ „матеріей познанія", т. е. съ элементами „чувственности" (=съ ощущеніями), а равно и съ предметами „возможнаго опыта" даютъ истинное знаніе: къ „вещамъ въ себѣ", къ „поуменамъ" онѣ не примѣнимы и истиннаго знанія дать не могутъ [5]).

[1]) См. IV гл. § 9, стр. 125 и слѣд.
[2]) *Kant*, Kritik d. rein. Vern. Reclam's 2 Aufl. S. 129.
[3]) Ibid. pag. 130. } Въ дальнѣйшемъ это изд. будетъ обозна-
[4]) Ibid. pag. 110. } чено буквой R.
[5]) *Kant*, Prolegomena § 30.

Свои категоріи Кантъ „дедуцировалъ", т. е. вывелъ изъ видовъ сужденій, полагая, что „его дѣленіе категорій систематично и произведено изъ одного общаго принципа, а именно, изъ способности судить (которая, по словамъ Канта, есть тѣмъ же, что и способность мыслить") [1]. На самомъ дѣлѣ, какъ мы увидимъ, и его дѣленіе не вполнѣ систематично; сверхъ того, оно и не полно. Такъ напр., въ немъ недостаетъ понятія „вещь" (или „предметъ"), которое только отчасти соотвѣтствуетъ понятію substantia; отсутствуетъ въ его таблицѣ категорій и основное понятіе, обусловливающее самую возможность познанія, а именно: „тожество" со всѣми его разновидностями. Самъ Кантъ признавалъ наличность въ умѣ и другихъ понятій a priori, которыя онъ не имѣлъ въ виду перечислять полностью; но эти понятія онъ считаетъ производными отъ категорій, и въ отличіе отъ нихъ называетъ „praedicabilia". Какъ мирится эта „производность" съ апріоризмомъ Канта, мы увидимъ въ дальнѣйшемъ. Если предикабиліи произведены отъ категорій, то они, очевидно, появляются въ умѣ позже, чѣмъ категоріи. Такимъ образомъ апріорность Канта противорѣчитъ первоначальному значенію слова „prior" (=предшествующій по времени). Дѣло объясняется тѣмъ, что Кантъ это выраженіе употребляетъ не только для обозначенія предшествованія во времени, но и для обозначенія логическаго основанія или же необходимаго логическаго условія познанія, что не включаетъ въ себя понятія о времени. Кантіанцы настаиваютъ только на послѣднемъ, т. е. на „трансцендентальномъ" значеніи этого термина, которое-де составляетъ оригинальное открытіе Канта и предметъ его „трансцендентальной логики". Психологическое значеніе его термина „a priori", въ смыслѣ предшествованія, кантіанцы совершенно отрицаютъ. На самомъ дѣлѣ Кантъ свое a priori употребляетъ и въ значеніи предшествованія въ психическомъ развитіи. Такъ напр., въ этомъ значеніи оно употребляется Кантомъ въ его I части, Критики ч. раз., озаглавленной „трансцендентальная эстетика"—по отношенію къ пространству и времени [2].

[1]) *Kant*, Kritik d. rein Vern. § 10, R. S. 97.

[2]) *Kant*, Kritik d. rein. Vern. §§ 1—8.

§ 3. Апріорны ли пространство и время?

Какъ было доказано въ предыдущей главѣ въ § 15, понятія „пространство" и „время", какъ ихъ употребляетъ Кантъ, неизвѣстны дѣтямъ, умѣющимъ говорить и имѣющимъ уже множество истинныхъ знаній о внѣшнемъ мірѣ. Слѣдовательно эти понятія не составляютъ необходимаго условія чувственныхъ воспріятій, что ошибочно предполагалъ Кантъ. Они не составляютъ необходимаго условія и знаній вообще, такъ какъ существуютъ народы, въ языкѣ которыхъ не имѣется понятія „пространство". Таковаго, какъ мы видѣли, не было даже у греческихъ философовъ [1]). Итакъ эти понятія не апріорны, не только въ психологическомъ, но даже и въ трансцендентальномъ смыслѣ.

Въ послѣднемъ значеніи должны быть апріорными простѣйшія пространственныя отношенія: *вмѣстѣ, врозь; сверху, снизу; справа, слѣва; прямо, вкось; ближе, дальше* и т. под. Но таковыя отношенія невозможны безъ наличности соотвѣтственныхъ зрительныхъ или осязательныхъ ощущеній или воспріятій: должны быть даны по меньшей мѣрѣ двѣ точки (видимыя или осязаемыя), между которыми устанавливаются приведенныя отношенія [2]). Установка этихъ отношеній не есть дѣло личнаго произвола: она зависитъ и отъ чего то, что не въ нашей власти. Воспріятіе этихъ отношеній, какъ психическій познавательный актъ, обусловлено тѣмъ, что Кантъ называетъ „матеріей познанія", т. е. ощущеніями. Такимъ образомъ послѣднія оказываются необходимымъ условіемъ первыхъ: слѣдовательно, по терминологіи Канта и кантіанцевъ, матерія познанія должна считаться апріорнымъ познаніемъ въ отношеніи къ пространству, и то не только въ психологическомъ, но и въ трансцендентальномъ смыслѣ; „пространство" таковымъ не можетъ быть.

Какъ показываютъ наблюденія, въ первыхъ зрительныхъ воспріятіяхъ имѣются и тѣ, и другіе элементы, данные вмѣстѣ и одновременно. Оперированные слѣпорожденные отъ внѣшнихъ предметовъ получаютъ впечатлѣніе цвѣтныхъ

[1]) См. гл. VI, § 15 наст. изслѣд.

[2]) Обыкновенно даны намъ поверхности или тѣла, между которыми мы находимъ приведенныя пространственныя отношенія.

пятенъ, т. е. плоскостей, которыя считаютъ чѣмъ-то реальнымъ, находящимся внѣ ихъ глазъ; но разстоянія вглубь они не отличаютъ. Инымъ изъ нихъ кажется, что видимыя ими пятна, которыя они считаютъ плотными, касаются ихъ глазъ. Постепенно они пріучаются видѣть и разстояніе вглубь, а также правильно воспринимать очертанія пятенъ (контуры видимаго). Видимые впервые предметы они не узнаютъ, хотя бы ихъ отлично знали по осязанію [1]). Слѣдовательно и пространственныя отношенія *не всѣ* сразу воспринимаются. Опредѣленію разстоянія и тѣлесности видимаго содѣйствуютъ многія приспособленія глаза, а именно: наличность двухъ глазъ, сѣтчатками которыхъ одновременно воспринимается тожественное впечатлѣніе, конвергенція глазъ, аккомодація хрусталика, мускульно-моторныя ощущенія связокъ, управляющихъ глазнымъ яблокомъ. Кромѣ того, этому содѣйствуютъ перспектива и различіе въ освѣщеніи и контурахъ дальнихъ предметовъ по сравненію съ близкими. Слѣдовательно даже воспріятіе человѣкомъ пространственныхъ отношеній вглубь есть результатъ продолжительнаго и разносторонняго опыта, который продолжается и послѣ остановки роста человѣка. Такимъ образомъ и эти отношенія не апріорны—ни въ психологическомъ, ни въ трансцендентальномъ смыслѣ.

Тѣмъ не менѣе они обусловлены не только упомянутыми приспособленіями зрительнаго аппарата, но и соотвѣтственной прирожденной организаціей мозга и души [2]). Разница между „матеріей“ познанія Канта и его „формой“ состоитъ лишь въ томъ, что „матерія“ воспринимается органами чувствъ; а „форма“ есть плодъ дѣятельности разсудка, памяти и еще какихъ-то прирожденныхъ способностей, которыя намъ еще неизвѣстны, и для которыхъ еще и не существуетъ особыхъ названій.

Что касается отношеній времени, то мы убѣдились изъ наблюденій надъ душевной жизнію дитяти, что даже простѣйшія изъ нихъ воспринимаются значительно позже пространственныхъ отношеній. Дѣти уже начинаютъ говорить не только отдѣльными словами, но даже предложеніями, не

[1]) *Raehlmann,* Üb. d. Entwicklung der Gesichtswahrnehmungen, Zeitschr. f. Psychol. 1896.

[2]) См. VI гл. §§ 5, 9, 15 наст. изслѣд.

обозначая времени и не спрашивая о таковомъ [1]). Такъ какъ объективное время мы измѣряемъ движеніями, т. е. перемѣщеніями точки въ пространствѣ, то очевидно, что понятіе „время“, въ смыслѣ Канта, зависитъ отъ пространственныхъ измѣреній и отъ синтеза таковыхъ. Это понятіе—довольно сложное и пріобрѣтается довольно поздно—уже послѣ того, какъ мы имѣемъ огромное множество истинныхъ познаній. Слѣдовательно безъ этого понятія могутъ быть познанія и внѣшняго и внутренняго міра: оно не апріорно даже въ трансцендентальномъ смыслѣ.

Что же касается отношеній времени „раньше“ и „позже“, то они сверхчувственны и входятъ въ развитое логическое понятіе „причинности“: поэтому они должны быть признаны апріорными въ трансцендентальномъ смыслѣ Канта, но не въ психологическомъ.

Такимъ образомъ мы убѣждаемся, что трансцендентальный апріоризмъ Канта нѣчто совершенно отличное и отъ психологическаго пріоризма, и отъ сверхчувственности, и отъ „чистаго“, т. е. не эмпирическаго происхожденія. Такъ напримѣръ, понятіе Кантова *пространства* (т. е. математическаго трехъ измѣреній) содержитъ въ себѣ и сверхчувственные элементы: слѣдовательно его нельзя считать чисто эмпирическимъ. Но оно не можетъ быть получено и безъ опыта: слѣдовательно оно не „чисто“ и не апріорно въ психологическомъ смыслѣ. Безъ этого понятія возможны многія истинныя познанія не только внутренняго опыта, но даже и внѣшней природы: слѣдовательно оно не апріорно и въ трансцендентальномъ смыслѣ [2]).

§ 4. Заблужденіе Канта относительно категорій.

Не лучше обстоитъ дѣло у Канта съ его апріорными понятіями, т. е. съ „категоріями“. Онъ ихъ считаетъ апріорными основными понятіями ума, которыя будто составляютъ необходимыя условія и опыта, и всякаго позна-

[1]) См. VI гл. § 15.

[2]) См. VI гл. § 6. Проф. *Челпановъ* въ общемъ стоитъ на Кантовой точкѣ зрѣнія; но называетъ „апріорнымъ въ психол. смыслѣ все субъективное“... „что получается не изъ внѣшняго міра, а привносится самимъ сознаніемъ“. См. его „Проблема воспріятія пространства“, ч. II, стр. 270.

нія. Еслибы мнѣніе Канта было вѣрно, то никто не имѣлъ бы никакихъ познаній, кто не имѣетъ въ своемъ умѣ перечисленныхъ Кантомъ категорій. Между тѣмъ всякому извѣстно, что наши дѣти до извѣстнаго возраста этихъ словъ не знаютъ. И простолюдины не употребляютъ въ своей рѣчи и мышленіи этихъ словъ, за исключеніемъ развѣ словъ: множество, причина, возможность и невозможность, необходимость, случайность. Но и эти слова они употребляютъ не въ Кантовскомъ смыслѣ, а въ обыкновенномъ. Однако и дѣти, и простолюдины имѣютъ множество истинныхъ знаній. Слѣдовательно эти знанія они пріобрѣли безъ участія и безъ наличности у нихъ Кантовыхъ „категорій".

Еслибы Кантъ утверждалъ, что въ умѣ человѣка безсознательно дѣйствуютъ соотвѣтственныя его категоріямъ душевныя способности или силы, то съ нимъ въ общемъ можно было бы согласиться. Но Кантъ этой мысли не высказываетъ, а вездѣ говоритъ о категоріяхъ, какъ о понятіяхъ, т. е. сознательныхъ элементахъ познанія.

Далѣе оказывается, что почти всѣ категоріи Канта—понятія производныя, а именно: „*множество*", а равно и „*всеединство*" логически предполагаютъ понятія единицы и тожества; „*реальностью*", или дѣйствительностью предполагается „причинность": дѣло въ томъ, что дѣйствительность мы познаемъ настолько, насколько она дѣйствуетъ на познающаго, т. е. причиняетъ разныя впечатлѣнія и перемѣны его сознанію. Самая категорія „*причинности*" предполагаетъ дѣйствованіе и дѣятельную силу, которая Кантомъ отнесена къ предикабиліямъ [1]). Категорія *бытія* есть только отвлеченіе „дѣйствительности". Категорія „*отрицанія*" не имѣетъ никакого отношенія къ явленіямъ дѣйствительности, а есть только форма мышленія, предполагающая ошибочное отожествленіе нетожественнаго, а только сходнаго. „*Ограниченіе*" въ логическомъ значеніи Канта тоже не имѣетъ никакого отношенія къ явленіямъ дѣйствительности. „Общеніе" или „*взаимодѣйствіе*" предполагаетъ простое дѣйствіе и претерпѣваніе, отнесенныя Кантомъ къ „предикабиліямъ", т. е. къ производнымъ апріорнымъ понятіямъ [2]). Категоріи *substantia et accidens*, помѣщен-

1) *Kant*, Kritik d. rein. Vern. § 10.

2) *Kant*, Kritik d. rein. Vern. § 11, 1 Aufl. S. 82—83, 2 Aufl. 108—109.

ныя въ одну рубрику и неправильно переведенныя черезъ „Inhaerenz und Subsistenz", предполагаютъ 1) устойчивое, бытіе и дѣйствованіе (субстанціи); 2) несущественное качество субстанціи (accidens). Что же касается модальныхъ категорій, то онѣ всѣ обозначаютъ modus судящаго субъекта, т. е. степень его увѣренности въ своемъ познаніи. Такъ когда мы не знаемъ всѣхъ условій ожидаемаго событія, то мы говоримъ о „*возможности*", напримѣръ: „быть можетъ, сегодня пойдетъ дождь". Когда же намъ извѣстны всѣ условія и причина, то мы говоримъ о „*необходимости*". Такъ напримѣръ: „онъ долженъ былъ умереть отъ этой раны". Кто же не знаетъ всѣхъ условій жизнедѣятельности, тотъ можетъ надѣяться на выздоровленіе и скажетъ: „быть можетъ, онъ не умретъ отъ этой раны" или „быть можетъ, онъ выздоровѣетъ". Когда же мы вовсе не вникаемъ въ причинную связь явленій или вещей внѣшняго міра, то мы говоримъ о простомъ *бытіи*. Такъ напримѣръ: „солнце грѣетъ", „идетъ дождь", „громъ гремитъ". Тогда мы имѣемъ на лицо такъ называемыя ассерторическія сужденія, отъ которыхъ Кантъ и извлекъ свою категорію „бытія".

Такимъ образомъ всѣ категоріи Канта, кромѣ категоріи „*причинности*" и „*единства*" (Einheit) оказались производными понятіями [1]).

Наоборотъ, между „предикабиліями" Канта, т. е. между его „производными" понятіями оказались болѣе простыя и первоначальныя. Таковы напр.: *сила*, *дѣйствіе* (Handlung), *претерпѣваніе* (Leiden); *перемѣна*, *возникновеніе*, *прекращеніе* или исчезновеніе (Vergehen). Понятія „перемѣна", „сила" и „дѣйствіе", какъ мы увидимъ, входятъ въ понятіе „причинности", т. е. во 2-ю категорію III класса.

Неудачно и дѣленіе четырехъ классовъ категорій на два отдѣла, а именно: 1) на отдѣлъ „математическихъ категорій", въ который включены Кантомъ 1-й и 2-й классы,

[1]) Относительно послѣдней остается сомнѣніе, что подъ ней разумѣлъ Kant, такъ какъ нѣмецкое слово „*Einheit*" употребляется въ двухъ значеніяхъ: 1) оно означаетъ „единицу", 2) — „единство". Категорію „причинности" мы разберемъ подробно въ особой главѣ. Тамъ мы убѣдимся, что съ логической стороны (которую только и выдвигаютъ кантіанцы) и это понятіе — сложно, слѣдовательно производное.

т. е. „количества“ и „качества“ и 2) на отдѣлъ „динамическихъ категорій“, въ который включены 3-й и 4-й классы, т. е. классы „отношенія“ и „модальности“. Первый отдѣлъ, по словамъ Канта, „направленъ на предметы созерцанія (Anschauung), какъ чистаго, такъ и эмпирическаго“; второй же отдѣлъ—„на существованіе этихъ предметовъ или въ отношеніи другъ къ другу или въ отношеніи къ уму“ [1]). Такъ какъ Кантъ своихъ общихъ разсужденій не провѣряетъ на конкретныхъ примѣрахъ, то онъ часто впадаетъ въ ошибки. То же случается съ нимъ и оттого, что онъ не вникаетъ въ содержаніе своихъ терминовъ. Такъ и въ данномъ случаѣ: 2-я категорія II класса, т. е. „*отрицаніе*“ отнюдь не направлено исключительно „на предметы созерцанія“. Отрицаніе бываетъ только въ нашихъ сужденіяхъ и въ производныхъ понятіяхъ (напр. при дихотоміи, когда указывается на отсутствіе ожидаемаго признака—а) животныя имѣющія скелетъ и б) неимѣющія таковаго). Такъ же „единство“ и „множество“ могутъ быть направлены не только на „предметы созерцанія“, но и на предметы мысли и на внутреннія переживанія: таковы напримѣръ, отвлеченныя числа и „единство апперцепціи“ Канта. Съ другой стороны, въ отдѣлъ „динамическихъ категорій“ включено отрицательное понятіе „*небытіе*“, въ которомъ не имѣется ни „предмета“, ни „отношенія его къ другимъ предметамъ или къ уму“ [2]).

Итакъ таблица категорій Канта оказалась несистематичной, вопреки увѣренности въ томъ Канта; она и не имѣетъ значенія ни для теоріи познанія, ни для логики, какъ это мы увидимъ въ дальнѣйшемъ [3]).

[1]) Op. cit. § 11.

[2]) Смыслъ категоріи „небытія“ (Nichtsein) тоже не обозначенъ Кантомъ точнѣе. Если это слово должно обозначать „прекращеніе бытія“ (=Nicht mehr sein), то въ такомъ случаѣ оно обозначаетъ не оправдавшееся дѣйствительностью ожиданіе мыслящаго субъекта. Въ такомъ случаѣ оно имѣетъ нѣкоторое отношеніе къ уму; но такое же отношеніе къ нему имѣютъ и „отрицаніе“, и „ограниченіе“ 2-го класса, включенныя Кантомъ въ разрядъ „математическихъ категорій“. Если же слово „небытіе“ употреблено Кантомъ въ широкомъ значеніи, т. е. безотносительно: то оно равно понятію „ничто“, и ни въ какихъ отношеніяхъ не состоитъ ни съ чѣмъ.

[3]) Категоріи Аристотеля, несмотря на отмѣченныя нами недостатки, все же принесли значительную пользу и названнымъ нау-

§ 5. Гносеологическое значеніе „тожества".

Какъ мы видѣли въ предыдущемъ параграфѣ, категоріи Канта почти всѣ представляютъ собою понятія производныя, а не основныя, какъ то утверждаетъ Кантъ. Наоборотъ, въ числѣ его „предикабилій", т. е. апріорныхъ понятій, произведенныхъ будто-бы отъ категорій, мы отмѣтили нѣкоторыя первоначальныя понятія, которыя входятъ въ содержаніе категоріи „причинности". Такимъ образомъ дѣленіе „апріорныхъ понятій" у Канта оказалось перепутаннымъ и непослѣдовательнымъ; самыя категоріи оказались не апріорными понятіями, такъ какъ безъ нихъ осуществляется и пріобрѣтается множество истинныхъ знаній. Итакъ Кантъ видѣлъ необходимыя условія истиннаго познанія тамъ, гдѣ ихъ не имѣется; между тѣмъ самаго главнаго и основного условія всякаго познанія онъ не разсматриваетъ особо въ своей Критикѣ чистаго разума, ни въ другихъ сочиненіяхъ, изданныхъ послѣ нея. Это основное условіе, какъ мы видѣли [1]), заключается въ сознательномъ или безсознательномъ отожествленіи познавательныхъ элементовъ (ощущеній, воспріятій, понятій) съ соотвѣтственными прежними. Это тожество въ познаніи, какъ мы видѣли, соотвѣтствуетъ и тожеству въ познаваемомъ; безъ этого тожества были бы невозможны и понятія „пространство" и „время": безконечное время, а еще болѣе безконечное пространство трехъ измѣреній, представляютъ собою сочетаніе безъ перерыва отдѣльныхъ тожественныхъ частей протяженія.

Мнѣніе Канта, будто эти понятія даны уму *a priori* въ готовомъ видѣ, ошибочно. Самъ Кантъ послѣ нападенія на его Критику чистаго разума впослѣдствіи измѣнилъ свое мнѣніе, высказанное имъ въ ней относительно пространства. Въ своихъ „Метафизическихъ началахъ естествознанія" (изданныхъ черезъ три года послѣ его „Пролегоменъ" и черезъ пять лѣтъ послѣ его „Критики чистаго разума") онъ отличаетъ „чистое" или „абсолютное" пространство отъ

камъ и даже грамматикѣ (См. IV гл. §§ 9—12 и V гл. § 1 настоящ. изслѣдованія).

[1]) См. гл. VI § 11 наст. изслѣд.

пространства „эмпирическаго", т. е. „матеріальнаго или относительнаго". О послѣднемъ Кантъ говоритъ, что оно „должно быть обозначено, какъ нѣчто ощущаемое („empfindbar") посредствомъ того, что можетъ быть ощущаемо" [1]). Что же касается „абсолютнаго пространства" Канта, то оно въ концѣ концовъ сводится имъ на фикцію, ради возможности теоретической механики [2]). (Это отличіе пространствъ было сдѣлано еще Ньютономъ).

Итакъ безъ тожества въ познающемъ и познаваемомъ не было бы у насъ понятій пространства; безъ тожества не было бы ни категорій Канта, ни времени; безъ тожества не мыслимо вообще никакое познаніе: но Кантъ этому принципу познанія (или категоріи) удѣлилъ слишкомъ мало вниманія. По поводу „Первой аналогіи" онъ разсуждаетъ объ устойчивомъ и о субстанціи, „которая, какъ субстратъ всякихъ перемѣнъ, всегда остается тожественной" [3]); „устойчивое (das Beharrliche") онъ считаетъ „субстратомъ эмпирическаго представленія времени, на которомъ только возможно всякое опредѣленіе времени (Zeitbestimmung). Устойчивостью вообще выражается время, какъ постоянный коррелатъ всякаго бытія явленій, всякаго измѣненія и всякаго сопутствованія" [4])... „Безъ этого устойчиваго нѣтъ никакого отношенія времени; слѣдовательно это постоянное въ явленіяхъ есть носитель (Substratum) всякаго опредѣленія времени, стало быть и условіе возможности всякаго синтетическаго единства воспріятій, т. е. опыта... Итакъ во всѣхъ явленіяхъ устойчивое есть самый предметъ, т. е. субстанція" [5])... Двумя страницами дальше Кантъ ослабляетъ сказанное слѣдующимъ выводомъ: „Эта устойчивость есть не что иное, какъ способъ представлять бытіе вещей (въ явленіи)". Если этотъ

[1]) *Kant,* Metaph. Anfangsgründe der Naturwiss. 2 Aufl Riga 1787. Ausg. Rosenkantz u. Schubert V. Bd., S. 320—322.

[2]) Тамъ-же, стран. 3 и 4. „Абсолютное пространство само по себѣ—ничто и не есть предметъ; оно означаетъ всякое другое относительное пространство, которое я во всякое время, могу мыслить (а не „созерцать"!) внѣ даннаго эмпирическаго, выходя такимъ образомъ наружу до безконечности".

[3]) *Kant,* Kritik d. rein. Vern. 2 Aufl., S. 224—225, R, S. 175.

[4]) Тамъ-же, стран. 226, R. S. 176.

[5]) Тамъ-же.

выводъ вѣренъ, то „устойчивость" (субстанція) есть чисто субъективное свойство познающаго, не имѣющее ничего соотвѣтствующаго въ познаваемомъ мірѣ. Таковы и всѣ категоріи Канта. Но тогда теряютъ всякій смыслъ слова „вещь" и „предметъ": тогда имѣются только представленія (или ихъ сочетанія) и „способы представлять". Что такое Кантъ разумѣетъ подъ „вещью въ явленіи" или подъ „предметомъ", познаваемымъ всѣми, неизвѣстно ни изъ Критики чистаго разума, ни изъ другихъ произведеній Канта, напечатанныхъ имъ послѣ его Критики. Во всякомъ случаѣ, „способъ представлять бытіе вещей въ явленіи" не вяжется съ „субстратомъ всякихъ перемѣнъ, всегда остающимся тожественнымъ", что сказано Кантомъ двумя страницами выше. Послѣднее понятіе умѣстно у тѣхъ философовъ, которые признаютъ субстанцію за нѣчто реальное, существующее независимо отъ познающаго субъекта; оно противорѣчитъ полу-идеализму Канта.

Что же касается мнѣнія Канта, будто „устойчивое (=субстанція) есть субстратъ эмпирическаго представленія времени, или всякихъ отношеній времени", то оно противорѣчитъ его утвержденію, будто время есть апріорное воззрѣніе всякаго познанія, въ томъ числѣ и категорій. По данному утвержденію Канта, время оказывается зависящимъ отъ „устойчиваго", т. е. отъ категоріи субстанціи. Наконецъ, невѣрно мнѣніе будто „безъ устойчиваго, (т. е. субстанціи) нѣтъ никакого отношенія времени". Мы видѣли выше, что представленія объ отношеніяхъ времени имѣются уже у младенцевъ, не умѣющихъ еще правильно говорить, хотя имъ неизвѣстны понятія „время" и „субстанція". Представленія „раньше" и „позже" можно имѣть даже на основаніи тожественныхъ явленій, слѣдующихъ другъ за другомъ. Такъ напримѣръ, прислушиваясь къ стуку дождевыхъ капель въ водосточной трубѣ, я могу отличать прежній стукъ отъ послѣдующаго; для этого мнѣ не нужно прибѣгать къ категоріи „субстанціи". Впрочемъ, таковыхъ понятій не имѣется у подавляющаго большинства даже грамотныхъ людей, хотя они воспринимаютъ отношенія „времени" и имѣютъ даже общее понятіе „время".

Кантъ признаетъ еще и тожество нашего „я", тожество чистаго самосознанія, которое есть условіе тожества позна-

ваемыхъ вещей, притомъ это тожество по Канту имѣется не только въ нашемъ эмпирическомъ „я", то есть сознаваемомъ, но такое тожество должно быть и у „трансцендентальнаго „я", т. е. предполагаемаго субстрата „эмпирическаго „я". Этимъ тожествомъ обусловливается и „единство апперцепціи" и „синтеза всего разнообразія явленій" [1]).

Вотъ и все, что Кантъ говоритъ о тожествѣ въ своей Критикѣ чистаго разума. Но тожества личности, тожества субстанціи и времени недостаточно, чтобы создалось истинное познаніе, даже при наличности „матеріи познанія". Всѣ эти условія, несомнѣнно, были на лицо у самого Канта, однако онъ все же часто ошибался; ошибался же онъ часто и потому, что не соблюдалъ логическаго закона тожества. Слѣдовательно безъ „тожества" ничего не помогли Канту „категоріи", которыя самому автору ихъ навѣрно были извѣстны. Тоже бываетъ и съ каждымъ, когда онъ не видитъ тожества тамъ, гдѣ оно есть или же, когда онъ его находитъ тамъ, гдѣ его нѣтъ.

Тожество необходимо не только въ познаніи своей личности, субстанцій и времени, но и относительно смѣняющихся явленій, относительно порядка перемѣнъ, относит. законовъ природы. Нашъ умъ уже отъ рожденія такъ устроенъ, что онъ невольно улавливаетъ тожество, даже не останавливая своего вниманія на этомъ. Большей частью это дѣлается даже безсознательно. Въ болѣе сложныхъ случаяхъ или при отсутствіи памяти, мы и противъ своей воли нерѣдко нарушаемъ законъ тожества, считая тожественное различнымъ или наоборотъ: тогда и происходятъ ошибки.

§ 6. Гносеологическое значеніе категорій Канта.

Категоріи Канта, по его мнѣнію, имѣютъ огромное значеніе. Онѣ не только дѣлаютъ возможнымъ всякое истинное знаніе, но даже его „объекты"; онѣ обусловливаютъ „необходимость", т. е. аподиктическую достовѣрность познаннаго. Только апріорностью категорій и „воззрѣній" про-

[1]) *Kant*, Kritik d. rein. Vern. 1 Aufl. S. 112—113, R. S. 125.

странства и времени, по мнѣнію Канта, объясняется аподиктическая достовѣрность **аксіомъ** математики и естествознанія. Сказанное я поясню словами и примѣрами самого Канта, и притомъ относительно той категоріи, которую мы *оставили безъ возраженій, т. е. относительно категоріи причинности.*

Такъ, по поводу „второй аналогіи" (т. е. что „всѣ перемѣны происходятъ по закону причинности") Кантъ поясняетъ: „Опытъ, т. е. эмпирическое познаніе явленій, возможно только вслѣдствіе того, что мы послѣдовательность явленій, стало-быть, и всякое измѣненіе, подвергаемъ закону **причинности**" [1]. Отношеніе причины къ дѣйствію есть условіе объективнаго значенія (Gültigkeit) нашихъ эмпирическихъ сужденій... слѣдовательно ихъ эмпирической истины, стало-быть и опыта". Основное положеніе причинности... есть причина возможности самаго опыта" [2]). Изъ этого слѣдуетъ, будто при незнаніи причинной связи между преемственными явленіями А и В, невозможенъ опытъ. Между тѣмъ въ естествознаніи опытъ начинается съ наблюденій одновременныхъ и преемственныхъ фактовъ; а причинная зависимость между ними устанавливается послѣ, иногда на основаніи очень сложныхъ методовъ индукціи. Повидимому, Кантъ не былъ знакомъ съ индукціей Бэкона, которая по разнымъ методамъ на основаніи наблюденій послѣдовательности заключаетъ о наличности причинности.

Болѣе понятно Кантъ разъясняетъ роль категорій въ своихъ Пролегоменахъ, изданныхъ черезъ два года послѣ перваго изданія его Критики чистаго разума. Въ нихъ приводятся примѣры, а именно: Если я возьму сужденія „сахаръ сладокъ", „полынь противна", то это, по словамъ Канта, будутъ „исключительно *субъективныя сужденія*": они относятся только къ чувственному воспріятію, которое будто каждый признаетъ за исключительно субъективное, которое будто никогда не можетъ быть приписано самому предмету (сахару, полыни). Эти сужденія будто не заключаютъ въ себѣ требованія, чтобы и я, и **каждый** иной человѣкъ **во всякое** время приписывалъ означеннымъ предметамъ (са-

[1]) *Kant,* Kritik d. rein. Vern. 2 Aufl. S. 233—234 (R. 181).

[2]) Ibid. pag. 247 (R. 190).

хару, полыни) тѣ же свойства. Они-де выражаютъ только отношеніе двухъ воспріятій въ одномъ и томъ же познающемъ субъектѣ, т. е. во мнѣ самомъ, и то только въ моемъ настоящемъ состояніи здоровья и способности воспринимать. (При другихъ, ненормальныхъ, условіяхъ здоровья сахаръ можетъ оказаться для меня противнымъ [1]). Такія чисто субъективныя сужденія Кантъ называетъ „чувственными" (=*Wahrnehmungurteile*); они будто не касаются самого предмета воспріятія (Proleg. § 19). „Чтобы субъективное, т. е. чувственное сужденіе превратить въ опытное, объективное, т. е. общеобязательное для всѣхъ людей, для этого чувственное сужденіе должно быть подведено подъ чистое понятіе ума, т. е. категорію: таковыя представляютъ собою форму общечеловѣческаго мышленія, совершенно отличную отъ опыта и чувственныхъ воспріятій". Для примѣра, говоритъ Кантъ, возьмемъ сужденіе: „Если солнце освѣщаетъ камень, то онъ нагрѣвается". И это сужденіе, по мнѣнію Канта, исключительно чувственное: оно будто еще „не заключаетъ въ себѣ признака необходимости, хотя бы я это сочетаніе явленій наблюдалъ безчисленное множество разъ. Мои наблюденія говорятъ мнѣ, что это сочетаніе лишь обычно; но въ немъ еще вовсе не заключается основаніе считать его необходимымъ. Если же я скажу: „Солнце (своимъ свѣтомъ) нагрѣваетъ камень" или „солнечный свѣтъ есть причина нагрѣванія камня": то въ этомъ сужденіи присоединено къ чувственному воспріятію чистое понятіе ума, т. е. категорія *причинности*. Таковая соединяетъ съ понятіемъ солнечнаго свѣта понятіе теплоты, какъ нѣчто необходимое: такимъ образомъ сужденіе становится всеобщимъ и необходимымъ, (т. е. по Кантовой терминологіи, объективнымъ); тогда чувственное воспріятіе превращается въ опытъ" [2]).

[1]) Эти примѣры, по мнѣнію Канта, будто не заключаютъ въ себѣ основанія для „необходимаго" и „всеобщаго значенія" (*Kant* Prolegomena", § 19).

[2]) *Kant*, Proleg. § 20, примѣчаніе. Слово „опытъ" Кантъ и въ этомъ сочиненіи, и въ своей Критикѣ чистаго разума употребляетъ въ двухъ значеніяхъ: а) въ смыслѣ чувственныхъ воспріятій безъ обработки разсудка (См. *Vaihinger*, Com. zu Kant's Kritik... I. Bd. S. 165 и 171); б) какъ продуктъ ума (категорій) и чувственности (Kant, Proleg. § 20 и 34; Kritik d. rein. Vern.. 1 Aufl. S. 110 R. 123). Здѣсь слово „опытъ" употреблено въ послѣднемъ значеніи.

Итакъ благодаря категоріямъ только и пріобрѣтаются признаки *„всеобщности"* и *„необходимости"* [1]); вслѣдствіе этого не только математич. науки, но даже и естествознаніе могутъ превратиться въ „чистое" знаніе, т. е. выводимое изъ апріорныхъ положеній [2]).

„Апріорныя условія возможнаго опыта, по словамъ Канта, вмѣстѣ съ тѣмъ составляютъ источники, изъ которыхъ должны быть почерпнуты всѣ общіе *законы природы*". „Умъ самъ есть источникъ законовъ природы, слѣдовательно и формальнаго единства природы" [3]); умъ человѣка „предписываетъ природѣ законы". Таково чудесное дѣйствіе категорій Канта, покоящихся въ умѣ человѣка до всякаго опыта!

§ 7. Безплодность категоріи „причинности" у Канта.

Относительно пространства и времени, а равно и относительно категорій Канта мы уже убѣдились, что это—не апріорныя понятія,—ни въ психологическомъ, ни въ Кантовомъ „трансцендентальномъ" значеніи. Правда, въ этихъ понятіяхъ есть нечувственные элементы познанія, эти понятія не—чисто эмпирическія; но они и не апріорны въ Кантовомъ смыслѣ. Слѣдовательно, если бы Кантъ даже былъ правъ относительно чудодѣйственной силы своей „апріорности", то и въ такомъ случаѣ намъ ничего не помогли бы его мнимыя „апріорныя" понятія, его „категоріи".

Къ сожалѣнію, Кантъ ошибается и относительно значенія самой апріорности, будто она составляетъ единственное и необходимое условіе знанія, и даже аподиктической достовѣрности. Разсмотримъ ближе его же собственные примѣры относительно категоріи причинности, которую мы пока оставили безъ возраженій [4]).

1) *Kant* Proleg. §§ 18 и 19.

2) При этомъ основныя положенія и выводы изъ нихъ могутъ быть и *синтетическими* сужденіями, т. е. такими, которыя расширяютъ наше знаніе, такъ какъ ихъ предикатъ привноситъ новый признакъ, не заключающійся въ субъектѣ.

3) *Kant* Kritik d. rein. Vern. 1 Aufl. S. 127 R. 135.

4) Примѣровъ относительно другихъ категорій Кантъ не приводитъ даже въ своихъ Пролегоменахъ, въ которыхъ онъ (вслѣд-

Разсмотримъ сперва первый примѣръ Канта, его сужденіе, имѣющее грамматическую форму условнаго предложенія: *„если солнце освѣщаетъ камень, то онъ нагрѣвается“*. Кантъ полагалъ, что эта форма предложеній тожественна съ гипотетическими сужденіями логики; на самомъ дѣлѣ, послѣднія могутъ быть выражены и безъ условныхъ союзовъ,—простымъ предложеніемъ, безъ измѣненія смысла, а именно: „отъ солнечнаго свѣта нагрѣвается камень“. По мнѣнію Канта, первая грамматическая форма (съ союзомъ „*если*“) не заключаетъ въ себѣ признака „необходимости“, „хотя бы я это сочетаніе явленій наблюдалъ безчисленное множество разъ“, поясняетъ самъ Кантъ.

Наоборотъ, то же сужденіе, выраженное безъ союза „если“, которое по грамматической формѣ съ виду подходитъ подъ „категорическія“ сужденія логики, пріобрѣтаетъ чудодѣйственную силу отъ „категоріи причинности“. Предложенія Канта *„солнце нагрѣваетъ камень“*, или *„солнечный свѣтъ есть причина нагрѣванія камня“*, будто дѣлаютъ связь солнечнаго свѣта съ нагрѣваніемъ „необходимой“; такія сужденія будто становятся *„объективными“*, т. е. общеобязательнымъ знаніемъ, или *„опытомъ“*.

На самомъ дѣлѣ, новая грамматическая форма этихъ предложеній никакихъ магическихъ дѣйствій не имѣетъ: и послѣднія предложенія ничуть не дѣлаются ни истинными, ни общеобязательными отъ того, что они *„подведены подъ категорію причинности“*. Я могу ихъ подвести еще подъ другую категорію, напр., „отрицанія“, и тогда получатся противорѣчащія имъ сужденія, которыя „подведены тоже подъ категорію причинности“, а именно: „солнце не нагрѣваетъ камень“, или „солнечный свѣтъ не есть причина нагрѣванія камня“. Если первыя, т. е. утвердительныя, были истинны, то противорѣчащія имъ, несомнѣнно, будутъ ложными, и наоборотъ. Очевидно, что и ложныя сужденія тоже могутъ быть „подведены подъ категорію“; а изъ ложныхъ сужденій не можетъ получиться „объективное“ и тѣмъ менѣе „необходимое“ знаніе и „опытъ“

ствіе нападокъ критиковъ на неудобопонятность его „Критики чистаго разума“) старался быть понятнымъ. Почему случилось это упущеніе, мы увидимъ изъ дальнѣйшаго.

Канта. Сама же истинность сужденія зависитъ отъ чего-то другого, а не отъ „подведенія сужденія подъ категорію". Критеріи истины мы разобрали въ III главѣ (въ §§ 9—14)[1].

Впрочемъ, и наши оба отрицательныхъ сужденія, при извѣстныхъ условіяхъ, могутъ быть истинными. Дѣло въ томъ, что камень можетъ освѣщаться солнечнымъ свѣтомъ и притомъ можетъ не нагрѣться: для этого нужно изъять изъ солнечнаго свѣта его тепловые лучи, которые составляютъ только незначительную часть солнечнаго спектра; а это можно осуществить весьма легкимъ способомъ. Слѣдовательно въ этомъ случаѣ не наступитъ нагрѣванія камня отъ солнечнаго свѣта, такъ какъ не весь спектръ дѣйствовалъ. Наконецъ, и при полномъ спектрѣ не наступитъ нагрѣваніе, если камень недостаточно долго будетъ находиться подъ дѣйствіемъ свѣта. Если же подвергнуть камень одновременно и дѣйствію солнечнаго свѣта (съ изъятіемъ тепловыхъ лучей) и другого теплового источника, и если этотъ источникъ тепла будетъ скрытъ отъ наблюдателя: то онъ подумаетъ, будто и въ данномъ случаѣ солнечный свѣтъ есть причина нагрѣванія. Подобный опытъ доказалъ бы Канту несомнѣнную ошибочность его категорическаго сужденія, „подведеннаго подъ категорію причинности". Слѣдовательно и таковое вѣрно не во всѣхъ случаяхъ, оно не безусловно, не „необходимо".

Совершенно такое же значеніе имѣетъ и гипотетическое сужденіе Канта съ союзомъ „если", а именно: если солнечный свѣтъ (въ полномъ своемъ составѣ) освѣщаетъ камень, (и притомъ достаточно долго): *то всегда наступитъ нагрѣваніе* (подразумѣвая, если не будетъ какихъ-нибудь противодѣйствій нагрѣванію камня).

Въ природѣ законъ причинности обыкновенно не обнаруживается такъ просто: онъ представляется обыкновенно очень осложненнымъ. Всѣ эти осложненія не зависятъ ни отъ воли познающаго, ни отъ самаго устройства человѣческаго ума. Наоборотъ, умъ человѣка долженъ присма-

[1]) Съ нами согласились бы и древніе скептики, которые были послѣдовательнѣе Канта и новѣйшихъ скептиковъ всѣхъ наименованій. Кантъ, напр., считаетъ законъ противорѣчія „высшимъ основнымъ положеніемъ однихъ только аналитическихъ сужденій" (Kant, *Krit. d. rein. Vernunft*, 2 Aufl. S. 190—191).

триваться къ фактамъ дѣйствительности, долженъ прибѣгать къ разнымъ экспериментамъ и вообще долженъ быть весьма осмотрительнымъ въ истолкованіи причинной связи и послѣдовательности явленій. Не умъ „предписываетъ природѣ законы“, какъ то ошибочно думаетъ Кантъ, а она указываетъ уму тотъ длинный и извилистый путь, по которому человѣкъ можетъ добраться до истины. По видимому, Кантъ не былъ знакомъ ни съ методами индукціи Бэкона, ни съ исторіей естественныхъ наукъ: все это доказало бы ему противное.

Итакъ ни категорія причинности, ни апріорность Канта вообще ничего намъ не помогаютъ въ достиженіи истины: истинность нашихъ сужденій зависитъ не отъ этого; тѣмъ менѣе можно приписывать категоріямъ чудесную силу „необходимости“ познанія, т. е. аподиктической достовѣрности [1]).

§ 8. Возникновеніе понятія „причинность“.

Чего люди желаютъ, о томъ они охотно мечтаютъ и легко вѣрятъ въ осуществленіе его. Плодомъ этой слабости человѣческой явилась *сказка*, въ которой мечты человѣка представляются осуществленными,—или относительно физической мощи, или относительно требованій справедливости и счастья. Нѣчто подобное случилось и съ Кантомъ относительно истины. Дѣло въ томъ, что весьма желательно имѣть талисманъ истины, при помощи котораго человѣкъ, любознательный и пытливый, избавлялся бы отъ продолжительнаго и кропотливаго труда—наблюдать факты дѣйствительности, эксперементировать, анализировать и разсуждать обо всемъ этомъ. Таковой талисманъ почудился великому

1) Канту въ его категоріяхъ почудилось магическое средство, которое эмпирическія и субъективныя знанія превращаетъ въ „объективныя“ и „необходимыя“; но онъ не задаетъ себѣ вопроса, почему „чувственное сужденіе“ подводится подъ одну опредѣленную категорію, а не подъ другую изъ числа его 16 категорій! Очевидно, это не зависитъ ни отъ апріорности, ни отъ формы познанія и мышленія, а отъ того, что заключается въ самой матеріи познанія и въ самихъ вещахъ.

кенигсбергскому философу въ его „апріорности“ понятій вообще и въ частности его „категорій“. Мечта очень заманчивая; однако мы убѣждаемся, что она—только мечта, и что ей даже не суждено когда-либо осуществиться: „невозможное не возможно“, стало-быть, и неосуществимо. Поэтому мы оставимъ мечту Канта и вѣрованія его правовѣрныхъ учениковъ; а взамѣнъ этого обратимся къ кропотливой работѣ наблюденій и анализовъ дѣйствительности. Относительно причинности мы доказали въ предыдущей главѣ (§§ 13 и 14), что представленіе причинности и вѣра въ реальность и плотность видимаго въ общемъ прирождены человѣку и животнымъ. Но изъ этого отнюдь не слѣдуетъ, будто эта вѣра появляется сразу, и до всякаго опыта; ошибочнымъ было бы предположеніе, будто опытъ ничего не вноситъ въ наши понятія „причина“ и „причинность“. Такъ напр., распространенія закона причинности на всѣ явленія, не дѣлаютъ не только обыкновенные люди, но даже не всѣ философы. Принципъ причинности инстинктивно дѣйствуетъ у младенцевъ уже съ первыхъ дней; но нѣкоторое пониманіе причинности обнаруживается не раньше шестого мѣсяца отъ роду: тогда младенцы уже протягиваютъ руку къ видимымъ предметамъ съ цѣлью схватить ихъ: слѣдовательно они уже знаютъ, что видимое ими находится внѣ ихъ тѣла, и что видимое плотно [1]). Этимъ фактомъ, несомнѣнно, подтверждается наличность представленія о причинѣ, хотя младенецъ врядъ ли даетъ себѣ отчетъ во всемъ этомъ. Но взрослый человѣкъ, если у него появляется сомнѣніе относительно зрительнаго впечатлѣнія, можетъ разсуждать такимъ образомъ: „Что это бѣлѣетъ подъ осиной? Человѣкъ въ бѣлой рубахѣ... или это виситъ полотенце? Нѣтъ, не то: это мнѣ лишь показалось въ темнотѣ. Однако бѣлая полоса все еще видна на томъ же мѣстѣ (когда я смотрю въ ту же сторону)... Ааа! Это—отраженіе зеркала изъ гостинной освѣщаетъ стволъ дерева“! Тутъ мы имѣемъ цѣлый рядъ сужденій о предполагаемой причинѣ видѣннаго.

Гораздо позже младенцы постигаютъ зависимость звуковъ отъ звучащихъ предметовъ [2]). Повидимому, и въ обла-

[1]) См. VI гл. §§ 14 и 15.

[2]) См. Preyer, loco cit. pag. 27.

сти слуха существуетъ прирожденный инстинктъ—искать причину звука; но несомнѣнно, что подобный инстинктъ даетъ только первые толчки, а пониманіе причинной зависимости звуковъ отъ соотвѣтственныхъ звучащихъ предметовъ пріобрѣтается опытомъ. Въ концѣ второго года всякій незнакомый звукъ пугалъ моего сына. Это продолжалось нѣсколько лѣтъ; оно не прекращается и у взрослыхъ. При знакомыхъ звукахъ мы остаемся покойными—мы спимъ при сильнѣйшихъ свисткахъ паровоза; но неожиданный шорохъ въ стѣнѣ или крикъ незнакомой птицы заставляетъ многихъ вздрагивать, даже во снѣ.

Пониманіе причинной зависимости постоянно растетъ у насъ съ накопленіемъ опыта и съ пріобрѣтеніемъ знаній; но относительно сложныхъ и неразгаданныхъ явленій и образованные люди поддаются суевѣріямъ. Относительно погоды и дождей простолюдины не понимаютъ ихъ зависимости отъ опредѣленныхъ условій и причинъ и думаютъ, что эти явленія не „необходимы“. Относительно рѣдкихъ и непонятныхъ явленій психической жизни и образованные люди вѣрятъ въ ихъ случайность и чудесность, пока явленіе не будетъ окрещено научнымъ терминомъ. Таковы явленія: спиритизма, гипнотизма, угадыванія мыслей, парамнэзіи, эпилепсіи, сомнамбулизма, телепатіи и другія.

Я лично помню о себѣ, что я до шестого класса гимназіи не зналъ еще ничего о всеобщности закона причинности: я не зналъ, напр., что геологическія формаціи земли и жизнь животныхъ тоже подчинены закону причинности.

Съ вѣрой во всеобщность причинности не слѣдуетъ смѣшивать наклонность человѣка къ поспѣшной индукціи. Это явленіе въ простыхъ случаяхъ можетъ быть объяснено законами ассоціаціи. Если я много разъ замѣчалъ, что послѣ антецедентовъ ABC всегда слѣдовало D: то и при нѣсколько измѣненныхъ антецедентахъ ABC_1 или $AB\gamma$ я невольно вспомню о D и буду ожидать его появленія. Тутъ на основаніи сходства элементовъ AB можетъ произойти отожествленіе C_1 или γ съ C. Въ особенности это легко случается тогда, когда C_1 и γ обозначаются однимъ и тѣмъ же названіемъ, что и C.

Кантъ въ то время, когда печаталъ свою Критику чистаго разума, т. е. на 57 году своей жизни, конечно былъ

увѣренъ въ „необходимости“, т. е. безусловной достовѣрности, закона причинности. Поэтому онъ сужденіе „солнечный свѣтъ есть причина нагрѣванія камня“ считаетъ сужденіемъ категоріальнымъ, т. е. „подведеннымъ подъ категорію“, а самую связь между солнечнымъ свѣтомъ и нагрѣваніемъ „необходимой“. Но кто еще не дошелъ до вѣры въ „необходимость“ этой связи или вообще до необходимости связи между дѣйствіемъ и причиной, у того получится то же отъ категорическаго сужденія Канта, что и отъ гипотетическаго: „если солнце освѣщаетъ камень, то онъ нагрѣвается“. Такимъ образомъ разъясненіе Канта сводится къ слѣдующему: если мы вообще сознаемъ „необходимость“ связи между дѣйствіемъ и причиной, то мы ее будемъ сознавать и относительно солнечнаго свѣта и нагрѣванія. Но и при этомъ предположено молчаливо, что категоріальное сужденіе Канта истинно. На самомъ дѣлѣ мы убѣдились, что оно не безусловно истинно. А откуда берется эта истинность? Мы видѣли, что ей ничуть не помогаетъ обработка сужденій посредствомъ категорій! Такова самая важная категорія Канта, которую мы на время оставили безъ возраженій.

§ 9. Категоріи „единства“ и „модальности“.

Еще болѣе очевидна несостоятельность „апріорности“ Канта на остальныхъ его „категоріяхъ“. Начнемъ наше разсмотрѣніе съ другой „категоріи“, которую мы оставили безъ возраженій, а именно, „*единства*“. Это понятіе имѣетъ большое значеніе въ примѣненіи къ познающей личности. Это единство Кантъ называетъ разными терминами, обозначающими будто бы различныя отправленія ума, а именно: 1) „внутреннее чувство и его форма a priori—время“, 2) „синтетическое единство воображенія“, 3) „единство апперцепціи“; „въ ней должно искать возможность синтетическихъ сужденій вообще и... чистыхъ синтетическихъ сужденій a priori“ [1]. 4) Къ этимъ терминамъ у Канта еще присоединенъ особый терминъ „трансцендентальной апперцепціи“ [2]. Всѣ эти тер-

[1] *Kant*, Kritik d. rein. Vern. 2 Aufl. S. 194—195; R. 154.
[2] Тамъ же, стран. 197; R. 156.

мипы обозначаютъ единство нашего „Я“, или единство познающаго субъекта, которое отмѣтилъ въ своемъ Изслѣдованіи Ридъ; онъ противопоставилъ его заблужденіямъ Юма и Локка, которые въ своихъ изслѣдованіяхъ все сводили къ „идеямъ“ (т. е. представленіямъ). Но Ридъ отмѣтилъ не только это единство, но и *тожество* личности, что Кантомъ оставлено безъ вниманія. Слѣдовательно новые термины Канта не даютъ новыхъ фактовъ; а по сравненіи съ Ридомъ они передаютъ не все, что было сказано Ридомъ. Сверхъ того, Кантъ не разсматриваетъ вопроса о единствѣ „вещи“; у него „единство“ есть „категорія“ ума, а не свойство вещей познанія. Между тѣмъ мы познаемъ и другихъ людей, которые тоже имѣютъ „единство апперцепціи“; мы познаемъ и животныхъ, у которыхъ тоже должно быть единство, по меньшей мѣрѣ воображенія. Наконецъ и растенія и даже кристаллы представляютъ собою нѣкоторое единство, которое не зависитъ отъ познающаго: таковой можетъ его и не замѣчать; а все же онъ знаетъ много такихъ предметовъ. Слѣдовательно не эти предметы, заключающіе въ себѣ единство, зависятъ отъ познающаго, а наоборотъ: знающій эти предметы можетъ не замѣчать и не думать объ ихъ единствѣ. Самъ Кантъ говоритъ по поводу III аналогіи: „Наши аналогіи представляютъ, собственно говоря, *единство природы* въ связи всѣхъ явленій... Всѣ явленія находятся (liegen) въ одной природѣ и должны въ ней находиться, такъ какъ безъ этого единства a priori не было бы возможно единство опыта [1]). Итакъ оказывается, что *не категорія единства „создаетъ предметы знанія“*, *а самое понятіе единства есть плодъ изученія природы и предметовъ дѣйствительности.*

Относительно остальныхъ категорій мы уже сдѣлали свои возраженія, изъ которыхъ видно, что эти понятія не апріорны, даже въ „трансцендентальномъ“ смыслѣ Канта [2]). Къ сказанному мы прибавимъ немногое. Особенно поразительна непослѣдовательность Канта въ его категоріяхъ IV-го класса, т. е. *модальности*. Съ одной стороны Кантъ считаетъ свои категоріи „необходимымъ условіемъ объективнаго и необходимаго знанія“; съ другой онъ приводитъ въ IV

[1]) *Kant*, op., cit. pag. 263; K 201.
[2]) См. VII гл. § 4.

классѣ такія категоріи", которыя его утвержденію прямо противорѣчатъ. „Необходимости" противорѣчатъ и „случайность" и „возможность" и „невозможность" и „небытіе"; а отчасти даже и бытіе": всѣ эти категоріи содержатся въ IV классѣ Канта.

Если даже относительно неоспариваемыхъ нами двухъ категорій оказалась ошибочной гипотеза Канта объ ихъ значеніи для созданія „объективнаго знанія": то относ. категорій модальности не можетъ быть и рѣчи о какомъ-нибудь ихъ значеніи для этого. Кантъ однимъ магическимъ взмахомъ извлекъ ихъ изъ видовъ логическихъ сужденій и даже не потрудился провѣрить ихъ на примѣрахъ, за исключеніемъ категоріи причинности. Но и въ этомъ случаѣ его примѣры, какъ мы видѣли, оказались не совсѣмъ удачными; а ихъ истолкованіе прямо невѣрнымъ.

§ 10. „Синтетическія основоположенія чистаго ума".

На критицизмъ Канта больше всего повліяли Юмъ и Ридъ. Послѣдній, какъ было отмѣчено въ I главѣ, доказалъ, что у всѣхъ людей существуютъ прирожденные „принципы здраваго смысла", которые руководятъ нашимъ познаніемъ. Эти принципы представляютъ собою истины самоочевидныя, которыя не нуждаются въ доказательствахъ: наоборотъ, онѣ обусловливаютъ всякое знаніе и доказательство, такъ какъ онѣ даны человѣку вмѣстѣ съ его умомъ. Онѣ всегда существовали у людей, даже и тогда, когда не было никакой философіи. *Поэтому истинная философія не можетъ ихъ обходить, такъ какъ онѣ обусловливаютъ всякое знаніе, въ томъ числѣ и философію*[1]).

Такія же основныя положенія, (Grundsätze) недоказуемыя авторомъ, приводитъ и Кантъ въ своей Критикѣ чистаго разума; но между ними имѣются и спорныя. Кантъ клас-

[1]) См. I гл. §§ 2 и 3. Что Кантъ былъ знакомъ съ „Изслѣдованіемъ" Рида о человѣч. духѣ, видно изъ того, что онъ полемизируетъ съ нимъ въ своей Критикѣ чистаго разума, но этотъ фактъ замалчивается нѣмецкими историками и приверженцами Канта.

сифицируетъ ихъ тоже по четыремъ классамъ сужденій и „категорій" и окрещиваетъ особыми названіями [1]). Эта его склонность къ классификаціи и систематизаціи нерѣдко идетъ въ разрѣзъ съ истиной; но Кантъ этимъ не смущается, лишь бы были заполнены всѣ рубрики и графы, а priori добытыя изъ логической классификаціи сужденій. Такъ напр., въ I классѣ *„аксіомъ воззрѣнія"* приводится одно только положеніе, и притомъ невѣрное, а именно: *„Всѣ воззрѣнія суть величины экстенсивныя"* [2]). Если бы Кантъ подъ „воззрѣніями" разумѣлъ одни только зрительныя впечатлѣнія, то и въ такомъ случаѣ съ нимъ не согласились бы геометры относительно математической точки. Но относительно звуковъ съ нимъ никто не согласится; такъ же относительно запаховъ и вкусовъ.

Во II классѣ *„антиципацій восприятія"* приводится опять только одно положеніе, которое не имѣетъ никакого значенія для теоріи познанія, а именно: „Во всѣхъ явленіяхъ то *реальное*, которое есть предметъ *ощущенія, имѣетъ интенсивную величину*, т. е. степень" [3]). Если мы вспомнимъ что „реальность", по ученію Канта, есть „категорія ума", то она можетъ быть только въ умѣ, а отнюдь не въ явленіяхъ. Слѣдовательно это положеніе Канта противорѣчитъ его же „апріорности категорій".

Въ III классѣ приводится сперва одно „общее основное положеніе", а затѣмъ три „аналогіи". Это общее основное положеніе, безъ его ученаго имени, уже десятки разъ повторялось Кантомъ раньше,—по поводу категорій, а именно: *„опытъ становится возможнымъ только черезъ посред-*

[1]) *Kant*, Kritik d. rein Vern. 2 Aufl. S 200. „Die Tafel der Kategorien gibt uns die gauz natürliche Anweisung zur Tafel der Grundsätze... Alle Grundsätze des reinen Verstandes sind demnach. 1) Axiomen der Anschauung, 2) Anticipationen der Wahrnehmung, 3) Analogien der Erfahrung, 4) Postulate des empirischen Denkens überhaupt".

[2]) Тамъ же, стран. 202. Въ 1 изданіи эта аксіома формулирована еще менѣе вѣрно; „Alle Erscheinungen sind ihrer Anschauung, nach extensive Grössen".

[3]) Тамъ же стр. 207. Въ 1 изданіи эта „антиципація" формулирована такъ: In allen Erscheinungen hat die Empfindung und das Reale, welches ihr an dem Gegenstande entspricht (realitas phaenomenon) eine intensive Grësse, d. i. einen Grad".

ство представленія необходимаго сочетанія (Verknüpfung) *воспріятій*" [1]).

Затѣмъ приводятся три „аналогіи". *Первая аналогія* носитъ названіе „основное положеніе устойчивости" и гласитъ во 2 изданіи такъ:

„*При всякой смѣнѣ явленій субстанція пребываетъ* (beharret) *и количество ея не увеличивается и не уменьшается въ природѣ*" [2]). Эта „аналогія" содержитъ въ себѣ два положенія; изъ нихъ послѣднее представляетъ собою гипотезу физиковъ, которая можетъ быть оспариваема; вмѣстѣ съ тѣмъ она и неизвѣстна подавляющему большинству людей. Сверхъ того, если „количество ея—въ природѣ", то и сама субстанція пребываетъ въ природѣ, а не въ умѣ, слѣдовательно она не „категорія".

„*Вторая аналогія*" названа „основнымъ положеніемъ теченія времени (Zeitfolge) по закону причинности"; а формулирована она во 2 изданіи такъ: „*Всѣ перемѣны происходятъ по закону сочетанія* (Verknüpfung) *причины и дѣйствія*" [3]). Эта „аналогія" доказываетъ, что Кантъ еще не совсѣмъ отдѣлался отъ Юмова пониманія причинности, смѣшивая ее съ слѣдованіемъ во времени".

„*Третья аналогія*" названа „основнымъ положеніемъ одновременнаго бытія, по закону взаимодѣйствія, или общенія" (Gemeinschaft); а формулирована она во 2 изданіи такъ: „*Всѣ субстанціи*, поскольку онѣ могутъ быть восприняты въ пространствѣ вмѣстѣ (zugleich), *находятся въ сплошномъ* (durchgängig) *взаимодѣйствіи*" [4]). Эта формула и невѣрна и опять противорѣчитъ ученію самаго Канта. Если субстанціи могутъ быть „восприняты" въ пространствѣ, то очевидно, онѣ существуютъ независимо отъ субъекта (въ 1 изданіи такъ и было сказано [5]). Между тѣмъ по Канту субстанція

1) Тамъ же, стр. 218. Въ 1 изданіи это положеніе формулировано совсѣмъ иначе, даже въ другомъ смыслѣ: „Alle Erscheinungen stehen, ihrem Dasein nach, a priori unter Regeln der Bestimmung ihres Verhältnisses unter einander in einer Zeit".

2) Тамъ же, стр. 224—225.

3) Тамъ же, стр. 232—233.

4) Тамъ же, стр. 257 R. 196.

5) *Kant*, kritik d. rein. Vern. 1 Aufl. S. 210—211; R 196 „Alle Substanzen sofern sie zugleich sind, stehen in durchgängiger Gemeinschaft.

есть „категорія“, т. е. апріорное понятіе ума. Сверхъ того, невѣрно, будто всѣ субстанціи, вмѣстѣ воспринимаемыя, находятся въ сплошномъ взаимодѣйствіи. Это утверждаетъ теорія Ньютона относ. матеріи; но и по этой теоріи дѣйствительное разстояніе между двумя небесными тѣлами можетъ быть такъ велико, что никакого взаимодѣйствія (исключая только свѣтовыхъ лучей) между ними фактически не будетъ, хотя они видны вмѣстѣ и одновременно.

Еще менѣе удовлетворительны основоположенія IV класса, соотвѣтствующія классу „модальности“. Для нихъ Кантъ принялъ названіе „*постулатовъ*“, вопреки обычному значенію этого слова, а именно:

„*IV. Пустулаты эмпирическаго мышленія вообще.*

1. Что согласно съ формальными условіями опыта (въ отношеніи воззрѣнія и понятій), то возможно.

2. Что связано съ матеріальными условіями опыта (съ ощущеніемъ), то дѣйствительно.

3. То, чего связь съ дѣйствительнымъ опредѣлена по общимъ условіямъ опыта,—необходимо (существуетъ по необходимости“) [1]).

Самъ Кантъ сознаетъ, что „основоположенія модальности не что иное, какъ объясненія понятій возможности, дѣйствительности и необходимости въ ихъ эмпирическомъ примѣненіи“, то-есть, объясненіе смысла этихъ же „категорій“ [2]); однако для полноты дѣленія „всѣхъ синтетическихъ основоположеній“ по предвзятому шаблону онъ окрещиваетъ эти объясненія громкимъ именемъ „постулатовъ эмпирическаго мышленія вообще“. На самомъ дѣлѣ, они ровно ничего не постулируютъ, и ни въ чемъ не содѣйствуютъ ни знанію вообще, ни „эмпирическому мышленію“ въ частности. Всѣ разсужденія и примѣры Канта о „широкой пользѣ и значеніи постулата возможности“ сводятся къ тому же, что заключается въ самихъ понятіяхъ „возможности“ и „дѣйствительности“, а именно: не все возможное дѣйствительно. Но сверхъ безсодержательности его разъясненій, въ нихъ приводится утвержденіе, прямо противорѣчащее его

[1]) Тамъ же, стр. 218; 2 изд. 265; R. 202.

[2]) Тамъ же, стр. 219—221; R. 203.

ученію о категоріяхъ, а именно, что *дѣйствительность* (Realität) *должна опираться на опытъ (въ обычномъ смыслѣ) и* познанные опытомъ законы; „дѣйствительность (Realität)... можетъ относиться (gehen) только къ ощущенію, какъ матеріи опыта, и не касается формы отношенія, которой, конечно, можно играть въ разныхъ измышленіяхъ“ [1]). Хотя и въ этомъ мѣстѣ Кантъ выражается нѣсколько неопредѣленно и неточно, но смыслъ его словъ несомнѣнно тотъ, что дѣйствительность не можетъ быть познана безъ матеріи познанія, т. е. безъ ощущеній (и воспріятій). Двумя страницами дальше Кантъ выражается болѣе рѣшительно: „что понятіе предшествуетъ воспріятію, означаетъ только возможность его; а воспріятіе, дающее матерію для понятія, есть единственный характерный признакъ дѣйствительности“ [2]). Все это соотвѣтствуетъ здравому смыслу и ученію значительнаго большинства философовъ; но оно не вяжется съ апріорностью категоріи „дѣйствительность“ (Realität); и таковая, по Канту, до всякаго опыта находится въ умѣ человѣка и обусловливаетъ собой самый опытъ, слѣдовательно и воспріятія.

Таковы „синтетическія основоположенія чистаго ума“ въ Критикѣ чистаго разума. Какъ мы убѣдились, большинство изъ нихъ не даетъ ничего новаго и цѣннаго; а нѣкоторыя прямо невѣрны.

§ 11. Источники критицизма Канта.

Правовѣрный кантіанецъ, прослушавъ предыдущіе параграфы, можетъ намъ возразить съ возмущеніемъ: „Неужели вы думаете, что вопросъ объ апріорности разрѣшается такъ просто? О немъ писались десятки изслѣдованій выдающимися философами Германіи; о немъ написаны сотни, если не тысячи диссертацій и статей нѣмецкими докторами философіи. Неужели вы думаете одной главой опровергнуть всю ученую литературу о Кантовомъ критицизмѣ“? На это я скажу, что и въ философіи иногда вѣра въ авторитетъ

[1]) Тамъ же, стр. 222—223; 2 изд. 269—270; R. 205.
[2]) Тамъ же, стр. 225; 2 изд. 272—273; R. 207.

больше значитъ, чѣмъ соображенія ума и здравая логика. Кто слѣдуетъ одной вѣрѣ въ авторитеты, для того не писана настоящая книга. Кто же ищетъ истины, тотъ вникаетъ въ факты, и не станетъ взвѣшивать истину числомъ и толщиной книгъ! Въ этомъ случаѣ поучительна индійская сказка о царѣ съ его чудеснымъ нарядомъ, котораго не могли видѣть одни глупцы. Всѣ придворные восхищались новымъ царскимъ нарядомъ. Но однажды увидѣлъ царя въ этомъ нарядѣ ребенокъ, и онъ, вѣря своимъ глазамъ, воскликнулъ: „Вѣдь, царь нагой"! Нѣчто подобное случилось и съ критицизмомъ Канта, хотя Кантъ не имѣлъ въ виду испытывать довѣрчивость и низкопоклонство любителей мудрости: онъ былъ искренно увѣренъ въ томъ, что онъ, подобно Копернику, сдѣлалъ великое „открытіе". Какъ мы видѣли Кантъ считаетъ свою Критику чистаго разума „совершенно новой и единственной въ своемъ родѣ наукой, о которой еще и не догадывались до него, которой даже идея была неизвѣстна" [1]). Словамъ Канта и теперь еще вѣрятъ многіе.

Мы увидимъ, что и въ этомъ заблуждается и самъ Кантъ, и его послѣдователи. Любопытно, что привело Канта къ его заблужденіямъ.

„Критика ч. раз." Канта, дѣйствительно представляла собою „нѣчто совершенно новое и единственное въ своемъ родѣ",—но только для нѣмцевъ. У англичанъ и самое слово „критицизмъ" и самая наука о познаніи уже давно покоилась на прочныхъ научныхъ основаніяхъ: и методъ, и форма изложенія вполнѣ достойны названія „научныхъ". Изслѣдованія объ умѣ и познаніи со стороны Локка, Беркли, Юма и Рида навсегда останутся классическими произведеніями по гносеологіи, несмотря на нѣкоторыя ошибки и заблужденія. Каждое изъ нихъ приноситъ нѣчто новое и цѣнное, по меньшей мѣрѣ въ методѣ изслѣдованія и въ анализахъ фактовъ наблюденія. Кантъ былъ знакомъ съ этими изслѣдованіями, а равно и съ философіей Лейбница и Вольфа. Юмъ и Ридъ, несомнѣнно, привели Канта къ его „критицизму"; къ сожалѣнію, Кантъ во всемъ уступаетъ своимъ учителямъ—англичанамъ и шотландцамъ. Все новое, приносимое имъ, оказывается или полнымъ заблужде-

[1]) *Kant*, Prolegomena... Verl. Reclam jun. Einleitung, S. 36 unten.

ніемъ или же ошибочнымъ въ подробностяхъ; все же вѣрное и истинное оказывается старымъ, но прикрытымъ новыми терминами, и притомъ выраженнымъ сбивчиво, туманно и даже противорѣчиво, чего не было у его учителей.

Относительно Юма самъ Кантъ сознаетъ, что Юмъ „пробудилъ его отъ догматическаго сна"; но относительно Рида молчитъ и самъ Кантъ, и изслѣдователи-историки его „критицизма". Между тѣмъ Кантъ, несомнѣнно, началъ писать свою „Критику чистаго разума" подъ непосредственнымъ впечатлѣніемъ „Изслѣдованія о человѣч. духѣ" Рида, которое вышло 1764 года [1]). Кантъ несомнѣнно, былъ знакомъ съ этимъ сочиненіемъ Рида, такъ какъ полемизируетъ съ Ридомъ. Самъ Кантъ передаетъ, что онъ двѣнадцать лѣтъ работалъ надъ своей Критикой, вышедшей 1781 года: итакъ начало этой работы, по Канту, относится къ 1768 году. Но Файнхингеръ, самый точный и компетентный изслѣдователь Канта, устанавливаетъ фактъ, что Кантъ уже въ 1765—66 году имѣлъ намѣреніе издать сочиненіе подъ заглавіемъ „Критика разума" [2]); осуществленію этого намѣренія помѣшало будто бы появленіе „Новыхъ опытовъ" Лейбница, тогда впервые напечатанныхъ [3]). Это сочиненіе Лейбница тоже не осталось безъ нѣкотораго вліянія на Канта: въ немъ, напр., Лейбницъ между прочимъ устанавливаетъ различіе между истинами „фактическими" и „формальными"; Кантъ его замѣнилъ своимъ различіемъ между „аналитическими" и „синтетическими" сужденіями. Но главныя положенія Кантова критицизма созданы подъ впечатлѣніемъ Рида, а именно: „принципы здраваго смысла" замѣнены у Канта его „чистыми воззрѣніями" и „категоріями", а также его „синтетическими основоположеніями чистаго ума"; роль нашего „Я" (носителя самосознанія) замѣнена „синтетическимъ единствомъ апперцепціи" [4]).

[1]) *Th. Reid*, Inquiry into the Human Mind on the principles of Common Sense, 1764. Французскій переводъ появился въ Амстердамѣ 1768 года, а нѣмецкій 1782 года.

[2]) *Vaihinger* Commentar zu Kant's Kritik d. rein. Vern. 1881. I. Bd. S. 121—123. I Bd. Stuttgart 1881, S. 157.

[3]) Тамъ же.

[4]) Скептическая сторона критицизма осталась еще отъ Юма; такъ напр., сведеніе причинности къ послѣдовательности во вре-

Ридовы „принципы здраваго смысла“ представляютъ собою „истины самоочевидныя“, обусловливающія собою всякое знаніе и всякую философію: ту же роль играютъ у Канта „чистыя воззрѣнія“ и „чистыя понятія“, въ томъ числѣ и его „категоріи“. Принципы Рида прирождены человѣч. уму; чистыя воззрѣнія и понятія Канта „апріорны“; таковы и „синтетическія основоположенія чистаго ума“. Вотъ, каковы характерныя положенія „критицизма“!

Нѣмецкіе изслѣдователи Канта, даже Файхингеръ и Паульсенъ, умалчиваютъ о вліяніи Рида, но мотивировки не даютъ никакой. Трудно допустить, чтобы эти солидные ученые не понимали того, что они замалчиваютъ, и не знали причины этого замалчиванія. Объ этомъ мы выскажемся въ другомъ мѣстѣ.

§ 12. Апріорность Канта и врожденность.

Апріорность, какъ мы видѣли, не употребляется Кантомъ только въ одномъ значеніи, т. е. прирожденности. Этого значенія Когенъ и съ нимъ всѣ правовѣрные кантіанцы совсѣмъ не хотятъ признать за „критицизмомъ“ Канта. Хотя самъ авторъ этого ученія употребляетъ свое a priori въ Критикѣ ч. раз. и въ этомъ значеніи: онъ только постепенно дошелъ до другого его значенія. т. е. до „трансцендентальнаго“ его смысла, какъ „условія объективнаго познанія“ и даже „необходимости“ его [1]). Это свойство, очевидно, въ началѣ его критическаго періода отожествлялось Кантомъ съ прирожденностью. Ту же роль Лейбницъ приписывалъ своимъ „прирожденнымъ идеямъ“ въ математикѣ и въ дедуктивныхъ наукахъ; то же дѣлалъ и Ридъ относительно „самоочевидныхъ истинъ“ здраваго смысла. Кантъ впервые распространилъ это свойство „необходимости“ знанія и на естествознаніе, предполагая и „апріорныя синте-

мени; непознаваемость субстанціи у Канта замѣнена непознаваемостью „вещей въ себѣ“. Вліянію Юма должно приписать и отрицаніе метафизики, а также чудесъ; но этотъ скепсисъ Канта не характеренъ для критицизма.

[1]) См. *Vaihinger*, op. cit. I. pag. 160—170 et II 120—140.

тическія сужденія", которыя будто обусловливают „чистое естествознаніе". По словамъ Канта, „основоположенія динамическаго употребленія (т. е. соотвѣтствующія III и IV классу категорій) будутъ тоже приносить съ собою характерный признакъ необходимости a priori, но только подъ условіемъ эмпирическаго мышленія въ опытѣ, слѣдовательно—только опосредствовано и косвенно: поэтому онѣ не будутъ заключать въ себѣ той непосредственной очевидности, которая свойственна первымъ" (т. е. „математическимъ" I и II класса) [1]. Такое же различіе въ достовѣрности отмѣтилъ еще Лейбницъ между *„фактическими"* и *„формальными истинами"*; но первыя изъ нихъ онъ не считалъ ни апріорными, ни прирожденными, ни необходимыми [2]. Кантъ поправляетъ Лейбница, считая, повидимому, и „чистое естествознаніе" *возможнымъ на основаніи* апріорныхъ категорій и „синтетическихъ основоположеній". Что Кантъ въ этомъ ошибается, доказывается между прочимъ и тѣмъ фактомъ, что до Декарта и Нютона не существовало апріорнаго, или „чистаго естествознанія", т. е. дедуктивной небесной механики и физики.

Спрашивается, почему Кантъ своей апріорности приписываетъ такую же силу достовѣрности, какую до него Декартъ, Лейбницъ и Ридъ приписывали врожденности нѣкоторыхъ вѣчныхъ и „самоочевидныхъ" истинъ?

Въ сущности и „апріорность" Канта, даже въ „трансцендентальномъ" смыслѣ, сводится тоже къ прирожденности. Если „категоріи" (и „основоположенія чистаго ума") обусловливаютъ собою объективное знаніе, то онѣ, очевидно, должны находиться въ умѣ до возникновенія всякаго опыта и знанія. Если же онѣ не добыты опытомъ познающаго субъекта, то онѣ, очевидно, получены имъ или чудеснымъ образомъ или же отъ рожденія. Такъ какъ Кантъ не признаетъ чудесъ, то остается въ силѣ только послѣднее предположеніе. Итакъ споръ Когена и правовѣрныхъ кантіанцевъ съ психологистами основанъ на недоразумѣніи: и апріорность въ Кантовомъ смыслѣ прирождена че-

[1] *Kant*, op. cit 199—200; R 157.

[2] *Leibniz*, Nouveaux essais, praef. I. chap. I; livre I. chap. I. §§ 21—25.

ловѣку, какъ и всѣ душевныя способности, но въ видѣ предрасположеній; благодаря опыту и упражненію эти способности развиваются и увеличиваются въ работоспособности; при отсутствіи опыта онѣ могутъ заглохнуть [1]).

§ 13. Біологическое объясненіе апріорности.

Спрашивается, почему прирожденность и апріорность (во всѣхъ ея значеніяхъ) придаютъ познанію такую убѣдительность? Или, почему, по крайней мѣрѣ, онѣ почитаются за источникъ аподиктической достовѣрности? Юмъ, разсуждая о возникновеніи понятія „*причина*“, пришелъ къ заключенію, будто это понятіе пріобрѣтается вслѣдствіе продолжительной привычки ассоціировать съ постояннымъ предшествующимъ явленіемъ *A* послѣдующее *B*; что будто въ этомъ понятіи мы ничего иного не представляемъ, кромѣ постояннаго предшествованія явленію *B* явленія *A*, считая *A* причиной послѣдующаго *B* [2]). Это мнѣніе Юма вполнѣ гармонировало съ его воззрѣніями на познаніе: въ немъ онъ находилъ лишь впечатлѣнія (отъ внѣшнихъ предметовъ и раздраженій органовъ чувствъ) и ихъ копіи,—„идеи“, которыя по законамъ ассоціаціи образуютъ различныя комбинаціи. И Юма нужно считать сенсуалистомъ, подобно Кондильяку и другимъ. Заблужденія Юма открылъ Ридъ; а основанная имъ шотландская школа доказала болѣе точными анализами наличность въ понятіи „причина“, кромѣ отношенія времени, и другихъ элементовъ, почерпнутыхъ изъ внутренняго опыта и изъ прирожденныхъ принциповъ здраваго смысла. Но этимъ остались неудовлетворенными естествоиспытатели 19 вѣка—основатели и послѣдователи эволюціонной теоріи. Еще задолго до появленія изслѣдованій Чарльза Дарвина, Ламаркъ объяснялъ инстинкты жи-

[1]) *Кантъ* изрѣдка употребляетъ a priori и въ старомъ схоластическомъ смыслѣ, какъ „познаніе изъ причинъ“ или—выведенное изъ общихъ понятій и положеній. Въ этомъ логическомъ смыслѣ a priori не имѣетъ временнаго значенія по отношенію къ данному умозаключенію: въ немъ одновременно даны и посылки и выводъ.

[2]) Ошибочность этого взгляда будетъ доказана въ слѣдующей главѣ.

вотныхъ, какъ унаслѣдованіе привычки предковъ [1]). Такъ какъ инстинктивныя дѣйствія обусловлены наличностью познавательныхъ элементовъ и процессовъ, то гипотезу Ламарка легко распространить и на остальные познавательные процессы и на понятія.

Если привычныя понятія могутъ быть унаслѣдованы потомствомъ, то опытъ предковъ для потомковъ окажется прирожденнымъ или апріорнымъ знаніемъ или же, по крайней мѣрѣ, элементомъ таковаго, апріорнымъ понятіемъ. Такое мнѣніе и высказано Гербертомъ Спенсеромъ: „Тѣ общія формы познанія, которыя оказываются апріорными, суть таковыми только для индивида; для его отдаленныхъ предковъ они были апостеріорны, т. е. пріобрѣтены продолжительнымъ опытомъ" [2]). Это мнѣніе раздѣляется Люисомъ, Геккелемъ, Оствальдомъ, Штейномъ и другими эмпиристами и сенсуалистами нашего времени.

Какъ въ теоріи эволюціи, такъ и въ данномъ распространеніи этой теоріи на психическую наслѣдственность въ области познанія имѣется много заманчиваго и даже вѣроятнаго. И психическая наслѣдственность въ общемъ признается за фактъ,—не только общечеловѣческимъ опытомъ, но и учеными естествоиспытателями. Правда, въ этомъ общемъ сужденіи не имѣется еще никакихъ опредѣленныхъ указаній на размѣры, степень, способъ, и объемъ этой наслѣдственности: эти вопросы не могутъ найти даже намека на объясненіе ни въ физіологіи, ни въ гистологіи, ни въ микроскопической эмбріологіи. Но самый фактъ наслѣдственности не подлежитъ сомнѣнію. Если же таковая существуетъ и въ области познанія, то становится очень вѣроятнымъ, что болѣе продолжительныя привычки и вообще тѣ способности, которыя постоянно упражняются, должны сильнѣе закрѣпиться въ организмѣ и въ душѣ, чѣмъ другія [3]).

[1]) Не всѣ инстинкты могутъ быть такъ объяснены. Это будетъ доказано въ другомъ мѣстѣ.

[2]) *Герб. Спенсеръ*. Психологія II т. § 332.

[3]) Это замѣчается и на унаслѣдованныхъ инстинктахъ. Нѣкоторые изъ нихъ уже черезъ два три поколѣнія могутъ пропасть, если имъ не дается надлежащаго упражненія; другіе же остаются и черезъ тысячи поколѣній. Къ таковымъ, напр., относится, инстинктъ размноженія.

§ 14. Продолженіе.

Если существуетъ и психическая наслѣдственность, то тѣ факты познанія, которые часто повторялись въ опытѣ предковъ, и притомъ въ длинномъ ряду поколѣній, должны не только сильнѣе закрѣпляться въ душѣ потомства, но должны и *легче даваться* познанію человѣка, чѣмъ тѣ, которые рѣже встрѣчались въ опытѣ предковъ. Поэтому они будутъ отличаться *большей силой принудительности*, чѣмъ послѣдніе; а тѣ факты познанія, которые повторяются ежедневно, ежечасно и ежеминутно, разумѣется, будутъ отличаться особенной убѣдительностью. Такъ напр., опредѣленный оттѣнокъ цвѣта (скажемъ, цвѣта „эйфелевой башни“) среди двухсотъ различныхъ цвѣтовыхъ оттѣнковъ, отличаемыхъ обычнымъ зрѣніемъ, будетъ по меньшей мѣрѣ въ двѣсти разъ рѣже встрѣчаться въ опытѣ культурнаго человѣка, чѣмъ воспріятіе поверхности, сопровождающее каждое цвѣтное пятно; также и цвѣтная линія (узкая полоса) будетъ встрѣчаться гораздо рѣже, чѣмъ математическая линія, какъ предѣлъ двухъ смежныхъ цвѣтныхъ пятенъ или поверхностей; цвѣтное тѣло—гораздо рѣже, чѣмъ самая притяженность тѣлъ или пространство трехъ измѣреній. Поэтому становится понятнымъ, почему воспріятія протяжности и пространства для насъ имѣютъ больше реальности и принудительной силы, чѣмъ каждый цвѣтъ въ отдѣльности. Поэтому Канту „воззрѣніе пространства“ показалось „необходимымъ условіемъ“ всякаго воспріятія и чувственнаго познанія, т. е. „апріорнымъ“.

Какъ было доказано въ предыдущей главѣ (въ § 9), съ каждой изъ цвѣтныхъ поверхностей человѣкъ инстинктивно ассоціируетъ представленіе *плотности*, или сопротивленія; а таковыя представленія обусловлены соотвѣтственными мускульно-моторными ощущеніями оконечностей и представленіями собственнаго усилія. Эти ощущенія, представленія и чувства составляютъ главное содержаніе эмпирическаго понятія о плотномъ тѣлѣ и о реальной вещи. Вѣроятно, поэтому и Локкъ отнесъ протяженность (плотность) къ *первичнымъ качествамъ* тѣлъ, признавая такое качество реально существующимъ во внѣшнемъ мірѣ; между тѣмъ цвѣта онъ

отнесъ (согласно съ Декартомъ) къ *вторичнымъ*, т. е. чисто субъективнымъ элементамъ познанія, которыя не существуютъ внѣ познающаго [1]).

Такимъ же образомъ объясняется „апріорность" и времени и „причинности". Безъ этихъ элементовъ познанія бываютъ немногія воспріятія дѣйствительности: „поэтому эти понятія кажутся „апріорными", т. е. обусловливающими „необходимое" познаніе. Однако и эти понятія, какъ мы видѣли, не апріорны; они и не чисто эмпирическія понятія, такъ какъ въ нихъ содержатся элементы нечувственнаго происхожденія. Слѣдовательно всѣ споры объ этихъ „апріорныхъ" понятіяхъ основаны на недоразумѣніи: и та и другая спорящая сторона смѣшиваетъ готовыя понятія съ непосредственно переживаемыми отношеніями: пространственными, временными и ощущеніемъ собственной дѣятельности. Но эти элементы еще не составляютъ полнаго содержанія развитыхъ понятій: „пространства", безконечнаго, (трехъ измѣреній), „времени" (безконечнаго, одного измѣренія), „причинности" (во всей вселенной и во всѣхъ явленіяхъ).

§ 15. Біологическія объясненія психической наслѣдственности.

Изъ предыдущаго мы убѣдились, что и выдающіеся біологи, приверженцы эволюціонной теоріи Ламарка, Ч. Дарвина и Герб. Спенсера, признаютъ и психическую наслѣдственность. Признавая ее, они не могутъ считать душу новорожденнаго „бѣлымъ листомъ бумаги", какъ выражался Локкъ относительно прирожденности идей. Если у новорожденнаго въ первый день и не имѣется готовыхъ идей, то въ его душѣ дремлетъ огромное множество способностей, или силъ, которыми изнутри рождаются разныя сужденія и элементы таковыхъ. Многіе біологи думаютъ, будто эти психическія способности не что иное, какъ мозговыя клѣтки. Мы увидимъ, что это мнѣніе ошибочно и даже ничѣмъ не обосновано. Мозгъ человѣка, какъ извѣстно, состоитъ изъ

[1]) *Локкъ*, „Опытъ о человѣч. умѣ", II кн. VIII гл. §§ 9—16.

миллiарда клѣтокъ немногихъ типовъ, дѣятельностью которыхъ будто вызываются психическiе процессы. Еслибы каждая клѣтка имѣла свое опредѣленное психическое отправленiе, то безъ нея не возможенъ былъ бы никакой психическiй актъ. Однако намъ извѣстно, что жизнь эмбрiона беретъ свое начало отъ двухъ микроскопическихъ клѣтокъ—отцовской и материнской, которыя не обнаруживаютъ никакой психики. У нихъ нѣтъ ни нервовъ, ни мозга; ихъ жизнь менѣе сложна, чѣмъ жизнь инфузорiй, изъ коихъ нѣкоторые виды охотятся на свою добычу. Между тѣмъ изъ этихъ двухъ клѣтокъ беретъ свое начало организмъ и „психика" эмбрiона [1]). Этотъ эмбрiонъ благодаря питанiю не только растетъ, но развивается въ совершеннѣйшiй организмъ съ нервами и мозгомъ; послѣднiй уже при рожденiи будто бы имѣетъ столько же клѣтокъ, сколько и взрослый человѣкъ; эти клѣтки въ общемъ будто бы такъ же функцiонируютъ, какъ и клѣтки родителей. Впрочемъ, внѣшнiя обстоятельства (среда) и воспитанiе могутъ прiобщить будущему человѣку и новую „психику": новыя впечатлѣнiя, знанiя, способности, навыки. Въ эти „объясненiя" вѣритъ не только широкая публика, но и весьма многiе изъ жрецовъ науки. Кто осмѣливается въ этомъ усомниться, тотъ ничего не понимаетъ въ бiологiи, тотъ зараженъ метафизикой и схоластикой. Этихъ „жупеловъ" боятся многiе, и вѣрятъ жрецамъ.

Присмотримся ближе къ этому „объясненiю". Если мы признаемъ за достовѣрные факты дѣйствительности только то, что мы видимъ или можемъ видѣть (какъ то учатъ скептики, позитивисты и даже кантiанцы): то мы должны признать, что въ родительскихъ двухъ клѣткахъ человѣка, дающихъ начало новому человѣку, не имѣется человѣческой „психики". Откуда же, спрашивается, черезъ нѣсколько мѣсяцевъ появляются въ эмбрiонѣ миллiарды мозговыхъ клѣтокъ, а въ послѣдствiи и „психика" взрослаго человѣка? Бiологическiй законъ, признанный всѣми, говоритъ: отъ человѣка рождается человѣкъ, отъ орангутанга—орангутангъ, отъ волка—волкъ, отъ орла—орелъ, отъ ка-

[1]) Врачи и обыкновенные естествоиспытатели боятся слова „душа" и замѣняютъ его или словами „мозгъ" или „психика".

рася—карась, отъ груздя—груздь, отъ клѣтки—только такая же клѣтка. Между тѣмъ у человѣческаго зародыша (эмбріона) отъ двухъ клѣтокъ, не обнаруживающихъ человѣческой „психики", возникаетъ милліардъ клѣтокъ около десяти типовъ, которыя способны производить человѣческую „психику". Эта „психика", правда, возникаетъ подъ дѣйствіемъ „среды", (т. е. колебаній воздуха, эфира и молекулъ твердыхъ тѣлъ или же подъ дѣйствіемъ химическихъ процессовъ въ мозгу); но сама эта среда „психики" не имѣетъ. Такимъ образомъ отъ родительскихъ клѣтокъ рождается то, чего въ нихъ не имѣется. Какъ это вяжется съ основнымъ біологическимъ закономъ? Очевидно, или этотъ законъ не вѣрный, или же упомянутое объясненіе невѣрно, или же требуется нѣкоторая поправка одного или обоихъ утвержденій.

У изслѣдователей эмбріональной жизни имѣются и другіе факты наблюденія, и другія объясненія. Ими были замѣчены раздвоенія материнской клѣтки на двѣ; а эти двѣ клѣтки раздваиваясь дали четыре; затѣмъ получилось восемь, шестнадцать и такъ далѣе. Это размноженіе отъ материнской клѣтки, по примѣру Спенсера, называютъ „диференціаціей"[1]). Впослѣдствіи же эти клѣтки соединяются, образуютъ отдѣльные органы новаго человѣка; органы управляются нервами и мозговыми клѣтками и получается наконецъ готовый человѣкъ, правда безпомощный, но со всѣми органами, не исключая и органовъ „психики". Этотъ процессъ окрещенъ, по примѣру Спенсера, словомъ „интеграція"[1]). *Таково* разъясненіе у біологовъ тайны жизни!

§ 16. Возраженія неовитализма.

Какъ мы видѣли, „диференціація" и „интеграція" двухъ родительскихъ клѣтокъ должны объяснить возникновеніе и новой жизни, и новаго человѣка, и самую психическую наслѣдственность. Подъ этими двумя учеными словами должно разумѣть самые процессы раздѣленія и соединенія клѣтокъ, а не что иное. Однако эти процессы возникаютъ одинъ послѣ другого. Спрашивается, что заставляетъ клѣтки

[1]) См. послѣднія работы *Boveri*.

сперва дѣлиться (диференцироваться), а затѣмъ, послѣ ихъ достаточнаго размноженія, „интегрироваться“, т. е. соединяться и преобразоваться въ разные органы по опредѣленному плану? Кто считаетъ время и ведетъ наблюденіе за тѣмъ, достаточна ли уже по количеству диференціація, чтобы послѣ нея могла наступить интеграція? Что ставитъ отдѣльные органы во взаимную связь и соединяетъ ихъ въ цѣльный объединенный организмъ? Что заставляетъ каждый органъ функціонировать своимъ особымъ образомъ, но для одной общей цѣли—поддержанія жизни особи и всего вида? А въ случаяхъ болѣзни и случайнаго поврежденія какого-нибудь органа, кто распоряжается о замѣстительствѣ его? Фактъ викаріата признается всѣми физіологами. Далѣе спрашивается, кто распоряжается объ исправленіи поврежденныхъ органовъ и объ исцѣленіи организма отъ болѣзней? Вѣдь и теперь лѣчатъ раны и болѣзни не врачи, а „природа“; врачи только помогаютъ ей. На всѣ эти вопросы не имѣется отвѣтовъ у современныхъ скептиковъ всѣхъ наименованій: ни у кантіанцевъ, ни у позитивистовъ, ни у приверженцевъ эмпиріокритицизма. Тѣмъ менѣе можно ожидать его отъ матеріалистовъ. Всѣ эти философы и философствующіе въ ихъ духѣ естествоиспытатели не признаютъ ничего за истину, чего нельзя видѣть или ощупать. А все перечисленное выше несомнѣнно производится чѣмъ-то, что не видимо даже въ микроскопахъ: поэтому оно и отрицается. На самомъ дѣлѣ, видимое не можетъ объяснить жизни даже мельчайшей клѣточки: ни ея питанія, ни ея роста, ни ея размноженія. Тутъ физика и химія совершенно безсильны: въ задачу этихъ наукъ и не входитъ объясненіе жизни, такъ какъ онѣ изучаютъ одну лишь мертвую матерію. Качества таковой, правда, имѣются и у матеріи организмовъ, но эти качества не составляютъ жизни и не могутъ ее объяснять. Жизнь обнаруживается въ очень сложныхъ строеніяхъ матеріи, которыя представляютъ собою нѣчто единое и цѣлесообразное. Элементъ организма —клѣточка, да и простой комокъ протоплазмы (наприм. у амэбы) представляютъ собою уже нѣчто весьма сложное. Простѣйшая растительная клѣтка устроена несравненно искуснѣе и замысловатѣе любой сложнѣйшей машины человѣческихъ рукъ. Даже химическій составъ протоплазмы до

того сложенъ, что онъ въ точности еще неизвѣстенъ, хотя въ ней Рейнке открылъ уже около пятидесяти органическихъ соединеній [1]). Чѣмъ производится это сложное строеніе изъ сравнительно простыхъ неорганическихъ соединеній молекулъ, намъ неизвѣстно. Но не подлежитъ сомнѣнію, что ни атомы элементовъ, ни общія качества мертвой матеріи сами по себѣ не могутъ создать даже растительной клѣтки: это не удалось даже самымъ талантливымъ химикамъ и физикамъ. Наоборотъ, Пастёръ доказалъ невозможность подобной затѣи. Въ виду сложности протоплазмы даже питаніе клѣтки необъяснимо одними законами химіи съ ея атомнымъ вѣсомъ и химическимъ сродствомъ. Еще менѣе тутъ помогаютъ общія физическія свойства матеріи, каковы: протяженность, непроницаемость, скважность, упругость, сцѣпленіе, тяжесть. Такъ же мало помогаютъ намъ и силы физики, въ родѣ теплоты, электричества, свѣта,—хотя онѣ дѣйствуютъ и на организмы.

Чтобы можно понять развитіе организма изъ зародыша или изъ материнской клѣтки, нужно въ таковой предполагать множество особыхъ жизненныхъ силъ, или энергій, непохожихъ на силы химіи и физики. Эти силы дѣйствуютъ планомѣрно и цѣлесообразно; ихъ называютъ различными именами: доминантами, энтелехіями, зоофорами, монадами и другими. Для науки не важно самое названіе, въ которомъ расходятся разные ученые біологи новѣйшаго времени; важно ихъ общее согласіе относительно необходимости подобнаго предположенія и относительно сущности и дѣятельности этихъ жизненныхъ силъ. Въ этомъ вообще сходятся неовиталисты, каковы: *Эд. фонъ-Гартманъ, Бунге, Дришъ, Дэ-Фризъ, Франсэ, Рейнке, Шнейдеръ, Эргардтъ, Паули, Ад. Вагнеръ, Неймейстеръ, Фаусекъ, Кюльпе, Икскюль* и другіе.

§ 17. Гипотеза о психическихъ субстратахъ.

Считая неовиталистическое воззрѣніе на жизнь организмовъ въ общемъ правильнымъ и достойнымъ дальнѣйшаго

[1]) *I. Рейнке*, Сущность жизни, Спб. 1903 (Сборн. статей подъ ред. проф. Фаусека), стр. 28—30.

[2]) *I. Reinke*, Philosophie der Botanik, Leipzig 1905. Kap. 5, S. 60—65.

развитія и совершенствованія, я долженъ отмѣтить, что это воззрѣніе еще не использовано относительно факта психической наслѣдственности. Мы видѣли, что безъ предположенія множества цѣлестремительныхъ силъ, скрываемыхъ даже въ одной органической клѣткѣ, невозможно объяснить возникновеніе и развитіе тѣлесной организаціи; это же и подавно невозможно относительно психической организаціи: таковая несравненно сложнѣе, чѣмъ организація мозга и нервной системы. На основаніи психологическихъ анализовъ мною доказано въ другомъ моемъ изслѣдованіи, что мозговыхъ клѣтокъ не хватаетъ даже для одной билліонной части душевныхъ элементовъ [1]).

Поэтому мозговая клѣтка не можетъ считаться субстратомъ психическаго элемента: наоборотъ, въ таковой можетъ содержаться число субстратовъ (монадъ), равное числу мозговыхъ клѣтокъ у человѣка.

Спрашивается, есть ли мозговая клѣтка производящая причина субстратовъ или наоборотъ? Еслибы отъ двухъ родительскихъ клѣтокъ въ теченіе семи мѣсяцевъ нарождался милліардъ мозговыхъ клѣтокъ одинаковаго свойства и отправленій, какъ и родительскія; то тогда, *пожалуй*, можно было бы не согласиться съ неовитализмомъ. На самомъ дѣлѣ,

[1]) *И. С. Проданъ*, О памяти, Юрьевъ 1904, I ч. гл. VI. Такъ какъ память невозможна безъ сохраненія впечатлѣній, а таковыя не въ одинаковой степени помнятся, то нужно предполагать для каждаго элемента познанія особаго носителя памяти (монаду). Такъ какъ зрительное впечатлѣніе цвѣтной поверхности состоитъ изъ цвѣтныхъ точекъ, то для каждой точки такого воспріятія долженъ быть свой особый субстратъ. Такимъ образомъ для воспріятія площади стола можетъ понадобиться билліонъ субстратовъ. Но мы помнимъ десятки тысячъ, если не милліоны подобныхъ площадей. Если же принять во вниманіе, что воспріятіе цвѣтной точки обусловлено сотнями тысячъ билліоновъ колебаній эфира, то число зрительныхъ субстратовъ нужно помножить на это число. По моимъ вычисленіямъ съ минимальными числами, число душевныхъ субстратовъ (монадъ) будетъ не меньше десяти въ 30-й степени, т е. не меньше числа, состоящаго изъ единицы и 30 нолей. Проф. Г. И. Челпановъ, подвергшій подробной критикѣ мое изслѣдованіе „О памяти“, нашелъ, что я число отличаемыхъ глазомъ точекъ уменьшилъ: слѣдовательно мои вычисленія не даютъ бóльшаго числа противъ дѣйствительности. См. *Универс. извѣстія,* Кіевъ 1906, рецензія проф. Челпанова.

отъ двухъ родительскихъ клѣтокъ получается около десяти *различныхъ* по внѣшнему виду типовъ клѣтокъ, а каковы ихъ внутреннія различія, намъ неизвѣстно. Во всякомъ случаѣ, отъ двухъ клѣтокъ рождаются квинтиліоны *различныхъ* психическихъ фактовъ, сохраняемыхъ памятью. Такое разнообразіе новообразованій не объяснимо ни анатоміей, ни физіологіей, а тѣмъ менѣе химіей и физикой!

Относительно возникновенія субстратовъ психической жизни возможны только три предположенія: 1) или они всѣ появляются послѣ зачатія или 2) всѣ они существуютъ въ родительскихъ клѣткахъ до зачатія, или же 3) часть ихъ существуетъ до зачатія, а часть пріобрѣтается послѣ него.

Первое предположеніе, какъ мы видѣли, недопустимо наукой: иначе, была бы невозможна наслѣдственность при признаніи закона причинности. Оно возможно только при допущеніи (въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ зачатія) чудеснаго переселенія души въ зародышъ, какъ то вѣрилъ Платонъ. Эволюціонная теорія и не вѣрящіе въ чудеса не могутъ допустить этого.

Для опровerженія второго взгляда, т. е. что всѣ монады души существовали въ родительскихъ клѣткахъ до зачатія, можно привести тотъ фактъ, что въ жизни потомковъ возникаютъ новыя комбинаціи (новыя истины и произведенія искуствъ), которыхъ не было у предковъ. Эти новыя комбинаціи могутъ сдѣлаться предметомъ памяти, слѣдовательно онѣ должны имѣть особые субстраты, которыхъ не было въ душѣ предковъ. Иначе, ростъ и осложненіе душевной дѣятельности въ ряду поколѣній были бы вообще необъяснимы; а это противорѣчитъ фактамъ эволюціи рода человѣческаго.

Такимъ образомъ приходится признать правильнымъ послѣдній взглядъ; его придерживался и Бэнеке, предполагавшій, что при помощи прирожденныхъ психическихъ субстратовъ (Urvermögen) образуются и новыя, пріобрѣтенныя силы (Vermögen). Это мнѣніе онъ обосновывалъ фактомъ упражненія, вслѣдствіе котораго увеличивается работоспособность и размѣръ упражняемой силы [1]).

[1]) По моему, фактъ упражненія можетъ быть объясненъ и иначе, а именно—соединеніемъ во-едино однородныхъ силъ, которыя раньше были разрознены и до упражненія существовали въ скрытомъ

Допуская возникновеніе новыхъ субстратовъ памяти (монадъ) и послѣ зачатія, мы его ограничиваемъ только тѣми новыми комбинаціями, которыхъ не могло быть въ жизни предковъ; но таковыхъ оказывается очень мало по сравненію съ числомъ психическихъ элементовъ и переживаній каждаго человѣка. Слѣдовательно подавляющее большинство душевныхъ субстратовъ (монадъ) нужно предполагать уже существовавшимъ при зачатіи.

Если же существуетъ психическая наслѣдственность, если фактъ упражненія не можетъ быть отрицаемымъ: то изъ этого съ необходимостью вытекаетъ, что область душевной дѣятельности, постоянно упражняемой, должна развиваться и совершенствоваться въ ряду поколѣній [1]). Поэтому общіе факты познанія, отличающіеся широкимъ объемомъ, пріобрѣтаютъ для насъ особую убѣдительность; а нѣкоторымъ философамъ они кажутся „апріорными".

Подобное совершенствованіе дѣятельности отъ упражненія наблюдается и у животныхъ. У однихъ развивается особенно одинъ органъ чувствъ; у другихъ—другой. Такъ напр., у собаки особенно развито обоняніе; у летучихъ мышей и пауковъ, снующихъ паутину, очень чутко осязаніе; у хищныхъ птицъ—зрѣніе; у пѣвчихъ птицъ—слухъ; у нормальнаго человѣка—музыкальный слухъ и вкусъ; у слѣпыхъ людей—осязаніе и слухъ. Поэтому становится понятнымъ, почему иной цыпленокъ уже въ первый день своей жизни внѣ скорлупы ловитъ муху, тогда какъ человѣку для этого нуженъ опытъ и упражненіе нѣсколькихъ годовъ.

Поэтому и не всѣ люди различныхъ профессій и сословій одинаковы по способностямъ отъ рожденія—какъ вообще, такъ и въ области познанія. Наслѣдственность имѣетъ несравненно больше значенія, чѣмъ индивидуальный опытъ личности.

видѣ,—какъ потенціи, или дремлющія силы, не обнаруживая своей дѣятельности. См. *И. С. Проданъ*, Организація души, Юрьевъ, 1905, II гл.

[1]) Разумѣется, что и въ этомъ совершенствованіи долженъ быть извѣстный предѣлъ, такъ какъ и жизнь имѣетъ свои предѣлы.

§ 18. Количественное различіе унаслѣдованныхъ способностей.

Какъ мы видѣли, непостижимое разнообразіе и множество душевныхъ силъ, берущее свое начало отъ двухъ родительскихъ клѣтокъ, объяснимо только предположеніемъ въ этихъ клѣткахъ огромнаго числа особыхъ духовныхъ силъ (или монадъ). Эти силы дѣйствуютъ особымъ отъ матеріи образомъ,—цѣлесообразно, планомѣрно, разумно, чего не имѣется въ матеріи физиковъ и химиковъ. Но этого предположенія неовитализма еще недостаточно для объясненія всѣхъ различій въ душевной дѣятельности. Эти силы должны отличаться другъ отъ друга не только качественно: и однородныя силы у разныхъ людей и даже у одного и того же человѣка въ разные періоды его жизни отличаются и количественно. Это подтверждается общеизвѣстными фактами наблюденія. Такъ напр., упражненіе и повтореніе той же дѣятельности усиливаетъ соотвѣтственную способность и въ индивидуальной жизни, и въ ряду поколѣній. Наоборотъ, способности, не упражняемыя долгое время, глохнутъ; а послѣ цѣлаго ряда поколѣній могутъ и совсѣмъ пропасть,—онѣ „атрофируются". Это явленіе замѣчается не только относ. видимыхъ органовъ и отправленій, но и относ. невидимыхъ способностей. Такъ напр., тѣ изъ нашихъ домашнихъ животныхъ, которыя уже давно приручены, напр. собака, утеряли прирожденныя ихъ предкамъ инстинкты къ самостоятельной жизни. Собака безъ человѣка не способна прожить даже въ умѣренныхъ поясахъ. Кошка же, которая въ Европѣ еще не была извѣстна во время Гомера, сохранила еще способность добывать себѣ пищу и можетъ обойтись безъ человѣка [1]). То же вѣрно не только относ. низшихъ инстинктовъ, но и относ. высшихъ духовныхъ способностей человѣка. Таковыя, не будучи упражняемы, пропадаютъ очень скоро. Въ особенности легко пропадаютъ тѣ способности, которыя представляютъ собою расцвѣтъ высшей духовной дѣятельности, напр., таланты къ искусствамъ и наукамъ. Между тѣмъ инстинкты, общіе человѣку съ животными, сидятъ прочно въ человѣкѣ, и ихъ не легко удается побороть

[1]) Въ эпосахъ Гомера кошка ни разу не упоминается; а о собакѣ Одиссея имѣется цѣлая сцена, какъ она узнала своего хозяина. Собаки постоянно упоминаются Гомеромъ.

подвижникамъ-аскетамъ. Общественные инстинкты и чувства, напр., нравственныя, даже въ очень благородныхъ семьяхъ, обнаруживаются у дѣтей гораздо слабѣе и значительно позже, чѣмъ инстинкты и чувства эгоистическія. Еще слабѣе обнаруживаются высшіе таланты. Таковые, при отсутствіи умѣнія ухаживать за ними весьма легко пропадаютъ безслѣдно. Сколько геніальныхъ способностей пропадаетъ безслѣдно для человѣчества только отъ того, что онѣ не встрѣтили умѣнія у родителей и воспитателей, чтобы ихъ поддержать и развить! Таковые люди бываютъ несчастны на всю жизнь, и часто они сами не знаютъ причину своего несчастія! Лучшимъ доказательствомъ тому служитъ тотъ фактъ, что и въ талантливыхъ семьяхъ потомство иногда не обнаруживаетъ талантовъ своихъ предковъ. Отсутствіемъ о б н а р у ж е н і я не доказывается отсутствіе таланта. Талантъ часто бываетъ на лицо, но его не поддержали, не развили у потомковъ. Между тѣмъ соотвѣтственное упражненіе развиваетъ талантъ и въ потомствѣ. Такъ, напр., было въ семьѣ Баховъ, въ которой внукъ Себастіанъ по музыкальному творчеству превзошелъ и отца, и дѣда. Такъ же знаменитый Моцартъ превзошелъ своего отца, а Бетховенъ благодаря воспитанію со стороны покровителей совершенно затмилъ своего родителя, который не особенно цѣнилъ и понималъ своего сына.

Изъ этихъ фактовъ видно, что прирожденныя душевныя силы различны и по количеству. Поэтому весь споръ между нативистами и эмпиристами о томъ, прирождены ли или пріобрѣтены наши познавательныя способности, не имѣетъ значенія: всѣ онѣ и врождены, и пріобрѣтены. Безъ врожденности духовныхъ силъ, онѣ не могли бы пріобрѣтаться въ дальнѣйшей жизни. Правда, отъ рожденія иногда дана только искорка; а упражненіе раздуваетъ ее въ пламя и даже въ постоянный неугасаемый огонь.

Но если не прирождена даже искорка, то никакія усилія воспитателя не создадутъ ея. Попробуйте научить обезьяну говорить и мыслить по человѣчески; отъ вашихъ усилій ничего не выйдетъ! Попробуйте сдѣлать изъ обезьяны музыканта или живописца, и вы окажетесь смѣшнѣе обезьяны! Попробуйте изъ ребенка дикаря воспитать будущаго ученаго; онъ у васъ выйдетъ или обманщикомъ или умретъ до совершеннолѣтія!

Не имѣетъ значенія и утвержденіе Локка, раздѣляемое и по сей день, будто нѣтъ „прирожденныхъ идей". Локкъ доказалъ лишь одно,—что идеи не сразу появляются у человѣка и зависятъ и отъ его опыта. Но то же вѣрно и относ. животныхъ инстинктовъ: и таковые обнаруживаются не сразу и уже готовыми. Сексуальный инстинктъ обнаруживается вполнѣ только съ полнымъ развитіемъ тѣла; у человѣка онъ развивается въ теченіе нѣсколькихъ годовъ. А родительскій инстинктъ обнаруживается у человѣка еще значительно позже. Во всякомъ случаѣ, эти инстинкты не дѣло опыта; опытъ только усиливаетъ ихъ. То же справедливо и относ. познанія. Такъ напр. пространственныя „идеи" у жеребенка и цыпленка имѣются уже на первый или второй день ихъ жизни; у человѣка они обнаруживаются только черезъ нѣсколько мѣсяцевъ; а у устрицы—никогда.

И апріорность Канта не имѣетъ никакого значенія для теоріи познанія; вмѣсто нея нужно выдѣлить нечувственные элементы познанія въ отличіе отъ чувственныхъ, какъ это дѣлалось до Канта еще Платономъ и даже до Платона школой элейцевъ. То же сдѣлалъ въ своемъ обширномъ изслѣдованіи о пространствѣ проф. Челпановъ, удержавшій, къ сожалѣнію, сбивчивый терминъ апріорности за сверхчувственными элементами [1]). Но и этимъ элементамъ нельзя придавать того значенія, которое имъ придавали раціоналисты: изъ однихъ этихъ элементовъ тоже не получишь знанія, какъ его нельзя получить изъ однихъ чувственныхъ впечатлѣній, что ошибочно предполагается сенсуализмомъ. Тѣмъ менѣе сверхчувственные элементы могутъ служить гарантіей аподиктической достовѣрности знанія, какъ то предполагаютъ кантіанцы. Если математическія истины отличаются такой достовѣрностью, то для этого имѣется множество причинъ, помимо ихъ „сверхчувственности" или мнимой апріорности.

Впрочемъ, такія же достовѣрныя истины имѣются и въ другихъ областяхъ знанія, даже въ такой наукѣ, какъ психологія. На нѣкоторыя психологическія познанія мы въ практической жизни полагаемся не менѣе, чѣмъ на теоремы геометріи [2]).

[1]) См. его цитир. соч.

[2]) См. I гл. § 9 наст. изслѣд.

VIII гл. ПРИЧИННОСТЬ.

§ 1. Существуютъ ли матеріальныя вещи?

Въ предыдущей главѣ мы разобрали „апріорныя" понятія Канта и пришли къ заключенію, что они вовсе не таковы, какими онъ ихъ считаетъ, и что они не имѣютъ никакого значенія для гносеологіи. Эти понятія оказались 1) довольно сложными и пріобрѣтаемыми при помощи продолжительнаго опыта, хотя и заключаютъ въ себѣ и нечувственные элементы познанія. 2) Такъ какъ опытъ познающаго находится въ зависимости и отъ внѣшняго міра, то очевидно, что этимъ понятіемъ должно нѣчто соотвѣтствовать и въ реальномъ мірѣ, т. е. эти понятія не представляютъ собою чисто субъективнаго творчества познающаго духа, которому будто бы нѣтъ ничего соотвѣтствующаго въ реальномъ мірѣ, какъ это ошибочно предполагаетъ Кантъ. Далѣе мы пришли къ заключенію, что взамѣнъ апріорности нужно отличать въ нашемъ познаніи элементы *чувственные* отъ *сверхчувственныхъ*. Для тѣхъ и другихъ нужно предполагать особыя прирожденныя, т. е. унаслѣдованныя отъ отдаленныхъ предковъ, способности. Такъ какъ не всѣ предметы опыта имѣютъ для познающаго одинаковый интересъ и значеніе, такъ какъ одни предметы часто, а другіе рѣдко попадаютъ въ опытъ и сознаніе познающаго; то въ зависимости отъ этого одни предметы уже отъ рожденія легко познаются и усваиваются познающимъ: такіе предметы, если они входили въ опытъ длиннаго ряда поколѣній, отличаются особой убѣдительностью и реальностью. Таковы напр. такъ называемыя *первичныя качества* тѣлъ: тѣлесность, (плотность, непроницаемость), протяженность (ве-

личина), форма, движеніе. Локкъ и матеріалисты, не отвергая существованія матеріальныхъ вещей, эти качества считаютъ реальными, т. е. присущими самимъ вещамъ. Наоборотъ, цвѣта, звуки, вкусовыя, обонятельныя ощущенія они считаютъ чисто субъективными „идеями", которыхъ не существуетъ въ реальномъ мірѣ.

Это различіе качествъ отмѣчалъ еще Демокритъ. Но уже Беркли отвергаетъ это различіе, считая и первичныя качества субъективными идеями. Какъ извѣстно, онъ отрицалъ существованіе матеріальныхъ вещей и матеріи, признавая однѣ идеи: поэтому для него не имѣло значенія упомянутое различіе, сдѣланное Локкомъ. Наоборотъ, матеріалисты признаютъ реально существующей только матерію и матеріальныя вещи, а явленія духовныя считаютъ произведеніемъ матеріи. Кантъ признаетъ реальное существованіе какихъ-то „вещей въ себѣ", непохожихъ на воспринимаемыя нашими чувствами вещи; но эти „вещи въ себѣ" онъ считаетъ непознаваемыми. (Такого же мнѣнія были и древніе скептики-пирроновцы). Матерія же, по Канту, не—„вещь въ себѣ", а проявленіе таковой въ пространствѣ и времени; она соотвѣтствуетъ нашимъ ощущеніямъ [1]).

Обыкновенные люди со здравымъ смысломъ, не знакомые съ философскими ученіями, не мирятся ни съ однимъ изъ приведенныхъ воззрѣній на внѣшнія вещи. Они вѣрятъ своимъ чувствамъ и убѣждены, что вещи реально существуютъ въ пространствѣ такими, какими онѣ намъ „кажутся": протяженными, болѣе или менѣе плотными, опредѣленной формы и цвѣта и съ остальными качествами физическими. Это воззрѣніе презрительно названо философами наивнымъ реализмомъ. Между тѣмъ въ этотъ наивный реализмъ вѣрило и вѣритъ все человѣчество, не тронутое философіей; съ этой вѣрой оно не только не погибло въ неумолимой борьбѣ за свое существованіе, но и размножается по всей поверхности нашей планеты и размножается до того, что иные философы-политики серіозно опасаются, что земля скоро станетъ тѣсной для рода человѣческаго. (Таковымъ былъ и англійскій политико-экономъ Мальтусъ). Со своей „наивной" вѣрой человѣчество не только было счастливо до

[1]) *Kant*, Kritik d. rein. Vern. 1 Aufl. S. 370—371; R. 314—315.

Мальтуса, но и послѣ него сдѣлало важныя открытія и усовершенствованія своей жизни: а философы, считающіе эту вѣру наивной и ошибочной, подарили человѣчеству нѣсколько книгъ, вызвавшихъ безконечные споры въ лагерѣ самихъ философовъ. Кто правъ? Нѣсколько философовъ или милліарды обыкновенныхъ смертныхъ?

Если все человѣчество (отъ нашего прародителя Адама до нашихъ дней) окажется въ сплошномъ заблужденіи относ. познанія матеріальныхъ вещей: то это будетъ новой загадкой для философовъ. Имъ придется отвѣтить: какъ возможно такое сплошное безуміе, что освободило отъ него тѣхъ немногихъ мудрецовъ, и почему эти мудрецы до сихъ поръ не могли убѣдить не только массы людей, но и ученыхъ естествоиспытателей въ ихъ сплошномъ обманѣ?

Къ числу этихъ мудрецовъ принадлежатъ и такіе, которые вѣрятъ въ премудраго и всемогущаго Создателя вселенной. У таковыхъ этотъ Создатель получаетъ плохое свидѣтельство своей премудрости, если Онъ создалъ умъ человѣческій для сплошного заблужденія!

§ 2. Основное условіе познанія природы и матеріальныхъ вещей.

Прежде чѣмъ приступить къ разсмотрѣнію познанія матеріальныхъ (или чувственныхъ) вещей, мы разсмотримъ старинное скептическое утвержденіе пирроновцевъ, будто мы не можемъ познать вещи, какими онѣ сами по себѣ, независимо отъ познающаго; будто мы познаемъ только явленія вещей, а не самыя вещи. Это же въ новѣйшее время повторяется и критицизмомъ Канта, и позитивизмомъ Конта, а отчасти и агностицизмомъ Гёксли и Спенсера. На это скептическое утвержденіе мы прежде всего возразимъ, что ни одинъ скептикъ на практикѣ не примѣнялъ своего воззрѣнія: всѣ они разсуждаютъ и вѣрятъ въ существованіе реальныхъ вещей; всѣ они употребляютъ въ своихъ сочиненіяхъ и имена существительныя, а половина изъ нихъ обозначаетъ вещи, и притомъ такія, которыя они знаютъ и признаютъ реально существующими. Еще больше непослѣ-

довательны новѣйшіе скептики всѣхъ наименованій: неокантіанцы и позитивисты. Они признаютъ за науку и естествовѣдѣніе со всѣми ея отраслями, а въ нихъ имѣется больше милліона названій цѣлыхъ группъ вещей, а не явленій. Таковыя напр. названія разныхъ видовъ животныхъ (около 200.000), названія видовъ растеній (около 500,000), названія небесныхъ тѣлъ (около 400.000), названія костей скелета, названія нервовъ и мускуловъ; а въ техникѣ названія машинъ и частей ихъ. Все это, несомнѣнно—вещи, и не только познаваемыя, но и познанныя въ большей или меньшей степени.

Эти вещи, правда, мы познаемъ на основаніи тѣхъ впечатлѣній, *которыя онѣ производятъ на насъ; но при этомъ мы* не ограничиваемся одними чувственными впечатлѣніями. Таковыя мы дополняемъ своимъ умомъ: мы дѣлаемъ разныя умозаключенія объ ихъ сущности, объ ихъ назначеніи и цѣли, объ ихъ измѣненіяхъ, объ ихъ дѣятельности Самыя качества мы познаемъ тоже не исключительно одними органами чувствъ: свои ощущенія мы истолковываемъ на основаніи памяти и разсудка.

Такъ напр., если я вóрона считаю чернымъ, а лебедя бѣлымъ; то это я дѣлаю потому, что вóронъ на мое зрѣніе всегда производитъ впечатлѣніе, которое называется чернымъ цвѣтомъ; а лебедь—впечатлѣніе бѣлаго цвѣта. При этомъ я при повторномъ впечатлѣніи узнаю такого же ворона, такого же лебедя: я ихъ отношу къ извѣстному уже виду птицъ. Воспринимаемыя зрѣніемъ качества я не считаю существенными, такъ какъ я читалъ про сѣрыхъ лебедей, живущихъ въ Сибири, и допускаю возможность бѣлыхъ вóроновъ, хотя о таковыхъ я ничего не слышалъ. Слѣдовательно я сужу и о сущности вóрона и лебедя. Но изъ этого отнюдь не слѣдуетъ, что вóронъ самъ по себѣ не черный, а только производитъ такое впечатлѣніе на мой глазъ. Скептики говорятъ: если бы мой глазъ былъ иначе устроенъ, то тотъ же воронъ могъ бы мнѣ показаться сѣрымъ или иного цвѣта. Это возраженіе не имѣетъ никакого значенія, такъ какъ у насъ идетъ рѣчь о познаніи человѣческомъ, о познаніи нормально устроенныхъ людей, которое обязательно и одинаково для всѣхъ нормальныхъ людей, всѣхъ странъ и всѣхъ временъ. Итакъ для таковыхъ вó-

ронъ черенъ, хотя я не знаю никакихъ основаній, почему онъ не могъ бы быть и бѣлымъ. Если же скептику угодно выражаться, что воронъ самъ по себѣ не черенъ, а только каждый разъ производитъ на его глазъ впечатлѣніе чернаго цвѣта; то я ему не возбраняю и такъ выражаться, если это ему нравится. Обыкновенные люди предпочитаютъ краткія выраженія, если они не сбивчивы и не двусмысленны. Поэтому обыкновенный здравый смыслъ предпочтетъ выражаться такъ, какъ это дѣлало человѣчество въ теченіе тысячелѣтій, а именно: воронъ черенъ, снѣгъ бѣлъ, золото желто, медъ сладокъ, полынь горька, огонь жжетъ, ледъ холоденъ и т. д.

Во всѣхъ этихъ сужденіяхъ мы имѣемъ познанія реальныхъ предметовъ (матеріальныхъ), которые производятъ впечатлѣнія на наши органы чувствъ. Это значитъ, что эти реальные предметы дѣйствуютъ, а наши органы чувствъ нѣчто претерпѣваютъ, т. е. испытываютъ дѣйствіе (впечатлѣніе) при участіи нашего сознанія и души. Внѣшніе предметы оказываются причиной нашихъ впечатлѣній. Такимъ образомъ *причинность оказывается другимъ основнымъ условіемъ познанія внѣшняго міра.* (Первымъ условіемъ мы признали тожество въ познаваемомъ и въ познающемъ).

§ 3. „Вещи въ себѣ“ Канта.

Разсужденія предыдущаго параграфа съ улыбкой прослушаетъ кантіанецъ и замѣтитъ: авторъ этихъ строкъ, по видимому, ничего не смыслитъ въ философіи; вѣдь, онъ разсуждаетъ объ *эмпирическихъ* вещахъ, а не о „вещахъ въ въ себѣ“, какими онѣ существуютъ сами по себѣ, т. е. независимо отъ познающаго. Кантіанецъ можетъ возразить цитатами изъ Кантовой Критики чистаго разума: что „вещи въ себѣ намъ совершенно неизвѣстны; а то, что мы называемъ внѣшними предметами, есть не что иное, какъ только представленія нашей чувственности, формой которыхъ есть пространство. Истинный коррелатъ ихъ, т. е. вещь въ себѣ, этимъ нисколько не познается (sic!) и даже не можетъ быть

познана" [1]). „Тѣла не суть вещи въ себѣ, говоритъ Кантъ, но явленія чего-то, что остается непознаваемымъ" [2]). Непознаваемость „вещей въ себѣ" раздѣляется не только кантіанцами (за исключеніемъ Фолькельта и О. Либмана), но и агностиками, каковы напр. Спенсеръ и Р. Вале. Тѣмъ не менѣе я беру на себя смѣлость утверждать, что ихъ мнѣніе, несмотря на его авторитетность и распространенность, основано на недоразумѣніи. Правда, наше познаніе, какъ мы видѣли въ двухъ послѣднихъ главахъ, складывается не изъ однихъ чувственныхъ элементовъ. Даже въ воспріятіяхъ, въ отличіе отъ простыхъ чувственныхъ ощущеній и представленій, мы отмѣтили наличность сверхчувственныхъ элементовъ, привносимыхъ нашей памятью, разсудкомъ и другими прирожденными способностями. Но и эти сверхчувственные элементы познанія не представляютъ собою произвольную, ничѣмъ не обоснованную, дѣятельность познающаго духа: и они находятся въ нѣкоторой зависимости или отъ унаслѣдованнаго опыта, или отъ личнаго опыта, или же отъ самихъ впечатлѣній, производимыхъ внѣшнимъ міромъ, или же еще отъ чего-то, намъ не вполнѣ извѣстнаго (отъ организаціи души). Во всякомъ случаѣ, и сверхчувственные элементы познанія подчинены опредѣленнымъ законамъ и свойствамъ общечеловѣческаго ума: иначе не могло бы получиться знанія, одинаковаго у всѣхъ людей и во всѣ времена; а таковое, какъ мы видѣли, существуетъ въ разныхъ наукахъ.

Самыя понятія „познаніе", „познать" и „знать", сами по себѣ, не имѣютъ опредѣленнаго значенія. Если я скажу: „я знаю", то никто меня не пойметъ, а спроситъ: „что ты знаешь?" Очевидно, познаніе и знаніе предполагаетъ и познаваемый объектъ, и познающаго субъекта: оно есть результатъ взаимодѣйствія обоихъ. Эта истина давнымъ давно отмѣчена философами; еще греческіе философы понимали ее, хотя и смутно: однако она упускается изъ виду и современными кантіанцами.

[1]) *Kant*, Kritik. d. rein. Vern. 2 Aufl. S. 45; R 57—60. Vorrede S. 26; R 23.

[2]) *Kant*, Kleinere Schriften zur Logik u. Metaph. 2 Aufl, 1905 III, Bd. Üb. e. Entdeck. S. 29—30.

Если всякое знаніе есть знаніе чего-то, если знаніе не можетъ существовать безъ познаваемаго объекта: то откуда узналъ Кантъ о существованіи „вещей въ себѣ“? Вѣдь, онъ передаетъ намъ и повторяетъ много разъ это свое рѣшительное знаніе не въ видѣ божественнаго откровенія, даннаго ему свыше: онъ не вѣрилъ въ таковыя и вообще въ чудеса. Слѣдовательно и Кантъ получилъ это свое знаніе о „вещахъ въ себѣ“ обычнымъ путемъ, т. е. вслѣдствіе ихъ воздѣйствія на его познавательныя способности, воздѣйствія прямого или косвеннаго. Это подтверждается первымъ параграфомъ его Критики чистаго разума. Въ этомъ параграфѣ Кантъ начинаетъ съ заявленія, что всякое „познаніе направленное на предметы,... которое какъ средство имѣется въ виду всякимъ мышленіемъ, оказывается воззрѣніемъ (Anschauung). Но таковое, по словамъ Канта, осуществляется тогда, когда намъ данъ предметъ; а это опять возможно (по крайней мѣрѣ для насъ, людей) только тѣмъ способомъ, что онъ опредѣленнымъ образомъ дѣйствуетъ на душу (das Gemüth afficirt). Способность получать представленія (Vorstellungen) путемъ получаемыхъ воздѣйствій отъ предметовъ называется чувственностью. Слѣдовательно, заключаетъ Кантъ, посредствомъ чувственности даются намъ предметы, и она одна даетъ намъ воззрѣнія; умомъ же они мыслятся, и изъ него возникаютъ понятія. Всякое мышленіе должно... у насъ относиться къ чувственности, такъ какъ инымъ способомъ намъ не можетъ быть данъ предметъ“ [1]). Таково начало Критики чистаго разума: въ немъ, очевидно, разъяснены основныя понятія, отъ которыхъ исходитъ авторъ.

Въ своемъ предисловіи ко 2 изданію Кр. ч. раз. Кантъ разъясняетъ: „хотя мы и не познаемъ (erkennen) предметы, какъ вещи въ себѣ; но мы по крайней мѣрѣ должны быть въ состояніи ихъ мыслить (müssen denken können). Иначе, изъ этого слѣдовало бы нелѣпое положеніе, будто существуетъ явленіе безъ чего-нибудь, что является“ [2]). Такимъ образомъ и по Канту существуетъ являемое, въ

1) *Kant.* Kritik d. rein. Vern. 2 Aufl. 33 и 34; R. 48. (Маркировки мои).

2) Ibid. 25—26; R. 23.

данномъ случаѣ, „вещи въ себѣ", и о нихъ узналъ Кантъ, заключая отъ явленія къ являемому. Если же эти вещи въ себѣ намъ „являются", то онѣ прямо или косвенно дѣйствуютъ на познающаго ихъ субъекта: слѣдовательно о нихъ онъ узнаетъ нѣчто, по крайней мѣрѣ то, что онѣ существуютъ. На самомъ дѣлѣ, и Кантъ о нихъ знаетъ больше. Такъ какъ явленій вещей, т. е. „эмпирическихъ предметовъ", имѣется чрезвычайное множество, то этому множеству должно соотвѣтствовать такое же множество и „вещей въ себѣ". Вѣдь, и Кантъ говоритъ не объ одной „вещи въ себѣ" (или непознаваемой сущности), а о многихъ. Въ противномъ случаѣ, разнообразіе „эмпирическихъ предметовъ" было бы совершенно не объяснимо закономъ причинности, который лежитъ въ основаніи толкованія нашей „чувственности", даннаго и самимъ Кантомъ.

Но Кантъ передаетъ и другія знанія о вещахъ въ себѣ: и наша душа принадлежитъ къ миру „вещей въ себѣ"; въ немъ же онъ признаетъ и „трансцендентальную апперцепцію"; даже единство апперцепціи Кантомъ отнесено въ трансцендентный міръ „вещей въ себѣ". А такъ какъ Кантъ признавалъ одушевленность и другихъ людей, кромѣ себя, то и душа каждаго принадлежитъ къ міру „вещей въ себѣ". Такимъ образомъ самъ Кантъ передаетъ о дѣятельности милліардовъ „вещей въ себѣ" разныя свои познанія, которыя опровергаютъ его утвержденіе объ ихъ непознаваемости.

§ 4. Анализъ конкретнаго примѣра. Выводы.

Для лучшаго уразумѣнія предмета, мы возьмемъ конкретный примѣръ, какихъ Кантъ совсѣмъ не приводитъ и не анализируетъ, вслѣдствіе чего и порождается столько недоразумѣній у его толкователей. Предположимъ, я вижу на фруктовницѣ антоновское яблоко. Мое зрительное впечатлѣніе мгновенно пробуждаетъ во мнѣ цѣлый рядъ познаній, вызываемыхъ моимъ прошлымъ опытомъ. Я тотчасъ же узнаю знакомую фруктовицу, а желтое пятно на ней я признаю за реальный и плотный предметъ изъ числа мнѣ хорошо извѣстныхъ, который я обозначаю именемъ „яблоко".

Видимое яблоко я представляю или мыслю съ его качествами: сочностью, кислотой, запахомъ и проч. Совокупностью всѣхъ его качествъ съ присоединеніемъ къ нимъ еще понятій „единства" и „вещи" (или субстанціи) дается мнѣ понятіе вещи, именуемой словомъ „яблоко". Но всѣ эти мои познанія не тожественны съ самой вещью, именуемой яблокомъ. Въ моемъ зрительномъ воспріятіи или въ моемъ понятіи „яблоко" качества яблока только представляются, а не ощущаются. Только съ осуществленіемъ соотвѣтственныхъ зрѣнію ощущеній—осязательныхъ, вкусовыхъ и проч. я могу съ полной увѣренностью сказать, что имѣю дѣло съ реальной вещью, какова она на дѣлѣ, а не только въ ея видимости.

Эту вещь я знаю,—конечно, не вполнѣ; а настолько, насколько она меня интересовала, т. е. какъ вещь питательная и вкусная. Но изъ этого не слѣдуетъ, что ученый спеціалистъ никогда не узнаетъ сущности яблока, какимъ оно есть въ дѣйствительности. Таковой ученый можетъ изучить до малѣйшихъ подробностей и внутреннюю структуру яблока, и химическій составъ его частей, и ихъ физіологическое и біологическое значеніе и назначеніе; онъ можетъ изучить (по крайней мѣрѣ въ отдаленномъ будущемъ) и всѣ дремлющія въ зернышкахъ яблока жизненныя силы, число которыхъ окажется превосходящимъ число всѣхъ яблочныхъ деревьевъ. Неужели и подобное знаніе не будетъ знаніемъ яблока, какимъ оно есть „само по себѣ", а только, какимъ оно кажется обыкновеннымъ смертнымъ?

Правда, и это полное знаніе ученаго ботаника должно быть основано на изученіи дѣйствительности, а не того, что недѣйствительно, или, что будто бы находится въ какомъ-то „трансцендентномъ мірѣ".

Всѣ люди познаютъ и знаютъ (въ большей или меньшей степени) только дѣйствительность; а таковая познаваема лишь постольку, поскольку она дѣйствуетъ на познающихъ. Что ничѣмъ не обнаруживаетъ своей дѣйствительности, что никакъ, нигдѣ и никогда не дѣйствуетъ на познающаго: то не можетъ и вызвать какого бы то ни было познанія о немъ, ни представленія, ни мысли. Самое познаніе есть результатъ взаимодѣйствія познаваемаго и познающаго; а гдѣ нѣтъ на лицо одного изъ нихъ, тамъ не можетъ быть и рѣчи объ ихъ взаимодѣйствіи, т. е. о позна-

нія. Познаніе безъ объекта есть нелѣпость, contradictio in adjecto. Поэтому утвержденіе скептиковъ и кантіанцевъ, что „вещи непознаваемы, какими онѣ есть сами по себѣ, независимо отъ того, какими онѣ являются (т. е. познающему) заключаетъ въ себѣ такую же истину, какъ и слѣдующее утвержденіе: квадратъ непознаваемъ, каковъ онъ есть самъ по себѣ, независимо отъ четырехъ равныхъ прямыхъ, пересѣкающихся подъ прямыми углами. Вѣдь, безъ этого условія невозможно самое понятіе квадрата.

Для доказательства подобныхъ истинъ, право, не стоило писать ученыя философскія разсужденія! Всякое знаніе осуществляется исключительно въ актахъ сознанія, которые отнюдь не тожественны, ни даже подобны „вещамъ въ себѣ". Каждый актъ познанія представляетъ собою нѣкоторое отраженіе, нѣкоторый знакъ того, что дѣйствуетъ на познающаго, но отнюдь не то, что дѣйствуетъ на насъ, ни даже копію его. Между познаніемъ и познаваемымъ существуетъ лишь параллелизмъ, а не сходство. (Ср. VII гл. § 13). Такъ же точно между нашими словами и обозначаемыми ими предметами не имѣется никакого сходства: въ различныхъ языкахъ они обозначаются разными словами. Такъ же точно нѣтъ сходства и между буквами (видимыми знаками) и обозначаемыми ими звуками человѣческой рѣчи (слышимыми колебаніями воздуха). Поэтому желаніе выйти познающему изъ предѣловъ своего сознанія (и человѣческаго познанія) въ какой-то „трансцендентный міръ" еще болѣе нелѣпо, чѣмъ желаніе младенца, который, подложивъ свои рученки подъ свои бедра, силится поднять себя вверхъ безъ машинъ. Доказательство невозможности подобныхъ затѣй не стоитъ усилій ни великихъ философовъ, ни большихъ почитателей таковыхъ: ихъ доказательства сводятся къ слѣдующей истинѣ: непознаваемое не можетъ быть познано!

Правда, пытливый человѣческій умъ не ограничивается только тѣми предметами познанія, которые непосредственно обнаруживаются ему. Метафизики строятъ свои догадки относ. существованія разныхъ силъ, субстанцій и сущностей, которыми они стараются объяснить многообразіе явленій или даже возникновеніе видимаго міра; но ихъ предположенія только тогда могутъ имѣть познавательную цѣнность, если они опираются на факты дѣйствительности, ка-

ковой она представляется всѣмъ познающимъ людямъ или же, по крайней мѣрѣ, можетъ представиться на основаніи предшествовавшаго опыта. И сущности, и субстанціи, и силы метафизиковъ должны хоть чѣмъ-нибудь, хоть косвенно обнаружить свою дѣйствительность, свое существованіе. По этимъ обнаруженіямъ, или „явленіямъ" заключаютъ къ являемому, и не только относ. его существованія, но и относ. его природы и свойствъ.

Итакъ, наше познаніе не ограничивается одними „явленіями", т. е. чувственнымъ познаніемъ видимаго и осязаемаго. Оно проникаетъ и въ сверхчувственный, но дѣйствительный міръ. Если же избраннику человѣчества дѣлается чудесное откровеніе, то и таковое можетъ осуществляться лишь въ образахъ и понятіяхъ, свойственныхъ человѣческому познанію и уму. И вѣра не можетъ выйти изъ предѣловъ сознанія и человѣческихъ понятій.

§ 5. 125-и-лѣтняя полемика съ Кантомъ.

На противорѣчія въ ученіи Канта относ. „вещей въ себѣ" указывали еще современники Канта. Такъ наприм. изъ числа противниковъ критицизма *Якоби* указывалъ на то, что „вещи въ себѣ" не могутъ дѣйствовать на познающихъ, если категорія причинности есть чисто субъективная форма познанія, примѣнимая только къ явленіямъ, а не къ вещамъ въ себѣ [1]). То же повторяетъ и *Г. Э. Шульце* (Энесидэмусъ) [2]). Возражали Канту между другими также *Гарве*, историкъ *Тидеманъ и Эбергардъ*. Послѣднему Кантъ счелъ нужнымъ отвѣтить особымъ трактатомъ [3]).

И между сочувствующими критицизму Канта тоже многіе старались поправить его ученіе. Такъ напр., *С. Маймонъ* отвергаетъ „вещи въ себѣ" Канта, которыя будто бы

[1]) *Jacobi* Fr. Heinr. Werke 1812, II. Bd. David Hume... S. 301 u. ff.

[2]) См. *Ueberweg*, Gesch. d. Philos. III. Th. 10 Aufl. Berlin 1907, S. 395 u. 401.

[3]) *Kant*, Ueber eine Entdeckung, nach der alle neue Kritik der reinen Vernunft durch eine ältere entbehrlich gemacht werden soll, Königsb. 1790.

даютъ матерію познанія: по его мнѣнію, и матерія познанія дается сознаніемъ [1]). Такъ же и Якобъ С. *Бекъ* отмѣчаетъ непослѣдовательность Канта: „какъ могутъ „вещи въ себѣ" дѣйствовать на насъ (affizieren) и давать матерію представленій, если онѣ безвременны, внѣ пространства и внѣ причинности?" Бекъ признаетъ возбужденіе нашихъ чувствъ, но не „вещами въ себѣ", а явленіями ихъ [1]).

Совершенно отвергаютъ „вещи въ себѣ" нѣмецкіе идеалисты, замѣняя ихъ идеями. По ученію *Фихте*, вещь такова, каковой она должна мыслиться каждымъ интеллектомъ [2]). *Шеллингъ* считаетъ вещи въ себѣ „идеями въ вѣчномъ познавательномъ актѣ" [3]); познать вещи въ себѣ значитъ познать ихъ такими, какія онѣ есть въ нашемъ разумѣ: вещь съ ея субъективными опредѣленіями именно и есть настоящая вещь [4]). То же иными словами утверждаетъ и *Гегель*: вещь сама по себѣ—это идея и, какъ таковая, познаваема [5]).

Изъ неокантіанцевъ отвергаютъ вещи въ себѣ *Фолькельтъ и Либманъ*, отчасти и *Когенъ*; равнымъ образомъ отвергаютъ ихъ позитивисты *(Лаасъ, Махъ, Оствальдъ)*, идеалисты и приверженцы имманентной философіи (*Шуппе, Ремке, Шубертъ-Золдернъ*), а также *Ницше*.

Другіе философы только отчасти признаютъ непознаваемость вещей въ себѣ. Такъ напр., *Шопенгауэръ* признаетъ познаніе одной вещи въ себѣ, а именно—воли, посредствомъ внутренняго опыта, непосредственной интуиціи; подобно понимаетъ вещь въ себѣ и *Вундтъ*. Напротивъ, *Гербартъ, Лотце, Ренувье* считаютъ вещи въ себѣ духовными сущностями, монадами.

Не такъ давно появилась на русскомъ языкѣ весьма дѣльная книга *А. М. Щербины*, излагающая „ученіе Канта о вещи въ себѣ". Хотя авторъ по этому вопросу пользовался одной нѣмецкой литературой и большей частью въ русскомъ переводѣ; однако онъ хорошо разобрался въ про-

1) См. *Ueberweg*, цитир. соч. стр. 408.

2) *I. G. Fichte*, Grundlage der ges. Wissenschaftslehre, 2 Aufl, 1802, S. 131.

3) *Schelling* F. W. I., Ideen zu e. Philos. d. Natur, 2 Aufl. 1803, S. 76.

4) *Schelling*, Sämtl. Werke, I Abt. X, S. 216.

5) *Hegel G. W. F*, Logik II.

тиворѣчіяхъ и слабостяхъ Канта, которыя въ общемъ основательно критикуетъ. Тѣмъ не менѣе и онъ не дошелъ до тѣхъ выводовъ относ. Канта, которые мы изложили въ предыдущемъ; и онъ презрительно относится къ „наивному" реализму. Однако вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ признаетъ, что мы „глубоко убѣждены, что нашимъ мыслямъ и представленіямъ соотвѣтствуетъ извѣстная реальность, имѣющая хотя самое отдаленное сходство (sic!) съ ними и существующая независимо отъ какихъ бы то ни было субъективныхъ переживаній" [1]). Равнымъ образомъ онъ признаетъ, что эту реальность мы можемъ познать не только въ ея явленіяхъ, но и въ ея сущности.

Несогласенъ я съ авторомъ относит. оцѣнки Канта, которая совершенно совпадаетъ съ нѣмецкими кантіанцами, а именно: будто Кантъ—„величайшій мыслитель новаго времени", и будто „ни одно твореніе новой философіи никоимъ образомъ не можетъ соперничать съ Критикой чистаго разума" [2]). Мнѣ лично она не дала новыхъ фактовъ, которыхъ я не зналъ бы изъ чтенія Локка, Лейбница, Юма, Беркли и Рида, у которыхъ поучался и Кантъ.

Этотъ вѣковой споръ о Кантѣ не говоритъ ни въ его пользу, ни въ пользу его защитниковъ!

§ 6. Причинность и логическая обусловленность.

Въ предыдущихъ двухъ главахъ мы разсмотрѣли возникновеніе и значеніе понятія причинности [3]). Обратившись къ фактамъ наблюденія, мы убѣдились тамъ, что принципъ причинности инстинктивно дѣйствуетъ у младенцевъ уже съ первыхъ дней ихъ внѣутробной жизни; но пониманіе причинности обнаруживается не раньше шестого мѣсяца, когда младенецъ уже протягиваетъ руку къ видимымъ имъ предметамъ, чтобы схватить ихъ,—когда онъ понимаетъ, что его волевой актъ производитъ желаемую перемѣну.

[1]) *А. М. Щербина*, Ученіе Канта о вещи въ себѣ, Кіевъ 1904, стр. 187: (маркировки мои).

[2]) Тамъ же, стр. 187 и 189.

[3]) См.: VI гл. §§ 13 и 14 стр. 215—220; VII гл. §§ 7 и 8; стран. 245—251.

Мы убѣдились, что вѣра въ реальность и плотность видимаго въ общемъ прирождена человѣку и животнымъ. Но изъ этого отнюдь не слѣдуетъ, будто вмѣстѣ съ тѣмъ появляется сразу въ готовомъ видѣ и вѣра въ причинность, независимо отъ всякаго опыта. Напротивъ, опытъ усиливаетъ эту врожденную способность искать причину явленій и продолжается въ ряду поколѣній, доходя до распространенія закона причинности на всѣ явленія. Но этого распространенія закона причинности не было даже у всѣхъ философовъ [1]). И въ индивидуальной жизни современнаго культурнаго человѣка не всегда появляется вѣра во всеобщность закона причинности; а если это случается, то не въ раннемъ возрастѣ. Поэтому въ законѣ причинности

[1]) Впервые объяснилъ перемѣны видимаго міра закономѣрностью (λόγος) и необходимостью въ силу предопредѣленія (καθ' εἱμαρμένην) *Гераклитъ*. *Демокритъ* распространялъ законъ необходимости на все (πάντα γίγνεται ἐκ λόγου τε καὶ ὑπ' ἀνάγκης). *Платонъ* тоже признавалъ для всякой перемѣны свою причину (ἀναγκαῖον εἶναι πάντα τὰ γιγνόμενα διά τινα αἰτίαν γίγνεσθαι Philebos, 26 E). При этомъ онъ отличалъ: 1) первичныя причины возникновенія вещей, которыя видѣлъ въ своихъ идеяхъ, дѣйствующихъ разумно; 2) вторичныя, или побочныя (ξυναίτιαι), которыя заключаются въ чувственномъ мірѣ и дѣйствуютъ по необходимости, слѣпо, хотя и могутъ быть руководимы разумомъ (Timaeus, 36 C;—46 C—E; 69 A) *Аристотель* находитъ у своихъ предшественниковъ понятіе причины въ четырехъ значеніяхъ: „О причинахъ говорятъ въ четырехъ значеніяхъ. Изъ нихъ одной причиной мы называемъ субстанцію (τὴν οὐσίαν) и формирующую сущность (τὸ τί ἦν εἶναι)... Другой же — матерію и субстратъ (τὸ ὑποκείμενον); третьей—то, откуда идетъ начало движенія [или перемѣны]; а четвертой — противоположную предыдущей, ради чего и благо (такъ какъ цѣлью всякаго возникновенія и всякаго движенія служитъ это") (*Aristoteles*, Metaph. ed. W. Christ, L. 1895, pag. 8; lib. A. 983 a, 25. Сравнить тамъ-же: pag. 89 et 90, Metaph. lib. Δ (V) 1013 a, 23—35). Самъ Аристотель иногда соединяетъ во едино съ „сущностью" и „начало движенія" и „цѣль", противополагая „сущность" (или формирующее начало=εἶδος или τὸ τί ἦν εἶναι) матеріи (ὕλη). *Aristoteles*, (Phys. II, 6, 198 a, 24—29). У Аристотеля не имѣется обобщенія закона причинности на всю вселенную: его εἴδη (формирующія начала) и его „первый двигатель" (т. е. Богъ) не подчинены закону причинности. Аристотель предполагаетъ даже самопроизвольное зачатіе низшихъ организмовъ. (*Aristoteles*, De gener. animalium, II. 1; его же, Historia animalium, I. 5).

нужно раздѣлять самый фактъ его отъ обобщенія его на всѣ явленія и предметы вселенной, и притомъ на всѣ времена.

Другое различіе мы должны отмѣтить между причинностью въ собственномъ смыслѣ, т. е. связью между реальными явленіями, вещами, субстанціями, силами и между логической обусловленностью, которую весьма часто включаютъ въ понятіе причинности въ широкомъ смыслѣ. Послѣднее дѣлается и въ обиходномъ языкѣ, и даже нѣкоторыми философами. Такъ напр., спрашиваютъ тѣмъ же словомъ „почему?" не только о реальной причинѣ, но и о логическомъ основаніи: „Почему $a^0=1$?" „Почему вертикальные углы равны?" Логическое основаніе (λόγος) не отличали строго отъ реальной причины αἰτία и древніе философы, такъ напр., *Аристотель* [1]). Изъ новѣйшихъ *Декартъ* и *Спиноза* также недостаточно строго отличаютъ логическое основаніе чего-нибудь (ratio) отъ реальной причины (causa). Строго ихъ отличаетъ впервые *Лейбницъ*; но и онъ соединяетъ оба эти понятія въ одинъ логическій законъ „достаточнаго основанія" (raison suffisante). То же дѣлаетъ и *Кантъ* [2]). Мы же подъ логическимъ основаніемъ будемъ разумѣть тотъ фактъ или факты познанія (сужденія и понятія), изъ которыхъ по логической необходимости вытекаетъ данное новое сужденіе. Это логическое основаніе, даже въ психологическомъ отношеніи, не есть реальная причина даннаго сужденія: послѣднее очень часто имѣется въ сознаніи, тогда какъ логическое основаніе его неизвѣстно.

Въ настоящей главѣ мы ограничимся разсмотрѣніемъ реальной причинности и опроверженіемъ ложныхъ ея толкованій со стороны новѣйшихъ скептиковъ, именующихъ себя позитивистами. Такъ какъ это воззрѣніе пользуется сочувствіемъ естествоиспытателей и даже въ логикѣ *Джона Ст. Милля*, очень популярной у насъ въ Россіи: то я разберу подробнѣе именно его разсужденія и толкованія причины и причинности [3]). Позитивизмъ Милля, какъ извѣстно

1) *Aristoteles*, Analytica poster. I. 2.

2) См. *И. С. Проданъ*. „Новая Логика" II. §§ 10—13, стр. 27—32.

3) Авторитетъ Джона Ст. Милля настолько великъ въ Россіи, что его Система логики выдержала у насъ нѣсколько переводовъ и изданій. Почти всѣ наши учебники логики приняли Миллевское пониманіе причины въ отдѣлѣ матеріальной индукціи, т. е. методовъ

заимствованъ у *Огюста Конта*: и Милль скептически относится къ метафизикѣ съ ея сущностями, и старается ограничить свои изслѣдованія одними „явленіями". Но такъ какъ причинная связь между явленіями не можетъ быть воспринята нашими внѣшними органами чувствъ,—ее нельзя ни видѣть, ни осязать, ни слышать—то Милль, согласно съ Юмомъ, въ этомъ вопросѣ стоитъ на психологической точкѣ зрѣнія явленій сознанія, довольствуясь его неполнымъ психологическимъ анализомъ. И Милль понимаетъ причинность, какъ простую послѣдовательность „явленій", вслѣдствіе опыта сдѣлавшуюся намъ привычной. По этому же Милль не дѣлаетъ различія между производящей причиной и условіями, считая и то и другое простыми антецедентами, т. е. обстоятельствами, предшествующими данному дѣйствію. Какъ мы увидимъ, онъ самъ не всегда выдерживаетъ свою точку зрѣнія.

§ 7. Толкованія причинности у Милля.

Вотъ, собственныя слова Милля по нашему вопросу: „Говоря въ этомъ изслѣдованіи (т. е. въ его Системѣ логики) о причинѣ явленія, я не имѣю въ виду такой причины, которая сама не есть явленіе"...[1] „О дѣятельныхъ причинахъ явленій и о томъ, существуютъ ли вообще такія причины, я не призванъ высказывать своего мнѣнія... Для теоріи индукціи нужно единственно только такое понятіе о причинѣ, какое можетъ быть получено изъ опыта. Законъ причинной связи... есть просто та общеизвѣстная истина, что наблюденіе открываетъ для всякаго факта въ природѣ неизмѣнное слѣдованіе за какимъ-либо другимъ, ему предшествовавшимъ..."[2]. „Неизмѣнное предыдущее называется причиной, неизмѣнно послѣдующее – слѣдствіемъ... Для каждаго явленія

изслѣдованія причинѣ. Поэтому я разобралъ заблужденія Милля и въ своей „Новой Логикѣ". (Харьковъ 1911 года, стран. 81–96).

[1]) *Дж. Ст. Милль*, Система Логики, перев. съ 10-го англ. изд. подъ ред. Ивановскаго, М. 1899 III кн. гл. V. § 2, стран. 259.

[2]) Тамъ же, стран 260.

существуетъ нѣкоторая комбинація предметовъ [выше Милль признавалъ только „явленія“ въ качествѣ причинъ] или явленій, нѣкоторое опредѣленное стеченіе положительныхъ или отрицательныхъ обстоятельствъ, наличность которыхъ постоянно вызываетъ [sic!] за собой это явленіе... Отъ всеобщности этой истины зависитъ возможность подвести индуктивный процессъ подъ извѣстныя правила... Послѣдующее бываетъ обыкновенно связано съ нѣсколькими предыдущими, такъ что только наличность всѣхъ ихъ можетъ произвести [sic!] это послѣдующее... Въ такихъ случаяхъ въ качествѣ „причины“ обычно выдѣляютъ лишь одно предыдущее, называя всѣ остальныя только „условіями“. Такъ, если человѣкъ, поѣвши какого-нибудь кушанья, послѣ этого умретъ, т. е., если можно сказать, что онъ не умеръ бы, еслибъ не поѣлъ его,—то обыкновенно говорятъ, что причиною смерти было здѣсь употребленіе этого кушанья... Истинною причиною является здѣсь вся совокупность этихъ предыдущихъ; и, говоря философски, мы не имѣемъ права называть „причиною“ лишь одно изъ нихъ, помимо всѣхъ остальныхъ“ [1]). Послѣ этого Милль приводитъ еще три примѣра и наконецъ заключаетъ: „Во всѣхъ этихъ примѣрахъ названіемъ „причины“ (въ обычномъ значеніи) выдѣлено то условіе, которое явилось послѣ всѣхъ другихъ... Показать отсутствіе всякаго [sic!] научнаго основанія для различенія причины явленія отъ его условій можетъ лучше всего та произвольность [sic!], съ какою мы выбираемъ среди условій явленія то, которое начинаемъ называть причиной. Какъ бы ни были многочисленны условія, едва ли есть среди нихъ такія, которыя не могли бы получить этого названія преимущественно передъ другими, въ зависимости отъ нашей непосредственной цѣли... Такъ напр. камень, брошенный въ воду, падаетъ на дно“... [2]).

Заблужденія Милля порождены не только его вѣрой въ позитивизмъ Ог. Конта, но и тѣмъ, что Милль въ своей Системѣ логики приводитъ сложные примѣры причинности, въ которыхъ онъ не разобрался: онъ въ нихъ 1) не выяснилъ

[1]) *Д. С. Милль.* Система логика, перев. *В. Н. Ивановскаго*, кн. III. гл. V, § 2 и 3, стран. 260 и 261. [Маркировки мои во всѣхъ цитатахъ].

[2]) Тамъ же, стран. 262.

роли противодѣйствующихъ причинъ; а 2) условный, т. е. неточный способъ выраженія обиходной рѣчи относительно „отрицательныхъ условій“ Милль понимаетъ буквально. Эту неточность выраженія Милль считаетъ доказательствомъ своего мнѣнія, будто условія и производящая причина не отличаются другъ отъ друга.

§ 8. Примѣры Милля.

Объемъ настоящей работы не позволяетъ мнѣ распространяться и разобрать всѣ примѣры Милля: поэтому я ограничусь двумя, въ которыхъ не разобрался самъ Милль вслѣдствіе ихъ сложности.

Относительно падающаго камня Милль разсматриваетъ его условія и излагаетъ ихъ слѣдующими словами: „Во-первыхъ, долженъ существовать камень и вода, и камень долженъ быть брошенъ въ воду; но эти предположенія составляютъ часть изложенія самого явленія, и включать ихъ въ число условій послѣдняго было бы излишней тавтологіей. Поэтому-то никто никогда [sic!] и не давалъ этому классу условій названія причины, кромѣ схоластиковъ, которые называли такія условія *матеріальной* причиной—causa materialis. Слѣдующимъ условіемъ разсматриваемаго явленія будетъ существованіе земли, и потому часто говорятъ, что паденіе камня имѣетъ своей причиной землю... или нѣкоторое свойство земли, нѣкоторую силу, проявляемую землей (всѣ эти выраженія различными способами говорятъ одно и то же: что земля есть причина паденія камня)... Перейдемъ теперь къ другому условію... Тѣло должно находиться въ предѣлахъ такого разстоянія отъ нея, на которомъ притяженіе земли перевѣшиваетъ притяженіе всякаго другого тѣла. Согласно этому, можно сказать—и это выраженіе всѣ [sic!] должны будутъ признать правильнымъ—*что причиною паденія камня служитъ то, что онъ находится въ сферѣ земного притяженія*. Переходимъ къ дальнѣйшему условію. Камень погрузился въ воду: такимъ образомъ условіе, при которомъ онъ не могъ упасть на дно, заключается

въ томъ, что его удѣльный вѣсъ превосходитъ удѣльный вѣсъ окружающей жидкости, или иными словами, что его вѣсъ больше вѣса равнаго ему объема воды. Слѣдовательно всѣ согласятся [?] признать правымъ того, кто скажетъ, что причиною паденія камня на дно служитъ тотъ фактъ, что его удѣльный вѣсъ превосходитъ удѣльный вѣсъ жидкости, въ которую онъ погруженъ. Такимъ образомъ очевидно, [заключаетъ Милль], что о любомъ изъ условій явленія... можно говорить, какъ о всей причинѣ этого явленія. И на практикѣ „причиной" обыкновенно называютъ то условіе, роль котораго въ разсматриваемомъ случаѣ наиболѣе замѣтна на поверхностный взглядъ или, на необходимость котораго для возникновенія слѣдствія, мы имѣемъ основаніе въ данный моментъ [sic!] настаивать" [1]). Таковъ примѣръ и объясненіе его у Милля. И то и другое весьма неудачно, и говоритъ какъ разъ противъ теоретическихъ воззрѣній Милля на причинность.

Съ объясненіемъ Милля относительно причины паденія камня, не согласится ни физикъ, ни обыкновенный человѣкъ, не знакомый съ физикой. Первый скажетъ: камень упалъ потому, что попалъ подъ дѣйствіе притяженія земли; а послѣдній скажетъ: камень упалъ потому, что я его бросилъ. При этомъ онъ будетъ разсуждать такъ: если бы я его не бросилъ, то онъ не упалъ бы, а лежалъ бы на томъ же мѣстѣ. И обычный умъ простолюдина, не знакомаго съ закономъ тяготѣнія Ньютона, будетъ разсуждать какъ разъ согласно съ воззрѣніемъ Милля,—что „неизмѣнное предыдущее есть причина" послѣдовавшаго дѣйствія. Объясненіе простолюдина не даетъ точнаго анализа и не дѣлаетъ различія между дѣйствующей причиной и условіями. И самъ Милль не разобрался въ своемъ же примѣрѣ.

Милль полагаетъ, что „едвали есть среди многочисленныхъ условій такія, которыя не могли бы получить названія причины преимущественно передъ другими". Это его мнѣніе можетъ относиться только къ ошибочнымъ обозначеніямъ причины, вмѣсто условія; таковыя, конечно, бываютъ не только у простыхъ смертныхъ, но и у философовъ. Относительно „общеизвѣстнаго явленія", приведеннаго

[1]) Тамъ же, стран. 262 и 263.

въ примѣръ Миллемъ, не трудно избѣгнуть ошибки, хотя оно принадлежитъ къ сложнымъ, въ которыхъ нужно отличать нѣсколько причинъ и противодѣйствій, не разобранныхъ Миллемъ.

Первая причина паденія камня заключается въ волевомъ актѣ бросившаго его. Волевой актъ освободилъ мускульную энергію, которая произвела „бросаніе". Далѣе, камень попадаетъ подъ вліяніе тяжести, или земли. Эта причина, именуемая „силой тяготѣнія", даетъ иное направленіе „брошенному камню". Но этой причинѣ (или силѣ) противодѣйствуетъ во-первыхъ плотность воздуха, а затѣмъ— плотность воды. Такъ какъ эти противодѣйствія слабѣе тяжести камня, то его движеніе все же опредѣляется, хотя и съ задержанной скоростью, силой тяготѣнія, т. е. направленіемъ къ центру земли. Его движеніе продолжается въ водѣ до тѣхъ поръ, пока онъ не достигнетъ дна, т. е. пока противодѣйствіе твердаго дна не задержитъ силу тяготѣнія, т. е., пока эта сила не окажется меньшей, чѣмъ сила сцѣпленія въ твердомъ днѣ. Простолюдинъ не знаетъ ничего ни о силахъ сцѣпленія, ни о силѣ тяготѣнія. Такъ какъ онѣ дѣйствуютъ постоянно, то онъ на нихъ не обращаетъ вниманія и поэтому видитъ только первоначальную причину паденія камня, то-есть, свое собственное мускульное усиліе, благодаря которому камень получилъ движеніе. Не знающему физики подобный пробѣлъ въ объясненіи причинъ простителенъ; но въ наукѣ „давать названіе причины любому изъ условій" ничѣмъ не можетъ быть оправдано.

Такъ же неосновательно утвержденіе Милля, будто „всѣ согласятся признать правымъ того, кто скажетъ, что причиною паденія камня на дно служитъ тотъ фактъ, что его удѣльный вѣсъ (подразумѣвается—камня) превосходитъ удѣльный вѣсъ жидкости, въ которую онъ погрузился". Этого объясненія причины не приметъ ученый физикъ; не могу и я его считать вѣрнымъ. А именно—вотъ, почему. Фактъ „разницы въ удѣльномъ вѣсѣ", какъ результатъ сравненія, существуетъ только въ умахъ познающихъ субъектовъ, а не въ реальной дѣйствительности. Не эта „разница", которая устанавливается умомъ, производитъ погруженіе камня въ воду, а тяжесть камня, которую не можетъ остановить противодѣйствующее давленіе воды

вверхъ: послѣднее слабѣе тяжести камня, и поэтому тяжесть беретъ верхъ надъ давленіемъ [1]).

Такимъ образомъ „говорить о любомъ изъ условій явленія... какъ о всей причинѣ этого явленія" можно только человѣку, не разобравшемуся въ приведенномъ примѣрѣ или ложно понимающему причинность; такое смѣшеніе условій съ дѣйствующей причиной не оправдывается ни точной наукой, ни даже здравымъ смысломъ человѣчества.

§ 9. Отрицательное условіе.

Разсмотримъ еще одинъ примѣръ Милля на „отрицательное условіе". И въ данномъ случаѣ Милль не разобрался, несмотря на сдѣланныя ему возраженія со стороны критика его Системы логики. Какъ мы увидимъ, его критикъ былъ правъ, только не сумѣлъ доказать свою правоту; а Милль не правъ и въ своихъ отвѣтахъ критику. И данный примѣръ Милля относится къ очень сложнымъ явленіямъ съ противодѣйствующими силами (причинами); однако онъ недостаточно полно описанъ и даже мало вѣроятенъ въ формулировкѣ Милля. Послѣ его вывода, что „на практикѣ „причиной" обыкновенно называютъ то условіе, роль котораго въ разсматриваемомъ случаѣ наиболѣе замѣтна на поверхностный взглядъ"... „Милль говоритъ слѣдующее: „значеніе этого послѣдняго соображенія настолько велико, что оно заставляетъ насъ иногда давать названіе причины даже одному изъ отрицательныхъ условій. Мы говоримъ, напримѣръ, что армія была застигнута врасплохъ потому, что часовой ушелъ со своего поста". [Маркировки—мои]. Но вѣдь, не отсутствіе часового создало непріятеля, [правильно замѣчаетъ Милль]; не оно сдѣлало то, что солдаты въ моментъ нападенія спали: какъ же оно могло быть причиной того, что солдаты были застигнуты врасплохъ? Дѣйствительное значеніе этого выраженія сводится къ тому, что указаннаго явленія не случилось бы, еслибы часовой былъ при исполненіи своихъ обязанностей. Его отсутствіе на посту было не производящей причиной, а

[1]) См. мой Учебникъ Логики, 2 изд., примѣръ плаванія желѣзныхъ броненосцевъ въ § 52, стран. 148 и 149.

просто отсутствіемъ предупреждающей причины [sic!]; оно было равносильно не существованію часового. Изъ ничего, изъ простого отрицанія не можетъ выйти никакихъ слѣдствій [опять вѣрно замѣчаетъ Милль]. Всѣ слѣдствія связаны посредствомъ закона причинности съ нѣкоторымъ рядомъ положительныхъ условій, хотя, правда, почти всегда кромѣ этихъ условій бываютъ необходимы и условія отрицательныя"... Послѣ этого Милль замѣчаетъ: „Безспорно существуетъ наклонность ...связывать идею причины скорѣе съ ближайшимъ предшествующимъ событіемъ, чѣмъ съ какимъ-либо изъ предшествующихъ состояній или длительныхъ фактовъ, которые также могутъ оказаться въ числѣ условій даннаго явленія... Указанная склонность весьма замѣтна въ различныхъ логическихъ вымыслахъ [sic!], къ которымъ обращаются даже люди науки, лишь бы избѣгнуть необходимости называть причиною нѣчто такое, что существовало въ теченіе неопредѣленно долгаго періода времени раньше явленія. Такъ, вмѣсто того, чтобы сказать, что земя причиняетъ паденіе тѣлъ, они приписываютъ это паденіе нѣкоторой силѣ, проявляемой землею, или притяженію земли... А такъ какъ привхожденіе обстоятельства, дополняющаго совокупность условій, представляетъ собою нѣкоторую перемѣну, нѣкоторое событіе, то предыдущимъ всегда оказывается какое-нибудь предшествующее событіе и именно то, которое стоитъ въ наиболѣе тѣсномъ отношеніи къ послѣдующему [1]). Этимъ можно объяснить ту иллюзію [sic!], которая предрасполагаетъ насъ думать, что ближайшее событіе имѣетъ больше права считаться причиною явленія, чѣмъ какое бы то ни было изъ предшествующихъ состояній"... Таковы разъясненія Милля.

Послѣ этого въ примѣчаніи къ 10 изданію Системы Логики Милля приводятся два возраженія, сдѣланныя Миллю его рецензентомъ въ журналѣ „Prospective Review". Первое возраженіе передано Миллемъ въ слѣдующихъ словахъ: „мы прилагаемъ слово „причина" преимущественно къ тому эле-

[1]) Очевидно, Милль борется съ самимъ собой, но не можетъ отдѣлаться отъ своего позитивизма: онъ признаетъ, что не всѣ предшествующія обстоятельства находятся въ одинаковомъ отношенію къ слѣдствію, и что „почти веєда бываютъ необходимы и условія отрицательныя".

менту среди предыдущихъ, который проявляетъ силу и который во всякое время стремился бы произвести то же самое или подобное слѣдствіе, какъ то, какое онъ дѣйствительно производитъ при извѣстныхъ условіяхъ". Другое замѣчаніе рецензента Милль передаетъ такъ: „всякій почувствовалъ бы неточность нашего выраженія, если бы мы сказали, будто причиной неожиданности нападенія былъ уходъ часового съ его поста; причиной здѣсь можно было бы назвать приманку или силу, удалившую его съ поста, такъ какъ, удаливъ его, она устранила задерживающую силу, которая могла предупредить внезапность нападенія". На эти замѣчанія Милль возражаетъ такъ слабо и неясно, что ихъ можно пропустить безъ ущерба дѣлу разъясненія этого вопроса.

Я съ своей стороны нахожу нужнымъ возразить Миллю слѣдующее. 1) Сомнительно, чтобы подобный случай когда-либо существовалъ въ дѣйствительности, т. е., чтобы судьба арміи зависѣла отъ добросовѣстности только одного часового. Какъ извѣстно и невоенному, аванпостовъ размѣщаютъ много, и притомъ—въ нѣсколькихъ рядахъ.

2) Допустимъ, что примѣръ Милля возможенъ. Въ такомъ случаѣ, дѣйствительно, можно сказать согласно съ его примѣромъ: „армія была застигнута врасплохъ потому, что часовой ушелъ со своего поста". Но изъ этого способа выраженія отнюдь не слѣдуетъ, что подъ „потому" подразумѣвается такое же условіе, каковы всѣ остальныя въ данномъ дѣйствіи. Самъ Милль подтверждаетъ фактъ, что „привхожденіе обстоятельства, дополняющаго совокупность условій, представляетъ собою нѣкоторую перемѣну, нѣкоторое событіе... которое стоитъ въ наиболѣе тѣсномъ отношеніи, къ послѣдующему". Кромѣ того, и онъ отмѣчаетъ, „что указаннаго явленія не случилось бы, если бы часовой былъ при исполненіи своихъ обязанностей". Эти два объясненія самого Милля достаточно убѣдительно доказываютъ, что не всѣ условія, предшествующія слѣдствію", имѣютъ одинаково „тѣсное отношеніе къ послѣдующему".

3) Нужно отличать обиходный языкъ отъ научнаго языка. Въ обиходѣ, дѣйствительно, на вопросъ „почему", иногда отвѣчаютъ не „производящей причиной", а ближайшей причиной перемѣны, устранившей препятствіе, какъ

и въ примѣрѣ Милля. Но „полной причиной“ Милля никто никогда не отвѣчаетъ: даже самый ученый человѣкъ большей частью не знаетъ „полной причины“.

4) Наши грамматическія категоріи далеко не всегда совпадаютъ съ одноименными логическими. Таковы напр., условныя предложенія и условныя сужденія. Равнымъ образомъ причинныя предложенія не всегда выражаютъ „полную причину“ Милля. Таково напр., предложеніе: „Такъ какъ часовой ушелъ съ поста, то непріятель сдѣлалъ неожиданное нападеніе“. Уходъ часового представляетъ собою только одно изъ благопріятныхъ для непріятеля условій, а не причину, и притомъ „полную“. Уходъ его можно считать причиной устраненнаго противодѣйствія непріятелю. И остальные примѣры Милля, которые онъ противопоставляетъ своему рецензенту, относятся къ обиходному способу выраженія при помощи грамматическихъ категорій, а не къ научному обоснованію данной „причины“ или „условія“. Ссылка на неточность обиходнаго языка въ иныхъ сложныхъ случаяхъ не уничтожаетъ обычнаго правильнаго его употребленія.

5. Даже въ своемъ же примѣрѣ Милль не разобралъ полной причины, да это было бы не подъ силу даже самому талантливому полководцу; но и свою „предупреждающую причину“ Милль не разъяснилъ, и повидимому, не понялъ. Единственный его часовой, ушедшій съ поста, устранилъ единственное препятствіе къ внезапному нападенію. Слѣдовательно, его уходъ есть непосредственная причина устраненія препятствія, а не причина нападенія. (Причину же самого ухода намъ не зачѣмъ разсматривать; это безъ надобности дѣлаетъ рецензентъ Милля). Дѣйствующая причина нападенія, несомнѣнно, заключается въ волѣ и приказѣ командующаго непріятельской арміей; а условій нападенія такъ много, что ихъ никто не въ состояніи перечислить.

6) Утверждать при этомъ, что всѣ условія имѣютъ одинаковое значеніе, и что подъ причиной нужно подразумѣвать только „полную причину“, совершенно не основательно. Странно было бы притязаніе на изслѣдованіе полной причины, если мы еще не знаемъ ея составныхъ частей [1]).

[1]) Ср. *И. С. Проданъ*, „Новая Логика“ VI и VIII гл.

§ 10. Причина и условія.

Предыдущее могло насъ убѣдить въ несостоятельности утвержденія Милля, будто „отсутствуетъ всякое научное основаніе для различенія причины явленія отъ его условій“ [1]. Если даже обиходный языкъ всѣхъ народовъ и временъ и здравый смыслъ всего человѣчества отличаетъ условіе и причину, хотя почти никогда не знаетъ „полной причины“: то для этого различія, несомнѣнно, должны существовать объективныя и всеобщія причины, а не только капризъ „даннаго момента“. То обстоятельство, что обиходный языкъ иногда употребляетъ грамматическія категоріи не соотвѣтственно аналогичнымъ логическимъ, (т. е. что онъ иногда не точенъ въ смыслѣ логики и научной терминологіи), не даетъ намъ права возводить эти неточности выраженія въ общее правило, какъ это дѣлаетъ Милль. Если даже онъ, великій философъ, могъ ошибаться, то тѣмъ болѣе это позволительно обыкновеннымъ смертнымъ.

Милль всѣ „условія“, составляющія его „причину“, (т. е. „полную причину“) называетъ просто „предшествующими“ (обстоятельствами), а ея дѣйствіе—„послѣдующимъ“; поэтому же онъ всѣ „условія“ считаетъ однородными съ дѣйствующей причиной, не находя въ ихъ роли различія.

Что его мнѣніе не вѣрно, видно и на его же примѣрахъ. И ихъ условія играютъ неодинаковую роль въ причиненіи дѣйствія по сравненію съ дѣйствующей причиной, что и самъ Милль отмѣтилъ въ одномъ изъ приведенныхъ выше мѣстъ. Это различіе онъ старался объяснить психологической „иллюзіей“, которая предрасполагаетъ насъ думать, что ближайшее событіе имѣетъ больше права считаться причиною явленія, чѣмъ какое бы то ни было изъ предшествующихъ состояній“. На самомъ дѣлѣ эта „иллюзія“ присуща всѣмъ людямъ: всѣ отличаютъ „условія“ отъ „причины“, хотя иногда относительно послѣдней ошибаются. Условія представляютъ собою не только „предшествующія“ состоянія, но они очень часто оказываются и послѣдующими состояніями, продолжая существовать и долго спустя послѣ причиненнаго дѣйствія. Такъ, въ при-

[1]) *Милль*, Сист. Лог. цитир. изд., стр. 262.

мѣрѣ Милля относительно ушедшаго часового условій внезапнаго нападенія непріятеля было очень много; между ними мы отмѣтимъ только слѣдующія: повиновеніе солдатъ командующему, здоровье солдатъ и ихъ способность сражаться, наличность у нихъ оружія и другихъ средствъ борьбы. Однако всѣ эти условія могутъ продолжаться и послѣ произведеннаго непріятелемъ нападенія, даже въ теченіе мѣсяцевъ и годовъ. Слѣдовательно совершенно неправильно и самое обозначеніе условій терминомъ „предшествующія" обстоятельства: Милль въ его употребленіи не сдѣлалъ даже оговорки, что эти „предшествующія" могутъ быть и одновременными и даже могутъ продолжаться послѣ дѣйствія, какъ они и до него могли существовать неопредѣленно долгое время, не производя „слѣдствія", пока къ нимъ не присоединилась дѣйствующая причина. Причина же всегда предшествуетъ причиненному ею дѣйствію. Уже это одно различіе достаточно существенно, и его въ огромномъ большинствѣ случаевъ дѣлаетъ обычный здравый смыслъ человѣка; а исключенія не уничтожаютъ правила. Сверхъ того, тѣ же условія могутъ быть на лицо, не производя никакого дѣйствія. Между тѣмъ дѣйствующая причина всегда хоть чѣмъ-нибудь обнаружится, даже если бы не всѣ условія были на лицо.

При однородныхъ условіяхъ причина всегда производитъ одно опредѣленное дѣйствіе. Поэтому на дѣйствующую причину мы всегда обращаемъ больше вниманія, чѣмъ на условія: послѣднія, какъ было сказано, весьма часто неизвѣстны намъ, хотя причина извѣстна. Поэтому дѣйствующая причина всегда крѣпко ассоціируется со своимъ дѣйствіемъ, и это обстоятельство породило заблужденіе Юма, будто причинность сводится къ привычной ассоціаціи [1]).

[1]) Такихъ дѣйствій, которыя могутъ быть вызваны разными дѣйствующими причинами, даже въ мірѣ духовномъ сравнительно мало, а въ мірѣ физическомъ ихъ чрезвычайно мало; впрочемъ, и въ тѣхъ немногихъ случаяхъ, извѣстныхъ намъ, возможно, что тѣ „различныя" причины, вызывающія одинаковыя дѣйствія, представляютъ собою проявленія одной силы или одного качества, не доступнаго нашему прямому воспріятію. Такъ напримѣръ, теплота, вызываемая различными причинами, можетъ быть во всѣхъ случаяхъ молекулярнымъ движеніемъ.

Наоборотъ, даже тожественныя условія не ассоціируются такъ тѣсно, какъ причина, со своимъ дѣйствіемъ. Дѣло въ томъ, что тѣ же условія могутъ сопровождать весьма различныя дѣйствія. Поэтому, на вопросъ, почему брошенный камень упалъ, языкъ обихода не скажетъ: потому, что существуетъ земля или потому, что камень имѣетъ вѣсъ. Условіями земли и вѣса—сопровождается и покой камня, и его раздробленіе подъ молотомъ каменщика, и его нагрѣваніе, и его химическое разложеніе; а причина этихъ измѣненій камня въ каждомъ случаѣ иная. Причиной покоя служитъ равновѣсіе между тяготѣніемъ и молекулярнымъ сцѣпленіемъ основанія, поддерживающаго камень; причиной раздробленія служатъ удары молотомъ; причиной нагрѣванія камня могутъ быть прямые лучи солнца; причина химическаго разложенія камня состоитъ въ прикосновеніи его съ опредѣленными веществами, въ которыхъ химикъ предполагаетъ особую силу - химическое сродство.

§ 11. Причина болѣе извѣстна, чѣмъ условія.

Постоянныхъ, т. е. всегда находящихся на лицо, условій мы обыкновенно и не замѣчаемъ. Кто напр., отвѣтитъ на вопросъ: что больше всего необходимо для веденія войны? Различные по профессіи люди отвѣтятъ различно; но врядъ ли кому придетъ въ голову: здоровье, вода, умѣренная теплота, пища, воздухъ. Все это „само собой" разумѣется. Многія изъ условій подразумѣваются, если они извѣстны, а объ иныхъ мы ничего не знаемъ и даже не догадываемся [1]). Относительно дѣйствующей причины мы не успокаиваемся, пока ее не отыщемъ; а если это невозможно, то мы строимъ свои предположенія, догадки, гипотезы, теоріи.

Такъ напримѣръ, относительно человѣческихъ дѣйствій (а именно сознательныхъ) каждому извѣстно, что ихъ причиной (дѣйствующей) есть воля: точнѣе, опредѣленный

[1]) См. мой Учебникъ логики, 2 изд. § 50 и упражненіе XLVI страп. 168.

волевой актъ, соотвѣтствующій данному дѣйствію. Однако условія его не всѣ извѣстны, даже весьма свѣдущему и опытному психологу. Возьмемъ несложный процессъ: предположимъ, я рѣшился написать письмо своему знакомому Б. Это вполнѣ находится въ моей власти. Я уже обдумалъ и содержаніе, и вынулъ почтовую бумагу, и написалъ обращеніе: но вдругъ что-то меня остановило. „Нѣтъ, напишу завтра" мелькаетъ мысль, и я принимаюсь за другое дѣло, которое будетъ окончено черезъ нѣсколько недѣль или мѣсяцевъ. На другой день я вспоминаю о своемъ намѣреніи написать письмо: но опять что-то мнѣ „помѣшало". Проходитъ еще день, другой, и наконецъ я забываю о своемъ намѣреніи. Въ такихъ случаяхъ на вопросъ „почему не писалъ" обыкновенно отвѣчаютъ „не было времени" или „забылъ". На самомъ дѣлѣ эти отвѣты, не совсѣмъ вѣрны. „Забвеніе" наступило на третій или четвертый день. А въ первый день, очевидно, было и „время", если я уже принимался за письмо. Однако мое рѣшеніе не осуществилось.

Теперь предположимъ, что отвѣтъ „не было времени" соотвѣтствуетъ дѣйствительности. Что онъ означаетъ? Очевидно—то, что меня занимали другія дѣла или развлеченія, которыя въ моихъ глазахъ важнѣе письма. Слѣдовательно тутъ моему рѣшенію написать—противодѣйствовали другіе мои интересы. Итакъ въ данномъ случаѣ причиной неосуществленнаго моего намѣренія нужно считать не „время" и его отсутствіе, а противодѣйствія, нерѣдко ускользающія отъ самаго наблюдательнаго психолога.

Дѣйствующая причина въ реальномъ мірѣ насъ всегда больше интересуетъ, чѣмъ условія. Если данное животное для насъ опасно, то мы удаляемся отъ него, хотя бы и не знали условій его дѣйствія: отъ гадюки, которая можетъ ужалить до смерти, мы бѣжимъ, хотя бы и знали, что она жалитъ только при извѣстныхъ условіяхъ. Всѣхъ этихъ условій, быть-можетъ, никогда не узнаетъ естествоиспытатель, а жить хочется каждому нормальному человѣку. Очевидно, инстинктъ самосохраненія, заставляющій человѣка и животныхъ избѣгать опасныхъ враговъ, разумнѣе иныхъ философскихъ мудрствованій [1]).

[1]) Только въ тѣхъ рѣдкихъ случаяхъ, когда причина ускользаетъ отъ нашего наблюденія, когда она неизвѣстна, мы доволь-

Гораздо проще процессы неорганическаго міра; однако и тутъ мы часто не знаемъ всѣхъ условій, хотя и знаемъ дѣйствующую причину. Такъ напр., всѣ знаютъ, что пушки изготовляются для стрѣльбы, и притомъ—въ цѣль; но никто, кромѣ скептика, въ родѣ Милля, не сочтетъ пушку причиной или „частью причины" выстрѣла. Чтобы это дѣйствіе осуществилось, для этого нужны многія условія, извѣстныя механикамъ, изготовляющимъ пушки. (Для упрощенія вопроса я оставлю въ сторонѣ прицѣлъ и мѣткость стрѣльбы). Я перечислю только нѣкоторыя условія: 1) пушка должна быть извѣстной крѣпости въ обезпеченіе отъ разрыва; 2) стволъ ея долженъ быть прямымъ, цилиндрическимъ внутри; 3) съ одной стороны (казенной части) стволъ долженъ быть закрытъ; 4) въ стволъ долженъ быть вложенъ порохъ въ опредѣленномъ количествѣ; 5) самый порохъ долженъ быть изготовленъ опредѣленнымъ образомъ: напримѣръ, онъ не долженъ быть слишкомъ мелкимъ... 6) долженъ быть на лицо зажигатель пороха. Но всѣ эти условія могутъ существовать рядомъ и десятки лѣтъ, а выстрѣла не произойдетъ, пока зажигатель не воспламенитъ пороха. Воспламененіе пороха считается причиной выстрѣла: но это выраженіе нуждается въ поправкѣ. Воспламененіе пороха есть причина быстраго образованія газовъ, а ихъ упругость производитъ быстрое выталкиваніе ядра по направленію открытой стороны ствола, т. е. выстрѣлъ. Слѣдовательно, ближайшая дѣйствующая причина выстрѣла есть упругость газовъ, которая обнаруживается вслѣдствіе воспламененія пороха. Все же остальное, необходимое для выстрѣла, составляетъ его условія. Объ этихъ условіяхъ, при нормальномъ положеніи дѣлъ, и не думаетъ артиллеристъ. При изготовленіи первыхъ пушекъ въ XV вѣкѣ многія не были извѣстны, да и теперь еще далеко не всѣ условія мѣткости стрѣльбы извѣстны. Однако причины стрѣльбы и даже попаденія извѣстны. *Итакъ дѣйствующая причина можетъ быть извѣстной, а условія могутъ быть неизвѣстны.*

ствуемся изученіемъ условій даннаго дѣйствія. Такъ напр., врачи, не зная причины чахотки, и до открытія Коховскихъ бациллъ, лѣчили чахотку тѣмъ, что устраняли условія, благопріятныя для развитія чахотки и ея смертельнаго исхода.

Изъ приведенныхъ примѣровъ явствуетъ, что и ученые спеціалисты часто не знаютъ „полной причины", не знаютъ всѣхъ условій; а все же знаютъ дѣйствующую причину. Слѣдовательно и научныя изслѣдованія большей частью довольствуются раскрытіемъ дѣйствующей, а не „полной" причины и раскрытіемъ отдѣльныхъ уловій, а не всѣхъ вмѣстѣ.

§ 12. Опредѣленія дѣйствующей причины и условія.

Въ наукѣ уже много вѣковъ тому назадъ установился терминъ causa efficiens, т. е. дѣйствующая причина; онъ беретъ свое начало еще отъ Аристотеля; но онъ извѣстенъ и обычному здравому смыслу человѣка. Правда, и ученые могутъ иногда смѣшивать дѣйствующую причину съ однимъ изъ условій; но изъ этого еще не слѣдуетъ, чтобы возможную ошибку возводить въ правило логики.

Подъ *дѣйствующей причиной* въ естественныхъ наукахъ разумѣютъ ту *силу или дѣятельность, которая производитъ данное дѣйствіе* (при наличности нѣкоторыхъ условій); *она всегда предшествуетъ дѣйствію* [1]).

Условіемъ же (существеннымъ) называется *состояніе, качество или наличность предмета, безъ которыхъ никогда не бываетъ даннаго дѣйствія.*

Таковы тѣ понятія о причинности, которыя уже тысячелѣтія существуютъ у мыслящихъ людей. Какъ мы видѣли, позитивизмъ Милля напрасно старался ихъ отвергнуть.

Скептическихъ взглядовъ на причинность никогда не раздѣляли серіозные ученые естествоиспытатели и даже фи-

[1]) Въ обиходномъ языкѣ подъ „причиной" разумѣютъ не только „дѣйствующую причину", но иногда и ту предшествующую перемѣну, которая повлекла за собой рядъ послѣдующихъ перемѣнъ; таковой, напр., бываетъ и уничтоженіе противодѣйствія, которое тоже называется причиной по отношенію къ послѣдовавшимъ послѣ этого перемѣнамъ; къ этому сводятся „отрицательныя условія" Милля. Въ наукѣ въ этомъ случаѣ слѣдовало бы, во избѣжаніе недоразумѣній, употреблять другой терминъ,—напр. „причиняющее условіе" или „критическая перемѣна".

лософы. И Юму, и Миллю неоднократно дѣлались возраженія. Не такъ давно и нашъ проф. Л. Лопатинъ написалъ капитальное изслѣдованіе о „законѣ причинной связи“, въ которомъ дѣлаетъ серьезныя возраженія и Юму, и Канту, и Миллю; только онъ разсуждаетъ отвлеченно, нигдѣ не анализируя конкретныхъ примѣровъ изъ естествознанія. Тѣмъ не менѣе его возраженія весьма цѣнны для спеціалиста. Отсылая заинтересованныхъ читателей къ подлиннику, я выпишу здѣсь только его возраженія, сдѣланныя Миллю. „Остроумныя и нерѣдко глубокія [sic!] доводы Милля все-таки не освобождаютъ его теоріи отъ ея двухъ главныхъ недостатковъ: 1)... предположеніе о безусловно постоянной послѣдовательности, которая была бы только послѣдовательностью, безъ чего-либо активно связующаго ея звенья, оказывается совершенно невмѣстимымъ, абсолютно невѣроятнымъ, себѣ противорѣчащимъ: отожествлять причинность съ неуклоннымъ слѣдованіемъ, съ этой точки зрѣнія, значитъ обращать ее въ понятіе явно нелѣпое [Маркировка проф. Лопатина]. 2) Обобщеніе вполнѣ достовѣрное Милль замѣняетъ обобщеніемъ, по существу сомнительнымъ. Отвергать всякую внутреннюю связь въ событіяхъ вселенной означаетъ, какъ мы уже видѣли, идти противъ всѣхъ разумныхъ вѣроятностей; напротивъ, для утвержденія, что единообразіе явленій обладаетъ безусловнымъ характеромъ, опытъ даетъ слишкомъ шаткія основанія“ [1]). Таковы возраженія Миллю, сдѣланныя проф. Лопатинымъ. Какъ мы выше убѣдились на собственныхъ примѣрахъ Милля, его доводы даже „не глубоки“.

§ 13. Два вида реальной причинности.

Какъ показали наши изслѣдованія, причину нужно понимать въ смыслѣ „причиненія“ дѣйствія въ реальной дѣйствительности; отъ дѣйствующей причины нужно отличать условія которыя иногда могутъ быть чисто пассивными факторами, а иногда даже „отрицательными“, сводящимися къ отсутствію противодѣйствій. Изъ самаго по-

[1]) *Л. Лопатинъ*, Положит. задачи философіи, ч. II, стр. 144.

нятія причинности нужно исключить логическую условность, которая имѣетъ мѣсто только въ разсужденіяхъ, т. е. въ умѣ познающаго.

Факты реальной причинности распадаются по обнаруживаемымъ дѣйствіямъ на два класса: въ однихъ случаяхъ имѣется на лицо дѣйствіе внѣшней причины, вызывающей въ познающемъ соотвѣтственное воспріятіе, т. е. дѣйствіе причины на познающаго. Такъ напр., ударъ ложечки о стаканъ производитъ на слухъ впечатлѣніе звука. Подобные факты представляютъ собою первичные и болѣе элементарные процессы познанія: зрительныя воспріятія имѣются въ первые дни человѣческой жизни, слуховыя нѣсколько позже; но смыслъ причинной связи не сознается младенцемъ до тѣхъ поръ, пока онъ самъ не производитъ перемѣны во внѣшнемъ мірѣ по своему произволу [1]). Этотъ видъ причинности мы назавемъ *причинностью воспріятій*, въ отличіе отъ другого вида [2]).

Въ другихъ случаяхъ мы имѣемъ дѣйствіе внѣшней причины на другой внѣшній предметъ или же на внѣшнюю среду. Такъ напр., горный потокъ увлекаетъ съ собою камни, молнія разщепляетъ стволъ дерева; а ураганъ срываетъ крыши съ домовъ. Примѣры дѣйствія причины на среду мы имѣемъ въ произведеніи теплоты зажженнымъ костромъ или въ освѣщеніи ночью всего горизонта отъ сверкнувшей молніи. Въ этихъ случаяхъ и причина, и ея дѣйствіе, т. е. произведенное ею измѣненіе, тоже воспринимаются познающими; но сверхъ того, познающій устанавливаетъ между обоими фактами связь причинную, а не простое преемство по времени. И въ этихъ случаяхъ имѣется на лицо причинность воспріятій; но она, для упрощенія разсужденій съ умысломъ исключается: воспріятія отожествляются съ предметами и принимаются за непосредственныя данныя дѣйствительности [3]). Этотъ второй видъ причинно-

[1]) См. гл. VI, §§ 13 и 14, стран. 217—220.

[2]) Нѣкоторые философы отожествляютъ этотъ видъ причинности съ дѣйствіемъ субстанцій на познавательныя способности человѣка. Какъ мы увидимъ, это объясненіе не всегда вѣрно.

[3]) На это произвольное исключеніе субъективныхъ элементовъ въ физикѣ, ради упрощенія разсужденій, указывалъ еще Герб. Спенсеръ, въ своей Психологіи, если мнѣ не измѣняетъ память. Но этотъ фактъ упускается изъ виду и позитивистами, и матеріалистами.

сти мы назовемъ *физической причинностью.* Ею исключительно занимаются науки о безжизненной матеріи и физическихъ тѣлахъ—общая физика и ея развѣтвленія: механика, химія, астрономія.

Причинность воспріятій исключается изъ разсужденій не только физиками и естествоиспытателями, разсматривающими однѣ только физическія силы; она вообще обыкновенно ускользаетъ изъ сознанія: воспріятія человѣка отожествляются съ предметами воспріятій. Объясняется этотъ фактъ общимъ закономъ психич. дѣятельности, которая стремится къ упрощеніямъ уже въ силу узости сознанія. Поэтому, вѣроятно, все обычное и привычное совершается очень легко и быстро, и переходитъ въ состояніе безсознательное: въ привычныхъ рядахъ ассоціацій обыкновенно сознаются только первый и послѣдніе элементы ряда; въ привычныхъ дѣйствіяхъ сознается только первый волевой импульсъ и цѣль дѣйствія, а остальное совершается безсознательно [1]). Если принять во вниманіе, что каждый изъ насъ ежеминутно и ежесекундно получаетъ внѣшнія воспріятія: то становится понятнымъ, почему въ нихъ сознается только конецъ всего процесса. При зрительныхъ воспріятіяхъ очень знакомыхъ предметовъ никто не думаетъ о всѣхъ условіяхъ зрѣнія—субъективныхъ и объективныхъ, и о всѣхъ промежуточныхъ и побочныхъ элементахъ, сопровождающихъ зрительное воспріятіе: обыкновенно останавливаются (если это интересно и важно) только на окончательномъ результатѣ, не замѣчая остального. Въ подобныхъ случаяхъ мы не замѣчаемъ своего „Я“: мы даже не говоримъ и не мыслимъ про себя: я вижу свой столъ, я вижу свое пальто, свою шляпу. Если нужно отмѣтить нашу мысль, то это дѣлается въ такой формѣ: „—моя шляпа“ или „вотъ, моя шляпа“. Въ такихъ случаяхъ отожествляется зрительное впечатлѣніе съ самимъ предметомъ, а процессъ зрѣнія пропускается, хотя всякій знаетъ, что безъ зрѣнія онъ не узналъ бы своей шляпы.

Въ исключительныхъ случаяхъ, при затрудненной апперцепціи мало знакомаго предмета мы сознаемъ и свое

[1]) См. *И. С. Проданъ,* Практич. рук. по психологіи, гл. XII, стран. 70—75.

зрѣніе, какъ особый актъ сознанія, и отличаемъ отъ зрительнаго воспріятія самую вещь, вызвавшую воспріятіе [1]). Подобные факты доказываютъ, что и обыкновенные люди, а не только философы, могутъ отличать и отличаютъ, если это нужно, свое воспріятіе отъ вещи, которою оно вызвано. Слѣдовательно „наивный реализмъ" не такъ наивенъ, какъ думаютъ нѣкоторые философы.

§ 14. Познаніе причинъ и субстанцій невозможно a priori, безъ изученія фактовъ.

Изъ предыдущаго мы могли убѣдиться, что не только обычный здравый смыслъ, но и ученые естествоиспытатели, даже при изслѣдованіи явленій чисто физическихъ, отличаютъ дѣйствующую причину отъ условій, и что безъ этого различія обойтись невозможно: самъ Милль, какъ мы видѣли, не выдерживаетъ своей точки зрѣнія даже въ той же главѣ, въ которой онъ возстаетъ противъ обычнаго употребленія слова „причина"—въ смыслѣ „причиненія" чего-то, т. е. произведеніе дѣствія. Слѣдовательно причина никоимъ образомъ не можетъ быть истолкована въ смыслѣ Юма,—какъ простое, но обычное предшествованіе во времени.

Еще менѣе основаній имѣется истолковывать причину въ смыслѣ Канта, какъ чисто субъективную апріорную форму познанія, какъ кантовскую категорію, которой нѣтъ соотвѣтствія въ реальномъ мірѣ „вещей въ себѣ". Если бы причинность была чисто субъективнымъ произведеніемъ человѣческаго ума, т. е. Кантовой категоріей: то она всегда и у всѣхъ людей обнаруживалась бы одинаково. Тогда не могло бы быть разногласій и споровъ относ. причинъ явленій. Между тѣмъ мы видѣли, что въ сложныхъ случаяхъ причинной связи ошибаются не только обыкновенные смертные, но даже великіе мыслители, въ родѣ Дж. Ст. Милля. Иныхъ причинъ человѣчество доискивается тысячелѣтія и не можетъ ихъ съ увѣренностью опредѣлить. Это мы

[1]) См. VII гл. § 8, стран. 249 „примѣръ" „что это бѣлѣетъ подъ осиной?"

имѣемъ не только въ области метафизики и основныхъ началъ мірозданія, но даже въ обычныхъ явленіяхъ физическихъ. Кто знаетъ настоящую причину тяжести, теплоты, электрическихъ явленій, свѣта и цвѣта? На эти вопросы даже физики отвѣчаютъ гадательными теоріями, которыя за послѣднее десятилѣтіе сильно пошатнулись съ открытіемъ радіактивности, распаденія атомовъ и превращенія однихъ элементовъ въ другіе [1]).

Всѣхъ подобныхъ разногласій не могло бы быть, еслибы причинность была исключительнымъ плодомъ человѣческаго духа, какъ то думаютъ кантіанцы. Очевидно, не духъ человѣческій создаетъ законы и причинность; очевидно, таковые существуютъ въ реальномъ мірѣ, въ самой природѣ; а духъ человѣческій стремится ихъ познать. Конечно, это познаніе не такъ легко дается относительно скрытыхъ причинъ: поэтому происходятъ догадки, ошибки, разногласія.

Впрочемъ, Кантъ и не доказалъ, что человѣческій духъ во всѣхъ особяхъ одинаково проявляется, и не выставилъ даже подобнаго постулата. Душа, и по Канту, относится къ „вещамъ въ себѣ"; а таковыя, по его утвержденію, сотню разъ повторяемому, не познаваемы. Откуда же Кантъ могъ получить свои обобщенія на всѣхъ людей? На какомъ основаніи онъ могъ утверждать апріорность причинности, т. е. какъ форму познанія, присущую всѣмъ людямъ или вообще человѣческому духу? Кантъ не проанализировалъ даже свой личный опытъ. Въ противномъ случаѣ, онъ убѣдился бы, что и онъ самъ не всегда одинаково понималъ причинную связь между явленіями, хотя его душа, его „трансцендентальное единство апперцепціи" за всю его жизнь оставались тѣми же. Слѣдовательно и его собственное пониманіе причинности зависѣло не только отъ его души и „трансцендентальнаго единства апперцепціи", но и отъ чего-то, что находится внѣ познающаго и не отъ него зависитъ. Чтобы признать причинную связь между явленіями и субстанціями, нужно тщательно изучать объективные факты.

Еще менѣе основательно мнѣніе Канта и кантіанцевъ,

[1]) Надъ средневѣковыми алхимиками еще и теперь насмѣхаются популяризаторы физики; между тѣмъ оказывается, что стремленія алхиміи въ своей цѣли вовсе не были такъ нелѣпы.

будто и понятіе „субстанція“ принадлежитъ къ категоріямъ Канта, т. е. къ чисто субъективнымъ понятіямъ. Понятіе субстанціи, какъ мы увидимъ въ слѣдущей главѣ, еще сложнѣе понятія причинности. Въ понятіе субстанціи входятъ понятія: 1) дѣйствующей причины, 2) устойчиваго носителя этой причины. Если первая составная часть понятія субстанціи, какъ мы видѣли, не можетъ быть пріобрѣтена безъ соотвѣтственнаго опыта: то тоже должно имѣть мѣсто и въ отношеніи цѣлаго понятія „субстанція“. Болѣе сложное понятіе пріобрѣтается нами послѣ усвоенія его составныхъ частей.

§ 15. Причины обыкновенно познаются на основаніи ихъ дѣйствій.

Прежде чѣмъ окончить настоящую главу, мы должны опровергнуть существующее у всѣхъ современныхъ авторовъ логикъ, ошибочное мнѣніе, будто невозможно правильное умозаключеніе отъ наличности опредѣленнаго дѣйствія къ причинѣ, вызвавшей его, равно какъ невозможно умозаключеніе отъ обусловливаемаго (аподозиса) къ условію [1]). Мотивируется это мнѣніе тѣмъ, что то же дѣйствіе (или слѣдствіе) можетъ быть вызвано различными причинами (или условіями). Такъ, напримѣръ, теплота можетъ быть вызвана или треніемъ, или давленіемъ, или огнемъ (т. е. химическимъ процессомъ), или электрическимъ токомъ, или солнечнымъ свѣтомъ. Слѣдовательно при наличности нагрѣванія тѣла (т. е. теплоты) нельзя знать положительно, какой причиной эта теплота вызвана. Въ данномъ случаѣ, дѣйствительно, невозможно одно категорическое умозаключеніе относительно причины теплоты. Тутъ заключеніе возможно только въ формѣ дисъюнктивнаго сужденія: причиной теплоты въ данномъ случаѣ могло быть или треніе, или давленіе, или... Однако въ природѣ подобныхъ примѣровъ имѣется весьма мало; въ подавляющемъ большин-

[1]) Въ логикахъ до сихъ поръ не различается реальная причинность отъ логической обусловленности въ такъ называемыхъ гипотетическихъ умозаключеніяхъ.

ствѣ случаевъ опредѣленное явленіе производится своей опредѣленной причиной, а именно: явленіе *А*—причиной α; явленіе *В*—причиной β; явленіе *Г*—причиной γ. Въ такихъ случаяхъ заключеніе отъ наличности явленія (т. е. дѣйствія) къ причинѣ (т. е. силѣ или субстанціи) будетъ вполнѣ правильно [1]). Такъ какъ эти случаи значительно преобладаютъ надъ тѣми, когда опредѣленное заключеніе невозможно: то въ практической жизни всѣ люди, не исключая и самыхъ крайнихъ скептиковъ, почти всегда заключаютъ отъ наличности дѣйствія къ его причинѣ. Дѣло въ томъ, что въ практической жизни лучше разъ ошибиться на тысячу случаевъ, чѣмъ тысячу разъ воздержаться отъ всякаго умозаключенія о причинѣ и остаться бездѣятельнымъ. Если же мы станемъ дѣйствовать на удачу, то мы ошибемся на тысячу случаевъ по крайней мѣрѣ 500 разъ. Вѣроятно по этому люди со здравымъ смысломъ не слушаются схемъ учебниковъ логикъ, а придерживаются врожденной имъ логики, которая существовала „прежде всѣхъ вѣкъ".

Такъ напримѣръ, каждому изъ насъ приходится слышать стукъ шаговъ въ передней или сосѣдней комнатѣ; однако мы не останавливаемся на звуковыхъ ощущеніяхъ, а сейчасъ же заключаемъ, что стукъ вызванъ шагами человѣка, и притомъ опредѣленнаго лица изъ числа домашнихъ, а не кого-нибудь другого. Если мы среди ночной темноты видимъ быстро поднимающійся вверхъ огненный столбъ, то мы тотчасъ же заключаемъ, что кто-то пустилъ ракету; а ребенокъ, не знающій причины этого явленія, спроситъ: „что это?" Далѣе, если намъ подадутъ слишкомъ сладкій чай, то отвѣдавъ его, мы тотчасъ же заключаемъ, что чрезмѣрная сладость чая обусловлена излишнимъ количествомъ сахара, а не сахариномъ. Мы ежедневно, ежечасно

[1]) См. *И. С. Продан*, „Новая логика" Критическое изслѣдованіе. Харьковъ, 1911 г., глава VIII, §§ 7—16, стран. 158—168. „Возможность" умозаключенія отъ слѣдствія къ основанію утверждалъ одинъ только Владиславлевъ въ своей большой логикѣ; но онъ не сумѣлъ доказать, когда и почему подобныя умозаключенія „возможны"; а что они бываютъ обязательны и даже необходимы, этого Владиславлевъ, повидимому, и не предполагалъ. (Ср. въ цитир. соч., стран. 161).

и ежеминутно умозаключаемъ отъ дѣйствія къ причинѣ: но мы къ этому до того привыкли, что не обращаемъ вниманія на эти умозаключенія—они совершаются мгновенно и почти безсознательно.

Возьмемъ примѣръ другого рода, изъ необычной обстановки. Каждому изъ насъ приходилось ѣздить въ незнакомыя мѣста, въ которыхъ мы впервые видѣли разные незнакомые намъ предметы: поля, луга, лѣса, горы, рѣки, постройки, дома. Видѣнное нами мы не считали за картины на полотнѣ или за разноцвѣтныя пятна на оконномъ стеклѣ—мы не останавливались па однѣхъ ощущеніяхъ цвѣтовъ: видѣнное мы считали новымъ пейзажемъ, т. е. совокупностью реальныхъ вещей, которыя обладаютъ плотностью, протяженіемъ, формой и другими качествами физическихъ тѣлъ. Слѣдовательно и въ данномъ случаѣ мы заключаемъ отъ дѣйствія на наше зрѣніе, т. е. отъ цвѣтныхъ пятенъ къ причинѣ, вызвавшей ихъ, т. е къ плотнымъ вещамъ, имѣющимъ свой цвѣтъ при опредѣленномъ освѣщеніи. Этихъ вещей мы раньше никогда не видѣли; но мы видѣли подобныя имъ вещи, которыя при солнечномъ свѣтѣ имѣли тоже свой опредѣленный цвѣтъ, форму, величину.

Отъ дѣйствія къ причинѣ заключаютъ не только всѣ люди, но *даже животныя.* Такъ напр., лягавая собака по слѣдамъ, оставленнымъ болотнымъ куликомъ, разыскиваетъ того кулика, котораго никогда не видала. Всѣ хищные звѣри по слѣдамъ разыскиваютъ свою добычу, которую раньше и не видали.

А что скажетъ запоздалый скептикъ 20-го вѣка относ. признаковъ одушевленности? Развѣ онъ видѣлъ когда-нибудь душу чужую или даже свою? Развѣ онъ видѣлъ чужую радость, чужое горе, чужой гнѣвъ? Никто не видитъ этихъ чувствъ, о нихъ мы догадываемся на основаніи своего опыта и прирожденной намъ душевной организаціи, а равно и на основаніи разныхъ проявленій душевной жизни у другихъ. Отъ этихъ явленій мы заключаемъ къ причинѣ, ихъ вызвавшей, а именно: видя проявленія, чувства (мимику, тѣлодвиженія и т. п.) мы инстинктивно (въ силу прирожденной подражательности) умозаключаемъ, что видимое живое существо въ данный моментъ испытываетъ опредѣленное чувство, знакомое намъ

изъ нашего внутренняго опыта [1]). Слѣдовательно безъ подобныхъ умозаключенiй отъ дѣйствiя къ причинѣ было бы невозможно познанiе другихъ живыхъ существъ; да и познанiе неодушевленной природы было бы крайне скудно. Дѣло въ томъ, что причины, вызывающiя опредѣленныя дѣйствiя, крайне рѣдко даны намъ непосредственно, т. е. нашему чувственному воспрiятiю; обыкновенно онѣ скрыты—въ предполагаемыхъ силахъ и субстанцiяхъ.

§ 16. Единообразiе въ природѣ и основанныя на немъ гносическiя понятiя.

Стремленiе находить причинную связь (между явленiями, субстанцiями и силами) прирождено человѣку; но самое понятiе причинности, какъ мы видѣли, прiобрѣтается при содѣйствiи опыта индивидуальнаго и унаслѣдованнаго. Это понятiе далеко не всѣми философами понимается одинаково: слѣдовательно оно подлежитъ еще эволюцiи. Самое распространiе причинности (или неизмѣннаго единообразiя) на **всѣ** явленiя тоже признается не всѣми философами. Тѣмъ не менѣе въ наукахъ о физическихъ объектахъ и явленiяхъ природы твердо установился взглядъ о **неизмѣнномъ порядкѣ въ явленiяхъ природы**: безъ подобнаго предположенiя или постулата самая наука о природѣ была бы очень сомнительной и не могла бы выйти за предѣлы описательной науки. Нѣкоторое единообразiе въ природѣ, а равно и въ нашемъ мышленiи и въ устройствѣ человѣческой души молчаливо предполагается каждымъ знанiемъ и каждымъ познающимъ. Наша вѣра въ единообразiе природы и мышленiя прирождена намъ; но она ежечасно и ежеминутно подкрѣпляется нашимъ опытомъ, нашими познанiями, нашими дѣйствiями. Въ особенности убѣдительны въ этомъ отношенiи удачныя предсказанiя будущихъ событiй. Таковыя дѣлаются не только учеными астрономами, но и обыкновенными людьми. Смѣна дня и ночи,

[1]) См. гл. VI § 7 наст. изслѣд., а также мое „Практич. рук. по психол." гл. XXIX, стран. 182—185 и гл. XXX, стр. 189—191.

смѣна фазъ луны, смѣна временъ года, передвиженіе на горизонтѣ небесныхъ свѣтилъ извѣстны даже безграмотнымъ простолюдинамъ. Ученые же астрономы, сверхъ этого, въ точности предсказываютъ время наступленія затмѣній луны и солнца, появленія планетъ и кометъ. Врачи предсказываютъ ходъ и исходъ разныхъ болѣзней, а равно и физіологическія измѣненія въ зависимости отъ разныхъ лѣкарствъ, манипуляцій и операцій. Механикъ предвидитъ дѣйствія разныхъ машинъ; а химикъ—разныя реакціи и новообразованія. Даже и въ гуманитарныхъ наукахъ и основанной на нихъ дѣятельности до извѣстной степени возможно предсказаніе будущихъ событій, напр., въ педагогикѣ и въ политикѣ. Подобныя предсказанія оправдываются на дѣлѣ только потому, что во всѣхъ подобныхъ случаяхъ существуетъ единообразіе и въ природѣ, и въ познаніи ея. Не будь этого единообразія, нельзя было бы ожидать и тѣмъ менѣе предвидѣть повтореніе подобнаго явленія при подобныхъ же условіяхъ и причинѣ. Такъ какъ на самомъ дѣлѣ мы постоянно предвидимъ будущія перемены, и въ этомъ не *ошибаемся*; то мы вполнѣ правильно умозаключаемъ, что *въ природѣ и въ нашемъ познаніи существуетъ опредѣленное единообразіе*. И въ этомъ случаѣ мы тоже вполнѣ правильно заключаемъ отъ дѣйствія (=эффекта) къ его причинѣ или необходимому условію, т. е. отъ оправдавшагося предсказанія къ единообразію въ природѣ и въ нашемъ познаніи.

При наличности вѣры въ единообразіе природы (и познанія) наступленіе опредѣленнаго явленія кажется *необходимымъ*: такъ же необходимымъ намъ кажется правильное умозаключеніе силлогизма, полученное изъ двухъ посылокъ.

Убѣжденіе въ „необходимости“ наступленія опредѣленнаго событія не оправдывается его частотой повторенія, т. е. силой привычки, какъ это предполагалъ Юмъ: оно можетъ быть оправдано только подведеніемъ событія подъ общій законъ, въ существованіи котораго мы увѣрены. Такъ напр., наблюдая двадцать разъ смѣну временъ года, я въ силу прежнихъ двадцати повтореній временъ года, буду на 21-мъ году ихъ тоже ожидать; но мой опытъ отнюдь не доказываетъ необходимости повторенія этихъ смѣнъ и въ 21-й разъ. Если же я знаю, что времена года зави-

сятъ отъ неизмѣннаго закона природы—отъ движенія земли вокругъ солнца по эклиптикѣ и отъ наклона земной оси къ ея эклиптикѣ: то тогда смѣну временъ года я считаю *необходимымъ явленіемъ* [1]).

Наоборотъ, всякое совпаденіе по времени и мѣсту двухъ фактовъ или явленій, которыя не связаны между собою непосредственной причинной зависимостью, считается *случайнымъ*. Такъ, напр., одновременное появленіе на небѣ кометы и возникновеніе кровопролитной войны только суевѣрные люди поставятъ въ причинную связь. Но нападеніе на непріятеля и завязка сраженія неоднократно находились въ зависимости отъ фазы луны, какъ это намъ извѣстно изъ исторіи.

Такимъ образомъ опредѣленіе „необходимости" зависитъ отъ весьма сложныхъ, соображеній и знаній: этотъ признакъ отнюдь не дается намъ a priori, независимо отъ нашихъ знаній и опыта, какъ это ошибочно думалъ Кантъ. А если его познаніе зависитъ отъ нашего опыта, то очевидно, что ему нѣчто соотвѣтствуетъ и въ объективной природѣ, а именно—з а к о н ъ п р и ч и н н о с т и. Таковой реально существуетъ въ самой природѣ, а не есть одинъ лишь вымыселъ нашего духа, чисто субъективное его творчество, какъ это ошибочно предполагалъ Кантъ. Поэтому „*необходимость*", поскольку она основана на неизмѣнномъ законѣ причинности, *существуетъ и въ объективномъ мірѣ*, въ самой природѣ. Такъ напр., наступленіе на землѣ весенняго равноденствія н е о б х о д и м о въ силу наклона земной оси къ эклиптикѣ и удержанія этого наклона въ опредѣленный періодъ времени при движеніи земли вокругъ солнца [2]). Но появленіе весною растительности на поверхности земли не необходимо, если имѣть въ виду только физическія свойства земли. Если, напр., данная мѣстность будетъ залита лавою; то на ней долго можетъ не появляться растительность, пока вновь не установятся благопріятныя для нея условія. Наоборотъ, опытный садовникъ и безъ весны можетъ въ декабрѣ выгонять и ландышъ, и сирень, и даже розы. Почему? Потому, что

[1]) См.: *И. С. Проданъ*, Учебникъ логики 2 изд. § 49 стр. 140—141.
[2]) Ср. III гл. §§ 5 и 6 наст. изслѣд. стр. 73—77.

въ его рукахъ имѣются сѣмена и ростки съ зародышами будущихъ цвѣтовъ и плодовъ. Они-то и составляютъ дѣйствующую причину произбанія и развитія растеній; а необходимыя для этого условія садовникъ можетъ создать искусственно. Въ сѣменахъ и росткахъ находятся скрытыя силы (монады), которыя при благопріятныхъ условіяхъ проявляютъ свою дѣятельность.

Но эти силы, очевидно, существуютъ, хотя и скрыто, и до обнаруженія ихъ дѣятельности. Въ этомъ смыслѣ *возможность* проявленія роста существуетъ и реально въ зародышахъ [1]).

Большей частью слово „возможность" имѣетъ чисто субъективное значеніе модальности: оно обозначаетъ наше недостовѣрное знаніе, когда у насъ нѣтъ увѣренности въ наступленіи опредѣленнаго факта. Такъ, напр., если я говорю: „быть можетъ, сегодня будетъ дождь"; то это значитъ, что имѣются только нѣкоторые признаки, обусловливающіе дождь, но не самые надежные. Еслибы мнѣ таковые были извѣстны, то я съ увѣренностью сказалъ бы: „сегодня непремѣнно будетъ дождь [2]).

[1]) См. III гл. § 6 стр. 77, 2-ое подстрочное примѣчаніе.
[2]) См. III гл. § 5 наст. изслѣд.

IX гл. ПОЗНАНІЕ ФИЗИЧЕСКИХЪ ПРЕДМЕТОВЪ.

§ 1. Познаемъ ли мы вещи или только свои переживанія сознанія?

Въ предыдущей главѣ мы разобрали истинный смыслъ понятій „причина", „дѣйствіе" и „условіе", которыя входятъ въ общее понятіе реальной причинности, какъ соотносительныя понятія. Реальную причинность мы выдѣлили отъ логической обусловленности и отмѣтили въ причинности второе основное условіе познанія природы. Затѣмъ мы отмѣтили фактъ познанія причинъ (а равно и субстанцій, силъ) на основаніи ихъ дѣйствій, вопреки ученію логикъ о гипотетическихъ умозаключеніяхъ. Но самыя умозаключенія отъ дѣйствій къ причинамъ возможны только при наличности единообразія въ природѣ. Это единообразіе есть необходимый постулатъ всякаго знанія: онъ ежеминутно подтверждается и индивидуальнымъ и общечеловѣческимъ опытомъ. Онъ не входитъ въ понятіе причинности, какъ признакъ ея, а обусловленъ вѣрой и постулатомъ нѣкотораго постоянства и въ природѣ, и въ познающихъ существахъ: слѣдовательно это *единообразіе вытекаетъ изъ понятія тожества*, которое имѣется не только въ вещахъ и субстанціяхъ, но и въ самомъ порядкѣ перемѣнъ и явленій—и не только въ природѣ, но и въ сознаніи познающаго [1]. Этотъ порядокъ, поскольку онъ познается нами, называется законами природы и законами человѣческаго духа; къ послѣднимъ относятся и нормы логики, этики и даже эстетики.

[1]) См. VII гл. § 5 и VI гл. §§ 11—13.

Разобравъ орудія мышленія и познанія съ ихъ составными частями, раскрывъ затѣмъ источники элементовъ познанія и самыя основныя условія всякаго познанія,—мы можемъ приступить къ самымъ предметамъ, познаваемымъ нами.

Прежде всего подлежитъ обсужденію вопросъ, созданный новой философіей: что мы познаемъ? Имѣетъ ли наше познаніе дѣло съ чѣмъ-то, находящимся внѣ сознанія познающаго, съ предметами „трансцендентными", или оно занимается только явленіями сознанія—представленіями, понятіями, идеями, т. е. предметами „имманентными" сознанію. Обыкновенно ограничиваются только этими двумя вопросами, забывая, что познаніе можетъ относиться и къ тѣмъ и къ другимъ предметамъ.

Изъ предыдущихъ нашихъ анализовъ сужденія мы убѣдились, что каждое слово опредѣленнаго языка можетъ сдѣлаться подлежащимъ предложенія, слѣдовательно можетъ превратиться въ имя существительное [2]). Этотъ фактъ грамматики доказываетъ, что и каждое понятіе, обозначаемое словомъ, можетъ сдѣлаться субъектомъ (даннымъ) сужденія. То же можно утверждать и о каждомъ чисто субъективномъ переживаніи, которое еще не обратилось въ понятіе и еще не имѣетъ своего наименованія [3]). А если это такъ, то и каждое переживаніе въ послѣдующіе моменты можетъ сдѣлаться объектомъ познанія. А такъ какъ многія переживанія принадлежатъ только одному сознанію, то они, несомнѣнно, *имманентны* сознанію, и вовсе не относятся къ чему-нибудь, находящемуся внѣ этого сознанія, или внѣ человѣческой души, которая все же находится въ опредѣленномъ тѣлѣ.

Такъ, напр., если я, защищая правду и справедливость передъ лицами, которыя я уважаю, у нихъ же потерплю неудачу: то я испытаю нѣкоторое чувство, которому не найду названія, если его испытываю впервые. Однако это чувство не

[1]) См. V гл. §§ 10 и 11; II гл. §§ 1—5 и §§ 11 и 12.

[2]) Если данное впечатлѣніе или чувство совсѣмъ ново, то переживающій ихъ не можетъ назвать ихъ опредѣленнымъ словомъ. Онъ будетъ ихъ сравнивать съ подобными имъ переживаніями своего прежняго опыта; но пока онъ ихъ сумѣетъ апперципировать, онъ ихъ обозначаетъ неопредѣленно,—мѣстоименіемъ „это". Такъ поступаютъ не только дѣти, но и взрослые.

пропадетъ безслѣдно: оно будетъ повторяться,—на первыхъ порахъ довольно часто, даже независимо отъ ассоціаціи съ предшествовавшими ему обстоятельствами. Я стану о немъ разсуждать, я стану по сходству изъ моего прежняго опыта подбирать ему выраженія: „это тяжело, это возмутительно". Когда же подобныя переживанія у меня повторятся десятокъ разъ: то я замѣчу, что то же чувство, вызванное въ десятый разъ, не обладаетъ такой силой и остротой. Я скажу, переживая его: „это печально; это достойно сожалѣнія". Слѣдовательно содержаніе чувства, пережитаго мною, становится объектомъ моего познанія. Этотъ объектъ, очевидно, существуетъ только въ моей *душѣ*, порой онъ дѣлается сознательнымъ: однако внѣ души этотъ объектъ не существуетъ. По аналогіи съ собой я предполагаю возможность подобнаго чувства и у другихъ людей; но ихъ чувствъ никто не переживаетъ, хотя въ силу подражанія можетъ ими заражаться. Каждое отдѣльное переживаніе этого чувства принадлежитъ только одному субъекту, одному сознанію. Слѣдовательно подобный предметъ познанія „имманентный" сознанію. По терминологіи Локка, чувство принадлежитъ ко „внутреннему опыту", или къ „рефлексіи". Эту истину знаютъ и обыкновенные смертные, хотя и не отдаютъ себѣ вполнѣ яснаго отчета. Однако изъ этого и подобныхъ фактовъ дѣлать обобщеніе, будто всѣ предметы познанія „имманентны" сознанію, т. е. находятся только въ сознаніи, есть большое заблужденіе. Къ счастью, оно не раздѣляется обычнымъ здравымъ смысломъ и большинствомъ философовъ.

§ 2. Воспріятія и образы воображенія и памяти.

Предположимъ, я нахожусь въ совершенно незнакомой мѣстности. Я впервые вижу причудливый ломанный контуръ ледниковъ и снѣжныхъ горъ, играющихъ разными свѣтовыми эффектами при вынырнувшемъ изъ-за тучъ солнцѣ. Передъ ними я вижу цѣпи дальнихъ синеватыхъ туманныхъ горъ, и болѣе близкія горы, на которыхъ различаю разные цвѣта—скалы, стремнины, лѣса; я вижу съ вершины, на которой нахожусь, и свою гору съ ея склонами, тропинками,

дорогой; на дорогѣ—медленно бредущихъ коровъ и овецъ. Всѣ эти предметы я вижу впервые; но я ихъ признаю за опредѣленные предметы, потому что подобные предметы я видѣлъ или въ дѣйствительности, или на картинахъ. Но всѣ видѣнные предметы я не считаю одними зрительными образами, сновидѣніемъ или панорамой, искусственно устроенной. Видѣнные предметы я считаю дѣйствительными реальными вещами; я увѣренъ, что если бы я могъ до нихъ добраться, то онѣ оказались бы плотными, т. е. сопротивляющимися проникновенію въ нихъ; я увѣренъ, что эти вещи обладаютъ и всѣми остальными свойствами физическихъ тѣлъ. У меня ни на секунду не было колебанія, что я имѣю дѣло съ дѣйствительными вещами, а не только съ плодомъ моего воображенія. То же случилось бы и съ каждымъ нормальнымъ человѣкомъ. Открывая свои глаза, каждый сразу видитъ множество окружающихъ его вещей, знакомыхъ или незнакомыхъ. Изъ тысячи человѣкъ едва одинъ испытывалъ когда-нибудь колебаніе относ. дѣйствительности видѣннаго и убѣжденіе, что видѣнное было привидѣніемъ, а не дѣйствительностью. *Зрѣніе непосредственно внушаетъ намъ вѣру въ реальность видимаго и чрезвычайно рѣдко насъ обманываетъ.* Зато мы ежедневно испытываемъ обманы со стороны нашего воображенія: во время сновидѣній мы зрительные образы, которые не вызваны чувственными впечатлѣніями, принимаемъ за дѣйствительность. Но проснувшись, мы эти образы или мгновенно забываемъ, или же признаемъ за сновидѣніе, т. е. за нѣчто воображаемое, а не дѣйствительное. Мало того, мы сознаемъ что наше сновидѣніе въ своемъ цѣломъ составѣ никогда не было дѣйствительностью. Отдѣльныя лица, предметы и даже окружающая обстановка могли быть намъ знакомыми; но цѣлое сновидѣніе никогда не принадлежало дѣйствительности. Сочетаніе образовъ сновидѣнія мы приписываемъ *воображенію.*

Но иногда мы и на яву можемъ имѣть образъ прошлаго впечатлѣнія, довольно отчетливый и даже по яркости равный образу сновидѣнія; но этотъ образъ сопровождается нашей вѣрой, что онъ принадлежитъ къ нашимъ прошлымъ переживаніямъ дѣйствительности, и что то, что связано со всплывшимъ образомъ, было на дѣлѣ. Тогда

мы говоримъ о *воспоминаніи* былого, и тотъ же образъ приписываемъ другой нашей душевной способности, а именно *памяти.* Въ такомъ случаѣ мы его воспроизводимъ съ узнаваніемъ прошлаго и тѣхъ обстоятельствъ, которыя его сопровождали. Мы сознаемъ, что все это когда-то было дѣйствительностью.

Вѣрно замѣтилъ еще Ридъ, что каждый нормальный человѣкъ отличаетъ воспріятіе дѣйствительности отъ его воспоминанія и отъ соотвѣтственнаго образа воображенія. Если же у кого-нибудь произойдетъ смѣшеніе ихъ, то такового признаютъ за помѣшаннаго и запираютъ въ сумашедшій домъ [1]). Только нѣкоторымъ изъ новѣйшихъ философовъ позволительно (и то только въ ихъ сочиненіяхъ) смѣшивать эти три вида переживаній.

§ 3. Вещи не познаются одними чувствами.

Ошибка смѣшенія „впечатлѣній“ съ реальными вещами беретъ свое начало еще съ Юма. Онъ не провелъ достаточно глубокаго анализа „впечатлѣній“, считая ихъ исключительнымъ дѣломъ органовъ чувствъ: онъ впалъ въ ту же ошибку, что и всѣ сенсуалисты до него, начиная съ Аристиппа, и послѣ него, начиная съ Кондильяка и кончая Чолбе, Авенаріусомъ, Махомъ. Мы прежде всего остановимся на этомъ заблужденіи, а впослѣдствіи раскроемъ и другія.

Въ приведенномъ примѣрѣ предыдущаго параграфа мы видимъ, что зритель, находящійся въ незнакомой мѣстности, „видитъ множество (реальныхъ) предметовъ“, которыхъ раньше не видалъ. Обычное сознаніе въ данномъ случаѣ не даетъ себѣ отчета въ процессѣ воспріятія вещей; обыкновенно истолковываютъ эти „впечатлѣнія“ такъ же, какъ и сенсуалисты, т. е. что во внѣшнемъ мірѣ существуютъ эти предметы, и что они производятъ впечатлѣніе на зрѣніе

[1]) Наличность галлюцинацій еще не составляетъ признака ненормальности душевной жизни, пока онѣ не принимаются за дѣйствительность. Во время сновидѣній всѣ люди галлюцинируютъ; а многіе геніальные люди имѣютъ ежедневно псевдогаллюцинаціи зрѣнія или слуха и во время бодрствованія.

человѣка; а онъ воспринимаетъ ихъ „зрѣніемъ“. На самомъ дѣлѣ, не трудно убѣдиться, что одно зрѣніе, само по себѣ, не можетъ дать впечатлѣнія „предмета“ или „вещи“; оно не можетъ дать даже представленія чего-то плотнаго и непроницаемаго. Однако видѣнныя горы я считаю не только матеріальными, но и твердыми предметами, хотя я до нихъ никогда не прикасался; видимыя горы я считаю отдаленными предметами (хотя вслѣдствіе чистоты горнаго воздуха я ихъ разстояніе значительно умаляю—иногда и въ десять разъ) Опредѣленію разстоянія видимаго отъ видящаго, какъ было изложено раньше, мы учимся продолжительнымъ опытомъ, и часто ошибаемся въ этомъ даже до глубокой старости. Но въ данномъ случаѣ не можетъ быть рѣчи о частномъ и опредѣленномъ опытѣ, такъ какъ эти горы и вообще горы я вижу впервые. Что же касается моей увѣренности, что горы, видимыя мною впервые, тверды; то она еще менѣе можетъ быть объяснена моимъ личнымъ опытомъ: я никогда не былъ въ горахъ и не чувствовалъ ихъ твердости. Правда, я слышалъ и читалъ о горахъ, какъ о возвышенностяхъ земной поверхности; но въ этомъ скрывается чужой опытъ, а не мой. Впрочемъ, и общечеловѣческій чувственный опытъ не распространяется на тѣ ледники, которыхъ не топтала еще ни одна человѣческая нога.

Наконецъ, самое понятіе о „предметѣ“ и „вещи“ не дано чувственнымъ впечатлѣніемъ: дѣти его долго не знаютъ и послѣ того, какъ уже владѣютъ рѣчью. Я этимъ не хочу сказать, чтобы четырехлѣтній ребенокъ не могъ сказать или даже употребить слово „вещь“; но несомнѣнно, онъ не можетъ имѣть общаго понятія о „вещи“: таковое постепенно развивается и различно понимается и опредѣляется даже философами. Такъ, напримѣръ, мнѣ непонятно, почему такую то часть горной цѣпи считаютъ одной горой съ двумя вершинами, а не двумя горами; ни мнѣ, ни моему проводнику-горцу неизвѣстно, гдѣ кончается одна гора, а гдѣ начинается смежная съ нею другая.

Какъ бы то ни было, взрослый человѣкъ въ истолкованіе новыхъ впечатлѣній отъ внѣшнихъ вещей *привноситъ множество элементовъ изъ своего личнаго опыта.* У ребенка тѣ же впечатлѣнія, несомнѣнно, будутъ истолкованы нѣсколько иначе. У него очень часто сплошное будетъ

приниматься за одну вещь, тогда какъ оно состоитъ изъ нѣсколькихъ. Такъ-же и индѣйцы, впервые увидѣвшіе у европейцевъ всадниковъ на лошадяхъ, принимали ихъ за двуголовыхъ животныхъ; а потомъ не мало были удивлены, когда это „двуголовое" раздѣлялось на два живыхъ существа—на четвероногое и двуногое. Какъ извѣстно, апперцепція того же впечатлѣнія бываетъ различной соотвѣтственно личному опыту человѣка. Но изъ этого отнюдь не слѣдуетъ, что въ познаваемомъ объектѣ и въ познающихъ людяхъ отсутствуетъ нѣчто общее, нѣчто устойчивое, что обусловливаетъ объективное, общеобязательное познаніе.

§ 4. Что такое вещь?

Понятіе „вещи" по объему у́же, чѣмъ понятіе „предметъ". Какъ было сказано выше, предметомъ познанія можетъ быть каждое переживаніе, между тѣмъ какъ „вещи", по обычному пониманію и убѣжденію, существуютъ только во внѣшнемъ мірѣ; и притомъ не всѣ предметы внѣшняго міра обозначаются словомъ „вещь" [1]. Слѣдовательно каждая вещь можетъ быть предметомъ познанія; но только часть этихъ предметовъ называется „вещами".

Въ вещи раньше всего сознается: 1) ея внѣположность по отношенію къ видящему или ощупывающему ее; это то, что нѣмецкіе психологи называютъ „проекціей въ пространство". 2) Въ видимой вещи представляется ея „плотность" или тѣлесность. Эта ассоціація, какъ было выше отмѣчено, прирождена человѣку и животнымъ [2]. 3) Вмѣстѣ съ видѣннымъ представляется и его протяженность, которая сливается съ опредѣленнымъ очертаніемъ (формой) видѣннаго. Но этихъ признаковъ далеко недостаточно для построенія понятія о вещи. 4) Въ каждой вещи мы мыслимъ ея цѣльность и нѣкоторое ея единство; а таковое, 5) обусловлено и связностью частей или сплош-

[1]) Латинское слово „res" и французское „chose" употребляются шире, чѣмъ наше слово „вещь"; они примѣняются и къ явленіямъ и фактамъ психическимъ, и вмѣсто нашего мѣстоименія „нѣчто".

[2]) См. гл. IV, § 9, стр. 206.

ностью протяженнаго [1]). 6) Въ каждой вещи мыслится нѣкоторая устойчивость ея формы (очертанія) и существенныхъ ея качествъ, т. е. свойствъ. Устойчивость, какъ мы выше отмѣтили, не бываетъ абсолютной, въ особенности у сложныхъ матеріальныхъ вещей [2]). Даже въ субстанціи Аристотеля (οὐσία), которая близко подходитъ подъ понятіе „вещь", устойчивость имъ не считается самымъ важнымъ признакомъ [3]).

Въ понятіи вещи заключается еще одинъ признакъ, отмѣченный Лотце, а именно ихъ способность дѣйствовать (по крайней мѣрѣ на познавательныя способности человѣка), а также претерпѣвать дѣйствіе отъ другихъ вещей, силъ, субстанцій [4]). Но этотъ признакъ не существенный для понятія вещи, такъ какъ онъ имѣется и въ субстанціяхъ, и въ частяхъ вещи, и даже въ понятіи „силы". Зато мы согласны съ Лотце, что изъ своего внутренняго опыта мы вносимъ въ понятіе вещи не только единство своего существа, но даже подобіе своего „Я" (unsere Ichheit) и свое самостоятельное бытіе (unser für sich sein [5]). Но этотъ антропоморфизмъ существуетъ въ полной мѣрѣ только у дѣтей. Съ другой стороны, не подлежитъ сомнѣнію, что у растеній, и въ особенности у животныхъ, признакъ индивидуальности не чисто субъективный антропоморфизмъ, но что онъ реально существуетъ [6]).

[1]) Скважность не сознается, какъ свойство вещей: это свойство физическихъ тѣлъ открыто физиками, и во многихъ случаяхъ принимается на вѣру обыкновенными людьми, напримѣръ, относительно стекла.

[2]) См. гл. VI, § 12, стран. 213.

[3]) См. гл. IV, § 11, п. 5, стр. 133. Относительно понятія субстанцій мы съ Аристотелемъ несогласны, но относительно вещей несомнѣнно, что онѣ въ огромномъ большинствѣ случаевъ замѣтно измѣняются, не переставая оставаться вещами, пока въ нихъ имѣются первые пять признаковъ вещи. Сверхъ общихъ всѣмъ вещамъ признаковъ, каждая отдѣльная вещь имѣетъ еще свои индивидуальные признаки, присущіе ей одной.

[4]) *Lotze*, Mikrokosmos, 2 Aufl. I Bd. S. 146.

[5]) Тамъ-же, III Bd. S. 531.

[6]) Самостоятельность и единство животнаго обусловлено особымъ неизмѣннымъ носителемъ, на подобіе нашей души или нашего „я"; таковымъ обусловлена объединенная, планомѣрная дѣятельность и жизнь какъ животныхъ, такъ и растеній. Животныя, если они составляютъ собственность человѣка, тоже включаются

Безъ единства и устойчивости не мыслима вещь. Поэтому обычное пониманіе не назоветъ вещью морской берегъ или часть его, усѣянную камнями или пескомъ; вещью мы обыкновенно не называемъ ни видимое море, ни часть видимой рѣки, такъ какъ въ нашемъ зрительномъ воспріятіи отсутствуетъ цѣльность и единство. Это единство иногда можетъ быть чисто формальнымъ, привносимымъ въ „вещь" человѣкомъ. Таковое состоитъ, напримѣръ, въ назначеніи вещи или въ чисто формальномъ—количественномъ объединеніи. Такъ, напримѣръ, сотня ядеръ, сложенная въ пирадиму, можетъ быть разсмотрѣна за нѣчто единое; часть поверхности земли, окаймленная возвышеніями, можетъ быть разсмотрѣна, какъ долина; совокупность деревьевъ, вмѣстѣ растущихъ сплошной массой, называется „лѣсомъ", или „рощей", или „садомъ", или „паркомъ". Но эта формальность связи подобныхъ другъ другу вещей въ нѣчто единое чувствуется и обычнымъ сознаніемъ. Таковые предметы и грамматикой выдѣлены въ особую группу *собирательныхъ* именъ существительныхъ, которыя обычно не считаются названіемъ одной вещи.

Такъ же и названія веществъ, если они мыслятся безъ опредѣленной формы, мѣры, вѣса, обыкновенно тоже не называются „вещью". Такъ напримѣръ, воздухъ, воду колодца, нѣсколько песчинокъ, нѣсколько кусковъ сахару, мѣлу и т. п. не называютъ „вещью"; но кусокъ мыла опредѣленной формы, голову сахару, слитокъ мѣди или золота назовутъ вещью, когда въ нихъ мыслится и опредѣленная устойчивая форма.

Такимъ образомъ понятіе „вещи" оказывается довольно сложнымъ и обусловленнымъ не только нашимъ чувственнымъ опытомъ, но и сложной умственной дѣятельностью, которая привносится—иногда мгновенно и безъ всякихъ усилій—въ чувственное впечатлѣніе. Если же даже познаніе матеріальныхъ вещей не возможно безъ дѣятельности памяти и разсудка: то падаетъ та искусственная перегородка, которую установилъ Локкъ между внѣшнимъ

въ объемъ понятія „вещь". Поэтому противоположеніе „вещей" живымъ существамъ не вполнѣ правильно: отсутствіе жизни у большинства вещей не составляетъ существеннаго признака всѣхъ вещей. Впрочемъ, растенія всѣми считаются за вещи, а они одарены жизнію.

и внутреннимъ опытомъ: безъ послѣдняго не возможенъ и первый. Способность „впечатлѣній" идетъ совмѣстно съ „рефлексіей".

§ 5. Почему мы такъ легко и безошибочно воспринимаемъ дѣйствительность?

Въ познаніи реальныхъ вещей, какъ мы видѣли, дѣйствуетъ не одно только „впечатлѣніе" на опредѣленный органъ чувствъ. Въ этомъ познаніи принимаютъ участіе: 1) личный опытъ (воспроизводимыя подобныя прежнія впечатлѣнія и образы); 2) прирожденныя ассоціаціи зрительныхъ впечатлѣній съ соотвѣтственными осязательными и мускульно-моторными представленіями (обусловливая плотность, протяженность, форму, разстояніе, величину вещей). 3) Въ познаніи реальныхъ вещей дѣйствуетъ и нашъ умъ, истолковывающій воспріятіе не только въ смыслѣ чего-то дѣйствительнаго, но и въ смыслѣ вещи (представляющей собою нѣкоторое единство и постоянство формы и существенныхъ качествъ). Совокупность этихъ различныхъ дѣятельностей познанія даетъ каждому нормальному человѣку несомнѣнную увѣренность, что онъ имѣетъ дѣло не съ воображеніемъ, а воспринимаетъ своими чувствами реальныя вещи. Хотя эта дѣятельность и весьма сложна, однако она обнаруживается у дѣтей довольно рано —еще до усвоенія ими рѣчи [1]).

У взрослаго человѣка воспріятіе дѣйствительныхъ вещей совершается мгновенно и автоматически, такъ что онъ себѣ и не даетъ отчета, почему онъ видимое принимаетъ за дѣйствительность, а не за сновидѣніе или игру воображенія, и ошибки бываютъ крайне рѣдко. Почему же иные изъ новѣйшихъ философовъ не вѣрятъ свидѣтельству этихъ познавательныхъ процессовъ? Потому что они не анализи-

[1]) Воспріятія они могутъ имѣть уже въ первые дни внѣутробной жизни; но таковыя еще не даютъ познанія „вещей", какъ совокупности не только перечисленныхъ выше общихъ признаковъ, но и своихъ частныхъ качествъ, познаваемыхъ исключительно чувствами.

ровали и не раскрыли приведенныхъ выше процессовъ Эти философы отрицаютъ существованіе того, чего они не знаютъ и не сознаютъ, т. е. тѣхъ полусознаваемыхъ и безсознательныхъ элементовъ, которые мы выше раскрыли своими анализами.

Но на какомъ основаніи мы можетъ признавать наличность приведенныхъ элементовъ, если они остаются не сознанными? Можетъ быть, это—одно предположеніе! Въ истинности нашего утвержденія насъ убѣждаютъ тѣ случаи, когда апперцепція бываетъ затруднительна, когда мы колеблемся, и вслѣдствіе этого даемъ себѣ отчетъ въ сложности всего процесса и переживанія. Тогда мы отличаемъ воспринимаемую вещь отъ нашего воспріятія, т. е. мы сознаемъ свое воспріятіе, какъ дѣятельность нашего сознанія, которая имѣетъ свою причину во внѣшней вещи или силѣ[1]). То же бываетъ, когда впечатлѣніе на органъ чувства сильнѣе обыкновеннаго, когда оно вызываетъ болевыя ощущенія или же сильныя чувства, напр., при сильномъ звукѣ или свѣтѣ или ударѣ твердаго тѣла. Тогда мы сознаемъ и процессъ воспріятія, и причину его—вещь. Сверхъ того, насъ въ томъ же убѣждаетъ и общее свойство человѣческаго духа —механизировать всѣ привычные процессы. Таковые становятся безсознательными, за исключеніемъ результата, имѣющаго для насъ практическое значеніе. А такъ какъ жизнъ человѣка и его благополучіе находятся въ тѣснѣйшей зависимости отъ внѣшняго міра, въ особенности у первобытнаго человѣка; то онъ постоянно познаетъ его и невольно стремится къ истинному познанію: ложное познаніе приноситъ намъ много страданій и непріятностей; оно можетъ даже погубить нашу жизнь Но такъ какъ чувственныя воспріятія безпрерывно, ежеминутно повторяются въ жизни каждаго человѣка: то они даже при отсутствіи психической наслѣдственности скоро сдѣлались бы автоматичными, т. е. промежуточныя звенья этихъ процессовъ не сознавались бы. На самомъ дѣлѣ, способность воспріятій и самыя воспріятія внѣшняго міра имѣлись у всѣхъ нашихъ предковъ въ продолженіе всей ихъ жизни, въ безчисленномъ ряду поколѣній. Слѣдовательно при наличности психической на

[1]) См. гл. VII. § 8, стр. 249 примѣръ „что это бѣлѣетъ"?

слѣдственности, эта способность должна была усовершенствоваться въ значительной степени у современныхъ потомковъ—и въ смыслѣ легкости и быстроты воспріятій, и въ смыслѣ тонкости различенія [1]).

Поэтому становится понятнымъ, почему современный младенецъ уже со второго дня внѣутробной жизни можетъ имѣть не только ощущенія, но и нѣкоторыя воспріятія, процессы весьма *сложные* [2]). Наблюденія убѣждаютъ насъ, что младенецъ уже на первой недѣлѣ свои зрительныя, осязательныя и вкусовыя впечатлѣнія относитъ во внѣшнее пространство, считая ихъ чѣмъ-то реальнымъ, имѣющимъ свое самостоятельное существованіе [3]).

§ 6. Различная достовѣрность чувствъ.

Колебанія и въ смѣшеніе дѣйствительности съ воображаемымъ бываютъ крайне рѣдко, даже у дѣтей. Тогда они обращаются или къ свидѣтельству взрослыхъ, которымъ довѣ-

[1]) Относительно послѣдней нѣкоторыя данныя даютъ намъ историческіе памятники литературы. Такъ напримѣръ, Гомеру были извѣстны весьма немногіе цвѣта, если судить по числу употребляемыхъ имъ словъ. Слово χλωρός у Гомера означаетъ и зеленый и желтый цвѣта. Между тѣмъ теперь даже дѣти интеллигентныхъ семей обозначаютъ особыми словами больше десятка оттѣнковъ желтаго: блѣдно-желтый, темно-желтый, зеленовато-желтый, сѣровато-желтый, розовато-желтый, шафрановый, лимонный, апельсинный, песочный, табачный, соломенный, гороховый, цвѣтъ яичнаго желтка и т. п. Далѣе, въ церковно-славянскомъ „червленый" и „чермный", повидимому, происходятъ отъ того же корня, что и „черный". Повидимому, этотъ общій корень первоначально обозначалъ нѣсколько цвѣтовъ. Изъ этого можно заключать, что у нашихъ отдаленныхъ предковъ не было потребности въ разныхъ наименованіяхъ упомянутыхъ цвѣтовъ, такъ какъ они ихъ не отличали.

[2]) См. VI гл. § 3, а также мое „Практическое руков. психол.", главы: IV, XVIII, XX.

[3]) Наше мнѣніе подтверждается приведенными выше наблюденіями надъ жизнію дитяти. См. VI гл. §§ 2, 3, 9, 10—15. Правда, что трудно уловить первое воспріятіе; но это и не важно. У иного оно можетъ быть на второй день, у другого на пятый или позже. Дѣло въ томъ, что дѣти рождаются не одинаково развитыми даже относительно физіологическихъ функцій; и дальнѣйшее развитіе не у всѣхъ дѣтей идетъ одинаковымъ темпомъ.

ряютъ, или же сами провѣряютъ видимое. Послѣднее обыкновенно дѣлается при помощи чувства осязанія. Такъ напр., если ребенокъ впервые видитъ въ зеркалѣ изображеніе матери или другого предмета, который только что былъ позади его, то онъ изумляется, и старается рукой коснуться предмета; когда же это не удается, то онъ позади зеркала ищетъ видимаго. Чувству осязанія всѣ люди довѣряютъ безусловно, и въ случаѣ сомнѣній въ дѣйствительности видимаго (а иногда и въ тѣхъ случаяхъ, когда видимое ихъ поражаетъ) инстинктивно протягиваютъ руку къ видимому, чтобы ощупать его. Чуду воскресенія Христа и апостолъ Ѳома не хотѣлъ повѣрить на основаніи одного только зрѣнія, какъ извѣстно, онъ сказалъ: „Если... не вложу перста моего въ раны отъ гвоздей, и не вложу руки моей въ ребра Его, не повѣрю“ (Ев. Іоанна гл. 20, 25).

Почему же осязанію (въ связи съ мускульно-моторнымъ чувствомъ) отдается такое предпочтеніе въ его достовѣрности? 1) Потому, что если бы какой-нибудь чудачествующій скептикъ вздумалъ не довѣрять этому чувству, то онъ жестоко поплатился бы за свое чудачество: онъ разбилъ бы себѣ не только оконечности, но и голову о твердые предметы. Поэтому таковыхъ скептиковъ на практикѣ никогда не бывало. И современные скептики, заходящіе въ своихъ теоретическихъ сомнѣніяхъ значительно дальше древнихъ, на практикѣ никогда не придерживаются своего скептицизма. Они вполнѣ довѣряютъ тяжести и звону золотыхъ монетъ, когда ихъ получаютъ за свои философскія сочиненія; они не только не сопротивляются непроницаемости твердыхъ тѣлъ, но даже и волѣ тѣхъ, которые могутъ сократить число получаемыхъ ими золотыхъ монетъ.

2) Осязаніе (съ мускульно-моторнымъ чувствомъ) представляетъ собою самое древнее, самое первоначальное чувство; оно не отсутствуетъ ни у одного животнаго, что отмѣчено еще Аристотелемъ: безъ него всякое животное погибло бы неминуемо [1]).

[1]) Осязаніе или нѣчто похожее на него, по всему вѣроятію, существуетъ и у нѣкоторыхъ растеній, напр. у плотоядныхъ растеній Дарвина, а можетъ быть и у мимозъ и другихъ растеній, сворачивающихъ листья или покровы плодника при прикосновеніи къ нимъ.

Между тѣмъ зрѣніе отсутствуетъ не только у низшихъ животныхъ безскелетныхъ мягко-тѣлыхъ, напр. у медузъ, полиповъ, устрицъ; но даже у нѣкоторыхъ позвоночныхъ, глаза которыхъ „атрофировались“, т. е. потеряли способность функціонировать. Таковы, напр., нѣкоторыя рыбки подземныхъ озеръ, таковъ отчасти и кротъ. Поэтому *ощущенія прикосновенія никогда не обманываютъ нормальнаго человѣка* относительно наличности внѣшняго реальнаго предмета.

При психическихъ разстройствахъ раньше всего обнаруживаются псевдогаллюцинаціи слуха, затѣмъ настоящія галлюцинаціи слуха, съ отнесеніемъ ихъ въ пространство и съ ложнымъ приписываніемъ ихъ предметамъ, иногда и совсѣмъ не существующимъ. Галлюцинаціи зрѣнія появляются еще позже; а позже ихъ—галлюцинаціи осязанія. Этотъ фактъ тоже указываетъ на то, что осязаніе болѣе прочное и болѣе примитивное чувство. Какъ извѣстно, легче всего приходятъ въ разстройство самыя сложныя и самыя позднія (въ филогенетическомъ развитіи) дѣятельности и способности. Самыя пышныя и самыя роскошныя разновидности розы всего легче вырождаются и всего легче подпадаютъ вредному дѣйствію мороза и другихъ неблагопріятныхъ обстоятельствъ; между тѣмъ шиповникъ, родоначальникъ розъ, не боится ничего этого, оставаясь цѣлъ и невредимъ.

Этими обстоятельствами объясняется, почему *чувство осязанія для насъ имѣетъ больше всего реальности*, и что мы ему больше довѣряемъ, нежели зрѣнію и слуху.

§ 7. Скепсисъ Декарта относ. свидѣтельства чувствъ.

То, въ чемъ ни одинъ нормальный человѣкъ не сомнѣвается, а именно—въ свидѣтельствѣ своихъ чувствъ, то нѣкоторыми философами подвергнуто сомнѣнію. Декартъ свои сомнѣнія считалъ только предварительной ступенью познанія; онъ началъ съ нихъ, чтобы провѣрить все свое знаніе и дойти до несомнѣнныхъ истинъ, которыя, по его мнѣнію, можно добыть исключительно разумомъ. Онъ пришелъ къ заключенію, что матеріальный міръ такъ же существуетъ реально, какъ и міръ духовный. Однако его скептическія

разсужденія, повидимому, многихъ сбили съ толку. Нѣкоторые философы послѣ Декарта дошли до того, что отрицали существованіе матеріальныхъ вещей, напр. Беркли; другіе утверждаютъ, будто все, что мы называемъ міромъ и вселенной—небо, звѣзды, солнце, земля съ ея морями, рѣками, горами, долинами—будто все это существуетъ только въ душѣ или въ умѣ человѣка, составляя созданіе его же духа. Таковы идеалисты разныхъ наименованій. Декартъ не имѣлъ подобныхъ взглядовъ; но онъ бросилъ своимъ читателямъ нѣсколько фактовъ, которыхъ самъ не разобралъ подробно, которые породили множество недоразумѣній относительно свидѣтельства чувствъ. О нихъ самъ Декартъ говоритъ: „Я замѣчалъ, что они иногда (sic!) обманываютъ; а благоразуміе требуетъ *никогда* вполнѣ не довѣрять тѣмъ, которые насъ обманули хоть одинъ разъ" [1]. Эта осторожность Декарта слишкомъ преувеличена: она превосходитъ „воздержаніе" отъ рѣшительныхъ сужденій древнихъ скептиковъ, которые подвергли сомнѣнію довольно много знаній; но ихъ сомнѣнія не касались „вынужденныхъ впечатлѣній", т. е. воспріятій дѣйствительности и даже законовъ, обычаевъ и вѣрованій своего народа [2]. Скептики понимали, что не признавая опытнаго познанія, имъ пришлось бы остаться бездѣятельными и погибнуть. Предосторожность Декарта и невѣрна. Дѣло въ томъ, что чувства въ состояніи бодрствованія почти никогда не обманываютъ нормальнаго человѣка относительно наличности реальнаго предмета воспріятія; обманы чувствъ относятся только къ ложному *истолкованію* впечатлѣнія; а въ этихъ случаяхъ, какъ разъ ошибается нашъ „разумъ" (вѣрнѣе нашъ умъ), который Декартъ желалъ поставить выше чувствъ. Въ этихъ случаяхъ мы имѣемъ иллюзіи; таковыя бываютъ у каждаго нормальнаго че

[1]) *Descartes,* Oeuvres, ed. par Jules Simon, Paris 1857. Meditations I. pag. 66.

[2]) *Sextus Empiricus,* Pyrrhon. hypotyp. I, loc. cit. Скептики не пощадили нѣкоторыхъ рѣшительныхъ положеній ни математиковъ, ни логиковъ, ни грамматиковъ, ни астрономовъ, ни физиковъ, ни моралистовъ, поскольку ихъ сужденія выходили за предѣлы чувственнаго опыта; но самаго свидѣтельства чувствъ и чувственнаго опыта они не отвергали. Самъ Секстъ Эмпирикъ былъ врачемъ, слѣдовательно не могъ отвергать опытнаго познанія. (См. сочин. Секста Эмпирика).

ловѣка. Но и иллюзіи не доказываютъ отсутствія впечатлѣнія и отсутствія предмета или вещи, вызвавшей впечатлѣніе. Впрочемъ, и иллюзіи бываютъ рѣдко по сравненію съ вѣрными воспріятіями; быть можетъ, одна придется на милліонъ вѣрно истолкованныхъ впечатлѣній. Слѣдовательно по совѣту Декарта пришлось бы милліонъ разъ неосновательно недовѣрять чувствамъ, и только разъ основательно. Мы тогда не могли бы во-время сдѣлать ни одного шагу: мы стали бы разсуждать, какъ метафизикъ въ баснѣ Хемницера, и упустили бы необходимый моментъ дѣйствованія.

Далѣе, Декартъ вѣрно отмѣчаетъ, что если бы онъ сталъ сомнѣваться въ томъ, что онъ въ данный моментъ сидитъ передъ своимъ каминомъ, одѣтымъ въ свою зимнюю куртку: то онъ уподобился бы сумасшедшимъ. Однако онъ тутъ же дѣлаетъ себѣ возраженіе, указывая на сновидѣнія въ которыхъ у спящаго бываютъ еще болѣе невѣроятныя впечатлѣнія, чѣмъ у сумасшедшихъ; между тѣмъ они принимаются за дѣйствительность. Изъ этого Декартъ дѣлаетъ „очевидно ясный" выводъ, что „нѣтъ никакихъ достовѣрныхъ признаковъ, чтобы точно отличить бодрствованіе отъ сна" [1]. Поэтому-де, быть можетъ его и въ состояніи бодрствованія обманываетъ какой-нибудь злой и хитрый, но могущественный духъ" [2].

Дѣйствительно, эти признаки не были извѣстны во время Декарта; они неизвѣстны еще и теперь. Но фактъ несомнѣнный, что *каждый проснувшійся человѣкъ отличаетъ свой сонъ отъ дѣйствительности*, не считая образы своихъ сновидѣній за реальныя вещи.

§ 8. Возраженія Декарту.

То обстоятельство, что сумасшедшіе иногда принимаютъ образы своего воображенія за воспріятія дѣйствительности, не имѣетъ никакого значенія для познанія н о р-

[1] *Des-Cartes*, Oeuvres, ed. Jules Simon, Paris 1857, Meditation I. pag. 67. „je vois si manifestement qu'il n'y a point d'indices certains par où l'on puisse distinguer nettement la veille d'avec le sommeil".

[2] Ibid. pag. 70.

мальныхъ людей и для достовѣрнаго знанія. Оно доказываетъ только то, что сумасшедшіе иногда ошибаются. Поэтому на ихъ показанія не полагаются вполнѣ, а ихъ дѣйствія имъ не ставятся въ вину; однако сумасшедшіе все же обладаютъ нѣкоторой произвольностью и владѣютъ своими оконечностями и органами чувствъ. Въ большинствѣ случаевъ и они видятъ и слышатъ правильно.

Спящіе относительно свободы и познанія находятся въ гораздо худшемъ положеніи. У нихъ глаза закрыты, слухъ и остальные органы чувствъ почти бездѣятельны; ихъ тѣло, какъ бы привязано къ постели; они вполнѣ безпомощны —съ трудомъ иногда передвигаютъ руку или ногу или произносятъ слова: для нихъ существуетъ не міръ дѣйствительности, а міръ грезъ и воображенія; однако это длится не долго. Проснувшись, они возвращаются въ міръ дѣйствительности. И если во время сновидѣнія они поддавались сплошному обману, то это нисколько не ослабляетъ достовѣрности свидѣтельства ихъ органовъ чувствъ во время бодрствованія; такъ точно и вымыселъ сказки ничуть не ослабляетъ достовѣрности свидѣтельства лѣтописца и серіознаго путешественника.

Впрочемъ, спящаго и видящаго сонъ обманываютъ не его органы чувствъ—они почти совсѣмъ бездѣйствуютъ во время сна; его обманываетъ воображеніе и отсутствіе контролирующихъ познавательныхъ процессовъ. Слѣдовательно галлюцинаціи и иллюзіи сновидѣній ничуть не говорятъ противъ надежности чувственныхъ воспріятій.

Почему сновидѣнія насъ обманываютъ, и почему мы отличаемъ этотъ обманъ отъ дѣйствительности, это особый вопросъ. Кромѣ описанныхъ внѣшнихъ признаковъ спящаго, можно отмѣтить множество внутреннихъ различій въ психической дѣятельности спящаго, видящаго сонъ, по сравненію съ бодрствующимъ. Мальбраншъ въ своемъ изслѣдованіи „Объ истинѣ“ указалъ только на одно обстоятельство, которое даетъ возможность проснувшемуся отличить свой сонъ отъ дѣйствительности. Мальбраншъ говоритъ: „Главное соображеніе, мѣшающее намъ принимать наши сновидѣнія за дѣйствительность, состоитъ въ томъ, что мы не можемъ, связать своихъ сновидѣній съ дѣйствіями (choses), которыя

совершаемъ во время бодрствованія: этимъ способомъ мы узнаемъ, что это только сновидѣнія" [1]). Поэтому Мальбраншъ допускаетъ, что „колдуны по воображенію этимъ способомъ не могутъ узнать, не есть ли ихъ (воображаемый) шабашъ сновидѣніемъ, такъ какъ на шабашъ идутъ только ночью, и то, что происходитъ на шабашѣ, не можетъ быть связано съ другими дѣйствіями дня" [2]). Что это объясненіе Мальбранша не удовлетворительно, не трудно убѣдиться. Ненормальнаго человѣка съ больнымъ воображеніемъ, который образы своего воображенія принимаетъ за дѣйствительность, никакія трезвыя разсужденія не могутъ излѣчить: онъ неспособенъ на таковыя; между тѣмъ его преслѣдуютъ его навязчивыя идеи, отличающіяся большой силой и яркостью. Во вторыхъ невѣрно, будто бы неспособность связать сновидѣнія со своими дѣйствіями во время бодрствованія, главнымъ образомъ, мѣшаетъ принять сонъ за дѣйствительность. Противъ этого говорятъ факты. Дѣти, даже пяти и шести лѣтъ, если послѣ сна сейчасъ же вспоминаютъ свое сновидѣніе, то не смѣшиваютъ его съ дѣйствительностью, хотя вовсе не разбираютъ своихъ дѣйствій состоянія бодрствованія и ихъ связи со сновидѣніемъ. Дѣти не способны на такой самоанализъ [3]).

§ 9. Отличіе сновидѣній отъ воспріятія дѣйствительности.

Хотя каждый мгновенно и безъ соображеній отличаетъ свое сновидѣніе отъ дѣйствительности, однако, почему это происходитъ, мы до сихъ поръ не знаемъ. Я и не встрѣчалъ объ этомъ точныхъ и исчерпывающихъ критеріевъ ни у психологовъ, ни у философовъ. Поэтому я рѣшаюсь подѣ-

[1]) *Malebranche*, Oeuvres ed. Jules Simon, Paris 1853, II serie Recherche de la verite, II livre, III partie, chap. VI (dernier) pag. 251.

[2]) Тамъ же.

[3]) Смѣшеніе видѣннаго во снѣ съ дѣйствительностью иногда бываетъ у дѣтей, но только вслѣдствіе забвенія,—если они вспоминаютъ долго спустя послѣ сновидѣнія какой-нибудь образъ или происшествіе.

литься своими самонаблюденіями, провѣренными и на другихъ лицахъ, которыхъ я разспрашивалъ объ ихъ сновидѣніяхъ. Объемъ моей работы не позволяетъ мнѣ вдаваться въ подробности: я ограничусь главными выводами.

Прежде всего нужно отмѣтить, что относительно сновидѣній существуетъ большое различіе у людей различныхъ возрастовъ и темпераментовъ,—гораздо большее, чѣмъ относ. психической жизни въ состояніи бодрствованія. Дѣло въ томъ, что истинно одно положеніе вещей, а ошибокъ можетъ быть безчисленное множество; норма и идеалъ одинъ, а уклоненій отъ нихъ нельзя перечесть и предвидѣть. Не всѣ люди имѣютъ сновидѣнія, или по крайней мѣрѣ не всѣ помнятъ ихъ. Съ возрастомъ измѣняется и характеръ сновидѣній: они дѣлаются блѣднѣе, отвлеченнѣе и отчасти даже разумнѣе. У меня и у многихъ засыпаніе начинается съ безсвязныхъ грёзъ (слабыхъ зрительныхъ образовъ, иногда красивыхъ, иногда безобразныхъ). Эти грёзы легко исчезаютъ при замѣтныхъ внѣшнихъ шумахъ и переходятъ иногда въ сновидѣнія, начинающіяся съ впечатлѣній дня; но очень скоро перескакиваютъ на другіе предметы, помимо ассоціацій. Если я ложусь не съ цѣлью заснуть, а чтобы обдумать какой-нибудь вопросъ, то случается, что эти мысли вдругъ прерываются грёзами и слабыми сновидѣніями, не имѣющими ничего общаго съ вытѣсненными изъ сознанія мыслями—ни логической ни ассоціативной связи. Въ этомъ состоитъ главная особенность сновидѣній, что въ нихъ *преобладаетъ самопроизвольное воспроизведеніе* надъ ассоціативной и логической связью. То же имѣется въ бреду сумасшедшихъ. Самопроизвольное повтореніе того же образа, мысли или даже цѣлой картины бываетъ и во снѣ, какъ и въ бреду.

2) Въ сновидѣніяхъ преобладаютъ зрительные образы надъ слуховыми и прочими. До извѣстной степени зрѣніе преобладаетъ и въ состояніи бодрствованія; но таковое сопровождается и мыслями, и дѣйствіями, и другими впечатлѣніями дѣйствительности; все это въ сновидѣніяхъ сведено до минимума или до полнаго отсутствія.

Почему во снѣ преобладаетъ галлюціонированіе зрѣнія, не трудно понять. Во время сна глаза закрыты и ника-

кихъ впечатлѣній изъ-внѣ не получаютъ. Въ силу этого во время сна создается благопріятное условіе для самопроизвольной дѣятельности субстратовъ зрѣнія. Во время бодрствованія мы не можемъ такъ живо воспроизводить зрительные образы, такъ какъ они вытѣсняются изъ узкаго поля сознанія болѣе сильными реальными воспріятіями зрѣнія которыя не прекращаются ни на секунду и не даютъ отдыха соотвѣтственнымъ субстратамъ. Поэтому, вѣроятно, у психически разстроенныхъ субъектовъ галлюцинаціи зрѣнія обыкновенно появляются послѣ галлюцинацій слуха.

3) Образы сновидѣній смѣняются очень быстро. Проснувшись послѣ получасового сновидѣнія, намъ иногда кажется, что мы проспали нѣсколько часовъ. Эта иллюзія объясняется необыкновеннымъ количествомъ быстро смѣнявшихся образовъ. Таковые и при бодрствованіи иногда производятъ впечатлѣніе, подобное сновидѣнію.

4) Въ силу такой быстрой смѣны образовъ, даже въ состояніи бодрствованія контролирующая дѣятельность разсудка бываетъ парализована. Какъ часто мы не замѣчаемъ несообразностей въ фарсѣ или въ представленіяхъ кинематографа, когда мы заняты зрительными впечатлѣніями, быстро смѣняющимися. Когда же мы возвращаемся домой и покойно обдумываемъ видѣнное, мы сознаемъ незамѣченныя раньше несообразности. При сновидѣніяхъ эта контролирующая дѣятельность сведена до минимума, или же совсѣмъ отсутствуетъ.

5) Такъ какъ во время сна глаза закрыты, а глазныя яблоки неподвижны, то видимые образы не могутъ быть контролированы ни бинокулярностью зрѣнія, ни аккомодаціей хрусталика, ни мускульно-моторными ощущеніями глазныхъ мускуловъ. Образы сновидѣній, несмотря даже на яркость красокъ, которая въ нихъ порою бываетъ, недостаточно пластичны; въ картинахъ отсутствуетъ глубина дѣйствительности и просторъ горизонта: все происходитъ, какъ въ кинематографѣ.

6) Если на яву никакой нормальный человѣкъ не поддается скептическимъ сомнѣніямъ относ. реальности видѣннаго, то во снѣ и подавно никому не приходитъ въ голову философствовать въ духѣ скептиковъ: всякій безконтрольно принимаетъ образы за дѣйстви-

тельность, хотя бы они были весьма чудесны и неправдоподобны. Такъ какъ эти образы быстро смѣняются, то разсуждать тутъ некогда. Впрочемъ, дѣятельность разсудка, какъ было сказано, во время сна отдыхаетъ.

Я помню подобныя сомнѣнія во снѣ относ. реальности сновидѣній только нѣсколько разъ. Видя во снѣ, что я летаю безъ крыльевъ и всякихъ аппаратовъ, я вспоминалъ, что прежде я это видѣлъ во снѣ, но теперь я въ самомъ дѣлѣ летаю, и это меня очень радовало. Въ данномъ случаѣ, опять отсутствовали сомнѣнія относ. переживаемаго сновидѣнія; увѣренность въ ложности моего летанія относилась къ прежнимъ сновидѣніямъ [1]).

7) Во время сновидѣній сильно вліяютъ на ихъ содержаніе физіологическіе процессы, которые во время бодрствованія мало отражаются на психической дѣятельности Пищевареніе, дыханіе, сердцебіеніе, сексуальный инстинктъ придаютъ сновидѣнію особое направленіе или вызываютъ особые образы и обманы чувствъ. Вспомнимъ о кошмарахъ и ложныхъ страхахъ, объ эротическихъ сновидѣніяхъ, о провалѣ въ бездонную пропасть, о летаніи. Всѣ эти сновидѣнія обусловлены физіологическими процессами и инстинктивными вожделѣніями. Какъ желаніе (преодолѣнія препятствій къ счастію) даетъ зародышъ для сказки, такъ оно же часто является источникомъ особыхъ сновидѣній. Во снѣ человѣкъ часто видитъ осуществленнымъ то, чего онъ желаетъ.

Итакъ мы видимъ, что, вопреки мнѣнію Декарта, имѣется достаточно вполнѣ достовѣрныхъ признаковъ, чтобы отличать сновидѣніе отъ бодрствованія. Это различіе дѣлается каждымъ мгновенно и невольно, какъ и воспріятіе дѣйствительности, хотя никто не сознаетъ соотвѣтственныхъ критеріевъ. Такова уже природа познанія, что оно безсознательно постигаетъ то, до чего съ трудомъ добираются философы.

[1]) Это заставляетъ предполагать, что при переживаніи сновидѣнія существуетъ какая-то физіологическая причина, которая обусловливаетъ этотъ обманъ воображенія; но она намъ неизвѣстна. При воспоминаніи сновидѣнія эта причина, очевидно, отсутствуетъ.

§ 10. Отличіе грезъ отъ сновидѣній и воспріятій.

Съ образами воображенія мы имѣемъ дѣло не только въ сновидѣніяхъ, но и наяву. Ближе подходитъ къ сновидѣніямъ такъ называемое „пассивное воображеніе" (правильнѣе было бы назвать его „непроизвольнымъ"). Таковому часто предаются во время досуга и уединенія и дѣти, и юноши. Не чужды его и взрослые. Эти процессы въ обиходѣ извѣстны подъ названіями „мечтанія" и „грезъ". У дѣтей ихъ мечтаніе иногда принимаетъ такія яркія формы, что они съ воображаемыми героями и личностями даже вступаютъ въ разговоръ. При этомъ они говорятъ вслухъ, но только отъ себя: слова воображаемыхъ лицъ они только „слышатъ". То же бываетъ и въ бреду помѣшанныхъ: но и они вслухъ произносятъ только свои слова. То же наблюдается и въ ненормальномъ состояніи сильнаго опьяненія. Какъ извѣстно, пьяные тоже грезятъ и бредятъ, разговаривая вслухъ. Впрочемъ, не всякій монологъ вслухъ свидѣтельствуетъ объ исключительной яркости образовъ воображенія. Дѣти вообще, пока не научатся хорошо владѣть рѣчью, мыслятъ вслухъ, т. е. разговариваютъ сами съ собою.

Такъ какъ мечтанію иногда предаются и взрослые: то эти процессы можно пронаблюдать и проанализировать. Я ограничусь только тѣмъ, что отмѣчу нѣкоторыя особенности мечтанія въ состояніи бодрствованія, и то только у нормальныхъ людей [1]).

1) Мечтаніе, въ отличіе отъ сновидѣній, имѣетъ больше связи, и притомъ логической, хотя и оно обусловлено главнымъ образомъ желаніями мечтающаго: но эти желанія могутъ быть самаго высокаго интеллектуальнаго и нравственнаго достоинства. Такъ напримѣръ, Жанна д'Аркъ мечтаетъ о спасеніи отъ враговъ своего отечества и короля: она вѣритъ въ свое призваніе и въ поддержку небесныхъ силъ.

[1]) *Особенности мечтанія и видѣній у экзалтированныхъ личностей въ родѣ отшельниковъ и въ родѣ Жанны д'Аркъ я оставляю въ сторонѣ, какъ явленія, выходящія изъ нормы. Я разсмотрю только тѣ черты, которыя общи и имъ, и обыкновеннымъ людямъ.*

2) Мечтаніе длится сравнительно не долго и прерывается впечатлѣніями дѣйствительности, о которой мечтатель на время можетъ и забыть; но онъ къ ней все же возвращается.

3) Во время мечтанія у нормальныхъ людей отсутствуютъ настоящія галлюцинаціи; образы, хотя бы они были и очень яркими, не считаются реальными предметами, „не проецируются въ пространство". Во снѣ мы большей частью имѣемъ дѣло съ настоящими галлюцинаціями.

4) Мечтатель, хотя часто и сознаетъ себя, свою личность; но своимъ тѣломъ не передвигается и не дѣйствуетъ, какъ реальнымъ предметомъ. Его „я" играетъ и въ мечтахъ важную роль; но оно представляется такимъ, какимъ и въ обыкновенномъ состояніи бодрствованія; на короткое время мечтатель можетъ и забыть о себѣ, чего никогда не бываетъ во время сновидѣній.

5) Въ своихъ мечтахъ мечтатель находитъ удовлетвореніе; онѣ не даромъ названы „сладкими". Во время мечтанія, какъ и на яву, физіологическіе процессы тѣла играютъ незначительную роль: поэтому не бываетъ страшнаго мечтанія и страшныхъ грезъ, по крайней мѣрѣ у нормальныхъ людей. Между тѣмъ во снѣ кошмары могутъ замучить человѣка: ихъ причина кроется въ физіологическихъ процессахъ дыханія, сердцебіенія и кишечника.

6) Во время мечтанія не парализована дѣятельность разсудка, какъ это бываетъ во снѣ. Если мечтатель слишкомъ далеко забрался въ своихъ мечтахъ, если онъ воображаетъ осуществленнымъ невѣроятное свое желаніе или стремленіе, то его вдругъ останавливаетъ какъ бы чужой голосъ: „Довольно! Это невѣроятно", или „Это невозможно". Тогда мечтатель какъ бы приходитъ въ себя, и его потокъ грезъ обрывается. Во снѣ мы вѣримъ и самому невѣроятному и нелѣпому.

7) Если бы мечтатель и забылъ о дѣйствительности во время своихъ грезъ: то все же онъ не вѣритъ и въ дѣйствительность этихъ грезъ. Мечтатель на половину сознаетъ, что онъ находится въ какомъ-то другомъ, весьма пріятномъ

мірѣ, но не въ настоящемъ, неумолимомъ съ его неизмѣнными законами и условіями.

Когда дѣйствуетъ такъ называемое „активное воображеніе“, напр. при созданіи сказки, басни, или смѣшного анекдота, сознательность и произвольность вполнѣ вступаютъ въ свои права: сочинитель никогда не считаетъ былью своего вымысла. Но и при „пассивномъ воображеніи“, при мечтаніи каждый мечтатель, вернувшись къ дѣйствительности и вспоминая свои мечты, никогда не принимаетъ ихъ за дѣйствительность. *При всѣхъ образахъ воображенія отсутствуетъ та инстинктивная вѣра въ реальность образа, которою сопровождается каждое воспріятіе дѣйствительности.*

Поэтому ни сновидѣнія, ни мечтаніе не представляютъ собою познанія дѣйствительности, а тѣмъ менѣе—знанія. Эти процессы могутъ сдѣлаться предметами изученія и знанія; но сами по себѣ они никогда не будутъ познаніемъ. Чтобы ихъ изучать, для этого нужна прежде всего сознательная воля, а затѣмъ—способность самонаблюденія и наконецъ,—очень кропотливое собираніе фактовъ, на основаніи которыхъ изучающій можетъ добыть нѣкоторыя обобщенія и законы [1]).

§ 11. Отличіе воспоминаній отъ грезъ; гипотеза идеализма.

Какъ извѣстно, всѣ душевныя переживанія, а въ особенности воспріятія дѣйствительности, сохраняются въ душѣ какимъ-то непонятнымъ для насъ образомъ. Мы можемъ черезъ нѣсколько десятковъ лѣтъ вспомнить впечатлѣнія своего дѣтства. Хотя вещество мозга постоянно разлагается и измѣняется, однако старики и черезъ 80 лѣтъ могутъ вспомнить и родительскій домъ, въ которомъ они провели первые годы своей жизни, и обстановку комнатъ, и образы друзей дѣтства, и родительскій садъ и ближайшую къ нему

[1]) Какъ было выше отмѣчено, въ этой области сдѣлано еще весьма мало. Не даромъ такіе выдающіеся философы, какъ Декартъ и Мальбраншъ, не находили надежныхъ критеріевъ для отличія сновидѣній отъ дѣйствительности.

мѣстность. Эти предметы иногда можно представить себѣ вполнѣ отчетливо, не менѣе ясно, чѣмъ при нашихъ грезахъ и мечтахъ. Однако между нашими воспоминаніями и между грезами существуетъ одно коренное различіе. *При образѣ воспоминанія мы всегда сознаемъ, что этотъ образъ есть отпечатокъ дѣйствительности*, т. е. что когда-то воспоминаемое было нашимъ реальнымъ воспріятіемъ. При этомъ мы воспроизводимъ не только одинъ образъ, но и сопровождавшія его обстоятельства и предметы, а равно—и себя самихъ; порою—и наши чувства, которыя вызывались въ свое время предметами, сдѣлавшимися воспоминаемыми.

Наоборотъ, образъ воображенія (греза, мечта) всплываетъ безъ отношенія къ нашему опредѣленному переживанію; мы не сознаемъ, что онъ есть копія опредѣленнаго впечатлѣнія дѣйствительности. Этотъ образъ можетъ вступать въ разныя *новыя* сочетанія; онъ имѣетъ нѣкоторую самостоятельность и независимость отъ прошлаго нашего переживанія. Почему это такъ, мы этого вопроса не разсматриваемъ, а устанавливаемъ только фактъ коренного различія. Слѣдовательно и въ этомъ случаѣ мы не смѣшиваемъ переживаній дѣйствительности съ чистымъ представленіемъ, т. е. съ образомъ воображенія.

Какъ видно, премудрый Творецъ и на этотъ случай заложилъ въ душу человѣка способность познавать дѣйствительность и истину, ограждая насъ отъ обмановъ. А то, что нѣкоторые философы не замѣтили этого врожденнаго критерія, не доказываетъ его отсутствія. Эти философы и по сей день идутъ наперекоръ общечеловѣческому здравому смыслу и отрицаютъ то, въ чемъ не сомнѣвается ни одинъ нормальный человѣкъ, ни одинъ представитель положительной науки. Нѣкоторые изъ нихъ объявляютъ и наши воспріятія за грезы, не отличая такимъ образомъ нашихъ субъективныхъ душевныхъ переживаній отъ реальныхъ воспріятій, а таковыя отъ предметовъ, вызвавшихъ эти воспріятія. По ихъ мнѣнію, не существуютъ особыя отъ познающаго матеріальныя вещи: всѣ предметы познанія существуютъ будто бы только въ душѣ познающаго или въ абсолютномъ Духѣ, въ Богѣ.

Такимъ образомъ ничего не существуетъ реально, кромѣ Бога съ его „идеями“ и человѣческихъ душъ, получающихъ

эти идеи отъ Бога; человѣческое тѣло—тоже обманъ чувствъ, тоже „идея". Таковое воззрѣніе впервые было развито благочестивымъ Клойнскимъ архіепископомъ Беркли, родоначальника новѣйшаго идеализма [1]).

Подобныя мнѣнія, впрочемъ, существовали и раньше, напр., у Мальбранша [2]); оно же, вѣроятно, послужило и Спинозѣ основаніемъ для развитія его пантеизма, съ его единой субстанціей. И по мнѣнію Спинозы, наши познанія суть „модусы" (=видоизмѣненія) его единой субстанціи—Бога [3]).

Таковы и нѣмецкіе идеалисты послѣ Беркли. Родоначальникъ нѣмецкаго идеализма I. Г. Фихте утверждаетъ, что „иного бытія, кромѣ скрытаго въ Богѣ дѣйствительнымъ образомъ, прямо и быть не можетъ" [4]). „То, что находится передъ нами, кромѣ Бога, существуетъ, по мнѣнію Фихте, только вслѣдствіе безусловно свободной способности, какъ знаніе этой способности, и только въ своемъ знаніи" [5]). Такой способъ философствовать, который и непосредственныя явленія дѣйствительности сводитъ къ „Причинѣ всѣхъ причинъ", кажется мнѣ очень легкимъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ и безполезнымъ.—Все это само собой подразумѣвается въ тѣхъ понятіяхъ, отъ которыхъ исходитъ философъ: „единая субстанція", „абсолютный духъ", „Богъ". Но это первое основное положеніе такой метафизики само по себѣ не будетъ принято со стороны скептиковъ и матеріалистовъ за несомнѣнную аксіому. А если бы оно и было аксіомой: то оно намъ нисколько не помогаетъ оріентироваться въ этомъ „призрачномъ мірѣ". А этотъ міръ все же, въ случаѣ его незнанія и несоблюденія его законовъ, насъ жестоко наказываетъ, а порой и прекращаетъ нашу жизнь.

1) См. *G. Berkeley*, Treatise on the princ. of human Knowledge 1710.

2) *Malebranche*, Oeuvres ed. par. Jules Simon, Paris 1853, Recherche de la verite, livre III, II partie chap. VI pag. 295—304.

3) *B. Spinoza*, Ethices pars I.

4) *I. G. Fichte*, Die Wissenschaftslehre in ihrem allgem. Umrisse, Berlin 1810, § 4 S. 12. Я нарочно цитирую по этому краткому извлеченію, предназначенному самимъ Фихте для слушателей его и излагающему его взгляды болѣе кратко и понятно.

5) Тамъ же. „Was daher ausser Gott da ist, ist da nur durch das absolut freie Vermögen, als Wissen dieses Vermögens, und in seinem Wissen".

И простые крестьяне все непонятное для нихъ объясняютъ такимъ же образомъ. „Почему это случилось?"— „Такъ Богъ далъ". Но они не считаютъ этотъ видимый міръ только грезой познающаго, созданіемъ его свободной творческой дѣятельности. Они считаютъ міръ твореніемъ Божіимъ, но уже получившимъ свое самостоятельное бытіе, свою дѣйствительность. Разумный крестьянинъ не повѣритъ философу-идеалисту, что постоянно видимое и осязаемое имъ есть одно созданіе духа, которое ежеминутно можетъ заставлять страдать этотъ духъ, если онъ не слушается своего же созданія. Признаться, и я не могу уразумѣть этого!

§ 12. Возраженія Берклееву идеализму.

Я сдѣлаю только нѣкоторыя возраженія благочестивому архіепископу Беркли, которыхъ насколько помню, не встрѣчалъ въ трактатахъ философовъ. Беркли—весьма ученый и проницательный философъ: онъ отличается даромъ самонаблюденій и способностью анализировать явленія человѣческаго духа. Въ своемъ весьма поучительномъ „Трактатѣ о принципахъ человѣческаго познанія" [1]). Беркли обнаружилъ, такую глубину мысли, что его мнимыя доказательства идеализма, въ сущности, и до сихъ поръ не опровергнуты, хотя ему возражалъ и Ридъ, и Кантъ, и кантіанцы. Доказательствомъ тому служитъ появленіе новыхъ приверженцевъ гносеологическаго идеализма, подобнаго Беклеевому или Фихтевскому [2]).

1) *G. Berkeley*, Treatise on the principles of human knowledge, Dublin 1710.

2) Таковы: *А. Бэнъ*, *Эйкенъ*, *Бергманъ*, *Риккертъ*, *Мюнстербергъ*, *Виндельбандъ*, *Наторпъ*, *Гуссерль*, и другіе. И новыя названія „имманетной философіи" (у насъ „интуитивизмъ" Лосскаго) тоже представляютъ собою гносеологическій идеализмъ. Болѣе извѣстные представители таковогo: *Шуппе*, *Шубертъ-Золдернъ*, *Ремке*, *Кауфманъ*, *Леклэръ*. Близки къ этому воззрѣнію сенсуалисты, позитивисты и эмпиристы новѣйшаго времени, каковы: *Дж. ст. Милль*, *И. Тэнъ*, *Авенаріусъ*, *Махъ*, а также *Э. Лассъ* и *Ницше*.

Беркли отличаетъ „идеи" воспріятій отъ „идей" воображенія. Такъ какъ первыя вынуждены, т. е. зависятъ не отъ самаго человѣка, то причину ихъ Беркли видитъ во всемогущемъ, премудромъ, всеблагомъ Духѣ, т. е. въ Богѣ. Богъ запечатлѣваетъ свои идеи въ опредѣленномъ порядкѣ ограниченнымъ духамъ, въ томъ числѣ и каждому человѣку [1]).

Самыя воспринимаемыя вещи Беркли считаетъ комплексомъ чувственныхъ ощущеній, т. е. идей, запечатлѣваемыхъ Богомъ; а законы природы представляютъ собою не что иное, какъ неизмѣнный порядокъ чередованія идей [2]).

Такимъ образомъ все бытіе вещей, не духовныхъ, сводится къ воспріятіямъ идей. *Esse est percipi*. Иного бытія, какъ наличности идеи въ мыслящемъ, по мнѣнію Беркли, и быть не можетъ. Все это выводится имъ послѣдовательно и кажется вполнѣ возможнымъ; но при его предпосылкахъ существованія Бога и мыслящихъ духовъ. А таковыя отнюдь не относятся къ истинамъ очевиднымъ, слѣдовательно онѣ могутъ быть оспариваемы не только новѣйшими скептиками, но и матеріалистами [3]). Для таковыхъ разсужденія Беркли не имѣютъ никакой убѣдительности.

Но даже принявъ предпосылки Беркли, мы убѣдимся въ нѣкоторыхъ несообразностяхъ, вытекающихъ изъ нихъ. Беркли вѣрно отмѣчаетъ, что „идеи, которыя я воспринимаю органами чувствъ, не находятся въ такой зависимости отъ моей воли" (какъ мои мысли). „Если я при полномъ дневномъ свѣтѣ, продолжаетъ Беркли, открою глаза, то не въ моей власти, буду ли я видѣть или нѣтъ, а равно—какіе отдѣльные предметы представятся моему взору. Такъ

[1]) Приписывать эту причину матеріальнымъ вещамъ Беркли не находитъ возможнымъ, такъ какъ на духъ можетъ дѣйствовать только другой духъ, а не столь различная отъ него субстанція, каковой представляется матерія. Въ этомъ понятіи Б. находитъ множество противорѣчій и прямо отвергаетъ ея существованіе, какъ нѣчто невозможное.

[2]) Закона причинности Б. не признаетъ; онъ не допускаетъ, чтобы вещи могли какъ-нибудь дѣйствовать другъ на друга или на человѣка.

[3]) Древніе скептики этого не дѣлали; въ вопросахъ, касающихся не очевиднаго, не доступнаго чувствамъ, они *воздерживались* отъ всякихъ сужденій—одинаково утвердительныхъ, какъ и отрицательныхъ. См. Sextus Empiricus, loco, cit.

же и у слуха, и у другихъ органовъ чувствъ идеи, имъ запечатлѣнныя, не являются созданіями моей воли. Слѣдовательно существуетъ другая воля или другой духъ, который ихъ производитъ“ [1]). Таково разсужденіе Беркли.

Признавая полное безсиліе воли относительно содержанія воспріятій, я долженъ отмѣтить фактъ, что и въ примѣрахъ Беркли самое переживаніе воспріятія все же зависитъ отъ воли. Если я закрою глаза, то я ничего не увижу; если я крѣпко заткну уши, то я ничего не услышу; то же будетъ и съ обоняніемъ, вкусомъ и даже съ осязаніемъ, исключая ногъ, на которыхъ я стою. Слѣдовательно, если я вижу водяную мельницу, а не близъ нея находящійся прудъ: то это зависитъ отъ моей воли, открывшей глаза и направившей ихъ на мельницу. Стоитъ мнѣ закрыть глаза, и я ничего не увижу; стоитъ мнѣ ихъ повернуть влѣво, и я увижу прудъ. По гипотезѣ Беркли выходитъ, что когда я захочу открыть глаза, то всевѣдущій Богъ въ тотъ же моментъ пускаетъ свою „идею“ въ мои глаза; а когда я ихъ закрываю, то Богъ, видящій это, въ то же мгновеніе, сейчасъ же отнимаетъ свою „идею“ и слѣдитъ за моими вѣками и за моимъ намѣреніемъ открыть ихъ. Если десятокъ тысячъ людей одновременно смотрятъ на одинъ и тотъ же предметъ: то Богъ то же продѣлываетъ съ каждымъ одновременно. Но въ тотъ же моментъ бодрствуетъ еще полъ милліарда людей, которые тоже имѣютъ различныя воспріятія: и каждому изъ нихъ Богъ одновременно посылаетъ то одинаковыя, то различныя „идеи“, слѣдя каждое мгновеніе за вѣками каждаго, открыты ли они, или нѣтъ. Если во всей вселеной обитаема мыслящими существами одна лишь наша земля; то и въ такомъ случаѣ дѣятельность Бога, по гипотезѣ Беркли, оказывается не только чрезвычайно сложной и хлопотливой, но и унизительной. Богъ низводится въ послушное орудіе, въ раба прихотей каждаго человѣка! Аристотель за три съ половиной вѣка до Рождества Христова имѣлъ гораздо болѣе возвышенное представленіе о единомъ Богѣ; его Богъ занятъ самой совершенной, самой лучшей дѣятельностью, ко-

[1]) Тамъ же, § XXIX.

торая есть первоисточникъ всякой жизни: Богъ занятъ мышленіемъ своего же мышленія, лучшаго и совершеннѣйшаго [1]).

По гипотезѣ Беркли выходитъ, что Богъ, всеблагій, бываетъ послушнымъ орудіемъ человѣка даже тогда, когда человѣкъ собирается совершить гнусное убійство. Преступникъ хочетъ достать топоръ, и Богъ посылаетъ ему „идею" топора; преступникъ направляетъ топоръ на голову своей жертвы, желая увидѣть топоръ раздробляющимъ черепъ, и Богъ посылаетъ соотвѣтственныя „идеи"; благодаря этому жертва умерщвляется, и совершается гнусное преступленіе. Подобныхъ выводовъ благочестивый Клойнскій архіепископъ, конечно, не дѣлалъ.

Беркли презиралъ, и вполнѣ основательно, метафизическій матеріализмъ и въ борьбѣ съ нимъ, зашелъ слишкомъ далеко. Отвергая реальное существованіе матеріальныхъ вещей, онъ дошелъ до такого гносеологическаго идеализма, который въ настоящее время можетъ удовлетворять только поверхностныхъ и легковѣрныхъ людей: съ тѣхъ поръ какъ написанъ трактатъ Беркли, прошло два полныхъ вѣка, и можно было уже пойти дальше. Однако соблазнительность слова „идеализмъ" и теперь еще толкаетъ къ нему въ объятія иныхъ философовъ, имѣющихъ искреннее желаніе быть глубокомысленными и проницательными.

§ 13. Возраженіе имманентной философіи.

Новѣйшіе приверженцы идеализма не выдвинули новыхъ, болѣе убѣдительныхъ аргументовъ въ пользу своей гипотезы, чѣмъ ихъ предшественники: таковыхъ аргументовъ не можетъ быть. Они воспроизводятъ старое въ новой оболочкѣ, которая ничуть не прибавляетъ убѣдительности. Почти всѣ они пользуются своей теоріей для обоснованія метафизическаго идеализма или спиритуализма и для доказательства бытія Абсолютнаго духа. Цѣль весьма симпатичная, и эта симпатичность переносится читателемъ и на

[1]) *Aristoteles*, Metaph.—XII, 9. 1074. b. 17.

самое средство, ведущее къ этой цѣли. На самомъ дѣлѣ въ этомъ пріемѣ кроется то же заблужденіе, что и у Беркли. Чтобы побороть матеріализмъ, уже a priori отрицается міръ матеріальный. Ту же ошибку дѣлаютъ и матеріалисты, отрицая духъ уже въ своихъ предпосылкахъ. Тридцать четыре года тому назадъ В. Шуппе опубликовалъ свою объемистую „Гносеологическую логику", въ которой возвращается къ прежнему идеализму, утверждая, что „весь этотъ міръ принадлежитъ къ нашему „Я" и находится только въ „Я" [1]). Онъ не признаетъ даже „вещей въ себѣ" Канта [2]); онъ не признаетъ нашихъ воспріятій за дѣйствія внѣшней причины,—матеріальныхъ вещей или Бога [3]); онъ прямо превращаетъ каждаго человѣка въ маленькаго бога, создающаго и носящаго въ себѣ весь міръ. Эту философію нѣмцы окрестили новымъ именемъ „имманентной философіи", а у насъ, въ Россіи такія же воззрѣнія проповѣдуетъ Н. Лосскій подъ новымъ названіемъ „интуитивизма". И Лосскій утверждаетъ, что субъектъ и объектъ познанія нераздѣльны; что „объектъ знанія находится въ самомъ процессѣ знанія, и не въ копіи, а въ оригиналѣ" (Примѣръ этому приводится только изъ внутренняго опыта). Различіе между „Я" и „не—Я" будто обусловливается опредѣленными особыми чувствами „принадлежности мнѣ" и „данности мнѣ". Знаніе о внѣшнемъ мірѣ будто ничѣмъ не отличается отъ знанія о внутреннемъ мірѣ". Такъ какъ „матеріалъ знанія складывается только изъ состояній сознанія, то и причина всякаго явленія должна быть среди нихъ" [4]). Такимъ образомъ, и по ученію Лосскаго, весь міръ находится въ нашемъ Я, въ которомъ совершается „процессъ знанія".

Въ мою задачу не входитъ полемика и историческая критика ошибочныхъ мнѣній—это я сдѣлаю во второй части своего изслѣдованія, и то только съ самыми важными. Я привелъ ложныя мнѣнія только для оправданія себя, что я доказываю то, въ чемъ обычный здравый смыслъ не со-

[1]) *W. Schuppe*, Erkentnisstheoretische Logik, Bonn 1878, S. 70.

[2]) Тамъ-же, стр. 40—44.

[3]) Тамъ-же.

[4]) *Н. Лосскій.* Обоснованіе интуитивизма, Спб. 1906; стр. 73, 74, 82, 92, 100—102, 359—361.

мнѣвается. Впрочемъ, это дѣлали многіе философы и до меня, начиная съ Локка: къ счастью, значительное большинство философовъ не расходится со здравымъ смысломъ въ нашемъ вопросѣ [1]).

Прежде чѣмъ приступить къ анализу реальнаго воспріятія и открытія критеріевъ истиннаго міропониманія, я сдѣлаю только одно общее возраженіе „имманентной философіи“ и идеализму вообще. Философы этихъ направленій въ сущности такъ мотивируютъ свою гипотезу. Мы познаемъ все только черезъ свое сознаніе (вѣрнѣе—его акты): слѣдовательно, все есть въ нашемъ сознаніи или же—актомъ сознанія (нашего Я), и кромѣ него ничего не существуетъ. Это разсужденіе совершенно равносильно по формѣ слѣдующему умозаключенію. Я вижу весь міръ черезъ свои синіе очки: слѣдовательно все есть въ моихъ синихъ очкахъ или все оказывается синими очками, и кромѣ нихъ ничего не существуетъ. Какъ ни очевидна ошибочность подобнаго разсужденія, однако она лежитъ въ основаніи гносеологическаго идеализма, но только прикрытой ученой терминологіей и разсужденіями.

[1]) Къ числу этихъ философовъ нужно причислить и современнаго глубокомысленнаго и выдающагося французскаго философа *Г. Бергсона*, который, по недоразумѣнію, въ одной статьѣ „Вопросовъ философіи...“ (1911 г. кн. 109) названъ „провозвѣстникомъ и наиболѣе яркимъ выразителемъ интуитивизма“. На самомъ дѣлѣ, этотъ терминъ пока еще не существуетъ въ философіи, ни въ новѣйшемъ философскомъ словарѣ Эйслера (1910 года). Этотъ терминъ пущенъ въ оборотъ Н. Лосскимъ для обозначенія гносеологическаго идеализма, основаннаго на психологическихъ данныхъ, но и то только въ его отдѣльно отпечатанной книгѣ „*Обоснованіе интуит.*“ (1906 года). Въ первомъ изложеніи въ Вопр. фил. (1904 и 5) его теорія имъ была названа „мистич. эмпиризмомъ“. На дѣлѣ она совпадаетъ съ „имманентной философіей“. Съ ней Бергсонъ совсѣмъ расходится; онъ признаетъ реальность чувственнаго міра, признавая нѣкоторую реальность и времени, и пространства, и матеріи, т. е. нѣчто соотвѣтствующее въ дѣйствительности этимъ понятіямъ. Бергсонъ во многомъ близко стоитъ къ доказаннымъ нами положеніямъ, хотя къ нимъ пришелъ почти по интуиціи, а не посредствомъ подробныхъ анализовъ. См. *H. Bergson*, 1) Evolution creatrice, 2) Jntrod. à la metaph. 3) Matière et la mémoire.

§ 14. Доказательства Локка относ. реальности внѣшнихъ вещей.

Недовольствуясь общечеловѣческимъ согласіемъ здраваго смысла, новѣйшіе философы уже давно ищутъ достовѣрныхъ примѣтъ дѣйствительности. Еще Локкъ, вѣроятно въ отвѣтъ на сомнѣнія Декарта, принялся за рѣшеніе этой задачи. Въ своемъ знаменитомъ „Опытѣ" Локкъ разсуждаетъ такъ. „Наличность идеи о чемъ-нибудь въ душѣ (mind) такъ же мало доказываетъ существованіе вещи, какъ портретъ какого-нибудь человѣка (picture) доказываетъ очевидность его существованія въ мірѣ, или какъ сновидѣніе можетъ создать достовѣрность событія" (a true history) [1]).

„Слѣдовательно дѣйствительнымъ полученіемъ идеи [=впечатлѣнія] извнѣ дается намъ свѣдѣніе (notice) о существованіи другихъ вещей; идея заставляетъ насъ познать, что нѣчто существуетъ въ данное время внѣ насъ, что вызвало въ насъ идею [=впечатлѣніе], хотя мы, быть можетъ, и не знаемъ и не соображаемъ, какимъ образомъ это происходитъ... Такъ напр., когда я это пишу, поясняетъ Локкъ, то отъ бумаги, дѣйствующей на мои глаза, я имѣю идею [=впечатлѣніе], вызванную въ моей душѣ, которую называю бѣлизной, каковъ бы ни былъ предметъ, вызвавшій ее. Вслѣдствіе этого я знаю, что это качество, или accidens, (т. е. появленіемъ чего передъ моими глазами всегда производится эта идея) существуетъ въ дѣйствительности (really) и имѣетъ бытіе внѣ меня. Объ этомъ я могу имѣть самую большую увѣренность (assurance), какая только возможна; и этого достигаютъ мои способности благодаря свидѣтельству моихъ глазъ, которые оказываются истинными и единственными [?] судьями объ этомъ" [2]).

Эта выдержка достаточно свидѣтельствуетъ: 1) что Локкъ въ общемъ не только отличалъ образы воображенія отъ воспріятій, но и послѣднія отъ реальныхъ вещей; 2) что онъ

[1]) *J. Locke*, Works, vol. II. London 1854, „An Essay con. hum. und." book IV, chap. XI, § 1.

[2]) Тамъ-же § 2. (Маркировки и заключенное въ угольныхъ скобкахъ во всѣхъ цитатахъ мои).

искалъ примѣтъ этого различія. Но приведенное соображеніе отнюдь не можетъ разубѣдить ни идеалиста, ни скептика новѣйшей формаціи. А именно, а) ему повторятъ сомнѣнія Декарта и скептиковъ: если вѣра въ реальное бытіе видимаго дается только свидѣтельствомъ глазъ, то то же бываетъ и при галлюцинаціяхъ и иллюзіяхъ; б) постоянство появленія идеи бѣлизны при устремленіи глазъ на писчую бумагу объясняется и гипотезой Беркли: онъ это постоянство идей объяснялъ порядкомъ, предустановленнымъ Богомъ; (таковой мы называемъ законами природы); в) что идея (=впечатлѣніе) вызывается внѣшнимъ реальнымъ предметомъ, не доказано Локкомъ, такъ какъ самая внѣположность, т. е. пространственныя отношенія, не только идеалистами, но и кантіанцами считаются чисто субъективной формой воспріятія; г) самый возбуждающій предметъ опять познается только чувствами, которыя такъ же могутъ дѣйствовать и при отсутствіи внѣшняго предмета, какъ это бываетъ во снѣ [1]).

Болѣе убѣдительны другія соображенія Локка; но и они могутъ обнаружить свою силу лишь тогда, когда предварительно разбиты предпосылки скептиковъ, идеалистовъ и кантіанцевъ, и установлены принципы здраваго смысла и необходимыя условія всякаго знанія. Такъ какъ это сдѣлано нами раньше: то для насъ будутъ цѣнны всѣ соображенія Локка, хотя они еще далеки отъ возможнаго въ настоящее время гносеологическаго анализа: Локкъ еще не даетъ подробнаго анализа ни самаго воспріятіятія, ни самаго понятія „вещь" или „предметъ".

Второе соображеніе Локка сводится къ „вынужденности" воспріятій, которую признавали даже древніе скептики, почему они и не отвергали познанія явленій, добываемаго при помощи органовъ чувствъ. Для этого аргумента Локкъ приводитъ примѣръ, говоря: „Если я теперь въ полдень обращу свои глаза вверхъ къ солнцу, то я не могу устранить идей [=впечатлѣній], вызываемыхъ во мнѣ свѣтомъ и солнцемъ. Поэтому существуетъ явное отличіе между идеей, со-

[1]) Гораздо послѣдовательнѣе былъ Ридъ, который считаетъ излишнимъ и даже невозможнымъ доказывать то, что каждому очевидно, въ чемъ на практикѣ никто не сомнѣвается.

храняемой въ моей памяти... и тѣми, которыя сами мнѣ навязываются насильно, и которыхъ я не въ силахъ отстранить" [1]).

Третье соображеніе Локка: „Многія изъ воспріятій возникаютъ въ насъ вмѣстѣ съ болью, тогда какъ о нихъ вспоминаютъ безъ боли". „Поэтому, поясняетъ Локкъ, зной и холодъ, голодъ, жажда, боль головы вызываютъ страданія, а воспоминаніе о нихъ не сопровождаются таковыми. Если бы эти чувства зависѣли только отъ идей, а не отъ реальныхъ вещей, продолжаетъ Локкъ, то эти идеи всегда сопровождались бы соотвѣтственными чувствами... То же относится и къ удовольствіямъ, вызываемымъ вещами"... [2]).

„Въ четвертыхъ, замѣчаетъ Локкъ, во многихъ случаяхъ одинъ органъ чувствъ подтверждаетъ истину того, о чемъ свидѣтельствуетъ другой относ. существованія внѣшнихъ вещей. Кто видитъ огонь и сомнѣвается, что онъ больше, чѣмъ образъ воображенія, тотъ можетъ его ощутить и убѣдиться въ этомъ, протянувъ въ огонь руку. Одна идея или воображеніе, поясняетъ Локкъ, не вызвала бы столь сильной боли, или же— и самая боль была бы однимъ воображеніемъ. Однако, когда рана [отъ ожога] заживаетъ, то и скептикъ не въ состояніи воспроизведеніемъ идеи причинить себѣ такую же боль" [3]).

„Эта достовѣрность, заключаетъ Локкъ, столь велика, насколько того требуетъ наше положеніе (condition). Если же кто-нибудь хочетъ быть настолько скептикомъ, чтобы не довѣрять своимъ глазамъ; если кто-нибудь хочетъ утверждать, что все, что мы видимъ и слышимъ въ теченіе нашей жизни, ощущаемъ и познаемъ вкусомъ, мыслимъ и дѣлаемъ—представляетъ только рядъ обманчивыхъ явленій сновидѣнія, не будучи дѣйствительностью, и такимъ образомъ сомнѣвается въ существованіи всѣхъ вещей и всего нашего знанія: то я ему могу возразить, что если все есть сонъ, то и онъ видитъ сонъ, возбуждая эти сомнѣнія... Наши идеи, поясняетъ Локкъ, служатъ для сохраненія насъ и при-

[1]) Тамъ-же § 5.
[2]) Тамъ же, § 6.
[3]) Тамъ же, § 7.

способлены къ потребностямъ нашей жизни; онѣ исполняютъ эти задачи довольно хорошо, если онѣ намъ даютъ надежныя свѣдѣнія о вещахъ, которыя намъ пригодны или непригодны (inconvenient)... Подобная увѣренность (assurance) въ существованіи внѣшнихъ вещей достаточна для достиженія благъ и избѣжанія золъ, вызываемыхъ ими, и въ этомъ состоитъ важное значеніе того, что мы ознакомились съ ними"[1]).

Таковы аргументы Локка. Вся философія послѣ него доказала недостаточность этихъ аргументовъ для идеалистовъ всѣхъ наименованій.

§ 15. Примѣты реальности воспріятій у Спенсера.

Гносеологическій и психологическій анализы воспріятій дѣйствительности отличаются у Спенсера большой детальностью разработки, тогда какъ другіе философы, защищающіе реализмъ познаваемыхъ предметовъ, приводятъ однѣ лишь общія и отвлеченныя разсужденія, мало убѣдительныя не только для новѣйшихъ скептиковъ, отвергающихъ метафизику, но и для метафизиковъ. Въ этомъ не составляетъ исключенія и самый младшій по времени философъ-реалистъ—Бергсонъ, который по глубинѣ мысли и по эрудиціи ничуть не уступаетъ Спенсеру. Такъ какъ Спенсеръ, сверхъ того, является типичнымъ представителемъ критическаго реализма у англичанъ, то я воспроизведу его выводы и нѣкоторые изъ его аргументовъ по нашему вопросу дословно, хотя и Спенсеръ, какъ мы увидимъ, не освободился отъ традиціонныхъ заблужденій англійской психологіи и философіи.

Прежде всего Спенсеръ отмѣчаетъ „въ числѣ многихъ противорѣчій, содержащихся въ антиреалистическихъ гипотезахъ, замѣчательное противорѣчіе между утвержденіемъ, что сознаніе не можетъ быть трансцендентнымъ, [т. е. относящимся къ чему-то внѣ сознанія] и утвержденіемъ, что

[1]) Тамъ же, § 8.

внѣ сознанія не существуетъ ничего" [1])... „А за этимъ противорѣчіемъ, продолжаетъ Спенсеръ, является другое... Въ то время, какъ с л о ж н о е показаніе сознанія [подразумѣваются сложныя и отвлеченныя р а з с у ж д е н і я п о г н о с е о л о г і и], которое опредѣляетъ его собственные предѣлы, разсматривается какъ стоящее в н ѣ с п о р а (above question), между тѣмъ какъ его п р о с т о е показаніе, утверждающее, что н ѣ ч т о с у щ е с т в у е т ъ в н ѣ е г о п р е д ѣ л о в ъ, считается н е с о с т о я т е л ь н ы м ъ: въ то же время, повидимому, требуютъ д р у г о г о доказательства этого внѣшняго существованія, чѣмъ то, которое дано въ терминахъ внутренняго существованія", [т. е. его непосредственнаго свидѣтельства въ терминахъ психологическихъ] [2]).

„Реализмъ, по заявленію Спенсера, будетъ оправданъ положительнымъ образомъ, если онъ окажется показаніемъ сознанія, дѣйствующаго по своимъ собственнымъ законамъ... Мы должны прослѣдить тѣ процессы, посредствомъ которыхъ слагается реалистическое воззрѣніе... Его абсолютная состоятельность будетъ доказана, если мы найдемъ, что онъ есть необходимое произведеніе мысли, дѣйствующей согласно съ общими законами" [3]).

„Производя это изслѣдованіе, говоритъ Спенсеръ, мы должны постараться, насколько это возможно, удалить обычныя осложненія (implications) мысли. Мы не можемъ ихъ устранить н а с а м о м ъ д ѣ л ѣ, мы можемъ ихъ исключить лишь условно. Реалистическое истолкованіе (interpolation) нашихъ переживаній сознанія, столь же глубокое, какъ и самое строеніе нервной системы, не можетъ быть изгнано въ дѣйствительности ни на мгновеніе. Все, что мы можемъ сдѣлать... это—настойчиво оставлять безъ вниманія (ignore) реалистическія объясненія... и ограничить наше вниманіе

[1]) *H. Spencer*, The principles of Psychologie, II ed. London, 1872, pag. 444, § 442, vol. II, part VII, chap. XIV. Такого утвержденія, на самомъ дѣлѣ, не дѣлаетъ никто; идеалисты отвергаютъ лишь м а т е р і а л ь н ы й міръ, и то не всѣ.

[2]) Тамъ-же. Маркировки и поясненія въ угольныхъ скобкахъ принадлежатъ мнѣ.

[3]) Тамъ-же, § 443, стран. 445. Всѣ маркировки, а равно заключенное въ угольныхъ скобкахъ во всѣхъ цитатахъ принадлежитъ мнѣ.

одними состояніями сознанія, разсмотрѣнными просто, какъ таковыя" [1]).

Въ виду этой неполноты анализируемаго Спенсеромъ, мы ограничимся только нѣкоторыми выдержками и его выводами. Свой анализъ Спенсеръ начинаетъ съ описанія такого переживанія. „Состоянія сознанія, которыя я называю прикосновеніемъ и давленіемъ, появляются у меня, когда я сижу на этой скамейкѣ, и морской вѣтерокъ дуетъ мнѣ въ лицо. Шумъ буруновъ и движенія волнъ, видимыя вплоть до горизонта, въ то же время находятся [въ моемъ сознаніи]; я испытываю также теплоту солнца и запахъ морскихъ водорослей. Эти состоянія я называю соотвѣтственно ихъ классу—громкими, или яркими, или сильными. Повидимому, они заполняютъ все поле сознанія; однако болѣе точное разсмотрѣніе показываетъ, что это не такъ".

„Послѣ того какъ морской вѣтерокъ только-что пахнулъ на меня запахомъ водорослей, появляются [въ сознаніи] тѣ цвѣта и очертанія, которыя нѣкій другой берегъ моря доставлялъ мнѣ много лѣтъ тому назадъ; а также—мысли обо всемъ происходившемъ, когда я впервые увидѣлъ море. Вмѣстѣ съ этимъ рядомъ идетъ второстепенный рядъ, составляющій то, что я знаю, какъ рѣчь, которая помогаетъ мнѣ различать, узнавать и связывать члены перваго... Итакъ, наблюдая тщательно, я нахожу, что при наличности всѣхъ этихъ соединенныхъ другъ съ другомъ (aggregated) цвѣтовъ, звуковъ, давленій и проч., которые восприняты мною, во мнѣ появляются и исчезаютъ нѣкоторыя другія [состоянія], которыя принадлежатъ къ тѣмъ же самымъ классамъ, но отличаются отъ нихъ интенсив-

[1]) Тамъ-же, § 444, стран. 445 и 446. Это рѣшеніе Спенсера, къ сожалѣнію, искажаетъ самое изложеніе переживаній сознанія: его анализъ представляетъ собою нѣчто неполное и искусственно оборванное. Спенсеръ, въ угоду противникамъ, не хотѣлъ исходить отъ „спорныхъ" данныхъ; на самомъ дѣлѣ, эти данныя никто не можетъ оспаривать: идеалисты оспариваютъ лишь ихъ истолкованіе въ смыслѣ вѣры въ независимый матеріальный міръ. Впрочемъ, Спенсеръ исключилъ также и мускульныя движенія и соотвѣтственныя мускульныя ощущенія и наконецъ—участіе нашего „я". Такимъ образомъ его анализъ не полный даже относительно познавательныхъ элементовъ. См. тамъ-же, § 450—457.

ностью и тѣмъ, что различно расположены и комбинированы" [1]).

Спенсеръ называетъ первый классъ „живыми состояніями", а второй—„слабыми". „Живыя состоянія, и по Спенсеру, первоначальны, а слабыя производны" [2]). Живыя состоянія не зависятъ отъ моей воли: „природа каждаго изъ нихъ и порядокъ ихъ слѣдованія другъ за другомъ обладаютъ временной безусловностью, или абсолютностью"; слабыя состоянія „легко измѣняются, даже если я остаюсь физически пассивнымъ" [3]). Каждый изъ этихъ рядовъ оказывается непрерывнымъ цѣлымъ" [?].

„Первый совершенно независитъ отъ моего контроля. Второй рядъ... представляется скорѣе гибкимъ и уступчивымъ" [4])... „Эти два аггрегата идутъ рядомъ, до извѣстной степени независимо другъ отъ друга; въ первомъ случаѣ эта независимость полная, абсолютная" [5])... „Каждый изъ этихъ аггрегатовъ имѣетъ свои собственные законы сосуществованія и послѣдовательности... особенныя отношенія въ слабомъ ряду не бываютъ абсолютными, но могутъ быть измѣняемы съ большей или меньшей легкостью" [6]).

Такова общая характеристика этихъ двухъ аггрегатовъ у Спенсера. Подробное перечисленіе ихъ различій онъ даетъ въ концѣ XVI главы.

[1]) Тамъ-же, гл. XVI, § 450, стран. 450 и 455. Спенсеръ придерживается стараго дѣленія всѣхъ переживаній сознанія на два класса; это дѣленіе установлено еще Юмомъ, а именно: 1) на „впечатлѣнія" (т. е. ощущенія и воспріятія) и 2) на „идеи" (т. е. образы воображенія и памяти, а также понятія). Главное различіе этихъ двухъ классовъ и Спенсеръ видитъ въ несущественномъ признакѣ, будто первый классъ отличается отъ второго сравнительной интенсивностью. Что это невѣрно, видно и изъ нашихъ предыдущихъ анализовъ. См. наст. гл. §§ 2, 3, 4, 9, 10, а также мое Руководство по психологіи, XV, XVIII и XX.

[2]) Тамъ-же, § 451.

[3]) Тамъ-же, § 452, конецъ.

[4]) Тамъ-же, § 453, конецъ.

[5]) Тамъ-же, § 454, конецъ.

[6]) Тамъ-же, § 455.

§ 16. Выводы Спенсера.

Разсматривая различные контрасты между обоими агрегатами, т. е. „живымъ“ и „слабымъ“, Спенсеръ находитъ, что эти „два аггрегата отличаются другъ отъ друга такими чертами, которыя поразительны, уже каждая въ отдѣльности; но будучи взяты въ своей совокупности, онѣ составляютъ различіе, превосходящее всѣ другія различія...“ [1]). Вотъ эти различные контрасты, расположенные Спенсеромъ въ два ряда:

„*Состоянія I класса* [т. е. „живого“ аггрегата].	*Состоянія II класса* [т. е. „слабаго“ аггрегата].
1. Относительно живы.	Относительно слабы.
2. Предшественники во времени.	Преемники во времени (или копіи).
3. Неизмѣняемыя волею въ ихъ качествахъ.	Измѣняемыя волею въ ихъ качествахъ.
4. Неизмѣняемыя волею въ ихъ одновременномъ порядкѣ.	Измѣняемыя волею въ ихъ одновременномъ порядкѣ.
5. Неизмѣняемыя волею въ ихъ послѣдовательномъ порядкѣ.	Измѣняемыя волей въ ихъ послѣдовательномъ порядкѣ.
6. Образуютъ части живого аггрегата, въ которомъ никогда [?] не наблюдается никакого перерыва;	Образуютъ части слабаго аггрегата, въ которомъ никогда [?] не наблюдается никакого перерыва;
7. Который вполнѣ независимъ отъ слабаго аггрегата;	Который отчасти независимъ отъ живого аггрегата;
8. И имѣетъ свои законы, исходящіе отъ него самого.	И имѣетъ законы, отчасти производимые со стороны другого аггрегата, а отчасти свойственные ему одному

1) Тамъ же § 458, стр. 463; маркировки и поясненія въ угольныхъ скобкахъ принадлежатъ мнѣ.

9. Имѣетъ антецедеаты, которые могутъ или *не могутъ* быть открыты.	Имѣютъ антецедеаты, которые *всегда* [?] *могутъ* быть открыты.
10. Принадлежитъ къ нѣкоторому цѣлому *неизвѣстнаго* протяженія.	Принадлежитъ къ нѣкоторому цѣлому, *ограниченному* тѣмъ, что мы называемъ памятью.

„Эти различныя антитезы, по словамъ Спенсера, отчасти устанавливаются *сами* въ моемъ сознаніи, не только безъ всякаго усилія, но даже безъ возможности ихъ устраненія; отчасти онѣ устанавливаются въ моемъ сознаніи такими процессами, которые въ нѣкоторой степени произвольны". Всѣ эти различія устанавливаетъ Спенсеръ при предположеніи *полной пассивности* воспринимающаго субъекта [1]). Къ этому онъ справедливо замѣчаетъ, что еслибы субъектъ „былъ *всегда* пассивенъ съ самаго рожденія, то различіе разсматриваемыхъ двухъ аггрегатовъ было бы съ нѣкоторыхъ сторонъ еще рѣзче, чѣмъ теперь" [2]). Изъ этого Спенсеръ дѣлаетъ выводъ, что „первичное дифференцированіе этихъ аггрегатовъ отъ другого, и интегрированіе каждаго съ самимъ собою *предшествуетъ* всѣмъ тѣмъ опытамъ, которые даны моимъ движеніемъ, и всѣмъ преднамѣреннымъ сравненіямъ, которыя дѣлаются возможными вслѣдствіе моего движенія". „Эта дифференціація имѣетъ повелительный характеръ въ томъ смыслѣ, что *нѣтъ возможности остановить* тотъ процессъ, посредствомъ котораго она воспроизводится въ каждое мгновеніе" [3]). Таковы результаты анализа Спенсера въ главѣ „частичная дифференціація субъекта и объекта".

На эту главу мы пока сдѣлаемъ два общихъ замѣчанія.

1) Весь перечень различій носитъ явный отпечатокъ приверженца англійской *ассоціаціонной теоріи*: въ немъ идетъ рѣчь только о „состояніяхъ сознанія", хотя и упоминается „воля"; но и эта понимается въ смыслѣ от-

1) Тамъ же, стр. 463 и 464.

2) Тамъ же, § 459, стр. 464 и 465.

3) Тамъ же, стр. 465.

дѣльныхъ „состояній“ или „волевыхъ актовъ“. Въ немъ говорится объ „антецедентахъ“, объ „одновременномъ“ и „послѣдовательномъ порядкѣ“; а причинность не упоминается, хотя на самомъ дѣлѣ она подразумѣвается въ словахъ „зависитъ“ и „независимъ“. Фактъ самосознанія, выражаемый словомъ „я“, совершенно исключенъ, хотя безъ него врядъ ли совсѣмъ обходится какое-нибудь переживаніе воспріятій дѣйствительности.

2) По этому перечню ни одинъ нормальный человѣкъ не станетъ разбираться въ своихъ впечатлѣніяхъ, имѣетъ ли онъ дѣло съ дѣйствительностью или съ мечтой; грезой, сновидѣніемъ. Правда, для обыкновенныхъ смертныхъ не нужны, и даже для древнихъ скептиковъ не были нужны доказательства существованія реальнаго міра. Таковыя нужны только философамъ нашего времени. Но и философъ противнаго лагеря мало почерпнетъ убѣдительной силы въ приведенномъ перечнѣ Спенсера, если онъ знакомъ съ психической жизнію. Дѣло въ томъ, что различія Спенсера не безусловно вѣрно отмѣчены, что будетъ нами показано въ дальнѣйшемъ изслѣдованіи.

§ 17. Возраженія на выводы Спенсера.

1) Первое и шестое различіе выражаютъ одно и то же; но оно далеко не всегда бываетъ въ дѣйствительности. Сновидѣнія и галлюцинаціи часто не уступаютъ по „живости“ или „интенсивности“ реальнымъ воспріятіямъ: вѣдь и послѣднія бываютъ „слабыми“, напр.: слабые звуки, отдаленные предметы...

Что же касается понятій, выражаемыхъ словами, то таковыя относительно „живости“ или „силы“ прямо не сравнимы съ ощущеніями и воспріятіями. Такъ напр., представленіе или понятіе „пушечнаго выстрѣла“ или „удара грома“ будетъ слабѣе или сильнѣе представляемаго тиканія карманныхъ часовъ? Сравнительная живость реальныхъ впечатлѣній въ общемъ наблюдается, но она не составляетъ существеннаго признака. Тѣ нормальные люди, которые имѣли галлюцинаціи,—даже среди бѣлаго дня, увѣря-

ютъ насъ, что онѣ по живости ничуть не уступали дѣйствительному воспріятію: однако галлюцинирующіе тотчасъ же убѣждались, что имѣли дѣло съ „привидѣніемъ", если имъ незнакомъ терминъ „галлюцинаціи". Таковыя у нормальныхъ людей непродолжительны и не повторяются: онѣ тотчасъ же проходятъ—„исчезаютъ". Но если бы онѣ и продолжались, то все же есть не мало примѣтъ, чтобы ихъ отличить отъ реальнаго воспріятія; однако Спенсеръ на нихъ не указалъ.

2) Третье, четвертое и пятое различія Спенсера сводятся къ одному, т. е. независимости „живого аггрегата" (вѣрнѣе—видимыхъ предметовъ) отъ воли человѣка. То же въ замаскированномъ видѣ выражаютъ и седьмое по десятое различія. Если „живой аггрегатъ вполнѣ независимъ отъ слабаго аггрегата" (7-ое различіе), то это значитъ, что онъ имѣетъ свои законы (8-ое различіе). Впрочемъ, всѣ послѣднія различія вытекаютъ изъ второго. Если „слабый аггрегатъ", т. е. наши образы, представленія и понятія, оказываются „преемниками по времени", т. е. позднѣйшаго происхожденія, (2-ое различіе), то само собой понятно, что они не могутъ измѣнить того, что было до нихъ; (7-ое различіе). Слѣдавательно „предшествующій живой рядъ" вполнѣ независимъ отъ слабаго. Послѣдній не все можетъ копировать, т. е. не всѣ „антецеденты" живого аггрегата извѣстны человѣку (9-ое различіе); они не всегда могутъ сдѣлаться извѣстными. Слѣдовательно видимое и слышимое представляетъ только часть міра, протяженіе котораго въ своей цѣлости, конечно, намъ неизвѣстно (10-ое различіе).

3) Что же касается шестого различія, то оно повторяетъ первое съ присоединеніемъ, что живыя и слабыя состоянія составляютъ часть соотвѣтственнаго аггрегата. Эта прибавка, очевидно, не показываетъ различія. Къ этому прибавлено въ обоихъ классахъ, что въ аггрегатѣ никогда (?) не наблюдается никакого перерыва. Этотъ признакъ опять общій обоимъ классамъ: слѣдовательно не показываетъ различія. Впрочемъ, этотъ „признакъ" не всегда бываетъ на дѣлѣ. Относительно II-го класса, т. е. „слабаго аггрегата" ошибочное мнѣніе Спенсера основано на вѣрѣ въ ассоціаціонную теорію, будто каждое послѣдующее переживаніе

вызвано предыдущимъ [1]). Неосновательность этой ассоціаціонной теоріи доказана мною всѣмъ моимъ изслѣдованіемъ „О памяти“ [2]). Относ. перваго ряда „живыхъ состояній“ наблюденія Спенсера тоже невѣрны: перерывы не существуютъ только въ видимомъ мірѣ; но относ. звуковъ они существуютъ и въ дѣйствительности, напр. на парусномъ суднѣ во время штиля, когда всѣ спятъ. Въ сознаніи же наши переживанія весьма часто обрываются, въ особенности передъ засыпаніемъ.

4) Остается въ силѣ пока второе различіе, т. е. что состоянія „слабаго аггрегата“ (образы, представленія, понятія) позднѣйшаго происхожденія, чѣмъ соотвѣтственныя впечатлѣнія. Это положеніе послѣ Локка получило свои права гражданства въ психологіи: всѣ считаютъ его фактомъ непреложнымъ, хотя его никто не доказывалъ, и самъ Локкъ отвергалъ только врожденныя идеи и положенія. Общее мнѣніе относ. производности представленій отъ соотвѣтствующихъ впечатлѣній вѣрно и безспорно только относ. значительнаго большинства нашихъ представленій и понятій, но не всѣхъ. Мы изъ множества фактовъ убѣдились не только въ прирожденности безсчетнаго множества способностей и силъ, но и динамическихъ ассоціацій. Если всѣ неграмотные люди считаютъ небо плотнымъ, хотя никто никогда не ощупывалъ его: то эта общая увѣренность можетъ быть объяснена только врожденностью ассоціацій между субстратами зрительныхъ впечатлѣній и соотвѣтственными субстратами осязательныхъ ощущеній. Въ силу такой врожденной динамической ассоціаціи зрительное впечатлѣніе можетъ возбудить въ сознаніи представленіе плотности, которое вовсе не есть копія реальнаго впечатлѣнія. Если цыпленокъ въ первый день своей жизни внѣ скорлупы ловитъ первую муху, то это не можетъ быть объяснено опытомъ. Сказать, что онъ это дѣлаетъ по инстинкту, не значитъ, что этимъ словомъ дано объясненіе. Инстинктъ тоже вызываетъ сознательныя дѣйствія и соотвѣтственныя представленія. Разъ отъ рожденія существуетъ субстратъ (субстанція), которая производитъ извѣстное сознатель-

1) Тамъ же, § 455.

2) См. *И. С. Проданъ*, О памяти: I ч. гл. XV, стр. 185—207 и II ч. XII гл., стр. 325—390.

н о е переживаніе, то для этого не нужно ожидать еще толчка извнѣ со стороны органа чувствъ. Если во снѣ тѣ же субстраты при закрытыхъ глазахъ производятъ такія же впечатлѣнія, какъ и на яву: то это доказываетъ, что опредѣленный субстратъ можетъ производить свою дѣятельность и б е з ъ у ч а с т і я сѣтчатки глазъ. Если это можетъ осуществиться относ. осязательныхъ представленій, то почему оно невозможно относ. другихъ образовъ и представленій? Я лично не увѣренъ въ безусловной истинности этого общепризнаннаго положенія. Я увѣренъ въ с а м о п р о и з в о л ь н о с т и душевной жизни (относ. памяти я ее доказалъ). Слѣдовательно *допускаю и врожденныя идеи*, которыя могутъ появиться въ сознаніи, хотя бы оно еще не получало соотвѣтственнаго толчка извнѣ, отъ нервнаго раздраженія.

Впрочемъ, если бы это положеніе Локка даже было безусловно вѣрнымъ и безъ исключеній; то оно не имѣетъ существеннаго значенія въ распознаваніи реальнаго воспріятія отъ соотвѣтственнаго образа воображенія, который появляется б е з ъ узнаванія въ различныхъ комбинаціяхъ. Обыкновенные люди не знаютъ этого положенія психологіи; а во снѣ мы всѣ видимъ образы, которые намъ кажутся совершенно н о в ы м и.

Итакъ всѣ десять различій Спенсера сокращаются до одного, а именно, что „живой аггрегатъ“ н е и з м ѣ н я е т с я о т ъ н а ш е й в о л и, пока мы остаемся недѣятельными, т. е. не производимъ движеній своимъ тѣломъ. Этотъ критерій не отвергали и древніе скептики. Но и это существенное различіе, какъ мы видѣли, нуждается въ ограниченіи.

Таковы результаты анализа Спенсера въ главѣ „Частичная дифференціація субъекта и объекта“.

§ 18. „Полная диффенціація субъекта и объекта“.

Подъ такимъ заголовкомъ Спенсеръ въ XVII гл. той же книги продолжаетъ свои анализы. Въ этой главѣ онъ вводитъ новые осложняющіе элементы—п о д в и ж н о с т ь т ѣ л а у наблюдающаго, а также его э м о ц і о н а л ь н у ю сторону т. е. переживаемыя чувства и волненія. Однако и при на-

личности этихъ элементовъ, онъ все же старается свести весь процессъ переживаній къ двумъ простымъ рядамъ „сосуществованія или преемственности",—къ „живому" и „слабому" ряду. И при этомъ Спенсеромъ игнорируется фактъ самосознанія (т. е. проявленіе „*Я*"), какъ будто кто-нибудь можетъ серіозно оспаривать этотъ фактъ нашихъ психическихъ переживаній. Неестественность въ его изложеніи переживаній сознанія чувствуется въ этой главѣ еще рѣзче, еще сильнѣе. Удерживая принятое имъ дѣленіе переживаній на „состоянія живого" и „слабаго аггрегата", (на „живой" и „слабый рядъ"), Спенсеръ къ послѣднему относитъ и чувства (эмоціи) и даже волевые акты („антецеденты самыхъ замѣтныхъ перемѣнъ" въ тѣлѣ наблюдающаго). Самъ Спенсеръ признаетъ факты, что волненіями сопутствуется и живой рядъ, и что они часто вызываются слабымъ рядомъ въ гораздо болѣе сильной степени, чѣмъ живымъ рядомъ, и что „классификація чувствъ на основаніи интенсивности оказывается здѣсь неприложимою": однако онъ все же причисляетъ ихъ къ „слабому аггрегату". Оправданіе тому онъ находитъ въ слѣдующемъ: 1) „въ большей части [?] случаевъ эмоція связывается... съ нѣкоторыми слабыми состояніями, комбинированными особеннымъ образомъ въ каждомъ случаѣ". 2) „Антецедентъ эмоціи всегда [?] можетъ быть найденъ". 3) „Законы, съ которыми сообразуются эти состоянія, существуютъ въ слабомъ ряду" [?]. 4) „Эмоціи обладаютъ предѣлами, за которыя не переходятъ" [1]; однако то же справедливо о каждомъ отдѣльномъ воспріятіи: даже небо и „безбрежное" море для зрящаго имѣютъ свои предѣлы и по пространству, и по времени воспринимания. Наконецъ 5) „очень знаменательнымъ свойствомъ" эмоцій Спенсеръ считаетъ то, что „эмоціи порождаютъ тѣлесныя движенія", предварительно „возбуждая мускульное сокращеніе" [2]).

Въ этомъ случаѣ Спенсеръ, очевидно, забылъ о рефлекторныхъ, подражательныхъ и инстинктивныхъ движеніяхъ,

1) Цитир. соч. § 460, конецъ. Маркировки и замѣчанія въ угольныхъ скобкахъ принадлежатъ мнѣ.

2) Тамъ же § 461, начало. Маркировки и замѣчанія въ угольныхъ скобкахъ принадлежатъ мнѣ.

которыя вызываются воспріятіями, а не субъективными эмоціями. О самопроизвольныхъ („импульсивныхъ") движеніяхъ, которыя констатированы Прейеромъ его наблюденіями надъ жизнію дитяти[1]), Спенсеру не могло быть извѣстно; но такія же движенія у всѣхъ людей, констатировалъ гораздо раньше старшій современникъ и соотечественникъ Спенсера — А. Бэнъ[2]).

Очевидно, Спенсеръ еще не отдѣлался отъ вліяній Юма, полагая, что наше „я" есть результатъ эмоцій и другихъ переживаній; изъ таковыхъ Спенсеръ пытается вывести самосознаніе, какъ мы увидимъ, неудачно. Подобная попытка напрасна: субстратъ нашего „я" намъ данъ вмѣстѣ съ душою: онъ есть первооснова всей психической жизни, и не можетъ быть „результатомъ" ея проявленій и дѣятельности. Если бы у насъ не было самосознанія, то объ объединяющемъ и обусловливающемъ всю разумную цѣлесообразность нашей психической и даже физіологической жизни можно было бы догадаться. Вѣдь, біологи наконецъ дошли до предположенія подобныхъ планомѣрно дѣйствующихъ субстратовъ (монадъ, доминантъ, энтелехій...) даже у растеній, хотя у нихъ, быть можетъ, и не имѣется ни сознанія, ни самосознанія. У человѣка все это имѣется, и игнорировать эти факты значитъ закрывать глаза передъ очевидной истиной.

Для доказательства его гипотезы (а на самомъ дѣлѣ Юмовой) Спенсеръ пользуется случаемъ, когда сильное неожиданно возникшее чувство мечтателя, или человѣка, погруженнаго въ созерцаніе интереснаго морского вида, вдругъ приводитъ его къ самосознанію и къ опредѣленной дѣятельности. Вотъ его подлинный примѣръ, цитируемый мною въ сокращенномъ и болѣе понятномъ видѣ: „Такъ напр., когда я (поздразумѣвается—послѣ созерцанія морского вида) услышалъ у себя за спиною... голосъ моего друга... то этимъ

1) *Preyre*, Die Seele Kindes, 2. Aufl. L. 1884.

2) Бэнъ въ своей психологіи приводитъ множество примѣровъ такихъ же самопроизвольныхъ движеній. Первыя три изданія психологіи А. Бэна „The Senses and the Intellect" вышли между 1860 и 1868 годами. (См. A. Bain, The Senses and the Inlellect, 2 ed. London, 1864 chap. I pag 71 – 87). Между тѣмъ переработанныя „Основанія психологіи" Спенсера, цитированныя мною, вышли въ 1870 — 1872 г.г.; *H. Spencer*, The principles of. Psychology, 2 ed. vol I, 1870; vol. II, 1872).

во мнѣ было возбуждено пріятное чувство... и преобразованіе, вызванное этимъ чувствомъ, заставляетъ меня сознать, что... моя рука имѣетъ нѣкоторую связь съ слабымъ аггрегатомъ" [т. е. съ моей душой, съ моимъ „я": она принадлежитъ мнѣ, и я по временамъ могу о ней не думать; но когда это нужно, то я вспомню о ней и буду сознавать, что она — моя].

„Дѣло въ томъ, что послѣ ощущенія мускульнаго напряженія, возбужденнаго эмоціей, рука внезапно перемѣняетъ свое мѣсто. Такъ же и колѣно, на которомъ лежала моя рука... тоже приходитъ въ движеніе... Моя эмоція порождаетъ вскорѣ и другія мускульныя напряженія и вслѣдъ за ними особые звуки: я говорю"... „Антецеденты и законы этихъ звуковъ и законы ихъ комбинацій находятся въ слабомъ ряду" [На сомомъ дѣлѣ, это невѣрно: и „антецеденты", и законы, управляющіе человѣческой рѣчью, находятся въ *душѣ*, а вовсе не въ слабомъ ряду, и даже не въ сознаніи: говоря, никто не думаетъ о законахъ рѣчи и логики, хотя они, несомнѣнно, безсознательно дѣйствуютъ и вліяютъ и на рѣчь, и на мысли, передаваемыя ею]. „То же самое бываетъ и по отношенію къ нѣкоторымъ живымъ осязательнымъ ощущеніямъ, продолжаетъ Спенсеръ,.., при вставаніи, говорѣніи и при совершеніи нѣсколькихъ шаговъ на встрѣчу моему другу". Таковъ примѣръ переживанія, анализируемый Спенсеромъ.

Признаться, этотъ примѣръ слишкомъ сложенъ, и безъ надобности. Такой же эффектъ получался бы у Спенсера и безъ сильной эмоціи, и безъ внезапнаго появленія друга. То же дѣйствіе могла бы вызвать оса, пчела или неотвязчивая муха. Правда, тогда, быть можетъ, появились бы у Спенсера иныя эмоціи — непріятныя, но вѣроятно не „живыя", если онъ — разсудительный человѣкъ и не сердится на мухъ, и не боится пчелъ и осъ. Впрочемъ, и *безъ эмоцій* Спенсеръ не вѣчно сидѣлъ бы на своей скамейкѣ: черезъ полъ часа или черезъ часъ онъ всталъ бы съ нея и безъ всякаго повода изъ-внѣ: онъ почувствовалъ бы потребность „размять члены", т. е. онъ произвелъ бы самопроизвольныя движенія, причина которыхъ вовсе не имѣетъ „антецецента въ слабомъ ряду", т. е. въ сознательныхъ переживаніяхъ. Слѣдовательно для того, чтобы отъ

созерцанія или мечтанія вернуться къ своему „я", для этого не нужно никакихъ эмоцій, ни даже внѣшнихъ толчковъ. Субстратъ *самосознанія дѣйствуетъ самопроизвольно: его дѣятельность возобновляется послѣ перерыва и сама собой*. Иначе, безъ посторонней помощи никто бы не „пришолъ въ себя" послѣ обморока или послѣ глубокаго сна.

§ 19. Различеніе своего тѣла отъ остального міра.

Какъ мы видѣли, попытка Спенсера изъ эмоціи вывести самосознаніе—неудачна: самая эмоція вызывается самодѣятельностью нашего Я, вѣрнѣе его носителемъ. Поэтому при наличности эмоцій не отсутствуетъ наше самосознаніе: было бы нелѣпо говорить о безсознательной радости, гнѣвѣ, боязни. Эти чувства иногда могутъ быть скрываемы отъ другого, до извѣстной степени они могутъ быть подавлены; но безсознательными они быть не могутъ. То же относится къ сильнымъ органическимъ ощущеніямъ, которыя переходятъ и въ эмоціи, напр. при зубной боли, при голодѣ, жаждѣ и т. под. Поэтому *органическія ощущенія*, въ томъ числѣ и мускульно-моторныя, *постоянно напоминаютъ намъ и о нашемъ Я, и о нашемъ тѣлѣ.*

Спенсеръ пытается отыскать и тѣ примѣты, благодаря которымъ мы отличаемъ свое тѣло („нѣкоторую особенную часть живого аггрегата") отъ внѣшнаго міра („остальной части живого аггрегата"). Спенсеръ, желая быть послѣдовательнымъ, и не упоминать въ своемъ анализѣ того, что онъ намѣренъ доказать,—самостоятельное бытіе внѣшняго міра,—не отличаетъ отъ своихъ воспріятій: и то, и другое у него именуется „живымъ аггрегатомъ". Между тѣмъ это различіе сознаютъ и младенцы, не умѣющіе еще ходить. Но такъ какъ никто не помнитъ своихъ переживаній этого періода: то никто не можетъ вспомнить и того перваго переживанія, когда онъ сталъ отличать свое тѣло отъ внѣшняга міра. Поэтому въ анализѣ Спенсера неудачно воспроизводятся то, что онъ предполагаетъ у себя.

На самомъ дѣлѣ, и онъ такъ не мыслилъ и не разсуждалъ; а младенецъ на второй недѣлѣ своей жизни и по-

давно такъ разсуждать не можетъ. Какъ мы видѣли (въ гл. VI, § 3) младенецъ, котораго я тщательно наблюдалъ, уже на второй день при помощи двойныхъ ощущеній отъ прикосновенія своихъ пальцевъ къ своему же тѣлу могъ начать изученіе своего тѣла, въ отличіе отъ одѣяла, материнской груди, своей люльки. Итакъ каждый человѣкъ, насколько онъ себя помнитъ, помнитъ себя уже съ развитымъ самосознаніемъ и отличающимъ и себя, и свое тѣло отъ внѣшняго міра. Поэтому всякій психологическій анализъ долженъ исходить отъ этихъ фактовъ, а не искусственно исключать ихъ. Гносеологическій анализъ можетъ идти и дальше, разсматривая скрытыя въ этихъ данныхъ основныя условія или „постулаты" всякаго знанія. Это мы сдѣлали раньше. Такими основными условіями всякаго знанія, кромѣ наличности познающаго субъекта и познаваемаго объекта, мы нашли въ метафизическомъ законѣ *тожества* и въ законѣ *причинности* (единообразіе мы отнесли къ тожеству, какъ природы, такъ и человѣческаго духа).

Такъ какъ Спенсеръ не сдѣлалъ всего этого—повидимому, и не уразумѣлъ этого: то онъ ищетъ примѣтъ нашего тѣла, отличающихъ его отъ внѣшняго міра, не тамъ, гдѣ слѣдуетъ. Спенсеръ дѣлаетъ такой выводъ относительно этихъ примѣтъ: „Итакъ къ слабому аггрегату [на самомъ дѣлѣ—къ нашему сознанію и душѣ] привязана тѣмъ или другимъ способомъ нѣкоторая особенная часть живого аггрегата [т. е. наше тѣло], которая отличается отъ остальной части живого аггрегата [т. е. отъ внѣшнихъ тѣлъ] тѣмъ, что она [т. е. наше тѣло] постоянно [?] присутствуетъ въ сознаніи"; [на самомъ дѣлѣ, это невѣрно: и самъ Спенсеръ при описанномъ выше созерцаніи морского вида забылъ на время о своемъ тѣлѣ, и только голосъ друга напомнилъ ему объ этомъ]; [2)] „что она [т. е. тѣло] обладаетъ спеціальной внутренней связностью, скрѣпляющей ея составные элементы"; [такой же связностью обладаютъ и видимыя чужія тѣла человѣческія, напримѣръ друга Спенсера и даже его одежда и его палка]; [3)] что она [т. е.] наше тѣло] имѣетъ извѣстные намъ предѣлы"; [такіе же предѣлы имѣетъ и каждое чужое тѣло, даже неодушевленное]; [4)] что она [т. е. наше тѣло] состоитъ изъ сравнительно ограниченныхъ и хорошо извѣстныхъ комбинацій,

подчиненныхъ близко знакомымъ намъ законамъ"; [то же можно сказать о каждомъ тѣлѣ другого человѣка]; [5)] а въ особенности тѣмъ, что антецеденты самыхъ замѣтныхъ ея перемѣнъ [т. е. волевые импульсы къ движеніямъ тѣла] содержатся въ слабомъ аггрегатѣ" [на самомъ дѣлѣ они содержатся въ *душѣ*, а иногда и въ сознаніи]. Вотъ и всѣ выводы Спенсера, цитированные мною дословно и безъ пропуска [1]).

На послѣднее различіе Спенсеръ особенно напираетъ оно дѣйствительно существуетъ, если исправить формулировку Спенсера. Кромѣ мелкихъ неточностей, въ ней нужно поставить: 1) вмѣсто „антецеденты"—„причины": 2) вмѣсто „слабаго аггрегата"—душу [2]). Тогда получится слѣдующая формула: „Мое тѣло отличается мною отъ всѣхъ тѣлъ и потому, что непосредственныя причины его движеній заключаются во мнѣ, въ моихъ волевыхъ импульсахъ". Но въ измѣненномъ видѣ, mutatis mutandis, то же примѣнимо и къ каждому человѣку, и къ каждому животному. Мы ихъ признаемъ за таковыхъ, главнымъ образомъ потому, что непосредственныя причины ихъ подвижности заключаются въ нихъ самихъ. Это зналъ еще Аристотель, и въ самоподвижности онъ видѣлъ одинъ изъ существенныхъ признаковъ животнаго.

Итакъ и въ данномъ случаѣ большинство добытыхъ Спенсеромъ результатовъ оказывается невѣрнымъ; а послѣ сдѣланной нами поправки только одно положеніе будетъ вѣрнымъ; но оно было извѣстно еще Аристотелю и всѣмъ его послѣдователямъ, и даже зоологамъ древнихъ и среднихъ вѣковъ.

Спенсеръ не ограничивается приведенными выше положеніями: повидимому, онъ самъ чувствовалъ ихъ недо-

1) Цитир. соч. § 461, конецъ.

2) Спенсеръ тоже зараженъ позитивизмомъ Конта и скептицизмомъ Юма: поэтому онъ, не отвергая духа, все же считаетъ его сущность непознаваемой. И Спенсеръ, какъ и многіе нѣмецкіе психологи послѣ него, избѣгаетъ упоминать „душу", какъ носителя душевныхъ явленій. Подобные психологи подносятъ своимъ читателямъ психологію безъ души. Довольно странно звучитъ такое сопоставленіе: „наука о душевныхъ явленіяхъ" безъ души. На самомъ дѣлѣ, и они на практикѣ не ограничиваются одними „явленіями": это и невозможно.

статочность для оправданія реализма. Онъ отмѣчаетъ фактъ, что нашй волевые импульсы, возбуждая разныя движенія въ нашемъ тѣлѣ, служатъ вмѣстѣ съ тѣмъ средствами для произведенія перемѣнъ во внѣшнихъ воспріятіяхъ. [Для краткости и удобопонятности я оставляю терминологію Спенсера, и буду говорить на общечеловѣческомъ языкѣ]. А именно, въ нашей власти находится закрыть глаза, уши, ноздри..., и не имѣть соотвѣтственныхъ воспріятій.

Кромѣ этого, Спенсеръ отмѣчаетъ и тотъ фактъ, что мы въ состояніи производить и „абсолютныя перемѣны", т. е. перемѣны мѣстоположенія реальныхъ вещей, передвиженія ихъ, которыя производятся нашей волей при участіи нашего тѣла. Такимъ образомъ, говоритъ Спенсеръ, „*вся совокупность моего сознанія можетъ быть раздѣлена*": *на духъ, на тѣло и на остальной внѣшній міръ...* Мое тѣло занимаетъ промежуточное положеніе: „я смотрю на него то какъ на принадлежащее къ живому аггрегату [т. е. внѣшнему міру], то какъ на составляющее одно цѣлое со слабымъ аггрегатомъ" [Сп. подразумѣваетъ здѣсь внутреннія переживанія души] [1]). Перечисленные опыты, по мнѣнію Спенсера, „даютъ конкретность этимъ [т. е. вышеприведеннымъ] различіямъ и сравнительную стойкость нашимъ понятіямъ о „я" и „не-я" [2]). Послѣ этого Сп. приводитъ самые убѣдительные опыты движенія руки по тѣлу, вызывающія двойныя ощущенія—и въ рукѣ и въ поверхности тѣла, къ которой она прикасается. Эти опыты описаны вѣрно и понятно и, дѣйствительно, должны убѣдить скептика въ коренномъ различіи между—*своимъ* тѣломъ и другими чужими тѣлами. Такъ какъ подобные опыты я отмѣтилъ у дитяти уже на второй день его жизни и вкратцѣ изложилъ ихъ суть; то я не стану воспроизводить ихъ описаніе у Спенсера [3]).

1) См. цитир. соч., § 462 конецъ.
2) Тамъ же, § 463 начало.
3) См. гл. VI, § 3, стр. 188—192.

§ 20. Неосновательное возраженіе „интуитивизма“.

Приведенные выше „опыты“ Спенсера относ. внѣшнихъ воспріятій, производятъ даже младенцы: они убѣждаются ими, что *воспріятія имѣютъ свою причину внѣ тѣла, въ матеріальныхъ вещахъ*, которыя они при случаѣ могутъ ощупать: осязаніе убѣждаетъ насъ, что зрѣніе не обманываетъ, представляя намъ внѣположность, тѣлесность и пространственныя формы видимаго. Все это признавали и древніе скептики-пирроновцы, какъ „вынужденныя впечатлѣнія“; но для многихъ новѣйшихъ философовъ, желавшихъ опровергнуть метафизическій матеріализмъ, эти факты показались недостаточными. Ихъ не останавливаетъ то обстоятельство, что все человѣчество отъ незапамятныхъ временъ по сію пору неотразимо вѣритъ въ реальность чувственнаго міра —что то же дѣлаетъ и дѣлало значительное большинство самыхъ выдающихся философовъ.

Такъ напр., Н. Лосскій нашелъ возраженіе даже противъ „вынужденности“ впечатлѣній; таковая для него не имѣетъ убѣдительной силы. Дѣло въ томъ, что и наши душевныя волненія, (а равно и другія переживанія „данныя намъ“) тоже не зависятъ отъ нашей воли; однако никто ихъ не считаетъ непосредственными впечатлѣніями или вещами внѣшняго міра. Какъ извѣстно, своихъ эмоцій мы не относимъ во внѣшнее пространство, а считаемъ ихъ своими субъективными переживаніями.

„При познаніи внѣшняго міра, говоритъ Лосскій, объектъ находится внѣ *я*, а сравненіе его [?] происходитъ въ *я*. Значитъ, заключаетъ Лосскій... объектъ трансцендентенъ въ отношеніи къ познающему *я* [т. е. къ носителю самосознанія]; но несмотря на это онъ остается имманентнымъ самому процессу знанія“ [1]) Лосскій

[1]) *Н. Лосскій*, Обоснованіе интуитивизма, СПБ, 1906, стр 82, Слово „объектъ“ Лосскій употребляетъ въ двухъ различныхъ значеніяхъ: 1) въ смыслѣ реальной вещи, 2) въ смыслѣ соотвѣтственнаго переживанія—воспріятія, представленія или понятія. Эта двусмысленность порождаетъ значительную часть заблужденій въ имманентной философіи и въ „интуитивизмѣ“ Лосскаго.

на основанiи невѣрной гипотезы волюнтаризма дѣлитъ всѣ переживанiя на я и не-я, но не въ фихтевскомъ смыслѣ: къ не-я онъ относитъ всѣ переживанiя, которыя не зависятъ отъ нашей воли [1]).

Такимъ образомъ оказывается, что „процессу знанiя имманентны" всѣ объекты внѣшняго мiра. Но такъ какъ процессъ знанiя совершается въ нашемъ умѣ, а по Лосскому въ нашемъ я: то во время самого процесса знанiя они находятся тоже въ нашемъ я, хотя вообще они отнесены Лосскимъ къ не-я. Уже эта двойственная роль объектовъ представляется очень сомнительной! А именно, какъ только я начну думать о внѣшнихъ вещахъ, т. е. когда совершается „процессъ знанiя", объекты его тотчасъ же переселяются изъ области не-я въ мое я. Почему же десятки тысячъ людей, собранныхъ вмѣстѣ, могутъ одновременно видѣть тотъ же объектъ знанiя, напр. открываемый новый памятникъ? Если памятникъ или его субстратъ переселится въ душу одного зрителя, то что же останется для остальныхъ двадцати тысячъ?

Такой выводъ вытекаетъ изъ отвлеченной формулировки Лосскаго, который буквально говоритъ слѣдующее: „Мистическiй эмпиризмъ [онъ же и „интуитивизмъ"] утверждая, что знанiе есть не копiя, не символъ и не явленiе дѣйствительности въ познающемъ субъектѣ, а сама дѣйствительность [въ другомъ мѣстѣ сказано: „сама вещь въ оригиналѣ", стр. 73; маркировки Лосскаго], сама жизнь, подвергнутая лишь дифференцированiю путемъ сравненiя, устраняетъ противоположность [sic!] между знанiемъ и бытiемъ" [2]). „Все [?] содержанiе знанiя складывается изъ самой мiровой дѣйствительности"... „На долю дѣятельности мышленiя онъ [т. е. „мистическiй эмпиризмъ", онъ же и „интуитивизмъ"] относитъ только результаты сравненiя, именно усмотрѣнiе сходства и различiя, тожества и противорѣчiя" [3]). Таковы основныя положенiя „интуитивизма"!

[1]) Тамъ же, стр. 76 и 77.

[2]) *Н. Лосскiй*, цитир. соч., стр. 359.

[3]) Тамъ же, стр. 360 и 361 первая строка сверху. Послѣднее положенiе Лосскаго уничтожаетъ предыдущiя. Дѣло въ томъ, что каждое воспрiятiе, какъ это мы неоднократно доказывали, содержитъ

Разсмотримъ теперь возраженіе интуитивизма противъ вынужденности воспріятій, какъ критерія реальности ихъ предмета. Это возраженіе заслуживаетъ нашего вниманія. Посмотримъ, такова ли вынужденность зрительнаго воспріятія, напр. видимой водяной мельницы, какова вынужденность душевныхъ волненій или чувствъ, напр.: страха, грусти, досады. Лосскій и послѣднія относитъ къ своему „не—я", хотя этого никто не дѣлаетъ. Лосскій произвольно измѣнилъ смыслъ и этого термина, и термина „опытъ", подъ которымъ онъ разумѣетъ всѣ переживанія [1]).

Различія между вынужденностью воспріятій и душевныхъ волненій оказываются очень существенными. 1) Если я при какихъ-нибудь обстоятельствахъ испытываю какое-нибудь чувство, напримѣръ, грусти; то это чувство имѣетъ

въ себѣ, кромѣ чувственныхъ элементовъ (ощущеній), еще и рядъ сужденій, т. е. „результатовъ сравненій"; безъ таковыхъ не бываетъ воспріятій. Самъ Лосскій признаетъ этотъ фактъ, говоря: „въ каждомъ отдѣльномъ воспріятіи уже даны связи причинности, субстанціальности и т. п.". Если же это вѣрно, то и „сама дѣйствительность", когда она познается [или переселяется въ умъ познающаго] создается благодаря „сравненію", т. е. она создается нашимъ мышленіемъ: безъ него не было бы сравненія, не было бы воспріятій, не было бы „дѣйствительности". То же утверждаютъ и всѣ идеалисты, почти то же утверждаютъ и кантіанцы: дѣйствительность эмпирическая, доступная познанію, создается каждый разъ особо, (по Канту благодаря апріорнымъ формамъ воззрѣнія и категоріямъ). Кантіанцы все же признаютъ нѣчто и помимо эмпирической дѣйствительности—„вещи въ себѣ", недоступныя познанію. Признаетъ ли и Лосскій нѣчто особое подъ своимъ „внѣтѣлеснымъ транссубъективнымъ міромъ" остается неизвѣстнымъ: онъ этотъ вопросъ относитъ „къ области онтологіи и психологіи, а вовсе не къ гносеологіи" (стран. 104).

[1]) Достаточно одного бѣглаго разсмотрѣнія, чтобы убѣдиться въ противоестественности его дѣленія переживаній на „я" и „не-я". Его не-я, какъ мы уже отмѣтили, отнюдь не тожественно съ внѣшнимъ міромъ—матеріальнымъ и духовнымъ. Его не-я заключаетъ въ себѣ всѣ тѣ переживанія, которыя не зависятъ отъ сознательной воли. Лосскій перечисляетъ „къ области міра не-я" не меньше восьми группъ переживаній: 1) внѣшнія воспріятія, 2) результаты припоминанія, 3) стремленія, напр. утолить жажду, устранить усталость, 4) навязчивыя идеи, 5) вспышки творчества, 6) эстетическія чувства, 7) религіозные экстазы, 8) этическія чувства („переживанія, входящія въ составъ нравственной и правовой жизни"). [Цит. соч. стр. 76 и 77]. „Состоянія окрашенныхъ переживаніемъ „дан-

свою определенную продолжительность. Оно въ общемъ съ теченіемъ времени ослабѣваетъ и затѣмъ исчезаетъ. Такъ напримѣръ, грусть и горе отъ потери любимой жены могутъ быть очень сильны, доводя мужа до отчаянія; а черезъ годъ, смотришь, онъ женился на другой, въ которую влюбился не меньше, чѣмъ въ первую. Если ребенокъ испытываетъ инстинктивный страхъ въ темнотѣ или въ одиночествѣ: то со временемъ онъ у бѣдныхъ родителей-труженниковъ привыкаетъ и къ темнотѣ, и къ одиночеству. Это значитъ, что страхъ не появляется при тѣхъ же обстоятельствахъ. Но если я возлѣ пруда вижу водяную мельницу, то я ее вижу на томъ же мѣстѣ каждый разъ, когда гляжу на нее: и сегодня, и завтра и черезъ годъ, и черезъ пятьдесятъ лѣтъ, если она не развалилась.

2) Надъ чувствами (волненіями), если они не очень сильны, мы все же имѣемъ нѣкоторую власть: отъ непріятныхъ чувствъ мы сами стараемся отдѣлаться. При досадѣ отъ неудачи, мы сами себѣ внушаемъ, что „виноградъ киселъ", и что не стоитъ его домогаться. Мы съ намѣреніемъ перемѣняемъ обстановку и впечатлѣнія и ищемъ развлеченій. Иныя чувства мы можемъ подавлять. Ничего подобнаго не бываетъ съ реальными воспріятіями. Мы можемъ закрыть доступъ впечатлѣній въ нѣкоторые изъ нашихъ органовъ чувствъ; но при ихъ дѣятельности мы не можемъ измѣнить ни содержанія, ни реальныхъ отношеній воспринимаемыхъ предметовъ. Въ рѣдкихъ случаяхъ мы можемъ коснуться вещей или непосредственно своимъ тѣломъ, или при помощи орудій и сдѣлать нѣкоторыя измѣненія въ ихъ положеніи и состояніи; но тогда мы должны пустить въ ходъ мускульную силу, а главное—тогда *измѣняется и самая дѣйствительность, и самыя воспріятія!*

3) Непосредственная причина чувствъ кроется въ душѣ—или во врожденномъ инстинктѣ, или же въ по-

ности" и слѣдовательно составляющихъ міръ не-я, оказывается [по словамъ Лосскаго] такъ много, что возникаетъ вопросъ, осталось ли что-нибудь на долю я" [стр. 78]. Отмѣчая все это, Лосскій все же вѣритъ въ гипотезу „волюнтаризма", отъ которой самъ Вундтъ, представитель этого направленія, почти цѣликомъ отказался въ послѣднихъ изданіяхъ своего „Очерка психологіи" (См. *Wundt*, Grundriss der Psychologie 6 Aufl. L. 1904, § 2, 9. S. 17).

знавательныхъ процессахъ высшаго порядка. Если мы боимся звѣрей или сильныхъ стихій, то это происходитъ или въ силу инстинкта, или внушенія окружающихъ насъ, или же вслѣдствіе соображенія о возможной опасности. Наоборотъ, причины внѣшнихъ воспріятій находятся не въ насъ, а внѣ насъ, во внѣшнемъ мірѣ. Иногда эти причины намъ неизвѣстны, въ особенности причины звуковъ; но мы всегда увѣрены, что таковыя существуютъ, и притомъ во внѣшнемъ мірѣ. Этотъ внѣшній міръ мы видимъ такъ-же, какъ и наше тѣло (отъ котораго мы не видимъ только нѣкоторыхъ частей). Свое тѣло ребенокъ познаетъ осязаніемъ и зрѣніемъ раньше, чѣмъ остальной міръ; и если онъ видитъ предѣлы (контуры) своего тѣла, то онъ видитъ и то, что находится за этими предѣлами. Слѣдовательно въ воспріятіи внѣшняго міра зрѣніемъ не кроется особаго явленія, особаго вопроса, который требовалъ бы особаго разрѣшенія. Эту „проблему" создали философы; а теперь они не знаютъ, какъ ее разрѣшить или какъ отдѣлаться отъ нея; обычному здравому смыслу этотъ вопросъ никогда не приходитъ и въ голову. Вопросъ, почему мы видимъ, разрѣшаетъ и дитя: потому, что у насъ есть глаза (правильнѣе—зрѣніе). А на вопросъ, почему у насъ есть зрѣніе, можно отвѣтить: „чтобы видѣть". Кого же не удовлетворяетъ этотъ отвѣтъ, предполагающій цѣлесообразность въ жизни, тому можно сказать: „такъ создалъ насъ Творецъ вселенной"; а кто не вѣритъ въ Бога, тотъ замѣнитъ это слово, (но не понятіе) словомъ „Природа".

Приведенныя три различія настолько существенны, что мы считаемъ излишнимъ доискиваться еще и другихъ. Они настолько очевидны, что съ незапамятныхъ временъ не сознаются человѣчествомъ: каждый безсознательно отличаетъ свои воспріятія отъ предметовъ реальнаго міра, ихъ вызвавшихъ; каждый невольно отличаетъ внѣшнюю дѣйствительность отъ субъективныхъ переживаній. Каждый младенецъ еще до умѣнія ходить отличаетъ свое тѣло отъ другихъ тѣлъ. Мало того, онъ отличаетъ людей отъ другихъ одушевленныхъ предметовъ, отъ животныхъ. Конечно, его не учили этому: этого отличія не знаютъ пока и нѣкоторые философы. Но врожденный познавательный инстинктъ вѣрнѣе судитъ этихъ философовъ.

§ 21. Выводы.

Изъ предыдущихъ анализовъ мы могли убѣдиться, что скептическія, а равно и идеалистическія теоріи познанія относительно его объекта основаны на заблужденіяхъ. Эти заблужденія состоятъ, главнымъ образомъ, въ двусмысліи термина „объектъ", которымъ обозначается то познаваемая реальная вещь, то познавательный актъ, переживаемый въ опредѣленный моментъ только однимъ познающимъ субъектомъ. Содѣйствуетъ этимъ заблужденіямъ и смѣшеніе понятій „я", „сознаніе" и „душа". Дѣло въ томъ, что не всѣ элементы познавательнаго акта сознаются нами: слѣдовательно, нѣкоторые, а иногда и очень многіе, элементы остаются не сознанными, хотя они вліяютъ на окончательный результатъ познавательнаго процесса. Наконецъ, не всѣ сознанные элементы входятъ въ понятіе „я", которое служитъ выраженіемъ нашего самосознанія и его обособленности отъ остальнаго сознательнаго и несознаннаго душевнаго матеріала и душевныхъ силъ, или способностей.

Познаніе внѣшней дѣйствительности направлено на реальныя вещи и предметы, существующіе самостоятельно и независимо отъ познающихъ ихъ людей. Такъ какъ всѣ познавательные процессы происходятъ въ умѣ опредѣленнаго человѣка, а умъ составляетъ часть его душевной дѣятельности: то во время познавательнаго процесса мы имѣемъ дѣло не съ самой реальной вещью, а только съ тѣмъ или другимъ ея свойствомъ или признакомъ, съ тѣмъ или другимъ ея знакомъ. (Послѣднее всегда бываетъ при отвлеченномъ мышленіи словами). Всей вещи со всѣми ея качествами мы никогда не представляемъ и не мыслимъ одновременно; при ея воспріятіи это и подавно не бываетъ. Воспріятіе получается при дѣйствіи лишь одного органа чувствъ; но при этомъ получаемое впечатлѣніе дополняется прошлымъ знаніемъ, хотя послѣднее, уже въ силу узости сознанія, не можетъ быть исчерпаннымъ. Сознаваемая помѣта или знакъ вещи обыкновенно не отожествляется съ самой вещью; если же ради краткости и дѣлаются подобныя метонимія, то всякій нормаль-

ный человѣкъ, въ случаѣ надобности, отличаетъ свое воспріятіе (или представленіе) отъ воспринимаемой (или представляемой) вещи. Даже дѣти отличаютъ воспріятія дѣйствительности отъ образовъ памяти, сновидѣній, мечтанія и вообще отъ образовъ воображенія.

Эти образы, какъ и вообще всѣ переживанія, могутъ тоже сдѣлаться предметомъ изученія и познанія: этимъ занимается психологія и остальныя гуманитарныя науки, основанныя на психологіи. Но всѣ душевныя переживанія, какъ таковыя, принадлежатъ только одному человѣку, и не относятся къ внѣшнему міру. Эти переживанія разсматриваются психологіей, какъ процессы душевной жизни въ ихъ непосредственной полнотѣ и данности.

Познаніе дѣйствительности, наоборотъ, исключаетъ все чисто субъективное и разсматриваетъ только то, что принадлежитъ однимъ только вещамъ. Конечно, и это познаніе совершается въ данныхъ психическихъ, при помощи тѣхъ символовъ, которые служатъ для общенія людей другъ съ другомъ, которыми обозначается то, въ чемъ всѣ люди согласны другъ съ другомъ.

Воспріятія дѣйствительности представляютъ собою первичное познаніе: поэтому и они могутъ быть и истинными, и ложными. Ложныя воспріятія, это— иллюзіи, которыя зависятъ не столько отъ органовъ чувствъ, сколько отъ ошибокъ разсудка. Иллюзіи бываютъ у каждаго человѣка; но все же, по сравненію съ правильными воспріятіями, онѣ весьма малочисленны. Исправляются же наши иллюзіи (за исключеніемъ тѣхъ, которыя не вліяютъ на нашу практическую жизнь) весьма легко—или свидѣтельствомъ другого органа чувствъ, или собственнымъ разсудкомъ, или же свидѣтельствомъ другихъ людей, которымъ мы довѣряемъ. Каждый нормальный человѣкъ обыкновенно безсознательно отличаетъ истинное воспріятіе отъ соотвѣтственнаго образа воображенія, напримѣръ отъ „привидѣнія“. Такъ же точно никто не даетъ себѣ отчета, почему онъ отличаетъ свое тѣло и свое „я“ отъ внѣшняго міра: это познаніе онъ пріобрѣлъ еще въ люлькѣ, а можетъ быть, и раньше,—хоть въ зачаточной формѣ [1]).

[1]) Вопросъ о познаніи того, что ничѣмъ намъ не обнаруживается, ни прямо, ни косвенно; вопросъ о познаніи непознаваемыхъ

Такъ какъ знанія, провѣренныя и признанныя за истинныя, не приводятъ насъ къ противорѣчіямъ, а къ единомыслію всего человѣчества; то изъ этого факта вытекаетъ слѣдующее: 1) во внѣшнемъ мірѣ нѣчто остается неизмѣннымъ (субстанціи); 2) то, что измѣняется, происходитъ въ опредѣленномъ и неизмѣнномъ порядкѣ т. е. по закону причинности; 3) всѣ люди въ общемъ одинаково познаютъ дѣйствительность: слѣдовательно въ истинномъ познаніи есть тоже нѣчто неизмѣнное (законъ тожества). А изъ этихъ фактовъ слѣдуетъ, что возможно истинное и общеобязательное знаніе. Таковое уже имѣется у всего человѣчества,—и не только въ наукахъ, искусствахъ, ремеслахъ; но оно лежитъ въ основѣ всей соціальной жизни народовъ. Таковыя истины умножаются и дополняются теоретически, хотя иныя изъ нихъ безсознательно дѣйствуютъ въ жизни народовъ уже многія тысячелѣтія, какъ напримѣръ этическія и религіозныя истины.

Таковы наши выводы относительно познанія матеріальнаго міра; это познаніе, какъ мы видѣли на множествѣ анализовъ, состоитъ также и изъ нечувственныхъ элементовъ, привносимыхъ памятью, умомъ и врожденнымъ инстинктомъ.

Гораздо труднѣе обосновать познаніе сверхчувственнаго міра—субстанцій, силъ, духовъ. Возможно ли такое знаніе? Какъ извѣстно, его отвергаютъ многіе изъ новѣйшихъ философовъ, начиная съ Юма и Канта; зародыши сомнѣній относительно этого вопроса имѣются даже у Локка.

Этотъ вопросъ мы разсмотримъ въ слѣдующихъ двухъ главахъ.

„вещей въ себѣ“ Канта заключаетъ въ себѣ внутреннее противорѣчіе, contradictio in adjecto, какъ это было нами доказано въ VIII главѣ § 3.

X гл. ПОЗНАНІЕ СВЕРХЧУВСТВЕННАГО.

§ I. Познаніе матеріи.

Подъ „сверхчувственнымъ“ мы разумѣемъ все то, что познается не чувствами, а умомъ, и что нашимъ органамъ чувствъ вообще недоступно. Съ точки зрѣнія сенсуализма, отчасти также и позитивизма Ог. Конта, и даже критицизма Канта такое познаніе реальныхъ объектовъ невозможно. Сенсуализмъ полагаетъ, что наше познаніе пріобрѣтается только чувственнымъ опытомъ. Ошибочность этого воззрѣнія доказана всѣмъ предыдущимъ изслѣдованіемъ. „Врожденныя познанія“ (notions innées) и истины, которыя потенціально заключаются въ самомъ познающемъ духѣ, утверждалъ еще Лейбницъ въ своемъ посмертномъ полемическомъ сочиненіи „Новые опыты“. Ридъ тоже предполагаетъ врожденными человѣческому духу „принципы общечеловѣческаго смысла“. Кантъ, взамѣнъ этихъ врожденныхъ истинъ, выставилъ свои апріорныя формы чувственности и свои категоріи. Безъ нихъ, по Канту, и самый опытъ былъ бы невозможенъ Но никто изъ этихъ философовъ не доказалъ своего утвержденія. Ридъ считалъ излишнимъ доказывать то, что очевидно. Относительно „апріорныхъ формъ познанія“ у Канта до сихъ поръ еще спорятъ спеціалисты, какъ ихъ нужно понимать, и откуда онѣ появляются: пріобрѣтаются ли онѣ постепенно, или же онѣ прирождены цѣликомъ. Но и по Канту, одна „форма“ безъ „матеріи познанія“, доставляемой чувствами, не даетъ познанія. И по Канту, всякое истинное знаніе можетъ относиться только къ явленіямъ вещей. Познаніе „вещей въ себѣ“ и вообще всего того, что находится внѣ предѣловъ возмож-

наго опыта, невозможно по его Критикѣ чистаго разума, которую только и признаютъ неокантіанцы. А самыя апріорныя формы познанія принадлежатъ будто бы только познающему; во внѣшнемъ мірѣ имъ, по Канту, ничто не соотвѣтствуетъ. Слѣдовательно внѣшнему міру принадлежатъ однѣ „вещи въ себѣ“; но эти, къ сожалѣнію, не познаваемы. Таково ученіе Канта: оно на половину,—скептическое. Позитивизмъ Конта не отвергаетъ реальности пространства, времени и категорій; онъ отвергаетъ одну лишь метафизику [1]).

Все это говорится въ теоріяхъ знанія; на практикѣ и въ другихъ сочиненіяхъ ни Кантъ, ни Контъ, ни Кондильякъ, ни вообще какой-нибудь сенсуалистъ или позитивистъ не придерживаются своего ученія: каждый изъ нихъ признаетъ множество предметовъ познанія истинными, хотя они недоступны нашимъ чувствамъ.

Къ таковымъ прежде всего относится матерія физиковъ. Чувствами познаются только тѣла твердыя, жидкія и цвѣтные газы, и то при участіи памяти и ума. Уже воздухъ и вообще безцвѣтные газы не познаются чувствами, а умомъ: для этого необходимы разные опыты съ приборами, и только на основаніи этихъ экспериментовъ мы заключаемъ, что въ такомъ-то сосудѣ должно находиться непроницаемое тѣло, и что такое же тѣло, газообразное и упругое, окружаетъ земную поверхность: его-то мы и называемъ „воздухомъ“. Но есть народы, въ языкѣ которыхъ не имѣется этого понятія, и нашъ простой народъ подъ, воздухомъ разумѣетъ „движимый воздухъ“, который онъ воспринимаетъ въ видѣ дуновенія; наши крестьяне не всѣ знаютъ, что и въ избѣ, и въ каждомъ пустомъ горшкѣ, въ пустой бутылкѣ, въ щелкѣ тоже имѣется воздухъ.

По ученію физиковъ (которое уже отходитъ въ исторію, но еще сохранилось въ учебникахъ) вся матерія состоитъ изъ приблизительно 70 разныхъ по химическимъ свойствамъ элементовъ; а каждое, даже простое тѣло дѣлимо только до опредѣленнаго предѣла: мельчайшая частица матеріи не дѣлима, „*атомъ*“. Этихъ атомовъ никто

[1]) Leibniz; Nouveaux Essais, I. ch. l. § 21—26 et preface.

[2]) См. Aug. Comte. Cours de philos. positive, 2 ed. P. 1864. pag. 16 et. 44—46.

никогда не видѣлъ и не ощупывалъ, и вообще не воспринималъ никакимъ чувствомъ; однако всѣ позитивисты и сенсуалисты вѣрили, а многіе и теперь еще вѣрятъ въ ихъ существованіе [1]).

Мало того, этимъ атомамъ приписывается опредѣленный вѣсъ, форма и протяженіе, химическое сродство, сила, притяженія, отталкиванія и другія свойства. Если никто никогда не видѣлъ атома, то еще менѣе возможно чуственное познаніе свойствъ этого атома, котораго нельзя увидѣть ни въ какихъ микроскопахъ. Атомная теорія считалась непреложной истиной не только всѣми матеріалистами и сенсуалистами, но даже химиками, хотя въ ученыхъ сочиненіяхъ она отмѣчалась, какъ теорія; но обыкновенные образованные люди, и даже профессора, не физики, вѣрятъ въ атомы, какъ въ непреложную истину.

Еще болѣе поразительна вѣра сенсуалистовъ въ міровой *эѳиръ*: таковой не имѣетъ даже вѣса, опредѣленной формы, химическаго сродства; а все же сенсуалисты, и позитивисты и обыкновенные просвѣщенные люди пока еще вѣрятъ въ существованіе этого міроваго эѳира. Гдѣ же тутъ чувственный опытъ? Въ эѳиръ можетъ вѣрить каждый „образованный“ человѣкъ, хотя этотъ эѳиръ ничѣмъ не обнаруживалъ имъ своего существованія; но вѣрить въ духъ или Бога —это несовременно, это устарѣлая традиція.

§ 2. Познаніе силъ природы.

Такъ же непослѣдовательна вѣра сенсуалистовъ и позитивистовъ въ разныя *силы природы* и даже въ неизмѣнные *вѣчные законы*, управляющіе этими силами. Развѣ все это познается чувствами? Возьмемъ для примѣра электричество. Это слово теперь извѣстно даже уличнымъ мальчишкамъ; но развѣ этимъ словомъ обозначается нѣчто, доступное нашимъ органамъ чувствъ? По крайней мѣрѣ, ученые физики подъ

[1]) Атомистическое ученіе впервые создано въ древней Элладѣ Левкиппомъ и Демокритомъ, (въ пятомъ вѣкѣ до Рожд. Хр.); но послѣдній, по крайней мѣрѣ, не былъ сенсуалистомъ, хотя и онъ исповѣдывалъ метафизическій матеріализмъ.

электричествомъ вовсе не разумѣютъ ни молнію, ни электрическій свѣтъ, ни телеграфъ, ни движеніе электрическаго трамвая, не гальваническое серебреніе или золоченіе мѣди, ни громъ, раздающійся среди грозныхъ тучъ, ни смерть убитаго пастуха, ни расщепленное молніею дерево. Все это — дѣйствія электричества, а не самая причина, не самое электричество. Эти дѣйствія столь разнообразны, что прошло много тысячелѣтій, пока додумались до того, что причина ихъ одна; т. е. зависитъ отъ однородной силы; этого не знали до 19-го вѣка; а вполнѣ не изучена эта сила и теперь. Если бы электричество было доступно чувственному познанію человѣка, какъ у нѣкоторыхъ *животныхъ*, чувствующихъ атмосферическое электричество, то его знали бы люди уже въ отдаленной древности. На самомъ дѣлѣ этого не случилось: всѣ видѣли разныя дѣйствія электричества, а причины ихъ не знали. Причину молніи и грома видѣли въ громовержцѣ Зевесѣ, а причину притяженія пылинокъ янтаремъ видѣли въ самомъ янтарѣ. Такъ какъ дѣйствія электричества столь разнообразны, то не легко было додуматься до того, что всѣ они производятся одной силой.

Но что же такое „*сила*“ физиковъ? Развѣ она познается нашими органами чувствъ? Ничуть! Если мы говоримъ о силѣ атлета и носильщика, то мы заключаемъ о наличности у нихъ большой силы потому, что они поднимаютъ огромныя тяжести, которыхъ обыкновенный человѣкъ не можетъ поднять. Если мы говоримъ о силѣ вылетѣвшаго пушечнаго ядра, то мы умозаключаемъ о ней по производимымъ имъ дѣйствіямъ: по дальности его полета и по производимымъ имъ разрушеніямъ. О всѣхъ силахъ мы заключаемъ по дѣйствіямъ, т. е. разнымъ перемѣнамъ: производящую ихъ дѣйствующую причину мы называемъ силой.

О силахъ мы догадываемся и умозаключаемъ; но ни одну силу физиковъ мы не познаемъ непосредственно, нашими чувствами. Даже теплота физиковъ не можетъ быть отожествлена съ нашими тепловыми ощущеніями. Теплота физиковъ въ —200° С, превращаетъ не только воду, но и воздухъ въ твердое тѣло, а на насъ она производитъ ощущеніе ожога и боли; то же самое бываетъ и съ теплотой, выше ста градусовъ; теплота въ 0 до —10 С. производитъ

ощущеніе холода; а привычная намъ теплота отъ +16 + до 20 С вовсе не ощущается—ни какъ тепло, ни какъ холодъ. Теплота физики—качество матеріи, которое имѣетъ гораздо болѣе широкіе предѣлы, чѣмъ наши термическія ощущенія; теплота физиковъ можетъ быть даже скрытой, и тогда ее не обнаружишь никакими термометрами. Нѣкоторые физики думаютъ что свободная теплота есть особаго рода колебаніе эѳира; другіе считаютъ ее молекулярнымъ движеніемъ—колебаніемъ на подобіе звука. Но чтобы ни представляла собою теплота, она не познается непосредственно—нашими термическими нервами; поэтому ни одинъ врачъ не полагается на субъективныя ощущенія тепла или холода, а смотритъ на градусникъ.

Болѣе непосредственно мы воспринимаемъ силу *тяжести*, но въ этихъ случаяхъ наши ощущенія крайне не точны: поэтому въ каждой лавочкѣ и въ каждомъ домѣ имѣются вѣсы. И въ данномъ случаѣ сила тяжести или тяготѣнія, какъ ее понимаютъ современные физики, представляетъ собою нѣчто иное, чѣмъ наши ощущенія тяжести. Эти обусловливаются или давленіемъ на кожу, или мускульнымъ усиліемъ, необходимымъ для поддержанія тяжести или приведенія ея въ движеніе. Но гдѣ этихъ условій не имѣется, тамъ обыкновенно не говорятъ о тяжести: такъ напр. тяжести воздуха мы вовсе не ощущаемъ. Между тѣмъ сила тяготѣнія дѣйствуетъ непрерывно, и каждое тѣло производитъ давленіе на свое основаніе; каждый слой воздуха, земли или воды давитъ на каждый слой и такъ далѣе... до центра земли. Эти давленія должны суммироваться и производить постоянныя дѣйствія въ видѣ давленія, въ видѣ обваловъ или въ видѣ теплоты (Послѣдняя, дѣйствительно, увеличивается по мѣрѣ углубленія въ землю). Но тяжести воздуха, морей и земли мы никогда не ощущали нашими нервами.

И свѣтъ, какъ извѣстно, не всегда производитъ свѣтовыя ощущенія, хотя бы онъ и падалъ на сѣтчатку глаза: ультрафіолетовые и ультракрасные лучи солнечнаго спектра не производятъ свѣтовыхъ ощущеній.

Во всякомъ случаѣ, наши ощущенія тяжести, тепла, холода, свѣта суть дѣйствія тѣхъ причинъ, о которыхъ мы умозаключаемъ; ихъ мы не воспринимаемъ непосредственно нашими органами чувствъ. Эти причины и до

сихъ поръ еще не узнаны вполнѣ; о нихъ спорятъ ученые физики: но *никто*, кромѣ позитивистовъ, желающихъ быть не въ мѣру осторожными, *не отвергаетъ ихъ реальнаго существованія*, признавая въ то же время особый реальный міръ, не зависящій отъ насъ, познающихъ.

§ 3. Познаніе законовъ природы.

Еще болѣе изумительна послѣдовательность позитивистовъ, эмпиристовъ и вообще скептиковъ, признающихъ „*вѣчные* и неизмѣнные *законы природы*": вѣря въ нихъ, они въ то же время утверждаютъ, что все наше знаніе получается только опытомъ, а именно чувственнымъ. Развѣ вѣчность испыталъ какой нибудь человѣкъ на себѣ? Самое понятіе „времени", а тѣмъ болѣе „вѣчность" пріобрѣтаются не однимъ опытомъ; то же вѣрно и относ. „неизмѣняемости" т. е. тождества.

Позитивисты Огюстъ Контъ и Джонъ Ст. Милль не признаютъ возможнымъ изслѣдовать даже причины, производящія явленія; но въ то же время излагаютъ вѣчные законы природы [1]).

Относительно Милля я доказалъ неосновательность его попытки замѣнить понятіе производящей причины понятіемъ „антецедента" [2]). Относ. Ог. Конта мы разсмотримъ его же примѣръ относ. Ньютонова закона тяготѣнія, который онъ приводитъ на той же цитированной нами страницѣ и который считаетъ, самымъ удивительнымъ (le plus admirable) въ смыслѣ позитивизма. Этотъ законъ О. Контъ передаетъ слѣдующими словами: „Постоянное стремленіе (tendance)

[1]) Самъ Огюстъ Контъ въ своемъ курсѣ положит. философіи говоритъ: „Мы вовсе не имѣетъ притязанія излагать производящія причины явленій (les causes génératrices des phénomenes), такъ какъ мы лишь этимъ возобновляли бы ту же трудность; мы будемъ лишь анализировать съ точностью обстоятельства ихъ возникновенія и связывать одни (явленія) съ другими посредствомъ обычныхъ отношеній послѣдовательности и сходства". (*Auguste Comte*, Cours de philos. positive, 2 ed. Paris 1864, pag. 16 et 17).

[2]) См. VIII гл. §§ 7—12 нашего изслѣд.

всѣхъ молекулъ другъ къ другу въ прямой пропорціи ихъ массъ и въ обратной пропорціи квадратовъ ихъ разстояній... Этотъ общій фактъ, поясняетъ Контъ, представленъ намъ, какъ простое распространеніе того явленія, которое намъ чрезвычайно близко (eminemment familier) и которое только потому считаемъ совершенно знакомымъ,— т. е. тяжести тѣлъ на поверхности земли. Что касается опредѣленія, что такое самое протяженіе и самая тяжесть, какія въ нихъ причины, это—вопросы, которые мы считаемъ вполнѣ неразрѣшимыми, которые уже не принадлежатъ области позитивной философіи, и которые мы вполнѣ основательно представляемъ воображенію богослововъ и тонкостямъ метафизиковъ“ [1]). Изъ этихъ словъ Конта видно, до чего онъ увѣренъ, что онъ не касается самой причины явленія. На самомъ дѣлѣ, въ законѣ Ньютона имѣется причина и тяжести и движенія небесныхъ тѣлъ: она состоитъ именно въ стремленіи молекулъ другъ къ другу, или же въ „ихъ взаимномъ притяженіи“. Однако эту предполагаемую причину, т. е. силу тяготѣнія, Ньютонъ не могъ узнать изъ чувственнаго опыта. Какъ намъ извѣстно, онъ воспользовался законами движенія планетъ, установленными на основаніи долголѣтнихъ наблюденій еще Кеплеромъ и другими астрономами, затѣмъ,—астрономическими наблюденіями надъ движеніемъ луны къ центру нашей земли, потомъ, законами паденія тѣлъ на поверхности земли; наконецъ, онъ дѣлалъ разныя вычисленія, которыя его убѣдили въ томъ, что тяжесть и паденіе тѣлъ на поверхности земли производятся той же силой, что и движеніе небесныхъ тѣлъ. Здѣсь дѣйствовалъ проницательный умъ, а не простой чувственный опытъ. Если же подъ опытомъ разумѣть всякое достовѣрное знаніе, покоящееся на фактахъ, тогда слово „опытъ“ сдѣлается излишнимъ: оно будетъ тожественно съ достовѣрнымъ знаніемъ. Самое число, а еще болѣе математическія вычисленія—дѣло ума и памяти, а не чувственныхъ воспріятій, хотя первыя числа и познаются на конкретныхъ вещахъ и предметахъ. Всѣ животныя и дикари не дошли даже до ариѳметическаго счета, выше пяти; а несомнѣнно, что у нихъ имѣется „опытъ“, даже очень сложный и продолжительный.

[1]) *Anguste Comte*, op. cit pag. 17.

Какъ бы то ни было, и Ньютонъ, и всѣ физики стремятся познать не только видимыя явленія, но и ихъ часто невидимыя причины, которыя они предполагаютъ въ разныхъ силахъ; а таковыя познаются умомъ.

Между познаваемыми явленіями есть такія, которыя постоянно или періодически повторяются. Таковы всѣ движенія земли, луны, планетъ, кометъ, и солнца. Такъ какъ эти движенія никогда не прекращаются и приблизительно въ одинаковой формѣ повторяются: то для объясненія ихъ нужно предполагать силы, которыя дѣйствуютъ безпрерывно. Таковой именно и считается сила тяготѣнія. Слѣдовательно въ небесной механикѣ мы имѣемъ разрѣшенной проблему „perpetuum mobile"; на землѣ же она считается неразрѣшимой или прямо нелѣпостью. Но въ то же время въ физикѣ считается непреложной истиной и для земли законъ инерціи, формулированный Ньютономъ слѣдующими словами: „Всякое тѣло (подразумѣвается не живое) сохраняетъ свое состояніе покоя или равномѣрнаго движенія по прямой линіи, пока какія-либо силы не побудятъ его измѣнить это состояніе" [1]. Не трудно убѣдиться, что и этотъ законъ физики относ. „сохраненія равномѣрнаго движенія" не добытъ опытомъ. Дѣло въ томъ, что на землѣ никто никогда не наблюдалъ такого равномѣрнаго движенія; всякое движущееся тѣло на землѣ всегда останавливается: однако этотъ законъ, противорѣчащій опыту, все же считается истиннымъ, хотя онъ никѣмъ не доказанъ вполнѣ убѣдительно, и даже не можетъ быть доказаннымъ. Тѣмъ не менѣе всѣ вѣрятъ въ него.

Такимъ образомъ оказывается, что и *силы физики, и ея законы добыты вовсе не чувственнымъ опытомъ*: ихъ нельзя ни видѣть, ни осязать; однако въ нихъ вѣрятъ и кантіанцы, и позитивисты, и сенсуалисты, и эмпирики, и всѣ скептики.

§ 4. Матеріализмъ.

Еще болѣе необоснованнымъ и противорѣчивымъ, чѣмъ сенсуализмъ относ. познанія силъ и законовъ, оказывается метафизическій матеріализмъ относ. міропониманія; въ по-

[1]) *Шимковъ А. П.* Курсъ опытной физики. 3. изд. I часть, Харьковъ 1802, стр. 27.

вѣйшее время онъ идетъ объ руку съ гносеологическимъ сенсуализмомъ. Ученіе матеріализма нашло себѣ приверженца еще въ лицѣ Гоббса; но разцвѣло оно во Франціи въ 18 вѣкѣ до возникновенія „великой революціи"—въ сочиненіяхъ Дэ-ля-Меттри и особенно барона фонъ-Гольбаха въ его „Системѣ природы". По его ученію, матерія есть единственная реальная сущность міра; она состоитъ изъ подвижныхъ атомовъ; изъ нихъ все сложилось по неизмѣннымъ законамъ необходимости до человѣка включительно. Основныя силы, управляющія атомами и вещами, называются въ физикѣ: инерціей, притяженіемъ и отталкиваніемъ; въ человѣческой жизни дѣйствуютъ тѣ же матеріальныя силы—подъ названіями: эгоизма, любви и ненависти. Кромѣ атомовъ и ихъ сочетанія, ничего не существуетъ реально: душа—это дѣятельность мозга и нервовъ; сверхчувственные духи—одна игра воображенія; а представленіе о Богѣ не только излишне, но даже вредно, такъ какъ оно пугаетъ людей и мѣшаетъ имъ наслаждаться жизнію [1]). Насколько это ученіе ниже стоитъ атомизма Демокрита и Эпикура! Эти философы не отрицали боговъ и религіи, хотя думали, что и душа, и демоны, и боги состоятъ тоже изъ атомовъ, но только тончайшихъ и самыхъ подвижныхъ. Эпикуръ своимъ атомамъ приписывалъ даже самодѣятельность, такъ что онъ приближается къ монадологическому ученію Лейбница. Баронъ фонъ-Гольбахъ не уразумѣлъ даже того, что понимали греческіе философы матеріализма за 22 вѣка до него! Демокритъ не былъ сенсуалистомъ: разъ атомы и силы не видимы, то ихъ познаніе не основано на чувственномъ опытѣ. Демокритъ отлично понималъ и цѣлесообразность организмовъ и жизни. Если бы жизнь представляла собою одинъ лишь механическій процессъ матеріи, то она была бы лишена всякаго разумнаго смысла и разумныхъ цѣлей. Зачѣмъ тогда радѣть объ общемъ благѣ, которое баронъ фонъ-Гольбахъ все же признаетъ за основаніе морали? Тогда дѣлай то, что тебѣ нравится, что тебѣ полезно, и лишь не попадайся въ руки полиціи и судьи. До гедо-

[1]) Послѣднее замѣчаніе Гольбаха относ. Бога направлено противъ Вольтера, который вѣру въ Бога считалъ необходимой, говоря: „Если бы не было Бога, то его нужно было бы выдумать; но вся природа вопіетъ о Немъ".

ническихъ выводовъ Гольбаха не доходилъ ни Эпикуръ, ни Дэмокритъ: они были люди воздержные, благородные и исполненные лучшихъ стремленій.

Къ счастью, „сѣрое, угрюмое и мертвящее“ ученіе Гольбаха, какъ о немъ отзывался юный Гёте, не нашло себѣ много послѣдователей, равно какъ и пантеистическое ученіе его друга Дидро. Религіозная проповѣдь Руссо и здравый смыслъ удержали лучшее общество Франціи отъ подобной безразсудной проповѣди атеизма, детерминизма, матеріализма и сенсуализма. Во Франціи вскорѣ наступила реакція и въ философіи—въ двухъ школахъ—въ богословской и въ психологической. Послѣдняя подъ вліяніемъ шотландской школы Рида разцвѣла въ 19 вѣкѣ и дала видныхъ мыслителей, напр., Жуффруа и Кузэна, которые благотворно вліяли на молодежь и просвѣщенное общество. Позитивизмъ Ог. Конта, правда, шелъ рядомъ, своимъ путемъ и могъ довести тоже до матеріализма; но самъ Контъ (въ началѣ своей дѣятельности) отрицалъ всякую метафизику, слѣдовательно и матеріализмъ.

Однако разъ поднятое среди озера волненіе не прекращается сразу: волненіе распространяется до береговъ. Такъ и идеи, родившіяся во Франціи, разнеслись далеко за ея предѣлы. Отъ Парижа исходили не только моды нарядовъ, но и новинки литературы. И что во Франціи выходило „изъ моды“, то донашивалось въ Германіи. То же случилось и съ матеріализмомъ, который въ Германіи расцвѣлъ въ серединѣ 19-го вѣка. Фейербахъ, физіологъ Карлъ Фогтъ, Бюхнеръ, Молешоттъ, Д. Штраусъ выступили съ открытой проповѣдью матеріализма, которая имѣла успѣхъ въ широкихъ кругахъ „просвѣщеннаго“ общества. Матеріалистическія ученія легко подкупаютъ неглубокихъ читателей своей простотой: а матеріализмъ очень упрощаетъ себѣ задачу, отрицая a priori то, что именно представляетъ труднѣйшую проблему философіи—жизнь, душу и разумъ. Все это объявляется за призракъ, за самообманъ, и тогда писателю-философу руки развязаны: атомы, причинность и нѣсколько физическихъ силъ легко усваиваются читателемъ, или же все это ему извѣстно со школьной скамьи.

Эта проповѣдь, правда, въ серединѣ 19-го вѣка встрѣтила отпоръ со стороны нѣкоторыхъ нѣмецкихъ философовъ

(напр. Ульрици, І. Б. Мейера, Флюгеля, Фр. Шульце, Паульсена, Кюльпе и другихъ); противъ него возражали и нѣкоторые ученные естествоиспытатели, напр., знаменитый физіологъ и врачъ Фирховъ, химикъ Либигъ, физіологъ Рудольфъ Вагнеръ: но все это мало повліяло на широкіе круги общества. Послѣ прекращенія этого спора о матеріализмѣ, и въ особенности послѣ появленія Исторіи матеріализма А. Ланге (1866) и послѣ побѣдъ нѣмцевъ надъ французами (1871) большинство нѣмецкихъ философовъ принялось за усердное изученіе Кантова критицизма, считая метафизику дѣломъ сомнительнымъ: переставъ заниматься метафизикой, они углубились въ исторію философіи и въ теорію познанія. Но тутъ случилось выдающееся въ наукѣ событіе, ободрившее пріутихшихъ естествоиспытателей и давшее новую пищу матеріализму. Это были сочиненія Чарльза Дарвина: „Происхожденіе видовъ" (1859), „Объ измѣненіяхъ животныхъ и растеній при ихъ прирученіи" (1868) и въ особенности его „Происхожденіе человѣка и о половомъ подборѣ" (1871)[1]. Самъ Дарвинъ былъ чуждъ не только матеріализма, но и тѣхъ выводовъ и дальнѣйшихъ обобщеній, которые впослѣдствіи были сдѣланы его послѣдователями; усердные приверженцы Дарвина оказались plus darwinistes que Darwin même: ими была ложно истолкована и самая теорія Дарвина, и преувеличено ея значеніе. Естествоиспытатели почувствовали въ дарвинизмѣ новую силу, и смотрѣли на природу съ чисто механической и матеріалистической точки зрѣнія. Зоологъ Геккель выступилъ даже съ популярными сочиненіями, претендующими на философію, которыя нашли себѣ въ Германіи широкое распространеніе. Въ нихъ онъ проповѣдуетъ не чистый матеріализмъ, а древне-греческій **гилозоизмъ**, съ котораго взяла начало греческая и европейская философія, но который былъ оставленъ всѣми. Геккель возвратился къ гилозоизму, приписывая своей матеріи жизнеспособность: примѣняя неодарвинистическую теорію развитія, онъ изъ этой матеріи производитъ всѣ живые

[1]) *Charles Darwin,* 1) The origin of species by means of natural selection, or the preservation of favoured races in the struggle for life. London 1859, (sixth edition 1872). 2) Variation of animals and plants under domestication, 1868. 3) The descent of man and on selection in relation to sex, 1871.

организмы до человѣка включительно. Такова новѣйшая фаза видоизмѣненнаго матеріализма. Кромѣ Геккеля, въ настоящее время никто не выступаетъ открыто съ матеріалистической философіей; но въ замаскированномъ видѣ она проглядываетъ у многихъ зоологовъ и біологовъ, а также у физіологовъ, занимающихся психологіей. То, что во Франціи было въ модѣ въ концѣ 18 вѣка (послѣдній представитель физіологической психологіи Кабанисъ издалъ свое сочитеніе „Rapports du physiqne et du moral de l'homme" 1798—1799 года), то въ Германіи и теперь еще не вышло изъ моды. Физіологическая психологія у Вундта, Цигена, Авенаріуса, Маха и теперь еще пользуется авторитетомъ даже у философовъ. Только къ чести Вундта должно отмѣтить, что онъ отвергаетъ метафизическій матеріализмъ.

§ 5. Теорія Ч. Дарвина.

Чарльзъ Дарвинъ, внукъ знаменитаго естествоиспытателя и философа Эразма Дарвина, упомянутыми сочиненіями вмѣстѣ со многими другими произвелъ цѣлый переворотъ не только въ зоологіи и ботаникѣ, но даже и въ другихъ наукахъ. Несомнѣнно, это—выдающійся изслѣдователь, который, сверхъ своего таланта, обладалъ и другими качествами, не бывающими у геніевъ: онъ отличался не только проницательнымъ умомъ, но и трудолюбіемъ, осторожностью и скромностью въ своихъ сужденіяхъ. Когда на него обрушились страстныя нападки со стороны приверженцевъ старины, онъ отвѣчалъ имъ сдержанно, скромно и даже мягко. Вотъ, чѣмъ объясняется отчасти его б ы с т р ы й успѣхъ; но въ гораздо большей степени ему содѣйствовали другія благопріятныя обстоятельства. Его выводы и теорія, въ сущности, н е б ы л и н о в ы. Еще Ламаркъ въ началѣ 19-го вѣка своими сочиненіями „Естественная исторія безпозвоночныхъ животныхъ", затѣмъ — „Зоологическая философія" и другими подготовилъ почву Дарвину, о т р и ц а я н е и з м ѣ н ч и в о с т ь в и д о в ъ и утверждая п о с т е п е н н о е р а з в и т і е животнаго царства [1]). Его-то и слѣдуетъ считать первымъ основателемъ эволюціонной теоріи, давшимъ ей научное обосно-

[1]) *Jean B. de-Lamarck*, 1) Histoire des animaux sans vertèbres, t. I—VII, Paris 1815—1822, 2) Philosophie zoologique, t. I et, II, Paris 1809.

ваніе. Такъ же точно Колумбу, а не Америго Веспучи, принадлежитъ честь открытія Америки. Самая мысль объ эволюціи организмовъ высказывалась неоднократно и до Ламарка,—въ 18 вѣкѣ, напр., философомъ Робинэ [1]). Эта мысль не чужда была и глубокой древности—Аристотелю, Демокриту и даже Анаксимандру: но она высказывалась безъ достаточнаго обоснованія. Чарльзъ Дарвинъ впервые собралъ достаточно фактическаго матеріала, и притомъ весьма разнороднаго, благодаря чему онъ сразу убѣдилъ своихъ младшихъ современниковъ не только въ измѣнчивости видовъ, но и въ ихъ постепенной эволюціи. Въ томъ же направленіи одновременно съ Дарвиномъ работали и опубликовали свои работы раньше Дарвина: французъ Ж. дэ-Сентъ-Илеръ и англичане Уэллесъ (Wallace), Гекскли (Huxley), Гербертъ Спенсеръ. Такимъ образомъ Дарвину почва была расчищена и его современниками: нуженъ былъ только послѣдній ударъ тарана въ надтрѣснутую стѣну старой теоріи, чтобы черезъ отверстіе проникъ новый свѣтъ. Этотъ послѣдній рѣшительный ударъ традиціи и былъ нанесенъ Ч. Дарвиномъ. Въ его изслѣдованіяхъ по эволюціонной теоріи соединились усилія и труды многихъ ученыхъ за время, большее полувѣка.

Въ этомъ вопросѣ Дарвинъ далъ слѣдующіе выводы. 1) Всѣ виды у животныхъ и растеній измѣнчивы. 2) Эта измѣнчивость зависитъ и отъ случая, и отъ внѣшнихъ условій жизни, къ которымъ особи и виды приспособляются. 3) Тѣ случайныя измѣненія, которыя оказываются выгодными въ „борьбѣ за существованіе", передаются по наслѣдству и закрѣпляются въ ряду поколѣній. 4) Тѣ особи, которыя оказываются болѣе приспособленными къ даннымъ условіямъ жизни, размножаются быстрѣе и вытѣсняютъ собою менѣе приспособленныя. 5) Послѣднія въ концѣ концовъ должны вымереть, такъ какъ на опредѣленной части земли можетъ прокормиться только опредѣленное число растеній и животныхъ. 6) Появленію новыхъ видовъ, болѣе приспособленныхъ и совершенныхъ, содѣйствуетъ, кромѣ „борьбы за существованіе", и половой отборъ, и скрещиваніе разновидностей.

[1]) *Jean B. Robinet,* 1) De la nature t. I—IV, Amsterd. 1761—1766 2) Considerations philosophiques de la gradation naturelle des formes de l'être, Amsterd. 1767.

7) Благодаря перечисленнымъ обстоятельствамъ изъ старыхъ видовъ постепенно въ ряду огромнаго числа поколѣній возникали новые виды животныхъ и растеній [1]). Всѣ нынѣ существующіе виды животныхъ „произошли отъ не больше, чѣмъ четырехъ или пяти прародичей, а растенія—отъ такого же или еще меньшаго числа предковъ“ [2]).

Эти выводы Ч. Дарвина въ его формулировкѣ и въ настоящее время можно принять, но только съ нѣкоторыми ограниченіями. Первый собственно не отвергался старой теоріей о „неизмѣнчивости видовъ“; споръ сводился скорѣе къ словамъ: то, что Дарвинъ называетъ „новымъ видомъ“ (напр. у домашнихъ животныхъ и культурныхъ растеній), то называлось „разновидностью“ [3]). Но Дарвинъ въ своей теоріи, опираясь на факты измѣнчивости видовъ, предполагаетъ, что таковая существовала всегда, и что близкое сходство вымершихъ видовъ съ оставшимися въ настоящее время объясняется только происхожденіемъ нашихъ видовъ отъ родственныхъ прежнихъ вымершихъ формъ. Эти измѣненія, по мнѣнію Дарвина, происходили постепенно, еле замѣтно, и только послѣ долгихъ періодовъ жизни родственныя формы значительно удалились другъ отъ друга по различнымъ условіямъ жизни. Это мнѣніе не доказано Дарвиномъ и пока еще и не можетъ быть доказано: наши палеонтологическіе музеи и наши знанія крайне скудны относ. жизни на землѣ въ прежніе геологическіе періоды [4]).

[1]) Однако самъ Дарвинъ считаетъ приведенныя имъ причины появленія разновидностей и видовъ не исчерпанными. Въ другомъ мѣстѣ онъ самъ говоритъ: „Мы далеко не знаемъ всѣхъ условій, наиболѣе благопріятствующихъ размноженію новыхъ и преобладающихъ видовъ“. (См. *Ч. Дарвинъ*, О происхожденіи видовъ... переводъ проф. С. А. Рачинскаго, СПБ. 1864, стран. 258, гл. X.

[2]) Тамъ же, гл. XIV, стр. 382. Ту же формулировку своей теоріи эволюціи Дарвинъ удержалъ и въ своемъ шестомъ изданіи 1872 г.: „I believe that animals are descended from at most only four or five progenitors, and plants from an equal or lesser number“ (*Ch. Darwin*, The origin of species... sixth edition, London 1872, chap. XV, pag 424).

[3]) Самъ Дарвинъ не оспариваетъ этого. (См. его цитир. соч. стр. 49).

[4]) Пока извѣстно только относ. однокопытныхъ, что въ прежніе геологическіе періоды жили подобныя животныя, сперва съ 5-ью, а затѣмъ съ тремя копытами. На основаніи 50 видовъ ископаемыхъ дарвинисты считаютъ доказаннымъ, что наша однокопытная лошадь произошла отъ пятикопытныхъ предковъ.

Перечисленныя Дарвиномъ причины, какъ мы увидимъ, недостаточны, чтобы объяснить всѣ измѣненія: самой главной онъ не замѣтилъ, увлекшись своимъ стремленіемъ объяснить ихъ „естественнымъ способомъ", т. е. механическими и физическими причинами. Однако Дарвинъ выражается такъ осторожно, что нигдѣ не обмолвился, что онъ эти причины считаетъ исчерпанными. Наоборотъ, онъ оставилъ предположеніе созданія или творенія первоначальныхъ „родичей" (progenitors) Творцомъ вселенной [1].

Наконецъ, свою эволюціонную теорію онъ самъ считаетъ оспоримою, и приводитъ не мало ея слабыхъ сторонъ, чѣмъ онъ особенно подкупаетъ читателя [2]. Я не намѣренъ разсматривать всѣ спорныя стороны этой теоріи: ихъ слишкомъ много, и притомъ всѣ возраженія предполагаютъ близкое знакомство не только съ зоологіей, ботаникой, физіологіей, анатоміей; но и съ палеонтологіей, геологіей. Я ограничусь только нѣкоторыми возраженіями, подготовившими болѣе основательную теорію неовитализма.

§ 6. Приспособляемость организмовъ.

Послѣдователи Дарвина исказили научное значеніе его открытій и самой его теоріи. Вмѣсто того, чтобы ее провѣрять и ограничивать, они приняли за истину не только ее, но и брошенныя Дарвиномъ мимоходомъ допустимыя предположенія. Такъ напр., Дарвинъ въ первомъ изданіи своего изслѣдованія „О происхожденіи видовъ" говоритъ слѣдующее: „мы найдемъ нѣкоторыя низшія формы, до того переходныя по признакамъ, что натуралисты спорятъ о томъ, къ какому царству слѣдуетъ ихъ причислить; и, по началу естественнаго подбора съ расхожденіемъ признаковъ, не вполнѣ немыслимо, чтобы и растенія, и животныя развились изъ какой-либо изъ этихъ среднихъ формъ. Поэтому можно было бы заключить, что всѣ органическія существа, когда-либо жившія на землѣ, вѣроятно, произошли отъ одной первичной формы, въ которую впервые вдохнулъ жизнь Творецъ. Но это заключеніе основано главнымъ образомъ на аналогіи, и несущественно, при-

[1]) См. *Ч. Дарвинъ*, цитир. соч. стр. 382.

[2]) См. цитир. соч. гл. XIV и XV.

мемъ ли мы его, или нѣтъ“ [1]). За эту мысль Дарвина ухватился Геккель и развиваетъ свою гилозоистическую теорію, по которой всѣ живыя существа произошли отъ матеріи безъ участія Творца, котораго, какъ мы видѣли, Дарвинъ не отвергалъ.

Далѣе, Дарвинъ между причинами измѣненій видовъ разсматриваетъ однѣ внѣшнія, упустивъ изъ виду самую главную. Послѣдователи Дарвина пошли дальше: они прямо утверждаютъ, что другихъ причинъ измѣненія вовсе не существуетъ; что вся жизнь совершается по механическимъ законамъ физики и химіи; что душа и разумъ— это дѣятельности мозга и нервовъ: слѣдовательно особаго носителя, особой отъ тѣла души не существуетъ.

Однимъ словомъ, старый матеріализмъ возобновленъ подъ вывѣской „дарвинизма“, отъ которой былъ далекъ самъ Дарвинъ. Правда, кромѣ Геккеля, никто не выступаетъ съ открытой проповѣдью философскаго матеріализма; но въ душѣ имъ заражены многіе естествоиспытатели и въ особенности „образованные“ люди [2]). Поэтому мы остановимся нѣсколько дольше на разсмотрѣніи этого ложнаго дарвинизма, который въ жизненныхъ процессахъ видитъ дѣйствіе однѣхъ физическихъ и химическихъ силъ.

Прежде всего я разсмотрю самую „приспособляемость“ организмовъ, которой послѣдователи Дарвина хотятъ объяснить всю цѣлесообразность и весь разумъ человѣка и животныхъ.

Всѣ разсужденія Дарвина исходятъ отъ факта существованія организмовъ. Допустимъ, что теорія Дарвина вѣрна, что всѣ животныя произошли отъ пяти первоначальныхъ родичей (или по Геккелю, отъ одного). Допустимъ даже, что этотъ одинъ родичъ принадлежалъ къ предполагаемому промежуточному царству: онъ былъ одновременно и животнымъ, и растеніемъ. Но и въ такомъ случаѣ, онъ долженъ былъ обладать тѣми свойствами, которыя общи и растеніямъ и животнымъ, а именно: способностью питаться, расти, раз-

[1]) Цитир. соч. перев. проф. С. А. Рачинскаго, стран. 382. (Маркировки мои).

[2]) Впрочемъ, теперь въ Харьковѣ можно услышать и отъ пьянаго рабочаго, что Бога нѣтъ, что души нѣтъ, что есть только нервы и мозгъ.

множаться. Но такъ какъ отъ него должны были произойти всѣ милліоны видовъ, которые существовали послѣ него, то онъ долженъ былъ обладать и тѣми качествами, благодаря которымъ по Дарвину образовались новые виды. Таковымъ прежде всего, по Дарвину, оказывается приспособляемость въ борьбѣ за существованіе. Постараемся раскрыть смыслъ этого слова, чего не дѣлалъ ни Дарвинъ, чего не дѣлаютъ и его послѣдователи. Что значитъ „приспособляться"? Если напр., горный гусь приспособился къ своему жительству въ горахъ и обходится безъ стоячей или текучей воды, въ которой онъ могъ бы плавать, ловить рыбокъ, и пожирать водоросли, то это значитъ, что онъ себѣ отыскиваетъ другую пищу, какая имѣется въ горахъ, а не ту, которую его предки отыскивали въ водѣ [1]). Слѣдовательно онъ умѣетъ воспользоваться новыми обстоятельствами и условіями жизни, чтобы ее сохранить. Для этого онъ прежде долженъ познать эти новыя условія; а затѣмъ онъ долженъ примѣнять новые способы дѣйствія, чтобы добывать себѣ пищу другого рода; наконецъ, его желудокъ и организмъ должны „привыкнуть" къ новой пищѣ. Первыя два условія предполагаютъ сознательный умъ, т. е. и память, и разсудокъ. Послѣднее совершается большей частью безсознательно, однако не механически. Самое пищевареніе есть очень сложный процессъ, который тоже предполагаетъ и выборъ пищевыхъ частицъ, и отталкиваніе всего негоднаго для питанія. Такимъ образомъ приспособляемость животнаго къ новымъ, отличающимся отъ привычныхъ и обычныхъ условій его предковъ, не можетъ обойтись безъ сознательнаго ума. Такую сознательную и разумную дѣятельность нужно признать даже за простѣйшими микроскопическими животными.

Такъ напр., проф. и академикъ Бехтеревъ не затрудняется признать таковую у одноклѣточныхъ инфузорій-охотниковъ (Dimidium nasutum) и у корненожки Actinophrys и даже у амебъ. Онъ таковую признаетъ даже у низшихъ

[1]) Этотъ примѣръ горнаго гуся, который удержалъ плавательную перепонку на ногахъ, хотя она ему безполезна, приводитъ самъ Дарвинъ. (См. цитир. соч. перев. Рач. стран. 372).

растительныхъ организмовъ, напр. у слизевого грибка Aethalium [1]).

Возьмемъ примѣръ изъ растительнаго царства. Въ Карпатскихъ горахъ въ Буковинѣ въ щели почти отвѣсной скалы я еще въ дѣтствѣ видѣлъ неоднократно маленькую рябину съ красными ягодками. Кругомъ ея не было никакой растительности, были одни камни. Это меня поразило: я сталъ присматриваться и замѣтилъ, что она находилась въ небольшой трещинѣ, въ которой была земля и песокъ. Врядъ-ли ея жизнь въ этой трещинѣ была вполнѣ нормальной: однако рябиновое деревцо приспособилось и жило нѣсколько лѣтъ. Еслибы я тогда имѣлъ понятіе о Дарвиновой теоріи, и поинтересовался бы формой корней рябины, то я замѣтилъ бы, что они росли не такъ, какъ имъ полагается отъ рожденія, т. е. вертикально внизъ, а такъ, какъ имъ то позволяла каменистая почва. Какъ извѣстно, корень дерева или травы, если онъ натыкается на твердый камень, то онъ его не пробиваетъ, а изгибается; затѣмъ, если это возможно, корень опять растетъ вертикально внизъ. Среди камней онъ пробивается черезъ щели до влажнаго мѣста, иногда—на далекомъ протяженіи... Если бы ростъ корня совершался по механическимъ законамъ физики и химіи, то наткнувшись на камень, слѣдовало бы корню остановиться въ своемъ ростѣ: однако онъ этого не дѣлаетъ, а отыскиваетъ себѣ

[1]) См. *В. М. Бехтеревъ*. О локализаціи сознательной дѣятельности у животныхъ и человѣка, СПБ. 1896, стран. 12—14.

Такіе же примѣры сознательной дѣятельности значительно раньше описалъ Ценковскій, которые онъ наблюдалъ у амебъ Vampyrella Spirogyrae и Colpodella pugnax. „Поведеніе этихъ монадъ [организмовъ, состоящихъ изъ одной клѣтки или изъ мельчайшаго комочка протоплазмы] говоритъ Ценковскій, при отыскиваніи и принятіи пищи настолько замѣчательно, что кажется, будто предъ глазами имѣешь поступки одареннаго сознаніемъ существа". (См. *Cienkorski*, Beiträge zur Kentniss der Monaden, Archiv für mikroskopische Anatomie 1865, I. Bd. S. 203). Сознательную психическую жизнь у protozoa отрицаютъ (по недоразумѣнію) весьма немногіе ученые— Перти, Ферворнъ, Флюгель. Напротивъ, огромное большинство весьма основательно приписываетъ имъ высоко развитую душевную жизнь. Таковы, кромѣ упомянутыхъ: Вундтъ, Геккель, Мёбіусъ, Романесъ, Шнейдеръ, О. Шмидтъ, Шультце, Эймеръ, Энгельманъ, Энтцъ и другіе. (См. *D-r. F. Lukas*, Psychologie der niedersten Tiere. Wien 1905. S. 45).

удобнѣйшій путь туда, гдѣ его ждетъ влага. Если же онъ не достигаетъ такого мѣста, то все растеніе погибаетъ. Тутъ и конецъ приспособляемости. Какъ извѣстно, таковая и у растеній, и у животныхъ имѣетъ свои довольно ограниченные предѣлы.

И у растеній приспособляемость не можетъ быть объяснена одними механическими законами физики и химіи: корень долженъ чувствовать сопротивленіе камня, и растеніе должно измѣнить свой обычный и унаслѣдованный планъ роста,—вѣрнѣе не растеніе, а нѣчто, что управляетъ его жизнію, его ростомъ, его размноженіемъ, его видоизмѣненіями. И у растеній есть извѣстная планомѣрность: каждое до извѣстной степени и по возможности сохраняетъ свою жизнь, свой типъ и передаетъ тѣ же способности и потомству на тысячелѣтія! Всего этого не имѣется у неорганизованной матеріи.

Такимъ образомъ и у первоначальныхъ родичей Дарвина должны были существовать эти свойства живыхъ существъ. И такъ какъ ихъ не имѣлось въ мертвой матеріи, то долженъ былъ откуда-нибудь появиться тотъ разумъ и та планомѣрность жизни, которыхъ не было въ матеріи. Слѣдовательно Дарвиномъ отодвинутъ въ далекое прошлое актъ творенія, который въ сущности не прекращается и по сей день. Геккель еще болѣе упростилъ себѣ задачу: онъ утверждаетъ, что изъ матеріи сама собою родилась жизнь, т. е., что само собою родилось организованное существо (generatio aequivoca). Латинское слово подыскано, и гора съ плечъ! А публика благоговѣетъ передъ учеными словами, хотя бы они ничего не выражали или заключали въ себѣ нелѣпость!

§ 7. Измѣнчивость видовъ не объяснима одними внѣшними условіями.

Относительно измѣняемости видовъ дарвинисты предполагаютъ, съ одной стороны, что ихъ измѣненія случайны, и притомъ во всевозможныхъ направленіяхъ; съ другой стороны, они же, признавая фактъ наслѣдственности, предполагаютъ унаслѣдованіе и дальнѣйшее совершенствованіе только тѣхъ новыхъ признаковъ, которые полезны данному растенію или животному. При этомъ упускается изъ

виду, что безполезныхъ уклоненій можетъ быть безчисленное множество—милліоны и билліоны, тогда какъ полезнымъ окажется только одинъ или два признака. Слѣдовательно тутъ опять нужно допустить, что въ каждой отдѣльной особи, у которой оказался полезный признакъ, этотъ признакъ кѣмъ-то закрѣпляется при оплодотвореніи для передачи его потомству. Только при этомъ условіи можно говорить о постепенномъ его усиленіи и развитіи въ ряду послѣдующихъ поколѣній. Если же не допускать такого вмѣшательства разумнаго дѣятеля или же самаго Творца вселенной, то опять дарвинисты должны прибѣгать къ дѣйствію „случая" или „природы", которымъ почему-то угодно быть разумными и выбирать полезное, т. е. разумное. Дѣло въ томъ, что самымъ понятіемъ „полезный" предполагается уже выборъ и цѣль: полезнымъ называется то, что лучше всего служитъ цѣлямъ жизни. То же предполагается и въ понятіяхъ „приспособленіе" и „развитіе". Такимъ образомъ объясненіе дарвинистовъ вращается въ логическомъ кругу idem per idem: чтобы доказать возникающую, т. е. становящуюся цѣлесообразность, которой первоначально будто не существовало, они предполагаютъ въ замаскированномъ видѣ ту же цѣлесообразность въ „приспособляемости" и въ передачѣ по наслѣдству „полезнаго".

Если же допустить, что всѣ случайныя уклоненія передаются по наслѣдству (чего дарвинисты не предполагаютъ), то тогда получится картина, совершенно противуположная той, которую рисуетъ въ своемъ произведеніи самъ Дарвинъ. Прежде всего мы напомнимъ неоднократно повторяемое имъ правило „natura non facit saltum". Геологическія измѣненія, и по его утвержденіямъ, не были внезапными; климатическія условія на землѣ тоже не измѣнялись сразу: перемѣщеніе земной оси по вычисленіямъ астрономовъ происходитъ въ періодъ около тридцати тысячъ лѣтъ. Слѣдовательно внезапныхъ измѣненій условій жизни не могло быть на всей поверхности земли. Еще менѣе вѣроятно, чтобы эти условія могли рѣзко измѣняться въ водѣ океановъ, которая не поддается быстрымъ нагрѣваніямъ и охлажденіямъ, въ особенности въ нижнихъ слояхъ. Во-вторыхъ, неприспособленныхъ организмовъ, говоря вообще, не могло быть. И первые родичи Дарвина и всѣ

ихъ потомки (за исключеніемъ крайне рѣдкихъ уродовъ, которые умираютъ вскорѣ послѣ рожденія) были жизнеспособны: иначе, они не дожили бы и одного дня, не дожили бы до поры оплодотворенія и размноженія, слѣдовательно не оставили бы никакого потомства; но этого не случилось въ дѣйствительности [1]).

Итакъ „въ продолженіе долгихъ временъ“, т. е. цѣлыхъ геологическихъ періодовъ (которые опредѣляются въ десятки милліоновъ лѣтъ) и старые виды, не „вытѣсненные новыми“ изъ-за борьбы за существованіе, были достаточно приспособлены къ жизни; только чрезмѣрное ихъ размноженіе могло вызвать „борьбу за существованіе“, т. е. изъ-за недостатка мѣста и пищи. Еслибы по наслѣдству передавались всѣ новые признаки, не только одинъ полезный; тогда этотъ послѣдній никогда не получилъ бы преобладанія и укрѣпленія въ организаціи до наступленія „борьбы за существованіе“: его отборъ, т. е. выдѣленіе и укрѣпленіе, Дарвинъ объясняетъ только „борьбой за существованіе“ и преимуществомъ въ ней полезнаго признака. Но въ виду неограниченности числа безполезныхъ признаковъ, послѣдніе вскорѣ совершенно заглушили бы собою полезные, и тогда вовсе не могло бы быть совершенствованія организмовъ въ послѣдующихъ поколѣніяхъ. Тогда возрастало бы одно разнообразіе, которое вскорѣ довело бы организмы до прекращенія приспособленія и жизни вообще. Ничего подобнаго въ дѣйствительности не произошло, и самъ Дарвинъ былъ принужденъ предполагать наслѣдственность только относ. нѣкоторыхъ новыхъ признаковъ, изъ кото-

[1]) Внезапнаго вымиранія видовъ и семействъ и самъ Дарвинъ не признаетъ. Вотъ его подлинныя слова: „Относительно, повидимому, внезапнаго исчезновенія цѣлыхъ семействъ и порядковъ, какъ напр., трилобитовъ въ концѣ палеозоическаго періода и аммонитовъ въ концѣ вторичнаго, мы должны помнить то, что уже было сказано о вѣроятно значительныхъ промежуткахъ времени между нашими послѣдовательными формаціями; въ эти промежутки могли медленно вымирать многія формы“ (см. *Дарвинъ,* О происхожденіи видовъ цитир. изд. стр. 254).

Въ другомъ мѣстѣ Дарвинъ говоритъ: „въ цѣломъ силы [борющихся за свое существованіе] уравновѣшены съ точностью, что общій видъ природы остается неизмѣннымъ въ продолженіе долгихъ временъ“... (*Ч. Дарвинъ,* цитир. соч. стр. 59. Маркировки мои).

рыхъ впослѣдствіи сохраняются одни только полезные. Но почему это должно быть такъ, этого Дарвинъ не говоритъ: его „борьбой за существованіе" и вообще всей его теоріей это не можетъ быть объяснено. Самая наслѣдственность представляетъ собою тайну, не разгаданную и дарвинистами.

§ 8. Уродства необъяснимы дарвиновой теоріей.

Дарвинъ самъ производилъ множество опытовъ надъ домашними голубями и, конечно, замѣчалъ ихъ разнообразіе въ опереніи; онъ замѣчалъ и факты возврата новыхъ формъ и „разновидностей" къ старой, первоначальной формѣ дикаго голубя: однако все это не объяснимо ни борьбой за существованіе, ни скрещиваніемъ, ни полезностью, ни половымъ отборомъ. Еще менѣе всѣми этими причинами можетъ быть объяснено появленіе уродствъ, которое у животныхъ наблюдается рѣже, чѣмъ у человѣка, но все же бываетъ. Дарвинъ, конечно, зналъ и это. Почему же онъ не задумался надъ причинами уродствъ? Чѣмъ они производятся? Тутъ „случай", который такъ по сердцу дарвинистамъ, было бы очень кстати пристегнуть. Однако дарвинисты не задумывались надъ этимъ. Незначительныя „уродства" не мѣшаютъ жизни человѣка. Между ними и новыми „случайными признаками" нельзя провести строгой отграничивающей черты. Такъ напр., родимое пятнышко, легкое измѣненіе носа, губъ, ногтей, волосъ мы не относимъ къ уродствамъ, если они не особенно обезображиваютъ человѣка. Но если у человѣка разрѣзана верхняя губа или недостаетъ отъ рожденія нѣсколькихъ пальцевъ на рукѣ, или же лицо совершенно похоже на морду теленка, то мы говоримъ объ уродствахъ[1]). Этимъ вопросомъ мало занимаются естествоиспытатели; правда, врачи сохраняютъ въ спирту нежизнеспособныхъ уродовъ; но огромное число уродствъ на живыхъ людяхъ не изучено. Между тѣмъ это явленіе весьма поучительно для дарвинистовъ.

[1]) Я самъ неоднократно видѣлъ въ Юрьевѣ (Лифл.) между 1902 и 1906 годами простую эстонскую дѣвушку съ телячьей физіономіей, которую она при встрѣчахъ закрывала платкомъ. Но впослѣдствіи физіономія „выровнялась", т. е. сдѣлалась менѣе безобразной, и она ходила и не закрытой.

Я могу сообщить нѣсколько фактовъ, которые я самъ наблюдалъ и провѣрялъ. 1) Мать, простая женщина Е. Б. (въ Харьковѣ 20 лѣтъ) на пятомъ мѣсяцѣ беременности упала, опершись на лѣвую руку, при чемъ получила сильные ушибы въ первыхъ суставахъ пальцевъ. У нея родилась черезъ четыре мѣсяца дѣвочка, у которой оказались три пальца лѣвой руки, отъ мизинца до указательнаго включительно, только съ однимъ нижнимъ суставомъ, и притомъ сросшимися. 2) Мать, образованная, изъ высшаго общества Н. М. (въ Бучачѣ въ Галиціи, лѣтъ 26-ти) упала на лѣстницѣ и ушибла себѣ лѣвое бедро, получивъ кровоподтеки. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ у нея родился мальчикъ, у котораго оказались красныя пятна на бедрѣ, какъ разъ въ томъ же мѣстѣ, въ которомъ мать получила ушибы. 3) Крестьянская дѣвушка Марта (лѣтъ 18 въ с. Мезы-Лаборцѣ въ сѣверной Венгріи) служила у моей тещи. Къ послѣдней случайно зашла странница, старая женщина изъ Галиціи с. Старой-Веси. Увидѣвъ Марту, она остолбенѣла и въ ужасѣ воскликнула: „Чудо! Старо-Весская матерь Божія!“ Дѣвушку она приняла за привидѣніе: до того поразительно похожа она была на чудотворную икону Старо-Весской Божіей матери. Послѣ разспросовъ тещи у матери Марты оказалось, что мать во время беременности дочкой Мартой была на богомоліи у упомянутой иконы и долго передъ ней молилась, вглядываясь въ ея лицо и опущенныя вѣки. 4) Примѣры прирожденнаго нароста въ видѣ мышки, когда отъ таковой испугалась беременная, или въ видѣ малины, когда беременная страстно желала и не получала видѣнной малины, и другія незначительныя ненормальности я не стану подробно описывать: они слишкомъ извѣстны повивальнымъ бабкамъ. Эти факты, необъяснимые извѣстными намъ физіологическими процессами, вслѣдствіе своей загадочности игнорируются медиками и естествоиспытателями. Между тѣмъ эти факты доказываютъ, что на жизнь и организацію зародыша вліяютъ не только физіологическіе процессы матери, но и ея „психика“, т. е. душевныя переживанія, впечатлѣнія зрѣнія и осязанія[1]).

[1]) Еще въ пятикнижіи Моисея упоминается хитрость тестя Іакова, примѣненная имъ къ рожденію по его желанію черныхъ и бѣлыхъ овецъ; но библія для дарвинистовъ не можетъ служить источникомъ фактическихъ данныхъ: въ ней многое сообщается, что не объяснимо дарвинизмомъ.

Вѣроятно, и чувства матери вліяютъ на характеръ будущаго потомка: и для этого предположенія имѣется достаточно фактовъ-наблюденія у родителей, имѣвшихъ много дѣтей.

Слѣдовательно по наслѣдству могутъ быть передаваемы и такіе случайные признаки, которые представляютъ собою уродства и ничего общаго не имѣютъ съ „пользой" въ борьбѣ за существованіе; однако они не принадлежатъ къ причинамъ измѣнчивости видовъ, перечисленнымъ Дарвиномъ. Эта причина можетъ заключаться въ самой организаціи зародыша или его матери. И самъ Дарвинъ допускаетъ появленіе новыхъ признаковъ еще до вступленія организма въ самостоятельную жизнь и въ борьбу за существованіе; однако онъ этотъ фактъ оставляетъ безъ разсмотрѣнія, хотя онъ самый важный, самый существенный въ появленіи новыхъ признаковъ, способностей и разновидностей.

§ 9. Мутаціи Дэ-Фриза доказываютъ творческую силу зародышей.

Что новые признаки могутъ появляться независимо отъ внѣшнихъ условій, и что они могутъ передаваться по наслѣдству, создавая такимъ образомъ новыя разновидности или виды, это доказано послѣ Дарвина множествомъ опытовъ надъ различными растеніями. Прежде всѣхъ доказалъ это Де-Фризъ (De Vries) на растеніи Oenothera Lamarckiana, надъ которымъ онъ въ теченіи 15-и лѣтъ производилъ разные опыты. Де-Фризъ установилъ фактъ, что у этого растенія у нѣкоторыхъ особей появлялись новые признаки, независимо отъ внѣшнихъ условій, которыя онъ оставлялъ совершенно одинаковыми. Нѣкоторые изъ таковыхъ новыхъ признаковъ появлялись сразу и передавались по наслѣдству; таковые онъ назвалъ „мутаціями" въ отличіе отъ тѣхъ случайныхъ признаковъ, которые не передавались по наслѣдству; послѣдніе онъ назвалъ „варіаціями". Такія же мутаціи послѣ Фриза были обнаружены: у ночной свѣчи, у діатомовыхъ водорослей, у львинаго зѣва, у краснаго томата (или помидора Lycopersicum esculentum) и даже у коротко-

хвостой кошки Киннеля[1]). Эти мутаціи, какъ оказалось, происходятъ не безконечно малыми размѣрами, какъ то ошибочно предполагалъ Дарвинъ, а скачкообразно, вдругъ, и не въ безконечно длинный періодъ, а въ ряду немногихъ поколѣній. Такъ какъ мутаціи не зависятъ отъ внѣшнихъ условій, и сверхъ того передаются по наслѣдству: то ихъ причина, очевидно, кроется въ самомъ зародышѣ сѣмени. Такимъ образомъ найдена главная причина измѣнчивости и появленія новыхъ видовъ, которую Дарвинъ, увлекшись своей теоріей, оставилъ безъ вниманія.

То же подтверждается и фактомъ скрещиванія. который такъ часто упоминается Дарвиномъ, но который имъ тоже не проанализированъ, какъ слѣдуетъ. Какъ извѣстно, при скрещиваніи передаются потомку признаки и отца и матери. Такимъ образомъ появляется новая разновидность, которая не зависитъ отъ внѣшнихъ условій, а отъ причинъ, заключающихся въ оплодотворенномъ зародышѣ; слѣдовательно эти причины не принадлежатъ къ внѣшнимъ условіямъ жизни, перечисленнымъ Дарвиномъ. То же происходитъ и при каждомъ двуполомъ оплодотвореніи. Дѣло въ томъ, что въ мірѣ не существуетъ даже двухъ капель воды, которыя были бы точь въ точь одинаковы во всемъ. При удивительной сложности даже простѣйшихъ организмовъ, это и подавно должно быть вѣрно. Слѣдовательно любой потомокъ двухъ половъ не можетъ быть точь въ точь такимъ же, какими были его родители или предки. Но измѣненія эти обыкновенно такія незначительныя, что мы ихъ обыкновенно не замѣчаемъ; они замѣтны только на физіономіяхъ человѣка. Впрочемъ, эти случайныя уклоненія отъ типа рѣдко передаются по наслѣдству. Такимъ образомъ оказывается, что еслибы внѣшнія условія даже были вполнѣ тожественны, то въ ряду поколѣній все же должны появиться разновидности, зависящія отъ творческой силы, заключенной въ зародышевой пласмѣ.

[1]) См. *Р. Франсé,* статья Вѣстника и Библіотеки самообраз. СПБ. 1904, № 47. Послѣ этихъ опытовъ, вѣроятно, подобныя явленія обнаружены и на другихъ видахъ; но я не имѣлъ возможности ознакомиться со спеціальной ученой литературой послѣднихъ семи лѣтъ. Впрочемъ, для опроверженія какого-нибудь обобщенія достаточно и нѣсколькихъ фактовъ изъ instantiae contrariae.

Для этой **творческой силы** природы вовсе не нуженъ чрезвычайно длинный періодъ послѣдующихъ поколѣній въ теченіе милліоновъ лѣтъ, какъ то ошибочно предполагаетъ Дарвинъ и его приверженцы. Дарвину это предположеніе нужно было для того, чтобы видоизмѣненія объяснить **механически**, т. е. одними внѣшними физическими условіями. На самомъ дѣлѣ, на глазахъ каждаго натуралиста постоянно, въ каждое лѣто, совершаются безчисленныя самыя рѣзкія **метаморфозы** у насѣкомыхъ. Дѣло въ томъ, что личинки таковыхъ (напр., комара, обыденки, стрекозъ) приспособлены къ жизни въ **водѣ**, а черезъ нѣсколько недѣль послѣ закукливанія личинки изъ нея выходитъ насѣкомое, способное жить на сушѣ и въ **воздухѣ**. Очевидно, эта рѣзкая метаморфоза, совершенная въ куколкѣ за нѣсколько недѣль, не зависѣла отъ **внѣшнихъ** условій и борьбы за существованіе: она зависѣла отъ той **творческой силы**, которая присуща самому организму личинки[1]). Эта сила заключается уже въ яичкѣ и въ его зародышѣ.

§ 10. Равномѣрная послѣдовательность жизненныхъ формъ.

Какъ мы видимъ, главная причина измѣнчивости особей и видовъ кроется не во внѣшнихъ условіяхъ, а въ творческой силѣ самихъ зародышей организма. Слѣдовательно предполагаемая „борьба за существованіе вслѣдствіе чрезмѣрнаго размноженія“ не могла бы произвести милліоны видовъ, способныхъ жить одновременно въ теченіе милліоновъ лѣтъ даже при измѣнчивыхъ условіяхъ климата и почвы. Впрочемъ, теорія Дарвина относ. эволюціи вслѣдствіе „борьбы за существованіе“ опровергается и множествомъ другихъ фактовъ. Такъ напр., на двухъ большихъ островахъ Новой-Зеландіи съ континентальной формаціей находится много пресмыкающихся; еще недавно были на нихъ и птицы громадныхъ размѣровъ, лишенныя способности летать (Ра-

[1]) На этотъ разительный фактъ, хорошо извѣстный не только Дарвину, но и школьникамъ, указывали многіе, между прочимъ и проф. *Б. Н. Чичеринъ*. (См. его „Положит. философія“... М. 1892. Приложеніе, стр. 6. Тамъ же приведено множество дѣльныхъ возраженій Дарвину, которыхъ я не воспроизвожу.

lapteryx и Apterix): однако на этихъ островахъ европейцы не нашли ни одного млекопитающаго, за исключеніемъ двухъ-трехъ породъ летучихъ мышей [1]).

Изъ этого факта отсутствія млекопитающихъ заключаютъ, что эти острова образовались тогда, когда на землѣ еще не было млекопитающихъ (летучія мыши могли туда перелѣтѣть съ ближайшаго материка). Этотъ геологическій періодъ безъ млекопитающихъ отдѣленъ отъ насъ десятками милліоновъ лѣтъ; однако за это время въ Новой Зеландіи не появилось млекопитающихъ, хотя тамъ существовали всѣ тѣ условія и причины, которыми Дарвинъ объясняетъ появленіе новыхъ видовъ и ихъ совершенствованіе вслѣдствіе борьбы за существованіе [2]).

Самъ Дарвинъ, кромѣ этого примѣра, приводитъ и другіе факты, которые говорятъ противъ его теоріи. Вотъ и слова самого Дарвина. „Изъ всѣхъ палеонтологическихъ открытій едва-ли какое-либо разительнѣе того факта, что жизненныя формы измѣняются почти одновременно на *всей* поверхности земного шара. Такъ, наша европейская мѣловая формація можетъ быть узнана во многихъ отдаленныхъ странахъ свѣта, подъ самыми разнородными климатами, въ мѣстахъ, гдѣ не находится ни малѣйшей частицы самаго мѣла, а именно въ Сѣверной Америкѣ, въ Южной Америкѣ подъ экваторомъ, въ Огненной Землѣ, на мысѣ Доброй Надежды и на Индійскомъ полуостровѣ: въ этихъ отдаленныхъ краяхъ органическіе остатки извѣстныхъ пластовъ представляютъ *несомнѣнное сходство* съ тѣми, которые встрѣчаются въ европейскомъ мѣлу... иногда сходство ихъ признаковъ распространяется на такія маловажныя особенности, каковы свойства поверхности твердыхъ покрововъ... Въ отдѣльныхъ, послѣдовательныхъ палеозоическихъ формаціяхъ Россіи, западной Европы и Сѣверной Америки многими авторами былъ подмѣченъ подобный же параллелизмъ... общій параллелизмъ жизненныхъ формъ, смѣнявшихся въ этажахъ (пластахъ) изъ столь удаленныхъ одна отъ другой

[1]) Найденная тамъ одна туземная крыса, а изъ домашнихъ животныхъ одна лишь собака, вѣроятно, были завезены туда первыми поселенцами изъ полинезійскаго племени Маори.

[2]) Ср. *Б. М. Чичеринъ*, Полож. филос. цитир. Приложеніе стр. 7.

палеозоическихъ и третичныхъ формацій, все-таки останется очевиднымъ [1]).

Дарвинъ цитируетъ и другихъ авторовъ; я приведу лишь одну его цитату. „Обстоятельство, что жизненныя формы измѣняются одновременно, въ объясненномъ выше обширномъ смыслѣ, [т. е. въ смыслѣ огромнаго періода, больше ста тысячъ лѣтъ] въ самыхъ отдаленныхъ краяхъ свѣта, сильно поразило двухъ отличныхъ наблюдателей—гг. де-Вернелья и д'Аршіана. Упомянувши о параллелизмѣ палеозоическихъ организмовъ въ разныхъ частяхъ Европы, они присовокупляютъ: „Если пораженные этою странною послѣдовательностью, мы обратимся къ Сѣверной Америкѣ, и тамъ откроемъ рядъ подобныхъ явленій, мы должны убѣдиться, что всѣ эти видоизмѣненія жизненныхъ формъ, *ихъ вымираніе и появленіе новыхъ не могутъ зависѣть* отъ простыхъ измѣненій въ морскихъ теченіяхъ или *отъ другихъ причинъ,* болѣе или менѣе временныхъ и мѣстныхъ, но должны обусловливаться общими законами, управляющими всѣмъ животнымъ царствомъ“. Дарвинъ соглашается съ приведеннымъ мнѣніемъ, говоря: „Мы должны, какъ сказалъ Беррандъ, искать тутъ особаго закона. Мы еще полнѣе убѣдимся въ этомъ, когда перейдемъ къ нынѣшнему географическому распредѣленію организмовъ, и увидимъ, какъ слабы соотношенія между физическими условіями разныхъ странъ и свойствами ихъ жителей“ [2]).

Признавая все это и „великій фактъ равномѣрной послѣдовальности жизненныхъ формъ“, Дарвинъ все же пытается „объяснить его по теоріи естественнаго подбора“, а именно: „тѣ формы, которыя уже преобладаютъ или имѣютъ какое-либо преимущество надъ прочими формами своей родины, естественно, всѣхъ чаще [почему?] должны производить новыя разновидности и зачинающіеся виды, ибо эти послѣднія должны быть еще побѣдоноснѣе [почему?] для того, чтобы выжить и сохраниться. [Если они существовали милліонъ лѣтъ въ разныхъ странахъ, то они были достаточно приспособлены]. Тому яснымъ доказательствомъ служитъ то, поясняетъ Дарвинъ, что растенія преобладающія,

[1]) *Ч. Дарвинъ,* О происх. видовъ, цитир. пер. стран. 256.
[2]) *Ч. Дарвинъ,* цитир. соч. стран. 257 и 256.

т. е. наиболѣе обыкновенныя въ своей родинѣ и наиболѣе распространенныя, произвели наибольшее количество [?] разновидностей". Это объясненіе Дарвина, признаться, мнѣ совершенно непонятно: 1) Послѣднее обобщеніе Дарвина невѣрно. Только культивируемыя человѣкомъ растенія, и то не всѣ, отличаются б о л ь ш и м ъ количествомъ разновидностей, напр. роза, виноградъ, яблонь, груша. Другія же распространенныя растенія, которыми человѣкъ не заинтересованъ, и до сихъ поръ не отличаются числомъ разновидностей, напр. крапива, лебеда, одуванчикъ, ковыль, дурманъ, и другіе. 2) Очень распространенныя растенія, живущія сплошными группами, имѣютъ меньше шансовъ на образованіе разновидностей вслѣдствіе скрещиванія при оплодотвореніи: цвѣточная пыль перелетаетъ съ однихъ особей на другія. Доказательствомъ тому служатъ наши посѣвы ржи, пшеницы, овса, ячменя. Разновидности ихъ выписываютъ изъ чужихъ странъ, и тѣ вскорѣ вырождаются, если по близости имѣются посѣвы изъ туземныхъ сѣмянъ. Слѣдовательно большое размноженіе растенія скорѣе служитъ п о м ѣ х о й къ образованію разновидностей. 3) Еслибы недоказанное и опровергаемое фактами утвержденіе Дарвина даже было вѣрно, то имъ отнюдь не объясненъ тотъ фактъ, почему на всей поверхности земли, при различныхъ условіяхъ температуры, климата, почвы въ теченіе болѣе ста тысячъ лѣтъ с о х р а н я л и с ь нѣкоторые виды. Ихъ вымираніе отнюдь не можетъ быть объяснено ихъ неприспособленностью и побѣдой болѣе приспособленными. Дѣло въ томъ, что новыя формы, какъ было доказано выше относ. мутацій, не всегда представляютъ собою „полезные" признаки. Наоборотъ, всѣ получаемыя искусственнымъ воспитаніемъ разновидности, напр. у розъ, болѣе неустойчивы и легче погибаютъ или вырождаются. Слѣдовательно новые виды отнюдь не приспособлены болѣе къ тѣмъ же условіямъ, чѣмъ „вымирающіе". Сколько царскихъ династій вымерло въ Египтѣ! Развѣ о царяхъ можно предполагать, что они живутъ въ невыгодныхъ условіяхъ?

Еще менѣе объясненъ тотъ фактъ, почему на всей землѣ п о р я д о к ъ появленія новыхъ организмовъ въ разныхъ странахъ остался тотъ же самый. Если бы эти новыя формы зависѣли только отъ внѣшнихъ и случайныхъ усло-

вій, то не могло бы быть такого однообразія въ ихъ преемственности.

Итакъ ни вымираніе старыхъ формъ послѣ „сотни тысячъ или милліоновъ лѣтъ“, ни появленіе новыхъ видовъ не можетъ быть объяснено Дарвиновой теоріей: множество фактовъ прямо противорѣчитъ ей.

§ 11. Борьбы за существованіе у растеній не имѣется.

На приведенные примѣры дарвинисты отвѣчаютъ, что „отсутствіе измѣненій при естественномъ подборѣ, можетъ быть, происходитъ оттого, что борьба за существованіе была менѣе упорна вслѣдствіе меньшаго количества конкуррирующихъ видовъ“. Иногда же, по объясненію дарвинистовъ, эта борьба за существованіе „прерывается и очень неправильна относ. предметовъ или упорства, съ которымъ она ведется“ [1]. Но такія объясненія прямо противорѣчатъ теоріи Дарвина. Если принять во вниманіе быструю размножаемость организмовъ (въ особенности, низшихъ), то, при существованіи немногихъ видовъ, въ особенности близкихъ по организаціи, или даже между особями того же вида, конкурренція должна быть самой сильной, какъ то утверждалъ самъ Дарвинъ. Слѣдовательно въ такихъ случаяхъ появленіе новыхъ видовъ „болѣе приспособленныхъ“ всего скорѣе должно было бы происходить. На самомъ дѣлѣ, какъ мы видѣли, бываетъ обратное. Я приведу еще одинъ примѣръ. Нѣкоторые виды папоротниковъ и теперь еще существуютъ на Кавказѣ, которые весьма мало отличаются отъ папоротниковъ каменноугольнаго періода, отдѣленнаго отъ насъ на десятки милліоновъ лѣтъ. Каждая особь этихъ папоротниковъ, напр. Osmunda L. и Cyathea Sm., когда она способна къ размноженію, выпускаетъ ежегодно цѣлые билліоны микроскопическихъ жизнеспособныхъ споръ. Слѣдовательно шансы на распространеніе этихъ папоротниковъ были весьма велики, а равно и шансы на сильнѣйшую „борьбу за существованіе“ и на появленіе новыхъ видовъ. Однако всего этого не произошло, несмотря на „десятки милліоновъ лѣтъ“ ихъ существованія!

[1] *A. R. Wallace*, Le Darwinisme, trad. par H. de Varigny, pag. 186 et. 203. цитир. по Б. Н. Чичерину, Полож. филос. Прилож. стр. 7.

Какъ мы видѣли на мутаціяхъ, водоизмѣненія у растеній происходятъ по другимъ причинамъ, не зависящимъ отъ „борьбы за существованіе". Внѣшнія условія, правда, вліяютъ на ростъ растенія гораздо больше, чѣмъ на ростъ животныхъ, способныхъ передвигаться съ мѣста на мѣсто: но случайныя условія ихъ жизни, видоизмѣняющія ростъ особи, весьма рѣдко передаются по наслѣдству. Такъ напр., очень распространенный у насъ осотъ можетъ произростать на различной почвѣ, при довольно различныхъ условіяхъ. Гдѣ-нибудь подъ заборомъ въ сухомъ мѣстѣ на твердой почвѣ онъ достигаетъ роста всего въ 4 до 6 вершковъ; а во влажномъ мѣстѣ или на навозной кучѣ онъ можетъ достигнуть высоты въ три аршина. При этомъ не только стебель и листья, но и цвѣты и сѣмена его тоже бываютъ больше. Но эти качества не повторятся у его потомства, если сѣмена попадутъ въ неблагопріятныя условія. Слѣдовательно переживаніе особей и видовъ растеній зависитъ не отъ „борьбы за существованіе", а отъ жизненныхъ условій. Изъ билліоновъ споръ папоротника Osmunda только немногія прозябаютъ, а изъ нихъ еще меньшее число развивается до совершеннаго растенія. Если таковыхъ выростетъ много рядомъ, то погибаютъ не тѣ, которые менѣе „приспособлены", а тѣ, которые находятся въ худыхъ условіяхъ жизни. То же случается со всѣми растеніями, размножающимися спорами; то же бываетъ и съ тѣми растеніями, сѣмена которыхъ переносятся теченіями воздуха, какъ напр. у одуванчика и осота. То же случилось и съ евангельскимъ сѣятелемъ; то же бываетъ со **всѣми** сѣменами.

Между тѣмъ опыты Де-Фриза и другихъ показали, что и при вполнѣ одинаковыхъ условіяхъ появляются мутаціи, т. е. новыя разновидности, способныя сохранять свои особенности въ ряду нѣсколькихъ поколѣній. Итакъ главная причина появленія новыхъ видовъ растеній не кроется въ „борьбѣ за существованіе". О таковой можно говорить, и то съ натяжкой, только у паразитическихъ растеній, каковы омела, ліаны, лишаи, мхи и другія. Таковыя при сильномъ размноженіи могутъ погубить дерево, на которомъ они живутъ. Но эта гибель не производитъ новыхъ видовъ дерева, которые были бы способнѣе бороться съ паразитами.

У **растеній борьбы за существованіе** въ смы-

слѣ Дарвина, очевидно, вовсе не существуетъ. Искусственный отборъ человѣка у культурныхъ растеній обходится безъ таковой; онъ основанъ: 1) на улучшеніи условій питанія и роста (при помощи удобренія, прививки, окулировки, обрѣзки побѣговъ и не нужныхъ частей растенія, теплоты и свѣта и т. п.); 2) на произвольномъ отборѣ болѣе интересныхъ видоизмѣненій и на сочетаніи таковыхъ при оплодотвореніи съ одновременной изоляціей ихъ отъ другихъ разновидностей; 3) на скрещиваніи. Тѣ же условія и причины должны дѣйствовать и во всей природѣ.

§ 12. Борьба за существованіе не должна вести къ вымиранію видовъ.

Дарвинъ употребляетъ свой терминъ „борьба за существованіе" „въ смыслѣ обширномъ и метафорическомъ, разумѣя подъ нимъ всякую зависимость одного живого существа отъ другого, а также не только существованіе особи, но и способы ея размноженія"[1]). „Такъ, поясняетъ Дарвинъ, и про растеніе на окраинѣ пустыни можно сказать, что оно борется съ засухою, хотя болѣе правильно говорить, что оно зависитъ отъ влаги"[2]). „Про нѣсколько сѣянокъ омелы, всходящихъ одна около другой на древесной вѣткѣ, можно сказать въ смыслѣ болѣе точномъ, что онѣ борятся между собою" (Тамъ же). Такъ широко пониманіетъ Дарвинъ свой терминъ; однако и въ такомъ широкомъ смыслѣ его терминъ все же не можетъ объяснить процессовъ эволюціи и появленія новыхъ видовъ: все это совершается благодаря какимъ-то силамъ, скрытымъ въ зародышѣ сѣмени. Еслибы одними внѣшними условіями создавались новые организмы: то при тѣхъ же условіяхъ жили бы организмы только одного вида. Между тѣмъ дѣйствительность показываетъ противное. На одномъ клочкѣ земли могутъ жить рядомъ и десятокъ и больше видовъ и родовъ растеній; на одномъ стволѣ шиповника у искуснаго цвѣто-

[1]) *Ч. Дарвинъ,* цитир. соч. стран. 51. Въ такомъ смыслѣ слово „борьба" неудачно. Каждый организмъ зависитъ и отъ воздуха, и отъ свѣта и тепла, однако съ нимъ никакой борьбы не ведетъ, въ особенности „за существованіе".

[2]) Тамъ же.

вода съ года въ годъ цвѣтетъ нѣсколько разновидностей розъ, привитыхъ посредствомъ очка къ тому же стволу; на одной яблонѣ можетъ созрѣвать нѣсколько сортовъ яблокъ и грушъ; въ одной каплѣ воды уживается нѣсколько видовъ инфузорій и микроорганизмовъ; у человѣка въ полости рта живетъ до 20 видовъ микробовъ. Въ одной рѣкѣ могутъ жить до 50 видовъ рыбъ: столько видовъ рыбъ, водившихся въ нижнемъ Дунаѣ около его устья, описалъ Овидій въ своемъ дошедшемъ до насъ стихотвореніи Halieutica. Но кромѣ рыбъ, тамъ водятся и змѣи, и лягушки, и раки, и водяные жуки, и пауки, а равно и разные микроорганизмы до лихорадочныхъ пласмодій включительно. Все это было бы невозможно, еслибы эволюція видовъ зависѣла только отъ внѣшнихъ условій. Эволюція какъ видовъ, (phylogenesis) такъ и особи (ontogenesis) главнымъ образомъ зависятъ отъ другихъ силъ, которыя заключаются въ самомъ организмѣ и въ зародышѣ сѣмени или яичка. Отъ двухъ клѣточекъ съ подобнымъ зародышомъ въ нѣсколько недѣль и не больше 11 мѣсяцевъ развивается совершенное млекопитающее безъ всякой борьбы за существованіе [1]). Почему же природѣ понадобились десятки милліоновъ лѣтъ съ борьбой за существованіе, чтобы папоротникъ каменноугольнаго періода слегка измѣнился. Это измѣненіе такъ незначительно, что неспеціалистъ его и не замѣтитъ.

Терминъ Дарвина „борьба за существованіе“ можетъ имѣть нѣкоторое оправданіе только въ тѣхъ случаяхъ, когда одно животное пожираетъ и уничтожаетъ другое, или же когда опредѣленный видъ животныхъ уничтожаетъ опредѣленные виды растеній. Но и въ послѣднемъ случаѣ не имѣется настоящей борьбы. Въ этомъ случаѣ растенія не борятся съ травоядными: нѣкоторые виды растеній могутъ погибнуть въ томъ мѣстѣ, гдѣ они подвержены окончательному уничтоженію со стороны травоядныхъ; но таковыхъ никогда не водилось въ такомъ количествѣ, чтобы уничтожить всѣ растенія одной мѣстности, а тѣмъ менѣе это возможно на всей поверхности земли. Травоядныя, какъ извѣстно, размножаются медленно и имѣютъ много враговъ не только между хищниками, но и между насѣкомыми, змѣя-

[1]) Ср.: *Чичеринъ,* цитир. соч. стран. 8.

ми и др.[1]). Самъ Дарвинъ признаетъ удивительное равновѣсіе въ природѣ между различными организмами обоихъ царствъ [2]).

Итакъ, еслибы въ одной мѣстности даже были истреблены нѣкоторыя распространенныя травы или злаки, то ничто не мѣшало бы размножаться тѣмъ же видамъ въ другихъ мѣстахъ и уединенныхъ уголкахъ, куда не забиралось множество травоядныхъ, способное истребить всѣ травы; а оттуда со временемъ могли бы переноситься сѣмена въ мѣста опустошенныя [3]).

Если бы въ теченіе вѣковъ были истреблены всѣ травоядныя въ тропическомъ поясѣ Африки ядовитой мухой тсе-тсе; то они могли бы размножаться въ другихъ странахъ, что и оказывается на дѣлѣ. Наоборотъ, новый видъ, появившійся въ средней Африкѣ въ немногихъ особяхъ, погибъ бы отъ ядовитой мухи раньше, чѣмъ онъ успѣлъ бы размножиться и распространиться.

Итакъ борьба за существованіе даже тамъ, гдѣ она дѣйствительно имѣется, не должна вести ни къ вымиранію старыхъ видовъ, родовъ и семействъ, ни къ появленію новыхъ.

Что же касается борьбы конкурентовъ между животными того же вида или родственныхъ видовъ, то таковая, дѣйствительно, иногда обнаруживается у хищниковъ въ видѣ инстинктивной вражды. Такъ напр., овчарка и борзая собака инстинктивно враждуютъ съ волкомъ и лисицей; но эта вражда не ведетъ къ вымиранію какого-нибудь изъ этихъ

[1]) Такъ напр., въ средней Африкѣ не могутъ распространяться наши домашнія животныя единственно по той причинѣ, что тамъ живетъ ядовитая муха тсе-тсе, укусъ которой смертеленъ для животныхъ. Слѣдовательно въ этой части Африки могутъ вымереть эти животныя, хотя бы они были отлично приспособлены къ климату и къ растительности этихъ странъ.

[2]) *Ч. Дарвинъ*, О происх. видовъ, цитир. пер. стран. 59. „Въ цѣломъ силы уравновѣшены съ такою точностью, что общій видъ природы остается неизмѣннымъ въ продолженіе долгихъ временъ".

[3]) Впрочемъ, таковыхъ вполнѣ опустошенныхъ мѣстъ не находили путешественники во вновь открываемыхъ странахъ съ значительнымъ числомъ травоядныхъ, которыя живутъ стадами. Въ пустыняхъ же, правда, не имѣется травъ, но тамъ не имѣется и настоящихъ травоядныхъ въ дикомъ состояніи: жирафъ, какъ извѣстно, питается листьями деревьевъ.

видовъ. Волкъ и лиса остерегаются собакъ и избѣгаютъ ихъ, сохраняя свою породу въ мѣстахъ, мало посѣщаемыхъ человѣкомъ и собаками.

Самымъ сильнымъ врагомъ и истребителемъ является человѣкъ; но онъ появился на землѣ только въ послѣднюю геологическую эпоху. Между тѣмъ десятки тысячъ видовъ, въ томъ числѣ и мамонты и мастодонты, вымерли на землѣ до появленія этого сильнѣйшаго истребителя. Слѣдовательно вымираніе бываетъ и независимо отъ истребителей, независимо отъ борьбы за существованіе.

§ 13. Борьба у животныхъ и человѣка.

Больше всего враждуютъ между собою люди и народы. Въ первобытномъ состояніи постоянно воюетъ одно племя съ сосѣдними племенами, и побѣдившее безпощадно обращается съ побѣжденнымъ. При возникновеніи большихъ государствъ войны становятся значительно рѣже, но зато онѣ кровопролитнѣе. Въ нихъ часто берутъ верхъ не самые сильные и приспособленные, а самые жестокіе. Развѣ греки, побѣжденные римлянами, были менѣе сильны, менѣе культурны, менѣе приспособлены къ жизни? Равнымъ образомъ нельзя утверждать, что побѣдившіе въ „борьбѣ за существованіе“ или на войнѣ будутъ совершенствоваться въ своемъ развитіи. Развѣ гунны, авары (обре), хазары, печенѣги, половцы (куманы), монголы золотой орды въ свое время не одержали верхъ надъ многими культурными народами, въ томъ числѣ и надъ Русью? А гдѣ они теперь? что отъ нихъ осталось!? Гибель аваръ (обръ) вошла въ пословицу. Какъ это объяснить съ точки зрѣнія дарвинистовъ, выводящихъ все совершенствованіе и все развитіе изъ борьбы за существованіе и не признающихъ въ эволюціи иныхъ силъ, кромѣ физическихъ? Крайніе дарвинисты, въ родѣ Геккеля и Бючли, упускаютъ изъ виду, что „неприспособленные“ тѣломъ иногда бывали очень сильны духомъ. Иногда даже болѣзненные и слабые здоровьемъ люди производили умственные перевороты на цѣлые вѣка. Такъ напр., извѣстно, что Декартъ, Паскаль, Спиноза, Нютонъ, Локкъ, Кантъ физически

были слабы и хилы, въ особенности въ раннемъ возрастѣ[1]; Тѣмъ не менѣе дѣла этихъ свѣтилъ ума человѣческаго оставили слѣдъ въ культурѣ на много вѣковъ; между тѣмъ упомянутые завоеватели, въ свое время одержавшіе верхъ въ борьбѣ, пропали безслѣдно. Поучителенъ и примѣръ заселенія Америки. Переселившіеся въ Америку пришлые европейцы благодаря своему умѣнію пользоваться силой пороха и спирта, истребили американскія краснокожія племена на насиженныхъ ими мѣстамъ, къ которымъ они вѣками были вполнѣ приспособлены: нѣкоторыя изъ этихъ племенъ отличались и дарованіями и даже имѣли древнюю культуру. Итакъ, въ борьбѣ за существованіе между людьми не всегда выживаютъ болѣе „приспособленные“ и болѣе „способные“. Въ борьбѣ между народами имѣютъ значеніе многіе факторы: и сила физическая, и численное превосходство, и способность размножаться, и характеръ, и деньги, и умъ, и знанія, и дисциплина, и главнымъ образомъ, безпощадность по отношенію къ врагамъ и могущимъ сдѣлаться таковыми. Послѣднее качество важнѣе всякой „культурности“: имъ-то особенно возвысились западные завоеватели, живущіе на счетъ другихъ народовъ. Все это для виду прикрывается благозвучной фразой носительства культуры!

Итакъ самая сильная „борьба за существованіе“ оказывается у homo sapiens, который совершеннѣе всѣхъ животныхъ. У животныхъ она бываетъ только у сравнительно немногихъ,—у хищниковъ; а у растеній ея вовсе не имѣется: у нихъ вытѣсненіе одного вида другимъ происходитъ безъ борьбы, по другимъ причинамъ. Животныя, несомнѣнно, умнѣе растѣній (у послѣднихъ даже вовсе отрицается всякій умъ); между животными хищники несравненно умнѣе травоядныхъ; а человѣкъ умнѣе всѣхъ животныхъ, слѣдовательно и хищниковъ. Такимъ образомъ оказывается, что съ увеличеніемъ ума въ ряду организмовъ увеличивается и „борьба за существованіе“; слѣдовательно послѣдняя обусловлена умомъ, а не наоборотъ, какъ то ошибочно предполагаетъ Дарвинъ и его послѣдователи.

[1] Первые три даже умерли очень рано: Декартъ на 52-омъ году отъ роду, Паскаль на 39-омъ, а Спиноза на 45-омъ году жизни. И Аристотель, хотя и былъ врачъ и сынъ царскаго врача, однако не отличался крѣпкимъ здоровьемъ.

Эта борьба или вѣрнѣе вражда, у человѣка не всегда ведется „за существованіе“: у болѣе культурныхъ народовъ она чаще ведется по другимъ причинамъ: 1) изъ-за власти, т. е. вслѣдствіе желанія господствовать; 2) вслѣдствіе жадности, т. е. желанія овладѣть чужимъ достояніемъ; 3) вслѣдствіе тщеславія правителей и народовъ; 4) вслѣдствіе желанія распространить свою вѣру и свои учрежденія; 5) вслѣдствіе желанія свободы личной и политической; 6) по капризу правителей. Не даромъ сказалъ одинъ остроумный французъ, что еслибы носъ царицы Клеопатры былъ длиннѣе или шире на одинъ сантиметръ, то политическая карта Римской имперіи измѣнилась бы еще во время молодости Клеопатры. Ту же мысль можно примѣнить и къ прекрасной Еленѣ. Еслибы ея носъ былъ длиннѣе или толще, то мы не имѣли бы теперь ни Гомера, ни всѣхъ его подражателей; мы не имѣли бы и раскопокъ Шлимана и другихъ, послѣдовавшихъ за нимъ, изслѣдователей.

Такимъ образомъ у homo sapiens, у самаго сильнаго, самаго распространеннаго и самаго умнаго звѣря (выражаясь по дарвиновски) дѣйствительно ведется борьба, не только упорная, но и самая ожесточенная. Однако она ведется не „за существованіе“, а гораздо чаще за другія „блага“, кокорыя весьма часто оказываются сомнительными.

§ 14. Ограниченія эволюціонной теоріи Дарвина.

Мы убѣдились, что „борьба за существованіе“ сильнѣе всего у человѣка, такъ какъ она обусловлена его умомъ и эгоизмомъ; у хищныхъ животныхъ она не должна вести къ вымиранію видовъ, пожираемыхъ хищниками; у тровоядныхъ и у растеній борьбы почти не существуетъ. Такимъ образомъ оказывается, что этотъ терминъ Дарвина, въ его широкомъ и метафорическомъ смыслѣ, можетъ имѣть примѣненіе только къ весьма ограниченному числу животныхъ; но и въ этомъ случаѣ „борьба за существованіе“ не производитъ того, что ей приписываетъ Дарвинъ, а именно—лучшей приспособляемости и совершенствованія борющихся или вымиранія пожираемыхъ хищниками животныхъ. Вымираніе обнаруживается и въ царскихъ династіяхъ, и въ аристократическихъ

родахъ, и у богатѣйшихъ капиталистовъ: причина тому, ужъ конечно, не „борьба“ и не „отсутствіе приспособленности“. Причина вымиранія видовъ, по всему вѣроятію, та же, что и появленія новыхъ видовъ и новой жизни. Какъ жизнь особи имѣетъ свой предѣлъ, такъ и жизнь вида: развиваясь до опредѣленной степени, видъ останавливается въ этомъ развитіи и наконецъ вымираетъ въ силу основныхъ условій жизни, которыя намъ еще неизвѣстны. Почему одни виды скорѣе вымерли, чѣмъ другіе, намъ тоже неизвѣстно[1]).

Итакъ теорія Дарвина должна быть ограничена и исправлена въ значительной степени. Пока можно принять только слѣдующія положенія: 1) типъ вида сохраняется только въ общихъ чертахъ; 2) въ особяхъ того же вида постоянно обнаруживаются индивидуальныя особенности; 3) только нѣкоторыя изъ этихъ особенностей передаются по наслѣдству и служатъ основаніемъ появленія разновидности или новаго вида; 4) передача по наслѣдству новыхъ признаковъ зависитъ отъ внутреннихъ причинъ, т. е. силъ, скрытыхъ въ зародышѣ; 5) самый фактъ наслѣдственности представляетъ собою тайну, пока еще не разгаданную учеными; но во всякомъ случаѣ, ни этотъ фактъ, ни вообще основные процессы жизни не могутъ быть объяснены механическими законами физики и химіи, что пытались сдѣлать неодарвинисты Геккель и отчасти Вейсманъ. 6) Дарвиновъ терминъ „борьба за существованіе“ долженъ быть упраздненъ не только относ. растеній, но и животныхъ. Вмѣсто него въ нѣкоторыхъ случахъ по отнош. къ хищникамъ могутъ быть примѣнены выраженія „истребленіе“ или „борьба изъ-за добычи“. 7) Уже первые организмы палезоическаго періода, просуществовавшіе милліоны лѣтъ, были жизнеспособны; слѣдовательно ихъ цѣлесообразное устройство есть первичное свойство организма, а не результатъ „борьбы за существованіе“: таковой борьбы даже по воззрѣніямъ Дарвина, не могло быть въ началѣ ихъ

[1]) Я склоненъ думать, что тѣ виды, особи которыхъ живутъ тысячу и больше лѣтъ, ceteris paribus проживутъ дольше тѣхъ, особи которыхъ живутъ только нѣсколько мѣсяцевъ или годовъ. Такъ напр., тысячелѣтній папоротникъ, потому, не долженъ вымереть такъ скоро, какъ какой-нибудь грибъ. Слонъ, живущій до 300 лѣтъ, ceteris paribus долженъ вымереть позже, чѣмъ кроликъ или заяцъ.

жизни. 8) Общая эволюція и усовершенствованіе нѣкоторыхъ организмовъ (не всѣ новые организмы представляютъ собою большее совершенство) зависятъ не отъ внѣшнихъ, а главныхъ образомъ отъ первичной цѣлесообразности жизни. 9) Дарвиновымъ „естественнымъ отборомъ“ при унаслѣдованіи полезныхъ признаковъ уже предполагается разумъ, отбирающій полезное и отвергающій безполезное. 10) „Половымъ отборомъ“ Дарвина, выставленнымъ имъ въ позднѣйшихъ его сочиненіяхъ, также предполагается сознательный или безсознательный разумъ. (Впрочемъ, половой отборъ имѣетъ весьма ограниченное примѣненіе только у нѣкоторыхъ высшихъ позвоночныхъ). 11) Такъ же и всѣ способы самозащиты отъ враговъ могутъ быть объяснены только врожденнымъ первичнымъ разумомъ животнаго, т. е. инстинктомъ [1]).

§ 15. Цѣлесообразность органической жизни.

Итакъ, цѣлесообразность въ жизни организмовъ присуща имъ изначально: она не могла появиться изъ ничего, изъ слѣпой борьбы физическихъ силъ, которыя дѣйствуютъ по законамъ причинности, необходимымъ роковымъ образомъ. Цѣлесообразному устройству организмовъ удивлялись философы и естествоиспытатели еще въ глубокой древности. Еще Демокритъ и Анаксагоръ понимали это. Въ средніе вѣка объясняли всѣ жизненныя явленія одной жизненной силой. Конечно, такое объясненіе такъ же мало удовлетворительно въ наукѣ, какъ и объясненіе всѣхъ физическихъ и духовныхъ процессовъ непосредственнымъ вмѣшательствомъ Божества. Поэтому еще Декартъ пытался объяснить явленія небесныя (движенія планетъ и возникновеніе всей солнечной системы) механическими законами физики. То же онъ пытался сдѣлать и относ. жизни животныхъ, которыхъ уподоблялъ машинамъ. Это механистическое направленіе держалось въ физіологіи до недавной поры. Только за послѣднія сорокъ лѣтъ стало пробивать себѣ до-

[1]) Таково напр. явленіе „мимикри“, т. е. подражаніе у нѣкоторыхъ животныхъ (бабочекъ, жуковъ, гусеницъ) цвѣту и формѣ окружающихъ предметовъ, которые или безразличны или противны врагамъ даннаго животнаго.

рогу новое направленіе въ истолкованіи жизни. Въ философіи положилъ начало тому Эд. фонъ-Гартманъ въ своей „Философіи Безсознательнаго“ [1]; въ ней онъ рядомъ фактовъ изъ жизни и дѣятельности животныхъ и человѣка доказываетъ наличность разума, который не сознается дѣйствующимъ, но который дѣйствуетъ ц ѣ л е с о о б р а з н о, для сохраненія жизни въ особи и видѣ (родѣ). Подобное воззрѣніе выставили и новѣйшіе біологи и физіологи подъ названіемъ „неовитализма“; они предполагаютъ въ организмахъ особыя силы (энтелехіи, доминанты, детерминанты, монады и т. п.) которыя дѣйствуютъ постоянно и п л а н о м ѣ р н о, ц ѣ л е с о о б р а з н о; онѣ коренным образомъ отличаются отъ всѣхъ намъ извѣстныхъ физическихъ силъ. Только наличностью подобныхъ не физическихъ силъ объяснимы даже физіологическіе процессы организмовъ.

Г. Фонъ-Бунге относительно механическаго воззрѣнія на жизнь говоритъ слѣдующее: „Чѣмъ подробнѣе, многостороннѣе, основательнѣе мы стремимся изслѣдовать жизненныя явленія; тѣмъ болѣе мы приходимъ къ убѣжденію, что процессы, въ возможность объясненія которыхъ съ физич. и химич. точки зрѣнія мы уже были увѣрены, являются по природѣ своей гораздо болѣе запутанными и н е д о п у с к а ю т ъ п о к а н и к а к о г о м е х а н и ч е с к а г о о б ъ я с н е н і я. Мы думали, напримѣръ, что явленія поглощенія, всасыванія пищи въ кишечникъ можно свести къ законамъ диффузіи и эндосмоса. Но теперь мы знаемъ, что отношеніе стѣнокъ кишечника во время всасыванія иное, чѣмъ у мертвыхъ оболочекъ. Мы знаемъ, что стѣнка кишечника одѣта эпителіальными клѣтками, и что к а ж д а я к л ѣ т к а сама по себѣ есть организмъ, живое существо, съ функціями въ высшей степени сложными. Мы знаемъ, что путемъ активныхъ сокращеній своего пласматическаго тѣла эта клѣтка принимаетъ пищу точно такимъ же з а г а д о ч н ы м ъ образомъ, какой мы наблюдаемъ у свободно живущихъ одноклѣтчатыхъ животныхъ—амебъ, корненожекъ... Теперь мы знаемъ, что выборъ при принятіи пищи—годное прини-

[1]) *Ed. v. Hartmann*, Philos. des Unbewussten, Berlin 1869, 9. Aufl. 1882, 11. Aufl. 1904. 1 Band. (Имѣется свободное изложеніе на русскомъ языкѣ по 2 нѣм. изд. А. Козлова, М. 1873—75).

мать, а негодное или вредное отбрасывать—свойственъ всѣмъ одноклѣточнымъ организмамъ“ [1]).

По тому же вопросу *Рейнке* говоритъ слѣдующее: „Изслѣдователь неизбѣжно натыкается на нѣкоторый иксъ (X), на факторъ, который какъ бы глумится надъ всѣми попытками объяснить жизнь физическими и химическими процессами. И этотъ иксъ, по словамъ Рейнке,... вмѣшивается повсюду, во всѣ процессы питанія; онъ представляется такимъ существеннымъ факторомъ всего механизма жизни, что однѣхъ химическихъ и физическихъ силъ оказывается недостаточно даже для того, чтобы поддерживать жизнь въ самомъ несовершенномъ организмѣ. Мы принуждены признать въ физіологіи самостоятельную науку, методы изслѣдованія которой далеко не исчерпываются одной физикой и химіей“[2]).

Такого же телеологическаго направленія придерживается и нашъ проф. *В. А. Фаусекъ,* говоря: „Господствующая школьная біологія или замазываетъ, затушевываетъ, замалчиваетъ фактъ существованія въ жизненномъ процессѣ явленій, не анологичныхъ явленіямъ неорганическаго міра, или прямо его отрицаетъ. Я думаю, говоритъ проф. В. А. Фаусекъ, что эта неаналогичность живой природы съ неживой существуетъ, и мы должны это признать. Мы можемъ отказаться предварительно отъ всякаго объясненія, не предлагать никакой новой теоріи, никакой новой причины—но не должны отрицать извѣстныхъ вещей только оттого, что никакъ не можемъ ихъ объяснить, и удовлетворяться мнимыми объясненіями. Жизненныя явленія, продолжаетъ проф. Фаусекъ, характеризуются не тѣмъ, что это—„чрезвычайно сложныя химико-физическія явленія“, которымъ мы не можемъ пока дать механическаго объясненія въ силу ихъ сложности, но тѣмъ, что это—специфическія явленія, заключающія въ себѣ при своей физико-химической основѣ нѣчто такое, чего нѣтъ въ физико-химическихъ явленіяхъ мертвой природы, чего мы тамъ никакъ не можемъ найти“ [3]).

[1]) *G. von Bunge,* Lehrbuch der Physiologie des Menschen, 1901, 1 Kap. ср. также его же Lehrb. d. physiol. u. patholog. Chemie 1886, Kap. Mechanismus und Vitalismus.

[2]) *I. Reinke.* Die Welt als That, III Kap.

[3]) *В. А. Фаусекъ.* Сборникъ статей „Сущность жизни“ стр. VII, СПБ. 1903).

§ 16. Метаморфозы, ростъ, размноженіе.

Другіе біологи, чувствуя недостаточность однѣхъ извѣстныхъ намъ физическихъ и химическихъ силъ, предполагаютъ особыхъ дѣятелей подъ разными названіями, каковы: геммулы, пангены или біофоры. Ихъ нельзя видѣть подъ микроскопомъ, будто потому, что они по размѣру меньше того, что можно видѣть подъ микроскопомъ; но и таковыхъ они представляютъ себѣ матеріальными, составленными изъ извѣстной намъ матеріи. Подобныя гипотезы, по справедливому замѣчанію Рейнке, нисколько не устраняютъ затрудненій: и эти мельчайшія частицы матеріи, въ свою очередь, должны быть управляемы чѣмъ-то специфическимъ, отличнымъ отъ обычной мертвой матеріи, т. е. „доминантами“ [1]).

Одинъ изъ старыхъ зоологовъ. *А. Вейсманъ* до старости былъ сторонникомъ теоріи отбора Дарвина и Уэллеса, объясняя ею всю цѣлесообразность въ развитіи видовъ (филогенезъ) а равно и развитіе особи (онтогонезъ); однако въ послѣднемъ своемъ капитальномъ сочиненіи онъ по поводу теоріи зародышевой пласмы все же дѣлаетъ уступку телеологическому объясненію, согласно съ Рейнке. А именно по этому поводу онъ говоритъ слѣдующее: „Въ зародышевой пласмѣ должно находиться нѣчто, перемѣна чего (вѣрнѣе—дѣятельность чего) измѣняетъ опредѣленную частицу опредѣленнаго отдѣла (эмбріона). Это нѣчто—„предрасположенія“ („Anlagen“), т. е. детерминанты (то же, что Рейнке называетъ „доминантами“ съ тѣмъ различіемъ, что Рейнке ихъ не считаетъ матеріальными). Ихъ не должно представлять себѣ ни въ видѣ миніатюрныхъ образовъ, говоритъ Вейсманъ, ни прямо въ видѣ сѣменныхъ тѣлецъ опредѣленной части, но онѣ измѣняютъ клѣточку, въ которой онѣ начинаютъ дѣйствовать... И я себѣ представляю развитіе непрерывнымъ, продолжаетъ Вейсманъ, но такъ, что *изнутри отъ зародыша субстанціи исходятъ постоянно новыя отклоняющія и опредѣляющія вліянія*“ [2]).

Двумя страницами дальше Вейсманъ продолжетъ: „Такимъ образомъ мы получаемъ со всѣхъ сторонъ указанія,

[1]) *Reinke*, Philos. d. Botanik 1905, 4. Kap. S. 53—55.

[2]) *A. Weismann*, Vorträge über Descendenztheorie, Jena 1902. I. Bd. S. 438. Сравнить также Vorwort S. VI u. VII).

что зародышевая пласма обязана своей чудесной силой развитія не только ея физико-химическимъ качествамъ въ ихъ совокупности... но тому обстоятельству, что она состоитъ изъ множества, и притомъ разнообразныхъ, предрасположеній", т. е. изъ группъ живыхъ единицъ. Таковыя снабжены жизненными силами, способными принимать активное участіе свойственнымъ имъ особеннымъ образомъ; но онѣ способны оставаться и пассивными, въ скрытомъ состояніи, пока на нихъ не подѣйствуетъ разряжающее возбужденіе, вслѣдствіе чего онѣ получаютъ способность преемственно вліять на развитіе. Зародышевая клѣтка не можетъ быть простымъ организмомъ: она, по необходимости, представляетъ собою построеніе весьма различныхъ организмовъ или единицъ—цѣлый микрокосмъ" [1]).

Этотъ выводъ, согласный съ телеологическими объясненіями Рейнке Вейсманъ сдѣлалъ на основаніи изслѣдованій нашего профессора Ковалевскаго, а затѣмъ—и van Rees'a. Эти ученые доказали, что въ куколкѣ мухъ (Muscidae) изъ распавшагося кишечника личинки остаются на значительномъ разстояніи жизнеспособныя клѣтки, которыя растутъ и размножаются и такимъ образомъ формируютъ клѣточные острова. Эти острова постепенно увеличиваются, пока не встрѣтятся съ сосѣдними, чтобы съ ними соединиться и образовать новый связный кишечникъ (Imagodarm) для будущаго совершеннаго насѣкомаго. Этотъ новый кишечникъ совершенно различенъ по формѣ и раздѣленію отъ кишечника личинки. Это новообразованіе и Вейсманъ объясняетъ тѣмъ, что въ уцѣлѣвшихъ отъ прежняго кишечника клѣткахъ, „должны заключаться элементы, которые опредѣляютъ потомство клѣтокъ по числу, способности размноженія, по размѣщенію и гистологической дифференцировкѣ,—другими словами, въ каждой изъ уцѣлѣвшихъ клѣтокъ говоритъ Вейсманъ, должны заключаться дерминанты для опредѣленной отмежеванной части будущаго кишечника насѣкомаго" [2]).

Эти соображенія, принятыя Вейсманомъ, безспорно, убѣдительны, такъ какъ подобнаго планомѣрнаго процесса ни-

[1]) Ibid. pag. 440.
[2]) Ibid. pag. 435.

какъ не объяснишь слѣпыми матеріальными силами — ни физическими, ни химическими, ни законами физики и химіи, ни даже естественнымъ отборомъ: послѣдній не можетъ объяснить даже вымиранія „неприспособленныхъ" организмовъ и прогрессирующаго развитія, а еще менѣе—метаморфозу личинки,—превращеніе одного животнаго, живущаго въ водѣ, въ другое, живущее въ воздухѣ,—въ насѣкомое.

Но не только метаморфозы насѣкомыхъ не могутъ быть объяснены механическими законами и силами. Даже самое питаніе, ростъ и размноженіе простѣйшей клѣточки или же комочка протоплазмы не поддаются механистическому объясненію. По этому поводу Рейнке говоритъ слѣдующее: „Для поддержанія роста однѣхъ химическихъ силъ оказывается недостаточнымъ. Только подъ вліяніемъ особыхъ импульсовъ, вещества могутъ комбинироваться такъ, что изъ нихъ создается протоплазма, клѣточныя ядра, внутренніе и внѣшніе органы... Зародышъ растеній и животныхъ доводится до опредѣленной величины и формы взрослаго организма благодаря дѣятельности нѣкоего невидимаго строителя" [1]). „Внѣшнія силы никогда не превратили бы яйцеклѣтки въ готовое растеніе безъ направляющаго дѣйствія импульса". „Одинъ первый импульсъ (правильнѣе, наличность „строителя") призвавъ къ жизни эволюціонную дѣятельность организма, создаетъ рядъ такихъ структуръ, которыя слѣдуютъ одна за другой, какъ бы по строго предначертанному плану строенія" [2]).

Еще болѣе убѣдительные факты противъ механистическаго объясненія жизненныхъ процессовъ представляютъ факты размноженія и наслѣдственности, берущіе начало отъ одной или двухъ клѣтокъ. Такъ, напр., общеизвѣстенъ фактъ, что при посредствѣ одного сперматозоида (малой микроскопической клѣточки, коихъ 500 милліоновъ вмѣщаются въ одну кубическую линію) унаслѣдуются отъ отца сыномъ всѣ тѣлесныя и духовныя способности; эти особенности опять черезъ малую клѣточку, даже минуя сына, передаются внуку [3]). Если при этомъ принять во вниманіе и психическія способности отца, которыя состоятъ изъ квинтиліоновъ психическихъ

[1]) Reinke, Die Welt... Cap. V.

[2]) Ibid.

[3]) Cp. G. von Bunge, loco cit.

элементовъ [1]): то передача всего этого черезъ одну маленькую клѣточку съ точки зрѣнія физико-химической представляется неразрѣшимой загадкой. „Физика, химія и анатомія, говоритъ *Бунге*, оставляютъ насъ здѣсь совершенно безпомощными“ [2]). „Зародышевая клѣтка, говоритъ *Рейнке*, является носительницей особенностей даннаго вида изъ поколѣнія въ поколѣніе; въ строеніи своемъ она соединяетъ зачатокъ всѣхъ клѣтокъ и всего внѣшняго расположенія взрослаго организма“. „Въ зародышевую клѣтку должны были до ея отдѣленія отъ материнской внѣдриться до извѣстной степени всѣ свойства каждой отдѣльной клѣтки и всего растенія въ его совокупности... Такъ, напримѣръ, отводокъ ивы можно раздѣлить на множество кусочковъ, длиною въ нѣсколько миллиметровъ, и опытный экспериментаторъ сумѣетъ изъ каждаго такого кусочка вырастить новое ивовое дерево съ корнями, листьями, цвѣтами и плодами. Такіе факты, говоритъ Рейнке, заставляютъ предполагать, что вообще въ каждой клѣткѣ даже высоко организованнаго растенія дремлютъ импульсы размноженія, которые только должны быть вызваны къ жизни (приведены въ дѣятельное состояніе) для того, чтобы дать начало новой особи“. „Наслѣдственность, по мнѣнію Рейнке, состоитъ въ томъ, что всѣ свойства отца и матери концентрируются въ зародышевой клѣткѣ въ такой формѣ, которая не поддается изученію ни химическимъ ни микроскопическимъ путемъ. Здѣсь они дѣйствуютъ въ качествѣ импульса къ развитію на зародышъ и заставляютъ его развиваться въ особь того же самаго вида“. „При наслѣдственности дѣйствуютъ силы, придающія веществу видъ клѣтокъ, изъ которыхъ эти же силы путемъ различнаго ихъ расположенія создаютъ зданіе, какъ каменщикъ дѣлаетъ его изъ кирпичей“ [3]). Въ заключительной XI главѣ Рейнке эти „импульсы“, или „силы“ называетъ „доминантами“, соотвѣтственно „доминирующимъ монадамъ“ Лейбница и „силамъ второго порядка“ Лотце [4]).

[1]) См.: *И. С. Проданъ.* О памяти, 2-ое изд. I. ч. стр. 61—70; и II ч. гл. XII стр. 364—367.

[2]) G. v. *Bunge*, loco cit.

[3]) *Reinke*, op. cit. Cap. VII.

[4]) Ibid. XI. Ср. также *J. Reinke*, Philosophie der Botanik, L. 1905, Kap. 4.

Такимъ образомъ и жизнь клѣтки, и еще менѣе процессы сложныхъ организмовъ не могутъ быть поняты и объяснены безъ предположенія особыхъ силъ, не физическихъ, которыя дѣйствуютъ постоянно и цѣлесообразно, создавая изъ мертвой матеріи живой организмъ. Тѣ же или подобныя имъ силы управляютъ жизнію и отдѣльныхъ клѣтокъ, и цѣлыхъ организмовъ—какъ растеній, такъ и животныхъ.

§ 17. Выводы.

Какъ мы видѣли въ настоящемъ изслѣдованіи, ученые физики давно уже поняли необходимость предполагать въ природѣ субстанціи, т. е. постоянныхъ носителей качествъ. Этими субстанціями до послѣдняго времени считались атомы. Кромѣ атомовъ, физика не можетъ обойтись и безъ силъ, которыя представляютъ собою невидимыя причины, производимыхъ движеній и измѣненій. И атомы, и силы, какъ мы видѣли, не познаются чувствами, т. е. чувственными впечатлѣніями. Еще менѣе это возможно относ. законовъ природы, вѣчныхъ и неизмѣнныхъ. Все это представляетъ собою результаты очень сложныхъ умственныхъ операцій, основанныхъ на длинныхъ рядахъ наблюденій. Самыя наблюденія невозможны безъ воли, вниманія, памяти и ума; все это—качества духа, а не матеріи. Слѣдовательно сама физика, какъ наука, невозможна безъ познанія сверхчувственнаго и безъ познающаго духа. А гипотеза матеріализма тѣмъ болѣе представляетъ собою плодъ дѣятельности духа. Эта дѣятельность, правда, ошибочна, но все же ея не можетъ быть въ мертвой матеріи физиковъ.

Еще сложнѣе и еще болѣе запутанными оказались у новѣйшихъ естествоиспытателей 19-го вѣка понятія о жизни. Подъ предвзятыми воззрѣніями матеріализма, нѣкоторые изъ нихъ пошли на перекоръ здравому смыслу, стараясь жизнь свести къ законамъ движенія и механики. Начало этому заблужденію было положено еще Декартомъ, который считалъ животныхъ машинами. Это воззрѣніе еще въ срединѣ 18-го вѣка было перенесено французскимъ врачемъ Дэ-ля-Метри и на человѣка [1]): такимъ образомъ было положено основаніе новѣйшему матеріализму. Даже такіе выдающіеся ученые и

[1]) *De-la-Mettrie*, L'homme machine, Leyden 1748.

наблюдатели 19-го вѣка, какъ Ч. Дарвинъ и Э. Геккель, не разобрались въ вопросахъ о жизни, принявъ причину за слѣдствіе: они не понимали, что въ понятіяхъ „полезнаго“, „приспособляемости“ и „развитія“ уже предполагается разумъ, и цѣлесообразность, которую они изъ нихъ же старались вывести, какъ нѣчто производное, позднѣйшее. Объясняя „возникающую“ цѣлесообразность и совершенствованіе организмовъ въ ряду поколѣній, они уже заранѣе предположили разумный отборъ „полезныхъ“ признаковъ при передачѣ ихъ по наслѣдству, и разумную дѣятельность въ самыхъ фактахъ приспособляемости. Такимъ образомъ они вращаются въ логическомъ кругу, замаскированномъ разными словами, но содержащими тотъ же признакъ „разума“: цѣлесообразность (т. е. разумъ) они выводятъ изъ того же заранѣе предположеннаго разума.

Новѣйшіе біологи пришли къ выводамъ, подобнымъ нашимъ, на основаніи тщательныхъ наблюденій жизненныхъ процессовъ и въ особенности микроорганизмовъ и клѣтокъ-монадъ. Какъ мы видѣли, самые выдающіеся между новѣйшими біологами признаютъ въ процессахъ живыхъ организмовъ дѣятельность особыхъ силъ, различныхъ отъ силъ физики и химіи. Эти силы подъ различными наименованіями (доминантъ, детерминантъ, монадъ, энтелехій, зоофоръ, геммулъ и т. п.) имѣютъ то общее, что онѣ 1) дѣйствуютъ самопроизвольно, хотя и могутъ оставаться скрытыми, если къ ихъ дѣятельности не создались благопріятныя условія. 2) При наличности необходимыхъ условій онѣ дѣйствуютъ постоянно [1]). 3) Эти жизненныя силы дѣйствуютъ планомѣрно и цѣлесообразно. Уклоненія отъ цѣли бываютъ рѣдко, и не противорѣчатъ общему правилу. 4) Эти жизненыя силы, различныя отъ физическихъ, должны

[1]) На эту особенность этихъ силъ еще не обращено вниманіе ученыхъ. Я полагаю, что онѣ дѣйствуютъ постоянно, но съ періодическими перерывами. То же я предполагаю и относ. физическихъ силъ, которыя я отожествляю съ моими „физическими монадами“. (См. *И. С. Проданъ*, Организація души, отрывокъ изъ новой эволюціонной монадологіи, Юрьевъ 1905, стран. 14—16): Подтвержденіе моему мнѣнію дано три года тому назадъ въ открытіи періодической радіактивности разныхъ металловъ.

быть духовными или, по крайней мѣрѣ, „духоподобными“ [1]).

Итакъ нашимъ изслѣдованіемъ доказано, что длиннымъ путемъ наблюденій и разсужденій ученые приходятъ къ познанію того, что непосредственно не воспринимается чувствами — къ познанію силъ, причинъ, цѣлей и духовныхъ сущностей. Уже этотъ одинъ фактъ доказываетъ возможность научной метафизики, т. е. познаніе сверхчувственнаго міра. Этотъ вопросъ мы разсмотримъ въ слѣдующей главѣ.

[1]) Этого воззрѣнія придерживаются „психо-виталисты“ напр.: Г. фонъ-Бунге, Ад. Вагнеръ, Г. Вольфъ, Дришъ, Неймейстеръ, Паули, Франсэ, Эргардтъ и отчасти Кюльпе (См. *Külpe* Einleitung in die Philosophie 3. Aufl. 1903, § 23, S. 224—226; 4 Aufl. S. 231.

Рейнке. Риндфлейшъ, Шнейдеръ безъ основанія полагаютъ, что эти жизненныя силы погибаютъ вмѣстѣ со смертію организма. Изъ того факта, что съ разрушеніемъ организма не обнаруживается больше дѣятельность жизненныхъ силъ (по моему, монадъ) отнюдь не слѣдуетъ, что самыя эти силы перестали существовать; вѣдь тѣ же силы дремлютъ въ сѣменахъ иногда много лѣтъ ничѣмъ не обнаруживая своей дѣятельности.

XI гл. ПРЕДМЕТЫ МЕТАФИЗИКИ.

§ I. Значеніе метафизики.

Названіе метафизика (μετὰ τὰ φυσικὰ) возникло случайно черезъ три вѣка послѣ Аристотеля, а какъ одно слово (metaphysica) оно вошло въ употребленіе съ 13-го вѣка п. Р. Хр.; но самый предметъ ея существовалъ въ древней Элладѣ еще съ Ѳалеса и Анаксимандра, если не считать метафизикой ѳеогонію Гесіода и ученіе орфиковъ. Какъ бы ни опредѣляли метафизику, но всѣ опредѣленія ея согласны въ томъ, что она—наука о первыхъ принципахъ, или началахъ всего сущаго. Аристотель называетъ ее „первой философіей“ и опредѣляетъ, какъ „науку о первыхъ началахъ и причинахъ“ [1]); въ нее онъ включилъ и первыя условія знанія, которыя въ новѣйшее время разсматриваются въ гносеологіи и логикѣ. Всѣ эти начала, составляющія метафизику, несомнѣнно, сверхчувственны. Безъ нихъ, какъ мы видѣли, не могутъ обойтись ни физика, ни біологическія науки. Науки о человѣкѣ, какъ мы увидимъ, и подавно не могутъ обойтись безъ метафизики. Поэтому отрицаніе метафизики, какъ науки, со стороны кантіанцевъ, позитивистовъ и скептиковъ основано на недоразумѣніи. То обстоятельство, что по многимъ вопросамъ метафизики существуютъ разногласія, доказываетъ лишь одно,—что эта наука еще далека отъ совершенства; но то же мы видѣли и относ. гносеологіи, которой не отвергаютъ тѣ же отрицатели метафизики. То же мы видимъ во всѣхъ наукахъ относ. ихъ основныхъ понятій: эти понятія или не выяснены или же опредѣляются различно. Слѣдовательно разногласія въ метафизикѣ отнюдь

[1]) *Aristoteles*, Metaph. I. 2, 982.3, δεῖ γὰρ ταύτην τῶν πρώτων ἀρχῶν καὶ αἰτιῶν εἶναι θεωρητικήν Такъ какъ къ этимъ первымъ началамъ принадлежитъ и единый богъ Аристотеля, его „первый двигатель“, то онъ ее называетъ иногда и „теологіей“ (θεολογικήν).

не доказываютъ того, что эта наука мнимая и не имѣетъ правъ на существованіе; метафизика коренится во врожденной потребности мыслящаго человѣка—объединять свои знанія, понимать и объяснять міръ, какъ нѣчто единое и цѣлое. Поэтому безъ метафизическихъ понятій не обходится даже обычный языкъ культурнаго простолюдина; и въ таковомъ языкѣ мы имѣемъ понятія: *тотъ же (тожество), причина, дѣйствіе, сила; душа, духъ, Богъ, разумъ, цѣль; время, вѣчность, пространство, безконечность; движеніе, возникновеніе, уничтоженіе, бытіе; вещь, качество, матерія (вещества)* [1]).

Въ фактѣ отсутствія въ обиходномъ языкѣ понятія „субстанція" скептикъ можетъ усмотрѣть подтвержденіе своему скептицизму, а именно, будто это слово есть вымыселъ философовъ, не имѣющій реальнаго основанія, хотя философы придаютъ ему особенное значеніе. Относ. познанія субстанцій еще Локкъ высказывалъ свои сомнѣнія, хотя и не отвергалъ ихъ. „Субстанціи и акциденціи, говоритъ Локкъ, мало полезны для философіи... относ. субстанціи мы не имѣемъ представленія, что она такое, а только имѣемъ смутное и темное представленіе о томъ, что она производитъ" [2]).

Еслибъ послѣднее утвержденіе Локка даже было вѣрно, то изъ этого отнюдь не слѣдуетъ, что понятіе субстанціи „мало полезно". Какъ мы увидимъ, безъ него не могутъ обойтись ни физика, ни біологическія науки, ни психологія, ни философія: иначе, намъ пришлось бы окончательно отказаться отъ большинства знаній по упомянутымъ наукамъ, въ истинности которыхъ никто не сомнѣвается.

§ 2. Различное пониманіе субстанцій.

Возникновеніе понятія субстанціи *Локкъ* объясняетъ слѣдующимъ образомъ. „Душа замѣчаетъ, что опредѣленное количество ея простыхъ представленій постоянно идетъ вмѣстѣ другъ съ другомъ. Изъ этого она заключаетъ,

[1]) Общаго понятія „субстанція" въ обиходномъ языкѣ не существуетъ; оно замѣняется его видовыми: „вещь", „матерія", „духъ", „душа", „Богъ".

[2]) *J. Locke,* Works. London 1854, vol. I. An Essay... book II. chap. 13, § 19. Ср. также § 20.

что они принадлежатъ одной вещи... Такъ какъ мы не можемъ себѣ представить, какъ могутъ отдѣльно существовать эти простыя представленія: то мы привыкаемъ предполагать носителя (substratum), въ которомъ они находятся и изъ котораго они возникаютъ (result); его-то мы и называемъ субстанціей" [1]). Подъ субстанціей, поясняетъ Локкъ, „мы представляемъ себѣ лишь неизвѣстнаго носителя нѣкоторыхъ качествъ, которыми въ насъ могутъ вызываться простыя представленія (simple ideas); эти качества обыкновенно называются акциденціями" [2])? Въ другомъ мѣстѣ Локкъ говоритъ, что „мы такъ далеки отъ идеи тѣлесной субстанціи, какъ будто мы ее и вовсе не знаемъ" [3]).

„Сила составляетъ значительную часть нашихъ сложныхъ представленій о субстанціяхъ" [4]).

Беркли, какъ мы видѣли, совершенно отвергалъ матеріальныя тѣла и субстанціи, признавая только духовную субстанцію, духъ, божество [5]).

Юмъ идетъ еще дальше: „идея субстанціи, (равно какъ и идея модуса) говоритъ Юмъ, не что иное, какъ совокупность простыхъ представленій (collection of simple ideas), соединенныхъ воображеніемъ и получившихъ особое названіе; при помощи его можетъ быть воспроизведена эта совокупность въ памяти моей или другихъ". „Опредѣленныя качества, составляющія субстанцію, мы обыкновенно приписываемъ неизвѣстному „нѣчто", съ которымъ, какъ думаютъ, они сцѣплены. Когда же не раздѣляютъ этой фикціи, то по крайней мѣрѣ мыслятъ эти качества тѣсно и нераздѣльно связанными посредствомъ отношеній смежности и причинности" [6]).

Кантъ тоже не признаетъ за субстанціей реальнаго

[1]) Локкъ въ данномъ мѣстѣ смѣшалъ представленія съ качествами познаваемой вещи: представленія принадлежатъ познающему субъекту, а не вещи. Въ другомъ мѣстѣ онъ этого не дѣлаетъ, отличая представленія отъ качествъ вещи.

[2]) *J. Locke*, (op. cit.), book II, chap. XXIII, § 1 and 2.

[3]) Loco cit. § 16. Comp. § 6 and book IV. chap. IV § 7.

[4]) Op. cit. book II, chap. XXIII, § 7.

[5]) *G. Berkeley*, Treatise on the principles of human Knowledge, sect. XVI—XXIV, XXXVI—XXXVII. Ср. IX гл. § 12 стр. 344 нашего изслѣдованія.

[6]) *D. Hume*, Treatise on human nature, 1. sect. 6; Сравн. рус. пер. С. Церетели, 1906, I кн. гл. VI стр. 20.

существованія; онъ ее считаетъ апріорной категоріей ума „послѣднимъ субъектомъ, который не можетъ быть предикатомъ другого субъекта“ (подобно Аристотелю). „Всѣ явленія содержатъ нѣчто устойчивое (das Beharrliche) какъ предметъ“ [1]). „Устойчивость служитъ причиной того, почему мы примѣняемъ категорію субстанціи къ явленіямъ“. „Явленію мы можемъ придать названіе субстанціи лишь потому, что мы предполагаемъ его опредѣленное бытіе (Dasein) во в с я к о е время“ [2]).

I. Г. Фихте считаетъ истинной субстанціей только одну,—его „Я“ „какъ обхватывающее весь кругъ всѣхъ реальностей“; „признакъ устойчиваго присущъ субстанціи только въ значеніи, очень производномъ“; „думать о ней, какъ объ устойчивомъ субстратѣ или носителѣ акциденцій, не приходится“. Подъ предметной субстанціей (dingliche Substanz) Фихте тоже разумѣетъ лишь комплексъ качествъ [3]).

Такъ же объясняетъ субстанцію и *Гегель,* хотя и въ другихъ выраженіяхъ. Богъ есть „абсолютная субстанція, единственная истинно дѣйствующая дѣйствительность“, „абсолютная, сама въ себѣ и для себя сущая дѣйствительность“. Субстанція, какъ объективная категорія, есть „цѣлость (Totalität) акциденцій“ [4]).

Подобное мнѣніе высказываетъ и *Э. фонъ-Гартманъ:* „Вещь... представляетъ собою нѣчто большее, чѣмъ сумму ея качествъ, сознаніе [вѣрнѣе—душа]—нѣчто большее, чѣмъ сумму возбужденій (Affectionen)... Это нѣчто указываетъ на частное примѣненіе категоріи „субстанція“ къ эмпирически даннымъ группамъ, т. е. на субъективно-идеальный придатокъ къ воспринятому, вытекающій изъ безсознательной функціи интеллекта“ [5]). „Объективно-реальный коррелатъ субъективно-идеальнаго вещества (Stoff) есть матерія, а коррелатъ нашего я—индивидуальная душа“ [6]), Наши опытныя субстанціи не настоящія, а метафизическая субстанція—одна;

[1]) *Kant,* Kritick der rein. Vern. herausg. Kehrbach S. 176.

[2]) Тамъ же стр. 177.

[3]) *I. G. Fichte,* Grundlage der ges. Wissenchaftslehre, 2 Aufl. 1802 S. 73, 146, 161.

[4]) *Hegel G. W. F.* a) Logik III, 7; b) Enzyklopädie § 150.

[5]) *E. v. Hartmann,* Kategorienlehre 1896, S. 497.

[6]) Op. cit. pag. 509.

она есть „чистый субъектъ дѣятельности“ нематеріальный, вѣчный, безсознательный субъектъ [1]).

Иначе понимаютъ субстанцію плюралисты, признающіе множество субстанцій. Такъ, *Гербартъ* считаетъ ее простымъ существомъ (Reales) „представляющимъ намъ явленіе комплекса признаковъ, которые на самомъ дѣлѣ ей не присущи [2]). Таковыхъ простыхъ реальныхъ субстанцій (Realen), Гербартъ признаетъ безчисленное множество, какъ и Лейбницъ монадъ.

Лотце говоритъ, что субстанція—„не что иное, какъ заголовокъ (Titel), присущій всему тому, что способно дѣйствовать на другое, претерпѣвать отъ другого, испытывать различныя состоянія и обнаруживаться въ ихъ смѣнѣ, какъ устойчивое единство“ [3]).

Вундтъ считаетъ субстанціей то, „что мы предполагаемъ, какъ основаніе измѣняемыхъ состояній. Устойчивое самосознаніе съ его измѣнчивыми содержаніями... есть первоначальное основное условіе для этого“. „Субстанція, выражаясь образно, есть проекція своего собственнаго бытія въ міръ объектовъ“ [4]). „Понятіе субстанціи не апріорно, такъ какъ оно предполагаетъ уже опытъ и его обработку умомъ. Уже въ понятіи „вещи“ имѣется представленіе носителя (субстрата) качествъ по аналогіи съ нашимъ сознаніемъ“ [вѣрнѣе,—душой].

Таковы болѣе типичныя толкованія субстанціи у новѣйшихъ философовъ.

§ 3. Субстанція, вещь и вещество.

При всемъ различіи въ пониманіи и опредѣленіяхъ субстанціи, философы въ общемъ согласны въ слѣдующемъ: 1) что она представляетъ собою нѣчто устойчивое въ отличіе отъ мѣняющихся состояній и качествъ вещи; 2) что она представляетъ собою нѣчто самостоятельное, независящее отъ другого; 3) что она есть или носительница, субстратъ опредѣленныхъ качествъ, или же постоянно дѣйствующая сила, обнаруживаемая въ разныхъ перемѣнахъ.

[1]) Ibid pag. 523.

[2]) *Herbart*, Lehrbuch zur Psychol. 3. Aufl. 1850, S. 66.

[3]) *Lotze* R. H. Grundzüge der Psychol. 5. Aufl 1894, S. 71.

[4]) *Wundt*, 1) System d. Philos. 2. Aufl. S. 163, 255—257, 2). Philos Stud. II. 171—173. 3) Logik, 2. Aufl. S. 461—472.

Постараемся провѣрить все сказанное и выяснить возникновеніе этого понятія и его значеніе для познанія. Тотъ фактъ, что этого понятія не имѣется въ обиходномъ языкѣ даже образованныхъ людей, доказываетъ, что это понятіе—философское, слѣдовательно оно—позднѣйшаго происхожденія. Но такъ какъ и безъ него существуетъ у всѣхъ народовъ огромное множество знаній о природѣ, то очевидно, что эти знанія возникли безъ участія этого понятія: слѣдовательно оно не апріорно въ гносеологическомъ смыслѣ Канта. Еще менѣе основаній имѣется считать его апріорнымъ въ смыслѣ психологическомъ. Оно пріобрѣтается не всѣми мыслящими людьми, и тѣ, которые дошли до него, пріобрѣли его уже въ зрѣлые годы. Между тѣмъ понятія „вещь“ и „вещество“, близко подходящія къ понятію „субстанція“, имѣются во всѣхъ языкахъ. Изъ этого факта видно, что понятія „вещь“ и „вещество“ въ умственномъ развитіи предшествуютъ понятіямъ философскимъ „субстанція“, „сущность“, „существо“, „субстратъ“ [1]). Послѣднія, повидимому, произошли отъ первыхъ.

Для выясненія понятія субстанція мы сперва разсмотримъ конкретный примѣръ в е щ е с т в а, или матеріи. Уже сама грамматич. форма доказываетъ, что слово „вещество“ образовалось изъ слова „вещь“. То же подтверждается и дѣтскимъ языкомъ, въ которомъ слово „вещество“ не существуетъ, хотя слово „вещь“ употребляется правильно. Когда же дѣти начинаютъ разсуждать о томъ, „изъ чего сдѣлана эта вещь“, то этими вопросами у нихъ подготовляется понятіе о веществѣ. „Эта кукла—изъ дерева; а та—изъ фарфора“. Такія сужденія уже предполагаютъ наличность понятій вещественныхъ „дерево“, „фарфоръ“. Впослѣдствіи же изъ множества подобныхъ вещественныхъ понятій, посредствомъ отвлеченія можетъ образоваться родовое понятіе „вещество“, или „матерія“.

Теперь разсмотримъ, чѣмъ отличается это понятіе отъ понятія „вещь“? Прежде всего, въ понятіи „вещество“ о т с у т с т в у е т ъ опредѣленная ф о р м а, внѣшнее очертаніе; между тѣмъ въ вещи таковая в с е г д а предполагается, хотя бы она и была измѣнчива, какъ напр. у растеній; затѣмъ,

[1]) У Аристотеля понятіе οὐσία (substantia) обозначаетъ и „существо“ и „вещь“; а иногда—и „сущность“, и species, genus. (См. гл. IV, §§ 10 и 11 наст. изслѣд.).

въ веществѣ, въ отличіе отъ вещи, не имѣется единства и цѣльности. Сверхъ того, въ понятіи „вещество“ существенъ признакъ дѣйствовать, по крайней мѣрѣ, на познавательныя способности человѣка. Постоянныя дѣйствія вещества называются или качествами его или же свойствами. Послѣднія составляютъ его сущность, они не зависятъ отъ чего-нибудь посторонняго; безъ нихъ не бываетъ самаго вещества. Если же измѣненіе вещества зависитъ отъ постороннихъ веществъ или силъ, то таковыя измѣненія называются претерпѣваніемъ или просто измѣненіемъ [1]).

Остальные признаки вещи имѣются и въ понятіи „вещество“, а именно: 1) внѣположность по отношенію къ видящему или ощупывающему его, 2) плотность или непроницаемость, 3) протяженность, 4) связность частей, или сплошность протяженнаго, 5) устойчивость существенныхъ качествъ, т. е. свойствъ [2]). Таково обычное понятіе вещества.

Относ. устойчивости вещества мы убѣдимся, что она не безусловна: вещество при извѣстныхъ условіяхъ тоже можетъ измѣняться.

§ 4. Возникновеніе понятій „вещество“ и „матерія“.

Разсмотримъ на конкретномъ примѣрѣ, какъ понятіе о какомъ-нибудь опредѣленномъ веществѣ превращается въ общее метафизическое понятіе „матеріи“, т. е. матеріальной субстанціи. Возьмемъ самое распространенное и самое извѣстное вещество—воду. Первоначальное понятіе о водѣ у дитяти двухъ до трехъ лѣтъ сводится къ представленіямъ чего-то прозрачнаго, что утоляетъ жажду. Впослѣдствіи къ этому присоединятся представленія мокраго, текучаго, жидкаго. У взрослаго человѣка къ этому могутъ присоединяться еще представленія о мѣстѣ нахожденія воды: ключа, ручья, рѣки, озера (моря). У культурнаго человѣка—сверхъ этого, могутъ присоединиться представленія вмѣстилища: цистерны, колодезя, водяной бочки или кадки, водопроводнаго крана. На этой ступени познанія въ понятіи воды будутъ заключаться представленія жидкаго вещества, не имѣющаго

[1]) Ср.: гл. IX, § 4 стран. 325—326.

[2]) Ср. тамъ же, стран. 324—325.

своей опредѣленной формы, болѣе или менѣе прозрачнаго, утоляющаго жажду, безъ особаго вкуса, и смачивающаго тѣло человѣка, его пищевые продукты и одежду.

При наличности наблюденій и знаній природы, человѣкъ постепенно убѣждается, что дождь, роса, снѣгъ, ледъ, градъ представляютъ собою ту же воду; а затѣмъ—что туманъ, паръ, облака состоятъ тоже изъ воды. На этой ступени познанія въ понятіи вещества, именуемаго водой, признакъ жидкости уже отсутствуетъ: человѣкъ знаетъ, что вода можетъ превращаться и въ твердое и въ воздухообразное состояніе. Слѣдовательно въ понятіи этого вещества мыслилось нѣчто протяженное, дѣйствующее, т. е. обнаруживающее опредѣленныя качества; это протяженное представляло собою субстанцію воды, а ея качества—акциденціи. Постоянныя качества воды—утоленіе жажды, смачиваніе и способность растворять другія тѣла, въ ихъ совокупности составляли сущность понятія „вода". Эта представляемая сущность не должна быть чѣмъ-то реально и самостоятельно существующемъ въ самой субстанціи: она есть форма познанія у познающаго. Такъ напр., утоленіе жажды имѣетъ значеніе только для человѣка и животныхъ, пьющихъ воду и испытывающихъ жажду. Для существа, не пьющаго и не имѣющаго жажды, этого качества воды вовсе не существуетъ. Впрочемъ, есть и люди, которые не пьютъ воды въ чистомъ видѣ. И каждое другое качество воды, взятое отдѣльно, можетъ быть присущимъ и другимъ веществамъ. Такъ напр., смачиваніе и раствореніе другихъ веществъ имѣется и въ алкоголѣ, и въ сѣрной кислотѣ. Слѣдовательно ни одно изъ перечисленныхъ качествъ воды не составляетъ реальной сущности воды. Таковая повидимому, скрыта отъ чувственныхъ воспріятій. До нея можно добраться только посредствомъ сложныхъ умственныхъ операцій.

Лѣтъ сто тридцать тому назадъ опытами Кевендиша и Уатта впервые было доказано, что отъ сожженія водорода, т. е. отъ соединенія его съ кислородомъ, получается водяной паръ. При этомъ оказалось, что въ полученной водѣ имѣется на одну вѣсовую единицу водорода восемь вѣсовыхъ единицъ кислорода. По объему соединялись двѣ единицы водорода съ одной единицей кислорода; но послѣ соединенія

получались не три единицы объема водяного пара, а двѣ. Очевидно, послѣ соединенія двухъ различныхъ газовъ ихъ частицы сблизились другъ къ другу, такъ что двѣ единицы объема водяного пара имѣли тотъ же вѣсъ, который имѣли до соединенія три единицы обоихъ газовъ, т. е. двѣ единицы водорода и одна—кислорода. Уже этотъ одинъ фактъ долженъ былъ привести къ заключенію, что въ водяномъ парѣ частицы его соединены иначе, чѣмъ въ простой смѣси кислорода и водорода. Въ таковой каждая часть и одного и другого газа удерживаетъ свои первоначальныя свойства, тогда какъ въ водяномъ парѣ появляются новыя свойства, которыхъ не было ни въ водородѣ, ни въ кислородѣ. Такимъ образомъ получилось новое вещество—вода, съ новыми качествами. Поэтому химики утверждаютъ, что въ водѣ соединены особымъ образомъ частицы водорода и кислорода, а именно „химически". Такъ какъ по закону Авогадро всѣ газы при равномъ объемѣ содержатъ равное количество молекулъ, а кислородъ въ восемь разъ тяжелѣе водорода, и такъ какъ каждая молекула водорода содержитъ въ себѣ по два атома: то химики пришли къ заключенію, что молекула воды состоитъ изъ двухъ атомовъ водорода и одного атома кислорода (H_2O): слѣдовательно, если вѣсъ легчайшаго тѣла, т. е. водорода, принять за единицу, то относительный атомный вѣсъ кислорода равенъ 16, а вѣсъ молекулы воды—18.

Такимъ образомъ реальная сущность воды состоитъ въ ея химическомъ составѣ; изъ нея вытекаютъ всѣ ея физическія свойства, каковы: ея наибольшая скрытая теплота и ея слабая теплоемкость, теплопроводность, ея удѣльный вѣсъ и свойство быть легче въ твердомъ состояніи, чѣмъ въ жидкомъ. Какъ извѣстно, вода обладаетъ наибольшей плотностью (удѣльнымъ вѣсомъ) при $+4°C$.

Субстанцію воды, по ученію химіи, составляютъ ея молекулы H_2O, состоящія изъ двухъ атомовъ водорода и одного атома кислорода, которые считаются простыми элементами. Какъ мы увидимъ, въ новѣйшее время атомная теорія отвергается самыми выдающимися физиками. Вмѣсто семидесяти химическихъ элементовъ, т. е. субстанцій, теперь предполагаютъ безчисленное множество однородныхъ силъ-энергій или іоновъ и электроновъ въ различныхъ сочетаніяхъ.

§ 5. Уничтоженіе матеріи.

По старому ученію химіи и физики, атомы, невидимые глазомъ, представляютъ собою простыя субстанціи, неизмѣнныя и недѣлимыя; изъ ихъ различныхъ комбинацій составлены всѣ тѣла, которыя измѣнчивы лишь по формѣ: но самая ихъ матерія, т. е. атомы, съ ихъ качествами, вѣчны и неразрушимы. Ни одинъ атомъ не пропадаетъ, ни одинъ атомъ не создается [1]). Противъ этой теоріи уже давно раздавались голоса философовъ. Еще Г. Моръ считалъ первоначальную матерію состоящей изъ однородныхъ монадъ [2]). Такое же воззрѣніе имѣлъ и Лейбницъ, считая не протяженность, а дѣятельность и силу сущностью субстанціи [3]). То же имѣется и у Гербарта, который матерію считаетъ „суммой простыхъ существъ, въ которыхъ дѣйствительно нѣчто происходитъ, что за собою влечетъ явленіе пространственнаго бытія“ [4]). Подобное мнѣніе имѣютъ и Лотце [5]) и Ульрици [6]) и Эд. Гартманъ. Послѣдній опредѣляетъ матерію, нечувственную, какъ „систему атомныхъ силъ въ состояніи нѣкотораго равновѣсія“ [7]).

Въ новѣйшее время динамическое воззрѣніе на матерію нашло себѣ множество выдающихся физиковъ и философовъ [8]). Я остановлюсь на изслѣдованіи о матеріи Ле-Бона, выдаю-

[1]) Такое воззрѣніе на матерію существовало еще у Джордано Бруно. По его словамъ, „матерія устойчива, неразрушима, вѣчна; она истинно сущая субстанція“. (*G. Bruno*, De la causa, IV). Такого же мнѣнія былъ и Лордъ Бэконъ Веруламскій. (*Bacon*, Works 1857, V. pag. 82). Затѣмъ—Галилеи (*Galilei*, Opera III, pag. 4), Ньютонъ (*Newton*, Opt. 31), Локкъ (*Locke*, Essai III. chap. 10, § 15), Пристли (*Priestley*, Disquis. I, Introd. p. II), Гольбакъ (*Holbach*, System de la nature 1770, I, chap. 3 pag. 31).

[2]) *H. More*, Enchiridion metaph. 1668.

[3]) *Leibniz*, Nouveaux essais, IV. ch. 3.

[4]) *Herbart*, Psychologie, 3 Aufl. S. 110.

[5]) *Lotze*, Mikrokosmos 2 Aufl. I. S. 403.

[6]) *Ulrici* H. Leib u. Seele 1860, S. 30—32.

[7]) *Ed. v. Hartmann*, Philos. d. Unbewusst. 9 Aufl. II Bd, Abschn. C. Cap. V S. 112—118.

[8]) Къ числу таковыхъ принадлежатъ ученые физики: Фарадей, Амперъ, Тиндаль, Фехнеръ, Ларморъ, Лоренцъ, Абрагамъ, Томсонъ, (I. I. Thomson) Лоджъ, Максуэлъ, Пуанкарэ, Ле-Бонъ, Оствальдъ, и др. Это воззрѣніе раздѣляется и многими новѣйшими философами.

щагося ученаго по своей разносторонности и проницательности ума. Результаты его изслѣдованія сводятся къ слѣдующему. Старой атомной теоріи противорѣчатъ многіе факты. 1) факты диссоціаціи при электролизѣ; 2) фактъ существованія катодическихъ лучей; 3) Такъ называемое X—лучи Рентгена; 4) радіактивность радія, урана и другихъ тѣлъ; 5) фактъ, что радіактивность составляетъ общее свойство всякой матеріи, хотя и не въ одинаковыхъ степеняхъ. Послѣднее положеніе доказалъ самъ Ле-Бонъ своими опытами и разсужденіями[1]) Изъ нихъ видно, что составные элементы даже простыхъ тѣлъ распадаются и улетучиваются, при чемъ они развиваютъ неимовѣрное количество энергіи. Объ этомъ фактѣ до послѣдняго времени не имѣли ни малѣйшаго понятія. Распавшіеся элементы обнаруживаютъ новыя качества: поэтому это распаденіе обусловлено распаденіемъ самыхъ атомовъ, т. е. уничтоженіемъ и самой матеріи. Такимъ образомъ оказывается, что матерія физиковъ не вѣчна, что атомы не—недѣлимыя единицы, что они измѣнчивы, вопреки старому мнѣнію химиковъ и физиковъ. Ле-Бонъ выставляетъ новое положеніе о матеріи, которому посвящена вся его книга: „Ничто не создается само собою, все уничтожается[2]).

Результаты своихъ опытовъ самъ Ле-бонъ резюмируетъ въ слѣдующихъ четырехъ положеніяхъ:

1) „Матерія, считавшаяся прежде неразрушимой, уничтожается (s'evanouit) медленно вслѣдствіе постояннаго распаденія (dissociation) атомовъ, ее составляющихъ".

2) „Продукты дематеріализаціи атомовъ составляютъ по ихъ качествамъ промежуточныя субстанціи между тѣлами вѣсомыми и невѣсомымъ эѳиромъ".

[1]) *Le-Bon* Gustave, L'èvolution de la matière, Paris 1905, vol. I.

[2]) Прежде чѣмъ вѣсомая матерія уничтожается, она проходитъ черезъ промежуточное состояніе, которое связываетъ вѣсомую матерію съ невѣсомой, т. е. съ эѳиромъ. „Субстанція ни твердая, ни жидкая, ни газообразная, которая не имѣетъ вѣса, которая проницаетъ препятствія и которая имѣетъ общимъ съ матеріей лишь нѣкоторую инерцію, и притомъ измѣнчивую вмѣстѣ со скоростью, различается очень опредѣленно отъ матеріи. Она отличается также отъ эѳира, качествъ котораго не имѣетъ. Поэтому она составляетъ промежуточную ступень между обоими". Таково объясненіе самого Ле-Бона.

3) „Матерія, которую прежде считали инертной и способной возстановлять только ту энергію, которой надѣлили ее изначально, оказывается, огромнымъ вмѣстилищемъ энергіи—энергіи внутри-атомной, которую она можетъ расходовать, ничего не заимствуя изъ-внѣ".

4) „Именно эта внутри-атомная энергія, обнаруживающаяся во время распаденія матеріи, преимущественно производитъ большинство силъ вселенной,—электричество и солнечную теплоту".

Кромѣ этихъ основныхъ положеній Ле-Бона, можно отмѣтить еще и другія, которыя имѣютъ больше значенія въ нашемъ изслѣдованіи.

5) Міровыя силы намъ извѣстны только вслѣдствіе нарушенія равновѣсія, а состояніе равновѣсія представляетъ собою предѣлъ, за который мы не можемъ проникнутъ [1]), т. е. нашимъ чувственнымъ опытомъ, прибавимъ мы къ словамъ Ле-Бона.

6) Міровой эѳиръ представляетъ собою первый источникъ и конецъ вещей, субстратъ міровъ и всѣхъ существъ, наполняющихъ міры [2]). Въ эѳирѣ рождаются міры, въ немъ они и умрутъ [3]).

7) Матерія есть частный случай равновѣсія мірового эѳира, т. е. нематеріальнаго элемента вселенной. Матерія и эѳиръ представляютъ собою два крайнихъ предѣла въ ряду реальныхъ вещей [4]).

8) Всѣ дѣйствія (operations) живыхъ существъ, столь опредѣленныя и удивительно приноровленныя къ опредѣленной цѣли, управляются особыми силами, о которыхъ мы не имѣемъ никакого понятія: „онѣ дѣйствуютъ (se conduisent) совершенно такимъ образомъ, какъ будто онѣ обладаютъ проницательностью (clairvoyance), гораздо высшей нашего разума. То, что онѣ совершаютъ въ каждый моментъ нашего существованія, гораздо выше того, что можетъ осуществить наука, даже самая совершенная" [5]).

1) Op. cit. pag. 88.
2) Ibid. pag. 87.
3) Ibid. pag. 291.
4) Ibid. pag. 94 et 95.
5) Ibid. pag. 257.

Къ такимъ выводамъ пришелъ современный выдающійся изслѣдователь по физикѣ—Ле-Бонъ; онъ еще до открытія радія убѣдился въ диссоціаціи атомовъ, т. е. въ распаденіи матеріи. Съ открытіемъ радія и полонія Складовской и ея мужемъ Кюри, фактъ распаденія атомовъ получилъ полное подтвержденіе [1]: онъ признанъ всей современной наукой [2].

§ 6. Электрическая теорія матеріи.

Относительно вопроса, во что обращаются распадающіеся атомы, пока еще мнѣнія различны: не всѣ согласны съ Ле-Бономъ, что они обращаются въ загадочный нематеріальный эѳиръ: впрочемъ, и относ. самаго эѳира существуетъ между спеціалистами глубокое разногласіе. Во всякомъ случаѣ, *продукты распада атомовъ не представляютъ собою матеріи, протяженной, вѣчной и неизмѣнной.* Знаменитый физикъ нашего времени Л. Пуанкаре говоритъ по этому предмету: „наши традиціонныя убѣжденія должны быть повергнуты въ величайшее смущеніе. Намъ приходится покинуть мысль, съ которой мы свыклись инстинктивно, будто матерія есть наиболѣе устойчивое изо всего существующаго во вселенной; наоборотъ, мы должны согласиться, что каждое тѣло, какое бы оно ни было, есть родъ взрывчатаго вещества, очень медленно разлагающагося“ [3]. Матерія физиковъ, какъ оказывается, умираетъ медленной смертью, измѣняясь въ своей сущности. Другой извѣстный физикъ нашего времени, О. Лоджъ говоритъ: „зная медленность атомнаго разрушенія матеріи, мы можемъ отсрочивать міровую катастрофу на колоссальные періоды; но въ концѣ концовъ мы убѣждаемся, что... все существующее количество матеріи есть явленіе преходящее... Такъ или иначе, матерія нѣкоторыми еще неиз-

1) *Складовская—Кюри,* Радій и радіактивность, М. 1905. стран. 98—100.

2) *О. Лоджъ,* Современные взгляды на матерію, М. 1904, стр. 25—30. Ср. *Poincare,* La physique moderne et son évolution, Paris 1908, pag. 268—270.

3) *L. Poincaré,* La physique moderne... pag. 274; ср. стран. 268.

вѣстными намъ путями получила свое начало; она должна имѣть и свой конецъ“ [1]).

Самая распространенная—это электрическая теорія матеріи; по этой теоріи матеріальные атомы разлагаются на электрическіе заряды, или атомы; элементарное количество отриц. электричества называется электрономъ; но и послѣдній представляетъ собою сочетанія болѣе простыхъ силъ—положительныхъ и отрицательныхъ іоновъ, съ преобладаніемъ послѣднихъ. При одинаковомъ количествѣ тѣхъ и другихъ іоновъ, не обнаруживается свободнаго электричества, такъ какъ каждый положительный іонъ связанъ отрицательнымъ іономъ. Электрическіе атомы входятъ въ составъ любого матеріальнаго атома. Этимъ объясняется и сложность свѣтовыхъ спектровъ, даваемыхъ атомами. Такимъ образомъ матерія разрѣшается въ электричество; матеріальный атомъ оказывается системой, состоящей изъ большаго или меньшаго числа положительныхъ и отрицательныхъ электрическихъ атомовъ [2]).

Въ этомъ отношеніи особенно замѣчательны изслѣдованія Дж. Дж. Томсона; онъ нашелъ и число электроновъ, входящихъ въ составъ различныхъ матеріальныхъ атомовъ, и число молекулъ въ кубическомъ сантиметрѣ газа. Таковое, по его вычисленіямъ, равняется (при температурѣ $t=0^0$ и барометрич. давленіи $b=760$ mm.) $3,6\times10^{19}$ [3]).

Электрической теоріей матеріи удовлетворительно объясняются и химическія явленія, что не удавалось прежней атомной теоріи [4]). Этой теоріей объясняются и всѣ факты радіактивности и качественныя измѣненія самыхъ элементовъ матеріи. А именно, если атомъ представляетъ собою систему простѣйшихъ электрическихъ зарядовъ, то онъ постепенно можетъ терять эти заряды одинъ за другимъ, и можетъ

[1]) *О. Лоджъ*, Современные взгляды на матерію, М. 1904, стран. 33, сравн. 25—36.

[2]) Подробнѣе объ этомъ изложено въ попул. лекціяхъ проф. *Густава Міе* „Іоны и электроны“—перев. съ нѣм. изд. І. Наумова. СПБ. 1909. стран. 61—69.

[3]) *J. J. Thomson* „Charge of Electricity carried by a Gaseous Ion“ статья въ журналѣ The Philos. Magazine VI. serie, vol V, London 1903. Эту справку далъ мнѣ проф. физики Садовскій.

[4]) *P. Duhem*, Le Mixte et la Combinaison chimique, Paris 1902, pag. 183—185.

уменьшиться въ удѣльномъ вѣсѣ, измѣняясь въ своихъ химическихъ качествахъ. Это дѣйствительно и наблюдается при „радіактивныхъ“ элементахъ. Такъ напр., атомъ радія выдѣляетъ изъ себя атомы легкого газа гелія и, проходя черезъ цѣлый рядъ нестойкихъ формъ матеріи, въ заключеніе превращается въ свинецъ или висмутъ.

Въ послѣднее время физики-экспериментаторы убѣдились, что атомы любого металла подъ вліяніемъ свѣта выдѣляютъ изъ себя отриц. электроны [1]). Такъ какъ каждый металлъ въ большей или меньшей степени обладаетъ „радіактивностью“, то у каждаго происходитъ распаденіе атомовъ на подобіе радія, который и самъ произошелъ, по всему вѣроятію, изъ металла урана. Итакъ оказывается, что одинъ химическій элементъ можетъ переходить въ другой, и что вѣра средневѣковыхъ алхимиковъ въ возможность добывать искусственное золото, вовсе не такъ нелѣпа, какъ это предполагали новѣйшіе химики.

§ 7. Энергія и энергизмъ.

При распаденіи атомовъ и выдѣленіи электроновъ, которое происходитъ медленно, но постоянно, выдѣляется теплота, т. е. постоянно развивается новая энергія. Этотъ фактъ, очевидно, противорѣчитъ старой теоріи о сохраненіи энергіи; эту теорію выставили еще Майеръ (I. R. Mayer) и Гельмгольцъ, ее раздѣляютъ физики по сей день. Для примиренія факта радіактивности, т. е. постояннаго выдѣленія новой энергіи, съ теоріей сохраненія энергіи придумана новая гипотеза, будто огромное количество энергіи, освобождаемое при распадѣ атомовъ, было накоплено въ атомахъ, когда они формировались изъ первоначальной сверхчувственной матеріи, т. е. эѳира, или изъ электроновъ и іоновъ, какъ думаютъ другіе. Эта энергія будто накопилась еще до возникновенія небесныхъ тѣлъ, системъ и даже матеріи туманностей, а теперь она будто освобождается. Я не вдаюсь въ критику этой вспомогательной гипотезы, которая должна выручить другую болѣе древнюю гипотезу, нашедшую себѣ признаніе ученыхъ спеціалистовъ. Я ограничусь указаніемъ на то, что ни одна изъ этихъ гипотезъ не можетъ

[1]) *Prof. Gustav Mie*, op. cit. pag. 68.

быть доказана ни наблюденіями, ни теоретическими разсужденіями. Гипотеза о сохраненіи энергіи только весьма удобна въ механикѣ: она упрощаетъ и въ общемъ объясняетъ явленія нашей земной механики; но и при этомъ многіе элементы не поддаются точному учету, напр. треніе, препятствіе воздуха и эѳира, сила тяготѣнія. Однако эта гипотеза не объясняетъ всѣхъ явленій химическихъ; а явленія жизненныя, какъ мы видѣли, скорѣе противорѣчатъ ей, чѣмъ подтверждаютъ ее.

Какъ бы то ни было, но атомная матерія не сохраняется, она не вѣчна: она имѣетъ и свое начало, и свой конецъ. На мѣсто атомной матеріи современные физики стараются поставить или сверхчувственную матерію, т. е. эѳиръ, или „энергію", которая будто бы во вселенной остается неизмѣнной по количеству; измѣняются же только формы ея проявленій [1]).

Самый видный представитель послѣдняго воззрѣнія, т. е. энергизма,—извѣстный физикъ и философъ Оствальдъ. На мѣсто матеріи онъ выдвигаетъ „самую общую субстанцію" всякаго возникновенія—энергію; таковая есть „работа или все то, что возникаетъ изъ работы и что можетъ быть превращено въ работу" [2]). Изъ энергіи состоитъ такъ называемая матерія [3]). „Мы не спрашиваемъ уже о силахъ, которыхъ мы не можемъ доказать... но мы спрашиваемъ... о способѣ или количествѣ энергій, выходящихъ и входящихъ" (въ процессъ) [4]). „Все, что мы знаемъ о внѣшнемъ мірѣ, мы можемъ представить въ видѣ сужденій (Aussagen) о существующихъ энергіяхъ" [5]).

Въ ученіи энергизма Л. Буссе выдѣляетъ два основныхъ принципа: 1) „принципъ эквивалентности" и 2) „принципъ постоянства" (Konstanzprincip). Первый изъ нихъ утверждаетъ, „что при всѣхъ превращеніяхъ тѣлесныхъ вещей другъ въ друга остается себѣ равнымъ одинъ факторъ, а именно э н е р г і я, т. е. способность производить механи-

[1]) *Ostwald,* 1) Grundriss der Naturphilosophie 1908. S. 144. 2) Vorlesungen über Naturphilosophie. 2 Aufl. S. 155—160.

[2]) *Ostwald,* Vorlesungen über Naturphilos. 2 Aufl. loco cit.

[3]) *Ostwald,* Überwindung des wiss. Materialismus, 1895, S. 28—30.

[4]) *Ostwald,* op. cit. pag. 32.

[5]) Ibid. pag. 153.

ческую работу при опредѣленныхъ обстоятельствахъ. Это значитъ, что для всякой энергіи, примѣняемой и расходуемой гдѣ-либо для произведенія какого-нибудь состоянія, въ другомъ мѣстѣ выступаетъ (auftritt) равное количество равной или иной формы энергіи".

Второй принципъ, т. е. постоянства, утверждаетъ, что „совокупность энергіи, которой располагаетъ физическая вселенная, всегда остается себѣ равной; слѣдовательно она неспособна ни на увеличеніе, ни на уменьшеніе" [1]). Этотъ принципъ, по мнѣнію Буссе, есть недоказуемая догма, или petitio principii, и составляетъ препятствіе для принятія психофизическаго взаимодѣйствія [2]). Послѣдняго мнѣнія не признаютъ основательнымъ *Оствальдъ, Кюльпе, Штумпфъ*. Напротивъ, *Вундтъ* не допускаетъ примѣненія на психическія перемѣны даже принципа эквивалентности: въ душевной жизни, по мнѣнію Вундта, существуетъ „принципъ роста духовной энергіи" [3]). Принципъ постоянства естественныхъ наукъ, по мнѣнію Вундта, распространяется только на количественныя *отношенія*, независимо отъ измѣняемой количественно матеріи: такимъ образомъ не существуетъ противорѣчія между нимъ и психическимъ принципомъ роста. Поэтому психическія величины и цѣнности могутъ увеличиваться безъ ущерба для постоянства массъ и энергій въ физическомъ организмѣ [4]).

Принципъ роста духовной энергіи признаетъ Карріеръ, Фритцше, Эйкенъ и другіе [5]); напротивъ, приверженцы психофизическаго параллелизма и ассоціаціонной теоріи распространяютъ принципъ постоянства также и на душевную жизнь [6]).

Таковы новѣйшія понятія объ энергіи и основныя воззрѣнія энергизма.

[1]) *L. Busse*, Geist und Körper, 1903, S. 405—408; 451—453.

[2]) Op. cit. pag. 460—462; confer pag. 407, 417—420.

[3]) *Wundt*, Philosoph. Stud. X, S. 116.

[4]) Ibid, et System der Philos. 2 Aufl, 1897, S. 304—307.

[5]) 1) *Carriere* M. Der Wachstum der Energie in d. geist. u. org. Welt, 1892. 2) *Fritzsche*, R. Vorschule der Philos. 1906, S. 137—140.

[6]) Таковы, напр.: *Годль, Спенсеръ, Фулье, Фонъ-Гротъ, Мюнстербергъ* и др.

§ 8. Психофизическій параллелизмъ.

Какъ мы видѣли, энергизмъ разлагаетъ матерію на множество энергій, которыми должно объясняться безконечное разнообразіе бытія и всѣ его измѣненія. Оствальдъ считаетъ энергію первоначальными субстанціями; а чувственную матерію—произведеніемъ разныхъ энергій. Въ этомъ воззрѣніи непонятно: 1) въ чемъ и надъ чѣмъ энергіи производятъ работу? 2) Гдѣ и какъ онѣ пребываютъ до произведенія ихъ работы? 3) Куда онѣ дѣваются послѣ произведенной работы? 4) Какъ объяснить инерцію матеріи и постоянство количества энергіи?

Какъ бы то ни было, энергіи еще менѣе доступны чувственному познанію, чѣмъ матеріальные атомы; ихъ нельзя себѣ даже и представить наглядно, что возможно относ. атомовъ. Но такъ какъ одна энергія переходитъ въ другую, то очевидно, что онѣ не могутъ считаться первоначальными и вѣчными субстанціями такъ же, какъ и атомы, и матерія. Но и ихъ познаніе выходитъ, какъ мы видѣли, за предѣлы чувственнаго опыта. Разсмотримъ теперь тѣ пути, которые насъ могутъ повести къ познанію Абсолютнаго духа и разума. Не ошибаются ли въ этомъ вопросѣ еще болѣе наши скептики всѣхъ наименованій?

Прежде всего большинство современныхъ психологовъ утверждаетъ, будто самой души мы не познаемъ и даже не можемъ познать. Иные прямо отрицаютъ душу, считая явленія сознаніе порожденіемъ мозга и нервовъ. Это положеніе настолько распространено среди „интеллигентныхъ“ круговъ общества, что никто въ немъ не рѣшится усомниться; а кто бы вздумалъ сдѣлать это, того объявили бы за человѣка отсталаго и ограниченнаго: такова сила привычки и давленія толпы, охваченной какимъ-нибудь вѣрованіемъ или ученіемъ! Между тѣмъ это положеніе не только никѣмъ не доказано, но оно даже никѣмъ не было наблюдаемо. Дѣло въ томъ, что каждый непосредственно испытываетъ свои переживанія сознанія; каждый отличаетъ ихъ отъ своего „Я“, отъ своего самосознанія и личности; но никто никогда не видѣлъ своего мозга и нервныхъ волоконъ, кончающихся въ немъ. А еслибы какой-нибудь остроумный позитивистъ даже разрѣшилъ хирургамъ вскрыть свой черепъ безъ наркоза,

и еслибы онъ даже увидѣлъ свой мозгъ въ зеркалѣ: то все же онъ никакъ не могъ бы увидѣть въ зеркалѣ нервныхъ процессовъ въ нервныхъ волокнахъ и въ мозговыхъ клѣткахъ. О таковыхъ только догадываются физiологи на основанiи рефлексовъ въ мускулахъ, вызываемыхъ раздраженiемъ соотвѣтственныхъ нервныхъ волоконъ.

Мнѣнiя психiатровъ относ. „сензорныхъ" клѣтокъ мозга, дѣятельностью которыхъ будто обусловливаются всѣ ощущенiя, еще болѣе гадательны и не обоснованы точными фактами и психологическими анализами. А относ. сложныхъ процессовъ мышленiя наши физiологи не имѣютъ и приблизительнаго представленiя [1]). Относ. мышленiя не существуетъ ни малѣйшаго параллелизма между психическими процессами, т. е. переживанiями, съ одной стороны, и физiологическими перемѣнами, съ другой: послѣднiя одинаковы для биллiоновъ процессовъ, отличаемыхъ самонаблюденiемъ и психологическими анализами [2]).

§ 9. Неосновательность феноменизма въ психологiи.

Въ современной психологiи все еще преобладаетъ мнѣнiе, будто эта наука должна изучать одни явленiя сознанiя и ихъ связь, а не самую душу или ея способности и силы. Что такое мнѣнiе позитивизма (и феноменизма) въ психологiи ошибочно, и еще болѣе, чѣмъ въ физикѣ, можно убѣдиться изъ слѣдующаго.

1) Ни одна психологiя не обходится безъ разсмотрѣнiя фактовъ памяти и сохраненiя впечатлѣнiй. Попытка приверженцевъ ассоцiацiонной теорiи свести память къ воспроизведенiю по законамъ ассоцiацiи идей, какъ я это доказалъ въ своемъ спецiальномъ изслѣдованiи, оказывается кореннымъ заблужденiемъ [3]). Каждый человѣкъ воспроизводитъ въ опредѣленный моментъ жизни только нѣсколько идей, тогда какъ онъ таковыхъ помнитъ миллiоны. Память состоитъ въ сохраненiи впечатлѣнiй и идей, а это сохраненiе существуетъ въ безсознательномъ видѣ до

[1]) Для одного органа зрѣнiя, по моимъ вычисленiямъ, нужно предполагать не меньше 42×10^{13}, т. е. 420 биллiоновъ чувствительныхъ элементовъ по нѣмецкой цифровой системѣ). См. *И. С. Проданъ.* О памяти, I ч. 2-е изд. Юрьевъ 1904, стран. 61—70.

[2]) См. тамъ же гл. VII, стран. 71—78. [3]) Тамъ же, гл. XV.

воспроизведенія и узнаванія воспроизведенной идеи. Слѣдовательно и самъ фактъ памяти опровергаетъ мнѣніе феноменистовъ.

2) Самое сохраненіе впечатлѣній и идей зависитъ отъ многихъ условій, но главнымъ образомъ, отъ врожденной способности человѣка, которую называютъ иногда впечатлительностью, иногда же просто прирожденной „памятью".

3) Кромѣ памяти, въ психологіи разсматриваются еще и другія врожденныя способности напр.: разсудокъ, умъ, инстинкты и влеченія, темпераменты, характеръ. Все это не простыя явленія, а душевныя способности, прирожденныя человѣку. Безъ нихъ не было бы ни души, ни личности, ни самосознанія, ни психологіи. Стремленіе ассоціаціонистовъ свести психологію и душевныя переживанія къ рядамъ ассоціацій, какъ это было доказано мною на психологическихъ анализахъ Спенсера, совершенно противорѣчитъ дѣйствительности: ихъ теорія невѣрна даже относительно памяти и воспроизведенія, какъ я это доказалъ въ своемъ изслѣдованіи. „О памяти"[1]).

4) Факты упражненія, т. е. усовершенствованія способностей и увеличенія работоспособности не объяснимы одними явленіями сознанія и ассоціаціями идей. Если послѣ опредѣленнаго числа повтореній заучиваемаго ряда я способенъ его воспроизвесть на память, то очевидно, что отъ каждаго повторенія нѣчто сохранилось, что отъ повторенія сохраняемаго увеличивается и, наконецъ, осуществляется произвольное воспроизведеніе заученнаго. Объ этомъ сохраненномъ слѣдѣ я ничего не сознаю непосредственно; я только умозаключаю на основаніи опыта и разныхъ соображеній, что онъ долженъ быть въ душѣ заучивающаго.

5) Въ сложныхъ привычныхъ процессахъ сознаются въ силу узости сознанія только весьма немногіе элементы: это подтверждено всѣми нашими психологическими анализами; это признается всѣми лучшими психологами. Безъ участія не сознаваемыхъ элементовъ невозможны были бы ни сложные познавательные процессы, ни сложныя чувства и настроенія[2]).

[1]) См. *И. С. Продань,* О памяти I ч. 2-ое изд. гл. XV, стр. 200—207.

[2]) См. 1) *И. С. Продань,* Практич. руков. психол. гл. XII. 2) гл. III, стран. 71—73 наст. изслѣд.

6) Фактъ психической наслѣдственности совершенно не понятенъ безъ предположенія душевныхъ силъ (или монадъ), которыхъ никто не сознаетъ непосредственно [1]).

Перечисленные факты убѣждаютъ насъ, что психологія не можетъ ограничиться изученіемъ однихъ явленій сознанія: отъ нихъ она исходитъ, какъ отъ непосредственныхъ данныхъ, но ихъ связь была бы совершенно непонятна безъ участія тѣхъ душевныхъ силъ, которыя не сознаются непосредственно.

Такимъ образомъ оказывается, что даже самыя обычныя проявленія психической жизни не объяснимы одними явленіями сознанія: всѣ люди увѣрены въ существованіи носителей или субстратовъ этихъ явленій,—въ существованіи души, душевныхъ силъ и реальныхъ свободныхъ личностей. Безъ подобныхъ реальныхъ субстратовъ не только индивидуальная, но и соціальная жизнь человѣка потеряла бы всякій смыслъ: тогда не было бы ни человѣческихъ сообществъ, ни нравственно отвѣтственныхъ личностей; не было бы ни психологіи, ни соціологіи, ни вообще наукъ о человѣкѣ.

§ 10. Тожество нашего „я“.

Какъ мы видѣли, психологія не можетъ ограничиться изученіемъ однихъ явленій сознанія. Правда, съ нихъ начинаются описанія душевныхъ переживаній и анализы таковыхъ; но ими не можетъ удовлетвориться даже обычное знаніе простолюдина. Каждый человѣкъ знаетъ себя и другихъ, какъ личности, дѣйствующія единообразно и планомѣрно и имѣющія и свои индивидуальныя особенности: каждая живая личность имѣетъ свои опредѣленныя черты характера сверхъ общихъ свойствъ всѣхъ людей. Но и подъ этими общими свойствами подразумѣваются отнюдь не явленія сознанія, быстро смѣняющіяся; подъ ними разумѣютъ силы и способности души, которыя не всегда обнаруживаются въ видѣ сознательныхъ переживаній и процессовъ, но имѣютъ свое непрерывное бытіе, хотя бы въ видѣ скрытыхъ силъ.

Феноменистамъ и всѣмъ скептикамъ кажется невозможнымъ познавать еще что-нибудь сверхъ явленій. Если вся душевная дѣятельность состоитъ изъ безпрерывныхъ рядовъ

[1]) См. гл. VII, стран. 265—275 наст. изслѣд.

явленій сознанія, болѣе или менѣе мимолетныхъ: то какъ можно выскочить изъ своего сознанія и познать нѣчто такое, что внѣ сознанія имѣетъ свое самостоятельное и реальное бытіе, и притомъ продолжительное и неизмѣнное въ теченіе десятковъ лѣтъ? Такой вопросъ въ правѣ поставить не только открытый скептикъ, но и позитивистъ и кантіанецъ.

На это возраженіе мы отвѣтимъ прежде всего, что всякое познаніе есть частный случай сознательной дѣятельности, и что при познаніи никто не выходитъ за предѣлы своего сознанія, хотя бы онъ свои знанія почерпнулъ изъ знанія других ъ людей, болѣе освѣдомленныхъ. Далѣе, фактъ кратковременности сознательныхъ процессовъ, какъ мы видѣли, отнюдь не мѣшаетъ намъ пріобрѣтать знанія не только о явленіяхъ, но и о являемыхъ вещахъ и субстанціяхъ, которыя могутъ существовать вѣка и тысячелѣтія, измѣняясь еле замѣтно. Такимъ же способомъ мы можемъ изучать и душу, не ограничиваясь явленіями сознанія, но вглубляясь въ причины этихъ явленій и въ ихъ субстраты или въ производящія ихъ силы. Такъ напр., имѣя опредѣленныя переживанія $ABCD$, я при ихъ повтореніи узнаю, что $A_2 B_2 C_2 D_2$ по содержанію тѣ же, что и $ABCD$, которыя я имѣлъ десять лѣтъ тому назадъ. Если въ этихъ переживаніяхъ заключалось воспріятіе реальныхъ предметовъ, напр., родительскій домъ съ дворомъ и садомъ: то я увѣренъ, что за промежутокъ десяти лѣтъ, въ теченіе которыхъ я не видѣлъ этихъ предметовъ, они все же продолжали существовать (хотя и съ нѣкоторыми измѣненіями отъ вліянія стихій и другихъ причинъ). Но вмѣстѣ съ узнаваніемъ тожественныхъ предметовъ я имѣю увѣренность, что и мои прежнія впечатлѣнія о нихъ сохранились, и что я самъ за десять лѣтъ не переставалъ существовать. И въ данный моментъ, узнавая родительскій домъ, я сознаю, что я тотъ же самый, (хотя и сдѣлался старше на десять лѣтъ), который жилъ въ этомъ домѣ и испыталъ въ немъ много радостей, а иногда и печали. Слѣдовательно за эти десять лѣтъ продолжалъ существовать и домъ, узнаваемый мною, и я самъ, видящій и узнающій его теперь. То же дѣлаетъ и любой скептикъ. Такимъ образомъ внѣшнія впечатлѣнія могутъ мнѣ напомнить не только о продолжительномъ существованіи соотвѣтственныхъ предметовъ, но и о такомъ же продол-

жительномъ существованіи меня самого, моей личности моего „я“.

Относ. узнаннаго мною родительскаго дома остроумный скептикъ могъ бы мнѣ сдѣлать возвраженіе, доказывая неосновательность моей вѣры, что домъ существовалъ въ теченіе десяти лѣтъ, за которые я его не видѣлъ. А именно, скептикъ можетъ сказать: „Десять лѣтъ тому назадъ этотъ домъ былъ сломанъ и отстроенъ только въ прошломъ году по тому же образцу и на томъ же мѣстѣ; при этомъ былъ употребленъ прежній старый матеріалъ — старые косяки оконъ и дверей, старыя доски крыши: Это-то и вызываетъ иллюзію, будто вы видите тотъ же родительскій домъ“.

Допуская теоретически возможность подобной новой постройки изъ стараго матеріала и ошибки съ моей стороны, я все же остаюсь при своей увѣренности, что я имѣю дѣло съ тѣмъ же родительскимъ домомъ. Впрочемъ, никакой скептикъ не станетъ распространять подобныхъ сомнѣній на всѣ предметы, которые существуютъ не только десятки, но и тысячи и милліоны лѣтъ, надъ которыми человѣческая рука не имѣетъ никакой власти, напр., на солнце, луну, звѣзды.

Наконецъ, ни одинъ скептикъ, кромѣ Юма, не станетъ распространять своихъ сомнѣній, на свою личность. Если онъ просыпается послѣ глубокаго сна, въ теченіе котораго онъ не имѣлъ никакого сознанія о своемъ существованіи; то все же онъ увѣренъ, что за это время онъ не переставалъ существовать. Онъ существовалъ не только своимъ тѣломъ, но и своей душой, хотя она, какъ кажется, бездѣйствовала во время глубокаго сна, не возбуждая даже сновидѣній. Слѣдовательно внѣшнія впечатлѣнія напоминаютъ намъ и о нашемъ *я*, и о его непрерывномъ существованіи.

§ 11. Различныя представленія о своемъ Я.

Свою личность мы обозначаемъ мѣстоимѣніемъ *Я;* но было бы ошибочнымъ предполагать, что у ребенка появляется самосознаніе только съ употребленія имъ этого мѣстоименія. Задолго до этого ребенокъ называетъ себя своимъ домашнимъ именемъ. Свою личность онъ сознаетъ особенно сильно въ процессахъ воли, когда онъ противится чему-нибудь: „Шурка не хочетъ! Шурка не будетъ!“ Со своимъ именемъ, а равно

и съ мѣстоименіемъ *Я* соединяется обычно представленіе своего тѣла и его частей, напр.: „я упалъ, я озябъ, я ушибся, я обжегся“. Иногда подъ *Я* мы представляемъ свою одежду или часть ея, напр.: „я промокъ, я испачкался, я запылился, я оборвался“; иногда—свое имущество: „я обокраденъ, я разорился; иногда—наше общественное положеніе, напр: „я—городской голова, я выбранъ въ Государственную Думу“. Чаще всего мы представляемъ себѣ подъ своимъ *Я* свой волевой актъ, напр.: „я хочу пить, ѣсть, гулять, пойти въ театръ, въ церковь“. Часто мы представляемъ подъ своимъ *Я* и свои чувства и душевныя настроенія: „я сердитъ, я скучаю, я не въ духѣ, я опечаленъ“; иногда—свои органическія ощущенія: „мнѣ больно, мнѣ тошно, мнѣ холодно“; часто—свои впечатлѣнія и познавательные процессы: „я вижу, я слышу, я вспомнилъ, я раздумываю, я сомнѣваюсь, я увѣренъ, я догадался, я сообразилъ“ и т. д.

Итакъ мы сознаемъ свое *Я* почти при всѣхъ сознательныхъ душевныхъ перемѣнахъ; рѣзче всего оно обнаруживается при сильныхъ ощущеніяхъ и чувствахъ; болѣе продолжительно оно сознается при волевыхъ процессахъ. Послѣдніе съ перерывами продолжаются иногда очень долго,—не только часами и днями, но нѣкоторые изъ нихъ длятся годами и даже въ продолженіе всей сознательной жизни. За это время измѣнилось не только наше тѣло, наше имущество, общественное положеніе, но и нашъ образъ мыслей и даже нѣкоторыя наши привычки, склонности и черты характера; но все это не препятствуетъ намъ сознавать тожество своей личности, своего *Я*.

При такомъ разнообразіи представленій, сопровождающихъ наше *Я*, очевидно, что понятіе о нашемъ *Я* не есть отвлеченіе отъ всѣхъ сознательныхъ процессовъ: оно появилось у насъ гораздо раньше, чѣмъ всѣ различныя его представленія. Оно появляется уже при различеніи своего тѣла отъ внѣшнихъ предметовъ; но нельзя утверждать, будто подъ нашемъ *Я* мы подразумѣваемъ только свое тѣло: лишившись части тѣла, калѣка не перестаетъ сознавать тожество своей личности, своего *Я*.

Свое *Я* мы не можемъ отожествлять и съ каждымъ сво-

имъ сознательнымъ переживаніемъ, какъ это дѣлаетъ Юмъ [1]). Правда, мы можетъ представлять свое *Я* почти всегда, но все же мы отличаемъ свои переживанія отъ своего *Я*. Такъ, напр.: „я слышу теперь отчетливо звонъ колокольчика, я вижу теперь эту маленькую звѣздочку въ созвѣздіи медвѣдицы, я чувствую теперь удовлетвореніе“. Въ этихъ примѣрахъ имѣются и переживанія, и отнесеніе ихъ къ своему *Я*; но никто не скажетъ, что мое *Я* тожественно со звукомъ колокольчика, со звѣздочкой и съ моимъ удовлетвореніемъ. Съ другой стороны, быть можетъ, правъ и Юмъ, утверждая, что безъ какого-нибудь опредѣленнаго переживанія („перцепціи“) онъ не можетъ чувствовать своего *Я*.

Если представленія нашего *Я* такъ различны, то неужели же оно можетъ служить доказательствомъ тожества личности? Если же наша личность остается тожественной себѣ, почему же такъ мѣняются представленія о нашемъ *Я*? Подобныя же сомнѣнія возникали у Юма болѣе чѣмъ полтораста лѣтъ тому назадъ; однако онъ ихъ не разрѣшилъ; они не разрѣшены теоретически и по сей день!

§ 12. Неосновательныя возраженія Юма.

Д. Юмъ въ своихъ скептическихъ разсужденіяхъ не признавалъ реальнаго тожества личности, не признавалъ того, въ чемъ ни одинъ здравомыслящій человѣкъ не сомнѣвается. Его заблужденіе порождено его сенсуализмомъ: онъ полагалъ, что всѣ наши идеи возникаютъ только изъ „впечатлѣній“, и „такъ какъ въ нашемъ опытѣ нѣтъ впечатлѣнія нашего *Я*, то у насъ нѣтъ и идеи нашего *Я*, которая получилась бы выше объясненнымъ путемъ [2]). Самъ Юмъ ссылается на свои самонаблюденія и говоритъ: „Я никакъ не могу поймать свое „*Я*“ отдѣльно отъ перцепціи, и никакъ не могу подмѣтить ничего, кромѣ какой-нибудь перцепціи“ [впечатлѣнія, воспріятія, чувства]. „Если же мои

[1]) *Д. Юмъ,* Трактатъ о человѣч. природѣ, кн. I перев. С. Церетели, Юрьевъ 1906 стран. 232. „Я никакъ не могу поймать свое *Я* отдѣльно отъ перцепціи и никакъ не могу подмѣтить чего-нибудь. кромѣ какой-нибудь перцепціи“.

[2]) *Д. Юмъ,* цитир. соч. гл. VI, стран. 231.

перцепціи на время прекращаются, какъ во время глубокаго сна, поясняетъ Юмъ, то въ теченіе всего этого времени я не сознаю своего „Я“ и по истинѣ могу считаться не существующимъ“... [Маркировка моя]. „Быть можетъ, другой и сознаетъ въ себѣ нѣчто простое и непрерывное, которое и называетъ своимъ „Я“, поясняетъ Юмъ, но я увѣренъ, что во мнѣ такого принципа нѣтъ“. „Оставляя въ сторонѣ подобнаго рода метафизиковъ, я рѣшаюсь утверждать относ. остальныхъ людей, что они не что иное, какъ связка, или совокупность различныхъ перцепцій, слѣдующихъ другъ за другомъ съ непостижимой быстротой и находящихся въ постоянномъ теченіи, въ постоянномъ движеніи“ [1]). Подобныхъ скептиковъ, которые, согласно съ Юмомъ, видѣли бы во всѣхъ „остальныхъ людяхъ“ не личности, а только „связки или совокупности различныхъ перцепцій“, не много найдется въ настоящее время и между философами; между обыкновенными людьми со здравымъ смысломъ таковыхъ вовсе не найдется. Вѣру въ тожество личности Юмъ считаетъ субъективной иллюзіей и „фикціей чего-то неизмѣннаго и непрерывнаго, чего-то таинственнаго и необъяснимаго“...; „объектами, которые сами по себѣ измѣнчивы и прерывисты, но считаются тѣмъ не менѣе тожественными, бываютъ лишь объекты, состоящіе изъ послѣдовательности элементовъ, связанныхъ другъ съ другомъ сходствомъ, смежностью и причинностью“ [2]). „Тожество зависитъ отъ одного изъ трехъ отношеній: сходства, смежности и причинности... наше представленіе личнаго тожества цѣликомъ порождается безпрепятственнымъ и непрерывнымъ теченіемъ мысли вдоль ряда связанныхъ другъ съ другомъ идей“ [3]). „Тожество, приписываемое нами человѣческому духу, фиктивно и однородно съ тѣмъ, которое мы приписываемъ растеніямъ и животнымъ“ [4]). Яснѣе видна мысль Юма на его примѣрахъ. „Дубъ изъ маленькаго растенія выростаетъ въ большое дерево, говоритъ Юмъ, но остается все тѣмъ же дубомъ, хотя ни единая его матеріальная частица, ни одна форма его частей не остаются тожественными. Ребенокъ ста-

[1]) Тамъ же, стран. 232. (Маркировки мои).
[2]) Тамъ же, стран. 235.
[3]) Тамъ же стран. 239.
[4]) Стран. 238.

новится мужчиной, и то полнѣетъ, то худѣетъ, не утрачивая своего тожества". Причину тому Юмъ видитъ въ томъ, что „составныя части животныхъ и растеній не только приноровлены къ одной общей цѣли, но и находятся во взаимной зависимости, во взаимной связи" [1]).

Итакъ, по мнѣнію Юма, тожество личности, какъ и тожество животнаго и растенія представляютъ собою субъективную иллюзію, обусловленную „безпрепятственнымъ и непрерывнымъ теченіемъ мысли". Это объясненіе не выдерживаетъ критики: такое же теченіе мыслей по законамъ ассоціаціи мы имѣемъ и въ тѣхъ привычныхъ рядахъ, въ которыхъ не имѣется реальнаго единства и тожества. Такъ напр., рядъ тоновъ, составляющихъ мелодію, можетъ быть твердо заученъ; а затѣмъ его можно легко воспроизвесть по смежности или въ воображеніи или же голосомъ. Однако воспроизведенные пѣніемъ звуки моментально изчезаютъ и не оставляютъ въ мірѣ физическомъ замѣтнаго слѣда; тутъ не можетъ быть рѣчи о реальномъ единствѣ и тожествѣ звуковъ мелодіи: каждый разъ при пѣніи производятся новые звуки, которые могутъ оставить слѣдъ только въ памяти слушающаго. Тутъ имѣется на лицо тожество мелодіи, но оно существуетъ лишь для поющаго и слушающаго человѣка; это тожество лишь идеально.

Другое дѣло у животныхъ и растеній. Какъ мы видѣли, животное или растеніе постоянно измѣняется въ своемъ матеріальномъ составѣ и отчасти даже въ формѣ: таковое растетъ, размножается и только потомъ гибнетъ, какъ индивидъ. Но эти измѣненія идутъ планомѣрно по опредѣленному типу: слѣдовательно они обусловлены какой-то особой силой, дѣйствующей постоянно, одинаково и планомѣрно. Въ этой-то постоянной реальной силѣ, объединяющей дѣятельность всѣхъ органовъ и направляющей ее къ одной опредѣленной цѣли, и заключается то объединяющее начало, которое обусловливаетъ индивидуальность и тожество особи. Однако это единство и тожество растенія и животнаго не идеально, не фиктивно, а реально. Его тожество состоитъ не въ тожествѣ матеріальныхъ частицъ, а въ тожествѣ духовнаго начала, въ тожествѣ высшей монады, которая не переста-

[1]) Стран. 237.

етъ существовать и управлять жизнію всѣхъ органовъ и всей особи.

То же имѣется и въ человѣкѣ. Его тѣло, нервы и въ особенности мозгъ постоянно измѣняются по химическому составу, а отчасти даже въ строеніи мозговыхъ, кровяныхъ и другихъ клѣтокъ: однако личность человѣка, хотя и въ ней нѣчто измѣняется, въ общемъ, остается тожественной себѣ: объ этомъ тожествѣ каждому говоритъ непосредственно его самосознаніе. Если бы это тожество не имѣло своей особой причины и своего особаго реальнаго носителя: то постоянно измѣняющійся потокъ различныхъ переживаній, не имѣющихъ внутренняго сходства между собою, никогда не могъ бы вызвать даже иллюзіи единства и тожества самого чувствующаго и мыслящаго субъекта. Однако на дѣлѣ мы постоянно встрѣчаемъ противное. Какъ бы разнообразны ни были наши впечатлѣнія и переживанія, какъ бы быстро они ни смѣнялись: однако каждый изъ насъ, забывши на время о своемъ *Я*, все же вскорѣ приходитъ въ себя и сознаетъ, что всѣ пережитыя различныя перемѣны происходятъ въ немъ, что онъ за все время ихъ переживанія не переставалъ существовать. То же убѣжденіе остается въ теченіе всей жизни человѣка. Этотъ фактъ объяснимъ только тѣмъ, что сознаваемое наше *Я* имѣетъ своего постояннаго реальнаго носителя, обусловливающаго единство и тожество личности и соотвѣтственныя представленія о нашемъ *Я*.

§ 13. Реальный носитель Я и представленія о немъ.

Ошибочность взгляда Юма на тожество личности отмѣтили еще его современники, и самъ Юмъ въ новомъ изданіи своего Трактата сознался, въ непониманіи имъ этого вопроса: „Послѣ тщательнаго просмотра главы, касающейся личнаго тожества, заявляетъ Юмъ, я вижу себя запутавшимся въ такомъ лабиринтѣ, что, долженъ признаться, не знаю, ни какъ исправить свои прежнія мнѣнія, ни какъ согласовать ихъ другъ съ другомъ“ [1]) „Я не могу найти теоріи, которая удовлетворяла бы меня въ данномъ отношеніи“ [2]). „Для моего ума эта задача слишкомъ трудна“ [3]).

[1]) Цитир. соч. перев. С. Церетели, стран. 256.

[2]) Тамъ же стр. 358.

[3]) Тамъ же, стр. 359, 2-ая строка св.

Затрудненіе Юма порождено и его ошибочными основными положеніями, „которыхъ онъ не могъ согласить другъ съ другомъ и ни однимъ изъ которыхъ онъ въ то же время не могъ пожертвовать, а именно: 1) наши отдѣльныя перцепціи суть отдѣльныя сущности и 2) нашъ духъ никогда [?] не воспринимаетъ реальной связи между отдѣльными сущностями“ [1]). Послѣднее положеніе, какъ мы видѣли въ нашихъ изслѣдованіяхъ, невѣрно. Всѣ отношенія между отдѣльными впечатлѣніями устанавливаются разсудкомъ познающаго, въ томъ числѣ и „реальныя связи“—тожества, причинности, сосуществованія и другія. Благодаря этимъ „реальнымъ“ связямъ мы можемъ познавать и внѣшній міръ—вещи, субстанціи, силы. Тѣмъ же способомъ мы познаемъ и міръ духовный, сперва свой собственный, а затѣмъ—и другихъ живыхъ существъ. При этомъ мы познаемъ не только явленія сознанія, но и разныя душевныя силы, способности и наконецъ—носителя нашего самосознанія, нашего Я, которымъ объединяется вся наша душевная жизнь.

Этого реальнаго носителя нашего Я нужно отличать отъ разныхъ нашихъ представленій, связанныхъ съ нашимъ самосознаніемъ и съ идеей нашего Я, нашей личности.

Такъ же точно при всякомъ познаніи нужно отличать реальный предметъ познанія (вещь, субстанцію, силу, явленіе) отъ познавательнаго акта (воспріятія, представленія, сужденія, понятія). Въ самомъ познавательномъ актѣ опять нужно отличать понятіе о какомъ-нибудь предметѣ отъ разныхъ мѣняющихся представленій объ этомъ же предметѣ. Понятіе (логическое) должно быть неизмѣннымъ не только у одного человѣка, но и у всѣхъ; однако на дѣлѣ въ сложныхъ по содержанію понятіемъ никогда не мыслится все ихъ содержаніе, а только одинъ или другой выдающійся признакъ. Такъ же точно бываетъ и съ понятіемъ „человѣкъ“. Мы никогда не мыслимъ при этомъ словѣ всѣхъ признаковъ человѣка: они еще не всѣ извѣстны даже ученымъ спеціалистамъ. При словѣ „человѣкъ“ мы чаще всего представляемъ себѣ „тѣло человѣка“, но подразумѣваемъ и его духовныя качества; но это представленіе въ разные мо-

[1]) Тамъ же, стр. 258.

менты жизни бываетъ различно, между прочимъ въ зависимости отъ господствующихъ во время мышленія идей и отъ нашихъ знаній даннаго момента. Однако изъ этого факта вовсе не слѣдуетъ, что и самый познаваемый реальный предметъ или же его понятіе измѣнилось. Даже объ индивидуальномъ предметѣ, напр. о моей матери я не всегда воспроизвожу тѣ же представленія: и во снѣ, и на яву я себѣ представляю ее то съ нѣжнымъ улыбающимся лицомъ, то разсерженной, то въ одномъ, то въ другомъ платьѣ: но понятіе о ней у меня одно и то же. Тоже мы видимъ и въ отношеніи представленій нашего *я*. Таковыя чрезвычайно различны и мѣняются съ возрастомъ и съ обстоятельствами: даже въ одинъ и тотъ же день и часъ они могутъ мѣняться въ зависимости отъ господствующаго въ нашемъ сознаніи круга мыслей. Въ одинъ моментъ подъ своимъ *я* я представляю свое тѣло; въ другой—свое общественное положеніе и соотвѣтственный костюмъ, свой мундиръ. Но изъ этого отнюдь не слѣдуетъ, что подъ словомъ *я* не мыслится нѣчто тожественное, т. е. моя личность. Это мыслимое единое *я* мы будемъ называть идеей *я* (его понятіемъ), въ отличіе отъ разныхъ представленій того же *я*.

§ 14. Самосознаніе, сознаніе и душа.

Фактъ, что представленія нашего *я* мѣняются у насъ постоянно, объясняется весьма просто. Такъ же точно мѣняются наши представленія о любомъ сложномъ по содержанію предметѣ или понятіи. Правда, идея нашего *я* намъ кажется отвлеченной и простой; но она ассоціирована въ нашемъ опытѣ съ огромнымъ множествомъ различныхъ переживаній. Такъ напр., я бываю то веселъ, то сердитъ, то восторженъ, то апатиченъ; я вижу и слышу то одно, то другое; я хочу то одного, то другого, я дѣлаю теперь одно, а черезъ часъ другое дѣло; я одѣтъ утромъ въ халатѣ, а днемъ на службѣ въ мундирѣ, а послѣ службы—въ курткѣ. Когда я думаю о себѣ, то я вспоминаю то одно, то другое представленіе своего *я*: въ силу узости сознанія никогда не могутъ всплыть многія представленія о моемъ *я* сразу; обыкновенно всплываетъ только одно,—соотвѣтственно господствующимъ представленіямъ даннаго момента. Это представленіе и слу-

жить временнымъ замѣстителемъ идеи *я*. Сама же идея единаго и тожественнаго *я* есть познавательный актъ, относящійся къ р е а л ь н о м у дѣятелю, или носителю самосознанія, остающемуся неизмѣннымъ. Этотъ реальный носитель входитъ во взаимодѣйствіе со в с ѣ м и душевными элементами, число которыхъ гораздо больше квинтиліоновъ; онъ обусловливаетъ сознательность всѣхъ переживаній: поэтому его нельзя отожествлять ни съ мозговой клѣткой, ни съ цѣлымъ мозгомъ, который не представляетъ собою скрещиванія даже сотни нервовъ въ одномъ узлѣ. Такъ называемые „ассоціаціонные центры" Флехсига приписываемой имъ роли не могутъ имѣть, какъ я это доказалъ въ своемъ изслѣдованіи о памяти [1]). Таковой единый носитель и управитель всего сознанія не можетъ быть чѣмъ-то протяженнымъ, матеріальнымъ, измѣнчивымъ.

Въ потокѣ нашихъ переживаній иногда замѣчаются перерывы самосознанія—мы иногда забываемъ о себѣ, а иногда совсѣмъ лишены и всякаго сознанія. Изъ этого мы можемъ заключить, что дѣятельность реальнаго носителя и управителя нашего самосознанія на мгновенія прекращается, какъ иногда и наше сердце можетъ на мгновеніе остановиться. Но эти остановки дѣятельности отнюдь не доказываютъ, что сами дѣятели перестали существовать или же утеряли на всегда свою способность дѣйствовать. Если хозяинъ спитъ или бездѣйствуетъ, то это не значитъ, что онъ умеръ, и что его хозяйство прекратилось на всегда. И во время отдыха, и послѣ него его хозяйство идетъ своимъ чередомъ. То же бываетъ и съ носителемъ сознанія. Послѣ глубокаго сна, послѣ обморока, послѣ продолжительнаго летаргическаго сна дѣятельность самосознанія возвращается „сама собой", даже безъ всякихъ воздѣйствій извнѣ. Дѣятельность носителя сознанія есть п е р в и ч н а я, с а м о п р о и з в о л ь н а я, т в о р ч е с к а я дѣятельность, постоянная и неизмѣнная на подобіе дѣятельности сердца и дыханія. Но дѣятельность сердца и легкихъ зависитъ еще отъ многихъ физіологическихъ условій, тогда какъ дѣятельность носителя самосознанія зависитъ лишь отъ него одного. Поэтому временная ея остановка отнюдь не доказываетъ того, что она не возобно-

[1]) См. *И. С. Проданъ,* о памяти 2-ое изд. I ч. гл. VII.

вится никогда. Дѣятельность самосознанія не зависитъ отъ памяти, разсудка и воли; наоборотъ, всѣ эти процессы и способности зависятъ отъ дѣятельности носителя сознанія и самосознанія [1]).

Относ. самосознанія, сознанія и душевной дѣятельности существуетъ сбивчивость и неясность даже у философовъ. И тѣ психологи, которые не ограничиваются изученіемъ однихъ явленій сознанія, не отличаютъ души отъ сознанія и отъ носителя такового: душа считается носительницей не только всѣхъ душевныхъ явленій, но и разныхъ способностей, силъ, дѣятельностей,—въ томъ числѣ и сознанія, самосознанія. Между тѣмъ такое понятіе о душѣ находится въ противорѣчіи со множествомъ общеизвѣстныхъ фактовъ душевной жизни. Такъ напр., мы неоднократно убѣждались въ существованіи безсознательныхъ душевныхъ процессовъ и въ области познанія, и въ области воли. Безсознательные душевные процессы, несомнѣнно, порожденіе души, т. е. душевныхъ субстратовъ, силъ, способностей; но въ нихъ отсутствуетъ сознательность. Таковая иногда можетъ къ нимъ присоединиться, и тотъ же процессъ изъ безсознательнаго превращается въ сознательный. Очевидно, что послѣдній отличается отъ перваго наличностью новаго элемента, которымъ обусловливается сознательность: слѣдовательно для него нужно предполагать особаго носителя. Такъ какъ сознательность состоитъ не только въ количественномъ усиленіи психическаго процесса, бывшаго безсознательнымъ, что ошибочно предполагается нѣкоторыми психологами, но и въ особомъ качествѣ, имѣющемся во всѣхъ сознательныхъ процессахъ: то по моему, этимъ же носителемъ сознательности обусловливается всякое сознаніе, въ томъ числѣ и наше самосознаніе, наша идея *я*, или же „эмпирическое *я*". Различіе между сознательностью и самосознаніемъ только количественное.

Итакъ актъ самосознанія есть въ то же время и актъ сознанія; а таковой есть, конечно, и душевный актъ: но не всякій душевный актъ сознается нами, и не всякій актъ сознательный обнаруживаетъ замѣтно наше *я*, наше самосознаніе.

[1]) Локкъ ошибочно полагалъ, будто тожество личности зависитъ отъ памяти и самосознанія. (См. *Локкъ*, опытъ II кн. XXVII гл. §§ 6—29).

§ 15. Познаніе себя и другихъ людей.

Въ предыдущемъ мы видѣли, что философы-скептики заблуждаются относ. основного факта сознанія, т. е. тожества личности и своего *Я;* между тѣмъ этотъ фактъ извѣстенъ каждому изъ его непосредственнаго самовоспріятія. Среди разнообразнаго и измѣнчиваго потока впечатлѣній и переживаній, каждый сознаетъ себя, т. е. свою личность, свое *Я*, какъ нѣчто особое не только отъ внѣшняго міра и отъ своего тѣла, но и отъ своихъ переживаній. Въ томъ же каждый увѣренъ и относ. другихъ людей. И во многихъ другихъ фактахъ психической жизни человѣка каждый изъ насъ увѣренъ; въ иныхъ мы больше увѣрены, чѣмъ въ истинности пиѳагоровой теоремы [1]).

Спрашивается, какимъ образомъ мы можемъ дойти до такихъ несомнѣнныхъ истинъ психологическихъ, распространяемыхъ на всѣхъ людей? Таковыми ежедневно и ежечасно руководится каждый человѣкъ, не исключая и самаго крайняго скептика!

Несомнѣнно, мы не могли бы понимать душевной жизни другихъ людей, не зная своей собственной. Отъ самонаблюденія и самопознанія беретъ начало всякая психологія, если она должна быть истинной и научной. Начинать психологію съ изученія нервовъ и мозга—это равно изученію теоріи музыки, которое исходило бы отъ изученія механизма фортепіана [2]). Но самонаблюденіями не можетъ ограничиться ни научная психологія, ни обиходная практическая мудрость и знаніе людей. Каждый изъ насъ увѣренъ, что есть и другіе люди, которые при одинаковыхъ условіяхъ могутъ переживать то же, что и онъ, т. е. могутъ такъ же чувствовать, ощущать, мыслить, хотѣть и дѣйствовать, какъ и онъ самъ.

Но откуда мы можемъ знать это? Чужихъ чувствъ и переживаній никто не видитъ, не слышитъ, не ощупываетъ. Чужія дѣйствія сводятся къ движеніямъ тѣла или его частей; но такія же движенія можетъ производить и автоматъ.

[1]) См. I гл. §§ 8 и 9 наст. изслѣд.

[2]) Какъ строитель и механикъ, изготовляющій фортепіаны, можетъ быть совершенно не свѣдущимъ въ теоріи музыкѣ,—такъ даже отличный анатомъ и физіологъ нервовъ и мозга можетъ быть полнымъ профаномъ въ психологіи.

Впрочемъ, между идеалистами есть и такіе философы, которые предварительныя сомнѣнія Декарта принимаютъ за истину и считаютъ другихъ людей только „содержаніемъ своего сознанія“, только своими идеями: слѣдовательно они признаютъ только свое *Я* за несомнѣнно существующее реальное существо. Это воззрѣніе даже удостоилось особаго философскаго термина—солипсизма; въ 18 вѣкѣ его называли „эгоизмомъ“. Шубертъ Золдернъ считаетъ его теоретически неопровержимымъ [1]). Шопенгауэръ вѣрно замѣчаетъ, что подобное убѣжденіе имѣетъ мѣсто лишь въ домѣ умалишенныхъ [2]); однако это воззрѣніе повторялось и послѣ Шопенгауэра. Этотъ фактъ свидѣтельствуетъ о томъ, что иные философы, не признающіе здраваго смысла, признаютъ лишь себя и свои мудрствованія. Съ такими философами, очевидно, не можетъ быть и споровъ, такъ какъ для нихъ ничего не существуетъ, кромѣ ихъ собственнаго *Я*; для такихъ философовъ не можетъ существовать ни психологіи, ни вообще науки. Спрашивается, для кого же и для чего они писали свои мудрствованія?

Наша увѣренность въ существованіи другихъ людей, подобныхъ намъ, основана на общей вѣрѣ въ единообразіе всего сущаго—всей природы и всѣхъ людей. Эта вѣра постоянно подтверждается опытомъ каждаго и всѣхъ. О чувствахъ (волненіяхъ) другихъ людей мы инстинктивно и невольно заключаемъ по такъ называемымъ проявленіямъ чувствъ, т. е. по мимикѣ, жестамъ, по звуковымъ рефлексамъ, по разнымъ физіологическимъ измѣненіямъ въ тѣлѣ. Впослѣдствіи къ этому присоединяется еще и человѣческая рѣчь. Все это—физическіе процессы; но мы заключаемъ, что они вызваны соотвѣтственными душевными переживаніями. Инстиктивное пониманіе чувствъ другихъ людей обусловлено врожденной подражательностью и заразительностью чувствъ [3]). Все это дѣлается вначалѣ невольно, безъ плана и особыхъ соображеній.

[1]) *Schubert Soldern,* Grundlagen zu einer Erkentnistheorie, 1884, S. 83—85.

[2]) *Schopenhauer,* Welt als Wille u Vorst., I. Bd. § 19.

[3]) *И. С. Продань.* 1) Практ. рук. психол. гл. XXIX и XXX и особ. стран. 182—185. 2) VI гл. §§ 7 и 8 наст. изслѣд.

Впослѣдствіи, когда мы уже достаточно познали себя, мы свои психологическія самонаблюденія переносимъ и на другихъ; о душевной жизни другихъ мы заключаемъ по аналогіи со своей. Впослѣдствіи мы убѣждаемся, что у другихъ людей имѣются и нѣкоторыя индивидуальныя особенности, которыми они отличаются и отъ насъ, и отъ другихъ. При сравненіи многихъ наблюдаемыхъ существъ общія явленія обобщаются и возводятся въ законы, а индивидуальныя различія опускаются. Такимъ образомъ мы доходимъ до самыхъ общихъ явленій и законовъ душевной жизни человѣка.

Но изученіемъ ея одной не ограничиваются ни психологи, ни обыкновенные люди. По аналогіи съ человѣкомъ истолковываютъ и жизнь животныхъ,—сперва домашнихъ, а затѣмъ и другихъ. При этомъ, разумѣется, ошибки бываютъ еще чаще, чѣмъ при изученіи души человѣка; но ошибки не исключаютъ возможности правильно понимать и толковать и жизнь животныхъ.

§ 16. Разумъ ограниченный и абсолютный.

Изъ предыдущаго мы убѣдились, что научная психологія возможна не только относ. человѣка, но и животныхъ; притомъ она не можетъ ограничиться изученіемъ однихъ явленій, но должна изучать и ихъ сверхчувственныхъ носителей—способности и силы душевныя. Еще раньше мы убѣдились, что и біологическія науки не могутъ ограничиться изученіемъ физическихъ и химическихъ процессовъ у растеній и животныхъ: для объясненія и пониманія біологическихъ процессовъ и жизни вообще нужно предполагать и изучать особыя силы, которыя обусловливаютъ жизнь—питаніе, ростъ, размноженіе, самосохраненіе и развитіе организмовъ. И эти біологическія силы, и еще болѣе силы душевныя отличаются кореннымъ образомъ отъ силъ физическихъ, дѣйствующихъ въ мертвой матеріи. Эти жизненныя силы оказываются силами высшаго порядка; имъ подчиняются силы физическія, служа рабочими орудіями и строительнымъ матеріаломъ для организмовъ и для органической жизни. Эти жизненныя силы дѣйствуютъ постоянно, но не по законамъ механики, и не подчиняясь ни закону причинности, ни закону сохраненія энергіи: жизненная энергія

не можетъ быть получена изъ мертвой матеріи; это и подавно невозможно относ. силъ психическихъ. Для поддержанія жизни, правда, необходима и матерія и силы матеріальныя —напр., теплота; но эти силы служатъ лишь орудіями и средствомъ для осуществленія высшихъ жизненныхъ задачъ. Точно такъ же кирпичи, известь и рабочія руки не могутъ создать ни архитектора, ни плана дома, ни самого дома. Архитекторъ животнаго — это его главная душевная сила, его „автомонада“, которая планомѣрно направляетъ всѣ силы къ осуществленію одной конечной цѣли. Эта же автомонада обусливаетъ въ человѣкѣ его разумъ, который изъ состоянія безсознательнаго постепенно дѣлается познаваемымъ и сознательнымъ. Слѣдовательно разумъ человѣка и животныхъ беретъ свое начало не отъ нихъ, а отъ предвѣчнаго Разума, который не подлежитъ разрушенію на подобіе матеріи. Этотъ безначальный Разумъ мы можемъ представлять себѣ только по аналогіи съ нашимъ мышленіемъ; но при этомъ мы должны отвлекаться отъ всѣхъ ограниченій пространства, времени, причинности, которыя присущи нашему человѣческому мышленію. Равнымъ образомъ мы должны отвлекаться и отъ всѣхъ ограниченій нашей воли и мощи, налагаемыхъ на насъ нашей бренной оболочкой и вещественнымъ міромъ.

Нашъ человѣческій разумъ, какъ мы видимъ, весьма ограниченъ, если и до сихъ поръ еще находятся философы, которые его хотѣли объявить за плодъ мертвой матеріи или же „жизнеспособныхъ“ атомовъ [1]). Какъ ни ограниченъ нашъ разумъ, все же онъ проникаетъ, хоть медленно, въ тайны бытія и творенія. Нашъ разумъ, правда, не въ силахъ создать ни мельчайшей клѣточки гриба или папоротника, ни даже жизнеспособной протоплазмы. Зато онъ иногда бываетъ въ состояніи понять свое безсиліе и творческую мощь предвѣчнаго Разума, создавшаго безчисленные міры съ ихъ не-

[1]) Признавая эволюцію организмовъ, т. е. ихъ поступательное совершенствованіе, наши псевдо-дарвинисты, въ родѣ Геккеля, все же приписываютъ это совершенствованіе безконечному ряду случаевъ; эти случаи будто создали то удивительно разумное устройство организмовъ, которое еще не скоро будетъ постигнуто проницательными біологами, но которое было уже у первичныхъ животныхъ древнѣйшаго геологическаго періода, за много милліоновъ лѣтъ до насъ.

объятнымъ числомъ обитателей; разумные обитатели земли при всей ихъ слабости все же стремятся къ чему-то высшему, неземному, къ какой-то отдаленной цѣли, безсознательно влекущей насъ къ себѣ.

Какъ ни велико зло, порождаемое вмѣстѣ съ жизнью, все же оно не служитъ опроверженіемъ господства разума и добра. Уклоненій отъ пути истины и правды возможно безконечное число, а истинный путь одинъ; но несмотря на это, уклоненія отъ него бываютъ сравнительно рѣдко. То, что мы возмущаемся этими уклоненіями отъ истины и добра, служитъ лучшимъ доказательствомъ, что они рѣдки по сравненію съ истиной и правдой. Такъ же точно насъ поражаютъ и физическія уродства человѣка, потому что они составляютъ рѣдкое исключеніе.

§ 17. Научная метафизика возможна и необходима.

Изъ разсмотрѣнія жизни мы убѣдились, что она не представляетъ собою ни вынужденной механической смѣны явленій, ни случайной игры калейдоскопа. Ея законы въ общемъ ведутъ къ опредѣленнымъ цѣлямъ; если же эти цѣли иногда не достигаются, то это зависитъ отъ совокупности неблагопріятныхъ матеріальныхъ условій. Вотъ, почему встрѣчаются въ жизни и уродства и зло. Это служитъ лучшимъ доказательствомъ того, что жизнь не есть механическій безцѣльный процессъ. Правда, ея цѣлей нельзя ни видѣть, ни нащупать: поэтому ихъ не постигаютъ иные философствующіе біологи и физики. Какъ мы видѣли, эти цѣли существовали въ мірѣ живыхъ организмовъ за милліоны лѣтъ до насъ; онѣ будутъ существовать и послѣ насъ: безъ цѣлей не было бы и жизни.

Если же жизнь и міровой процессъ, обусловливающій жизнь, имѣютъ опредѣленную цѣль, къ которой непрерывно стремятся на землѣ всѣ живыя существа уже въ теченіе многихъ милліоновъ лѣтъ: то очевидно, эта цѣлесообразность не можетъ быть порожденіемъ безпрерывныхъ случаевъ. Она не можетъ быть порожденіемъ и того, что въ себѣ не заключаетъ никакихъ цѣлей, никакого разума, что само измѣнчиво и имѣетъ свое начало и свой конецъ. Таковой оказалась матерія физиковъ и химиковъ, которая сама еще ни

разу не произвела ни одной клѣтки грибка или лишая. Слѣдовательно матерія не можетъ быть началомъ цѣлесообразности, разума и жизни. Началомъ всего этого можетъ быть нѣчто иное, устойчивое, разумное. Это нематеріальное начало не только проницаетъ и формируетъ матерію, рожденную и уничтожаемую; но оно, очевидно, опредѣлило задачу и роль матеріи въ міровомъ процессѣ: слѣдовательно оно было до всякой матеріи, оно существовало „прежде всѣхъ вѣкъ". Только это вѣчное, разумное можетъ быть первоосновой и первопричиной всего сущаго—и матеріи, и движенія, и законовъ природы, и жизни, и ограниченнаго человѣческаго разума, и человѣческаго счастья. Все это не можетъ быть порожденіемъ ни атомовъ, образующихъ матерію, ни электроновъ и іоновъ, образующихъ матеріальные атомы. Если этимъ понятіямъ физиковъ и соотвѣтствуетъ нѣчто реальное въ природѣ, то все же это нѣчто, какъ мы видѣли, имѣетъ и свое начало, и свой конецъ. Это уразумѣли наконецъ самые выдающіеся физики нашего времени. Порядокъ въ природѣ, и ея законы, и сама матерія не могли существовать или возникнуть сами собой, безъ участія предвѣчнаго Разума и его мощи, превосходящей все во вселенной.

Такова метафизика здраваго смысла. Если подъ метафизикой разумѣть науку о сверхчувственныхъ началахъ всего бытія и познанія, то безъ нея не обходятся ни физика, ни біологическія науки, а еще менѣе науки о человѣкѣ. Безъ метафизики не можетъ обойтись и обычный человѣкъ, никогда не слыхавшій даже ея названія. Метафизика не только возможна, но и необходима. Если она еще далека отъ научнаго совершенства и еще не дошла до общаго согласія относ. своихъ принциповъ; то это не лишаетъ ее права на научный патентъ. Всѣ возраженія противъ нея со стороны скептиковъ, Канта, позитивистовъ, какъ мы видѣли, основаны на недоразумѣніи; такъ же точно и ихъ теоріи познанія, какъ мы видѣли, оказались заблужденіемъ.

1) Всякое познаніе относится къ чему-то реальному, что существуетъ и помимо познавательнаго процесса или даже помимо познающаго субъекта.

2) Наше познаніе и знаніе складывается не только изъ чувственныхъ элементовъ, но и изъ элементовъ самовоспріятія (рефлексіи), разсудка и памяти.

3) Мы познаемъ не только свою душу, но и души другихъ людей и даже животныхъ.

4) Такъ какъ мы по дѣйствіямъ можемъ узнать и причины, ихъ производящія; то мы можемъ въ обратномъ хронологическомъ порядкѣ, вѣря въ единообразіе, возвращаться и къ самымъ отдаленнымъ причинамъ и даже къ первопричинѣ вселенной.

5) Такъ какъ причиной дѣйствій у живыхъ существъ бываетъ ихъ воля и разумъ, то мы можемъ познать волю и намѣренія другихъ живыхъ существъ.

6) Такъ какъ мы убѣждаемся въ цѣлесообразности и разумѣ живыхъ существъ и вообще въ удивительномъ порядкѣ во всей вселенной: то мы правильно заключаемъ, что все сущее имѣетъ одно вѣчное и разумное начало. Объ этомъ началѣ мы судимъ по аналогіи со своимъ ограниченнымъ разумомъ и со своей ограниченной мощью: поэтому мы можемъ его познать лишь неполно и несовершенно; но и въ этомъ направленіи возможно улучшеніе и совершенствованіе нашего познанія.

7) Такимъ образомъ всестороннее разсмотрѣніе фактовъ относительно жизни и природы приводитъ насъ къ убѣжденію въ существованіи вѣчнаго и всемогущаго Разума. Это смутно чувствуется уже дикарями, но съ опредѣленной ясностью высказывалось всѣми геніальными философами.

(КОНЕЦЪ I-ОЙ ЧАСТИ).

Алфавитный указатель авторовъ [1].

Abercromby (Эберкромби Дж.) 59.
Abraham 435.
Aenesidemus (Энесидемъ) 98.
Ampère (Ампэръ) 435.
Anaxagoras (Анаксагоръ) * 416.
Anaximander (Анаксимандръ) * 390, 426.
Aphrodisias Alexander 129.
Aquinas Thomas (Аквинатъ Өома) 98.
Aristarchus (Аристархъ Самоөракійскій) 138, * 138.
Aristippus (Аристиппъ) * 322.
Aristoteles: 7, 19, 19, 40, 72, 76, 98, 98, 113, 113, 114, 125 (sex), 126 (sex), 127 (quat.) 128 (quin.), 129, 129, 130, (quat.), 131 (sex), 132 (ter), 133 (quin.), 134, 135, 136, 137, 167, 172, 173, 210, 211, 238, 289 (quin.), 290, 325, 347, 413, 426, 431;
* 4, 12, 19, 22, 34, 54, 57, 58, 58, 72, 78, 78, 80, 113, 114, 118, (*124—137*), 138, 139, 148, 154, 181, 181, 186, 186, 211, 230, 230, 290, 325, 330, 390, 426, 426.
Augustinus Sanctus Aur. (Блаженный Августинъ) 98.
Avenarius (Авенаріусъ) 122, 122, 225, 229, 344; * 225 (ter), 229, 230, 322, 389.
Avogadro * 434.

[1]) Имена размѣщены по латинскому алфавиту; имена съ начальными буквами *ч, ш, щ, ө* помѣщены въ концѣ особо. Число означаетъ страницу наст. изслѣд. Числа послѣ звѣздочки * означаютъ авторовъ, упоминаемыхъ въ текстѣ; остальныя числа означаютъ авторовъ, цитированныхъ въ подстрочныхъ примѣчаніяхъ. Числа, напечатанныя курсивомъ въ скобкахъ, означаютъ, что автору посвященъ цѣлый отдѣлъ. Латинскія имена числит. въ скобкахъ означаютъ, сколько разъ цитированъ авторъ на страницѣ.

Bacon Fr. Verulam. (Бэконъ Веруламскій) 6,435; * 125, 243.
Bain A. (Бэнъ) 40, 98, 152, 194, 344, 364; * 115, 364.
Бехтеревъ В. М. 395, * 394.
Beneke Fr. Ed. * 78, 271.
Bergmann I. (Бергманъ) 98, 344.
Bergson (Бергсонъ) 59, 349, 349.
Berkeley (Беркли) 343, 344, 345, 346; * 258, 277, 288, 332, 343, *(343—347)*, 348, 428.
Богородицкій В. А. 145, 151, 168, 175, 177; * 145, 145, 167, 168, 170.
Bonnet Ch. (Боннэ) 59.
Bradley (Брэдлей) * 92.
Brentano (Брентано) 126.
Bruno Giord. 435.
Büchner (Бюхнеръ) * 387.
Bunge G. von-(Бунге) 418, 421, 422, 425; * 269, 417, 422.
Буслаевъ Ѳ. 144, 144, 151, 173, 175, 178; * 139, 144 (ter), 168, 174, 181.
Busse 442; * 441, 442.
Bütschli (Бючли) * 412.
Cabanis (Кабанисъ) * 389.
Carriere M. 442; * 442.
Cassirer 92; * 92.
Cawendish (Кевендишъ) * 433.
Cherbery Ed. H. (Черберп) 59.
Cicero Marc. Tul. 87, 98, 98.
Cienkovski (Ценковскій) 395.
Claparède (Клапарэдъ) 59.
Cohen Herm. (Когенъ) * 260, 261, 287.
Comte Aug. (Контъ) 379, 383, 384; * 278, 291, 292, 378, 379, 379, *(383—385)*, 387, 387.
Condillac Et. B. (Кондильякъ) 59, 194; * 229, 262, 322, 379.
Cornelius (Корнеліусъ) 98, 122; * 225.
Cousin (Кузэнъ) * 387.
Czolbe (Чолбе) * 322.
Darwin Charles (Дарвинъ Чарльсъ): 330, 388, 391 (ter), 392, 392, 393, 394, 398, 398, 405, 405, 409, 409, 411;
* 262, 265, *(388—411)*, 424.
Darwin Erasmus (Дарвинъ Эразмъ) 193; * 389.
Джевонсъ (см. Jevons) 59.

Декартъ (см. Descartes).
De-la-Mettrie (Дэ ля-Метри) см. Mettrie.
Delboeuf (Дельбёфъ) 96.
Democritus (Демокритъ) 289, 380; * 230, 277, 386 (ter), 387, [390, 416.
Descartes (Декартъ): 6, 40, 84, 91, 93, 332, 333, 341, 413;
* 91, 261, 261, 265, 290, *(331—333)*, 412, 416, 423, 456.
Destut de-Tracy (см. Tracy = Траси) 59.
Diderot (Дидро) * 387.
Diogenes Laërtios (Діогенъ изъ Лаэрты) 137.
Driesch (Дришъ) 425; * 269.
Duhem (Дюгемъ) 439.
Dühring Eug. (Дюрингъ) 59.
Eberhard I. A. (Эбергардъ) * 286.
Eimer G. H. T. (Эймеръ) 395.
Eisler (Эйслеръ): 59, 78.
Engelmann Th. W. (Энгельманъ) 395.
Entz (Энтцъ) 395.
Epicurus (Эпикуръ) 98.
Erdmann Benno: 92; * 92.
Erhardt F.: 425; * 269.
Eucken R. (Эйкенъ) 344, * 442.
Faraday (Фарадэ) 435.
Фаусекъ В. А. 418; * 269, 418 (ter).
Fechner 435.
Feuerbach L. (Фейербахъ) * 387.
Fichte I. G.: 92, 287, 343, 343; * 92, 287, 343, 343, 429.
Fink 155.
Flechsig * 456.
Flügel O. (Флюгель) 395; * 388.
Fouille (Фуилье) 442.
Фортунатовъ Ф. Ф.: 140, 142, 151, 155; * 140, 167.
Francé R. H. (Франсé): 402, 425; * 269.
Fritzsche 442; * 442.
Gabelentz (Габелентцъ) * 167.
Galilei 435.
Gassendi (Гассенди) * 98.
Гиляровъ Ѳ. 148.
Gomperz H. (Гомперцъ) 122, 273, 329.
Горгій * 15.
Göthe * 387.

Grot von (фонъ-Гротъ) 442.
Гротъ Н.: 221; * 221, 225.
Гротъ Я. 151.
Haeckel (Геккель) 395, 461; * 263, 388 (ter), 389, 393, 393, 396, 412, 415, 424.
Hamilton Sir. W. (Гамильтонъ): 59, 98.
Hartmann Ed. v. (Гартманъ): 40, 417, 429, 429, 430 435; * 269, 417, 429, 435.
Hertley (Гертли) * 115.
Harve (Гарве) * 286.
Hauptmann (Гауптманъ) * 225.
Hegel G. W. F. (Гегель) 21, 429; * 21. 124, 287, 429.
Helmholz (Гельмгольцъ) * 440.
Heraclitus (Гераклитъ) 289.
Herbart (Гербартъ): 46, 194, 430, 435; * 287, 430, 435.
Hermippus (Гермиппъ) 137.
Heyse K. W. L. (Гейзе): 139, 155; * 139, 140. 167.
Hobbes (Гоббсъ) * 386.
Höffding (Гефдингъ): 95, 96; * 95.
Holbach v. (Гольбахъ) 386, 435; * 386 (ter), 387.
Hume D. (Юмъ): 7, 259 (450 455); * 7, 23, 23, 115, 258, 259, 262 (ter), 288, 291, 306, 315, 322, 364, 377, 428, (450-455).
Husserl (Гуссерль): 98, 99, 99, 102 (ter), 113, 344; * 99, 99, 102, 113.
Huxley (Гексли): * 278, 390.
Jacob (Якобъ) * 92.
Jacobi (Якоби) * 286.
James W. (Джемсъ) 95; * 94, 95, 95, 96.
Jerusalem (Ерузалемъ) 46, 98.
Jevons St. (Джевонсъ) 59.
Iodl (Іодль) 442.
Jouffroy (Жуфруа) * 387.
Iovanovich 46; * 52, 52.
Ивановскій Вл. Н. 115.
Kавендишъ (Кевндишъ, см. Cawendish H.) * 433.
Kant Im. (Кантъ): 73, 73, 92, 92, 100, 113, 125, 220, 220, 230, 230, 231 (quater), 232, 232, 236, 236, 237, 238, 240 (quinq.), 242, 243, 243, 244 (ter), 245 (ter), 247, 248, 251, 251, 252, 253, 254 (ter), 255 (quinq.), 256, 256, 257, 257, 258, 261, 262, 277, 281, 281, 282, 282, 286;

* 10, 10, 29, 72, 73, 73, 74, 98, 99, 113, 125, 220 (quinq), 221 (ter), *(230—248)*, 249, 250, *(251—262)*, 264, 275, 275, 276, 277, 277, 278, 280, 282 (quinq.), 283 (sex.), 288 (ter), 290, 306, 310 (ter), 316, 316, 377, 378 (quinq.), 379 (ter), 412, 428, 463.
Kaufmann M.: 59, 344.
Kepler (Кеплеръ) * 88, 384.
Kiesewetter I. G. K. Chr. 59.
Кирпичниковъ 148; * 148, 149, 154, 168.
Клапарэдъ (См. Claparède) 59.
Когенъ (См. Cohen).
Козловъ А. А.: 221, 417; * 221.
Кондильякъ (См. Condillac) 159, 194.
Коперникъ * 88, 258.
Корнеліусъ (См. Cornelius) 98, 122.
Krause F. 59.
Krug (Кругъ) * 92.
Külpe O. (Кюльпе) 269, 425; * 225, 269, 388, 442.
Kussmaul (Кусмауль) 183.
Laas E.: 344; * 287.
Lamarck I. B. de-(Ламаркъ) 389; * 262, 263, 265, 389, 390.
Lange A. * 388.
Larmor I. 435.
Laromigiere P. (Ларомигьеръ) 59.
Le-Bon (Лебонъ) *(435—438)*, * 435, 436, 436, 438, 438.
Leclair A. 344.
Leibniz (Лейбницъ) 75, 98, 105, 119, 261, 379, 435.
* 74, 75, 75, 119, 258, 259, 260, 261 (ter), 288, 290, 378, 422, 435.
Lewes (Люисъ) * 263.
Liebig (Либигъ) * 388.
Liebmann O. (Либманъ) 40, 284; * 281, 287.
Lipps Th. 106, 91, 106.
Locke. (Локкъ) 6, 34, 98, 265, 350, 350, 352 (ter), 353, 427, 428 (quat.) 435, 457; * 6 (ter), 78, 193, 193, 258, 264, 275, 277, 277, 288, 320, 326, 349, *(350—353)*, 377, 412, 427 (ter), 428.
Lodge (Лоджъ) 435, 438, 439, * 438.
Лопатинъ Л. 306; * 306, 306.
Lorenz 435.

Лосскій Н. 221, 344, 348, 349, 370, 371 (ter), 372, 372;
* 22, 221, 348, 348, *(370—372)*.
Lotze R. (Лотце) 59, 92, 287, 325, 430, 435; * 92, 287, 325, 325, 422, 430, 435.
Lukas F. 395.
Mach (Махъ) 122, 344; * 225, 287, 322, 389.
Maimon * 286.
Malebranche (Мальбраншъ) 6, 59, 93, 335, 341, 343;
* 334, 334, 335, 335, 343.
Maltus * 277, 278.
Maxwell 435,
Mayer I. R. * 440.
Менделеевъ * 90.
Mettrie, De-la-(Дэ-ля-Метри) 192, 423; * 192, 386, 423.
Meyer I. B. * 388.
Mie 439, 440.
Miklosich (Миклосичъ) 46; * 52, 52.
Mill James (Милль Джемсъ) * 115.
Mill J. St. (Милль Джонъ Ст.) 40, 93, 152, 290, *(291—305)*, 344; * 115, 290, *(291—310)*, 383, 383.
Moebius K. (Мёбіусъ) 395.
Moleschott * 387.
More H. 435; * 435.
Morgan C. I. 119; * 199.
Müller Max. 72, 151, 155; * 25.
Münsterberg 344, 442.
Natorp 344.
Nelson 21; * 21, 22.
Neumeister (Неймейстеръ) 425; * 269.
Newton Sir Is. (Ньютонъ) 435; * 88, 90, 256, 261, 384, 385, 412.
Nietzsche (Ницше) 94 (ter), 344; * 94, 287.
Ostwald 435, 441 (quat.) * 263, 287, 441, 442, 443.
Овсянико-Куликовскій 140, 146, 147, 147, 155;
* 146, 146, 148, 154, 167, 168.
Palagyi 113; 113.
Pascal Bl. 413; * 412.
Pasteur (Пастёръ) * 269.
Paul Herm. 67 (ter), 139, 151, 155, 160;
* 67, 67, 139, 140, 167.

Paulhan (Поланъ) 59.
Paulsen * 260, 388
Pauly A. 425; * 269.
Peirce * 94.
Perty M. 395.
Petzold * 225.
Platner 59.
Plato (Платонъ) 209, 209, 289 (ter); * 113, 114, 208, 208, 211, 275.
Poincaré (Пуанкаре) 435, 438, * 438.
Поланъ (См. Paulhan) 59.
Port-Royal Logique (Поръ-Рояль Логика) 40.
Поржезинскій 140, 146; * 146.
Потебня 72, 82, 151, 155, 167, 174; * 139, 140, 167, 177.
Преображенскій А. 153, 160, 181; * 154.
Preyer (Прейеръ) 68, 85, 89, 89, 193, 194, 203, 218 (ter), 222, 222, 249, 364; * 198, 218, 218, 221, 222, 222, 364.
Priestley (Пристли) 435.
Prodicus (Продикъ) * 15.
Проданъ 10, 24, 32, 41, 53, 56, 70, 83, 92, 100, 106, 107, 109, 112, 115, 122, 131, 189, 195, 196, 202, 212, 229, 270, 272, 290, 291, 296, 299, 302, 308, 312, 314, 316, 361, 369, 377, 383, 422, 444, 445, 445, 456, 459.
Protagoras (Протагоръ) * 15.
Ptolemaeus (Птолемей) * 88, 88.
Rabier (Рабье) 59, 93.
Raehlmann (Рельманъ) 234.
Reid Th. (Ридъ) 7, 8, 9, 76, 98, 253, 259, 351.
* 7 (ter), 8 (ter), 9, 10, 12, 26 (ter), 27, 27, 93, 252, 258, 259 (ter), 260 (ter), 261, 262, 288, 344, 378, 387.
Rehmke I. (Ремке) 344; * 287.
Reinke 269, 418, 419, 421, 421, 422, 422, 425; * 269, 418, 418, 419 (ter), 421, 422 (ter).
Renouvier Ch. (Ренувье) 59; * 287.
Rickert 40, 93, 344.
Rindfleisch 425.
Robinet J. B. 59, 390; * 390.
Romanes 395.
Rousseau * 387.
Saint-Hilaire J. 390.

Schelling F. W. I. 98, 287, 287; * 287.
Schiller F. C. S. 94; * 94.
Schleiermacher 98.
Schmidt O. 395.
Schneider 395, 425; * 269.
Schopenhauer 59, 98, 459; * 287, 459.
Schubert-Soldern 59, 92, 344, 459; * 92, 287, 459.
Schultze Fr. 395; * 286, 388.
Schuppe 46, 106, 126, 344, 348 (ter); * 106, 287, 348.
Sextus-Empiricus 16, 18, 91, 93, 98, 125, 185, 332, 345.
Sigwart: 42 *(43—52)*, *(73—79)*, 92, 116 (ter), 121.
* *(46—52)*, *(73—79)*, 92, 116, 116, 118, 119 (quinq), 121, 121.
Сикорскій И. А. 115.
Скептики-пирроновцы * 14, *(15—17)*.
Складковская-Кюри 438; * 438.
Сократъ * 99, 114.
Соловьевъ Вл. * 200.
Софисты * *(14)*.
Spencer Herb. 152, 265, 307, 354 (ter), 355, 356 (sex.) 357, 358 (ter), 361, 363, 363, 364, 368, 368, 369, 369;
* 115, 263, 265, 267, 267, 278, 281, *(353—369)* 370, 390, 445.
Spinoza 98, 343, 413; 296, 343, 412.
Stein * 263.
Steinthal 67, 135, 139 (ter), 151, 155; * 67 (ter), 139, 140.
Strauss D. F. * 387.
Strümpel L. (Штрюмпель) 126.
Струве Г. 83.
Stumpf (Штумпфъ) * 442.
Sully 40, 98.
Taine H. (Тэнъ) 344; * 286.
Tarde G. (Тардъ) 200.
Tetens (Тетенсъ) 59.
Theophrastus (Θеофрастъ) 93, 137.
Thomson I. I. 435, 439 * 439.
Tiedemann * 286.
Tindal 435.
Томсонъ А. И. 140, 144; * 144, 145, 167, 168.
Tracy, Destutt-de-(Трасп) 59.
Trendelenburg 98, 129, 134.
Троицкій М. 10, 93, 152; * 10.

Ueberweg (Ибервегъ) 286, 287.
Ulrici (Ульрици) 435; * 388, 435.
Uphues (Уфуэсъ) 102; * 101.
Vaihinger (Файхингеръ) 244, 259, 259, 260, 260; * 259, 260.
Verworn M. (Ферворнъ) 395.
Virchow * 388.
Vives Lud. (Вивесъ) 40.
Vogt Karl * 387.
Volkelt * 281, 287.
Voltaire (Вольтеръ) 386.
Vries, de-(Фризъ) * 269, 401, 408.
Wagner Ad. 425; * 269.
Wagner Rud. * 388.
Wahle (Вале) * 281.
Wallace A. R. (Уэллесъ) 407; * 390.
Watt J. (Уаттъ) * 433.
Weisman A. (Вайсманъ) 419, 420, 420; * 415, 419 (ter), 420 (ter).
Willy R. 122.
Windelband 59, 92, 344; * 92.
Wolf Chr. (Вольфъ) * 258.
Wolff G. (Вольфъ) * 425.
Востоковъ 143, 154, 154, 158, 160, 160, 174, 176, 176;
* 139 (ter), 143, 144, 147, 154 (ter), 157, 158, 162, 163, 174, 176, 176, 177.
Wundt (Вундтъ) 58, 93, 373, 395, 430 (ter), 442, 442;
* 46, 46, 58, 58, 59, 68, 68, 287, 389, 389, 430, 442 (ter).
Xenophon (Ксенофонтъ) 114.
Zeller (Целлеръ) 137.
Ziehen * 389.
Zimmerman Rob. 59.
Челпановъ Г. 235, 270; * 275.
Черберн (См. Cherbery) 59.
Чичеринъ Б. Н. 403, 404, 407, 410;
Чолбе (См. Czolbe) * 322.
Шимковъ А. П. 385.
Щербина А. М. 288, 288; * 287.
Ѳалесъ (Thales) * 426.
Ѳеофрастъ (Theophrastus) 93, 137.

Библіотека
XX. 559
Филологическихъ Семинарій

ОПЕЧАТКИ.

Стран.	*Строка.*	*Напечатано:*	*Слѣдуетъ читать:*
67	8 св.	собщеніе	сообщеніе
77	5 св.	отвосительно	относительно
79	13 св.	предѣлыо бъективной	предѣлы объективной
106	20 сн.	ими	имъ
109	12 св.	носителемъ	представителемъ
130	12 и 13 сн.	сом-нительнаго	со-мнительнаго
132	8 св.	субстанціи	субстанцій
136	18 св.	опосредствованно обозначаютъ	первоначально обозначали
136	18 св.	т. е.	и
138	2 сн.	принципа	принца
139	2 сн.	u	und
169	6 св.	въ	съ
169	19 св.	при	при-
175	7 св.	что и въ скрытомъ видѣ	что въ скрытомъ видѣ и
177	11 св.	рѣчи	рѣчи.
178	14 св.	мурчаніе	журчаніе
179	1 св.	именнемъ	именемъ
186	2 св.	равно	равно и
194	16 сн.	поражательныя	подражательныя
200	14 св.	сектуальное	сексуальное
256	13 св.	пустулаты	постулаты
283	3 сн.	фруктовицу,	фруктовницу,